НАРОДНЫЯ ПѢСНИ
ГАЛИЦКОЙ И УГОРСКОЙ РУСИ,

СОБРАННЫЯ

Я. Ѳ. ГОЛОВАЦКИМЪ.

ЧАСТЬ III.

РАЗНОЧТЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Обрядныя пѣсни.

ИЗДАНІЕ
Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ).
на Страстномъ бульварѣ.
1878.

ЧТЕНІЯ

въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ
при Московскомъ Университетѣ.

Русскій парень Стрыйскаго у. села Петранки и горецъ Станиславск. уѣзда села Пасѣчной въ восточной Галичинѣ.

ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

а. ПРИ ОБЩЕСТВЕННЫХЪ ПРАЗДНИКАХЪ И УВЕСЕЛЕНIЯХЪ.

А. КОЛЯДЫ И ЩЕДРОВКИ.

а) Колядки и щедровки, собранная въ разныхъ краяхъ Галичины.

1. Запѣвы колядокъ.

Подходя подъ окна хижины или дома проводникъ колядныхъ пѣвцовъ, называемый въ Стрыйскомъ и Станиславовскомъ округѣ вайда, или береза, въ Коломыйскомъ ватагъ, приговариваетъ, припѣвая:

1.

От̑ъ сему дому, отъ веселому,
Ци повелите колядовати,
Колядовати, до̂мъ звеселити,
До̂мъ звеселити, дѣти збудити?
Кому хорошо въ дому.

2.

Ой, по́магай Бо̂гъ, панъ господарю!
До тебе!
Во̂тъ тебе кличе на порадочку
До собе!
Идутъ до тебе любыи гостѝ,
Любыи гостѝ, все колядничкы,

Все колядничкы, все молодчикы.
Вечêръ добрый, панъ господарю!
Чи є ты дома?
Чи нема? Дай ся чути!
Чи позволите колядовати,
Колядовати, дôмъ звеселити?

Хозяинъ отзываетя: «Колядуйте! Просимо!»

Въ Саноцкомъ же Округѣ, у Лемковъ, такъ начинають.

3.

Эй, пôдеме мы по колядонцѣ,
Пôдеме,
По мѣсяченьку, на всю пôченьку.
Эй, дома 'сь пане, господарь милый!
Бôгъ въ тебе!
Отворь окôнко, покажь личенько,
До себе!
Мы тя любиме, не обходиме,
Бôгъ въ тебе!
Покажь личенько, наше серденько,
До себе!

Хозяинъ (газда) выглядывая въ окошко, говоритъ изъ комнаты: «Весельтеся, весельте!»

Послѣ того вайда становится въ срединѣ предъ передними окнами, за нимъ всѣ колядники полукругомъ и, обнимаясь руками, поютъ, слегка покачиваясь по сторонамъ, прежде хозяину дома, потомъ хозяйкѣ, дѣтямъ (если есть), т. е., парнямъ и мальчикамъ, наконецъ дѣвушкамъ, взрослымъ и малымъ, даже груднымъ младенцамъ, называя всякое лицо по имени, съ припѣвомъ къ каждому стиху.

I. Колядки хозяевамъ.

1.

Ой изышлися три товарищѝ,
Славенъ еси! славенъ еси,
Нашъ милый Боже на небеси! *
Єдинъ товаришь бѣлъ мѣсяченько,
Другій товарищь ясне соненько,
Третій товаришь та дробенъ дождикъ.
Мѣсяць же каже: «Нема надъ мене:
Якъ же я зôйду ввечерь пôдъ повнѝ,
Освѣчу жь бо я горы й долины,
Горы й долины, поля, дубровы,
Поля, дубровы, гостêмъ дороги.»
А сонце каже: «Нема надъ мене:
Якъ же я зôйду въ недѣлю рано,
Обôгрѣю жь я горы й долины,
Горы й долины, поля, дубровы,
Поля, дубровы, церкви, костёлы.»
А дождикъ каже: «Нема надъ мене:
Якъ же я пôду три разы въ Маю,
Розвеселю жь я горы й долины,
Горы й долины, поля, дубровы,
Жита, пшеницѝ, всякѝ пашницѝ.»

(Запис. въ Болшовѣ, возлѣ Галича, отъ Маріи Стрѣльбицкой.)

2.

Ой у нашего господарентя,
Бôгъ ему давъ!
Не завудуйте, милые братья,
Бôгъ ему давъ!
Господарентя, на имя Ивана,
Подвôрêнко му красно вметено,
На тôмъ подвôрêнькю свѣтлонька стоитъ,

---

* Припѣвъ повторяется за каждымъ стихомъ.

А въ тôй свѣтлонцѣ тисовы столы,
А по тыхъ столахъ тонкй убрусы,
А на тыхъ убрусахъ все колачеве,
Все колачеве, житны, пшеничны,
Коло колачêвъ жовтыи чашй,
Жовтыи чашй съ зеленымъ виномъ,
Съ зеленымъ виномъ, съ солодкимъ медомъ,
Съ солодкимъ медомъ, съ вареньмъ пивомъ;
За столомъ сидятъ три товаришй:
Першій товаришь ясенъ мѣсячикъ,
Другій товаришь свѣтлое сонце,
Третій товаришь самъ Бôгъ небесный.
Передъ ними стоить господаречко,
Господарентя, на имя Иванко;
Ой стоитъ, стоитъ, шапочку держитъ,
Шапочку держитъ, низко ся кланя'тъ:
«Ой я васъ прошу, три товаришй,
Ой я васъ прошу, на що ми Бôгъ давъ,
Ой я васъ прошу, ѣжьте, та пійте!»
Выхвалюеся першій товаришь,
Першій товаришь, ясный мѣсячикъ:
«Якъ же я зôйду зъ вечера пôздно,
Ой я освѣчу горы, долины,
Горы, долины, господарентя.»
Выхвалюеся другій товаришь,
Другій товаришь, свѣтлое сонце:
«Якъ же я зôйду въ недѣлю рано,
Я обôгрѣю горы, долины,
Горы, долины, темны лѣсове,
Темны лѣсове, чистое поле,
Чистое поле господарентя.»
Третій товаришь, самъ Бôгъ небесный:
«Якъ же я спущу дрôбного дождю,
Зрадуе ми ся весь мірный свѣтокъ,
Весь мірный свѣтокъ, жито, пшениця,
Жито, пшениця, всяка сѣвбиця,
Всяка сѣвбиця господарентя.»

(Запис. въ Синеводску Вышнемъ Стрыйск. Окр. отъ Гриня Турчина.)

3.

А Святый Боже, на вечереньку,
На Святый вечёрь!
Ходитъ самъ господарь по свѣтлойцѣ,
Ставитъ столики у три рядойки,
Кладе убрусы всѣмъ шовковыи,
Кладе тарѣлцѣ всѣмъ срѣберныи,
Кладе ножики всѣмъ сталеныи,
Проситъ Боженька на вечерейку.
Посадивъ Бога посередь стола,
Святу Пречисту при другôмъ столѣ,
Усѣ Святыи та коло неѣ;
Пріймае Бога зеленымъ виномъ,
Святу Пречисту солодкимъ медомъ,
Усѣ Святыи шумновъ горѣвковъ,
Свою челядку чистовъ водою,
И самъ пье воду съ своевъ женою;
Свѣтитъ имъ сонце во едно вôконце,
А ясенъ мѣсяць въ друге вôконце,
Ясныи зоре свѣтятъ до вкола.

(Запис. въ Любичѣ Жолков. Окр. отъ Андрея Навроцкаго.)

4.

Ци дома, дома, панъ господарю?
Щедрый, добрый, святый вечёрь!
Ой нема дома, а въ темнôмъ лѣсѣ,
Що жь вôнъ тамъ робитъ? — Камень лупае,
Камêнь лупае, церковь муруе,
Церковь муруе, съ трёма верхами,
Съ трёма верхами, съ трёма олтарами:
Въ еднôмъ вершочку дзвоночки дзвонятъ,
Въ другôмъ вершочку служба Божа ся правитъ,
Въ третêмъ вершочку свѣтлонько горитъ;
Дзвононьки дзвонятъ за господаря,

Служба Божа ся правитъ за господиню,
Свѣтлонько горитъ за всю челядку.

(Запис. въ Зарваницѣ Тарнопольск. Окр. отъ Луця Микитина.)

5.

У нашого пана господарейка,
Богъ ему давъ!
Не заздростѣте, панове братья,
Дастъ и вамъ!
Стоитъ соснойка середъ рынойки,
Въ коренѣ сосны перепелойки,
А въ пнѣ сосновôмъ яры пчелойки,
Вô вершейку сосны чорны кунойки:
Перепелойки пану на обѣдъ,
Яры пчелойки пану на медокъ,
Чорны кунойки панêй на шубу.

(Записана въ Калницѣ Саноцкаго Округа.)

6.

А въ нашого пана три соколойки:
Соколе! Не лѣтай рано, ранейко, на поле!
Єдинъ полетѣвъ въ чистейке поле,
Другій полетѣвъ въ быстры потоки,
Третій полетѣвъ въ темны лѣсойки.
Тотъ, што полетѣвъ въ чистое поле,
Принêсъ на обѣдъ перепелойку;
Тотъ, што полетѣвъ въ быстры потоки,
Принêсъ рыбойку та на снѣданя;
Тотъ, што полетѣвъ въ темны лѣсойки,
Принêсъ вôнъ пану чорну кунойку,
Зъ чорной кунойки панêй шубойка.

(Записана тамъ же, въ Калницѣ.)

7.

Ци дома, дома, господареньку,
  Славенъ еси, нашь милый Боже, на небеси!
Господареньку, чомъ Иваноньку?
Служеньки кажутъ: «Ой е жь вôнъ дома,
Сидитъ же собѣ по конець стола,
Предъ нимъ колачй зъ ярой пщеницй,
Ой два, три кубочки съ дорогимъ напоёмъ:
Въ еднôмъ кубочку зелене вино,
Въ другôмъ кубочку солодкій медокъ,
Въ третêмъ кубочку ороне пиво:
Зелене вино для господаря,
Солодкій медокъ для господиней,
Ороне пиво для челядоньки.

(Запис. въ Глубокомъ, Станислав. Окр. отъ Павла Остапкова.)

8.

Въ сего нашего панъ господаря,
  Ой раненько!
Панъ господаря, на имя Ивана,
На дворѣ ему нова свѣтлонька,
Нова свѣтлонька зъ мраморъ каменя,
А въ тôй свѣтлонцѣ а все столове,
А все столове, все тисовыи,
Все тисовыи позастиланы,
Ой убрусами все шовковыми,
Все шовковыми, китаевыми,
По за столове сидятъ панове:
Ой межи ними найстаршій панокъ,
Найстаршій панокъ господаречко,
Попередъ нёго дѣточки ёго,
Слухаютъ рады своего пана,
Своего пана, свого батенька:
«Вы, перший дѣти, стадо лйчите,

Вы, другû дѣти, вôвцû лѝчûте!»
Першіи кажутъ, що стадо въ цѣли,
Другіи кажутъ, що ввечки въ цѣли,
Третіи кажутъ, що шаты въ цѣли,
А тото стадо а срêблороге,
А срêблороге, золотогриве,
Золотогриве, срêблокопыте,
А ти овечки а срêблорогû,
А срêблорогû, золотововнû,
А тото шаты, а все блаваты,
А тото шаты, чемъ не блаваты?

(Запис. въ Хутьковѣ Станиславск. Окр. отъ Дмитра Поповича.)

9.

Ци дома, дома, господареньку?
Ой дай, Боже!
Господареньку, чомъ Иваноньку?
Кажутъ служеньки, що е вôнъ дома:
Сберемся, братья, ходѣмъ до него,
Ходѣмъ до него на порадочку,
Ой дасть о вôнъ намъ мису золота,
Мису золота, а другу срêбла:
Покуемъ собѣ золоты човна,
Золоты човна, срêбны веселцû.
Ударили жь човна по пôдъ парканы,
Що ся парканы ба й поздригали,
Що имъ вершечки ба й поспадали.

(Запис. въ Ясенѣ Стрыйск. Окр. отъ Петра Плѝша.)

10.

Ой дома, дома, пане господарю?
Славенъ еси, и похваленъ есь,
Нашь, милый Боже, на небеси!
Ой есть вôнъ дома, въ новôй стодолцѣ.
Що жь вôнъ тамъ дѣе? — Пшеницю вѣе;

Ходѣмо мы му заколядуймо,
Чей же вôнъ намъ дасть хочь вôдъ вѣёчки,
Хочь вôдъ вѣёчки на пôдсѣвочки.

Ци дома, дома господинечка? —
Єсть вона дома, въ новôй свѣтлонцѣ;
Що жь вона робитъ?—Колачи пече;
Ходѣмо мы ей заколядуймо.
Чей вона намъ дасть по колачеви,
По колачеви и по книшеви.

Ци дома, дома, его сынонько? —
Ой есть вôнъ дома, въ новôй стаенцѣ.
Що жь вôнъ тамъ робитъ? — Коники чеше;
Ходѣмо мы му заколядуймо,
Чей же вôнъ намъ дасть хочь по конику.

Ци дома, дома, доненька его?
Єсть вона дома, въ новôмъ теремѣ;
Що жь вона робитъ? — Щитёнко шіе;
Ходѣмо мы ей заколядуймо,
Чей вона намъ дасть хочь по хусточцѣ.

(Въ Зарваницѣ Тарноп. Окр. отъ Луця Микитина.)

11.

Ой хто жь намъ такій, якъ нашъ паночокъ,
Ой раненько!
Якъ нашъ паночокъ господаренько,
Господаренько, на имя Иванко!
Вôнъ раненько вставъ, самъ себе убравъ:
Дорогй шаты чомъ на плеченька,
Дорогй шубы на лядвиченька,
А червенъ чобôтъ та й на ноженька,
Дорогу шаблю та й до боченька.
Ой якъ ся убравъ, а все зъ нôгъ збуджавъ.
А все зъ нôгъ збуджавъ, грôмко закричавъ:
«Ой, мои слуги все вѣрненькіи,

А встаньте бо вы, а вберѣтеся,
А впередъ Богу помолѣтеся!
Мои служеньки все вѣрненькіи,
Подивѣтеся до оборочки:
Ой що жь бо нашй волики дѣютъ,
Мои дѣвочки, гречнй панночки?
Подивѣть вы ся та до свѣтлочки,
Накрыйте столы все тисовыи.»

(Въ Хутьковѣ Станисл. Окр. отъ Дмитра Поповича.)

12.

Ой въ чистôмъ полѣ та на Дунаю,
Ой дай, Боже!
Та на Дунаю, на береженьку,
Стоитъ ми наметъ бѣлый, шовковый,
А въ тôмъ наметѣ золотый столикъ,
На тôмъ столику гордый панъ сидитъ,
Гордый панъ сидитъ, на имя Иванко;
Ой сидитъ, сидитъ, лйчбоньку лйчитъ,
Лйчбоньку лйчитъ незлйчоную;
Попередъ него служеньки его,
Держатъ шапочки по за вершечки:
«Ой, нашъ паночку, господаречку,
Ой поплати жъ намъ за заслужечку:
Ой дай же ты намъ гроши, нелйчйны,
Грошй нелйчены, конй неѣзджены,
Конй неѣзджены, поля немѣрены!
Ой, мы жь бо грошй перелйчимо,
Ворони конй попроѣздимо,
Широки поля перемѣримо,
Ой засѣемо золотыми стрѣлкы,
Заволочимо тугими лукы,
Тугими лукы, вороными кôньми:
Все жь тото буде, панъ господарю,
Панъ господарю та на охвалу.»

(Въ Хмелевкѣ Станисл. Окр. отъ Василя Смеречина.)

13.

Ци дома, дома, господаренько,
Ой дай, Боже!
Господаренько, на имя Иванко?
Служеньки кажутъ. що нема дома,
А мы знаемо, що е вôнъ дома:
Ой сидитъ собѣ по конецъ стола,
Передъ нимъ колачи зъ ярои пшеницû,
Помежи колачи восковы свѣчи,
Помежи свѣчи золоты кубки.
Що жь ми въ тыхъ кубкахъ? — Зелене вино:
Зелене вино службы служило
За господаря, та й за газдиню,
За всю челядку, за всю громадку.

(Въ Ляховцахъ отъ Михайла Бесагія.)

14.

(Щедровка.)

А ластôвойка прилѣтае,
Щедрый, добрый, вечеръ!
Сподарейка пробуджае:
«Ой устань, устань, сподарейку!
Побуди свою челядойку,
Пошли ихъ по оборойкахъ,
Чи ся коровы потелили?
Пошли ихъ по стаенкахъ,
Чи ся вôвци покотили?
А такъ пôди по пасѣчейкахъ,
Чи ся пчолы пороили?

(Въ Любчѣ отъ Андрея Навроцкаго.)

15.

(Щедровка.)

Ци е ты дома, панъ господарю?
Щедрый, добрый, вечеръ!
Ой нема въ дому, въ сосновôмъ бору,
Соснойку втворитъ, Богу ся помолитъ:
«Дай же ми, Боже, три користойки:
Першу користойку—яру пчолойку,
Другу користойку - жовтый вощочокъ,
Третю користойку—солодокъ медокъ;
Яру пчолойку на роботойку,
Жовтый вощочокъ на Божу хвалу,
Солодокъ медокъ на поживлёнейко.

(Въ Вишнѣ отъ Павла Свѣрчевскаго.)

16.

Ой нашь паночку господаречку,
Въ сёмъ двору все Ангелоньки глаголятъ:
Господаречку, на имя Иване,
Ой подивися на кватырочку,
Господь ти ходитъ по подвôрочку,
Шаруе коровки на три желка,
А ялôвничокъ все окромѣшне;
А на рôкъ Богъ дасть та й ёще бôльше.

Ой нашь паночку, господаречку,
Господаречку, на имя Иване,
Ой подивися на кватырочку,
Господь ти ходитъ по подворочку:
Шаруе волоньки на три плужоньки,
А чабанисты ба й на чотыре,
Бычки третячки все окромѣшне,
А на рôкъ Богъ дасть та й ёще бôльше.

Ой нашь паночку, господаречку,
Господаречку, на имя Иване,

Господь ти ходитъ чомъ по стаенкахъ,
Цугуе коники на три цугоньки,
А вороны да й на чотыре,
Ой а стрижечки все окромѣшне,
А на рôкъ Богъ дасть та й ёще бôльше.

Ой нашь паночку, господаречку,
Ой подивися на кватырочку,
Господь ти ходитъ по кошароньках,
Шаруе овечки на три струночки,
А яловничокъ чомъ на чотыре,
Ой а стрижечки все окромѣшне,
А на рôкъ Богъ дасть та й ёще бôльше.

Ой нашь паночку, господаречку,
Господаречку, на имя Иване,
Господь ти ходитъ по пасѣченькахъ
Кладе пчолоньки на три лавоньки,
А первêнчики чомъ на чотыре,
А неройнички все окромѣшне,
А на рôкъ Богъ дасть та й ёще бôльше.

Ой нашь паночку, господаречку,
Господаречку, на имя Иване,
Ой подивися на кватырочку,
Господь ти ходитъ по комороньках,
Мѣряе гроший получвертками,
Котры червоны полумисками,
Бѣлыми грôшьми все окромѣшне,
А на рôкъ Богъ дасть та й ёще бôльше.

Ой нашь паночку, господаречку,
Господаречку, на имя Иване,
Господь ти ходитъ а по избонькахъ,
Шаруе суконьки на три шнуроньки,
Котры блаваты чомъ на чотыре,
А китаевы все окромѣшне,
А на рôкъ Богъ дасть та й ёще бôльше.
Ой нашь паночку, господаречку,
Господаречку, на имя Иване,

Ой подивися на кватырочку,
Господь ти ходитъ по загуменю,
Шаруе стыртоньки на три шнуроньки,
Яру пшеницю все окромѣшне,
А на рôкъ Богъ дасть та й ёще бôльше.

(Въ Тишевницѣ отъ Пилипа Саблаташа.)

17.

Ци спишь, ци чуешь, господареньку,
    А встань же! а встань же дъ горѣ,
    Люба ти радôсть на дворѣ!
Господареньку, на имя Иване,
Пôдведи свою чомъ головоньку,
Побуди свою чомъ челядоньку,
Най си походитъ по свѣтонькови,
Якъ яры пчѐлки по цвѣтонькови,
Кличе тя Господь на порадоньку,
На оборонцѣ любая радôсть,
Любая радôсть, Божая милôсть:
Коровы ти ся та положили,
Все по быкови, по чабанови;
Кобыли ти ся пожеребили,
А все коники бѣлокопытй;
Овечки ти ся та покотили,
Все баранчики круторôжкіи;
Рои ся тобѣ та пороили,
Та пороили, попароили.

(Въ Тишевницѣ отъ Пилипа Саблаташа.)

18.

На вмѣтенѐнку красно вметено,
    Дай ёму! Дай ёму, Боже, счастье, здоровье а въ дому!
Красно вметено передъ свѣтлоньковъ,

А въ тôй свѣтлонцѣ стоятъ столове,
На тыхъ столовехъ стоятъ убрусы,
Стоятъ убрусы все ильчистыи,
По тыхъ убрусахъ стоятъ повноньки,
Стоятъ повноньки щирозлотныи,
Щирозлотныи, зъ виномъ повныи,
За столомъ сидитъ господаренько,
Господаренько чомъ Иваночко,
Передъ нимъ стоятъ его служеньки,
Ой стоятъ, стоятъ, шапочки держатъ,
Шапочки держатъ, низко ся клонятъ:
«Ой нашь паноньку, господареньку,
Ой якъ мы тобѣ вѣрно служиме.»—
—«Вѣрно служите, я добре плачу.
Мои служеньки барзо вѣрныи,
Берѣть ключи, а все дрôбныи,
А гонѣть волы, а все зъ оборы;
Ой поѣдете въ чистое поле,
Въ чистое поле, за Чорне море,
Будемъ сѣяти жито, пшеницю,
Жито, пшеницю, всяку сѣвбицю.
Уродитъ намъ ся якъ тихій Дунай,
Богу на хвалу, людёмъ на дору.
Будемъ сбирати красныи женцѣ,
Красныи женцѣ, дѣвки, молодцѣ,
А съ серпочками, якъ съ мѣсячками;
Сберемо возы, якъ чорна хмара,
Та повеземо а въ чисте поле,
Та искладемо широкій стожôкъ.»—
«На стôжку сидитъ господаренько,
Господаренько, чомъ Иваночко,
Ой сидитъ, сидитъ, въ море ся дивитъ,
Въ море ся дивитъ, зъ рыбковъ говоритъ:
«Ой будешь, рыбко, пану на обѣдъ,
Пану на обѣдъ, рано на уклôнъ.

(Въ с. Тишевницѣ отъ Илина Саблаташа.)

19.

На оной горѣ, оной высокой,
Собота, Собота, гора высока!
Тамъ же ми оре золотый плужокъ,
Тамъ же ми оре самъ милый Господь,
А Святый Петро ему поганя'тъ,
Божая Мати насѣння носитъ,
Насѣння носитъ все троякое:
Єдно насѣння пахнячій ладанъ,
Друге насѣння зелене вино.
Пахнячій ладанъ до кадилницѣ,
Яра пшеничка на проскуроньки,
Зелене вино на потѣшенья,
На потѣшенья, душь очищенья.

(Въ Калницѣ Саноцкаго округа.)

20.

По загуменью плуженько оре,
Та въ єго, 2 дому а все Ангелы глаголятъ!
За плужкомъ ходитъ самъ Бôгъ небесный,
А Святый Павло волоньки гонитъ,
А Святый Петро волоньки водитъ;
А выйшла жь и дъ нимъ Божая Мати:
«Орѣть, сыночки, зъ дрôбна нивочки!
Будемъ сѣяти жито, пшеницю,
Жито, пшеницю, всяку сѣвбицю,
Уродится намъ якъ тихій Дунай;
Будемъ сбирати красныи женцѣ,
Красныи женцѣ, дѣвки, молодцѣ,
А все серпочки, якъ мѣсяченьки;
Будемъ складати на три стырсоньки;
Єдна стырсонька для насѣнѣнька,
Друга стырсонька для челядоньки,
Третья стырсонька Богу на хвалу,
Богу на хвалу, людемъ на дору.»

(Въ Тшевницѣ отъ Илліна Сабанташа.)

21.

Чій же то плужокъ найраньше выйшовъ?
Бринѣли! бринѣли, волойки, а всѣ чотыре въ золотѣ!
Ивановъ плужокъ найраньше выйшовъ.
А Святый Спасъ волойки напасъ,
Святый Михаилъ волы напоивъ,
Святый Петро волы погонивъ,
Пророки яли, волы запрягали,
Святый Микита, занôсъ затыка.
Самъ Господь Богъ за плужкомъ ходитъ,
Пресвята Дѣва ѣстоньки носитъ:
«Орѣте, сынки, довгои нивки,
Будемъ сѣяти жито, пшеницю,
Буде житенько, якъ очеретець,
Буде пшениця, якъ тростениця,
А будутъ женцѣ самы панянки,
Будутъ вязальники самы молодчики.
Будутъ снопоньки, якъ дробенъ дождикъ,
Будутъ копоньки, яко звѣздоньки,
Будутъ стоженьки, якъ мѣсяченьки,
Будутъ молотнички все паробочки.
А що снопочокъ хлѣба бохоночокъ,
Що колосочокъ, то пирожочокъ,
Що зерночочко, то проскурочка.
Все жь тото буде для господаря.»

(Въ Ожидовѣ Золочев. Окр. отъ Онуська Данилишиного.)

22.

Ци дома, дома, господаронтю?
Ой дома! Не повѣдаутъ, ой дома!
Що овôнъ дѣе?—Служитъ служебку,
Служитъ служебку та у престола;
Ходѣмь же ёму заколядуйме,
Чей же й намъ вôнъ дасть по колядочцѣ,
Чей намъ отправитъ хоть по службочцѣ.

Ци дома, дома, господпнова?
Що жь она дѣе?—Колачй пече,
Ходѣмъ же мы ей заколядуйме,
Чей же намъ вна дасть по колядочцѣ.
По колядочцѣ, по колачеви.

Ци дома, дома, сыноньтй ёго?
Що жь они дѣютъ? — Листье читаутъ,
Ходѣмъ же мы имъ заколядуйме,
Чей же намъ дадутъ по колядочцѣ,
По колядочцѣ, по червоному.

Ци дома, дома, доченки ёго?
Що жь оны дѣютъ? Хустоньки шіутъ.
Ходѣмъ же мы имъ заколядуйме,
Чей намъ дадутъ по колядочцѣ,
По колядцѣ хоть по хусточцѣ.

(Въ Синеводскѣ Стрыйск. Окр. отъ Гриня Турчина.)

23.

Ой шумитъ, шумитъ, гей, дубровонька,
Ой дай, Боже!
Зойшла жь ся и дъ нѣй вся громадонька:
Чого жь ты шумишь, гей, дубровонька?
Ой тожь я знаю, чого я шумю,
Бо въ мене е чудное звѣрють,
Чудное звѣрють, сиве оленють,
Въ того оленя сѣмьдесять рогôвъ,
Ой ходитъ за нимъ можный панонько,
Можный панонько, чомъ Иванонько,
Оно жь му каже: «Ты за мновъ не йди,
Не труди собѣ рожну лаенку!
Не смугай собѣ ясну вброеньку,
Ой зойду жь бо я а въ шуги-луги,
А въ шуги-луги, на быстры воды;
Тамъ ты мене йкешь, тамъ ты мене вбьешь,

Здоймешь изъ мене сиву шубоньку,
Сиву шубоньку, та и роженьки,
Та и роженьки и пароженьки,
Прибьешь роженьки въ новой свѣтлонцѣ,
А пароженьки а въ пекаронцѣ.
Ой на роженьки будешь вѣшати,
Будешь вѣшати, дороги шаты,
На пароженьки ясны зброеньки,
Сива шубонька пану на хвалу.»

(Въ Ясенѣ Стрыйск. Окр. отъ Петра Плиша.)

24.

Ой нашь панонько господаренько,
Дай ему, 2, Боже, добре здоровье а въ дому!
Господаренько чомъ Иванонько,
Ой все жь вôнъ собѣ згорда почина'ть:
Ой ходитъ собѣ по ярмаркови,
Ой ходитъ, ходитъ волыки бракуе,
Которы лѣпшій, все собѣ бере,
Которы плôхшій, служенькамъ дае.

Ой нашь панонько господаренько,
Господаренько и проч.
Ой ходитъ, ходитъ, кони бракуе,
Которы лѣпшій, все собѣ бере,
Которы плôхшій служенькамъ дае.

Ой нашь панонько, господаренько,
Господаренько и проч.
Ой ходитъ, ходитъ, коровки бракуе,
Которы лѣпшій, все собѣ бере,
Которы плôхшій, служенькамъ дае.

Ой нашь панонько, господаренько,
Господаренько, чомъ Иванонько,
Ой все жь вôнъ собѣ згорда почина'тъ:
Ой ходитъ собѣ по ярмаркови,

Ой ходитъ, ходитъ, овечки бракуе,
Которы лѣпшій, все собѣ бере,
Которы плôхшій, служенькамъ дае.

(Въ Ясенѣ Стрыйск. Окр. отъ Петра Плиша.)

25.

Въ пана Ивана на его дворѣ,
Радуйся земле! Веселися, нашъ Боже, надъ нами!
Стояло древо тонке, высоке,
Тонке, высоке, листомъ широке;
Изъ того древа церковь рублена,
А въ тôй церковцѣ два, три, престолы:
Въ першôмъ престолѣ Святое Рôздво,
Въ другôмъ престолѣ Святый Василій,
Въ третêмъ престолѣ Иванъ Креститель.
Святое Рôздво намъ радôсть принесло,
Святый Василій Новый Гôдъ принêсъ,
Иванъ Креститель воду перехрестивъ.

(Въ Тышевницѣ отъ Пилипа Саблаташа')

26.

Ой изъ за горы зъ за небесной,
Радуйся! Радуйся, земле!
Сынъ намъ ся Божій народивъ!
Самъ Святый Юрій коникомъ игравъ,
Коникомъ игравъ, шабельковъ звивавъ,
Шабельковъ звивавъ, бѣлъ камêнь лупавъ,
Бѣлъ камень лупавъ, церковь муровавъ,
А въ той церковцѣ трои дверечка,
Трои дверечка, трои верпечка:
Єдни дверечка ой изъ сходъ сонця,
Другй древечка зъ пôдъ полуднêчка,
Третй дверечка изъ заходъ сонця.

На едни входитъ самъ Богъ небесный,
На другій входитъ самъ Святый Павло,
На третій входитъ Божая Мати,
Божая Мати проскурниченька.
Самъ Богъ небесный службоньку служитъ,
А Святый Павло въ звононьки звонитъ,
Божая Мати проскуры пече,
Господареви за здоровленько.

(Въ Тишевницѣ отъ Пилипа Саблаташа.)

27.

Ой въ чистôмъ полѣ близко дороги,
Ой дай, Боже!
Стоитъ ми, стоитъ, церковця нова,
Церковця нова, побудована,
Побудована съ трёма вершечки,
Съ трёма вершечки, съ двома оконцы;
На тыхъ вершечкахъ три голубоньки;
По пôдъ церковцю лежитъ стежечка;
Надôшли жь нею два мысливчики,
Та й высмотрѣли три голубчики,
Та й взяли они, гей, помѣряти,
А голубчики тъ нимъ промовляютъ:
«Мѣряй, помѣряй, а въ насъ не стрѣляй!
Ой бо жь мы не е три голубоньки,
Але жь бо мы е три Ангелоньки,
Три Ангелоньки зъ небесъ зосланы.
Чому жь такъ не е, якъ було давно,
Якъ було давно, а въ прeждевѣку:
А въ преждевѣку, зъ перводѣянья?
Святамъ Николамъ пива не варятъ,
Святамъ Рождествамъ службы не служатъ,
Святамъ Водорщамъ свѣчи не сучатъ;
Бо уже давно, якъ правды нема,
Уже ся Царѣ повоёвали,
Бо Царь на Царя войско сбирає,

А братъ на брата мечемъ рубае,
Сестра сестрици чары готуе,
Ой бо сынъ вôтця до права тягне,
Донька на матêрь гнѣвъ пôднимае,
Ой бо кумъ кума зводитъ зъ розума,
Сусѣдъ сусѣда збавляе хлѣба.»

(Въ Глубокомъ отъ Павла Остапкова.)

28.

На опой горѣ, оной высокôй,
 Въ раю! Въ раю Ангелы граютъ!
Тамъ же ми стоятъ два явороньки,
На яворонькахъ суть ретѣжоньки,
На ретѣжонькахъ колысанонька,
Въ колысанонцѣ Божее дитя.
Колысала го Божая Мати;
Уколысала, твердо уснула:
Прилетѣли къ нѣй вôрлове птаси,
Взяли дѣтятко ажь на небеся.
Бôжая Мати пробудилася,
Пробудилася, зажурилася,
Пришли до неи та два Ангелы:
«Божая Мати, та не журися,
Та не журися, барзъ потѣшайся,
Твое дѣтятко южь на небесахъ,
Южь наша душка у Бога служка.»

(Въ Калницѣ Саноцкаго Округа.)

29.

Ой сивый орле, высоко лѣта'шь;
 Ой дай, Боже!
Высоко лѣта'шь, далеко вида'шь,
Ци видѣвъ ты, орле, корабель на морѣ?
—Ой я тамъ видавъ, я самъ тамъ бувавъ;

А въ тôмъ кôраблѣ усе столове,
По за столове сидятъ панове,
А межи ними найстаршій панокъ,
Найстаршій панокъ, чомъ Иваноньво.
Попередъ него служеньки его,
Шапочки носятъ, въ него ся просятъ:
«Пусти жь насъ, пане, въ Польщу на вôйну,
Въ Польщу на вôйну пôдъ Королêвну.—
«Я васъ не пущу, самъ зъ вами пôду.»—
Все самъ на передъ коникомъ грае,
Та на Львôвъ городъ все навертае,
Ой якъ навернувъ, ажь Львовъ ся здрôгнувъ,
А Львôвъ ся здрôгнувъ, весь міръ ся зжахнувъ.
Взяли гадати, що за даръ дати;
Выводятъ ему воронъ коника,
А вôнъ на тое а ни сгледае,
А ни сгледае, а ни дякуе:
«Вы, мое вôйско, ступайте рѣзко!»
Выносятъ ему полумисъ злота.
А вôнъ на тое а ни сгледае,
А ни сгледае, а ни дякуе.
«Вы, мое вôйско, ступайте рѣзко!»
Выводятъ ему кречную панну,
А вôнъ на тое барзо сгледае,
Барзо сгледае, шапку знимае.
«Вы мое, вôйско, цофнѣтся рѣзко!»

(Въ Ляховцахъ отъ Михайла Бесагія.)

30.

Та въ славнôмъ мѣстѣ а въ Вифлеемѣ,
Радуйся! Зрадовалися усѣ Святыи!
Пресвята Дѣва сына породила,
Сына породила, въ пелены повила,
Въ пелены повила, въ ясла положила,
Въ ясла положила, сѣномъ прикрыла,
Сѣномъ прикрыла, найменовала.

19.

На оной горѣ, оной высокой,
Собота, Собота, гора высока!
Тамъ же ми оре золотый плужокъ,
Тамъ же ми оре самъ милый Господь,
А Святый Петро ему поганя'тъ,
Божая Мати насѣня носитъ,
Насѣня носитъ все троякое:
Єдно насѣня пахнячій ладанъ,
Друге насѣня зелене вино.
Пахнячій ладанъ до кадилницѣ,
Яра пшеничка на проскуроньки,
Зелене вино на потѣшенья,
На потѣшенья, душь очищенья.

(Въ Калницѣ Саноцкаго округа.)

20.

По загуменю плуженько оре,
Та въ ёго, 2 дому а все Ангелы глаголятъ!
За плужкомъ ходитъ самъ Бôгъ небесный,
А Святый Павло волоньки гонитъ,
А Святый Петро волоньки водитъ;
А выйшла жь и дъ нимъ Божая Мати:
«Орѣть, сыночки, зъ дрôбна нивочки!
Будемъ сѣяти жито, пшеницю,
Жито, пшеницю, всяку сѣвбицю,
Уродится намъ якъ тихій Дунай;
Будемъ сбирати красныи женцѣ,
Красныи женцѣ, дѣвки, молодцѣ,
А все серпочки, якъ мѣсяченьки;
Будемъ складати на три стырсоньки;
Єдна стырсонька для насѣнêнька,
Друга стырсонька для челядоньки,
Третья стырсонька Богу на хвалу,
Богу на хвалу, людемъ на дору.»

(Въ Тяшевницѣ отъ Пилипа Сабанташа.)

21.

Чій же то плужокъ найраньше выйшовъ?
Бринѣли! бринѣли, волойки, а всѣ чотыре въ золотѣ!
Ивановъ плужокъ найраньше выйшовъ.
А Святый Спасъ волойки напасъ,
Святый Михаилъ волы напоивъ,
Святый Петро волы погонивъ,
Пророки яли, волы запрягали,
Святый Микита, занόсъ затыка.
Самъ Господь Богъ за плужкомъ ходитъ,
Пресвята Дѣва ѣстоньки носитъ:
«Орѣте, сынки, довгои нивки,
Будемъ сѣяти жито, пшеницю,
Буде житенько, якъ очеретець,
Буде пшениця, якъ тростениця,
А будутъ женцѣ самы панянки,
Будутъ вязальники самы молодчики.
Будутъ снопоньки, якъ дробенъ дождикъ,
Будутъ копоньки, яко звѣздоньки,
Будутъ стоженьки, якъ мѣсяченьки,
Будутъ молотнички все паробочки.
А що снопочокъ хлѣба бохоночокъ,
Що колосочокъ, то пирожочокъ,
Що зерняточко, то проскурочка.
Все жь тото буде для господаря.»

(Въ Ожидовѣ Золочев. Окр. отъ Ониська Данилишиного.)

22.

Ци дома, дома, господаронтю?
Ой дома! Не повѣдаутъ, ой дома!
Що овόнъ дѣе?—Служитъ служебку,
Служитъ служебку та у престола;
Ходѣмь же ёму заколядуйме,
Чей же й намъ вόнъ дасть по колядочцѣ,
Чей намъ отправитъ хоть по службочцѣ.

Ци дома, дома, господинова?
Що жь она дѣе?—Колачѣ пече,
Ходѣмъ же мы ей заколядуйме,
Чей же намъ вна дасть по колядочцѣ.
По колядочцѣ, по колачеви.

Ци дома, дома, сынонькѝ ёго?
Що жь они дѣютъ? — Листье читаутъ,
Ходѣмъ же мы имъ заколядуйме,
Чей же намъ дадутъ по колядочцѣ,
По колядочцѣ, по червоному.

Ци дома, дома, доченки ёго?
Що жь оны дѣютъ? Хустоньки шіутъ.
Ходѣмъ же мы имъ заколядуйме,
Чей намъ дадутъ по колядочцѣ,
По колядцѣ хоть по хусточцѣ.

(Въ Синеводскѣ Стрыйск. Окр. отъ Греня Турчина.)

23.

Ой шумитъ, шумитъ, гей, дубровонька,
Ой дай, Боже!
Зойшла жь ся и дъ нёй вся громадонька:
Чого жь ты шумишь, гей, дубровонька?
Ой тожь я знаю, чого я шумю,
Бо въ мене е чудное звѣрють,
Чудное звѣрють, сиве оленють,
Въ того оленя сёмьдесять рогôвъ,
Ой ходитъ за нимъ можный панонько,
Можный панонько, чомъ Иванонько,
Оно жь му каже: «Ты за мновъ не йди,
Не труди собѣ рожну лаенку!
Не смугай собѣ ясну вброеньку,
Ой зойду жь бо я а въ шуги-луги,
А въ шуги-луги, на быстры воды;
Тамъ ты мене йкешь, тамъ ты мене вбьешь,

Здоймешь изъ мене сиву шубоньку,
Сиву шубоньку, та и роженьки,
Та и роженьки и пароженьки,
Прибьешь роженьки въ новой свѣтлонцѣ,
А пароженьки а въ пекаронцѣ.
Ой на роженьки будешь вѣшати,
Будешь вѣшати, дороги шаты,
На пароженьки ясны зброеньки,
Сива шубонька пану на хвалу.»

(Въ Ясенѣ Стрыйск. Окр. отъ Петра Плиша.)

24.

Ой нашь панонько господаренько,
Дай ему, 2, Боже, добре здоровье а въ дому!
Господаренько чомъ Иванонько,
Ой все жь вôнъ собѣ згорда почина'ть:
Ой ходитъ собѣ по ярмаркови,
Ой ходитъ, ходитъ волыки бракуе,
Которы лѣпшій, все собѣ бере,
Которы плôхшій, служенькамъ дае.

Ой нашь панонько господаренько,
Господаренько и проч.
Ой ходитъ, ходитъ, кони бракуе,
Которы лѣпшій, все собѣ бере,
Которы плôхшій служенькамъ дае.

Ой нашь панонько, господаренько,
Господаренько и проч.
Ой ходитъ, ходитъ, коровки бракуе,
Которы лѣпшій, все собѣ бере,
Которы плôхшій, служенькамъ дае.

Ой нашь панонько, господаренько,
Господаренько, чомъ Иванонько,
Ой все жь вôнъ собѣ згорда почина'тъ:
Ой ходитъ собѣ по ярмаркови,

Ой ходитъ, ходитъ, овечки бракуе,
Которы лѣпшій, все собѣ бере,
Которы плôхшій, служенькамъ дае.

(Въ Ясенѣ Стрыйск. Окр. отъ Петра Плиша.)

25.

Въ пана Ивана на ёго дворѣ,
Радуйся земле! Веселися, нашъ Боже, надъ нами!
Стояло древо тонке, высоке,
Тонке, высоке, листомъ широке;
Изъ того древа церковь рублена,
А въ тôй церковцѣ два, три, престолы:
Въ першôмъ престолѣ Святое Рôздво,
Въ другôмъ престолѣ Святый Василій,
Въ третêмъ престолѣ Иванъ Хреститель.
Святое Рôздво намъ радôсть принесло,
Святый Василій Новый Гôдъ принêсъ,
Иванъ Хреститель воду перехрестивъ.

(Въ Тышевницѣ отъ Пилипа Саблаташа.)

26.

Ой изъ за горы зъ за небеснои,
Радуйся! Радуйся, земле!
Сынъ намъ ся Божій народивъ!
Самъ Святый Юрій коникомъ игравъ,
Коникомъ игравъ, шабельковъ звивавъ,
Шабельковъ звивавъ, бѣлъ камêнь лупавъ,
Бѣлъ камень лупавъ, церковь муровавъ,
А въ той церковцѣ трои дверечка,
Трои дверечка, трои вершечка:
Єдни дверечка ой изъ схôдъ сонця,
Другій древечка зъ пôдъ полуднêчка,
Третій дверечка изъ захôдъ сонця.

На едни входитъ самъ Богъ небесный,
На другій входитъ самъ Святый Павло,
На третій входитъ Божая Мати,
Божая Мати проскурниченька.
Самъ Богъ небесный службоньку служитъ,
А Святый Павло въ здвононьки звонитъ,
Божая Мати проскуры пече,
Господареви за здоровленько.

(Въ Тишевницѣ отъ Пилипа Саблаташа.)

27.

Ой въ чистомъ полѣ близко дороги,
Ой дай, Боже!
Стоитъ ми, стоитъ, церковця нова,
Церковця нова, побудована,
Побудована съ трёма вершечки,
Съ трёма вершечки, съ двома оконцы;
На тыхъ вершечкахъ три голубоньки,
По подъ церковцю лежитъ стежечка;
Надошли жь нею два мысливчики,
Та й высмотрѣли три голубчики,
Та й взяли они, гей, помѣряти,
А голубчики тъ нимъ промовляютъ:
«Мѣряй, помѣряй, а въ насъ не стрѣляй!
Ой бо жь мы не е три голубоньки,
Але жь бо мы е три Ангелоньки,
Три Ангелоньки зъ небесъ зосланы.
Чому жь такъ не е, якъ було давно,
Якъ було давно, а въ преждевѣку:
А въ преждевѣку, зъ перводѣянья?
Святамъ Николамъ пива не варятъ,
Святамъ Рождествамъ службы не служатъ,
Святамъ Водорщамъ свѣчи не сучатъ;
Бо уже давно, якъ правды нема,
Уже ся Царѣ повоёвали,
Бо Царь на Царя войско сбирае,

А братъ на брата мечемъ рубае,
Сестра сестрици чары готуе,
Ой бо сынъ вôтця до права тягне,
Донька на матêрь гнѣвъ пôднимае,
Ой бо кумъ кума зводитъ зъ розума,
Сусѣдъ сусѣда збавляе хлѣба.»

(Въ Глубокомъ отъ Павла Остапкова.)

28.

На оной горѣ, оной высокôй,
Въ раю! Въ раю Ангелы граютъ!
Тамъ же ми стоятъ два явороньки,
На явороньках суть ретѣжоньки,
На ретѣжонькахъ колысанонька,
Въ колысанонцѣ Божее дитя.
Колысала го Божая Мати;
Уколысала, твердо уснула:
Прилетѣли къ нѣй вôрлове птаси,
Взяли дѣтятко ажь на небеси.
Бôжая Мати пробудилася,
Пробудилася, зажурилася,
Пришли до неи та два Ангелы:
«Божая Мати, та не журися,
Та не журися, барзъ потѣшайся,
Твое дѣтятко южь на небесахъ,
Южь наша душка у Бога служка»

(Въ Калницѣ Саноцкаго Округа.)

29.

Ой сивый орле, высоко лѣта'шь:
Ой дай, Боже!
Высоко лѣта'шь, далеко вида'шь,
Ци видѣвъ ты, орле, корабель на морѣ?
—«Ой я тамъ видавъ, я самъ тамъ бувавъ;

А въ тôмъ кôраблѣ усе столове,
По за столове сидятъ панове,
А межи ними найстаршій панокъ,
Найстаршій панокъ, чомъ Иваноньно,
Поперед̃ъ него служеньки его,
Шапочки носятъ, въ него ся просятъ:
«Пусти жь насъ, пане, въ Польщу на вôйну,
Въ Польщу на вôйну пôдъ Королêвну.—
«Я васъ не пущу, самъ зъ вами пôду.»—
Все самъ на передъ коникомъ грае,
Та на Львôвъ городъ все навертае,
Ой якъ наверну въ, ажь Львовъ ся здрôгнувъ,
А Львôвъ ся здрôгнувъ, весь міръ ся зжахнувъ.
Взяли гадати, що за даръ дати;
Выводятъ ему воронъ коника,
А вôнъ на тое а ни сгледае,
А ни сгледае, а ни дякуе:
«Вы, мое вôйско, ступайте рѣзко!»
Выносятъ ему полумисъ злота,
А вôнъ на тое а ни сгледае,
А ни сгледае, а ни дякуе.
«Вы, мое вôйско, ступайте рѣзко!»
Выводятъ ему кречную панну,
А вôнъ на тое барзо сгледае,
Барзо сгледае, шапку знимае.
«Вы мое, вôйско, цофнѣтся рѣзко!»

(Въ Ляховцахъ отъ Михайла Бесагія.)

30.

Та въ славнôмъ мѣстѣ а въ Виѳлеемѣ,
Радуйся! Зрадовалися усѣ Святыи!
Пресвята Дѣва сына породила,
Сына породила, въ пелены повила,
Въ пелены повила, въ ясла положила,
Въ ясла положила, сѣномъ прикрыла,
Сѣномъ прикрыла, наименовала.

Ясная звѣзда въ востока выйшла,
Зъ востока выйшла, три Царѝ вела,
Три Царѝ вела, Царя йменовати,
Царя йменовати, що Царю за имя дати?
Дати Царю имя пророкъ Илія.
Пресвятая Дѣва то не ухвалила,
То не ухвалила и не улюбила,
Не улюбила, до церкви не вступила,
До церкви не вступила, Царямъ ся не поклонила.

Та въ славнôмъ мѣстѣ а въ Вефлеемѣ,
Пресвята Дѣва и проч.
Дати Царю имя Святого Петра,
Пресвята Дѣва то не ухвалила,
То не ухвалила, та не улюбила,
Не улюбила, до церкви не вступила,
До церкви не вступила. Царямъ ся не поклонила.

Та въ славнôмъ мѣстѣ а въ Вефлеемѣ,
Пресвята Дѣва сына породила,
Сына породила, въ пелены повила,
Въ пелены повила, въ ясла положила,
Въ ясла положила, сѣномъ прикрыла,
Ясная звѣзда съ востока выйшла,
Зъ востока выйшла, три Царѝ вела,
Три Царѝ вела Царя йменовати,
Царя йменовати, що Царю за имя дати.
Дати Царю имя Исуса Христа.
Пресвята дѣва то ухвалила,
То ухвалила, та улюбила,
Та улюбила, до церкви вступила,
До церкви вступила, Царямъ ся поклонила.

(Въ Ожидовѣ Золоч. Окр. отъ Онисьжа Данилишиного.)

31.

Тамъ на водѣ на Орданѣ.
Гей, гей, лелѣя!
Іисусъ Христосъ самъ Сынъ Божій и Марія!
Тамъ Пречиста Дѣва своего сына породила,

Тамъ Пречиста Дѣва свого сына породила,
Тамъ Пречиста Дѣва свого сына повивала,
Тамъ Пречиста дѣва свого сына колисала,
Тамъ Пречиста Дѣва свого сына бавила.

(Въ Зарваницѣ Тарнопол. Окр. отъ Луця Микитяна.)

32.

Въ нашого пана, а въ стародавна,
Дай ёму, Боже, счастье, здоровье, а въ дому!

А въ стародавна, чомъ въ Иванонька,
На подвôрêчка та кирниченька,
Тамъ Божа Мати сына купае,
Сына купае, та повивае;
Надôйшли стежковъ три невѣрныи:
«Пресвята Дѣва, де 'сь Христа дѣла?»—
—«Ой пустила 'мь го а въ тихе море.»—
Море спустили, Христа не взяли.

А въ нашого пана, а въ етародавна,
А въ стародавна и проч.
—«Ой пустила 'мь го а въ шуги-луги.»
Луги зрубали, Христа не взяли.

А въ нашого пана, а въ стародавна,
А въ стародавна и проч.
—«Ой пустила 'мь го въ яру пшеницю.»
Пшеницю сжали, Христа не взяли, и т.

(Въ Тишевницѣ отъ Пилипа Саблаташа.)

33.

Сему нашему панъ господарю,
Ой дай, Боже!
Панъ господарю, на имя Ивану.
Въ него оборы усе въ острозѣ,
Коло тыхъ огнêвъ усе Святыи,

Усе Святыи, Господь та й Петро,
Ой пьютъ же они ороне вино:
Ой пили, пили, сперечилися:
Господь же каже, що земля бôльша,
А Петро каже, що небо бôльше.
«Николо, Николо! Ты вѣрне служишь,
Возьми жь ты собѣ золото было,
Та змѣряй же ты небо и землю!»—
—«А видишь, Петре, Богова правда,
Богова правда, а твоя кривда;
Що земля бôльша, горы й долины,
Горы й долины, всѣ верховины,
Темныи пѣски, быстрыи рѣчки,
Небо меньшеньке, всюды рôвненьке.»

(Въ Стѣнкѣ отъ Михайла Боечка.)

34.

Въ господаренька, на имя, Ивана,
Ой дай, Боже!
На подвôреньку нова свѣтлонька,
А въ тôй свѣтлонцѣ тисовый столикъ,
Коло столика все стары люде,
Радя' радоньку старосвѣтскую,
Ой якъ Жидове Христа мучили,
Якъ они его на муку брали,
Всяке дерево за нôгта били,
Всяке дерево за нôгта не йшло,
Червива ива та й согрѣшила.
—Зъ палця мѣзинця кровцю пустила:
Где кровця кане, церковця стане,
Церковця стане съ трёма верхами,
Съ трёма верхами, съ двома окнами,
Съ двома окнами, съ райскими дверьми:
Въ едно оконце сонѐчко сходитъ,
Въ друге оконце сонце заходитъ.

Райскими дверьми самъ Господь ходитъ,
Самъ Господь ходитъ, службеньку служитъ,
Службеньку служитъ за господаря,
За господаря, за ёго жону.

(Въ Стѣнкѣ отъ Михайла Боечка.)

35.

Ой давно, давно, та изъ предвѣку,
Ой дай, Боже!
То изъ предвѣку, зъ перводѣянья,
Тогды Жидове Христа мучили,
Христа мучили, на муку брали.
На распятію, гей, розпинали,
Клюковъ за ребра, гей, розбивали,
Терновый вѣнець на головъ клали,
Глоговы шпильки за ногти били,
Всяке деревце били у тѣлце;
Всяке деревце не лѣзло въ тѣлце,
Червива ива та согрѣшила,
На Йсуса Христа кровцю пустила:
Де кровця кане, церковця стане,
Де плечи впали, престолы стали,
Де руки впали, тамъ свѣчки стали,
Де очи впали, тамъ книги стали,
Де личка впали, образы стали,
Де зубы впали, дзвононьки стали.
Самы ся престолы позастилали,
Самы ся свѣчи позажигали,
Самы ся книги перечитали,
Самы ся образы помалёвали,
Самы ся дзвоны передзвонили,
Самы ся службы переслужили.

(Въ Глубокомъ отъ Павла Осташкова.)

---

2. Благожеланія или послѣпѣнія колядокъ хозяевамъ и хозяйкамъ.

Послѣ всякой коляды обыкновенно прибавляютъ благожеланія, т. е., пожеланія лицу, которому колядовали, счастія и благополучія. И такъ припѣваютъ хозяевамъ:

1.

Та нехай буде Богу на хвалу,
Богу на хвалу, людёмъ на славу!

2.

Бувай же здоровъ, панъ господарю,
Не самъ съ собою, съ своєвъ женою,
Съ своєвъ женою, зо всёмъ челядковъ!

3.

Бувай же здоровъ, панъ господарейку,
У своємъ дому съ своєвъ женою!
Счастье на дворъ а здоровлье въ той домъ,
Счастье на дворъ на худобойку,
А здоровлье въ той домъ на челядойку!

4.

Бувай же здоровъ, господареньку,
Господареньку, на имя Иване!
Хозяйкѣ: (Бувай здорова, господиненька
Господиненька, на имя Марія!)
Дай же ти, Боже, въ дому здоровлье,
Въ дому здоровлье межи челядку,
На подвôренько межъ имѣнёнько!
Вйншуёмо ти счастьёмъ, здоровльёмъ,
Счастьёмъ, здоровльёмъ та й товъ колядовъ.

5.

А за симъ словомъ бувай же здоровъ,
Бувай же здоровъ, господареньку,

Господареньку на имя Иване,
Хозяйкѣ: (Бувай же здорова господиненька,
Господиненька на имя Марія)!
Дай же ти, Боже, въ дому здоровльэ,
Въ дому здоровлье на челядочку,
На челядочку на домовую,
Та й на худôбку на роговую!
Поздравляемъ тя святыми святы,
Святыми святы все роковыми,
Все роковыми, все Рôздвяными.

(Ср. Т. II, стр. 35, № 49—56.)

6.

Бувай же здоровъ, панъ господарю!
Зъ своевъ милою господинкою,
Зо всею поспôль челядочкою!
Дай же ти, Боже, а въ середъ Святыхъ,
А въ середъ Святыхъ запровадити,
Запровадити въ счастью, въ здоровлью,
Въ счастью, въ здоровлю, въ лѣпшѣй радости,
Въ лѣпшѣй радости, а безъ жалости!

II. Колядки хозяйкамъ.

1.

Ой въ чистôмъ полѣ Каменець стоитъ,
Калино! Калино, вино!
Винная моя ягода!
На тôмъ каменци три прутки ростуть:
Єдинъ ми прутокъ, чомъ калиновый,
Другій ми прутокъ, чомъ малиновый,
Третій ми прутокъ, чомъ горѣховый,
На калиновôмъ сивъ соколенько,
На малиновôмъ сива зазулька
На горѣховôмъ яры пчѐлоньки:
«Зорчи словечко, господинечко,
Господинечко, на имя Маріе:
«Сивъ соколочку, не квили рано,
Не пробуждай ми господаренька;
Теперь пріѣхавъ зъ ярмарôвочки,
Зъ ярмарôвочки, зъ Ходорôвочки.
Тамъ ми вторговавъ не великій торгъ,
Не великій торгъ, три коровиці,
Три коровиці, а всѣ три сивыи.»—

Ой въ чистôмъ полѣ Каменець стоитъ и проч.
«Зорчи словечко, господиночко,
Господиночко, на имя Маріе:
«Сива зазулька, не куй раненько,
Не пробуждай ми господаренька,
Теперь пріѣхавъ зъ ярмарôвочки,
Зъ ярмарôвочки, зъ Ходорôвочки,
Тамъ ми вторговавъ не великій торгъ,
Не великій торгъ, чотыри волы,
Чотыри волы все сивенькіи.»—

«Зорчи словечко, господиночко,
Господиночко, на имя Маріе:
«Яры пчѐлоньки, не брѣнѣть рано,
Не пробуджайте господаренька,

Теперь прїѣхавъ зъ ярмарôвочки,
Зъ ярмарôвочки, зъ Ходорôвочки,
Тамъ ми вторговавъ барзъ великiй торгъ,
Барзъ великiй торгъ, жовты чобôтки,
Жовты чобôтки, золотый перстéнь,
Золотый перстêнь, стучковый рантухъ.
Жовты чобôтки зъ тиха ступають,
Зъ тиха ступаютъ, огню даваютъ,
Золотый перстêнь пальчики краситъ,
Стучковый рантухъ головку клонитъ,
За здоровлечко господеренька.»

(Въ Синеводскѣ отъ Гриня Турчина.)

2.

Ци е ты дома, господинечка,
Ой лелiя!
Господинечка, на имя Марiя?
Служеньки кажутъ: «Нема ей дома,
Нема ей дома, гей у кôмнатѣ.»—
—«Що жь она дѣе? —«Золото пряде.
Ходѣмъ до неѐ колядовати,
Ой чей же намъ дасть по колядочцѣ,
По колядочцѣ, хоть вôдзядячко,
Хоть вôдзадячко, хоть вôдпрядочки,
Хоть вôдпрядочки на шарêночку.

(Въ Пилипчу отъ Өедора Шмигельскаго.)

3.

Наша панечка господинечка,
Ой лелiя!
Господинечка, на имя Марiя,
По двору ходитъ, ключами дзвонитъ:
«Ой ключи жъ мои та й золотыи,
Ой не дзвонѣте, не голосѣте!

Ой таперь панъ мôй зъ Угоръ пріѣхавъ,
Ой привêзъ мêнѣ три подарунки:
Першій подарунокъ— шовкова шуба,
Другій подарунокъ—золотый кубокъ,
Третій подарунокъ—тоненькій рубокъ;
Шовкова шуба слѣдъ замѣтае,
Золотый кубокъ братство частуе,
Тоненькій рубокъ головку склонивъ.»

(Въ Пилипчу отъ Ѳедора Шмигельскаго.)

4.

Ой при кирници, та при студници,
Ой дай, Боже!
Ой тамъ черцеве воду святили,
Воду святили, благословили,
Та загубили золотый хрестикъ
Ой була жь туды гладка стеженька,
Ой ишла жь нею та газдиненька,
Та газдиненька, на имя Марія,
Ой найшла жь она золотый хрестикъ.
Та зострѣчае два, три, черцеве:
«Бôгъ помогай, Бôгъ помогай, та газдиненько,
Та газдиненько, на имя Маріе!»—
—«Богдай здоровы два, три, черцеве!»—
—«Будемъ пытати а вѣдовати,
Ой ци не знайшла золотый хрестикъ?»—
—«Ой хоть емъ найшла, хоть емъ не найшла,
Що жь мêнѣ буде за переемецъ?»—
—«Будемъ за тебе Бога просити,
Бога просити, службы служити,
Не онъ за тебе, за господаря,
За господаря, та й за дѣточки,
Та й за дѣточки, за сосѣдочки».—

(Въ Хмелевкѣ отъ Василя Смеречина.)

5.

По горѣ, горѣ, яра пшениця,
Тамъ свѣтличенька стояла
Камѣнная! камѣнная!
Ой жала жь еѐ молодиченька,
Молодиченька, на имя Марія,
Надôйшовъ же тъ нѣй завидь-завидко,
Позавидовавъ же, гей, на пшеницю,
Ой на пшеницю, й на молодицю,
На молодицю, на имя Марію:
«Завидь-завидько, не завистуй же!
Кобы ти прійшовъ въ недѣлю рано,
Якъ мене мати яне вбирати:
Ой червѣнъ чобôтъ на бѣлы нôжки,
Злоты перстѣнцѝ на бѣлы ручки,
Тонкій зовоець на головочку;
Червѣнъ чобôтки стискаютъ нôжки,
Злоты перстѣнцѝ рученьки свѣтлятъ,
Тонкій завоець головку тисне».—

(Въ Хутьковѣ отъ Дмитра Поповича.)

6.

Ой надъ Дунаемъ, надъ береженькомъ,
Ой дай, Боже!
Стоитъ ми, стоитъ, свѣтлонька нова,
Свѣтлонька нова, гей, орѣхова,
А въ тôй свѣтлонцѣ сами столове,
По за столове сидятъ особы,
Сидятъ особы все ремѣснички,
Все ремѣснички, самы шевцеве;
Ой ладятъ, ладятъ червѣнъ сафіянъ,
Ой газдынонцѣ, на имя Маріи.

Ой надъ Дунаемъ, надъ береженькомъ,
Стоитъ ми, стоитъ, свѣтлонька нова,
Свѣтлонька нова, гей, орѣхова,
А въ тôй свѣтлонцѣ сами столове,
По за столове сидятъ особы,

Сидятъ особы, все ремêснички,
Все ремêснички, самы кравцеве,
Ой ладятъ, ладятъ, дорогу шубу,
Ой газдиненцѣ, на имя Маріи.

Ой надъ Дунаемъ, надъ береженькомъ,
Стоитъ ми, стоитъ, свѣтлонька нова,
Свѣтлонька нова, гей, орѣхова,
А въ той свѣтлонцѣ сами столове,
По за столове сидятъ особы,
Сидятъ особы все ремêснички,
Все ремêснички, самы ткачеве:
Ой ладятъ, ладятъ дорогôй завôй,
Ой газдиненцѣ, на имя Маріи!

(Въ Глубокомъ отъ Павла Остапкова.)

7.

Де ся взяла сива зазулейка,
    Щедрый веêчръ!
И всѣ осады облêтала,
Ино въ еднôмъ не бувала,
Де ся церковь муровала,
Муровали êй три вôрлоньки,
Ино единъ не муровавъ,
Но имъ тôлько розказовавъ:
«Кладѣть на спôдъ бѣле камêнье,
На камêнью бѣле залѣзо,
По залѣзу сыру дубину,
По дубинѣ кленинонькy,
По кленинонькѣ яворинонькy,
Пôдъ самый верхъ бѣле залѣзо,
На самый верхъ золотый хрестъ.
Въ тôй церковцѣ самъ Бôгъ Попомъ,
А Дячата Янголята;
Самы ся свѣчи посвѣтили,
Самы ся книги почитали,
Самы ся службы повôдправяли.

(Въ Любечѣ отъ Андрея Навроцкаго.)

III. Колядки паробкамъ и хлопцямъ.

1.

Ой изъ за горы изъ за высокои,
Радуйся! Радуйся, земле!
Сынъ самъ ся Божій народивъ!
Ой ишло ми тамъ вороне стадо,
Ой гонивъ стадо пышный панонтё,
Пышный панонтё, чомъ Василенько,
Навертавъ стадо на золотый мôстъ.
Ино ся вчинивъ на середъ моста,
Взялися мосты заламовати,
Взяло ся стадо замачовати.
Взявъ ся паненте барзъ турбовати,
Барзъ турбовати, та й жаловати:
«Я жь не жалую всего стаденька,
Якъ я жалую сивця, не сивця,
Сивця, не сивця, сивого коня,
Що помыслами листёнко читавъ,
Що вôнъ гадками землицю писавъ,
Що копытами бѣлъ камêнь лупавъ,
Бѣлъ камêнь лупавъ, костêлъ муровавъ,
Костêлъ муровавъ съ трёма верхами,
Съ трёма верхами, съ трёма окнами:
Єдныимъ ми окномъ чомъ засвитало,
Другимъ ми окномъ чомъ зазарѣло,
Третимъ ми окномъ сонёчко сходитъ,
А въ райскѝ дверцѝ самъ Христосъ ходитъ,
Самъ Христосъ ходитъ, службонтю служитъ,
Службонтю служитъ соборовую,
За здоровлечко пышного пана.»

(Въ Синеводскѣ отъ Гриня Турчина.)

2.

Рубае Василько та ялиноньку,
Ой дай, Боже!
На церковцю, на дôмъ Божій,
Рубае, рубае, ёще му нестае:
«Додай, батеньку, срêбла, золота!»
Батенько додае, ёще му не стае.

Рубае Василько та ялиноньку,
На церковцю, на дôмъ Божій,
Рубае, рубае, ёще му нестае:
«Додай, матêнко, срêбла, золота!»
Матêнка додае, ёще му не стае,

Рубае Василько та ялиноньку,
На церковцю, на дôмъ Божій,
Рубае, рубае, ёще му не стае:
«Додай, братеньку, срêбла, золота!»
Братенько додае, ёще му не стае.

Рубае Василько та ялиноньку,
На церковцю, на дôмъ Божій,
Рубае, рубае, ёще му не стае;
«Додай, сестронько, срêбла, золота!»
Сестронька додае, ёще му не стае.

Рубае Василько та ялиноньку,
На церковцю, та на дôмъ Божій,
Рубае, рубае, ёще му нестае:
«Додай, миленька, срêбла, золота!»
Миленька додае, уже му стае.

(Въ Зарваницѣ отъ Луця Микитиного.)

3.

Ой изъ за горы зъ за высокои,
Ой дай, Боже!
Ой десь ся взяла чорная хмара,
Але не есть то чорная хмара,

Але но есть то два сивъ коники,
Ой ѣде ними кречный молодче,
Кречный молодче, на имя Василько,
Пôславъ пôслоньки навпередъ себе,
Навпередъ себе до своеѝ неньки,
Щобы ся ненька прилагодила,
Для свого сынка меду всытила,
Для челядочки пива зварила.

(Въ Жнжавѣ отъ Игната Луцева.)

4.

Ой ѣхавъ я зъ гôръ, пукнувъ я у дворъ:
«Ой выйди, кречная панна, ты до насъ!» —
«Зачекай ты хоть годиноньку малую,
Та най я постелю батеньку постêль бѣлую!» —
—«Тобѣ жь бо добре по новой свѣтлонцѣ ходячи,
А менѣ тяжко на морозоньку стоячи.»

Ой ѣхавъ я зъ гôръ, пукнувъ я у дворъ:
«Зачекай ты хоть годиноньку малую,
Та най я постелю матêнцѣ постêль бѣлую.» —
—«Тобѣ жь бо добре по новôй свѣтлонцѣ ходячи,
А мêнѣ тяжко на морозоньку стоячи.»

(Въ Пороховой отъ Ивана Кузмы.)

5.

Пôшовъ Василько у темный лѣсокъ,
Тамъ самъ я! тамъ самъ я молодъ,
Въ темнôмъ лѣсочку, въ жовтôмъ пѣсочку загину!
Выйшовъ до него батенько его:
«Не гинь, сыноньку, дамъ ти радоньку!»
Батенько прійшовъ, рады не найшовъ.

Пôшовъ Василько у темный лѣсокъ,
Выйшла до него матêнька его:

«Не гинь, сыноньку, дамъ ти радоньку!»
Матѣнька пришла, рады не нашла.

Пôшовъ Василько у темный лѣсокъ,
Выйшовъ до него братонько его:
Братенько прійшовъ, рады не найшовъ.
—«Не гинь, братоньку, дамъ ти радоньку!

Пôшовъ Василько у темный лѣсокъ,
Выйшла до него сестронька его:
«Не гинь, братоньку, дамъ ти радоньку!»
Сестронька пришла, рады, не нашла.

Пôшовъ Василько у темный лѣсокъ,
Выйшла до него миленька его:
«Не гинь, миленькій, дамъ ти радоньку!»
Взяла миленька милого свого,
Привела его ажъ до домоньку.

(Записана въ Зарваницѣ отъ Луца Мокотиного.)

6.

(Щедровка.)

(Паул. I, стр. 24.)

Ой ремезе, ремезоньку!
Щедрый вечеръ!
Не вій гнѣзда на ледоньку!
Бо ся ледонько буде розбивати,
Твое гнѣздонько буде потапати.

Ой ремезе, ремезоньку,
Вій си гнѣздонько на яворонъку,
Якъ ся яворонько буде розвивати,
Твое гнѣздонько буде прикрывати.

Ой Василю, Василеньку,
Не ставъ свѣтлоньки у тещенька;
Бо ся тещенько буде гнѣвати,
Твою свѣтлоньку буде розкидати.

Ой Василю, Василеньку,
Ставъ си свѣтлоньку у батенька!
Хоть ся батенько буде гнѣвати,
Твою свѣтлоньку буде прикрывати.

(Въ Глинянахъ отъ Михайла Темка.)

7.

Ой ходя', блудя', сёмь сотъ молодцевъ
Ой дай, Боже!
Доблудилися тъ доброму пану,
Тъ доброму пану, пану Василю:
«Пане Василю, переночуй у насъ!
Колись мы тобѣ станемъ въ пригодѣ,
Якъ будешь ѣхавъ въ Угри по дѣвку,
Поставимъ мосты зъ бѣлои кости,
Заснуемъ лѣсы паволоками,
Засѣемъ поле дрôбновъ жемчуговъ:
Забриня' мосты зъ бѣлои кости,
Зашумя' лѣсы паволоками,
Заряхтитъ поле дрôбновъ жемчуговъ.»

(Въ Стѣнкѣ отъ Михайла Боечка.)

8.

А въ сокольника а двôръ въ острозѣ,
Соколе!
А въ соколонька чорны оченька и брови!
А въ тôмъ острозѣ зеленый яворъ,
А въ тôмъ яворѣ сильне гнѣзденько:
А въ тôмъ гнѣзденьку сивъ сокôлъ сидитъ,
Сивъ сокôлъ сидитъ, жалôбно квилитъ;
Туда ми лежитъ зъ давна стеженька,
Надôйшовъ нею красный молодець,
Красный молодець, премудрый стрѣлець,
Премудрый стрѣлець на имя Василько,

Лукъ натягае, сокола стрѣляе,
А вôнъ ся въ него хороше просить:
«Красный молодче, премудрый стрѣльче,
Премудрый стрѣльче, на имя Василько,
Не стрѣляй мене, не вбивай мене,
Я тобѣ стану а въ пригодонцѣ!
Загану тобѣ три загадонцѣ,
Три загадонцѣ, три городеньки:
Въ першôмъ городцѣ кони сѣдлати,
Въ другôмъ городцѣ Бояре брати,
Въ третôмъ городцѣ собѣ панну взяти,
Собѣ панну взяти и зъ нею жити.»

(Въ Ожидовѣ отъ Онисьќа Давидишинного.)

9.

А въ чистôмъ полю бѣлъ теремъ стоитъ,
Пôдзвонюй, 2, коню, своими узделами золотыми!
А въ тôмъ теремѣ бѣлое ложе,
А на тôмъ ложу красный молодець,
Красный молодець, премудрый стрѣлець,
Премудрый стрѣлець на имя Василько,
Трима хортонька на правôй руцѣ,
Трима коника за поводойка,
А соколойка на ретяжейку.
Пустивъ коника въ чистое поле,
Пустивъ хортойка въ темныи лѣсы,
А соколойка на озерейка:
Коничокъ ирже, стадонько жене,
Хортойко бреше, лисойка несе,
Соколойко пищитъ, утѣнку тащитъ.
Стадейко буде батейку на обхôдъ,
Лисонько буде матѣнцѣ на шубу,
Утѣнка буде пану на снѣданя.

(Въ Ожидовѣ Золоч. Окр. отъ Онисьќа Давидишинного.)

10.

Ой рано, рано, куры запѣли,
Святый вечеръ!
А еще раньше панъ Василь вставъ,
Лучкомъ забрящавъ, братôвъ побуждавъ:
«Та вставайте, братья, конѣ сѣдлайте,
Кони сѣдлайте, хорты скликайте!
Та поѣдемо въ чистее поле
На прогулянье, на розгляданье,
Та найдемо, братья, куну въ деревѣ,
Куну въ деревѣ, дѣвку въ теремѣ.
Отъ се вамъ, братья, куна въ деревѣ,
А менѣ, братья, дѣвка въ теремѣ.»

(Отъ Ониська Даниляшинаго въ Ожидовѣ.)

11.

Ой въ горѣ, въ горѣ, въ шовковôй травѣ,
Ой дай, Боже!
Стоитъ ми, стоитъ, высокій намêтъ,
А въ тôмъ наметѣ золотый стôльчикъ,
На тôмъ стольчику гордый панъ сидитъ,
Гордый панъ сидитъ, на имя Василько,
Двома яблучкы пôдкидаючи,
Трёма горѣшкы все цитаючи;
Выцитавъ коня та зъ пôдъ Короля.
Ой нема жь никде й такого коня,
Якъ у нашего пана Короля:
Золота грива коня окрыла,
Срêбны пôдкôвки землицю пишутъ,
Кленовы ушка рады слухаютъ,
Шовковый хвостикъ слѣда замêтавъ.

(Въ Глубокомъ отъ Павла Остапкова.)

12.

Ой пасе стадце чорне воронце,
Щедрый вечеръ!
Хто жь его пасе?—Панъ Василенько,
Привертае го на золотый мôстъ,
А вломилося золоте билце,
А втопилося пôвъ стада коней;
Ой Василь ходитъ, рученьки ломитъ:
«Не жаль же мёнѣ за пôвъ стада коней,
Ой жаль же мёнѣ за моимъ конемъ;
Бо въ мого коня золота грива,
Золота грива, срѣбны копыта,
Золота грива перса покрыла,
Срѣбны копыта бѣлъ камêнь збили.»

(Въ Пилипчѣ отъ Ѳедора Шмигельскаго.)

13.

Угнавъ Василько вороне стадойко,
Не чорно перо на коничейку на стайнѣ лежитъ!
Ой угнавъ его на золотый мôстъ,
Ставъ ся мостойко заламовати,
Стало стадейко затаповати,
Ставъ Василейко, та й задумався:
«Ой не такъ ми жаль воронъ стадейка,
Охъ жаль мёнѣ, жаль, того едного,
Того едного, коня вороного,
Що храпойками звѣрейка страшивъ,
Що очейками звѣздойки читавъ,
Що ушейками горлойки слухавъ,
Що копытцями бѣлъ камень лупавъ,
Що огоняйкомъ слѣдки замêтавъ,
Що гривойкою все поле вкрывавъ.»

14.

Ой торгомъ, торгомъ, торговицею
                Ой дай, Боже!
Ой ходитъ, ходитъ, бѣлый молодець,
Бѣлый молодець, на имя Василько,
Ой ходитъ, ходитъ, коника водитъ,
Коника водитъ, съ конемъ говоритъ:
«Ой коню, коню, я тебе продамъ,
Я тебе продамъ за сто золотыхъ,
За сто золотыхъ та й за червоныхъ.» —
— «Ой пане, пане, стань же ты собѣ,
Стань же ты собѣ, розгадай собѣ,
Розгадай собѣ, ци не жаль тобѣ:
Я тебе вынёсъ изъ трёхъ побоевъ;
Коли 'мь тя винёсъ а зъ Нѣмецкого,
За нами стрѣлы землю пороли;
Коли 'мь тя вынёсъ а зъ Турецкого,
За нами стрѣлы якъ дрôбенъ дождикъ;
Коли 'мь тя вынёсъ а зъ Татарского,
Блыснули мечи, якъ сонце въ хмарѣ.»

(Въ Ясенѣ отъ Петра Плѣша.)

15.

Ой рано, рано, куры запѣли,
        Не чорно, не чорно, перо по коникови полегло!
Ой ёще раньше молодець уставъ,
Молодець уставъ, на имя Василько;
Ой коли уставъ, три свѣчки ссукавъ:
При однôй свѣчѣ нôжки убувавъ,
При другôй свѣчѣ личенько вмивавъ,
Передъ нимъ батечко ручничокъ държавъ:
«Якъ я поѣду на Украиночку,
Привезу я тобѣ подаруночокъ,
Подаруночокъ, сивого коня.»
При третой свѣчѣ коника сѣдлавъ,

Коника сѣдлавъ, съ конёмъ розмовлявъ:
«Ой коню, коню, продамъ я тебе».—
«Ой пане, пане, погадай собѣ,
Погадай собѣ, ци не жаль тобѣ:
Коль я тя вынёсъ зъ Турковъ, Татаровъ,
Зъ Турковъ, Татаровъ, а зъ трёхъ побоёвъ,
За нами стрѣлы якъ громъ гримѣли,
Якъ громъ гримѣли, якъ дождь летѣли;
За нами стрѣлокъ, якъ на небѣ звѣздокъ;
Коль насъ нагнали зъ крута берега,
Зъ крута берега на тихій Дунай,
На тихій Дунай, на Сине море,
Ты жь не замочивъ жовты чоботки,
Жовты чоботки, а ще жь сѣделця,
А ще жь сѣделця, тебе молодця.»

(Въ Синеводскѣ отъ Гриня Турчина.)

16.

Ой рано, рано, куроньки пѣли,
Ой дай, Боже!
«Ой ёще раньше Василенько уставъ,
Ой уставъ, уставъ, три свѣчи ссукавъ:
При едной свѣчѣ личенько вмывавъ,
При другой свѣчѣ въ сукни ся вбиравъ,
При третой свѣчѣ коника сѣдлавъ,
Коника сѣдлавъ, съ конемъ розмовлявъ:
«Ой коню, коню, продамъ я тебе!»—
—«Ой якъ хочь, пане, продавай мене!
Лѣпше ми было въ тамъ того пана:
Годовавъ мене яровъ цтеницевъ,
Стеливъ подъ мене зелене сѣно;
Я въ тебе стою по боки въ гною,
По боки въ гною, триницю зубью.
Ци знаешь, пане, якъ насъ нагнали,

Якъ насъ нагнали Турки, Татаре,
Зъ крута берега на тихій Дунай,
Не замачавъ ты стремêнь, сѣдельця,
Стремêнь, сѣдельця, себе молодця.»

(Въ Зарваницѣ отъ Луця Микитинаго.)

17.

Ой заказано и зарадано,
Славенъ еси, нашъ милый Боже, на небеси!
Усѣмъ воинамъ у войско ити,
—Пану Василю корогвъ нести.
А его ненька вельми старейка,
Выпроводжала та научала:
«Ѣдь же, сынойку, та на войнойку,
Не упереджай у передъ войска,
Не оставайся по задѣ войска,
Держися войска все середнього!»
Молодый Василько не слухавъ неньки,
Упередъ войска конемъ играе;
По задѣ войска мечемъ рубае;
Угляне се самъ Царь на креслѣ:
«Ой кобы я знавъ, чій то сынъ гулявъ,
Тожь бы я за него дочь вôтдавъ,
Половину царства ему бы вôтдавъ.»

(Въ Ожидовѣ отъ Онисьна Даниляшиннаго.)

18.

Въ недѣлю рано, ба й рано заказано,
Ой дай, Боже!
Ба й заказано та на войночку;
«Хто сынка мае, най вôтправляе!
Хто го не мае, нехай наймае!»
Матêнька сына та вôтправляла,

Та вôтправляла, наказувала:
«Ой ѣдь же, сынку, ба й на вôйнойку!
На передъ вôйска не выдавайся,
По заду вôйску не оставайся!»
Вôнъ то не слухавъ, славы доходивъ,
Передъ Королемъ выгрававъ конемъ,
Передъ гайдукомъ выгрававъ лукомъ.»

(Въ Ясенѣ отъ Петра Плѣша.)

19.

Ой пасе стадце вороненькое,
Ой дай, Боже!
Межи тѣмъ стадцемъ барзо сивъ коникъ,
Ой ходя' за нимъ два, три, панове,
А ни единъ панъ коня не спôймавъ;
Василько нагнавъ, и коня спôймавъ,
Поклавъ на него золоту узду,
Золоту узду, срêбне сѣдельце,
Та й сѣвъ на него и поѣхавъ нимъ,
Ой горѣ мѣстомъ, горѣ Галичемъ,
А тамъ мѣщане зъ церковцѣ вышли,
Мѣщане кажутъ, що мѣсяць сходитъ,
Мѣщанки кажуть, що сонце сходитъ,
А ненька каже: «То мôй сынъ ѣде!
Пôзнала 'мъ его по коникови,
По коникови, по бѣлôмъ личку.»

(Въ Ожидовѣ отъ Игната Луцеваго.)

20.

Ой гордый, пышный, молодый пане,
Нашъ пане, молодый пане, все на конику играешь!
Почався панокъ на войну збирати,
Его матенька та й выправляла,

Та й выправляла, та й умлѣвала,
Та й умлѣвала, наказувала:
«Ѣдь же, сыночку, та на вôйночку,
Не випереджай усю вôйночку,
Не оставайся съ заду вôйночки!
Змагай, сыноньку, въ серединоньку!»
О вôнъ матенки та нѣтъ не слухавъ,
Ино ся вчинивъ середъ Галича,
Ставъ си таборомъ пôдъ самымъ муромъ,
Ой якъ бье, такъ бье, у самый рынокъ,
Выхапуутся всѣ Галичеве,
Всѣ Галичеве, передни панове,
Звѣдуутъ же ся, що то за панокъ?
«Мы бы го знали, чимъ даровати,
Чимъ даровати, що жь ему дати.»
Вывели ему коника въ сѣдлѣ,
Коника въ сѣдлѣ, въ щирôмъ золотѣ;
Вôнъ того не взявъ, шапочки не знявъ.

Ой гордый, пышный, молодый пане и проч.
Ставъ си таборомъ пôдъ самымъ муромъ,
Ой якъ бье, такъ бье, а въ самый рынокъ,
Выхапуутся всѣ Галичеве,
Всѣ Галичеве, передни панове,
Извѣдуутся, що то за панокъ?
«Мы бы го знали, чимъ даровати,
Чимъ даровати, що жь ему дати.
Вынесли ему мису червоныхъ;
Вôнъ червони взявъ, шапочки не знявъ!

Ой гордый, пышный, молодый пане и проч.
Ставъ си таборомъ пôдъ самымъ муромъ,
Ой якъ бье, такъ бье, а въ самый рынокъ,
Выхапуутся всѣ Галичеве,
Всѣ Галичеве, передни панове,
Извѣдуутся, що то за панокъ:
«Мы бы го знали, чимъ даровати,
Чимъ даровати, що жь ему дати.
Матенька мовитъ: «Мôй тото сынокъ!

Я го пôзнала по уродонцѣ,
По уродонцѣ, по кошуленцѣ;
На нёмъ кошулька, якъ день бѣленька,
Та й уродонька барзо славненька.»
Вôдводжаутъ му кречну панночку,
Вôнъ панну взявъ, шапочку знявъ,
Шапочку знявъ, та й вôдклонився,
Спередъ Галича вôйскомъ вступився.

(Въ Синеводскѣ отъ Гриня Турчиня.)

21.

Ишовъ Василько черезъ Угроньки,
Не самъ я, молодъ, на тôмъ лѣсочку загину!
Перейшли его три розбôйнички:
«Бôгъ помагай, Бôгъ, три розбôйнички!» —
—«Бодай здоровый, бѣлый молодче!
Яли жъ ся его извѣдовати,
Извѣдовати, испытовати:
«Ой ци е въ тебе въ Руси батенько?» —
—«Въ мене батенько, гей, ясный мѣсяць!»

Ишовъ Василько черезъ Угроньки,
Гей, перейшли го три розбôйнички:
«Бôгъ помагай, Бôгъ, три розбôйнички!» —
—«Бодай здоровый, бѣлый молодче!»
Яли жъ ся его извѣдовати,
Извѣдовати, испытовати:
«Ой ци е въ тебе въ Руси матёнька?» —
«Въ мене матёнька ясне сонёнько!»

Ишовъ Василько чрезъ Угроньки,
Перейшли его три розбôйнички:
«Бôгъ помогай, Богъ, три розбôйнички!» —
«Бодай здоровый, бѣлый молодче!
Яли ся его извѣдовати,
Извѣдовати, испытовати:

«Ой ци е въ ебет въ Руси братейчикъ?
«Въ мене братейчикъ ясный топорчикъ!»—

Ишовъ Василько черезъ Угроньки,
Перейшли его три розбôйнички:
«Бôгъ помогай, Богъ, три розбôйнички!»
—«Бодай здоровый, бѣлый молодче!»
Яли жь ся ёго извѣдовати,
Извѣдовати, испытовати:
«Ой ци е въ тебе въ Руси сестриця?»—
«Въ мене сестриця яспа зôрниця!

(Въ Ясенѣ отъ Петра Плѣша.)

22.

Шли молодцѣ рано въ церковцѣ,
Въ недѣлю, 2, рано зелене вино саджено!
Ой ишли, ишли, раду радили:
«Ой ходѣмъ, братя, до ковальчикôвъ,
До ковальчикôвъ, до золотникôвъ,
Най, намъ покуютъ мѣяны човны,
Мѣдяны човны, золоты весла;
Та мы ся пустимъ на Чорно море,
На Чорно море, пôдъ Царѣвъ городъ;
Тамъ мы чуеме доброго пана,
Доброго пана, чомъ Стефанонька,
Що на рôкъ дае по сто червоныхъ,
По сто червоныхъ, по парѣ чобôтъ,
По парѣ чобôтъ, по парѣ суконъ,
По парѣ суконъ, та й по шапочцѣ,
Та й по шапочцѣ, по коникови,
По коникови, по бичикови.
Ой якъ си пôшовъ а по рыночьку,
Пôдкôвочками выцупкуючи,
Рясными суконци потрясуючи,
Ясными стрѣлкы выблескуючи;
Мѣщане мовлятъ, що мѣсяць сходитъ,

Селяне мовлятъ, що сонце сходитъ,
А мати выйшла: «То мôй сынъ иде,
То мôй сынъ иде, короговъ несе,
Короговъ несе Королевскую.»

(Въ Тишевницѣ отъ Пилиппа Саблаташа.)

23.

Ой хиче, хиче, вода човнонькомъ,
Дунаю, гей, Дунаю, тиха водонько по малу!
А въ тôмъ човнику гордый панонько,
Гордый панонько, чомъ Василенько,
Ой сидитъ, сидитъ, струженька струже,
Струженька струже, огника кладе,
Огника кладе котлы обливать,
Котлы обливать, Царя вызирать:
«Ой выйди, выйди, Царю Турецкій,
Ой най мы собѣ послы урчеме,
Послы урчеме, кôньми прійдеме,
Кôньми прійдеме, меча утреме,
Єдну войноньку шевцёмъ вышіемъ,
Другу войноньку огнёмъ выпечемъ,
Третю войноньку въ Дунай заженемъ».

(Въ Тишевницѣ отъ Пилиппа Саблаташа.)

24.

Ой служивъ Василько въ Польского Кроля,
Лелѣя!
Та его ноженьки въ щирôмъ золотѣ горѣли!
Ой служивъ, служивъ, вѣрненько служивъ,
Ой якъ гукъ, такъ гукъ, пôдъ Китай городъ *

---

* Другіе поютъ подъ «Китай гору.»

Прїѣздя' они пôдъ Хотѣнъ мѣсто,
Ой зжаснулися усѣ панове,
Вывели ёму въ сѣдлѣ коника,
Вôнъ ся на тое а ни поглянувъ,
А ни поглянувъ, шапочки не сдоймивъ...
Шапочки не сдоймивъ, низко ся не вклонивъ.

Ой служивъ Василько въ Польского Кроля,
Ой служивъ, служивъ, вѣрненько служивъ,
Ой якъ гукъ и проч.
Ой сжаснулися усѣ Жидове,
Вынесли ёму полумисокъ грошей.
Вôнъ ся на тое а ни поглянувъ,
А ни поглянувъ и проч.

Ой служивъ Василько въ Польского Кроля,
Ой служивъ, служивъ, вѣрненько служивъ,
Ой якъ гукъ, такъ гукъ, пôдъ Китай городъ.
Прїѣздя' вони пôдъ Хотѣнъ мѣсто,
Ой сжаснулися усѣ мѣщане,
Вывели ёму кречную панну,
Вôнъ ся на тое барзо поглянувъ,
Барзо поглянувъ, шапочку здоймивъ,
Шапочку здоймивъ, низко поклонився.

(Въ Порховѣ отъ Ивана Кузьмина.)

25.

Ишли молодци рано зъ церковцѝ,
Ой дай, Боже!
Раду радили молодецкую:
«Не купуймо жь мы на дѣвки вѣнки,
Але купѣмо золотый човенъ,
Золотый човенъ, срѣбны веселця;
Та пустимося краемъ Дунаемъ,
Краемъ Дунаемъ, за иншимъ паномъ,
За иншимъ паномъ, Царёмъ Иваномъ.
Мы ёму будемъ вѣрне служити,

А вôнъ намъ буде добре платити:
Ой дасть же вôнъ намъ по яснôй стрѣлцѣ,
По яснôй стрѣлцѣ, по краснôй дѣвцѣ.»—
«Стрѣлокъ не маю, та й вамъ не даю,
А дѣвки маю, та й вамъ подаю.»

(Въ Пилипчу отъ Федора Шмигельскаго.)

26.

Ой изъ за горы, зъ за каменнои,
Святый вечеръ!
Вôдтôль выступа'тъ велике вôйско,
Панъ Василь иде, коника веде,
Хвалится конемъ передъ Королемъ:
«Нема въ Короля такого коня,
Якъ у нашего пана Василя.»
Хвалится стрѣловъ передъ дружиновъ:
«Нема въ дружины такои стрѣлы,
Якъ у нашего пана Василя.»
Халится лукомъ передъ гайдукомъ:
«Нема въ гайдука такого лука,
Якъ у нашего пана Висиля.»

(Въ Тишевницѣ отъ Пилипа Саблаташа.)

27.

Зачорнѣлася чорная гора,
Ой дай, Боже!
Выйшла зъ за неи чорная хмара,
Але не е то чорная хмара,
Але но е то овець турмонька;
На передъ овець гордый молодець,
Гордый молодець, бутеець овецъ,
Бутеець овецъ, чомъ Василенько,
Заперезався чорновъ ожиновъ,

За товъ ожиновъ двѣ, три, трубоньки:
Єдна трубонька та роговая,
Друга трубонька та мѣдяная,
Третя трубонька та зубровая.
Та якъ затрубитъ та въ роговую,
Та врадуеся вся звѣрь у полѣ;
Та якъ затрубитъ а въ мѣдяную,
Та врадуеся вся рыба въ морѣ;
Та якъ затрубитъ а въ зубровую,
Та врадуеся весь міръ на земли.

(Въ Ясенѣ отъ Гаврила Флѣка.)

28.

Ой изъ за гôръ, а зъ половины,
Ой дай, Боже!
Выйшла жь ми вôтти турма овечокъ,
Ай а за ними три вôвчарики,
Вынесли собѣ двѣ, три, трубоньки:
Ой единъ вынêсъ ба й роговую,
А другій вынêсъ ба й костяную,
А третій вынêсъ ба й золотую.
Ой якъ затрубитъ а въ роговую,
То чути жь було а въ Московщину;
Ой якъ затрубитъ а въ костяную,
То чути жь було а въ Угорщину;
Ой якъ затрубитъ а въ золотую,
То чути жь було по пôдъ небеса,
По пôдъ небеса, ажь на небеса.

(Въ Ляховцахъ отъ Михайла Бесагѣл.)

29.

Ой вода, вода, човномъ хитае
Воинь бо, воинъ, надъ все вôйско подобенъ!
Що жь у тôмъ човнѣ?—Гайное паня
Що за панятко?—На имя Василько.

Що жь вôнъ тамъ дѣе?—Стружечко струже,
Стружечко струже, огника кладе,
Огника кладе, золото тôпитъ,
Золото топитъ, зброицю злива'тъ,
Зброицю злива'тъ, на слуги вола'тъ:
«Ой слуги мои, котры вѣрныи,
Кони сѣдлайте, збруи сбирайте,
Берѣть же собѣ та снôпокъ стрѣлокъ,
Та снôпокъ стрѣлокъ, тугіи луки,
Тугіи луки, острыи мечи!
Бо поѣдемо та на Львôвъ городъ.»
Гайное паня, на имя Василько,
Коникомъ грае, мечемъ звивае,
Мечемъ звивае, вôйско сбирае,
Ой высше, высше, та пôдъ Львôвъ близше,
Пустивъ стрѣльбойку по пôдъ муройки,
Ой вдаривъ же ми а въ камяницю,
А въ камяницю старшого пана;
Ай зôйшли ми ся та всѣ мѣщане,
Та всѣ мѣщане, а всѣ Вôрмяне,
Стали жь они си раду радити:
«Якій маемо дарунокъ дати?»
Раду радили, дарунокъ дали,
Дарунокъ дали, сивъ кониченька.
Увели ёму сивъ кониченька;
На то не гадано, далѣй воёвано.

Ой вода, вода, човномъ хитае,
Що жь у тôмъ човнѣ? и проч.
Дарунокъ дали, мису червоныхъ.
На то не гадано, далѣй воёвано.

Ой вода, вода, човномъ хитае,
Що жь у тôмъ човнѣ! Гайное паня.
Що за панятко?—На имя Василько.
Що жь вôнъ тамъ дѣе?—Стружечко струже,
Стружечко струже, огника кладе,
Огника кладе, золото топитъ,

Золото топитъ, зброицю слива'тъ,
Зброицю злива'тъ, на слуги вола'тъ:
«Ой слуги мои, котры вѣрны,
Коні сѣдлайте, зброи сбирайте,
Берѣть же собѣ та снôпки стрѣлокъ,
Та снôпки стрѣлокъ, тугіи луки,
Тугіи луки, острыи мечи,
Бо поѣдемо та на Львôвъ городъ,»
Гайное паня, на имя Василько
Коникомъ грае, мечемъ звивае,
Мечемъ звивае, вôйско сбирае.
Ой высше, высше, та пôдъ Львôвъ близше,
Пустивъ стрѣльбойку по пôдъ муройки,
Та вдаривъ же ай въ каменицю,
Ай въ камяницю старшого пана;
Ай зôйшли ми ся та всѣ мѣщане,
Та всѣ мѣщане, ай всѣ Вôрмяне.
Стали жь они си раду радити:
«Якій маемо дарунокъ дати?»
Раду радили, дарунокъ дали,
Дарунокъ дали, красну панночку,
Красну панночку въ рутянôмъ вѣночку,
За то дяковавъ, шапочку снимавъ,
Шапочку снимавъ, собѣ панну взявъ.

(Въ Славску отъ Михайла Медвѣцкаго.)

30.

Ци дома, дома, нашъ Яковенько? —
Щодрый вечêръ! добрый вечêръ!
Ой е вôнъ дома, сѣвъ конець стола,
Сѣвъ конець стола, три свѣчи ссукавъ,
Три свѣчи ссукавъ ярого воску:
При первôй свѣчѣ личенько вмивавъ,
При другôй свѣчѣ въ сукамцѣ вбиравъ,
При третêй свѣчѣ коника сѣдлавъ:
«Коню мôй сивый, будь ми счасливый!

Будь ми счасливый та въ три доровѣ:
Єдна дорога та у Литвоньку,
Друга дорога на Вкраиноньку,
Третя дорога въ Волощиноньку.»
Зъ Литвоньки ѣде, коника веде,
Зъ Вкраины ѣде, збройнку несе,
Зъ Волощины ѣде, волики жене.
Ой кониками въ войску служити,
А яснымъ мечёмъ врагôвъ рубати,
А воликами на хлѣбъ робити.

(Записана въ моемъ родномъ селѣ, Чепеляхъ, Золочевскаго Округа, отъ покойной матушки моей, Ѳеклы Васильевны. Поется собственно на второй Святый Вечеръ, т. е., на канунѣ Богоявленія; слѣдовательно, принадлежитъ къ Щедрôвкамъ.)

31.

Ой пôдô Львовомъ, на оболоню!
Грай, коню! грай, кониченьку пôдъ молоденькимъ панятомъ!

Тамъ Василенько коникомъ грае,
Казавъ гарматы понабивати,
Та вôдъ сходъ сонця понавертати,
Та вдаривъ съ козла а въ першу браму,
Выйшли итъ нему усѣ Жидове,
Вынесли ему добрый дарунокъ,
Добрый дарунокъ, мису золота:
Вôнъ тото бере, та й не дякуе.

Ой пôдô Львовомъ на оболони,
Тамъ Василенько коникомъ грае,
Казавъ гарматы понабивати,
Та вôдъ сходъ сонця понавертати;
Та вдаривъ зъ козла а въ другу браму
И выйшли тъ нему усѣ мѣщане,
Вывели ему добрый дарунокъ,
Добрый дарунокъ, коника въ сѣдлѣ,
Коника въ сѣдлѣ, шабельку въ сребдѣ:

Вôнъ тото бере та й не дякуе.
Ой пôдô Львовомъ, на оболоню,
Тамъ Василенько коникомъ грае,
Казавъ гарматы ционабивати,
Та вôдъ сходъ сонця понавертати:
Та вдаривъ зъ козла а въ третю браму,
Ой выйшли тъ нему а всѣ панове,
Вывели ему добрый дарунокъ,
Добрый дарунокъ, панну въ колясѣ,
Вôнъ тото бере, красно дякуе.

(Въ Ясенѣ отъ Петра Плѣша.)

32.

Ой пôдô Львовомъ, на оболоню,
Грай, коню, грай, кониченьку,
Пôдъ пышнымъ паномъ Василёмъ!
Тамъ Василенько коникомъ грае,
Коникомъ грае не мирецкои,
Не мирецкои, а Козацкои,
Коникомъ грае, пôдъ Львôвъ ступае,
Пôдъ Львôвъ ступае, лукъ натягае,
Лукъ натягае, на Львôвъ пускае.
Ой хоче жь бо вôнъ Львова добути,
Львова добути, собѣ паномъ бути.
Ой тамъ мѣщане, панове Львôвщане,
Ой стали жь они раду радити,
Раду радити, що пану за даръ дати:
Дати пану даръ коника въ сѣдлѣ.
А вôнъ на тое а ни погляне,
А ни погляне, ни тъ дивится,
Шапки не здойме, не поклонится.

Ой пôдô Львовомъ, на оболоню,
Тамъ Василенько коникомъ грае,
Коникомъ грае не миренкои.
Но мирецкои, а Козацкои,

Коникомъ грае, пôдъ Львôвъ ступае,
Пôдъ Львôвъ ступае, лукъ натягае.
Лукъ натягае, на Львôвъ пускае,
Ой хоче жь бо вôнъ Львова добути,
Львова добути, собѣ паномъ бути.
Ой тамъ мѣщане, панове Львôвщане,
Ой стали жь они раду радити,
Раду радити, що пану за даръ дати:
Дати ему даръ шабельку въ злотѣ.
А вôнъ на тое а ни погляне,
А ни погляне, ни подивится,
Шапки не здойме, не поклонится.

Ой пôдô Львовомъ, на оболоню,
Тамъ Василенько коникомъ грае,
Коникомъ грае, не мирецкои,
Не мирецкои, а Козацкои,
Коникомъ грае, пôдъ Львôвъ ступае,
Пôдъ Львôвъ ступае, лукъ натягае,
Лукъ натягае, на Львôвъ пускае,
Ой хоче жь бо вôнъ Львова добути
Львова добути, собѣ паномъ бути.
Ой тамъ мѣщане, панове Львôвщане,
Ой стали жь они раду радити,
Раду радити, що пану за даръ дати:
Дати пану даръ панну убрану,
А вôнъ на тое хороше глянувъ,
Хороше глянувъ и подивився,
Шапочку изнявъ и поклонився.

(Въ Ожидовѣ отъ Ониська Данилишинаго.)

33.

Кречный молодче, на имя Василю,
Ой дай Боже!
Що зъ горда ходишь, зъ бучна починашь?
Хвалився конемъ передъ Королемъ:

«Такого коня нема въ Короля,
Та якъ у мене у молодчика:
Золота грива коня покрыла,
Шовковый хвостикъ землицю мете,
Срѣбны копыта кремѣнь лупаютъ,
Кремѣнь лупаютъ, церковь мурують.
Церковь мурують на двѣ оконцѝ,
На двѣ оконцѝ, на третй дверцѝ:
Въ едно оконце сонѣчко сходитъ,
Вь друге оконце мѣсяцъ заходитъ,
А въ третьи дверцѝ самъ Господь ходитъ;
На нѣмъ шубонька за сто червоныхъ,
Кобы жь мы знали, где вна куплена?
«А вна куплена въ Львовѣ на торзѣ.»—
—«Кобы мы знали, где вна плачена!»—
—«А вна плачена на тисовôмъ столѣ.»—
—«Кобы жь мы знали, где она прана?»—
—«А она прана въ краю Дунаю.»—
—«Кобы жь мы знали, где вна сушена?»—
—«А вна сушена въ тура на розѣ.»—
—«Кобы жь мы знали, чимъ вна тачена?»—
—«А вна тачена срѣбнымъ праничкомъ,
Срѣбнымъ праничкомъ, виннымъ яблôчкомъ.»

(Въ Ляховцахъ отъ Михайла Бегагія.)

34.

Ой межи двома та дорогами,
Ой дай, Боже!
Стоитъ церковця мурованая,
Ой а звôниця будованая,
На той звôницѣ два сивъ голубы,
Ой бувавъ туда зъ давна гостинець.
Ой ѣхавъ туда кречный молодець,
Кречный молодець, на имя Василько,
А взявъ коника та притягати,

Взявъ своего лучка та й добувати,
А до голубôвъ та й измѣряти,
Взяли голубы тъ нему промовляти:
«Кречный молодче, не стрѣляй до насъ!
Ой бо мы не есть два сивъ голубы,
Али бо мы есть два Ангелове,
Два Ангелове зъ неба зôсланы,
Ой ци такъ теперь, якъ зъ первовѣку:
Ци ситя' меды Святому Рôздву?
Ци куря' корѣлку Святому Сбору?
Ци варя' пиво Святому Стефану?
Ой не такъ теперь, якъ зъ первовѣку,
Якъ зъ первовѣку, зъ давна бувало:
Не сытя' меды Святому Рôздву;
Не куря' горѣлку Святому Сбору,
Не варя' пиво Святому Стефану,
Лишь братъ на брата мечъ вынимае,
Сестра на сестру чарôвъ шукае.»

(Въ Жижавѣ отъ Игната Луцеваго.)

35.

А въ Васильенька красна жононька,
Не завидуйте, братья молодци,
Богъ давъ ему, давъ!
Просила жона своего мужа:
«Закупи, муже, хоть зо три села!
Єдно селенько зъ парубочками,
Друге селенько зъ паняночками,
Третье селенько зъ виноградяйкомъ.
Мы парубочки а поженимо,
Мы паняночки за мужъ выдамо,
Виноградяйко сами выпьемо.»

(Въ Ожидовѣ Зол ч. Окр. отъ Ониська Данилишинаго.)

36.

Ой изъ за горы, за зеленои,
Ой дай, Боже!
Выходитъ же намъ чорна хмаронька,
Але не е то чорна хмаронька,
Але не е то напередовець,
Напередовець, красный молодець:
Заперезався чорновъ ожиновъ,
За товъ ожиновъ на три трубоньки:
Перша трубонька та роговая,
Друга трубонька та золотая,
Третя трубонька та жубровая.
Та якъ затрубитъ та въ роговую,
То врадуеся вся звѣрь у поли;
Та якъ затрубитъ та въ золотую,
То врадуеся вся рыба въ морѣ;
Та якъ затрубитъ та въ жубровую,
То врадуеся весь міръ на земли.

---

3. Благожеланія или послѣпѣнія колядокъ паробкамъ и хлопцямъ.

1.

Бувай ми здоровъ, кречный молодче,
Кречный молодче, чомъ Василеньку,
Не самъ съ собою, съ вôтцёмъ, съ маткою,
Съ вôтцёмъ, съ маткою, съ всёмъ челядкою!

2.

Бувай здоровый, прекрасный молодче,
Прекрасный молодче, чомъ Василеньку!
Рости тонко, высоко,
Свому отцеви на услужейку,
Свому братови на утѣшейку,
А людскимъ дѣткамъ на завидойку!

3.

Бувай же здоровъ, бѣлый молодче,
Бѣлый молодче, на имя Васильку!
Дай же ти, Боже, счастье, здоровлье,
Счастье, здоровлье, добрую долю!
Вйншуемо тя счастьёмъ, здоровлёмъ,
Счастёмъ, здоровлёмъ, та й товъ колядовъ.

4.

А за симъ словомъ бувай же здоровъ!
Бувай же здоровъ, бѣлый молодче,
Бѣлый молодче, на имя Василю,
Не самъ съ собою, съ отцемъ, съ маткою,
Дай же ти, Боже, въ городѣ зѣлье,
Въ городѣ зѣлье, въ дому весѐлье,
Поздравляемъ тя Святыми Святы,
Святыми Святы, все роковыми,
Все роковыми, все Рôздвяными.

5.

А за симъ словомъ бувай же здоровъ,
Бувай же здоровъ, бѣлый молодче,
Бѣлый молодче, на имя Василю,
Не самъ съ собою, съ отцемъ, съ маткою,
Съ отцемъ, съ маткою и съ челядкою,
И съ братчиками, та й съ сестричками,
Та й съ усѣмъ родомъ, съ краснымъ обходомъ!
Дай же ти, Боже, въ городѣ зѐлье,
Въ городѣ зѐлье, въ дому весѐлье,
Въ дому весѐлье барзо весѐльне,
Барзо весѐльне, на славу втѣшне!
Рости жь великій, будь довговѣчный,
Будь довговѣчный и Богу вдячный,
Будь Богу вдячный, людемъ величный,
Отцу та й матцѣ на утѣхочку,
А людемъ добрымъ на порадочку!
Поздравляемъ тя счастьёмъ, здоровльёмъ,
Счастьемъ, здоровльёмъ, зеленымъ вѣнкомъ,
Зеленымъ вѣнкомъ, красновъ паненковъ,
Красновъ паненковъ, добровъ долечковъ.

6.

Бувай здоровый, красный паничу!
И съ своимъ милымъ а и съ батенькомъ,
Съ своей милою и съ матѐнкою,
Съ своей посполу и челядкою!

IV. Колядки дѣвчатамъ и дѣвкамъ.

1.

Пôшла Анничка рано по воду,
Въ недѣлю 2, рано, зелене вино саджено!
Ой пôшла она съ двома ведерцѝ:
Въ едно начерла, съ другимъ ся вергла,
Вергла ся борзо до матѐночки:
«Видѣла жь бо я дивное звѣря,
Дивное звѣря ластôвляточку;
Не е бо тото ластôвляточка.
Але е жь бо то Божая Мати;
Божая Мати ризочки прала,
Ризочки прала, на бѣлъ камѐнь клала;
Десь ми ся взяли буйны вѣтрове,
Буйны вѣтрове, дрôбны дождѣове,
Шайнули жъ они Божіи ризы,
Та занесли ми опрôчь далече,
Опрôчь далече, ажь передъ церковь—
Самы ся двери повôттваряли,
Самы ся книги поростваряли,
Самы ся свѣчи позасвѣчали.
Исусъ Христосъ ходитъ, службоньку служитъ,
Дѣвчина ходитъ, на службуноситъ,
На службу носитъ, Пана Бога проситъ,
Пана Бога проситъ за вôтця, за матку,
За вôтця, за матку и за всю челядку.»

(Въ Дулѐбахъ отъ Василя Бучака.)

2.

Черезъ селейко быстра рѣчейка,
Дѣвойко! панна дѣвойко, а ласкавое сердейко
Ой черезъ рѣчку кидровая кладка,
Ой ишла жь нею красна панянка,

Красна панянка, на имя Ганнуся,
Переняло ей три молодчики,
А не есть то ми три молодчики,
Али есть то ми три Ангелойки:
«Ой ступай же ты на кидрову кладку,
На самый передъ помыешь ручки,
Ой а по тому свое личейко,
Уздришь долейку въ чистôй водицѣ,
Ой уздришь Бога по конець стола,
Пресвяту Дѣву посередъ стола,
Сына Божого въ еи ручейкахъ,
Усѣ Святыи а по застôлью.
Ой устань же ты а у раншихъ куръ,
Ой помыешь ты горѣховы чаши,
Ой пôди же ты а до пивницû,
Уточи же ты зеленого вина,
Принеси жь его а до свѣтлойки,
Почастуй Бога по конець стола,
Пресвяту Дѣву посередъ стола,
Сына Божого въ еи ручейкахъ,
Усѣ Святыи а по застôлью!»

(Въ Ожидовѣ отъ Ониська Данилишинаго.)

3.

За городейки, за воротейки,
Зорейко, ясна зорейко,
Не заходи жь ты ранейко!
Ой тамо й лежитъ зъ давна стежейка,
Надъѣхавъ нею красный молодець,
Красный молодець, премудрый стрѣлецъ.
Переняла го красна панянка,
Красна панянка, на имя Ганнуся,
Взяла конейка за поводойки,
А молодчика за бѣлу ручку;
Взяла конейка а до стаенки,
А молодчика а до свѣтлойки;

Дала конику жовтого вôвса,
А молодчику пшенична хлѣба;
Дала конику зъ Дунаю воды,
А молодчику зелена вина.

(Въ Ожидовѣ отъ Ониська Даниллишиного.)

4.

Ой черезъ гору быстра стежейка
Въ недѣлю 2, рано зелене вино саджено!
Ой ишла жь нею красна панянка,
Красна панянкя, на имя Ганнуся,
Перенявъ её красный молодець:
«Ой де жь ты идешь, красна панянко?—
—«Иду до саду, до винограду:
Выломлю собѣ суху рѣзочку,
Понесу её а до свѣтлойки,
Посажу её край вôконяйка;
Коли ся прійметъ, то люблю тебе,
А якъ зацвѣтетъ, заручу тебе,
А якъ изродитъ, то возьму тебе.»

(Въ Ожидовѣ отъ Ониська Данидишинаго.)

5.

А въ чистôмъ полѣ коршмонька стоитъ,
Казано намъ, повѣдано намъ:
Доброе пиво,
Медъ, горѣлочка,
Красна дѣвочка,
Пôдеме тамъ!
Тамъ заѣхали трои гостеве;
Єдны ми стали кôньми пôдъ сѣньми,
Други ми стали за воротами,
Третй ми стали въ вишнёвôмъ саду.
Що ми стояли кôньми пôдъ сѣньми,

Тѣмъ мы вынесли мису червоныхъ;
Що жь ми стояли за воротами,
Тѣмъ мы вывели сивого коня;
Що жь ми стояли въ вишнёвôмъ саду,
Тѣмъ мы вывели кречную панну,
Кречную панну, на имя Анночку,
На имя Анночку, господарску дочку.

(Въ Синеводскѣ Стрыйск. Окр. отъ Гриня Турчина.)

6.

Передъ оконцемъ садочокъ стоитъ,
Мовь, панно моя молоденька,
Промовь словенько,
Съ тиха словенько,
А съ нами!
А въ томъ садочку золота ряса:
Ой сходилися буйны вѣтрове,
Обтрясли жь они золоту рясу;
Стежковъ надôйшла красна панночка,
Красна панночка, на имя Анночка,
Ой спустила она шитый рукавець,
А зôбрала она золоту рясу,
Понесла она до ковальчикôвъ,
До ковальчикôвъ, до ремêсникôвъ:
«Ой ковальчики, ой ремêсники!
А скуйте жь менѣ золотый вѣнокъ,
А зъ установочкôвъ золотый поясъ,
А зъ обрѣзочкôвъ злотый перстенець.
Золотый вѣнокъ головы склонитъ,
Золотый поясъ лядвоньки сломитъ,
Злотый перстенець пальчики свѣтлить».

(Въ Синеводскѣ отъ Гриня Турчина.)

7.

Ой въ лѣску 2, на жовтôмъ пѣску,
То ми вино! Ой то ми вино,
Що въ три рядочки саджено!
Стоитъ деревце тонке, высоке,
Тонке, высоке, въ листу широке,
Въ листу широке, въ верху кудряве,
А въ тѣхъ кудерцѣхъ сивъ соколъ сидитъ,
Сивъ соколъ сидитъ, далеко видитъ,
Далеко видитъ, на тихій Дунай,
На тôмъ Дунаю корабель плавле,
А въ тôмъ кораблѣ золотый стôльчикъ,
На тôмъ стôльчику кречная панна,
Кречная панна, на имя Анничка;
Ой сидитъ, сидитъ, хусточки шіе;
Ой едну шіе бѣлою нитью,
А другу шіе срѣбломъ та золотомъ,
А третю шіе, злотомъ гаптуе.
Ой що жь ми шила бѣлою нитью,
То ту жь бы дати чомъ дѣверцеви;
Ой що жь ми шила срѣбломъ та злотомъ,
То ту жь бы дати свому свекрови;
Ой що жь ми шила, злотомъ гаптовала,
То ту жь бы дати свому милому,
Дати бы, дати, нѣкимъ пôслати!
Пôслала бы я своевъ сосѣдковъ:
Въ мене сосѣдка клевѣтниченька,
Она ся на мене тамка набреше,
Такъ ся набреше, якъ сама схоче!
Ще жь бымъ пôслала своевъ матѣньковъ.
Въ мене матѣнька красча вôдъ мене,
Мамку похвалятъ, мене поганятъ!
Ци соромъ, ци два, понесу сама.

(Въ Синеводскѣ отъ Гриня Турчина.)

8.

Ой ясна, красна, калина въ лузѣ,
Въ недѣлю!
Ой а ще красча Анничка въ домѣ:
По двору ходитъ, якъ заря сходитъ,
Въ сѣночки выйшла, якъ зоря зôйшла,
Въ свѣтлойку вошла, паны вставаутъ,
Паны вставаутъ, шапки знимаутъ,
Шапки знимаутъ, её пытаутъ:
«Ци то Царêвна, ци Королêвна?»—
«Я Михайлова дочка, Анночка.»

(Въ Калницѣ Саноцкаго Округа.)

9.

Тутка дѣвочка чорнобрôвая,
Раненько, ой а раненько,
По пôдъ сопенько зелене вино саджено!
Чорнобрôвая, на имя Ганнуся,
Що красно ходитъ, що борзо робитъ.
По за вороты трава-мурава,
Туда ходила кречная панна,
Ой походила, сукню зросила,
Ой на ню ненька та й посварила:
«Ой нене, нене, не свари жь мене!
Блисне сонêчко а въ оконêчко,
Шнуры розвѣшу, сукню высушу,
Сукню высушу, ще красче зряшу.
Занесу её въ теремовый лѣсъ,
Въ теремовый лѣсъ, близко дороги;
Будутъ ѣхати гостй-мѣщане,
Гостй-мѣщане, та й Вôрмяне,
Будутъ ѣхати, та й куповати,
Мене молоду будутъ сватати.
Не пôду жь бо я за мѣщанина,

Але бо пôду за Вôрмянина;
За мѣщаниномъ тяжко робити,
За Вôрмяниномъ грошй лѣчити,
Грошй лѣчити, красно ходити.»

(Въ Стѣнкѣ отъ Михайла Боечка.)

10.

Ой надлетѣли райскй пташата,
Ой раненько!
Якъ надлетѣли, крылами збили,
Крылами збили, панну збудили:
«Ой встань, не лежи, вина стережи!
Бо тобѣ вина найбôльше треба,
Маешь братчика на оженѣнью,
Ой сама жь бо ты та заручена,
Ажь до Галича за Поповича.»

(Въ Хутьковѣ Станисл. Окр. отъ Дмитра Поповича.)

11.

Ой Зъзадѣльское соловятойко,
Дѣвойко!
Ой где жь ты ся ой лѣтовало?
«Лѣтовало 'мь ся оіі по за море.»—
«Що жь 'сь видало?—«Танокъ дѣвочокъ.»
Нема красчои та вôдъ нашои,
Та вôдъ нашои та Анничейки,
Коли ся вбере рано въ недѣлю:
Червоный саянъ землицю мете,
Перлова тканка голову клонитъ,
Золотый поясъ лядвицй ломитъ,
Червоны чижмы нôжки стискаютъ,
Золотый перстѣнь пальчики свѣтлитъ.»

(Въ Славскѣ отъ Михайла Медвѣдскаго.)

12.

Ой рано, рано, куры запѣли,
Ой раненько!
Ой а ще раньше Ганнуся встала,
Ганнуся встала, три свѣчки всукала:
При еднôй свѣчцѣ дворы вмêтала,
При другôй свѣчцѣ столы встилала,
При третêй свѣчцѣ сама ся вбрала;
Сподѣвалася трёхъ старостенькôвъ:
Єдни жь ми стали та й за садами,
Другі ми стали за воротами,
Треті му стали пôдъ сѣньми кôньми.
Взяли радити, якій даръ дати:
Єдному дати шовкову хустку,
Другому дати золотый перстêнь,
Третёму буде сама молода,
Сама молода, та якъ ягода.

(Въ Порховѣ отъ Ивана Кизимы.)

13.

По пôдъ Камêнецъ битый гостинець,
Ой рано, раненько!
Туда жь ми була здавна* стеженька,
Ой ишла жь нею кречная панна,
Кречная панна, на имя Ганнуся,
А за невъ, за невъ Поповиченько,
Поповиченько на кониченьку:
«Ой стôй, погоди, кречная панна,
Загадаю ти трёхъ загадочокъ,
Якъ вôдгадаешь, то моя будешь,
Не вôдгадаешь, батькова будешь.
Що, панно, росте безъ корêнêчка?
Що, панно, горитъ безъ поломêне?
Що, панно, цвѣте безъ сино'цвѣта?»—
А она стала, та й подумала,

Та й подумала, та й вôдгадала;
—«Бѣлъ камêнь росте безъ корêнêчка,
Золото горитъ безъ поломêни,
Папороть росте безъ синоцвѣта.»

(Въ Порховѣ отъ Ивана Кизимы.)

14.

Долѣ лугами калиновыми,
Стôй, калино! Стôй калино,
Сли есь при лузѣ стояла!
Ой ишла туды красна дѣвонька,
Красна дѣвонька, на имя Анничка,
Здыбали её три молодчики:
«Ой стôй, погоди, красна дѣвонько!
Загану я три загадочки,
А сли вôдганешь, то моя будешь,
Якъ не вôдганешь, батькова будешь:
Що, дѣвко, росте безъ коренечка?
Що, дѣвко, цвѣте безъ синоцвѣту?
Що, дѣвко, горитъ безъ поломêни?»—
—«Бѣлъ камêнь росте безъ коренечка,
Папороть цвѣте безъ синоцвѣту,
Золото горитъ безъ поломêне.»

(Въ Тышевницѣ отъ Пилипа Саблаташа.)

15.

Улетѣвъ соколъ изъ улицû въ дворъ,
Ой рано, раненько!
Ой сѣвъ же вôнъ собѣ на оконце,
Та кватирочку все вôтчиняе,
Та у свѣтлочку вôнъ загледае,
Ой ще свѣтлочка та не метена,
А ще Анничка та не чесана,

Не чесалася, не вмывалася,
Бо на батенька розгнѣвалася:
Сукню пошили, покоротили,
Чобôтки вшили, та помалили.

(Въ Синеводскѣ отъ Грыця Турчина.)

16.

Ой зъ пôдгôренька а зъ пôдъ соненька
Ой рано, раненько!
Надѣялася свого милого
Красна дѣвонька, на имя Анничка,
Гатила гаты дорогими шаты,
Мостила мосты жуковинами,
Садила сады все винограды,
Вбирала лѣсы паволоками,
Сѣяла поле дрôбновъ жемчуговъ.
«Та якъ мôй милый на гать поѣде,
Гатѣться, гати, дорогими шаты!
А якъ мôй милый мостомъ поѣде,
Дуднѣть ми, мосты, жуковинами!
А якъ мôй милый садомъ поѣде,
Садѣться, сады, все винограды!
А якъ мôй милый лѣсомъ поѣде,
Шуми жь ми, лѣсе, паволоками!
А якъ мôй милый полемъ поѣде,
Ряхти жь ми, поле, дрôбновъ жемчуговъ,
Дробновъ жемчуговъ, яровъ пшеницевъ!»

(Въ Ясенѣ отъ Гаврила Флёка.)

17.

А въ полѣ, въ полѣ, близко дороги,
Въ недѣлю!
Тамъ стоитъ намѣтъ зъ бѣлого шовку:
Пôдъ тѣмъ наметомъ дорогій стôльчикъ,

На тôмъ стôльчику кречная панна,
Кречная панна, на имя Ганнуся;
Ой сидитъ собѣ, въ кôсточки грае,
Въ кôсточки грае, красно спѣвае.
Ой бувавъ туды зъ давна гостинець,
Надъѣхавъ туды кречный моходець:
«Що жь тамъ такого такъ красно грае,
Такъ красно грае, красно спѣвае?»—
Та повертае итъ наметови,
Ой рече словце итъ кречнôй паннѣ:
«Богъ, помагай, Богъ, кречная панна!
Хто жь тебе навчивъ такъ красно грати,
Такъ красно грати, красно спѣвати?»—
—«Навчила мене моя ненечка,
И нôчь вôдъ ночи не досыпляла,
На бѣлыхъ ручкахъ похитовала,
Злотымъ яблочкомъ покачовала.»

(Въ Жижавѣ отъ Игната Луцева.)

18.

Ой у Львовѣ на торговицѣ!
Въ недѣлю! Въ недѣлю рано,
Ой якъ сонянько сходило!
Ходитъ Ганнуся по торговицѣ,
За нею ходитъ красный молодець,
Красный молодець, премудрый стрѣлець,
За нею ходитъ, съ тихонька мовитъ:
«Ой де жь ми идешь, красна панянко?
Загану тобѣ двѣ загадойцй!»—
«Хиба жь бы я не татунева була,
Щобы я того не вôдганула.»—
«Ой якъ вôдганешь, то моя будешь?»

Ой у Львовѣ на торговицѣ,
Ходитъ Ганнуся по торговицѣ,
За нею ходитъ красный молодець,

Красный молодець, премудрый стрѣлець,
За нею ходитъ, съ тихонька мовить:
«Ой де жь ми идешь, красна панянко?
Загану тобѣ двѣ загадойцѣ!»—
«Хиба бы я не мамунина була,
Щобы я того не вôдганула.»—
«Ой якъ вôдганешь, то моя будешь.»

Ой у Львовѣ на торговицѣ
Ходитъ Ганнуся по торговицѣ,
За нею ходишь красный молодець,
Красный молодець, премудрый стрѣлець,
За нею ходитъ, съ тихонька мовить:
«Ой де жь ми идешь, красна панянко?
Загану тобѣ двѣ загадойцѣ!»
«Хиба бы я не миленького була,
Щобы я того не вôдганула.»—
«Ой якъ вôдганула, то его була.

(Въ Ожидовѣ отъ Оменька Данилашиного.)

19.

Ой на Дунаю, ой на тихонькôмъ,
Дунаю, гей, Дунаю, море,
Серденько, горе!
Плавле, поплавле червêнь корабель,
А въ тôмъ кораблѣ кречная панна,
Кречная панна, на имя Ганнуся,
Берегомъ ходитъ кречный молодець,
Та рече слôвце а тъ кречной паннѣ:
«Приплынь къ берегу, кречная панна,
Загадаю ти а загадочку,
Ой якъ вôдганешь, то моя будешь,
Якъ не вôдганешь, батькова будешь.
А въ лѣтѣ, въ лѣтѣ, а въ Святôмъ Петрѣ,
Ой мерзъ, перемерзъ, тихенькій Дунай;
Я на той лêдъ йшовъ, коня перевêвъ,

И той лёдъ протявъ, коня наповавъ?»—
—«Хиба бы я та не батькова,
Та не батькова, та не ненина,
Щобы я тое не вôдгадала:
А въ зимѣ, въ зимѣ а въ Святôмъ Рôздвѣ,
Въ мене въ городѣ ружя зацвѣла:
Я ружю зôрву, вѣночокъ сплету,
Вѣночокъ сплету, въ него ся вберу,
А на Свято Рôздво до церкви пôду:
Хто мене видѣвъ, мêнѣ завидѣвъ.»

(Въ Жижавѣ отъ Игната Луцена.)

20.

Ой у поленьку, та въ городеньку,
Ой лѣтай, чорна галонька, зъ низенька!
Ой тамъ панонька, на имя Ганнуся,
Зѣлье садила не еднакое,
Не еднакое, а троякое:
Єдно жь ми зѣлье червона ружя,
Друге жь ми зѣлье чорное терно,
Третье жь ми зѣлье жовтое тѣло.
Ой зайде собѣ, та урве собѣ,
Та урве собѣ червону ружю,
Ой прикладае тъ своему личеньку:
«Кобы ми Бôгъ давъ таке личенько,
Годна жь бымъ бути за панскимъ сыномъ,
За панскимъ сыномъ, паніевъ бути.»

Ой у поленьку, та въ городеньку,
Ой тамъ панночка и проч.
Та урве собѣ чорное терно,
Ой прикладае тъ своимъ оченькамъ:
«Кобы ми Бôгъ давъ таки оченька,
Годна жь бымъ бути за Поповичемъ,
За Поповичемъ, Попадёвъ бути»

Ой у поленьку, та въ городенку,
Ой тамъ панночка, на имя Ганнуся,

Зѣлье садила не еднакое,
Не еднакое, а троякое:
Єдно жь ми зѣлье червона ружа,
Друге жь ми зѣлье чорное терно,
Трете жь ми зѣлье жовтое тѣло,
Ой зайде собѣ, та урве собѣ,
Та урве собѣ жовтое тѣло,
Та прикладае тъ своимъ косонькамъ:
«Кобы ми Бôгъ давъ такѝ косоньки,
Годна жь бымъ бути за кмêтскимъ сыномъ,
За кмêтскимъ сыномъ, кметицêвъ бути.»

(Въ Хмелевкѣ Станисл. Окр. отъ Василя Смеречина.

21.

По гôрѣ, горѣ, зелене вино,
Въ недѣлю, въ недѣлю рано
Зелене вино саджено!
Стерегла жь его кречна панночка,
Кречна панночка, на имя Анничка;
Якъ стерегла го, та й обрывала,
Та й обрывала, та й прикладала,
Ой прикладала до свого личка:
«Кобы я таке личенько мала,
Ой годна жь бы я панского сына!»

По горѣ, горѣ, достигъ терночокъ,
А стерегла го кречна панночка,
Кречна панночка, на имя Анничка,
Якъ стерегла го, та й обрывала,
Тай обрывала, та й прикладала,
Ой прикладала та й до оченькôвъ:
«Кобы я такѝ оченька мала,
Ой годна жь бы я панского сына.»—

По горѣ, горѣ, зацвѣвъ косатецъ,
Ой стерегла го кречная панна,

Кречная панна, на имя Анничка,
Якъ стерегла го, та й обрывала,
Та й обрывала, та й прикладала,
Ой прикладала, чомъ до косечки:
«Кобы менѣ такъ косачка цвѣла,
Ой годна жь бы я панского сына!»

(Въ Худьковѣ отъ Дмитра Поповича.)

22.

Ой заперлася Ганнусейка въ яворовôй коморѣ,
Ой на дворѣ! Надъ ворожейки щебетали ластовойки!
Прійшовъ до неѐ батейко: «Ой отворися донейко!»—
—«Ой не отворюся, батейку, бо ся бою вѣтройку;
Сонце личейко а впече, вѣтрець косойку усѣче.»

Ой заперлася Ганнусейка въ яворовôй коморѣ,
Прійшла до неѐ матѐнька: «Ой отворися, донейко!»
—«Ой не отворюся, матѐнько, бо боюся вѣтройку:
Сонце личенко а впече, вѣтрець косойку усѣче.»

Ой заперлася ганнусейка въ яворовôй коморѣ,
Прійшовъ до неѐ братейко: «Ой отворися, сестройко!»—
—«Ой не отворюся, братейку, бо ся бою вѣтройку:
Сонце личейко а впече, вѣтрець косойку усѣче.»

Ой заперлася Ганнусейка въ яворовôй коморѣ,
Прійшовъ до неѐ милейко: «Ой отворися, милейка!»—
—«Ой отворюся, милейкій, бо ся не бою вѣтройку,
Сонце личейко не впече, вѣтрець косойку не всѣче.»

(Въ Яворовѣ отъ Андрея Маковѣя.)

23.

Ой на Дунаю, та на берѐжку,
Дунаю, гей, Дунаю, море!
Серденько, горе!
Та на берѐжку, на жовтôмъ пѣску,

Красна дѣвойка та Ганусейка,
Садокъ саджала та поливала,
Поливаючи а промовляла:
«Ой рости, саде, а высше мене,
Ой высше мене, а красше мене;
А у тôмъ садѣ три користойки:
Першая користь а орѣшейки,
А друга користь червоны вишнѣ,
А третя користь червоны ябка:
Ой орѣшейки, ай для братчика,
Червоны вишнѣ для милойкого,
Червоны ябка та для дѣвойки.»

(Въ Яворовѣ отъ Андрея Маковѣя.)

24.

Була въ батенька нова свѣтлонька,
Въ недѣлю! Въ недѣлю рано
Зелене вино саджено!
А коло неê садокъ садженый,
Садокъ садженый, злотомъ ряшеный,
А въ тôмъ садочку зелене вино,
Зелене вино, що Богу мило,
Стерегла жь его красна дѣвонька;
Красна дѣвонька, на имя Анничка,
Ой стерегучи шитêнько шила,
Шитêнько шила, твердо уснула:
Та надлетѣли райскѣ пташеньки,
Сѣли, упали, на злоту рясу,
А злота ряса та завенѣла,
Та й ся дѣвонька съ сну прохопила:
«Ой гиший, гиший, райскѣ пташеньки!
Не вамъ батенько садочокъ садивъ,
Садочокъ садивъ, все злотомъ рясивъ,
Зелене вино бирао оздбôне:
Маю я брата на оженêнью,
Сама молода на отданêнью».

(Въ Ясенѣ отъ Гаврила Флёка.)

25.

Ой у садочку та у вишневôмъ,
 Щедрый вечеръ! Добрый вечеръ!
Тамъ паняночка та Ганнусенька,
Шитянько шила, саду стерегла,
Саду стерегла, твердо заснула,
Ой надлетѣли райскі пташеньки,
Ой сѣли, упали, въ вишневый садокъ,
Въ вишневый садокъ, на злоту рясу,
А злота ряса та й зазвонила,
Въ тôмъ ся панянка зъ сну пробудила:
«Ой гиша въ луги, райскі пташеньки!
Не для васъ садокъ вишневъ садженый,
Садокъ садженый, злотомъ ряшеный,
Маю я брата на оженѣню,
Сама молода на ôтданѣню.»

(Въ Ожидовѣ отъ Онисьна Данилишинаго.)

26.

Зажурилися горы й долины,
 Добрый вечеръ! Святый вечеръ!
Що не зродили жито, пшеницю,
Ино зродили винограденько;
Стерегла его кречная панна,
Кречная панна, та Ганнусенька,
А стережучи твердо уснула,
Ой надлетѣли райскі пташеньки,
Та обдзёбали винограденько:
Она ся тогды та пробудила,
Якъ пробудила, птахи оганяла:
«Ой гиший, гиший, райскі пташеньки!
Не обзёбуйте винограденько,
Бо менѣ вина богато треба:
Маю братчика на оженѣйку,

Маю сестроньку на вôдданêйку,
Сама молода зарученная,
Зарученная за Поповича,
Моя сестронька за Вôйтовича:
Поповичъ купитъ шовкову шубу,
Вôйтовичъ купитъ золотый вѣнець.»

(Въ Русовѣ отъ Степана Луцика.)

27.

Ой въ садку, 2 садженôмъ,
Въ недѣлю!
Садку садженôмъ, поостроженôмъ,
А на вершечкахъ позолоченôмъ,
А въ тôмъ садочку теремъ збудованъ,
А въ тôмъ теремѣ кречная панна,
Кречная панна, на имя Анничка,
Ой сидитъ, сидитъ ключики звенитъ,
Та й держитъ собѣ троякій напôй:
Єдинъ напоець зелене вино,
Другій напоець кудрое пиво,
Третій напоець солодкій медокъ.
Ой пили жь въ неê три крамарчики,
Ой пили, пили, та не платили,
А она жь бо ся померковала,
Три крамарчики заграбовала:
Въ едного взела сивъ кониченька,
Въ другого взела ясну шабельку,
Въ третего взела дорогу шубу;
Сивъ кониченька своему тату,
Ясну шабельку старшому брату,
Дорогу шубу самôй молодôй,
Самôй молодôй, та якъ ягодѣ.

(Въ Глубокомъ отъ Павла Остапкова.)

28.

А въ моста, въ моста калинового,
Калино! Калино! Где жь ты у лузѣ стояла?
Стоитъ коршмонька орѣховая,
А въ тôй коршмонцѣ кречная панна,
Кречная панна, на имя Ганнуся,
Шенкуе жь она медомъ та виномъ,
Медомъ та виномъ, кудрявымъ пивомъ;
Ой пили въ неê три Козаченьки,
Ой пили, пили, та не платили,
Конî всѣдлали, та поѣхали;
Она за ними далѣ въ погонѣ,
Якъ здогонила, въ той разъ спинила;
Въ едного взяла срêбный перстенець,
Въ другого взяла тугенькій лучокъ,
Тугенькій лучокъ до бѣлыхъ ручокъ,
Въ третёго взяла сивъ коничевька;
Сивъ коничевка братови дала,
Тугенькій лучокъ милому дала,
Срêбный перстенець самôй молодôй,
Самôй молодôй, отъ якъ ягодѣ.

(Въ Русовѣ отъ Степана Луцика.)

29.

Ой рано, рано, куроньки пѣли,
Ой рано, раненько!
Ой аще раньше Анничка встала,
Анничка встала, дворы вмêтала,
Дворы вмêтала, столы встêлала,
Столы встêлала, павоньки гнала,
Павоньки гнала въ вишневый садокъ:
Павоньки идутъ, пѣренько ронятъ,
Дѣвонька иде, пêренько бере,
Пêренько бере, въ рукавець кладе,
Зъ рукавця брала, на столикъ клала,

Зъ столика брала, вѣнокъ сплётала,
Вѣнокъ сплётала, на главку клала:
«Дивися, ненько, ци красно буде,
Ци красно буде до церкви пôти?
Богу Святому на охвалочку,
А людемъ добрымъ на подарочку,
Отцу та й матцѣ на утѣшеньку,
А миленькому на розмовочку.»

(Въ Хмелевѣ отъ Василя Смереченаго.)

30.

Ишла Ганнуся рано по воду,
Ой рано! ой рано, рано!
Барзо раненько, на зорях!
Съ орѣховыми коновочками,
Ой съ золотыми накрывочками;
Ой на ней вѣнець, що есть зъ трёхъ квѣтець;
Десь ми ся взяли буйны вѣтрове,
Звѣяли зъ неê золотый вѣнець,
Занесли ёго на тихій Дунай;
Ой пôшла жь она до рыболовцêвъ,
А рыболовцѣ, всѣ три молодцѣ!
«Сѣдайте же вы въ золотый човенъ,
Поѣдете вы на тихій Дунай,
Привезѣть менѣ золотый вѣнець,
Золотый вѣнець, що есть зъ трёхъ квѣтець:
Єдному буде золотый вѣнець,
Золотый вѣнець, що есть зъ трёхъ квѣтець;
Другому буде золотый перстень,
Третёму буде сама молода,
Сама молода, а якъ ягода.»

(Въ Ожидовѣ отъ Ониська Данилишинаго.)

31.

Ой заспѣвали райскй пташенькй,
Въ недѣлю! Въ недѣлю рано
Зелене вино саджено!
«Ой не спѣвайте, райскіи пташенькй
Бо мôй миленькій братъ трудненькій,
Барзо трудненькій зъ вôйны пріѣхавъ,
Та привêзъ мêнѣ даръ невеличкій,
Даръ невеличкій, жовтй чобôтки.»

Ой заспѣвали райски пташенькй:
«Ой не спѣвайте, райскй пташеньки,
Бо мôй миленькій барзо трудненькій,
Барзо трудненкій зъ вôйны пріѣхавъ,
Та привêзъ мêнѣ даръ невеличкій,
Даръ невеличкій, кованый поясъ.»

Ой заспѣвали райскй пташенькй:
«Ой не спѣвайте, райскй пташенькй,
Бо мôй миленькій барзо трудненькій,
Барзо трудненькій зъ вôйны пріѣхавъ,
Та привêзъ мêнѣ даръ невеличкій,
Даръ невеличкій срêбный перстенецъ.»

Ой заспѣвали райскй пташенькй:
«Ой не спѣвайте, райскй пташенькй,
Бо мôй миленькій барзо трудненькій,
Барво трудненькій зъ вôйны пріѣхавъ,
Та привêзъ мêнѣ даръ невеличкій,
Даръ невеличкій, перлову тканку:

Жовтй чобôтки на бѣлы нôжки,
Кованый поясъ та на лядвоньки,
Срêбный перстенецъ на бѣлы палцй,
Перлова тканка на головоньку.
Жовты чобôтки стискаютъ нôжки,
Кованый поясъ лядвоньки ломитъ,

Срêбный перстенець пальчики̂ свѣтлитъ,
Перлова тканка головку клонитъ,
Головку клонитъ та батенькови,
Жичь, Боже, на рôкъ та миленькому!»

(Въ Ясенѣ отъ Васила Григоряка.)

32.

Прала дѣвчина шовковы хусты
На леду, на леду, леду,
Въ студницѣ, кирницѣ!
Перучи хусты, перстêнь сгубила,
Взяла батенька та покликати:
«Пôди, батеньку, перстêнь ми знайди!»
Батенько пôшовъ, перстêнь не знайшовъ.

Прала дѣвчина шовковы хусты,
Перучи хусты, перстêнь сгубила,
Взяла матêньку та покликати:
«Пôди, матêнько перстêнь ми знайди!»
Матêнька пôшла, перстêнь не знайшла.

Прала дѣвчина шовковы хусты,
Перучи хусты, перстêнь сгубила,
Взяла братенька та покликати:
«Пôди, братеньку, перстêнь ми знайди!»
Братенько пôшовъ, перстêнь не знайшовъ.

Прала дѣвчина шовковы хусты,
Перучи хусты, перстêнь сгубила,
Взяла милого та покликати:
«Пôди, миленькій, перстêнь ми знайди!»
Миленькій пôшовъ, та й перстêнь знайшовъ.

(Въ Розгорьѣ отъ Якима Дѣдуха.)

33.

Тамъ на водѣ, на Гординѣ,
Гордано! вода студеная!
Тамъ Ганнуся бѣль бѣлила,
Бѣль бѣлила, загубила:
«Пôди, батеньку, бѣльцю знайди!»
Батенько пôшовъ, бѣльцю не знайшовъ.

Тамъ на водѣ на Горданѣ,
Тамъ Ганнуся бѣль бѣлила,
Бѣль бѣлила, загубила:
«Пôди, матéнько, бѣльцю знайди!»
Матéнька пôшла, бѣльцю не знайшла.

Тамъ на водѣ на Горданѣ,
Тамъ Ганнуся бѣль бѣлила,
Бѣль бѣлила, загубила:
«Пôди, братчику, бѣльцю знайди!»
Братенько пôшовъ, бѣльцю не знайшовъ.

Тамъ на водѣ на Горданѣ,
Тамъ Ганнуся бѣль бѣлила,
Бѣль бѣлила, загубила:
«Пôди, сестричко, бѣльцю знайди!»
Сестронька пôшла, бѣльцю не знайшла.

Тамъ на водѣ на Горданѣ,
Тамъ Ганнуся бѣль бѣлила,
Бѣль бѣлила, загубила:
«Пôди, миленькій, бѣльцю знайди!»
Миленькій пôшовъ, бѣлцю знайшовъ.

(Въ Зарваницѣ отъ Луця Микитинаго.)

34.

Ой по пôдъ садомъ, пôдъ виноградомъ,
Въ ялинѣ, въ ялинѣ,
При зелененькôй дубинѣ!
Тамъ паняночка, чомъ Анниченька,

Волики пасла, шитянко шила,
Шитянко шила, твердо заснула,
Твердо заснула, волы сгубила,
Волы слубила, батька просила:
«Иди, батеньку, волики знайди,
Волики знайди, мêнѣ прижени!»
Батенько, не йде, батенько не хоче.

Ой по пôдъ садомъ, пôдъ виноградомъ,
Тамъ паняночка и проч.
Волы сгубила, матêньку просила:
«Иди, матêнько, волики знайди,
Волики знайди, мêнѣ прижени!»
Матêнька не йде, матêнька не хоче.

Ой по пôдъ садомъ, пôдъ виноградомъ,
Тамъ паняночка и проч.
Волы сгубила, братчика просила:
«Иди, братчику, волики знайди,
Волики знайди, мêнѣ прижени!»
А братчикъ не йде, а братчикъ не хоче.

Ой по пôдъ садомъ, пôдъ виноградомъ,
Тамъ паняночка, чомъ Анниченька,
Волики пасла, шитянько шила,
Шитянько шила, твердо заснула,
Твердо заснула, волы сгубила,
Волы сгубила, милого просила:
«Иди, миленькій, волики знайди,
Волики знайди, мêнѣ прижени!»
Миленькій иде, волики жене.
Лѣпшій миленькій, якъ братъ рôдненькій.

(Въ Синеводскѣ отъ Гриня Турчина.)

Ту же колядку поютъ въ Порховой, начиная и припѣвая:

Пасла Ганнуся чотыре волы,
Пôдъ боромъ, пôдъ боромъ, боромъ,
Пôдъ зелененькимъ яворомъ!
Тамъ паняночка, тамъ Анниченька,
Волики пасла, шитенько шила, и проч.

35.

А въ городечку червона ружя,
Процвѣтай, 2, червона ружя,
Рано въ недѣлю!
Стерегла еê кречна панночка,
Кречна панночка, чомъ Анниченька.
Выйшовъ до неê еê батенько:
«А донько жь моя, зôрви ми ружю!»—
—«Ой нѣтъ, не зôрву, милому держу!»

Ой въ городечку червона ружя,
Стерегла еê кречна панночка,
Кречна панночка, чомъ Анниченька,
Выйшла до неê еê матêнька:
«Ой донько жь моя, зôрви ми ружю!»—
—«Ой нѣтъ, не зôрву, милому держу!»

А въ городечку червона ружя,
Стерегла еê кречна панночка,
Кречна панночка, чомъ Анниченька,
Выйшовъ до неê сê братенько:
«Ой сестро жь моя, зôрви ми ружю!»—
—«Ой нѣтъ, не зôрву, милому держу!»

А въ городечку червона ружя,
Стерегла еê кречна панночка,
Кречна панночка, чомъ Анниченька;
Выйшовъ до неê еê миленькій:
«Ой мила жь моя, зôрви ми ружю!»—
—«Ой зêрву, зôрву, бо тобѣ держу!»

(Въ Розгôрчѣ отъ Якима Дѣдуха.)

36.

Плыла Ганнуся краêмъ Дунаêмъ,
Дунаю, Дунаю, море!
Ганнусю, зоре,
Серденько!

Выйшовъ до неê батенько еê:
«Ганнусю, душко, дай же ми ручку!»
Ой не подала, та й не выплыла.

Плыла Ганнуся краёмъ Дунаёмъ,
Выйшла до неê матёнка еê:
«Ганнусю, душко, дай же ми ручку!»
Ой не подала, та й не выплыла.

Плыла Ганнуся краёмъ Дунаёмъ,
Выйшовъ до неê братенько еê:
«Ганнусю, душко, дай же ми ручку!»
Ой не подала, та й не выплыла.

Плыла Ганнуся краёмъ Дунаёмъ,
Выйшла до неê сестронька еê:
«Ганнусю, душко, дай же ми ручку!»
Ой не подала, та й не выплыла.

Плыла Ганнуся краёмъ Дунаёмъ,
Выйшовъ до неê миленькій еê:
«Ганнусю, душко, дай же ми ручку!»
Скоро подала, заразъ выплыла.

(Въ Зарваницѣ отъ Луца Микитинаго.)

37.

Ой а у Львовѣ, въ Радовôмъ Домѣ,
На рынку вили вѣночки
Все паняночки
Зъ барвѣнку!
Тамъ дѣвчинойка вѣночки вила,
Ой вила, вила, позолотила;
Прійшовъ до неê батенько еê:
«Дай ми, донейко, хоть єдинъ вѣнокъ!»
—«Татуню, не дамъ; бо ся ти не здамъ!»

Ой а у Львовѣ, въ Радовôмъ Домѣ,
Тамъ дѣвчинойка вѣночки вила,

Ой вила, вила, позолотила;
Прійшла до неё матёнька её:
«Дай ми, донейко, хоть единъ вѣнокъ!»—
—«Мамуню, не дамъ; бо ся ти не здамъ!»

Ой а у Львовѣ, въ Радовôмъ Домѣ,
Тамъ дѣвчинойка вѣночки вила,
Ой вила, вила, позолотила;
Прійшовъ до неё миленькій её:
«Дай ми, миленька, хоть единъ вѣнокъ!»—
—«Милейкому дамъ; бо ся ему здамъ.»

(Въ Ожидовѣ отъ Онисьиа Данилишинаго.)

38.

А въ виннôмъ, виннôмъ, виннôмъ городѣ
Ой раненько!
Ой тамъ дѣвчина, на имя Анничка,
Самъ бôръ садила, вина стерегла;
Надôйшовъ же тъ нêй батенько её:
«Моя дитина, продай ми вина!»—
—«Ой не продамъ ти, та й дурно не дамъ.
Бо ся въ недѣлю гостей надѣю!»

А въ виннôмъ, виннôмъ, виннôмъ городѣ,
Ой тамъ дѣвчина, на имя Анничка,
Самъ бôръ садила, вина стерегла;
Надôшлай же тъ нêй матёнька её:
«Моя дитина, продай ми вина!»—
—«Ой не продамъ ти, та й дурно не дамъ,
Бо ся въ недѣлю гостей надѣю!»

А въ виннôмъ, виннôмъ, виннôмъ городѣ,
Ой тамъ дѣвчина, на имя Анничка,
Самъ бôръ садила, вина стерегла;
Надôйшовъ же тъ нêй а братчикъ её:
«Моя сестричко, продай ми вина!»—

—«Ой не продамъ ти, та й дурно не дамъ;
Бо ся въ недѣлю гостей надѣю!»

А въ виннôмъ, виннôмъ, виннôмъ городѣ,
Ой тамъ дѣвчина, на имя Анничка,
Самъ бôръ садила, вина стерегла;
Надôйшла же тъ ней сестричка ее:
«Моя сестричко, продай ми вина!»—
—«Ой не продамъ ти, та й дурно не дамъ,
Бо ся въ недѣлю гостей надѣю.»

А въ виннôмъ, виннôмъ, виннôмъ городѣ,
Ой тамъ, дѣвчина, на имя Анничка,
Самъ бôръ садила, вина стерегла;
Надôйшовъ же тъ ней миленькій ее:
«Ой моя мила, ты чорнобрôва,
Ты чорнобрôва, продай ми вина!»
—«Тобѣ не продамъ, такы дурно дамъ,
Бо ся въ недѣлю тебе надѣю!»

(Въ Хутьковѣ отъ Дмитра Поповича.

39.

Ой въ лѣску, въ лѣску, на жовтôмъ пѣску,
Зелена, зелена, яблôнь
Червоны ябка зродила!
Стерегла ябка красна дѣвонька,
Красна дѣвонька, чомъ Анниченька;
Прійшовъ до нее батенько ее:
«Ой донько жь моя, верзь же ми ябко!»—
—«Бôгъ ме, не вержу, милому держу!»

Ой въ лѣску, въ лѣску, на жовтôмъ пѣску,
Стерегла ябка красна дѣвонька,
Красна дѣвонька, чомъ Анниченька,
Прійшла до нее матенька ее:
«Ой донько жь моя, верзь же ми ябко!»—
—«Бôгъ ме, не вержу, милому держу!»

Ой въ лѣску, въ лѣску, на жовтôмъ пѣску,
Стерегла ябка красна дѣвонька,
Красна дѣвонька, чомъ Анниченька;
Прійшовъ до неê братенько еê:
«Ой сестро моя, верзь же ми ябко!»—
—«Богъ ме, не вержу, милому держу!»

Ой въ лѣску, въ лѣску, на жовтôмъ пѣску,
Стерегла ябка красна дѣвонька,
Красна дѣвонька, чомъ Анниченька;
Прійшла до неê сестричка еê:
—«Богъ ме, не вержу, милому держу!»
«Ой сестро моя, верзь же ми ябко!»

Ой въ лѣску, въ лѣску, на жовтôмъ пѣску,
Стерегла ябка красна дѣвонька,
Красна дѣвонька, чомъ Анниченька;
Прійшовъ до неê миленькій еê:
«Ой мила моя, верзь же ми ябко!»—
—«Ой вержу, вержу, бо тобѣ держу!»—

(Въ Ясенѣ отъ Гаврила Флёка.)

40.

Тамъ на горонцѣ, въ новôй коршмонцѣ
Играли, играли, Угре,
По червоному метали!
Тамъ же ми ходитъ танокъ дѣвочокъ,
Тамъ една панна всѣмъ передъ водитъ,
Выходитъ итъ нѣй батечко еê:
«Ой часъ бы тобѣ, ма доню, домѣ!»—
—«Най танку дôйду, до дому пôду!»—
Таночку дôшла, и въ другій пôшла!

Тамъ на горонцѣ въ новôй коршмонцѣ,
Тамъ же ми ходитъ танокъ дѣвочокъ;
Тамъ една панна всѣмъ передъ водитъ,
Выходитъ итъ нѣй метенька еê:
«Ой часъ бы тобѣ, ма доню, домѣ!»—

—«Най танку дойду, до дому поду!»
Танчику дôшла, и въ другій пôшла.

Тамъ на горонцѣ, въ новôй коршмонцѣ,
Тамъ же ми ходитъ танокъ дѣвочокъ;
Тамъ една панна всѣмъ передъ водитъ,
Выходитъ итъ нѣй братечко еѐ:
«Ой часъ бы тобѣ, сестрице, домѣ!»—
—«Выжди, братечку, хоть годиночку,
Най же я зведу таночокъ, та й домѣ!»
Танчику дôшла, и въ другій пôшла.

Тамъ на горонцѣ, въ новôй коршмонцѣ,
Тамъ же ми ходитъ танокъ дѣвочокъ;
Тамъ една панна всѣмъ передъ водитъ,
Выходитъ итъ нѣй сестриця еѐ:
«Ой часъ бы тобѣ, сестрице, домѣ!»—
—«Выжди, сестрице, хоть годиночку, або двѣ!»
Най же я зведу тихій таночокъ, та й домѣ!»
Танчику дôшла, и въ другій пôшла.

Тамъ на горонцѣ, въ новôй коршмонцѣ,
Тамъ же ми ходитъ танокъ дѣвочокъ:
Тамъ една панна всѣмъ передъ водитъ,
Выходитъ итъ нѣй миленькій еѐ:
«Ой часъ бы тобѣ, миленькои, домѣ!»—
Танку не дôшла, до дому пôшла.

(Въ Синеводскѣ отъ Гриня Турчина)

Эту же самую колядку пѣлъ въ Зарваницѣ и Луцъ Микитинъ.

41.

(Руск. Днѣстр. 36; Пауль I, 3.)

Ой у садоньку павоньки ходятъ,
 Ой дай, Боже!
Павоньки ходять, пёренько роня'тъ,
Ходитъ за ними красна дѣвонька,
Пёренько збира'тъ, въ рукавець кладе,
Зъ рукавця бере, на столикъ кладе,
Зъ столика бере, вѣночокъ плете,
Павляный вѣнокъ, чистый барвёнокъ,
Все примѣряе, на головоньку:
«Дивися, ненько, цы оздбоненько!»
Пôшла дѣвчина рано по воду,
Та зôрвалися буйнй вѣтрове,
Буйнй вѣтрове, тайнй дождьове,
Шайнули вѣнкомъ пôдъ крутый берегъ,
Пôдъ крутый берегъ, въ глыбокій Дунай:
Плыне вѣночокъ краемъ Дунаемъ,
А в'на за нею все берегою,
Та издыбае три рыбареве,
Три рыбареве, панскіи слуги:
«Май Бôгъ, помай Бôгъ, три рыбареве,
Три рыбареве, панскіи слуги,
Цы не стрѣчали, цы не спôймали,
Павляный вѣнокъ, чистый барвёнокъ?»—
—«Ой мы стрѣчали, та й мы спôймали,
Павляный вѣнокъ, чистый, барвёнокъ,
Та що жь намъ буде за переемець?» —
«Одному буде золотый перстень,
Золотый перстень зъ бѣлого пальця;
Другому буде хустка шовкова,
Хустка шовкова зъ бѣлои шеи;
Третёму буде сама молода,
Сама молода, та якъ ягода.»

42.

(Паул. I, 94, и 165.)

«А где жь ты бувавъ, воробеёньку?»
Въ недѣлю, въ недѣлю, рано
Ясне соненько сходило!
«Ой бувавъ же я на загôреньку»—
«А що жь ты видавъ, воробеёньку?»—
«Ой видавъ же я танокъ дѣвочокъ».—
«Ой есть где красша та вôдъ нашои?—
«Нема красшои та й вôдъ нашои:
Въ таночку ходитъ, передъ нимъ водитъ:

Надôйшовъ идъ нéй татунё её:
«Ой часъ бы, доню, до дому ити.»—
—«Лишь танку дôйду, до дому пôду.»
Таночку дôйшла, другого пôшла.

Надôшла идъ неё матёнька её:
«Ой часъ бы, доню, до дому ити.»—
—«Лишь танку дôйду, до дому пôду.»
До дому не йшла другого пошла.

Надôйшла идъ неё сестриця её:
«Ой часъ, сестрице, до дому ити:»—
—«Лишь танку дôйду, до дому пôду».
До дому не йшла, другого пôшла.

Надôйшовъ идъ неё миленькій её:
«Ой часъ, миленька, до дому ити.»
—«Лишь танку дôйду, до дому пôду.»
Таночку дôйшла, до дому пôшла.

4. Благожеланія или послѣпѣнія дѣвкамъ и дѣвчатамъ.

1.

Бувай ми здорова, кречная панно!
Ой дай, Боже!
Кречная панно, чомъ Анниченько!
Не сама съ собовъ, съ вôтцемъ, съ маткою,
Съ вôтцемъ, съ маткою, съ всёвъ челядкою.
Ой дай, Боже!

2.

Бувай здорова, прекрасная панно!
Прекрасная панно, чомъ Ганнусенько,
Рости тонко, высоко,
Свому отцеви на услужейку,
Свому братови на утѣшейку,
А людскимъ дѣткамъ на завидойку!

3.

Бувай здорова, красна панночко!
Красна панночко, на имя Анничко,
Дай же ти, Боже, счастье, здоровлье,
Счастье, здоровлье, добрую долю,
Віншуемо тя счастямъ, здоровлямъ,
Счастямъ, здоровлямъ, та й товъ колядовъ!

4.

А за симъ словомъ бувай здорова,
Бувай здорова, красная панно,
Красная панно, на имя Анничко,
Не сама съ собовъ, съ отцемъ и съ матковъ!
Дай же ти, Боже, въ городѣ зёлье,
Въ городѣ зёлье, въ дому весёлье.
Поздравляемъ тя Святыми Святы,
Святыми Святы, все роковыми,
Все роковыми, все Рôздвяными!

5.

А за симъ словомъ бувай здорова,
Бувай здорова, красная панно,
Красная панно, на имя Анницe,
Не сама съ собою, съ отцемъ, съ маткою,
Съ отцемъ, съ маткою и съ челядкою,
И съ братчиками, та й съ сестричками,
Та й съ усѣмъ родомъ, съ краснымъ обходомъ!
Дай же ти, Боже, въ городѣ зѐлье,
Въ городѣ зѐлье, въ дому весѐлье,
Въ дому весѐлье барзъ весѐльне,
Барзъ весѐльне, на славу втѣшне!
Рости жь велика, будь довговѣчна,
Будь довговѣчна, и Богу вдячна,
Будь Богу вдячна, людемъ велична,
Отцу та й матцѣ на утѣхочку,
А людемъ добрымъ на порадочку!
Поздравляемъ тя счастёмъ, здоровлёмъ,
Счастёмъ, здоровлёмъ, краснымъ молодцемъ,
Краснымъ молодцемъ и добровъ долевъ.

6.

Бувай здорова, красная панно,
И съ своимъ милымъ а и съ батенькомъ,
Съ своей милою и съ матѐнкою,
Съ своей посполу и челядкою!

7.

А за симъ словомъ бувай здорова,
Ой дай, Боже!
Бувай здорова, красная панно!
Виншуемо ти счастёмъ, здоровлёмъ,

Счастёмъ, здоровьёмъ, та й вѣкомъ довгимъ,
Та й вѣкомъ довгимъ, розумомъ добрымъ,
Не сама съ собою, съ всевъ челядкою,
Та й съ усѣмъ домомъ, со Святымъ Богомъ!
Рости велика до черевика,
Вôдъ черевика до чоловѣка,
Ой дай, Боже!

---

5. Прибавки къ колядкамъ, поемыя, или приговариваемыя, на концѣ, при полученіи подарковъ.

1.

Уже жь мы ти ся вôдщебетали,
Якъ соловêи при лузѣ, въ лузѣ,
Якъ зазуленька при буковинѣ,
Якъ ластôвонька при новыхъ сѣнехъ,
Якъ перепêлка при новôй нивцѣ.

2.

Вамъ колядочка, намъ горѣлочка!
Давно бувало по сто червоныхъ,
Теперь най буде гарнець горѣлки!

3.

Сли маешь сына, йди, вкопли сыра!
Сли маешь дѣвку, шли по горѣвку,
Лѣзь на драбину, край солонину!
Зъ великого вышку намъ горѣхôвъ миску!
Рости велика, а не будь лиха,
Рости велика до черевика,
Вôдъ черевика до чоловѣка!

6. Плясанки, поемыя при колядныхъ плясках.

1.

Ой дай же, дай же, сли маешь дати,
Не маешь дати, выгони зъ хати,
Ой хоть ожогомъ, хоть кочергою,
Хоть дѣвчиною кострубатою!

2.

Ой плыне качоръ долѣ водою,
Єму затычка за головою:
Затычко моя затыченая,
Дѣвчино моя зарученая!

3.

Ой гиля, гиля, гусочки, на ставъ!
Добрый день, дѣвчино! Я всю нôчь не спавъ,
Ой не спавъ, не спавъ, не буду спати,
Бо за годину буду гуляти.

4.

А зъ горы та въ яръ, тамъ кума моя!
А въ кумы дѣвчина, то душа моя!
Ой дамъ я Попу пшеницѣ копу,
Лишь мене звѣнчай съ куминымь дѣвчамъ.
Копа пропала, я не звѣнчана,
Бодай тя, Попоньку, трястя напала!

5.

На печи индичка узувается,
Къ неи индикъ присувается:
«Небоже, инде,
Ходѣмъ де инде!»

б) Колядки, записанныя Титомъ Андреевичемъ Бурачинскимъ въ Черномъ Потокѣ Коломыйскаго Уѣзда.

I. Хозяину.

1.

Ой рано, рано, куры запѣли,
Ой дай, Боже!
Ой ёще раньше нашь панокъ уставъ,
Нашь панокъ уставъ, ноженьки вбувавъ,
Ноженьки вбувавъ, личенько вмывавъ,
Личенько вмивавъ, три свѣчи всукавъ,
Три свѣчи всукавъ, коника всѣдлавъ,
Коника всѣдлавъ, во Львовъ поѣхавъ.
Поѣхавъ во Львовъ стеречи бродовъ,
Стереже нôчку, стереже другу,
Пристерêгъ собѣ Турского Царя,
Турского Царя, нашого пана,
Присиливъ собѣ до свого коня,
А въ того коня грива золота,
Грива золота коня покрыла,
Срêбны копыта камêнь лупаютъ,
Слушныи ушка правды слухаютъ,
Золоты очи звѣзды считаютъ.
Не вевъ вôнъ его нигде полями,
Нигде полями, все пожарами,
Тоненкій пожаръ а въ нôжки коле,
А въ нôжки коле, а въ ручки боле,
Червона кровця слѣдъ заплывае,
Чорненькій воронъ все залêтае,
Все залêтае, кровцю спивае,
А Царь до Бога все промовляе:
«Або мя пусти, або мя зôтни,
Або мя зôтни, або мя заведи,

Або мя заведи въ Ляцкую землю,
А въ Ляцкôй земли Королемъ буду.
Королемъ буду, міру наплоджу,
Міръ Православный, дôмъ господарный!
Ой дай, Боже!

2.

Ой тъ сему дому итъ веселому,
Ой дай, Боже!
Пречиста Дѣва сына породила,
Сына породила, въ лужко положила,
Въ лужко положила, Ангелы послала,
Ангелы послала по всему свѣту,
По всему свѣту, по всѣхъ манастыряхъ,
Щобы ся сходили, дитя йменовали
Дали му имя Пресвятый Дюря;
Пречиста Дѣва тое учула, не полюбила,
Не благословила и сыномъ не звала.

Ой тъ сему дому и проч.
Листы писала, Ангелы послала и проч.
Бы ся сходили, дитя йменовали.
Дали ему имя Св. Петро;
Пречиста дѣва тое учула, не полюбила,
Не благословила и сыномъ не звала.

Ой тъ сему дому и проч.
Листы писала, Ангелы послала и проч.
Що бы ся сходили, дитя йменовали,
Дали ему имя самъ Исусъ Христосъ;
Пречиста Дѣва тое учула, тое полюбила,
Поблагословила и сыномъ назвала.

Красно го убрала, до церкви дала,
А та церковця съ пятьма верхами,
Съ пятьма верхами, съ трема вôкнами,
Съ трема вôкнами, съ райскими дверцями:
Одное оконце—що сходитъ сонце,

Другее оконце—въ полудне сонце,
Трете оконце—заходитъ сонце,
А въ райскихъ дверяхъ самъ Исусъ ходитъ,
Самъ Исусъ ходитъ, на службы проситъ,
На службы проситъ за міръ Православный,
За міръ Православный, за домъ господарный.
Ой дай, Боже!

3.

Ой небомъ, небомъ, небомъ синенькимъ,
Ой дай, Боже!
А по нёмъ ходитъ мѣсяцъ ясненькій,
Ясна зôрничка, его сестричка:
«Куда ты идешь, ясна зôрнице?»—
—«Иду вôдъ Бога, иду на землю,
Иду на землю, иду на села,
Богу на славу, людемъ на хвалу,
Чи такъ и теперь, якъ съ стародавна,
Якъ съ стародавна, якъ съ первовѣку:
Чи сытятъ меды Святôй Вечерѣ,
Чи точатъ вино Святому Рôздву,
Чи варятъ пиво Святому Сбору,
Чы сынъ до вôтця ще шлетъ вечеру,
Донька матери чи шле вечеру,
А братъ до брата чи шле вечеру,
Сестра до сестры чи шле вечеру,
А кумъ до кума чи шле вечеру,
Сусѣдъ сусѣдѣ чи шле вечеру,
—«Не такъ то теперь, якъ съ стародавна,
Якъ съ стародавна, якъ съ первовѣку:
Не сытятъ меды Святой Вечерѣ,
Не точатъ вина Святому Рôздву,
Не варятъ пива Святому Сбору,
А сынъ до вôтця не шле вечеру,
Донька матери не шле вечеру,
А братъ до брата не шле вечеру,

Сестра до сестры не шле вечеру,
А кумъ до кума не шле вечеру,
Сусѣдъ сусѣдѣ не шле вечеру:
А сынъ на вôтця ручки снимае,
Ручки снимае, гнѣвъ пôдоймае,
Гнѣвъ пôдоймае, прощи не мае,
Донька на матêрь перерѣчае,
Перерѣчае, гнѣвъ пôдоймае,
Гнѣвъ пôдоймае, прощи не мае;
А братъ на брата мечемъ рубае,
Мечемъ рубае, гнѣвъ пôдоймае,
Гнѣвъ пôдоймае, прощи не мае;
Сестра на сестру чарôвъ пытае,
Чарôвъ пытае, гнѣвъ пôдоймае,
Гнѣвъ пôдоймае, прощи не мае;
А кумъ на кума пана взывае,
Пана взывае, гнѣвъ пôдоймае,
Гнѣвъ пôдоймае, прощи не мае;
Сусѣдъ сусѣдѣ плôтъ закладае,
Плôтъ закладае, теренъ рубае,
Теренъ рубае, тернемъ закидае,
Тернемъ закидае, стежки не мае,
Гнѣвъ пôдоймае, прощи не мае.
Ой дай, Боже!

II. Вдовамъ.

Ой вставай, вставай, кречная вдова!
Ой дай Боже!
А вставай, вставай, дворы выметай,
Пріѣдутъ до тя три Царѝ въ гостѣ:
Одинъ Царенько—ясное сонце,
Другій Царенько—та ясный мѣсяць,
Третій Царенько—та дробенъ дощикъ.
«Чимъ ся похвалишь, першій товаришь,
Першій товаришь, ясное сонце?»—
—«Я ся похвалю, бо якъ я зôйду,
Бо якъ я зôйду на Рôздво рано,
Израдуются въ звоницѣ звоны,
Въ звонницѣ звоны, въ церкви престолы.»—
—«Чимъ ся похвалишь, другій товаришь,
Другій товаришь, ты ясный мѣсяцъ?»—
—«Я ся похвалю, бо якъ я зôйду,
Бо якъ я вôйду темнои ночи,
Темнои ночи ой о пôвночи,
Израдуется гôсть у дорозѣ,
Гôсть у дорозѣ, сѣно въ полозѣ,
Рыбка у морѣ, а звѣрка въ полѣ.»—
—«Чимъ ся похвалишь, третій товаришь,
Третій товаришь, зъ дробины дождикъ?»
—«Я ся похвалю, бо якъ испаду,
Три разы Мая, Мая мѣсяця,
Зрадуе ми ся жито, пшениця,
Жито, пшениця, всяка пашниця.»
Ой дай, Боже!

III. Дѣвушкамъ.

Ой въ садѣ, въ садѣ, въ садѣ винаградѣ,
Винная яблонь червоны ябка зродила!
«Хто жь ми тамъ буде за садовника?»—
Тамъ садовничка дѣвчина Анничка;
Приходитъ итъ неê та татко еê,
Приходитъ тъ неê, та проситъ еê:
«Дочко Анничко, звержь ми яблычко!»—
—«Таточку, не звержу; бо милому держу.»

А въ садѣ, садѣ, въ садѣ винаградѣ, и пр
«Хто жь ми тамъ буде за садовника?»—
Тамъ садовничка дѣвчина Анничка;
Приходитъ итъ неê матѣнька еê,
Приходитъ итъ неê, та проситъ еê:
«Дочко Анничко, звержь ми яблычко!»—
—«Мамочко, не звержу; бо милому держу.»—

А въ садѣ, садѣ, садѣ винаградѣ и пр.
«Хто жь ми тамъ буде за садовника?»—
Тамъ садовничка дѣвчина Анничка;
Приходитъ итъ неê миленькій еê:
«Моя миленька, звержь ми яблычко!»—
И якъ стояла, въ той часъ подала,
Въ той часъ подала, ще й поцѣловала.

2.

По горѣ, горѣ, павоньки ходили,
Ой дай, Боже!
Павоньки ходили, пêречко губили,
За ними ся взяла кречная панна,
Пêречко сбирала, въ рукавець клала,
До домочку несла, на столичокъ клала,
А съ столичка брала, у вѣночокъ плела,
Мамки ся пытала: «Чи подобенъ буде
Мôй павяный вѣнець на недѣленьку,

На недѣленьку до положеньку!
Ой якъ шайнули два, три, буйны вѣтры,
Изшайновали мôй павяный вѣнець,
Мôй павяный вѣнець на тихій Дунаець,
Ишли ми туды два, три, рыболова:
«Ой помогай Бôгъ, два, три, рыболовы!»—
—«Бодай здорова, кречная панно.»—
—«Чи не стрѣчали, чи не переймали,
Сякого, такого, вѣнця павяного?»—
—«Ой мы стрѣчали, та й мы переймали,
Твôй павяный вѣнець на тихій Дунаець,
Але що намъ буде та за переемець?»—
«—Одному буде шовкова хустка,
Другому буде срѣбный перстѣнець,
Третёму буде кречная панна,
Кречная панна, сама молоденька,
Сама молоденька якъ ягоденька.»
Ой дай, Боже!

3.

Поорано жь ми та довгую нивку
Ой дай, Боже!
Та довгую нивку а на дрôбну скибку,
Посѣяно жь ми саму пшениченьку,
Саму пшениченьку, а все яриночку,
Ту пшеничку жала кречная панна,
По при ту пшеницю угляный гостинець
Ѣхавъ туда, ѣхавъ Поповиченько,
Поповиченько, завистниченько,
Позавидѣвъ на пшениченьку,
Не такъ на пшеничку, якъ на дѣвчиноньку,
Не такъ на дѣвчину, якъ на зарукавы:
«Ой кобы ты видѣвъ, Поповиченьку,
Якъ я ся вберу, до церковцѣ ѣду:
На шеѣ шаль по земленьку красенъ,
Шовковый поясъ пядоньки ломитъ,

Срѐберны перстнѣ пальчиками свѣтятъ,
Перлова тканка шею пріялила,
Павяный вѣнецъ головоньку клонитъ,
На ненѣленьку до посаженьку,
А выйду до сѣней, сѣни оцвѣтаютъ,
А выйду до хаты, чомъ панове встали,
Чомъ панове встали, шапки поздôймали,
Знизка ся вклонили, на недѣленьку,
На недѣленьку, до посаженьку!»
Ой дай Боже!

в) Колядки, собранныя у Гуцуловъ Коломыйскаго Уѣзда въ селѣ Космачѣ Аифаломъ Кобринскимъ.

I. Газдѣ (хозяину).

1.

Подходя къ дому какого ни будь хозяина, колядники начинаютъ пѣть:

Идъ сему двору, идъ веселому,
Гой, дай, Боже!
Ой мы жь до тебе въ рôкъ загостили:
Ци дома, дома, самъ панъ господарь?
Ой мы жь бо знаемъ, господарь дома;
Бо сидитъ собѣ по конець стола,
По конець стола еворового,
А на тôмъ столѣ три кубки стоя:
У однôмъ кубку солодокъ медокъ,
А въ другôмъ кубку багрове пивце,
А въ третêмъ кубку зелене винце:
Солодокъ медокъ на Святый Вечерь,
Багрове пивце дъ Святому Рôздву,
Зелене винце людемъ на законъ.
Гой, дай, Боже.

Приступивъ къ окну береза (старшій между колядниками) спрашиваетъ:

«Ци спишь, ци чуешь, господареньку?
Ци позволите колядовати?»

Изъ хаты отзывается хозяинъ: «Просимо,» и тогда поютъ:

2.

Знатисе, знати, котре то газда,
Гой, дай, Боже!
У газды въ дому золоти ворота,
Въ газды подвôрье все срêбно-бѣле.
Ци мгла, ци вода, на двôръ налягла?
Ни мгла, ни вода, все бѣлй вôвцй:
Съ тыми вôвцями три пастыречки,
Ой идутъ, идутъ, по трубцѣ несуть:
Въ Святого Дмитра трубочка хитра,
А въ Миколая съ сырого вая,
А у Юрія трубочка срêбна,
А у Господа зъ самого злота.
А якъ затрубивъ ба й Святый Дмитро,
Земля замерзла, лѣсъ засушивсе;
А якъ затрубивъ Святый Микола,
То всѣ се горы ба й забѣлѣли;
А якъ затрубивъ ой Святый Юрій,
Усѣ се верхи зазеленѣли;
А якъ затрубивъ самъ Святый Господь,
Вдарили голоса по пôдъ небеса,
Божй се церкви поотвôряли
Святй се свѣчки всѣ засвѣтили,
Святый Микола коло престола
Ой ходитъ, ходитъ, звоночкомъ звонитъ,
Звоночкомъ звонитъ та й Бога проситъ,
Та й Бога проситъ за пана газду,
За пана газду, та й за газдиню,
Та й за газдиню, за всю челядку,
За всю челядку за домовую:
Дай же вамъ, Боже, въ сей дôмъ здоровье,
Въ сей дôмъ здоровье на челядочку,
По двору счастье на худобочку,
Гой, дай, Боже!

3.

(Т. II, 14—15.)

«Ци дома, дома, самъ панъ господарь?»—
Гой, дай, Боже!
Служечки кажутъ, що «нема дома.»—
Ой де жь се подѣвъ?—«Пôшовъ у поле.»—
«Що въ полѣ дѣе»? —«Золото вѣе,
Золото вѣе, срêбро лелѣе,
Срêбло лелѣе, порошкомъ сѣе,
Ходитъ му Господь коморочками,
Мѣряе гроши полумисками;
Чей на рôкъ буде вже безъ мѣрочокъ.
Ходитъ му Господь уже стайнями,
Цугуе конѣ усе воронѣ,
Чей на рôкъ буде сиво-зелѣзѣ
Ходитъ му Господь за коровками,
Паруе волы все на три плуги,
Бычки третечки все на чотыре.
Ходитъ му Господь кошарочками,
Лѣчитъ овечки на три струночки,
Чей на рôкъ буде, да й на чотыре.
Ой на здоровье, та й пане газдо!
Ой здоровъ, здоровъ, та не самъ съ собовъ,
Не самъ съ собою, съ дѣтьмй й женою,
Съ дѣтьми й женою, съ всевъ челядкою,
Съ всевъ челядкою та съ домовою!
Дай же вамъ, Боже, въ сей дôмъ здоровье,
Въ сей дôмъ здоровье на челядочку,
По двору счастье на худобочку!
Гой, дай, Боже!

4.

А дъ сему двору, та й дъ веселому,
Гой, дай, Боже!
А мы до тебе въ рôкъ гостеми.
Ци дома, дома, гой панъ господарь?

Ой мы знаемо, що господарь дома,
А сидитъ собѣ на въ конець стола,
На въ конець стола еворового,
Гой, на тôмъ столѣ трй кубцй стое',
Увъ однôмъ кубку зелене винце,
А въ другôмъ кубку багрове пиво,
А въ третêмъ кубку солодокъ медокъ.
Ходитъ господарь та й по церковцѣ,
Чествуетъ Бога зеленымъ винцемъ,
А всѣ Святіи багровымъ пивцемъ,
Насъ, колядничкн, солодкимъ медомъ.
Гой, не такъ теперь, якъ съ первовѣку,
Якъ съ первовѣку, съ первопочетку:
Ой сынъ на отца руку знимае,
А братъ на брата кіемъ махае,
Сестра на сестру чарôвъ шукае.
Гой, дай, Боже!

5.

А въ нашого пана, Пана Ивана,
Гой, дай, Боже!
А въ него дворы та й пометенй,
На тôмъ подвôрью впала росиця,
Зъ той росицй стала кирниця,
А въ тôй кирничцѣ Пречиста Дѣва,
Пречиста Дѣва Христа купала;
Приходятъ до ней усѣ Жидове:
«Пречиста Дѣва, где 'сь Христа дѣла?»—
«Занеслямъ его въ шовкову траву.»
Пôшли Жидове траву косити,
Траву скосили, Христа не найшли.

Приходятъ Жиды а дъ Святой Дѣвѣ:
«Пречиста Дѣва, где 'сь Христа дѣла?»
«Занеслямъ его а въ густй лозы.»
Пôшли Жидове лозы рубати,
Лозы зрубали, Христа не найшли.

Приходятъ Жиды а дъ святой Дѣвѣ:
«Пречиста Дѣва, где 'сь Христа дѣла?»—
«Занесламъ его въ темніи луги.»
Пôшли Жидове луги косисти,
Луги зкосили, Христа не найшли.
Приходятъ Жиды а дъ Святой Дѣвѣ:
«Пречиста Дѣва, где 'сь Христа дѣла?»—
«Занесламъ его а въ сине море.»
Пôшли Жидове море спускати,
Море спустили, Христа не найшли.
Приходятъ они дъ Пресвятой Дѣвѣ:
«Пресвята Дѣво, где 'сь Христа дѣла?»—
«Занесламъ его до Пана Бога.»
Ой знайшли жь Христа у Пана Бога,
Узели жь Христа на тяжкû муки:
Тернову постêль та й постелили,
Въ тернову постêль та й положили,
Та й ожиною оперезали.
Всякое дерево за нôгтû били,
Все ся тупило, та й не ловило;
Безчесна ива та й согрѣшила,
Та изъ за нôгтêвъ кровцю пустила:
Де кровця цяне, тамъ церковь стане,
Де кровця капне, тамъ винце стане;
Святая церковь людемъ на службы,
Зелене винце людемъ на законъ.
Гой, дай, Боже!
А за симъ словомъ бувай намъ здоровъ! и пр.

II. Парню.

1.

(Ср. 711; II, стр. 54, 63, 64.)

Гордый та пышный Пане Василю,
Гой, дай, Боже!
Эй, що жь ты собѣ започинаешь?
Лишь по пôдъ Ильвôвъ конемъ играєшь?
Конемъ наверне—Львôвъ се издрыгне,
Що всѣ вершечки пообпадали.
Всѣ се мѣщаче повыхапяли:
«Пане Василю, просимо тебе,
Просимо тебе, не роби того;
Ой най мы тебе перепросимо!»
Выводя' ему коня у срѣблѣ,
Не подививсе, не поклонивсе.

Гордый та пышный и проч.
Лишь по пôдô Львôвъ конемъ играе,
Конемъ наверне, Львôвъ се издрыгне,
Що всѣ вершечки пообпадали,
Всѣ се Жидове повыхапяли:
«Пане Василю, просимо тебе,
Просимо тебе, не роби того;
Ой най мы тебе, перепросимо!»
Выносяʼ ему срѣбло та й золото.
Не подививсе, не поклонивсе.

Гордый та пышный и проч:
Лишь по пôдô Львôвъ конемъ играе,
Конемъ наверне, Львôвъ се издрыгне,
Що всѣ вершечки пообпадали,
Всѣ се панове повыхапяли:
«Пане Василю, просимо тебе,
Просимо тебе, не роби того;
Ой най мы тебе перепросимо!»
Выводя' ему дѣвочку въ вѣнку:

И подививсе, и поклонивсе.
Ой на здоровье, Пане Василю!
Ой здоровъ, здоровъ, та не самъ собовъ,
Не самъ собою, съ вôтцемъ, маткою,
Съ вôтцемъ, маткою, съ всевъ челядкою,
Съ всевъ челядкою та съ домовою.
Гой, дай, Боже!

2.

Ой гордый та пышный Пане Василю,
Гой, дай, Боже!
Ой зъ горда собѣ та й починаешь,
По подъ Хотѣньє коникомъ граешь.
Гой, на коня сѣвъ, фуръ, фуръ пôдô Львôвъ,
На Львôвъ наверне, Львôвъ ся здрыгне,
А всѣ Львовяне, а всѣ мѣщане,
Выносе' ему срêбло а злото,
Вонъ на тото ни подивився,
Шепку не знявъ, ни поклонивсе.

Ой гордый та пышный и т. д.
Выносе' ему сто червоныхъ и пр.

Ой гордый та пышный и т. д.
Выносе' ему красную дѣвку,
Красную дѣвку въ крещетôмъ вѣнку,
А вонъ то то та й подивився,
Шепочку здоймивъ, та й поклонився:
«Дякую вамъ, велики Паны,
За вашу волю, за мою долю.
Гой, дай, Боже!
А по сêмъ словѣ бувай намъ здоровъ! и проч.

3.

Гордый та пышный Пане Василю,
Гой, дай, Боже!
Зъ горда ты собѣ ба й починаешь,
По пôдъ Хотѣньє конемъ играешь,
Хотѣнскій замки та й розбиваешь.
Хотѣнцы кажутъ: «То нашъ Панъ ѣде.»
Єго мамка выйшла: «То мôй сынъ ѣде.»—
«По чёмъ же ты го та испознала?»—
«Пôзнала его по кошуленцѣ:
«Єго кошуленька якъ бѣль бѣленька.»—
«Де в'на золена?»—«Въ новыхъ зôльницяхъ».—
«Де вона прана?»—«Края Дуная».—
«Де в'на кручена?»—«Въ кони въ копытѣхъ.»—
«Де в'на сушена?»—«Въ тура на ровѣхъ.»—
«Де в'на тачена?»—«Въ новôмъ дворѣ,»
«А въ новôмъ дворѣ, на тисовôмъ столѣ.»
«Де в'на вбирана?»—«На райскихъ дверяхъ.»
Гой, дай, Боже!
Ой за симъ словомъ, будь, сынку, здоровъ,
Не самъ съ собою, зъ вôтцемъ, зъ мамкою,
Всевъ съ челядкою та й домовою.
Гой, дай, Боже!
Та й встань идъ намъ, та й подекуй намъ,
Що мы колёдовали съ коледничками,
Съ коледничками коледовали,
Отъ екъ зазульки защебетали
Отъ екъ ластôвочки въ новôмъ побоѣ,
Єкъ вывужечка при тузѣ въ лузѣ,
Єкъ перепеличка въ ярôй пшеницѣ,
А бысте сесь рôкъ въ мирности опроводили,
А другого та й дочекали!

4.

(Т. II, стр. 8, 16, 17.)

А въ мене поле близко дороги,
Гой, дай, Боже!
Тамъ оре плужокъ осмерёчкою,
А за нимъ ходить та нашъ Панъ Василь,
Приходитъ дъ нему его панъ отецъ:
«Ой ори, сынку, изъ дрôбна нивку,
Посѣемъ на нѣй еру пшеничку.
А вроди жь, Боже, серебло стебло,
Серебло стебло, женцеви зерно,
Сберемо женцêвъ хлопцêвъ молодцêвъ,
А вязаночокъ файныхъ дѣвочокъ.
Сберемо возы на три обозы,
Завеземъ его края Дуная,
Тамъ скидаемъ стôгъ, якъ на небѣ звѣздъ,
Завершимъ его сивымъ соколомъ,
Сивъ соколъ сидитъ, въ Дунай се дивитъ,
Въ Дунай се дивитъ, съ визовъ говорить:
«Ой визо, визо, славная рыбо!
Де бы намъ бути съ тобовъ у купѣ?
Ой будемо жь мы въ Пана Василя,
Въ Пана Василя тамъ на обѣдѣ.
Ой тобовъ, визо, стрѣльбы костити,
А мновъ, соколомъ, стрѣльбы перити.
Ой на здоровье, Пане Василю!»
Гой, дай, Боже!

III. Мальчику или ребенку.

1.

А въ лѣску, лѣску, на живтôмъ пѣску
Гой, дай, Боже!
Выросла сосна золото-рясна,
Золото-рясна, тонка, высока,
Тонка, высока, въ корêнь глюбока,
Въ корêнь глюбока, а въ листъ широка,
У листъ широка, въ кору багрова,
Въ кору багрова, а въ верхъ кудрява,
Ой у тôмъ кудрѣ е колисочка,
Въ тôй колисочцѣ гордое дитя,
Въ кости играе, красне спѣвае,
А чули жь тото великїй Паны,
Приходя близко, клонесе низко,
Ще прійшли ближше, клонясе низше:
«Хтô жь тебе навчивъ у кости грати,
У кости грати, красне спѣвати?
«—Навчила мене ненька рôдненька,
Ненька рôдненька, сестра маленька,
У кости грати, красне спѣвати,
По тричїй въ ночи та й устаючи,
Виннымъ еблучкомъ та й хитаючи».—
Ой на здоровье, гордое дитя!
Ой здоровъ, здоровъ, та не самъ собовъ,
Не самъ съ собою, съ вôтцемъ, съ маткою,
Съ всевъ челядкою та съ домовою!
Гой, дай, Боже!

IV. Дѣвушкѣ.

(Т. II, 81.)

1.

Въ сего бадêчка одна донечка,
Гой, дай, Боже!
Прийшли старосты, ба й трое разомъ,
А перші пришли у садъ-виноградъ,
А другі пришли кôньми пôдъ сѣньми,
А треті пришли, въ свѣтлоньку зайшли.
То ты, що пришли у садъ-виноградъ,
Тымъ даровали илчатый рушникъ;
А тѣ, що кôньми пôдъ сѣньми,
Тымъ даровали золотый перстень;
А тѣ, що пришли, въ свѣтлоньку зайшли,
Тымъ даровали кречную панну,
Кречную панну, чемну Анничку.
Ой на здоровье, кречная панно!
Ой здоровъ, здоровъ, не сама собовъ,
Не сама съ собовъ, съ вôтцемъ, маткою,
Съ вôтцемъ, маткою, съ всевъ челядкою,
Съ всевъ челядкою та съ домовою!
Гой, дай, Боже!

2.

Ой на Дунаѣ корабель плавле,
Гой, дай, Боже!
Въ тôмъ коробели кречная панна
Ой сидитъ, сидитъ, ширинки шіе:
Ой одну шила все илчатеньку,
А другу шила всѣлякимъ шовкомъ,
А третю шила, та й позолотила.
То ту, що шила ба илчатеньку.
То ту бы дати своему свекру;

А ту, що шила всѐлякимъ шовкомъ,
То ту бы дати старшому брату;
А ту, що шила та й позолотола,
То ту бы дати свому милому.
Ой дати, дати, никѣмъ пôслати;
Пôслала быхъ ѐ меншовъ сестричковъ,
Менша сестричка краспа вôдъ мене,
То ту полюбитъ, мене погубитъ.
Хоть соромъ, хоть два, понесу сама.
Ой на здоровье, кречная панно!
Ой здоровъ, здоровъ, не сама собовъ,
Не сама собовъ, съ вôтцемъ, маткою,
Съ всевъ челядкой та съ домовою!
Гой, дай, Боже!

3.

А въ лѣску, въ лѣску, на жовтôмъ пѣску.
Гой, дай, Боже!
Выросла сосна широко рясна,
А въ вись высока, а въ листъ широка,
Въ кору багрява, а въ верхъ кудрява,
Гой, на тôмъ кудрѣ та й колысочка,
Въ тôй колысочцѣ та й дитиночка,
Тамъ мати дитя та й колысае,
Виннымъ еблочкомъ та вывивае;
Ой на тôмъ кудрѣ та соколъ сидитъ,
Та соколъ сидитъ, далеко видитъ,
Ой видитъ же вôнъ та чистый Дунай,
На тôмъ Дунаю коробель плавле,
Въ тôмъ коробію гречная панна,
Гречная панна ширинку шіе,
Ой шила, шила, позолотила,
А другу шила та нльчатую,
А третю шила вселякимъ шовкомъ:
Пôшлю шовкову свому свекрови,
Другу нльчату своей матѐнцѣ,

Позолочену свому милому;
Пôслала быхъ своевъ сестрицевъ,
Сестриця красша вôдъ мене,
Єе полюбитъ, мене побудитъ,
Хоть соромъ, хоть два, понесу сама!
Гой, дай, Боже!
А за симъ словомъ бувай здорова, и проч.

I. Благожеланія.

I. Хозяину и хозяйкѣ.

1.

Дай же ти, Боже, а въ хатѣ сытно,
А въ хатѣ сытно, въ дворѣ прибытно,
На хатѣ зѣлье, въ хатѣ весѣлье!
Даруемъ бчолы съ пароечками,
Съ пароечками, съ уліечками!
Гой, устань идъ намъ, и подякуй намъ,
Ой що ми тобѣ колядовали,
Колядовали, домъ звеселили,
Якъ вывожечка при тузѣ въ лузѣ,
Якъ перепелиця въ ерой пшеницѣ,
Якъ ластôвочка въ новôмъ побоѣ,
Кôлько тутъ крышечокъ,
Тôлько въ загородѣ коровочокъ,
А въ кошерѣ овечокъ,
А въ кôннику коней;
По тому счастья и здоровья,
Абы сей рôкъ въ мирности и радости опроводити,
Другого дочекати.
Гой, дай, Боже!

2.

Ой устань идъ намъ, та й подякуй намъ,
Гой, дай, Боже!
Та й що мы тобѣ сколядовали,
Сколядовали съ колядниками,
Якъ крижулечка при тузѣ въ лузѣ,
Перепеличка въ ярôй пшеничцѣ,
Якъ ластôвочка въ новôмъ побою!
Дай же ти, Боже, у полѣ буйно,
У полѣ буйно, а въ саду сильно,
А въ саду сильно, а въ дому сытно!
Вйншуемо васъ счастьемъ здоровьемъ,
Гой, дай, Боже!

Отколядовавъ, получаютъ отъ хозяина, или хозяйки, коляду, т. е., даръ, состоящій изъ денегъ, зерноваго хлѣба (кукурузы), или печенаго, колачей пшеничныхъ, или сырныхъ, иногда колбасы, куска солонины, и пр., которые дары собираетъ мѣхоноша въ бесаги или мѣшки. Получивъ даръ, возглашаетъ Береза: «Панове колядники!» Отвѣчаютъ: «Чуемо.»—«Здоймѣть шапочки!» Отвѣчаютъ: «Такъ чинимо» (и всѣ снимаютъ шапки).»—«Дарує насъ панъ газда колядовъ.» Колядники въ одинъ голосъ: «А мы его счастьемъ та здоровьемъ. Кôлько въ сей колядѣ крошечокъ, даруй, Боже, въ загородѣ тôлько коровокъ, а въ коннику коней, а въ кошарѣ овечокъ, а въ пасѣчцѣ бджолокъ, а до того счастье та здоровье, абы Бôгъ помôгъ сесй Свята мирно опровадити, а на пришлй роки дочекати, чого жичимо. Даруй, Господи!»

Въ домахъ, гдѣ колядники коротко знакомые, или къ лицамъ, съ которыми менѣе церемонятся, кончаютъ благожеланія слѣдующими словами:

3.

Ой дай же, Боже, два ланы гречки,
Третій пшеницй — на паляницй,
Четвертый проса — не ходи боса!
А пятый вôвса — коляда и вся.

За колядочку намъ пива бочку,
Бочку, не бочку, хоть коновочку,
А зъ коновочки хоть кватиречку,
А зъ кватиречки хоть порціечку!

4.

Небого кучмо, ходѣмъ, не мучмо,
За тоты грошй, котрй хороши!
Газдочко любку, вержь срёбну дудку!
Якъ гроши бѣлй, ждемъ до недѣлй,
А якъ черленй, мечемъ изъ жменй.
Се жь мало, мало, на сёмъ не стало:
Щось ми се въ ногахъ затрепетало.

5.

(Паули I, 13.)

Дайте намъ коляду,
Бо далѣй иду,
Дайте намъ курку,
Бо въ вôкно штуркну.
Дайте намъ когута,
Бо рознесу ворота.
Дайте намъ пироги,
Бо мы змерзли въ ноги,
Малу перину
И красну дѣвчину,
И велику коляду,
Бо вôдъ васъ иду.

II. Дѣвушкѣ.

1.

Ой рано, рано, куры запѣли,
Гой, дай, Боже!
Ой а ще раньше Параска встала,
Ой встала, встала, двôръ пометала,
Двôръ пометала, павы сбирала,
Павы сбирала, въ рукавець клала,
Вѣночикъ плела, на тарелець клала,
Зъ тарелця брала, на головъ клала:
«Дивися, ненько, ци гаразденько,
Дивѣтся, люде, ци гараздъ буде?»
Ой звѣялися три буйнî вѣтры,
Та й изшайнули павяный вѣнчикъ,
Та й пôщла она у Дунай по воду,
Та й застрѣтила три рыбарики:
«Бôгъ помагай, Бôгъ, три рыбарики!» —
«Бôгъ дай здоровя, гречная панно,
Гречная панно, панно Параско!»
«Переймѣть менѣ павяный вѣнчикъ!» —
«А що намъ буде за переемець?» —
«Одному буде хустка шовкова,
Другому буде срѣбна иглиця,
Третёму буде сама молода,
Сама молода, якъ та ягода.
Гой, дай, Боже!»
А за симъ словомъ будь намъ здорова! и пр.

2.

А въ вѣнцѣ, въ вѣнцѣ, въ виннôмъ городцѣ,
Гой, дай, Боже?
Стоитъ Параска на переходцѣ,
Фустковъ махае на свои Бояре:

«Розступѣтеся, Панове Бояре.
Бо хоче мене лелька дарити,
Хоче менѣ сто волôвъ дати,
Сто волôвъ дати, а всѣ съ плугами,
А всѣ съ плугами на хлѣбъ орати.

А въ вѣнцѣ, въ вѣнцѣ и т. д.
Бо хоче мене мамка дарити,
Хоче менѣ сто коровъ дати.

А въ вѣнцѣ, вѣнцѣ и т. д.
Бо хоче мене братикъ дарити
Хоче менѣ сто вôвецъ дати.
Сто коровъ дати, а всѣ съ теляти, и проч.
Сто овецъ дати, а всѣ съ ягняти,
Сто кôзокъ дати, а всѣ съ кôзляти.
Гой, дай, Боже!
А за симъ словомъ бувай здорова! и проч.

2. Разночтенія.

1.

(Т. II, 18.)

Гордый та пышный Пане Васильку,
Гой, дай, Боже!
Ой зъ горда собѣ започинаешь,
Та попôдъ Хотымъ конемъ играешь,
Ой сѣвъ на коня, фуръ, фуръ пôдô Львôвъ:
На Львôвъ наверне, Львôвъ се издрыгне,
Що всѣ вершечки пообпадали.
Шо жь ты, Васильку, та почитаешь,
Що попôдъ Хотимъ конемъ играешь,
Хотинскій замки та й розбиваешь?
Хотинцій кажутъ: «То нашъ Панъ ѣде!
А мамка выйшла: «То мôй сынъ ѣде!»
Пôзнала его по кошуленцѣ и пр.

2.

(Т. II, 21.)

Ой не такъ теперь, якъ съ первовѣку,
Гой, дай, Боже!
Якъ съ первовѣку, съ первопочатку:
Ой сынъ на вôтця руку знимае,
А братъ на брата кôльемъ махае,
Сестра на сестру чарôвъ шукае, и пр.

3.

(Т. II, 31.)

На тôмъ подвôрью впала росиця,
Съ тои росиці стала криниця,
А въ тôй криницѣ Пречиста Дѣва,
Пречиста Дѣва Христа купала, и пр.

Г. *Колядки Стрыйскаго и Станиславскаго Округовъ*

I. Господарю, либо паробку.

1.

Ой рано, рано, куроньки пѣли,
Радуйся, радуйся, земле,
Сынъ то ся Божій народивъ!
Ой ище раньше нашь Панокъ уставъ,
Ой уставъ, уставъ, три свѣчи всукавъ:
При однôй свѣчѣ личенько вмывавъ,
При другôй свѣчѣ суконки вбиравъ,
При третêй свѣчѣ коника сѣдлавъ,
Коника сѣдлавъ, съ конемъ розмовлявъ:
«Ой коню, коню, продамъ а тебе.» —
«Ой Пане, Пане, не продай мене,
Погадай собѣ, цы не жаль тобѣ!
Я тебе вывезъ зъ пôдъ трёхъ побоєвъ:
А зъ пôдъ одного, зъ пôдъ Цесарского,
А зъ пôдъ другого, зъ пôдъ Московского,
А зъ пôдъ третёго, зъ пôдъ Турецкого.
Ой якъ емь тя везъ зъ пôдъ Цесарского,
За нами кули якъ грôмъ гремѣли;
Ой якъ емь тя везъ зъ пôдъ Московского,
За нами кули якъ дождь шумѣли;
Ой якъ емь тя везъ зъ пôдъ Турецкого,
За нами кули землю пороли.
Ой якъ насъ Турки въ Дунай загнали,
Єдни втонули, други сплынули,
А я якъ скочивъ, та й не замочивъ,
А ни стременця, тебе молодця.»

II. Паробку, или хлопцу.

1.

(Т. II, стр. 38, 41.)

По надъ Хотѣнье коникомъ грае,
Гой, дай, Боже!
Коникомъ грае, грае, грае,
Ѣздитъ, поѣздитъ, гордое паня,
Кличе, покличе Турского Царя:
«Ой выѣдь, выѣдь, Турецкій Царю,
Най мы съ собою пожертуемо,
Най мы коники потребуемо,
Чій коникъ швидшій, чій лучокъ тугшій!»
Нашого Пана, Пана Ивана,
И коникъ швидшій и лучокъ тугшій,
Знявъ головоньку на копѣёнку,
Занёсъ вонъ его у свои краи,
Людёмъ на хвалу, собѣ на славу.
А за симъ словомъ бувай же здоровъ,
Бувай же здоровъ, гречный молодче,
Гречный молодче, чомъ Иваненьку,
Не самъ съ собою, съ вôтцёмъ, съ маткою,
И съ усѣмъ домомъ, со Святымъ Богомъ!

2.

А где ты ѣдешь, гайный Паничу,
На коню, гей, гей, на коню,
Злоте пѣренько по нёму?» —
«Ой ѣду жь бо я та й до батенька?» —
«Що жь ты му везешь за подарунокъ?» —
«Ой везу жь я му дрôбну шапочку.»

А гдѣ ты ѣдешь, гайный Паничу?
На коню, и проч.
«Ой ѣду жь бо я та й до матёнки.» —

«Що жь ты ёй везешь за подарунокъ?» —
«Ой везу жь я ёй тоненькій рубокъ.»

А где ты ѣдешь, гайный паничу,
На коню? и проч.
«Ой ѣду жь бо я та й до братенька.» —
«Що жь ты му везешь за подаронокъ?» —
«Ой везу жь я му срёбну шабельку.»

А где ты ѣдешь, гайный паничу,
На коню? и проч.
«Ой ѣду жь бо я та й до сестрицѣ.» —
«Що жь ты ёй везешь за подарунокъ?» —
«Ой везу жь я ёй павяный вѣнокъ.»

А где ты ѣдешь, гайный паничу?
На коню? и проч.
«Ой ѣду жь бо я та й до милои.» —
«Що жь ты ёй везешь за подарунокъ?» —
«Ой везу жь я ёй срёбный перстенець.» —

3.

(Т. II, 63, 64, 15, 16, 17.)

А въ чистôмъ полю, на оболоню,
Грай, коню! грай, кониченьку
Темносивенькій, зо мною!
Коничокъ грае, войско збирае,
Вôйско збирае пôдъ Ильвôвъ жене,
Пôдъ Ильвôвъ жене, Львôвъ розбивае:
Пустивъ стрѣлоньки по верхъ муронькôвъ,
Выходятъ дъ нему три Ильвовяне,
Три Ильвовяне, славни мѣщане,
Выносятъ ему много червоныхъ,
А вôнъ на тое не поглядае,
Гôрьше буяе, вôйско збирае,
Вôйско збирае, Львôвъ розбивае:
Пустивъ стрѣлоньки до пôвъ мурнорькôвъ,

Выходятъ дъ нему три Ильвовяне,
Три Ильвовяне, славни мѣщане,
Выводятъ ему коника въ сѣдлѣ,
Коника въ сѣдлѣ, шабельку въ срѣблѣ,
А вôнъ на тое не поглядае,
Гôрьше буяе, вôйско збирае,
Вôйско збирае, Львôвъ розбивае;
Пуcтивъ стрѣлоньки по пôдъ муроньки,
Выходятъ дъ нему три Ильвовяне,
Три Ильвовяне, славни мѣщане,
Выводятъ ему гречную панну,
А вôнъ на тое барзо глядае,
Барзо глядае, низко клапяе.

4.

(Русалка Днѣстр. стр. 37.)

А зъ горы, зъ долу, вѣтеръ повѣвавъ,
Ой, дай, Боже!
Дунай высыхавъ, зѣльёмъ заростaвъ,
Зѣльёмъ трепетёмъ, вшелякимъ цвѣтомъ;
Дивное звѣрье спасае зѣлье,
Спасае зѣлье сивый оленець,
На тôмъ оленцѣ пятьдесять рôжковъ,
Пятьдесять рôжковъ, одинъ тарелець,
На тôмъ тарелцѣ золотый стôльчикъ,
На тôмъ стôльчику чемный молодець,
На гусли грае, красно спѣвае,
Надôйшовъ дъ нему батенько его:
«Ты, сыпу, сидишь, а ничь не видишь
Турки, Татаре, Пôдгôрья взяли,
Въ полонъ забрали, долôвъ погнали.» —
«Сѣдлай ми, тату, коня быстрого,
Злагодь ми, тату, меча острого,
Най я поѣду, Турки догоню,
Мое Пôдгôрье назадъ оберну,

Назадъ оберну, красче осаджу!»
Ой якъ ихъ догонивъ,
Такъ ихъ розронивъ,
Свое Пôдгôрья назадъ обернувъ,
Назадъ обернувъ, красче осадивъ,
Ой осадивъ вônъ три села людьми:
Ой та одно село старыми людьми,
А друге село паробочками,
А трете село дѣвчиноньками:
Старіи люде усѣмъ судили,
А паробочки въ вôйску служили,
А дѣвчиноньки шитêнька шили.

III. Госпожѣ.

(Т. II, стр. 50, 17.)

Ой куры, куры, не пѣйте рано,
Гей, дай, Боже!
Бо мôй миленькій зъ вôйны надъѣхавъ,
Привêзъ вônъ менѣ дорогѝ дары,
Дорогѝ дары, жовтѝ чобôтки.

Ой куры, куры не пѣйте рано,
Гей, дай, Боже!
Бо мôй миленькій зъ войны надъѣхавъ,
Привêзъ вônъ менѣ дорогѝ дары,
Дорогѝ дары, тонку сукенку.

Ой куры, куры не пѣйте рано,
Гей, дай, Боже!
Бо мôй миленькій зъ войны надъѣхавъ,
Привêзъ вônъ менѣ дорогѝ дары,
Дорогѝ дары, кованый поясъ (другіе поютъ поясъ.)

Ой куры, куры не пѣйте рано,
Гей, дай, Боже!
Бо мôй миленькій зъ вôйны надъѣхавъ,
Привêзъ вônъ менѣ дорогѝ дары,

Дорогй дары, тоненькій рубокъ.
Жовти чобôтки слѣдоньки робятъ,
Тонка сукенка слѣдоньки мете,
Кованый поясъ лядвоньки ломитъ,
Тоненькій рубокъ головку клонитъ,
Головку клонитъ святому Богу,
Святому Богу ажь идъ милому.
А за симъ словомъ бувай здорова,
Бувай здорова, господиненько,
Не сама съ собою, сь господаренькомъ,
Изъ усѣмъ домомъ, со святымъ Богомъ!

IV. Дѣвушкамъ.

(Т. II, 83, 20.)

По пôдъ луженьки калиновый лѣсъ,
Калино, гей, гей, калино,
Ты при луженьку стояла!
Ходила ними гречная панна,
Завидѣла на калиноньку:
«Дай же ми, Боже, таке личенько,
Таке личенько, якъ калинонька!»

По пôдъ луженьки калиновый лѣсъ,
Калино, гей, гей, калино и проч.
Ходила ними гречная панна,
Ой завидѣла на чорный теренъ:
«Ой дай ми, Боже, такй оченька,
Такй оченька, якъ чорный теренъ!»

По пôдъ луженьки калиновый лѣсъ,
Калино, гей, гей, калино и проч.
Ходила ними гречная панна,
Завидѣла на павононьку:
«Ой дай ми, Боже, такй косоньки,

Такі косоньки, якъ повоньки,
Калино, гей, гей, калино,
Ты при луженьку стояла.»

2.

(Т. II,75, 93, 33.)

Пасла дѣвчина чотыре волы
Пôдъ боромъ, гей, пôдъ боромъ,
Пôдъ зелененькимъ яворомъ;
Ой пасла, пасла, шитêнько шила,
Шитêнько шила, волы сгубила:
«Пôди, батеньку, волики знайди!»
Батенько пôшовъ, волы не знайшовъ,

Пасла дѣвчина чотыре волы,
Пôдъ боромъ и проч.
«Пôди, матêнко, волики знайди!»
Матêнка пôшла, волы не знайшла.

Пасла дѣвчина чотыре волы
Подъ боромъ и проч.
«Пôди, братчику, волики знайди!»
Братенько пôшовъ, волы не знайшовъ.

Пасла дѣвчина чотыре волы,
Пôдъ боромъ и проч.
«Пôди, сестрице, волики знайди!»
Сестриця пôшла, волы не знайшла.

Пасла дѣвчина чотыре волы
Пôдъ боромъ и проч.
«Пôди, миленькій, волики изнайди!»
Миленькій пôшовъ, волы изнайшовъ,
Пôдъ боромъ, гей, пôдъ боромъ,
Пôдъ зелененькимъ яворомъ!

3.

(Т. II, 83, 19.)

Пôшла дѣвчина рано по воду,
Гей, дай, Боже! *
Здыбали ей три розбôйники;
Загадали ей три загадочки:
«Що жь то ми росте безъ корêненька?
Що жь то ми цвѣте безъ синёгъ цвѣту?
Що жь то ми горитъ безъ поломêни?» —
«Хиба жь бы я не батенькова була,
Щобы я тото не отгадала!
Камêнь росте безъ корêненька,
Папороть цвѣте безъ синёго цвѣту,
Золото горитъ безъ поломени.»
Гей, дай, Боже!

4.

(Т. II, 74.)

За воротами, на муравонцѣ
Зеленôй, зеленôй,
Яблонь червоньй ябка зродила!
Тамъ дѣвчинонька яблука держитъ,
Выйшовъ идъ неи батенько ей:
«Ой, доню душко, зверки яблушко!» —
«Ой вамъ не звéржу, милому держу,»

За воротами и проч.
Прійшла до неи матêнька ей:
«Ой доню душко, звержи яблушко!» —
«Й тобѣ не звержу, милому держу.»

За воротами и проч.
Выйшовъ до неи братенько ей:

* Послѣ каждаго стиха повторяется.

«Ой, сестро душко, звержи яблушко!» —
«Й тобѣ не звержу, милому держу.»

За воротами и проч.
Прійшла до неи сестриця еê.
«Сестричко душко, звержи яблушко!» —
«Й тобѣ не звержу, милому держу.»

За воротами на муравонцѣ
Зеленôй, зеленôй,
Яблонь червоны ябка зродила,
Тамъ дѣвчинонька яблука держитъ,
Прійшовъ до неи миленькій еê:
«Мила ма душко, звержи яблушко!» —
«Ой тобѣ звержу, бо тобѣ держу.»

5.

(Русалка Днѣстр. стр. 41.)

Була въ батенька нова свѣтлонька,
Ой, дай, Боже!
А коло неê садокъ садженый,
Садокъ садженый, злотомъ ряшеный,
А въ тôмъ садочку зелене вино;
Стерегла жь его красна дѣвонька,
Та стерегучи шитêнько шила,
Шитêнько шила, твердо уснула,
Та надлетѣли райски пташеньки,
Сѣли, упали, на злоту рясу,
А злота ряса та зазвенѣла,
Въ тôмъ ся дѣвонька зъ сну пробудила:
«Ой, гушу, гушу, райскй пташеньки!
Не вамъ то батько садочокъ садивъ,
Садочокъ садивъ, все злотомъ рясивъ,
Зелене вино самôй надобно:
Маю братêнька на оженêнью,
Сама молода на вôдданêнью.»

д) Коляда, записанная Уріиломъ Метеоромъ въ Угорской Руси, въ селѣ Скалѣ

(См. «Свѣтъ,» литер. газ., изд. въ Ужгородѣ 1868 г., № 31.)

Топоры звенятъ, бѣлъ камень тешутъ,
Радуйся,
Радуйся, земле!
Днесь намъ самъ Спасъ ся
Народивъ.
Бѣлъ камень тешутъ, церковь будуютъ,
Церковь будуютъ съ трема вершечки,
Съ трема вершечки, съ трема дверечки·
Єдны дверечка — исходъ солнечка,
Други дверечка—полдень солнечка,
Трети дверечка—заходъ солнечка,
А три вершечки суть три небеса,
На трехъ небесахъ Ангелы звонятъ,
Ангелы звонятъ на службу Богу,
На службѣ поютъ, «Съ нами Богъ!» зовутъ;
Радуйся, земле! бѣжи на хвалу,
Бѣжи на хвалу Іисусу Христу!
Солнечко бѣжитъ: «Не е надъ мною,
Кедь я загрѣю на Родство Христа,
Зрадуются ми горы й долины.»
Мѣсяць говоритъ: «Не е надъ мною,
Кедь я засвѣчу на Родство Христа,
Зрадуются ми рѣчки, поточки,
Рѣчки, поточки и горъ вершечки.»—
Зорничка каже: «Не е надъ мною,
Кедь я изыйду на Родство рано,
Зрадуеся ми гость въ дорозѣ,
Гость во дорозѣ, вся тварь во Бозѣ.»
Дождь такъ говоритъ: «Не е надъ мною,

Кедь я упаду на суху землю,
Зрадуеся ми жито, пшениця,
Жито, пшениця и вся сѣвбиця.
Пшеничка каже: «Не е надъ мене,
Безъ мене нигдѣ служба не буде,
Ни въ простыхъ церквахъ, ни въ монастырянъ.»
Радуйся,
Радуйся, земле!
Днесь намъ самъ Спасъ
Ся народивъ.

є) Христіянскія колядки

1.

Новая новина нынѣ ся зъявила,
Где панна чиста породила сына:
Въ мѣстѣ Вефлеемѣ
Пречиста Марія
Сына породила.
Пастушки кричачи голосно волають,
Новонародженого ягняткомъ витають,
И мы поспѣшаймо
Єго привитаймо!
Днесь намъ народился.
А тамъ тьма Ирода на Христа ся хмуритъ,
Бо вже его панство нынѣ ся сокрушитъ;
Волхвы призываетъ
А ихъ ся пытаетъ,
Где Богъ народився.
Волхвы изычливы ему и сказали:
«Идѣть, въ Вефлеемѣ, изъ Пречистой панны.»
Скоро то всслышавши,
Заразъ слугъ пославши:
«Идѣть, во Вефлеемѣ,
Идѣть, и рубайте всѣ малыи дѣти,
Въ двоихъ лѣтахъ жадне не минѣте!
Прутко ся звивайте,
Менѣ знати дайте,
Менѣ, Царю своему!»
Иродовы слуги прутко ся ввивали,
Во двоихъ лѣтахъ дѣтей вырубали,
Иродового сына не обминули,
Вразъ съ дѣточками забили,
Христа шукаючи;
Иродъ здивовався, що то за причина,
Що мовивъ згубити самъ своего сына,

Свою кровь проливас,
А Христа шукас,
Бы го загубити.
А Иродъ проклятый нехай загибас,
Нашъ Богъ рожденный всѣхъ насъ потѣшае;
До ада взятый на вѣчны часы,
Вже му даютъ гласы
Въ пеклѣ мучити.

2.

А вчорашней ночи,
Близко о пôвночи,
Пришла намъ новина,
Панна родитъ сына.
Зъ Ангельского хора,
Зъ небесного двора
Красная лелѣя,
Пречиста Марія,
Въ мѣстѣ Вифлеемѣ,
Въ стаенцѣ, въ вертепѣ,
Сына породила,
Въ пелены повила,
Сѣнце постелила,
Въ яслахъ положила;
Волъ и оселъ знаетъ,
Же Богъ ся рождаетъ,
Съ покоровъ витаетъ,
Поклонъ му отдаетъ.
Малй пастушкове
Спали въ той часъ въ полѣ.
Ангелъ о пôвночи
Свѣтлость зъ неба точитъ:
«Вамъ баговѣствую
Радость великую;
Месіяшъ родился,
Въ стаенцѣ склонился;
Тамъ дѣва съ дитяткомъ,

Зъ воломъ и ослямкомъ,
Зъ Іосифомъ старенькимъ,
Іисусомъ маленькимъ.»
А въ той часъ пастушки
Бѣжатъ, взявши дудки,
Доносятъ барана
Привитати пана,
Въ Жидовской краинѣ,
Отцу давномъ сынѣ,
Тріе Перстй Цари
Приходятъ со дары:
Злато, ливанъ, смирну
Младенцу нескверну
Съ поклономъ отдаютъ,
Съ покоровъ витаютъ:
«Витай, збавителю
И потѣшителю!
Витай, Царю новый,
Сыну Давыдовый!
Ты бо насъ выбавишь,
И въ небѣ поставишь.
Вертепе счасливый,
Въ тобѣ Богъ правдивый.
Въ пеленкахъ звязаный
Зъ давна пожаданый,
Царю нашъ небесный,
Змилуйся надъ нами,
Грѣшными слугами!»

ж) Щедрôвки, записанныя Никитою Олексовымъ въ окрестности мѣстечка Щирца, Львовскаго Уѣзда.

Въ навечеріе Богоявленскаго праздника, послѣ вечери, собираются взрослыя дѣвушки и ходя по селѣ отъ хаты до хаты, подъ окнами поютъ пѣсни, называемыя щедрôвками, или щедруютъ, точно какъ въ третій день Рождества Христова (на Рôздво) парни ходятъ по селѣ и поютъ колядныя пѣсни, или колядуютъ. Пришедши передъ окна хаты, одна изъ дѣвушекъ говоритъ:

«Пане Господарю,
Цы спите, цы чуєте?
Цы дома ночуєте?
Цы скажете щедровати,
Своѣй домъ звеселити,
Дрôбны дѣти побудити,
Сами веселыми быти?»

Получивъ согласіе онѣ начинаютъ пѣть Щедрôвки:

1.

Дѣвушкѣ.

Плыла Касуня быстровъ рѣкою,
Въ Дунаю!
Въ Дунаю, море,
Касуню, зоре,
Серденько!
За невъ батенько надъ бережонькомъ:
«Подай, Касуню, бѣлую ручку! —
Въ Дунаю! и пр.
«Ручки не даю, най си плываю.»
Въ Дунаю! и пр.

Плыла Касуня быстровъ рѣкою,
Въ Дунаю!
За невъ матѣнька, братенько, сестричка, и проч.

Плыла Касуня быстровъ водою,
Въ Дунаю и проч.
За невъ миленькій до береженька:
«Подай, Касуню, бѣлую ручку!»
Въ Дунаю и пр.
Ручку подала, сама выплыла
Зъ Дунаю!
Зъ Дунаю, море,
Касуню, зоре,
Серденько!

2.

Парню, или мальчику.

Ѣхавъ Ивасенько зъ Польщи до Роси,
На кониченьку
Злоте пѣренько
Мое!
Прійшовъ до него батенько его:
«Що жь ты привёзъ за даруночокъ?»
На кониченьку и проч.
«Привёзъ я тобѣ красну шапочку.»
На кониченьку
Злоте пѣренько
Мое!

Ѣхавъ Ивасенько зъ Польщи до Роси,
На кониченьку
Злоте пѣренько
Мое!
Прійшла до него матѣнька его:
«Що жь ты привёзъ за даруночокъ?»
На кониченьку и проч.

«Привêзъ я тобѣ красну хустоньку,
На кониченьку и пр.

Ѣхавъ Ивасенько и т. д.
Прійшовъ до него братенько его, сестричка и т. п.
«Привêзъ я тобѣ ясну шабельку, золотый поясъ и пр.

Ѣхавъ Ивасенько зъ Польщи до Роси,
На кониченьку
Злоте пêренько
Мое
Прійшла до него миленька его:
«Що жь ты привêзъ за даруночокъ?»
На кониченьку и пр.
«Привêзъ я тобѣ зеленый вѣноньк.»
На кониченьку
Злоте пêренько
Мое!

Б. Меланка и Новый Рокъ (Годъ).

а) Пѣсни на Меланку въ селѣ Чорный Потокъ или Чорныя Ославы Коломыйскаго Уѣзда.

Къ колядкамъ и щедрôвкамъ принадлежитъ также обрядъ Меланки или Маланки, который водится преимущественно въ окрестностяхъ по Днѣстру, въ Бережанскомъ, Чортковскомъ, Станиславскомъ и Коломыйскомъ Уѣздахъ. Эта игра производится паробками (парнями) въ день Св. Меланіи, на канунѣ Св. Василія и Новаго Года, даже и въ самый Васильевъ день. На канунѣ Новаго Года, вечеромъ, сельскіе парни (ледѣни) наряжаются старцомъ (дѣдомъ), Цыганомъ, или въ какой ни будь странный нарядъ, и водятъ медвѣдя, козу, журавля, или тащатъ плугъ по хатамъ, выкидываютъ разныя шутки, проказы, для увеселенія народа. Парней сопровождаютъ мальчики, а медвѣдя, или козу, представляетъ мальчикъ, одѣтый въ вывороченный кожухъ или тулупъ: согнувшись на четвереньки, онъ подпрыгиваетъ, или пляшетъ, на двухъ ногахъ, или привязанной ему медвѣжьей мордой пытается кусать, разгонять, даже бодать прицѣпленными козьими рогами. Журавель, тоже мальчикъ, или парень, покрытый холстянымъ платкомъ: онъ повертываетъ двумя крюками, сдѣланными въ видѣ длинной птичьей шеи съ зобомъ, пыхаетъ имъ кого ни попало по головѣ, либо по спинѣ; вмѣсто же плуга парни волочатъ старыя чепиги (заднюю часть плуга безъ желѣза), приговаривая разныя шутки и насмѣшки. При томъ играетъ и музыка, т. е., скрыпачъ и басистъ, а парни припласываютъ и поютъ пѣсни на Меланку. Между переодѣтыми бываетъ и парень, нарядившійся дѣвушкой «Меланкой», которая будто бы приготовляется принять пожаловавшихъ въ комнату гостей, но все дѣлаетъ не въ попадъ: такъ, показывая видъ, что убираетъ хату, и, вмѣсто того, вытаскиваетъ весь соръ изъ угловъ на средину ея, и т. п. Меланка такъ порается (хозяйничаетъ) въ хатѣ, что послѣ нея приходится иногда убирать цѣлый день. По этой причинѣ въ ту пору хозяйки прячутъ вѣники, посуду съ глиной, водой, и т. п., чтобы ихъ

не нашла Меланка. Случается, что парни вносятъ въ хату и самыя чепиги, показывая, будто орютъ ниву и припѣвая сѣютъ хлѣбныя зерна. Разумѣется, это обычай мѣстный, Поднѣстровскій, такъ какъ и въ самой пѣсни поется о «Меланкѣ Днѣстрованкѣ, которая въ Днѣстрѣ була, Днѣстровую воду пила,» и т. д.

1.

Красная Меланка,
Еще крашшій Васильчикъ;
Васильчикъ-учинчикъ!
Буду тебе шановати,
Три разъ на день поливати,
Що суботы проскубати,
Хлопцямъ-молодцямъ даровати.

2.

Красная Меланка
Качурй пасла,
Докъ не стало вечерѣти,
Зоря не згасла:
Качурика загубила,
Шукаючи заблудила,
Выблудила въ чисте поле,
Тамъ ей Васильчикъ оре,
А нй оре, а нй плужитъ,
Лишь за Меланочковъ
Дуже тужитъ:
«Меланочко, невѣсточко,
Пôди собѣ у мѣстечко,
А сядь собѣ у крêслечко,
Сторгуй собѣ повѣсмечко,
Чи лëнное, чи сгрêбное,
Абы тобѣ потрêбное!»

3.

Наша Меланка
У Днѣстрѣ була,
У Днѣстрѣ була,
Днѣстрову воду пила,
На каменѣ ноги мыла,
Тонкій фартухъ замочила:
«Повѣй, вѣтре буйнесенькій,
Та высуши фартухъ тонесенькій!
Повѣй, вѣтре, якъ такъ, якъ такъ,
А высуши фартушину якъ макъ!
Повѣй, вѣтре, на болото,
Та высуши фартухъ якъ золото!
Повѣй, вѣтре, по дубинѣ,
Высуши фартухъ на мѣнѣ!»
Наша Меланка не робочая,
На нѣй сорочка паробочая.

4.

(Жег. Паули I, стр. 14 и 15.)

Наша Меланка
Днѣстрованка,
Нѣстровую воду пила,
На каменѣ ноги мыла,
Тонкій фартухъ замочила:
«Повѣй, вѣтре, буйнесенькій,
Высуши фартухъ тонесенькій;
Повѣй, вѣтре, якъ такъ, такъ,
Высуши фартухъ якъ макъ, макъ!»

5.

Пасла Меланка качку,
По зеленомъ мачку,

Доки жь её та й пасла,
Сёмь паръ чобôтъ та й рознесла;
Доки жь её напоила,
Сёмь паръ чобôтъ загноила.

6.

Твои волы,
Мои волы,
Гей, гей!
А въ передѣ
Два медведи,
Гей, гей!
А въ пригонѣ
Двѣ воронѣ,
Гей, гей!
Въ колёсницѣ
Двѣ сеницѝ,
Гей, гей!

Эту пѣсню поютъ мальчики, возясь съ плугомъ, т. е., съ чепигами.

7.

Честна, красна, Маланка,
А ще кращшій Василько:
«Ой Васильку, Васильку,
Чи любишь ты Маланку?» —

«Якъ Маланку любити,
Коль не хоче робити?
У Василька по сто кôпъ,
У Ма́ланки одинъ снôпъ.

Василь робить у жнива,
А Маланка напила;
Василь робить и въ ночи,
А Маланка на печи.

Ой Васильку, гордый панъ,
Пріймы Маланку пôдъ жупанъ!» —
«Я жупана не маю,
Маланки ся пріймаю.»

Нова гребля, старый ставъ,
Василь Маланку дôставъ;
Йдутъ жовняры, та й бубнятъ,
Чей, Маланку, розбудятъ.

«Встань, Маланко, та вмыйся!
На кôлку ручникъ, утрися!
Въ печи качуръ печеный,
На столѣ калачъ плетеный.»

А на ставу ноги мыла,
Рѣсный фартухъ замочила:
«Повѣй, вѣтре буйнесенькій,
Высуши фартухъ тонесенькій!»

Люде идутъ на жниво,
А Маланка на пиво;
Люде идутъ съ серпами,
А Маланка съ склянками.

Люде нажали по сêмь кôпъ,
А Маланка одинъ снôпъ.
Пôшла Маланка на мѣстечко,
Купила си повѣсмечко.

Пряла она одъ куръ до куръ,
Напряла починкôвъ якъ гуръ,
Дала кôткамъ мотати,
Кôтки взяли втêкати.

Взяли люде звонити,
Кôтку съ починкомъ ловити,

А ловили, не вловили,
Кôтку съ починкомъ впустили.

А Маланка Поднѣстрянка
На каменѣ ноги мыла,
Тонкій фартухъ замочила,
Замочила, не сушила:

«Повѣй, вѣтре, отъ золота,
Суши фартухъ одъ болота!
Повѣй, вѣтре, якъ такъ, якъ сякъ,
Высуши фартухъ, якъ дрôбный макъ!»

б) Новый Рокъ.

Къ колядкамъ надо причислить и обычай празднованія Новаго Рока (Года). Въ восточныхъ Уѣздахъ Галичины, именно: въ Золочевскомъ, Тернопольскомъ, Чортковскомъ и Бережанскомъ, ходятъ деревенскіе мальчики (пастушки, погоничи) по домамъ поздравлять хозяевъ съ Новымъ Рокомъ. Утромъ рано, съ разсвѣтомъ дня, беретъ мальчикъ торбу (небольшой мѣшокъ), или рукавицы, наполняетъ ихъ овсомъ (въ Чортковскомъ кукурузой), перевѣшиваетъ черезъ плечо и, входя въ хату, кланяется хозяину и разсѣваетъ по полу зерна, приговаривая:

1.

Сѣйся, родися,
Жито, пшениця,
Всяка пашниця,
На той Новый Рокъ,
Щобъ ся вродило
Лѣпше, якъ торокъ.
Дай вамъ, Боже,
Въ счастью, здоровью,
Дочекати
Водъ Нового Року
До Богоявленья,
Водъ Богоявленья
До Воскресенья,
До сто лѣтъ,
Доки Панъ Богъ
Назначивъ вѣкъ!

2.

Сѣйся, родися,
Всяка пашниця,
Жито, пшениця,
Ячмѣнь, овесъ, гречка,

Горохъ, сочевиця,
На той Новый Рокъ!
Най вамъ дасть
Господь Богъ,
Щобы 'сте бѣды, смутку,
Не знали;
Въ счастью, здоровью,
Многiи лѣта
Проживали,
А по сметри
Царство небесне
Оглядали!
Гораздо вамъ,
Миръ Божiй
Со всѣми вами!

Иногда въ шутку приговариваютъ:

Сѣйся, родися,
Жито, пшениця,
Всяка пашниця,
И за пецомъ
Дѣтей копиця!

Послѣ засѣванья получаютъ засѣвачи либо денежку, пирожокъ, балабушку (хлѣбецъ), колачикъ и т. п., и отправляются въ сосѣднюю хату, и такъ продолжаютъ до тѣхъ поръ, пока не обойдутъ цѣлаго села, или же, по крайней мѣрѣ, одной, двухъ, своихъ улицъ.

В. Гаєвки или Гаивки.

Весенныя хороводныя пѣсни на Святой Недѣлѣ, записанныя Я. Ѳ. Головацкимъ въ селѣ Пушникахъ Коломыйскаго Уѣзда.

1.

Жона.

(Т. II, стр. 187 и 693.)

Дѣвушки, держась за руки, стоятъ въ кругѣ. Одна выходитъ на средину круга, другая же ходитъ въ правую сторону, обходя кругъ и припѣвая:

Ой ходжу я по торгу, по торгу,
Своей жоны не виджу, не виджу.

Хоръ.

А мы жону ведемо, ведемо,
Тобѣ жоны не дамо, не дамо.

Дѣвушка.

Я горѣвки накурю, накурю,
Чей, я свою жононьку придурю.

Хоръ.

Мы горѣвку выпьемо, выпьемо,
Тебе добре выбьемо, выбьемо.

Дѣвушка.

Покочу я перстенцемъ, покочу,
Чей, я свою жононьку приклячу.

Хоръ.

Мы перстенець на палець, на палець,
Твою жону у танець, у танець.

Дѣвушка.

Я пироговъ наварю, наварю;
Чей, я свою жононьку привабью.

Хоръ.

Мы пироги поѣмо, поѣмо,
Тебе добре выбьемо, выбьемо.

Дѣвушка.

Я ковбасы напечу, напечу,
Чей, я свою жононьку привабью,

Хоръ.

Мы ковбасы поѣмо, поѣмо,
Тебе добре выбьемо, выбьемо.

Дѣвушка.

А я борщу наварю, наварю,
Чей, я свою жононьку привабью.

Хоръ.

А мы борщикъ выѣмо, выѣмо,
Тебе добре выбьемо, выбьемо.

Дѣвушка.

А я каши наварю, наварю,
Чей, я свою жононьку привабью.

Хоръ.

А мы кашу выѣмо, выѣмо,
Тебе добре выбьемо, выбьемо.

Дѣвушка.

А я паски напечу, напечу,
Чей, я свою жононьку привабью.

Хоръ.

А мы паску поѣмо, поѣмо,
Тебе добре выбьємо, выбьемо, и проч.

Наконецъ ходящая дѣвушка бросается, хочетъ прорвать кругъ и ловитъ стоящую въ кругѣ, сама припѣвая:

Чи высоки замки
До моей коханки?

Дѣвушки не допускаютъ прорвать кругъ, но она, силой прорвавъ, бѣжитъ на средину, бывшая же тамъ убѣгаетъ за кругъ, а ходящая бѣжитъ за ней и ловитъ ее.

2.

Горобель.

(Т. II. стр. 182.)

Кругъ дѣвушекъ стоя держится за руки. Одна дѣвица обходитъ кругъ (коло) въ правый бокъ:

Самъ ходжу,
Самъ ходжу,
Самъ же я иду.

Хоръ.

А дѣти,
А дѣти,
Де 'сь подѣвавъ?

Дѣвушка.

Градъ побивъ,
Градъ побивъ,
Дощь потопивъ.

Хоръ.

А ты, старый горобель,
Самъ загинь,
Самъ загинь,
Самъ ся утопи!

Дѣвушка.

Ой маю я надѣечку,
Що прiѣде въ Недѣлечку,
Лѣпшшую, крапшую,
Выволочу!

При послѣднихъ словахъ ходящая выхватываетъ любую изъ круга, которая, выступивъ изъ строя, слѣдуетъ за первой вокругъ и поетъ съ ней, между тѣмъ сомкнутый кругъ повторяетъ свои слова, пока при концѣ первая опять не выхватитъ другую изъ круга, и такъ повторяется въ третій, четвертый, разъ, пока останется въ кругу три дѣвушки, тогда и кончится игра.

3.

Огўрочки.

(Т. II, стр. 192 и 694.)

Десять, или болѣе, дѣвушекъ рядомъ становятся, держась за руки и образуютъ длинную вереницу. Изъ нихъ первая дѣвушка, или молоденька молодиця, вышедшая замужъ въ послѣдній мясоѣдъ, вожея, ведетъ весь рядъ подъ руки двухъ послѣднихъ въ ряду дѣвушекъ, отступившихъ отъ себя немножко и приподнявшихъ руки. Весь рядъ дѣвицъ проходитъ подъ руки, и такъ завязывается ключъ, при чемъ лѣвая рука послѣдней дѣвушки очутится на лѣвомъ плечѣ передней, а правая рука передней на ея лѣвомъ плечѣ, лѣвой же держится она у третьей дѣвушки за руку. Тутъ поднимаетъ третья съ четвертой руки, и такъ далѣе, и вожея переводитъ оставшуюся вереницу подъ ихъ руки и завязываетъ опять новый ключъ, приведши третью дѣвушку въ такое жь положеніе, какъ

становилась первая ко второй. Такъ продолжается хороводъ до конца, при чемъ всѣ дѣвушки, идя въ тактъ, поютъ хоромъ:

Зеленыи огу̂рочки!
Зацвѣли имъ пупе̂ночки,
Тожь намъ ся вьютъ,
Тожь намъ ся вьютъ!
Молодыи молодчики,
Медъ, вино, пьютъ,
Медъ, вино, пьютъ!

Когда такъ завьются всѣ рядомъ дѣвушки, подходитъ вожея опять подъ свою руку и возлѣ нея стоящей дѣвушки, въ отворотную сторону, и развиваетъ ключи, подводя по очереди подъ руки одной за другой, при чемъ опять поютъ всѣ дѣвушки хоромъ, повторяя при всякомъ развиваніи ключа:

Зелени огу̂рочки,
Развивайтеся!
Молодыи дѣвчаточка,
Отдавайтеся!

Такъ продолжаютъ пѣть, пока совсѣмъ не раснутаются ключи, послѣ чего кончается игра.

4.

Бѣлотарчикъ.

(Т. II, стр. 695.)

Образуется коло (кругъ) дѣвицъ, и одна изъ дѣвушекъ становится въ середкѣ:

Хоръ.

Бѣло, бѣлотарчику,
Поплынь, поплынь,
По Дунайчику,

Умый собѣ
Бѣле личенько!

(Дѣвушка будто бы руками моетъ лицо:)

Утри собѣ
Въ человѣченька!

(Она беретъ полу передника которой ни будь изъ дѣвушекъ и утираетъ лицо). Хоръ продолжаетъ пѣть:

Що хлопъ, то хлопъ,
Въ свѣтъ повандрує,
А хорошій, а хорошій,
Черевички взує.

(Она будто обувается:)

А ты, дѣвче, изберися,
Шукай собѣ товариша,
Съ кѣмъ хочь, съ тымъ хочь,
Съ тымъ поберися!

Дѣвушка избираетъ которую ни-будь изъ кола (круга), выводитъ изъ него и ставитъ на свое мѣсто, а сама становится въ колѣ, и начинается опять та же игра съ пѣніемъ.

5.

Жукъ.

(Т. II, стр. 192, 695.)

Дѣвушки образуютъ, держась попарно руками, мостъ, по которому проходитъ дѣвочка, при чемъ дѣвушки поютъ:

Ой ходитъ жукъ по жучинѣ,
А дѣвчина по ручинѣ,
Грай, жуче, грай! 2

Жукъ ходитъ, рыбку ловитъ,
А жучина за нимъ ходитъ,
Грай, жуче, грай!

Що имѣла, то пропила,
Дѣвцѣ сукню не купила,
Грай, жуче, грай!

Жди, дѣвко, до вôвтôрка,
Буде сукня и шнурôвка,
Грай, жуче, грай!

Грай, жуче, коли граешь,
Коли добрый смычокъ маешь!
Грай, жуче, грай!

Жди, дѣвко, до пятниці̂,
Буде сукня та й сподниця.
Грай, жуче, грай!

Ждала дѣвка до пятниці̂,
Нема сукні̂, лишь споднця.
Грай, жуче, грай!

Грай, жуче, коли граешь,
Коли добрый смычокъ маешь!
Грай, жуче, грай!

Жди, дѣвко, до суботы,
Буде сукня и чоботы.
Грай, жуче, грай!

Ждала дѣвка до суботы,
Нема сукні̂, лишь чоботы.
Грай, жуче, грай!

Грай, жуче, коли граешь,
Коли добрый смычокъ маешь!
Грай, жуче, грай!

Жди, дѣвко, до недѣлі̂,
Буде сукня, фартухъ бѣлый.
Грай, жуче, грай!

Ждала дѣвка до недѣлі̂,
Нема сукні̂, лишь фартухъ бѣлый.
Грай, жуче, грай!

Грай, жуче, коли граешь,
Коли добрый смычокъ маешь!
Грай, жуче, грай!

Жукъ ходитъ, рыбку ловитъ,
А жучина за нимъ ходитъ,
Грай, жуче, грай!

Що имѣла, то пропила,
Дѣвцѣ сукню не купила.
Грай, жуче, грай!

6.

Ворôтничка.

(Т. II, стр. 695.)

Дѣвушки, держась за руки и образуя цѣпь, подаются немножко напередъ, поючи; потомъ двѣ изъ послѣднихъ въ цѣпи поднимаютъ руки, подъ которыя проводитъ вожея всю вереницу; послѣдняя дѣвушка оборачивается, вывернувъ руку чрезъ голову. Въ то время поютъ дѣвицы хоромъ:

Молода ворôтничка,
Отвори жь намъ ворôточка!» —

Двѣ заднія дѣвушки спрашиваютъ, поючи:

«Що же намъ за панъ ѣде?
Що жь то намъ за даръ везе?»—

Хоръ.

«Дзелене дзерняточко,
Найкрашше дитяточко.» —

Двѣ дѣвушки.

«Нема пана дома,
Поѣхавъ панъ до Львова

Ключики куповати,
Крамницю вôдмыкати »

Вожея начинаетъ опять, при пѣніи той же пѣсни, препровождать рядъ дѣвицъ черезъ поднятыя двумя дѣвушками руки и т. д.

7.

Дощечка.

(Т. II, 183, 191, 684.)

Дѣвушки затыкаютъ въ землю патыки (небольшія колья) въ прямоугольномъ треугольникѣ; потомъ, взявшись за руки, заводятъ хороводъ, но такъ, что прямый уголъ всегда обходится всей вереницей. Это называется «кривый танець, кривого танцю ити.» При этомъ, идя въ тактъ, поютъ хоромъ:

Вербовая дощечка, дощечка,
Ходитъ по ней Настечка, Настечка,
На всѣ боки лелѣе, лелѣе,
Вôтки милый пріѣде, пріѣде.
«Що жь Настечцѣ привезе, привезе?» —
«Жовтенькіи чобôтки,
Золотыи пôдкôвки, пôдкôвки:
Будутъ чобôтки скрыпѣти, скрыпѣти,
А пôдкôвки звенѣти, звенѣти.

«Где 'сь, Настечко, бувала, бувала,
Якъ диброва палала, палала?» —
«Рѣшетомъ воду носила, носила,
Дубровочку гасила, гасила:
Кôлько въ решетѣ водицѣ, водицѣ,
Тôлько у хлопцêвъ правдицѣ, правдицѣ:
Кôлько у ситѣ дѣрочокъ, дѣрочокъ,
Тôлько у хлопцêвъ болячокъ, болячокъ.»

Игры

8.

Пташокъ или макъ.

(Т. II, 194.)

Дѣвушки стоятъ въ колѣ, а одна въ середкѣ Хоръ поетъ, а середняя показываетъ движеніями:

«Ой, голубчику пташку, пташку!
Чи бувавъ же ты въ садку, въ садку,
Чи видавъ же ты, якъ
Сѣютъ макъ?»—

Середняя, отвѣчая, поетъ:

«Ой бувавъ же я,
Бувавъ, бувавъ,
Ой видавъ же я,
Видавъ, видавъ,
Ой отъ такъ
Сѣютъ макъ!»

«Ой, голубчику пташку и пр.
Чи видавъ же ты якъ
Росте, цвѣте, стигне макъ?»

Середняя, показывая движеніями, поетъ:

«Ой бувавъ же я,
Бувавъ, бувавъ,
Ой видавъ же я,
Видавъ, видавъ,
Ой отъ такъ,
Росте, цвѣте, стигне макъ!»

Середняя спрашиваетъ:

«Ой, голубчику пташку, пташку,
Чи бувавъ же ты въ садку, въ садку,
Чи видавъ же ты якъ
Теребя' макъ?»—

Середняя показываетъ руками, какъ въ ротъ высыпаютъ макъ изъ маковки и поетъ:

«Ой видавъ же я,
Видавъ, видавъ,
Ой отъ такъ
Теребя' макъ!»

II. Гаевки, записанныя въ Львовскомъ и Золочевскомъ Уѣздахъ.

(Жег. Паул. I, 16—29.)

1.

Дѣдъ Ладо.

(Т. II, 181.)

Дѣдъ, дѣдъ и Ладо!
Жона мужа била
На добре учила:
Ой Дѣдъ, Дѣдъ и Ладо!
«Повѣджь, мужў, правду,
Якъ старî дѣды скачутъ?»

Дѣдъ, Дѣдъ и Ладо!
Жона мужа била,
На добре учила:
Ой Дѣдъ, Дѣдъ и Ладо!
«Повѣджь, мужу, правду,
Якъ старî бабы скачутъ?»

Дѣдъ, Дѣдъ и Ладо!
Жона мужа била,
На добре учила:
Ой Дѣдъ, Дѣдъ и Ладо!
«Повѣджь, мужу, правду,
Якъ парôбки скачутъ?»

Дѣдъ, Дѣдъ и Ладо!
Жона мужа била
На добре учила:
Ой Дѣдъ, Дѣдъ и Ладо!
«Повѣджь, мужу, правду,
Якъ дѣвоньки скачутъ?»

Послѣ каждой строфы дѣвушка, стоящая въ кругу, подпрыгиваетъ и показываетъ движеніями дѣда и бабў смѣшными, а дѣвушку, напротивъ, прелестною.

2.

Соколонько.

(Т. II, 176—181. 681.)

Дѣвки, молодицѣ,
Теремъ будовали,
Теремъ будовали,
Вôкна не рубали,
Ой щобъ не вылётавъ
Сивый соколонько,
Ой щобъ не выносивъ
Дѣвоцкои красы;
Бо дѣвоцька краса
Въ медѣ намачана,
На Дунаю прана,
На шнурахъ вѣшана,
На маглѣ тачана,
До скринѣ схована,
Ключикомъ замыкана.

Дѣвки, молодицѣ,
Теремъ будовали,
Теремъ будовали,
Вôкна не рубали,
Щобы не вылётавъ
Сивый соколонько,
Ой щобъ не выносивъ
Парôбоцькой красы;
Паробоцька краса
Въ пивѣ намачана,
На калужѣ прана,
На колахъ вѣшана,
Патыкой тачана,
До скринѣ схована,
Ключикомъ замыкана.

3.

Воротарь.

(Русалка Днѣстр. 43; II, 695.)

«Молода, молода,
Вôдчини ворота!»—
«А хто зъ ворôтъ кличе?»—
«Князѝ и служеньки.»—
«А що за даръ везутъ?»—
«Золоте зернятко,
Маленьке дитятко.»—
«Намъ ще того мало.»—
«То мы вамъ додамо.»—
«А що жь намъ додасте!»—
«Ярыи пчолоньки,
И фасойку меду.»—
«То мы вôдчиняймо!»

4.

Жена.

(Т. II 187.)

«Хто видавъ, хто слыхавъ
Мою жѐнку на торзѣ?»—
«А мы ею вѝдимо,
Тобѣ ею не дамо.»—
«А я хлѣба накуплю,
Свою жѐнку выкуплю.»—
«А мы хлѣбъ поѣмо,
Тобѣ жѐнки не дамо.»—

«Хто видавъ, хто слыхавъ,
Мою жѐнку на торзѣ?»—
«А мы ею видимо,
Тобѣ ею не дамо.»—
«Я горѣвки накуплю,
Свою жѐнку выкуплю.»—
«Мы горѣвку выпьемо,
Тобѣ жѐнки не дамо.»

«Хто видавъ, хто слыхавъ
Мою жѐнку на торзѣ?»—
«А мы ею видимо,
Тобѣ ею не дамо.»—
«А я грошей наберу,
Свою жѐнку вôдберу.»—
«А мы грошѝ вôзмемо,
Тобѣ жѐнку не дамо.»

5.

Танчикъ.

(Русалка Днѣстр. 44; II, 189, 695.

Ой танчику,
Придыбанчику,
Та поплынь, поплынь,
По тихôмъ Дунайчику!
Взмися за пôдпашки,
Шукай си товарашки!
Якъ въ полѣ мышка,
Ты, котонько, за нею:
Коли ту мышку догонишь,
Ты ѐй нôженьки поломишь.

6.

Романъ.

Та Романъ зѣлье копае, копае,
Та самъ вôнъ его не знае, не знае;
Та понѐсъ его до рады, до рады,
До хлопськои громады, громады,
А вони его не знали, не знали,
И въ рученьки не брали, не брали.

Та Романъ зѣлье копае, копае,
Та самъ вôнъ его не знае, не знае;

Та понêсъ его до рады, до рады,
До паненскои громады, громады,
А панянки его пôзнали, пôзнали,
Та въ рученьки забрали, забрали:
А то зѣлье барвêнокъ, барвêнокъ,
Та паняночкамъ на вѣнокъ, на вѣнокъ.

7.

Кострубъ.

(Т. II, 185, 696.)

Дѣвушки становятся въ хороводъ, взявшись за руки; одна становится въ середкѣ, а прочія поютъ хоромъ:

«Прïѣдь, прïѣдь, Кострубоньку!
Стану съ тобовъ до слюбоньку
На травнику—былиску
И въ подертôмъ сѣрачиску!»

Послѣ этой строфы дѣвушка, стоящая въ кругѣ, спрашиваетъ «Христосъ Воскресъ! Цы не видѣли 'сьте, люде, мого Кострубонька?» Ей отвѣчаютъ: «Твôй Кострубонько лежитъ въ недузѣ.» Тогда эта дѣвушка начинаетъ пѣть плачущимъ голосомъ, хватаясь за голову:

«Що жь, я, бѣдна учинила,
Кострубонька не любила!

За тѣмъ хороводъ опять поетъ:

«Прïѣдь, прïѣдь, Кострубоньку! и проч.

Послѣ чего слѣдуютъ такіе же вопросы и отвѣты: «Твого Кострубонька головка болитъ, ноги болятъ, руки болятъ, твôй Кострубонько умерае,» наконецъ: «твôй Кострубонько вже умеръ.» Тогда дѣвушка, что въ середкѣ, поетъ, приплясывая:

«Слава тобѣ, Христе Боже,
Кострубъ встати вже не може!
Нехай лежитъ, якъ колода,
Я молода, якъ ягода.»

8.

Душка.

Дѣвушка представляетъ дочь, стоя въ кругѣ дѣвицъ, которыя держатся за руки. Хоръ поетъ:

«Ой, душко, душко!
Встань въ Недѣлю пораненько,
Мыйся, чешися,
До слюбу сберися!» —

Стоящая въ кругу поетъ:

—«Ой за кого, матусенько,
Ой за кого, ластôвонько?» —

Ей отвѣчаютъ:

«Ой за розбôйничка,
Негôдного сынка.» —

Она отвѣчаетъ имъ:

—«Ой не пôду, матусенько,
Ой не пôду, ластôвонько!»

И такъ продолжается разговоръ, пока не скажутъ того, кто ей нравится. Тогда она поетъ:

«Йду за него, матусенько,
Йду за него, ластôвонько!»

9.

Кривой танецъ.

Хороводъ дѣвушекъ пляшетъ «кривого танця, припѣвая:

«Мы кривого танця йдемо,
Кôнця его не найдемо:
О такъ, такъ, танецъ иде,
По кривому скриволѣ.

Мы кривого танця йдемо,
Кôнця его не найдемо,

Паробочка не знайдемо:
Иде слѣпый, невидущій,
Ой того я не хочу.

Мы кривого танця йдемо,
Кôнця его не найдемо,
Паробочка не знайдемо:
Иде кривый, недолугій,
Йде безрукій, курторукій,
Кривоногій, куртоногій,
Нѣмый, недорѣкій,
Горбатый и кудлатый и пр.
Ой того я не хочу.

Мы кривого танця йдемо,
Кôнця его не найдемо,
Паробочка не знайдемо:
Йде паробокъ господарскій,
Господарскій сѣе, оре,
Ой за того жь я пôду.

10.

Яворъ.

(Русалка Днѣстр. 43; II, 662.)

Ой хто жь тамъ не бувавъ,
Де ся яворъ розвивавъ?
Ой яворе, яворевьку зелененькій!»

«Ой було жь тамъ, було,
Два парôбки краснѝ:
Єденъ паробочокъ
Василя сыночокъ;
Другій паробочокъ
Сусѣда сыночокъ.
Ой яворе, яворевьку зелененькій!»

«Ой хто жь тамъ не бувавъ,
Де ся яво̂ръ розвивавъ?
Ой яворе, явореньку зелененькій!»

Ой було жь тамъ було,
Двѣ дѣвонцѣ красныхъ:
Єдна то дѣвонька
Василева донька;
Другая дѣвонька
Сусѣдова донька.
Ой яворе, явореньку зелененькій!

11.

Ремезъ.

(Паул, I, 24.)

Ой ремезю, ремезёньку,
Не вій гнѣзда на ледоньку;
Бо ся ледонько буде розтопати,
Твое гнѣздонько заберати;
Ой вій собѣ въ темно̂мъ лѣсѣ,
Въ темно̂мъ лѣсѣ, на орѣсѣ;
Будутъ люди орѣхи збирати,
Твое гнѣздо оглядати.

Ой ремезю, ремезёньку.
Не вій гнѣзда на орѣшеньку,
Будутъ Хрестьяне орѣхи збирати,
Твое гнѣздо обдирати.
Ой ремезю, ремезёньку,
Увій собѣ на яворѣ:
Буде яво̂ръ розлистати,
Твое гнѣздо прикрывати.

Ой ремезю, ремезёньку,
Не вій гнѣзда на явореньку:
Будутъ яво̂ръ хлопцѣ стинати,
Твое гнѣздо розтрясати.

Ой ремезю, ремезёньку,
Увій собѣ на сосонцѣ:
Сосна завше зеленѣе,
Твое гнѣздо румянѣе.

Ой ремезю, ремезёньку,
Не вій гнѣзда на сосонцѣ,
Увій собѣ въ кречной панны,
Въ кречной панны у свѣтлицѣ:
Кречная панна буде ти рада,
Возме тебе до клѣтоньки:
Тамъ будешь ей приспѣвати,
Будетъ ся тобою радовати.

12.

Шпачокъ, или Макъ.

(II, 193, 694.)

Соловейку, шпачку, шпачку!
Ци бувавъ есь ты въ мачку, въ мачку?
Ци видавъ есь якъ на макъ копаютъ?»

Дѣвушка, стоящая въ середкѣ хороводнаго круга, показываетъ тѣлодвиженіями то, объ чемъ поется:

«Ой бувавъ я въ тôмъ садочку,
Та скажу вамъ всю правдочку:
Ото такъ
Копаютъ на макъ!» —

За тѣмъ опять начинаетъ:

«Соловейку, пташку и проч.
Ци видавъ есь якъ макъ цвѣте, стигне, толкутъ, мочатъ, мѣшаютъ его и проч..

13.

Дѣдъ.

(II, 690).

Дѣвушки, держась за руки, образуютъ кругъ, въ середкѣ котораго одна стоитъ и представляетъ «дѣда,» а дѣвушки, кружась коломъ, поютъ:

Вставай, Дѣде, гуски пасти!
Ой нашъ Дѣдъ разболѣвся,
Ой нашъ дѣдъ розстонався.

Вставай, дѣде, кашу ѣсти!
Ой нашъ дѣдъ розскакався,
Ой нашъ дѣдъ розгулявся.

И такъ по очереди исчисляютъ всякаго рода работы: волы пасти, кони пасти, косити, молотити, орати и пр. и, на перемѣну, борщъ ѣсти, капусту ѣсти, пироги ѣсти, логазъ ѣсти, печеню ѣсти горѣлку пити, вино пити, пиво пити и пр.

Дѣвушка, стоящая въ середкѣ, при исчисленіи работъ, хромаетъ и показываетъ видъ больной, а при исчисленіи кушаньевъ и напоевъ, подпрыгиваетъ и рѣзвится.

14.

Галя.

(II, 188, 691.)

«Ой чомъ, Галю, не танцюешь,
Галю ты моя?»—
«Бо не маю кораликôвъ,
Дѣвчина твоя!»
«Куплю я ти коралики,
Дай ми на то вѣру!»—
«Дякую ти, гарный хлопче,
Мôй ты кавалêру!»

И такъ исчисляютъ всякаго рода дѣвичью одежду: «бо не маю черевичкôвъ, панчошокъ, сподничкн, запаски, красной лѣтницѣ и пр. Наконецъ:

«Ой чомъ, Галю, не танцюешь,»
Галю ты моя?
«Бо не знаю, чія буду,
Дѣвчина твоя!» —
«Тебе я люблю, тебе я знайду,
Дай ми на то вѣру!» —
«Ходи жь въ танець, гарный хлопче,
Мôй ты кавалêру!»

15.

Сваха.

«Я на ногу налêгаю,
Бо я милого не маю:
Ходь, свахо, ходь!
Ходь, душко, ходь!»—

«Нѣтъ, не пôду; жаль—не могу:
Сына 'сь свого не навчила,
Мою 'сь дочку зволочила;
Нѣтъ, не пôду; жаль, не могу.» —

«Єдна курка вареная,
А другая печеная:
Ходь, свахо, ходь!
Ходь, душко ходь!» —

«Нѣтъ, не пôду; жаль—не могу:
Сына 'сь свого не навчила,
Мою 'сь дочку зволочила;
Нѣтъ, не пôду; жаль, не могу!»

За тѣмъ опять начинаютъ съ начала, перемѣняя только названія кушаньевъ.

16.

Миленькій-чорнобрôвенькій.

«Ой чомъ, мôй миленькій, чорнобрôвенькій,
Въ мене не буваєшь?
Ой знать ты, миленькій, чôрнобрôвенькій,
Сорочки не маешь?» —

«Маю сорочку, маю двѣ,
Бѣленькіи обѣдвѣ.» —

«Ой чомъ, мôй миленькій. чорнобрôвенькій,
Въ мене не буваешь?
Ой знать ты, миленькій, чорнобрôвенькій,
Шапочки не маешь?» —

«Маю шапочку, маю двѣ,
Сивенькіи обѣдвѣ.» —

«Ой чомъ, мôй миленькій, чорнобрôвенькій
Въ мене не буваешь?
Ой знать ты, миленькій, чернобрôвенькій,
Сѣрака не маешь?» —

«Маю сѣракъ, маю два,
Чорненькіи обадва.» —

«Ой чомъ, мôй миленькій, чорнобрôвенькій,
Въ мене не буваєшь?
Ой знать ты, миленькій, чорнобрôвенькій,
Волôвъ не маешь?» —

«Маю волы, маю два,
Сивенькіи обадва.» —

«Ой чомъ мôй миленькій, чорнобрôвенькій,
Въ мене не буваешь?
Ой знать ты, миленькій, чорнобрôвенькій
Воза не маешь?» —

«Маю вôзъ, маю два,
А кованй обадва.» —

«Ой чомъ, мôй миленькій, чорнобрôвенькій,
Въ мене не буваешь?
Ой знать ты, миленькій, чорнобрôвенькій,
Конêй не маешь? —

«Маю конй, маю два,
Вороненькй обадва.»

Поберѣмься обое:
Теперь же я твоя,
Чорнобрôвенькая;
Теперь ми си потанцюймо,
Ой теперь охотонька!»

17.

Воротарь.

(Рус. Днѣстр. 42; ср. Паул. I, 18; II, 695.)

«Воротаре, воротаре,
Вôтвори воротонька!»—
«А хто зъ воротъ кличе?»—
«Князевй служеньки!»—
«А що за даръ везутъ.»—
«Яріи пчолоньки.»—
«Ой ще жь бо намъ мало.»—
«А мы вамъ додамо.»—
«А що жь намъ додасте?»—
«Молоду дѣвоньку,
Въ рутянôмъ вѣноньку.»

18.

Бѣлоданчикъ.

(Рус. Днѣстр. 43 ср. Паул. I, II, 180, 695).

Ой Данчику, Бѣлоданчику,
Поплынь, поплынь, по Дунайчику,

Росчеши косы росы
И чорненькіи брови,
Возьмися за подъ боки,
Покажи свои скоки;
Возьмися за подъ вышки,
Шукай собѣ товаришки;
Выбери собѣ другу
Зъ калинового лугу!

Дѣвушка, стоящая въ средѣ хоровода дѣвицъ, пляшущихъ кругомъ, показываетъ тѣлодвиженіями то, что поетъ хороводъ, и наконецъ избираетъ одну изъ хоровода и ставитъ ее на свое мѣсто, сама же занимаетъ въ кругу ея мѣсто.

19.

Яворъ.

(Рус. Днѣстр. 43; Паул. I, 23; II, 682.)

Ой нѣхто тамъ не бувавъ,
Де ся яворъ розвивавъ;
Ой яворе, явороньку, зелененькій!

Два мѣсяцѣ ясныхъ,
Два парубки красныхъ.
Ой яворе, явороньку, зелененькій!

Ой единъ ми красный
Въ селѣ Ивасенько,
А другій ми красный
Въ селѣ Миханенько,
Ой яворе, явороньку, зелененькій!

Ой нѣхто тамъ не бувавъ,
Де ся яворъ розвивавъ;
Ой яворе, явороньку, зелененькій!

Двѣ зоронцѣ ясныхъ,
Двѣ дѣвонцѣ красныхъ.
Ой яворе, явороньку, зелененькій!

А една ми красна
Въ селѣ Олененька,
А друга ми красна
Въ селѣ Кулиноньна.
Ой яворе, явороньку, зелененькій!

А на Ивасевѝ
Вышита сорочка:
Ой хто жь гому вышивавъ? —
Прокопова дочка.
Ой яворе, явороньку, зелененькій!

А на Оленочцѣ
Трясущій вѣночокъ:
Ой хто жь то ёй куповавъ? —
Степанôвъ сыночокъ.
Ой яворе, явороньку, зелененькій!

А на Миханеви
Вышита сорочка:
Ой хто жь то му вышивавъ?
Андрêева дочка,
Ой яворе, явороньку, зелененькій!

А на Кулинонцѣ
Трясущій вѣночокъ:
А хто жь его куповавъ? —
Миронôвъ сыночокъ.
Ой яворе, явороньку, зелененькій!

III. Гаевки, записанныя въ Жолковскомъ Уѣздѣ.

1.

Воротонька.

«А городы, городонька,
А чіи то воротонька?» —
«То нашого Пана Крôля,
Шо поѣхавъ на Подôлье.»-

2.

Зазуля.

(II, 179, 680.)

Зазуленько дубрôвко,
Не куй рано въ коморѣ!
Закуй собѣ въ дубровѣ:
Моя мати старая,
Людскимъ дѣтемъ чужая,
Казала менѣ робити,
На гору камêнье носити,
А я тее робила,
На гору камêнье носила.

3.

Мосты.

(II, 191.)

«Пустѣте, пустѣте, насъ
До Угорськои земли!»—
«Не пустимо. не пустимо,
Поломанй мосты.» —

«Заплатимо, заплатимо
Тымъ бытымъ таляромъ.» —
«Не хочемо, не хочемо,
Тыхъ бытыхъ талярôвъ;
Но хочемо, но хочемо,
Хорошои Паней,
Въ зеленôмъ барвѣночку,
Въ рутянôмъ вѣночку.»

4.

Вôдданье Маланки.

«Дѣвко Маланко моя!
Я тебе за мужъ выдамъ.» —
«За кого, мамуненько,
За кого, зазуленько?»—
«За Жида, донйненько.» —
«Ой не мôй мужъ, мамуненько,
Не мôй мужъ, зазуленько.»—

И такъ повторяютъ: «за дѣда, за кравця, за шевця, за млинаря, наконецъ за «господарскаго сына;» тогда отвѣчаютъ:

«Ой то мôй мужъ, мамуненько,
Ой то мôй мужъ, зазуленько.» —

5.

Гости.

«Гандзюненко, серденько,
Скажи менѣ правденьку:
Ой якй ты гостй мала,
Сама безъ мене?» —

«Бувъ музыка зо Лисова,
Мацько Качуръ зъ Кракова,
А Михайло Придыбайло,
Мому серцю сподобайло,
Бувъ зъ Цыбулёва.»—

«Гандзюненько, серденько,
Скажи менѣ правденьку:
Що ты имъ ѣсти давала,
Сама безъ мене!»—
«Ѣвъ музыка пирôжки,
Мацько Качуръ галушки,
А Михайло Придыбайло,
Мому серцю сподобайло,
Ѣвъ зо мною курочки.»—

«Гандзюненько, серденько,
Скажи менѣ правдоньку:
Що ты имъ пити давала
Сама безъ мене?» —
«Музыка пивъ горѣлку,
Мацько Качуръ пиво,
А Михайло Придыбайло,
Мому серцю сподобайло,
Пивъ зо мною медъ, вино.»—

«Гандзюненько, серденько,
Скажи мене правдоньку:
А где жь ты ихъ спати клала
Сама безъ мене?» —
«Спавъ музыка въ соломѣ,
Мацько Качуръ въ стодолѣ,
А Михайло Придыбайло,
Мому серцю сподобайло,
Спавъ зо мною въ коморѣ.» —

«Гандзюненько, серденько,
Скажи менѣ правдоньку:
Якъ ты ихъ вôтправила
Сама безъ мене?» —

«Ишовъ музыка граючи,
Мацько Качуръ скачучи,
А Михайло Придыбайло,
Мому серцю сподобайло
Ишовъ зо мною плачучи.»

6.

Зазуленька дубрôвна.

(II, 179, 680.)

Та зазуленько дубрôвна, дубрôвна,
Та не куй же ты въ дубровѣ, въ дубровѣ,
Та закуй менѣ въ коморѣ, въ коморѣ:
Та моя мати старая, старая,
Та чужимъ дѣтемъ чужая, чужая,
Каже она менѣ робити, робити,
Та пôдъ гору камêнь точити, точити.

Плету, плету бôръ, бôръ,
На парôбки кôръ, кôръ,
А на дѣвочки
Рутяны вѣночки,
А на молодицѝ
Съ галями спôдницѝ.

7.

Макъ.

Соловѣеньку, пташку, пташку,
Та де же 'сь бувъ? — Въ садку, въ садку:
Ой якъ, якъ,
Сѣютъ макъ?

Въ серединѣ хоровода стоящая дѣвушка показываетъ тѣлодвиженіями, а хороводъ поетъ:

Ой такъ, такъ,
Сѣють макъ!

Соловѣеньку пташку, пташку и т. д.
Вопрошая: Ой якъ, якъ,
Полють, цвѣте, жнуть, молотять, труть макъ?

Стоящая въ середкѣ дѣвушка показуетъ тѣлодвиженіями, при чемъ поютъ:

Ой такъ, такъ,
Полють и пр. макъ!

8.

Перепелка.

Тутъ була, тутъ нема,
Перепелка моя;
А я своеѣ перепêлцѣ
Панчошоньки везу.

Тутъ була, тутъ нема,
Перепелка моя;
А я своеѣ перепêлцѣ
Спôдниченьку (фартушину) везу,
Спôдниченьку (фартушину) въ чтыре пôлцѣ.

Тутъ була, тутъ нема,
Перепелка моя;
А я своеѣ перепêлцѣ
Хустину, коралѝ, черевички, (наконецъ).
Колыску везу.

9.

Вödданье Маланки.

«Донько Маланко моя,
Я тебе замужь выдамъ.»—
«За кого, мамуненько,
За кого, зазуленько?»—

«За соляря, Маланочко,
За соляря, зазулечко.»—
«Не мôй мужь, мамунењько. —
Не мôй мужь, зазуленько.»

«Донько Маланко моя,
Я тебе замужь выдамъ.»—
«За кого, мамуненько,
За кого, зазуленько?—
«За ткача, за кравця, за маляра» и проч.

Наконецъ поютъ:

«Донько Маланко моя,
Я тебе замужь выдамъ»—
«За кого, мамуненько,
За кого, зазуленько?»—
«За шевця, Маланочко,
За шевця, зазулечко.»—
«То мôй мужь, мамуненько,
То мôй мужь, зазуленько.»

10.

Зельманъ.

(II, стр. 193.)

Ѣде, ѣде, Зельманъ,
Ѣде, ѣде, его братъ,
Ѣде, ѣде, Зальманова
Вшистка родина.

Чего хце Зельманъ,
Чего хце его братъ,
Чего хце Зельманова
Вшистка родина?

Панны хце Зельманъ,
Панны хце его братъ,
Панны хоче Зельманова
Вшистка родина.

Єще панна не вросла,
Южь сподничку понёсла
(Черевички, панчошки, хусточку, лѣтничокъ,
фартушину и пр. понёсла.)
А сподничка у кравця,
Черевички у шевця и проч.

Иди пречь, Зельманъ,
Иди пречь, его братъ,
Иди пречь, Зельманова
Вшистка родина.

(Послѣднія 5 пѣсень записаны Вл. Ив. Бѣрецкимъ въ мѣст. Угновѣ Жолковскаго Уѣзда.)

11.

Зося-черну́ся.

Хоръ.

«Зосю чернусю,
Мыйся, чешися,
Замужь берися!
Хочутъ тебе люде взяти,
Мы тя хочемъ замужь дати.»

Дѣвушка въ серединѣ: «А за кого, матѝнонько,
А за кого, ластôвонько?» —

Хоръ.

«За столяра, за сына его.»

Дѣвушка.

Ой не пôду, матѝнонько,
Ой не пôду, ластôвонько;
Бо вôнъ буде дошки стругати,
Менѣ скаже помагати.» —

Хоръ.

«Зосю чернусю,
Мыйся, чешися!» и проч.

Дѣвушка.

«А за кого, матйнонько? и проч.

Хоръ.

«За шевця, за сына его.»

Дѣвушка.

Ой не пôду, матйнонько,
Ой не пôду, ластôвонько;
Бо вôнъ буде чоботы шити,
Менѣ скаже скôры волочити.»

Хоръ.

«Зосю чернусю,» и проч.

Дѣвушка.

А за кого, матйнонько?» и проч.

Хоръ.

«За муляра, за сына его.»

Дѣвушка.

«Ой не пôду, и проч.
Бо вôнъ буде муровати,
Менѣ скаже вапно подавати.»

Хоръ.

«Зосю чернусю,» и проч.

Дѣвушка.

«А за кого, матйнонько?» и проч.

Хоръ.

«За сѣдляря, за сына его.»

Дѣвушка.

«Ой не пôду,» и проч.
Бо вôнъ буде кони сѣдлати,
Менѣ скаже помагати.»

Хоръ.

«Зосю чернусю, и проч.

Дѣвушка,

«А за кого, матѝнонько?» и проч.

Хоръ.

«За сторожа, за сына его.»

Дѣвушка.

«Ой не пôду, и пр.
Бо вôнъ буде въ грубѣ топити,
Менѣ скаже дрова носити.»

Хоръ.

«Зосю чернусю,
Мыйся, чешися,
Замужь берися!
Хочутъ тебе люде взяти
Мы тя хочемъ замужь дати.»

Дѣвушка.

«А за кого, матѝнонько,
А за кого, ластôвонько?»

Хоръ.

«За рольника, за сына его.»

Дѣвушка.

«Ой я пôду, матѝнонько,
Ой я пôду, ластôвонько;
Бо вôнъ буде поле орати,
А я збôжье засѣвати.»

12.

Заинко.

Заинку, за головоньку,
Заинку сѣнця, колѣнця,
А ни̂ тобѣ, заинку, выглянути,
А ни̂ тобѣ, заинку, выскочити.

Заинку, за пяточки,
Покажи свои скочки!
А ни̂ тобѣ, заинку, выглянути,
А ни̂ тобѣ, заинку, выскочити.

Заинку, за головоньку,
Заинку, за по̂дбочки,
Заинку обо̂ймися,
Кого любишь, поцѣлуйся!

13.

Червена ружа.

Червена ружа горѣла, горѣла,
По̂дъ невъ бѣла дѣва сидѣла, сидѣла.
У решетѣ воду носила, носила,
И червену ружу гасила, гасила:
Ко̂лько у решетѣ водици̂, водици̂,
То̂лько у милои правдици̂, правдици̂.

(Въ Угорщинѣ Земплинскаго Уѣзда.)

Г. Обжинковыя или жатвенныя пѣсни.

I. Жатвенныя пѣсни, или обжинки, когда приносятъ хозяину вѣнокъ изъ колосьевъ, записанныя Жолковскаго Уѣзда въ мѣстечкѣ Угновѣ Владиміромъ Ивановичемъ Бѣрецкимъ.

1.

Горѣшокъ зелененькій,
Нашь господарь молоденькій,
За рана обжинае,
Добру доленьку мае;
Нй рано, нй пôзно,
Въ саме полудне.

Господарь молоденькій,
Пôдъ нимъ кôнь вороненькій
По подвôрью грае,
Добру доленьку мае:
Десь мои женцй идутъ,
Менѣ вѣночокъ несутъ?

«Господарь, вѣрниченко,
Запрêгай кониченко,
Малёваный вôзочокъ,
Выѣжжай по вѣночокъ!»

2.

Цы не дымъ то ся кури'?
Нашь господарь ся жури',
Де женчики дôстати,
Нивы дожинати?

«Отчини, господині, кватыру,
Нехъ ся подивлю на ниву:
Якъ на небѣ звѣзденькôвъ,
Такъ на нивѣ копонькôвъ!»

3.

Вже соньце за вербами:
Пустѣтъ насъ изъ серпами!»—
«Не пущу васъ, небожата,
Єще нива недожата.»—

«Мы завтра прійдемо,
Нивоньки дожнемо:
Женьчики молодыи,
Серпики золотыи.»

4.

Перепѐлонка ковала:
«Де ся будешь ховала?»
Мы пшеницю дожали,
Въ снопоньки повязали,
Въ снопоньки повязали,
Въ копоньки поскладали.

Єдна копонька въ стозѣ,
А друга въ оборозѣ,
А третя въ студолѣ:
Намъ горѣлка на столѣ.

Намъ горѣлка не мила,
Бо намъ нивка доймила,
Не такъ нивонька,
Якъ широкіи загоньки.

5.

«Выйди, господине, до насъ,
Выкупи вѣнокъ у насъ:
Дайте намъ таляръ битый
За той вѣночокъ витый!
Бо то дѣвоньки вили,
Що горѣлоньку пили.

Вѣночокъ на кôлочокъ,
Намъ горѣлки збаночокъ,
Єще высшій вôдъ плота,
Єще крашшій вôдъ злота.»

6.

Господарь пшеницю вѣе,
Господиня пôдмѣтае,
Господаря намовляе:
«Продай ты пшеницю,
Справь менѣ спôдницю!
Продай пшеницю тую,
Справь спôдницю зеленую!»

II. *Жатвенныя пѣсни, записанныя Золочевскаго Уѣзда въ селѣ Турѣ.*

1.

(Вацл. изъ Олеська стр. 56.)

На полѣ, начиная плесть вѣнокъ, поютъ:

Наше жниво вже въ кôнця,
А ну жь, дѣвчата, до вѣнця!
Конець нивонцѣ, конець,
Будемо плести вѣнець.

Добре намъ було жати,
Було съ кимъ розмовляти;
Ой добре було жниво,
Була горѣвка и пиво.

2.

Перепелонька мала,
Де будешь ся ховала?
Мы пшеничоньку выжали,
Тай въ снопы повязали,
Та й въ копы поскладали.

3.

Идучи съ вѣнкомъ по дорогѣ поютъ:

Несемо вамъ полонъ
Изо всѣхъ сторонъ,
Изъ гôръ, изъ пôдгôря,
На господарске пôдвôря

Зъ пôдвôря до стодолы,
Зъ стодолы до коморы,
Зъ коморы на нивоньку
Въ щасливу годиноньку.

4.

Горѣшокъ зелененькій,
Нашъ Попикъ молоденькій;
Лѣщина зеленѣйша,
Попадя молодѣйша,
Щастья, доленьку мае,
Завчасу обжинае.

5.

Чуйся, Попоньку, въ пѣрью,
Зарѣжь корову сѣру,
И барана рогатого,
И когута чубатого,
Та й съ курятами квочку,
А намъ поставь горѣвки бочку!

6.

Казала намъ нивка,
Що е въ Попа горѣвка,
Въ свѣтлицѣ на полицѣ,
Въ кришталевôй скляницѣ,
Въ коморѣ пôдъ лавою
Приросла муравою.

7.

Мѣсяцю розроженьку,
Свѣти намъ дороженьку,
Щобы мы не зблудили,
Вѣночка не згубили!
Бо нашъ вѣночокъ красный,
Якъ мѣсяченко ясный;
Точится вѣнокъ, точитъ,
Попови передъ очи;
А чого вôнъ ся точитъ?
Бо горѣлонки хочетъ.

8.

Нашъ панъ дозорця
Выжавъ пшеницю за сонця;
Пониковецкій лѣнивый
Стоитъ жита двѣ нивѣ;
Пониковецкій недбайла,
Стоитъ въ полю до Михайла.

9.

Подходя къ подворью хозяина поютъ:

Выйди, Попоньку, до насъ,
Выкупи вѣнокъ у насъ,
Положи червоного
Вôдъ вѣнця полёвого!
Бо якъ не выйдешь до насъ!
Не скупишь вѣнця у насъ,
До корчмы занесемо,
Тамъ горѣвки напьемо;
Занесемо до Жида,
Буде для васъ огида.

10.

Та не дымъ то ся курить,
То Попонько ся журить,
Якъ пиво наварити,
Горѣвки накурити.

Зъ стрѣхи горѣхи летятъ,
Женцѝ горѣвки хотятъ,
Вѣночокъ на волочокъ,
Горѣвка на столочокъ!

Дайте намъ горѣлочки
Зъ новои барылочки;
Намъ горѣвка немила,
Насъ нива потомила;
Бо мы ся увихали,
Нивоньки дожинали.

11.

Ожидая хозяина предъ крыльцомъ:

Нема Попа дома,
Поѣхавъ до Львова,
Мёдъ, вино, куповати,
Женчики частовати.

Ей мосцунечка пышна,
За воротонька вышла,
Въ ключики подзвонила,
Богу ся помолила,
Що въ полю обробила.

На двôръ женчики, на двôръ,
Топтати зеленый морôгъ
Гострыми гостроньками,
Чорными чобôтками.

или:

Бѣлыми ноженьками,
Жовтыми чобôтками.

Тутъ выходитъ хозяинъ на дворъ, и дѣвушка съ колосянымъ вѣнкомъ кланяется до ногъ и, его цѣлуя въ руку, говоритъ:

Дай вамъ, Боже,
Щобы 'сьте щасливо дочекали
На той рôкъ сѣяти, орати,
А мы здоровы збирати!

Хозяинъ отвѣчаетъ:

Дай, Боже, дочекати въ добрôмъ здоровью!
А ты молода, Богъ дай, здорова росла,
И слюбнаго вѣнця доросла!»

Дѣвушка, снимая вѣнокъ и отдавая хозяину, говоритъ:

«Нате жь вѣнець,
А намъ дайте на танець!»

Хозяинъ, подавъ ей нѣсколько мелкихъ монетъ, принимаетъ вѣнокъ, и вѣшаетъ его въ комнатѣ на колочокъ.

Межъ тѣмъ другія дѣвушки и молодицы-женщины продолжаютъ пѣть:

12.

Нива ся хвалила,
Що добре зродила;
Єще ся хвалила,
Лѣпше буде родила.

Зъ стрѣхи горѣхи летѣли,
Женцѝ горѣвки хотѣли:
Вѣночокъ на колочокъ,
Горѣвка на столочокъ!

13.

На горѣ кирница,
Коло неê пшениця;
Жали еê женцй,
Та самй молодцй,
Хлопцй вусатй,
И дѣвки косатй.

14.

Добра нивонька була,
Сто кôпъ изродила:
Що копа, то колода,
Попови нагорода.

Запрягайте волы,
Ѣдьте по пôдпоры,
Стыртоньки пôдпирати,
Вязальникôвъ поспрашати.

15.

Помѣщику холостому прибавляютъ:

У нашого Пана
Золотая брама,
Тя золотая приспа,
Сѣло женцêвъ триста.

Добру доленьку мае,
Рано съ поля збирае.
Тôлько доганочки
Що жêнки не мае.

16.

Женатому же поютъ:

Панъ пшениченьку вѣе,
А панй вôдмêтае,
Панъ паню обôймае:
«Омêтай пшениченьку!
Куплю ти спôдниченьку!» —
«А якую?» — «Золотую,
На паню молодую.»

III. Жатвенныя пѣсни Перемышльскаго Уѣзда.

1.

(Жег. Паул. I, 49.)

Добра нивойка была,
Сто кôпъ жита зродила;
Єще ся пофалила,
Копу перечинила.

Запрягайте волы,
Поѣдемъ до дубровы
Сосноньки вытинати,
Копоньки пôдпирати.

2.

Нашъ Панъ молоденькій,
Пôдъ нимъ коникъ вороненькій,
Выѣхавъ на нивоньку
Въ щасливу годиноньку,
Ставъ копоньки лічити,
Ставъ ся Богу молити:
«Слава тобѣ, Боже!
Мое житейко въ стозѣ.»

3.

Зъ нивы, вѣнойку, зъ нивы,
Бо южь ледва живи;
Бо 'сьмо ся змордовали,
Нивойки дожинали.

4.

Мѣсяцю, мѣсячейку!
Свѣти жь намъ дорожейку,
Жебы 'сьмо не зблудили,
Вѣнойка не згубили!

Бо нашъ вѣнойко красный,
Якъ мѣсячейко ясный,
Єще вышшій вôдъ плота,
Ще дорожшій вôдъ злота;
Єще вышшій вôдъ горы,
Ще яснѣйшій вôдъ зори.

5.

Будь село весело!
Бо мы вѣнокъ несемо
Зъ ярой яричойки,
Зъ зимовой пшеничейки.

Чуйся, Панойку, въ пêрью,
Продай корову сѣру,
И съ курятами квочку,
А намъ горѣлойки бочку!

6.

Доломъ, женчики, доломъ,
До Панойка съ поклономъ!
Не сами мы идемо,
Мы вѣнойко несемо.

У нашого Панойка
Золотая брамойка,
Треба ся поклонити
Жебы еѐ отворити.
Подвôрье кобы въ Крôля,
Не треба му Подôля.

Ци вы насъ не видите,
Що до насъ не выйдете?
Выйдѣть, Панойку, до насъ,
Выкупѣть вѣнойко у насъ,
Не зъ великимъ даромъ,
Ино съ битымъ таляромъ!

Ей мосцюнейка пышна,
За воротойка вышла,
Ключиками подзвонила,
Богу ся помолила:
«Слава жь тобѣ, Боже!
Мое житейко въ стозѣ.»

7.

Сивая пава лётала,
Крылами двôръ змётала,
Сподѣвалася вѣнця,
До свого гуменця.

Замётайте двôры,
Застеляйте столы,
Сподѣвайтеся вѣнця
До свого гуменця!

8.

Принесли 'сьмо вамъ полонъ,
Зо всѣхъ чотырехъ сторонъ;
Принесли 'сьмо вамъ сбôръ
Зъ пôдъ зеленыхъ гôръ,
Изъ гôрья, и зъ пôдгôрья,
На Панове подвôрья,
Зъ пôдвôрья до стодолы,
Зъ стодолы до коморы,

Зъ коморы на нивойку,
Въ щасливу годинойку.

Отдавая вѣнокъ хозяину, дѣвушка говоритъ:

«Вамъ дай, Боже, дочекати
Обсѣвати, а намъ дожинати!»

9.

Ставься, Панейку, ставься,
Женчиковъ не встыдайся,
Якъ мы ся не встыдали,
Нивойку дожинали!

Гды мы вѣнойко вили,
Мёдъ, горѣлойку пили;
Гды 'сьмо го доплётали,
Мёдъ, вино розливали.

Слава, Панойку, слава:
Вся челядойка пяна,
Ино тая не пила,
Що зъ нами не робила,
Подъ межею лежала,
А житейка не жала.

10.

Ей, Мосцюнейко, утко,
Звивай же ся хутко,
Такъ якъ мы ся звивали,
Нивойки дожинали!

Нема Панойка дома,
Поѣхавъ вонъ до Львова
Горѣвки куповати,
Женчиковъ наповати.

11.

Соромъ, Панойку, соромъ:
Сидять женцй̂ за столомъ;
Сѣли женчики, сѣли,
Ажь ся здрагнули стѣны;

Єще лѣпше здрагнутся,
Якъ горѣвки напьются.
Дайте жь намъ горѣлойки,
Зъ новои барылойки!

Боявся Панъ сорому,
Та схôвався въ солому:
Вôвцй̂ солому зъѣли,
А мы Панойка уздрѣли.

Повѣдала намъ нивка,
Є въ коморѣ горѣвка,
Въ коморѣ на полицѣ,
Въ малёванôй скляницѣ.

IV. Пѣсни, поемыя во время жатвы въ Угорской Руси.

1.

Рада нивочка, рада,
Што зарана дожата,
Дожали 'сьме зарана,
Зарѣжуть намъ барана,
Барана рогатого,
Бо мы Пана богатого.

2.

Лемъ вы жнѣте, жнѣте,
Мои любы женци̂!
Наварить вамъ Пани̂,
На вечеру ленчи.

3.

«Чіи то женци̂
Такъ красно спѣвавуть?» —
«То нашого Пана,
Нивку дожинавуть.»

4.

На горѣ жита много,
Половина зеленого,
Ишли тоты женци̂ жати,
А за были серпы взяти.

«Пущай, Пане, за серпами,
Бо вже сонце надъ вербами!» —
«Не пущу васъ, небожата,
Паньска нива не дожата.»

Ишли наши женци̂ жати,
А забыли серпы взяти:
«Буде завтра друґа днина,
То дожнеся Паньска нива.»

5.

Пôшли женци̂ жито жати,
Та й забули серпы взяти:
«Пущай, Пане, за серпами,
Бо вже сонце за горами!»

«Не пущу васъ, небожата,
Паньска нива не дожата.» —
«Буде завтра друга днина,
Дожнеме мы Паньска жнива.»

6.

Грайте, хлопци̂, грайте,
Грайте, небожата!
Бо въ нашеи Попадьи,
Пшеницям не сжата.

7.

Чія ото нивка?
Люба бы му днинка,
А хто еê оравъ,
Гораздъ бы ся онъ мавъ!
А хто еê сѣявъ,
Золото бы вѣявъ!
А хто еê змочивъ,
На серцѣ бы спочивъ!

V. *Пѣсни, поемыя при жатвѣ, или относящіяся къ уборкѣ хлѣба.*

I.

(Жег. Паул. I, 55.)

Тамъ на горойцѣ
Три Панйнойцй
Ячмêнь жнуть.
Гей, милый же Боже,
Хто жь имъ допоможе?
Не выжнуть;
Сонейко низько,
Вечерейко близько,
Не выжнуть.

Пташейки лѣтаютъ,
Снопойки сношаютъ,
Не знесуть:
Гей, милый же Боже,
Хто жь имъ допоможе?
Не знесуть;
Сонейко низько,
Вечерейко близько,
Не знесуть.

Сивый соколейко,
Копойки складае,
Не зложить;
Гей, милый же Боже,
Хто жь му допоможе?
Не зложить;
Сонейко низько,
Вечерейко близько,
Не зложить;

Зазуляйка кує,
Копôйки рахуе,
Не злйчить.
Гей, милый же Боже,
Хто жь ёй допоможе?
Не злйчить;
Сонейко низько,
Вечерейко близько,
Не злйчить.

Послали дѣвойку
Та по горѣлойку
До Жида;
Ой, а нй дѣвойки,
А нй горѣлойки,
Ой бѣда!
Стоить Козачейко,
На пôдсѣнейку,
Сеймуе;

Тримае дѣвойку
За бѣлу ручейку,
Частуе.
Тамъ на болонейку,
Бѣлыи качата
Зплескали;
Тамъ Козачейка
Всѣ три Панйнойки
Кохали.

Єдна такъ любила:
Коня выводила
До поля;
Другая кохала:
Сѣдло выносила,
На коня;
Третяя кохала:
Та й виномъ, медомъ,
Частуе.

«Ой не жаль же ми
Того вина й меду,
Же 'мь пивъ;
Ой но ми жаль,
Же 'мь ся съ облудовъ,
Оженивъ:
А нй ёй продати,
А нй промѣняти,
Облуда!
Ой южь ми треба
Сей свѣтъ колотати
До суда!»

2.

Ой пôслала мене мати
Зеленее жито жати:
Ой тнутъ косарй,
Що не рано почали;
Хоть не рано почали,
Та богацько утяли!

Ой я жита не жала,
Въ борознонцѣ лежала:
Ой тнутъ косари и пр.

Наѣхали чужоземцй,
Найшли мене въ борозненцѣ:
Ой тнутъ косарй и проч.

Зажурилася калина,
Що не кошена долина:
Ой тнутъ косари, и пр.

Черезъ твои русй косы
Выкосили всѣ покосы:
Ой тнутъ косарй, и пр.

Черезъ твои чорнй брови
Выкосили всѣ дубровы:
Ой тнутъ косари и пр.

Черезъ твои бѣли руки
Выкосили всѣ палуки:
Ой тнутъ косарй и пр.

Черезъ твои бѣлй лицй
Нема сѣна и копицй:
Ой тнутъ косарй и пр.

И долину выкосили,
И калину полюбили:
Ой тнутъ косарй,
Що не рано почали;
Хоть не рано почали,
Та богацько утяли!

3.

Ой вже вечеръ вечерѣє,
Сонце надъ вербами:
Пускай, Пане Атамане,
До дому зъ серпами!

Ой вже вечеръ вечерѣє,
Уже сонце низко:
Пускай, Пане Атамане,
До дому не близко!

Скажи менѣ, Атамане,
Скажи менѣ Пане,
А хто выйде жито жати,
Коли насъ не стане?

ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

Б. ПРИ СЕМЕЙНЫХЪ ПРАЗДНИКАХЪ И УВЕСЕЛЕНІЯХЪ

А. ЛАДКАНЯ ИЛИ СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

I. Свадебныя пѣсни мѣстечка Угнова, Жолковскаго Уѣзда, собранныя Владиміромъ Ивановичемъ Бѣрецкимъ.

1.

Пôшла Настуня по воду
До каменного броду:
«Повненько набирайси,
Частенько спочивайси!»

Нѣкимъ она съ водою пришла,
Вечероньκа вôдойшла:
Она стала, заплакала,
Горчки, миски, подрапала,
Горчки, миски та й помыла,
И слезами ся умыла.

2.

Вишневыи квѣты,
Кланяйтеся дѣти,
Отцеви и матѣнонцѣ,
Всѣй своей родинонцѣ!

3.

Наѣхали зô Львова Паничѝ,
Взяли ей косоньку на мечѝ,

Взяли еи косоньку рубати,
Взяла Настунина матêнька плакати;
«Не плачъ, не плачъ, матêнько, по косѣ,
Краше еи косонька въ каптурѣ!»

4.

Чемъ дружка не спѣвае?
Бо рѣдки зубы мае,
Встыдаеся показати,
Щобъ ся зъ неи не смѣяти.

5.

«Ой гой же, гой же,
Мôй милый Боже!
Що жь бо я учинила?
Ой кого жь бо я вѣрне любила,
Той стоитъ за дверима;
А Василенька,
А Короленька,
Я его зъ роду не знала,
Прійшло до того,
Прійшло до сёго,
А зъ нимъ шлюбоньку взяла!

6.

Вже жь твое, Настуненько,
Поламали зѣленько,
Поламали дрôбненько,
Поскладали рôвненько.

7.

Ой не ходи, Настуненько,
Въ вышный садъ,

Ой не збирай фіялокъ
На вѣнокъ!
Бо то тіи фіялоньки
Обмануть,
Отъ твоего батенька
Отвернуть.

8.

«А цы жь я тобѣ,
Мôй батеньку,
Не була выгôдненька,
Що ты мя даешь,
Отпосылаешь,
Я еще молоденька?» —
«Досыть, Настуненько,
Досить, дѣтинонько,
Твеи выгодоньки
Я тобѣ даю,
Що въ дома маю,
Зе своей головоньки,
Я тобѣ даю,
Що въ дома маю,
Доленьки не вгадаю:
Вставай раненько,
Вмывай личенько,
Проси Бога о доленьку!»

9.

Ой теперь же ’сь, намъ
Молода Настуню,
Ой теперь же ’сь намъ мила:
Росою косою,
Рюмянымъ личкомъ,
Свѣтлоньку розсвѣтила.

10.

Ой летѣли гусеньки
Черезъ садъ,
Ой кликали Настуненьку
На посагъ:
«А що жь бо вамъ, гусоньки,
До того,
До моего посаженька
Милого?
Ой маю жь бо я батенька
До того,
До моего посаженька
Милого.»

11.

Ходи’ Настуненька,
Ходи душенька,
По вишневôмъ садочку,
Рѣже барвêнокъ
Собѣ на вѣнокъ,
На свою головоньку:
«Ой вѣнку жь мôй,
Барвêнку жь мôй,
Тяженькій мôй жалю!
А вже жь бо я ся,
А мôй батеньку,
Съ тобою розлучаю!»

12.

А въ лузѣ надъ водою,
А въ лузѣ надъ водою,
Сѣе Настуня долю:
«Плыни, доле, съ водою,

Плыни, доле, съ водою,
Я заразъ за тобою:
Приплынемо до берега,
Приплынемо до берега,
Станемо, спочицемо,
Листоньки напишемо,
Листоньки напишемо,
До батенька пôшлемо,
Нейся батенько кае,
Що мене замужъ дае,
Такую молодую,
Ой не такъ молодую,
Ой не такъ молодую,
Якъ не наученую:
Научатъ мене люде,
Научатъ мене люде,
Жаль батенькови буде!»

13.

До Дунаю стеженька,
До Дунаю стеженька:
Славная Настуненька
Надъ Дунаемъ стояла,
Росу косу чесала,
Росу косу чесала,
Батенька пожадала:
«Выйди, батеньку, ко мнѣ,
Погладь косоньку по мнѣ,
Бѣлыми рученьками,
Дрôбными слезоньками!»
До Дунаю стеженька,
До Дунаю стеженька:
Славная Настуненька,
Надъ Дунаемъ стояла,
Росу косу чесала,

Росу косу чесала,
Матêнку пожадала:
«Выйди, матêнко, ко мнѣ,
Погладь косоньку по мнѣ,
Бѣлыми рученьками,
Дробными слезоньками!»

14.

Мовивъ есь, батеньку: 2
«Не дамъ ти Настуненьку;»
Яжь то була раденька, 2
Безъ тыждень веселенька;
Прійшла ми недѣленька, 2
Смутный день, годинонька,
Музыки ми заграли, 2
Дружечки заспѣвали:
«Вамъ, дружечки, весêлье, 2
Менѣ серденько млѣе,
По моей росѣ косѣ, 2
По моей слйчной красѣ,
По личеньку румяномъ, 2
По вѣночку рутяномъ!»

15.

«Ой даешь мене,
Мôй батенько,
Далеченько отъ себе,
Ой даешь, даешь,
Заповѣдаешь,
Жебъ не бувати у тебе;
Ой не була жь я
Въ єдну недѣлю,
Не буду и въ другую,

А на третую перекинуся
Въ сивую зазулю;
Ой сяду я, впаду,
Въ вишневôмъ саду,
Ой стану жь бо я
Жалôбненько ковати,
Ажь ся буде до матêнки чувати:
«Выйди, матêнько,
Выйди, душенько,
Стань мене пôзнавати!»
Выйшла матêнька,
Выйшла душенька,
Стала ей изганяти:
«Ой сювай, чувай,
Сива зазуленька,
Не куй ми жалôбненько!»

16.

«Поѣдь, батенько,
Поѣдь рôдненькій,
До мѣста до Люблина:
Купи щêтоньку
На дѣтиноньку,
Разчесати косоньку!»

17.

А въ садочку на галѣзонцѣ,
Тамъ соловій щебече,
Тебе, Настуню молоденькая,
Тебе батенько кличе.
«Ой нехъ не кличе,
Нехъ ся накличе,

Вже жь ся му наслужила:
Тамъ въ коморонцѣ,
На новой скринонцѣ,
Ключики положила!»

18.

Тамъ за воротьемъ,
За папоротьемъ,
Темна росонька впала,
Тамъ Настуненька
Молоденькая
Красотку розсѣяла;
Выйшовъ батенько,
Выйшовъ душенько:
«Що ты, Настуню, дѣешъ?
Єще жь молода,
Яко ягода,
А вже красоньку сѣешь?» —
«Якъ менѣ буде
Добра доленька,
То я ей позбираю;
А якъ буде
Яка инакша,
То я ей занехаю.»

19.

А та пташенька
Невеличенька
На рутюненцѣ сѣла,
Она мовила
Рутетю зломе,
Она ей похилила.
Тамъ Настуненька
Молоденькая

На посаженьку сѣла;
Она мовила;
Батенька тѣшитъ,
Она его засмутила.

20.

Настуню, дѣтинонько, 2
Жалуе тя батенько:
«Нехъ мене жалуе, 2
Нехъ собѣ намалюе,
Въ сѣнонькахъ на двероронькахъ,
Въ свѣтлонцѣ на стѣнонцѣ:
Що ся на стѣноньку гляне, 2
То собѣ и спомяне:
«Де жь моя Настуненька? 2
Въ чужого батенька:
Тамъ она хутко ходитъ, 2
Никому не догодитъ;
Въ насъ по малу ходила, 2
И всѣмъ намъ догодила.»
Вечеру на стôлъ даютъ, 2
Настуню отсылаютъ:
«Иди, Настуню, поводу, 2
До каменного броду.
Повненько набирай си, 2
Частенько спочивай си!»
Нѣкимъ она съ водою прійшла, 2
Вечеронька одôйшла:
Она стала, заплакала, 2
Горчки, миски, подрапала,
Горчки, миски та й помыла, 2
И слезоньками ся умила:
«А въ чужого батенька 2
Снѣданенька не буде,
Обѣдець пôдъ полудне, 2
Вечера о пôвночи, 2
Заплачутъ чорны очи!»

21.

Ой звѣдуеся, испытуеся,
Та Настунйнъ батенько:
«Де же 'сь бувала,
Що же 'сь чувала
Настуню, дѣтинонько?» —
«Въ церковцѣ'мь була, 2
Батеньку, голубоньку.» —
«Що 'сь тамъ дѣяла, 2
Настуню, дѣвонько?» —
«Слюбонько 'мь брала, 2
Батиньку, голубоньку.» —
«Съ кѣмъ же 'сь го брала, 2
Настуню, дѣвонько?» —
«Изъ Василенькомъ,
Изъ Короленькомъ
Батеньку, голубоньку.»

22.

Ходи' Василенько
По вышнêмъ садочку,
Шапочку въ рукахъ носи',
Свеи матêньки проси':
«Кохана мамуненьку,
Пріймѣть мою Настуненьку,
Пріймѣть еê щиренько, 2
Вчăстуйите ê красненько!» —
«Коханый мôй сыноньку!
Прійму твою Настуненьку,
Прійму еê щиренько, 2
Вчастую ê красненько.»

23.

А вже жь бо мы, Настуненько, идемо,
Добранôчь тобѣ даемо,
Розлука наша сь тобою,
Якъ съ рôдною сестрою.

24.

Ще сонецько не сходи',
Вже зъ Настунй вѣнокъ схôди':
«Помаленько здôймайте,
Косонькй не трогайте.»

25.

Кованы возы понавертали,
Коники посѣдлали:
«Ой выбирайся, молода Настуню,
Въ дороженьку съ нами!» —
«Якъ же я маю съ вами ся выбирати?
Маю батенька,
Якъ соколенька:
Жаль менѣ го покидати!»

II. Свадебныя пѣсни, записанныя въ Жолковскомъ Уѣздѣ.

(См. Вацл. изъ Олеська стр. 1.)

а) При заручинахъ (помолвкѣ.)

1.

Вода луги позаливала,
Дороги позабирала:
Нѝкуда переѣхати
Федуневи на заручины.

Єго тестонько любить,
Єму мостоньки мостить
Зъ каменя дорогого,
Зъ перстеня золотого.

Вода луги позаливала,
Дороги позабирала:
Нѝкуда переѣхати
Федуневи на заручины.

Єго тещенька любить,
Єму мостоньки мостить
Зъ каменя дорогого,
Зъ перстеня золотого.

Вода луги позаливала,
Дороги позабирала:
Нѝкуда переѣхати
Федуневи на заручины,

Єго дѣвонька любить,
Єму мостоньки мостить
Зъ каменя дорогого,
Зъ перстеня аолотого.

Вода луги позаливала,
Дороги позабирала:
Нйкуда переѣхати
Федуневи на заручины.

Его сватонька любитъ,
Єму мостоньки моститъ
Зъ каменя дорогого,
Зъ перстеня золотого.

Вода луги позаливала,
Дороги позабирала:
Нйкуда переѣхати
Федуневи на заручины.

Єго родонько любитъ,
Єму мостоньки моститъ
Зъ каменя дорогого,
Зъ перстеня золотого.

2.

Въ городеньку частоколоньку,
Тамъ ходитъ Ивасуненько,
Проситъ квѣточки до шапочки
Своєй паненьки Маруненьки:
«Бôгъ ме бы 'мь дала, не жаловала,
Но ся бою батенька.» —
«Ой не бôйся батенька свого,
Ой бôйся мене та й молодого;
Батенька гроза, якъ лѣтняя роса,
Моя гроза гôршь лютого мороза.» —

3.

«Чорная галонько, чорненька,
Де жь бо ты сокола завела?»—
«Ой нйгде я го не́ вела:
Самъ вôнъ за мною летѣвъ,
За моимъ лётаньемъ тихенькимъ,
За моимъ пêренькомъ чорненькимъ.»—

Красная Маруненько, красна,
Де жь бо ты Ивасенька завела?.»—
«Нйгде жь я его не вела:
Самъ вôнъ за мною прiѣхавъ,
За моимъ ходонькомъ дрôбненькимъ
За моимъ личенькомъ бѣленькимъ.»—

6.

Зелена рута—жовтый цвѣтъ,
Нема кавалера довго въ нôчь:
Писала бы 'мь листъ—не вмѣю,
Пôслала бы 'мь отця—не смѣю,
Пôшла бы 'мь сама—боюся,
Широкiй гостинець—минуся.

5.

Пропила мати дочку
На солодкôмъ медочку:
Було меду не пити
Та дѣвкою робити;
Солодкiй медокъ выпити,
Нй ся кимъ послужити.

б) При сватьбѣ.

1.

Въ Пятницу, при печенiи короваяː

Короваёве тѣсто
Не змѣстилося въ мѣсто,
Но влѣзло ся на рынокъ,
Зацвѣло, якъ калинокъ.

Или:

Зацвѣло, якъ барвêнокъ.

Ой годѣ, годѣ, пшеницѣ
Сѣмь лѣтъ въ стозѣ стояти,
Часъ зъ тебе коровай опхати.
Ой сбери, Петруненько,
То ти ся коровай удавъ:
Пôдошва ему желѣзна,
Обручи ему срêбныи,
А не вершочку — жовтый цвѣтъ;
Славный нашъ коровай на весь свѣтъ.

2.

Вынимая коровай изъ печи:

Хто всадитъ, той и выйме,
Бо ся иншiй не прiйме;
Якъ ся не буде прiймати,
То будемъ позывати,
До Пана Комисара,
Таки наша будетъ справа.

3.

Въ Субботу женщины за столомъ:

Поѣхавъ Староста
Въ Угорскую землю

Угриночку влюбити:
Угриночку си влюбивъ,
Господь му не присудивъ;
Бо въ Угорскôй землѣ
Куроньки не пѣють,
И свѣтъ не свитае,
И соненько не сходить,
И дрôбенъ дощъ не иде,
И травонька не росте,
И коникъ ся не пасе.

4.

Поѣхавъ Староста на ловы
Въ темныи лѣсы, дубровы,
Тамъ его дрôбный дощъ нагонивъ,
Лисіи шубоньки намочивъ,
Ажь ся Староста здумѣвъ,
Учула тое сваненька:
«Не журися Старостоньку:
Я твои сукеньки посушу,
Я твое личенько прикрашу.»

5.

Ой просивъ Петруненько
Своеи матеньки:
«Ой ты, матенько рôдненька,
Прошу я тебе,
Не жени ты мене,
Най я собѣ погуляю,
Якъ та рыбка по Дунаю!» —
«Гулявъ ты, сыноньку,
Не едну зимоньку:
Часъ тебе оженити,
Людьми постановити.»

6.

Въ Суботоньку въ вечёръ
Впали ягодоньки
Винныи, зеленыи,
А до того дробненьки:
Журилася Касуненька,
Съ кѣмъ бы ихъ позбирати,
Бо будуть зимовати:
«Просила бы-мъ батенька,
Батенько не поможе,
Батенько не поможе,
Бо водъ жалю не може.»

7.

Дивуется, чудуется, батенько,
Нигде дитятко на ярмарочку не було,
А де такого зъ рѣсами вѣнця взяло?
Не рокъ, не два, Ивасенько ся залицявъ,
Не рокъ, не два, зъ рѣсами вѣночокъ обѣцявъ.

8.

Половиной мѣсяченько на небѣ
Половину земли освѣтивъ,
Прійшовъ надъ море, не спочивъ:
«Ой, милый Боже! кобы цѣлый,
Щобы всю земленьку освѣтивъ,
Прійшовъ надъ море та й спочивъ.

Ой еденъ Ивасуненько у батенька
Половину роботоньки зробивъ,
Прійшла Субота, не спочивъ:
«Ой, милый Боже! кобы насъ двое,
Щобы мы роботоньку зробили,
Прійде Субота—спочили!»

9.

Старосты идутъ съ дарами въ Субботу:

Ѣхала Ворманочка,
Минула наши вороточка:
«Ѣдь, Петруненьку, зъ нами
До Турокъ на ярмарокъ
Дарунки куповати,
Тестенька даровати:
Пышного тестенька маешь,
Великого дару хоче —
Коня вороного,
Сѣдельця золотого.

10.

Грымнула щука на морѣ,
Приплыло золото и серебро до берегу,
Старостому кониченькови до чола,
Щобы ся свѣтивъ, якъ ясная зоря;
Ой щобы вôнъ зъ дороженьки не зблудивъ,
Щобы вôнъ крамскихъ сорочокъ не сгубивъ.

11.

Когда Старосты съ подарками приходятъ:

Шей, Маруненько, свекрови сороченьку,
Выпери ею на тихôмъ дунаеньку,
Высуши ею на буйныхъ калиноньках,
Перекачай ею на тисовыхъ столонькахъ!

12.

Наряжая невѣсту на посагъ:

Розточено поволоченьки по сѣняхъ,
Розстелено ленныи скатерѝ по столу,

Куда ми ишла Касуненька на посагъ:
Пытается, довѣдуется, вôдъ батенька:
«А вôдъ кого, мôй батеньку, посагъ ставъ?» —
«Вôдъ Бога, вôдъ дабрыхъ людей, дитятко:
Посагуетъ самъ Господь Богъ съ Ангелами,
Посагуется мое дитятко съ другами.»

13.

Сажая невѣсту на посагъ:

Красная Маруненька шолвію ломала,
Ломучи она до оконця припала:
«А що ми кажешь, батеньку, робити?» —
«Покинь, доню, всю роботу въ Суботу,
Сѣдай, дитятко, съ милымъ Богомъ на посагъ!»

14.

При дареніи:

Де ся ми дѣвъ, де ся ми подѣвъ,
Касуненчинъ батенько?
Чомъ не выйде
До новои свѣтлоньки?
Чомъ не стане
До тисового стола?
Чомъ не дарує
Своего дитятка?
Нѝ червоными, нѝ золотыми,
Дитятко даровати,
Ино счастьёмъ и здоровлёмъ,
И добреньковъ доленьковъ.

15.

Послѣ даренія:

Знати, Маруню, знати,
Що е рôдная мати,
Що краяла хусточки
Зъ бѣлои китаёчки.

16.

Обдарована Касуненька
Гривнами золотыми,
Талярами битыми;
Она гривнёвъ не брала,
По столѣ посувала:
«Лежьте, полежьте,
Гривноньки золотыи,
Таляры битыи!
А я пôду ступаючи,
Два дворы минаючи,
А на третьёмъ стану,
Стану, послухаю,
Що батенько говоритъ;
А батенько говоритъ:
«Давъ ми Богъ дождати
За людей дитя дати!»

17.

Когда Старосты возвращаются съ подарками:

Ой куры, куры, не пôйте рано!
Бо теперь нашъ Староста
Зъ дороги пріѣхавъ,
Пустивъ коника
До пастôвника,
А самъ пôшовъ въ садъ виноградъ,
Выломавъ квѣточку,

Виноградъ цвѣточку,
Вдаривъ сванецьку
По бѣлôмъ личеньку,
Ажь ся сваценцѣ
Личенько змѣнило,
Не такъ си змѣнило,
Якъ зарумянило.

18.

При расплетанiи косы въ Суботу:

Благослови, Боже,
И ты, рôдный батеньку!
«Де жь твôй, Касуненько, старшiй братъ,
Що твои косы росплётавъ?
Де твои выплётки подѣвавъ?
Чи на тихiй Дунай попускавъ?
Чи молодшôй сестрицѣ даровавъ?
Де твои, Касуненько, ковалѣ,
Що твои косоньки ковали?
Та нехай прiйдутъ, роскуютъ,
Все собѣ срêбро, золото заберутъ!»

19.

Ой нема, нема,
Батенька въ дома,
Ой поѣхавъ до Львова
Зъ бѣлои рыбы
Бѣлесенькiй гребêнець куповити,
Касеньку розчесати.

20.

Сивыи соколы, сивыи,
Полетѣть, соколы, въ долину,
Наберѣть золота на крыла,
Золотить Касеньку Княгиню,

На Суботоньку, на вечеръ,
На Недѣленьку на весь день;
На Понедѣлокъ не буде,
И но жаль батеньку буде.

21.

Красная Марусенька
Заганяла стадонька
Въ городъ на зеленька:
«Стадо мое вороное,
Вытопчи ты зёлья мое,
Нехай ся не зôстае!»

22.

Розплётайте до радости,
А батеньку до жалости;
Бо у мого батенька,
Серденько жалосливе:
Що выйде на двороньмо,
То гляне въ городонько,
Що гляне, то вспомяне:
«Де жь мое дитятонько,
Що садило зёленько?
Садило, пôдливало,
А въ вѣночку не бувало!»

23.

Передъ покрытьемъ:

Иди, Касуненько, до коморы,
Съ скринею поговори,
Вынеси полотенце,
Тонкее накрывенце!

24.

Собираясь ѣхать къ вѣнчанію въ Воскресенье:

Въ Недѣленьку рано
Синее море грало;
Ой не море грало,
Марусенька потопала,
Все батенька ждала:
«Ратуй мя, батеньку, ратуй!
Не дай ми потопати,
Въ тôмъ морѣ загибати!»
Батенько до береженька —
А нѣ човна, а нѣ весла,
Все фаленька вынесла!

Въ Недѣленьку рано
Синее море грало;
Ой не море грало,
Маруненька потопала,
Все матêньки ждала:
«Ратуй мя, матенко, ратуй!
Не дай ми нотопати,
Въ томъ морѣ загибати!»
Матêнька до береженка—
А нѣ човна, а нѣ весла,
Все фаленька вынесла!

Въ Недѣленьку рано
Синее море грало;
Ой не море грало,
Маруненька потопала,
Все Ивасенька ждала:
«Ратуй мя, Ивасеньку, ратуй!
Не дай потопати,
Въ тôмъ морѣ загибати!»
Ивасенько до береженька —
Є и човенъ и весло:
«Не загинешь, миленька, не загинешь!»

25.

Въ Недѣленьку рано
Въ селинѣ заиграно,
Зайграно, забубнено,
Бояры побуджено:
«Встаньте, Бояре, встаньте,
Коники посѣдлайте,
Сами ся убирайте!
Бо поѣдемо ранкомъ,
По пôдъ высокимъ замкомъ,
Будемъ замки ломати,
Марысеньки доставати!»
И замкôвъ не ломали,
И Марысеньки достали.

26.

Пошовъ Ивасенько
До стасночки
Коничененька сѣдлати,
Коничененька сѣдлае,
Зъ тихенька гадае,
Слёзами ся вмывае;
Прійшла до него
Матêнька его:
«Чого, Ивасеньку, плачешь?» —
«Ой якъ же менѣ,
Моя матêнько,
Молодому не плакати:
Самъ я не знаю,
И не згадаю,
И не скажуть люде,
Яка ми доля буде!»

27.

Радится Ивасенько
Своего батенька:
«Порадь менѣ, батеньку,
Якъ много Бояръ брати?» —
«Сыноньку Ивасеньку,
Що силонька зможе.
Господь Богъ допоможе:
Хоть сто кôній верховыхъ,
А за двайцять возовыхъ.

28.

Червоной калиноньской
Ѣхавъ Старостонько
Съ своми Бôярами;
Єму калинонька
Дорогу заступила;
Вынявъ шабельку,
Вынявъ красненьку,
Стэвъ калину рубати;
До него калина,
До него червона,
Та стала промовляти:
«Не для тебе, Старосто,
Калина сáджена,
И но для тебе
Сваненька зрождена.»

29.

Возвращаясь отъ вѣнчанія:

Пытався сокôлъ кумоньки:
«Де 'сь, кумонько, була?
Шо'сь нôжки забрудила,
Пêронька заросила?» —

«Въ тихонькôмъ броду була,
Студену воду пила,
Тамъ нôжки забрудила,
Пêронька заросила.»

Пытався батенько:
«Де 'сь, Касуненька, була?
Шо 'сь очка заплакала,
Слёзами личко зляла?» —
«Въ Божôмъ домоньку була,
Три разы присягала:
Тамъ очка заплакала,
Слёзами личко зляла.«

30.

Сивая зазуленько,
Не лётай раненько
На яру пшениченьку,
Бо тамъ на тебе
Сивый сокôлъ засяде,
Сгляне тя оченьками,
Пôйме тя крылоньками,
Занесе въ темны лѣсоньки,
Межи чорны галоньки:
Тамъ будешь ковати,
Нйкому не слухати!

Красная Маруненько,
Не выходи раненько
На нове пôдсѣненько,
Бо тамъ на тебе
Самъ Король засяде,
Сгляне тя оченьками,
Возьме тя рученьками
До чужои сторононьки,
До чужои матоньки,
Тамъ будешь плакати,
Нйкому пожаловати!

31.

Въ лѣсѣ, лѣсѣ, буковôмъ,
Ой шло, шло, два тесельчики,
Сѣкуть, рубають, самбôръ деревце,
Сѣкуть, рубають, на Дунай пускають:
Чи впôрне, увирне, самбôръ деревце?
Чи пôйме, чи возьме, староста сваненьку?
Нѝ впôрне, нѝ увирне, самбôръ деревце,
Нѝ пôйме, нѝ возьме, староста сваненьку.

32.

Ой лѣсомъ идуть,
На куноньки стрѣляють;
Ой полемъ идуть,
Перепелоньки имають;
Селомъ выѣзжають,
Колоньки пôдтинають;
На дворъ прiѣзжае,
Коничокъ двôръ копае,
До сѣнцiй входить,
Шапочки не здоймае,
За стôлъ сѣдае,
Низенько ся кланяе.
Ой де дзвононьки дзвонять,
Голосонько заходить,
Тамъ тобѣ було, Ивасеньку,
До слюбоньку ставати.

33.

Ой у саду вишенька,
По пôдъ нею стеженька;
Пытався староста:
«Хто стеженьку удоптавъ?»

«Ой удоптавъ сю
Молодый Дружбитонько,
Зъ вечера ходячи,
Подарунки носячи.»

34.

Ой тамъ на горѣ горять огнѝ,
А все терновыи,
Коло тыхъ огнêвъ стоять столы,
А все тисовыи,
Коло тыхъ столовъ сидять ковальчики
А все молодыи,
Кують коньки пôдъ старостоньки,
А все вороныи;
А имъ сваненька пôдковъ додае,
А все мѣдяныи,
А коралики на гуфналики,
А все дорогіи.

35.

Въ Воскресенье вечеромъ идучи къ невѣстѣ:

На соколовôмъ полѣ
Злетѣлися соколы,
Межи ними соколонько,
Межи ними сивасенькій,
Крылоньками махае
Летѣтоньки гадае,
Въ темнѝ лѣсоньки,
Межи чорнѝ галоньки,
Тамъ му галонька мила,
Бо гнѣздочко увила,
Увила, перевивала,
Вѣнникомъ подобкладала.

На Ивасёвôмъ дворѣ
Зъѣхалися Бояры,
Межи ними Ивасенько,
Межи ними молоденькій,
Въ руцѣ шапочку носить,
Свои Бояры просить:
«Бояре молодыи!
Учинѣть волю мою,
Та ходѣть за мною
До тестенька на дворъ,
До Марусеньки за стôлъ;
Тамъ ми Маруненька мила,
Бо ми сорочку ушила.»

36.

Въ Воскресенье вечеромъ у жениха:

По за Дунаёмъ конѝ
Сивыи, вороныи:
Журився старостонько,
Кому бы поплынути;
Стаденько повернути;
Учула тое Сваненька:
«Не журися, старостоньку,
Положу тобѣ мосты
Зъ бѣлои рыбы кости,
Туды жь ты переѣдешь,
Вороне стато вернешь!»

37.

Въ Воскресенье вечеромъ у невѣсты:

Пôдъ дубровою,
Пôдъ зеленою,
Дрôбна росонька впала:
Тамъ Маруненька,

Тамъ паннуненька,
Красу розсѣвала;
Прійшовъ до нее̂
Батенко ее̂:
«Що дѣешь, Маруненько?» —
«Тое я дѣю,
Красоньку сѣю,
Зъ рукавця вытрясаю;
Ой якъ ми Богъ дасть
Лиху доленьку,
То я ю понехаю.»

38.

Въ Воскресенье вечеромъ при вечери:

Вывезено зе̂лье
Зъ горы въ подо̂лье,
Посаджено въ мѣстѣ въ городочку,
По̂дъ муромъ въ холодочку:
«Во̂дгадай, старостонько,
Що то ми за зеленько?» —
«Я не во̂дгадаю,
Бо старый розумъ маю.»

Вывезено зе̂лье
Зъ горы въ подо̂лье,
Посаджено въ мѣстѣ въ городочку,
По̂дъ муромъ въ холодочку:
«Во̂дгадай, дружбонько,
Що то ми за зе̂ленько?» —
«Я не во̂дгадаю,
Бо старый розумъ маю.»

Вывозено зе̂лье
Зъ горы на подо̂лье,
Посаджено въ мѣстѣ въ городочку,
По̂дъ муромъ въ холодочку:

«Вôдгадай, молодый,
Що то за зêленько?» —
«Я вже вôдгадаю,
Бо молодый розумъ маю:

Перше зêленько —
Бѣлая лиліёнька,
Друге зêленько —
Червона калинонька;
Бѣлая лиліенька —
Короленько Ивасенько,
Червона калинонька —
Красная Касуненька.»

39.

Послѣ обѣда:

Ой що ми були столове,
То все ми були тисовй;
Де соколы гнѣзденько вили,
Тамъ Бояре медъ, вино, пили,
И за хлѣбъ дяковали.

«Встаньте, Бояре, встаньте,
Шапочки поздôймайте;
И подякуйте
Напередъ Богу,
Матери Божêй,
Святêй Пречистôй,
Отцамъ духовнымъ,
Панамъ державнымъ,
Господареви,
Господинонцѣ,
Єго дѣточкамъ,
И кухарочкамъ,
За той красный обѣдокъ!»

40.

Когда невѣсту берутъ изъ дому:

Въ луженьку калиновôмъ
Два дзвоны малесенькû,
А хоть они малесенькû,
Але голосенькû:
Выдзвонили и выголосили,
Сѣрого тура зъ луга.

У Ивасенька Короленька
Бояре молодыи,
А хоть они молодыи,
Але вымовныи:
Вымовили и выговорили,
Касуненьку вôдъ батенька.

41.

«Чого, лосю, чого, небоже,
Ты къ селѣ прилѣтаешь?
Либонь, лосю, либонь, небоже,
Ты лиху зиму чуешь?» —
«Чи лихая, чи не лихая,
Не буде якъ лѣтенько!»

«Чого, Касуненько,
Чого, панененько,
Къ столу припадаешь?
Либонь, Касуненько,
Либонь, панененько,
Лихого свекра чуешь?»
«Чи лихого, чи не лихого,
Не буде, якъ батенько!»

42.

«Зôйди, мѣсяцю, выйди ясенькій,
Зъ за чорнои хмары!
Сбирайся, красна наша Касуню,
Поѣдешь вже зъ нами!» —
«Якъ же я маю ся выбирати,
Та й зъ вами ѣхати?
Маю батенька, якъ соколенька,
Жаль ми го покидати!»

43.

Наѣхали гостенюньки
Зъ чужои сторононьки,
Взяли си пôдпивати,
Касуню пôдмовляти:
«Иди, Касуненько,
Въ нашу сторононьку:
Въ сторонѣ нашêи,
Гороньки золотыи,
Травоньки шовковыи,
Рѣченьки медовыи.»

Прилетала зазулёчка,
Сѣла си въ окôночку,
Та й стала ковати,
Всѣмъ правду казати:
«Свѣтъ же я облѣтала,
А того не видала:
Всюда горы земляныи,
Травоньки зеленыи,
Рѣченьки водяныи.»

44.

Погадай собѣ,
Чи горяздъ буде тобѣ:
А въ чужого батенька,
Не буде снѣданенька,
Обѣдець пôдъ полуднець,
Вечера по пôвночи:
На стôлъ вечеру дають,
А тебе по воду слють,
Нймъ съ водою прійшла,
Вже вечера одôйшла:
«Тревай, невѣстко, тревай,
Слёзоньками ся вмывай,
А ты, доню, вечерай!» —
«Вже 'мь, мамо, вечерала!»
«Ой и вже вечерала:
Съ своими гадоньками,
Съ своими слёзоньками!»

45.

Когда забирають вещи:

Дали 'сьте намъ дѣвку,
Дайте жь намъ и постêлку:
Сѣмь подушокъ зъ коморы,
Чтыре волы зъ оборы,
И коня вороного,
Пôдъ пана молодого!

46.

Въ Воскресенье вечеромъ дружкѣ, когда призоветъ гостей:

Неслася качёчка на лому,
Просилася дѣвочка до дому.
«До дружки, Бояре, до дружки,

На масненькіи пирôжки!
Давно 'сьмы въ дружочки бували,
Зъ мѣста горѣвку пивали,
На бѣлыхъ подушкахъ сыпляли.

Наша дружочка,
Наша паненочка,
Богатого баточка;
Єй на рученцѣ,
Єй на правесенцѣ,
Золотыи перстенцû.»

47.

Въ Понедѣльникъ у жениха:

Ой летѣвъ соколенко
Черезъ три лѣсы,
А на четвертôмъ
Ставъ на попасѣ,
Ставъ на попасѣ,
Въ галеньки на гнѣздѣ,
А ему галенька
Дуже раденька:
Ягодки сбирае,
Соколенка пріймае.

Ой ѣхавъ Ивасенко,
Черезъ три селû,
А на четвертôмъ
Ставъ на попасѣ,
Ставъ на попасѣ,
Въ тестенька на дворѣ,
А ему Касуненька
Дуже раденька:
Дала коневû,
Зеленого сѣна,
А ему, молодому,
И меду и вина.

48.

Когда въ Понедѣльникъ родители посѣтятъ невѣсту:

Ходитъ садôвникъ по садôньку,
Вишні̂, черешні̂, лі̂чить:
«Ой е же мои вишні̂, черешні̂,
Ино сливоньку стято,
Стято, порубано,
И трêсочки позбирано!»

Ходитъ батенько по свѣтлонцѣ,
Всю челядоньку лі̂чить:
«Ой е же моя вся челядонька,
Ино єднои нема:
Касуненьку взяли,
Въ чужину завели!»

49.

Дружки у молодыхъ:

Чорна ся галенька журила,
Що зарано вылетѣла:
«Всюда морозъ, всюда снѣги,
Ні̂где сѣсти, гнѣзда вити,
Дѣтоньки выводити!»

Красна ся Касуня журила,
Що молода замужъ пôшла:
«Ніякъ си радоньки дати,
Не умѣє ні̂ въ полю робити,
Ні̂ въ дому господарити.»
Вчувъ тоє Король Ивасенько:
«Не журися, Касуненько,
Ой е въ мене рôдна мати,
Що тебе буде вчити,
И въ полю робити,
И въ дому господарити!»

50.

Ивасунева мати
Дверй пôдхиляла
И съ зорою розмôвляла:
«Ой зоре моя, зоре,
Зоренько вечерняя!
То же 'сь ми присвѣтила,
До дому мытницю,
До поля робôтницю,
До коморы ключницю!»

III. Изъ Перемышльскаго Уѣзда.

(Жегота Паул. I, 66.)

1.

При заручинахъ (помолвкѣ):

Сступи, Божоньку, зъ неба!
Теперь же тя намъ треба,
Зачни намъ веселяйко
На наше подвôряйко,
Тихое, веселое,
Абы було щасливое!

2.

«Де 'сь, Гануню, очи дѣла,
Що 'сь таке диво полюбила?
Кривое, горбатое,
Ще до того зубатое!»—

«Я за пецомъ сидѣла,
На диво 'мь ся не дивила;
Не була жь бо я дома,
На своихъ заручинахъ,
Я въ сусѣдоньки була,
Ручники торочила,
По мене пôслы пришли
На вороныхъ коничейкахъ,
На золотыхъ сѣделчейкахъ:

«Иди, Гануню, до дому,
Маешь гостейки въ дому» —
— «Маю жь я тамъ батейка:
Нехай гостейки пріймае,
Най мене не чекае!»

3.

При печенiи короковая:

Свѣти, мѣсяцю, зъ раю,
Нашому короваю!
Абы бывъ коровай красный,
А якъ сонêйко ясный,
Абы намъ ся было видно
Коровай плести дрôбно,
Съ пôдсподу рѣзочками,
А зъ верху квѣточками.

Ой раю, ты мôй раю,
Пшеничный короваю:
Зъ семи кирниць водиця,
Зъ семи стогôвъ пшениця,
Пекла его пекаройка,
Зъ Львова шинкаройка.

Короваю, короваю!
То я тя прибираю,
То въ цвѣтъ, то въ калину,
За всю свою родину,
Зъ близкою, далекою,
Зъ бѣдною, зъ богатою!

4.

При плетенiи вѣнковъ:

Ой мовивъ 'есь ми, кленый листочку,
Що не будеть падатойки:
Теперь падаешь, землю вкрываешь,
Тугу зимойку чуешь.

Ой мовила 'сь ми, матинойко,
— «Не дамь тя, дитятойко!»
Теперь мя даешь, ще мя силуешь:
«Иди си, доню, вôдъ мене!

Стратила 'сь ласку у мене,
Хлѣбъ есь ми переѣла:
Воду 'сь ми перепила,
Одѣнья 'сь ми походила.»

5.

При саженіи невѣсты на посагъ:

Ходила Ганунѣнька сѐмь лѣтъ по лѣсѣ,
Ой лѣсомъ, лѣсомъ, зеленымъ барвѣнкомъ!

А ей батейко до дому кличе:
Ой лѣсомъ, лѣсомъ, зеленымъ барвѣнкомъ!

«Ганую, дѣвойко, иди до домойку!»
Ой лѣсомъ, лѣсомъ, зеленымъ барвѣнкомъ!

— «Ой нѣтъ, не пôду: вѣтру ся бою,
Ой лѣсомъ, лѣсомъ зеленымъ барвѣнкомъ!

Вѣтру ся бою, сонця ся хороню:
Ой лѣсомъ, лѣсемъ, зеленымъ барвѣнкомъ!

Вѣтройко повине, косойку розвине,
Ой лѣсомъ, лѣсомъ, зеленымъ барвѣнкомъ!

Сонейко пригрѣе личейко змарнѣе!
Ой лѣсомъ, лѣсомъ, зеленымъ барвѣнкомъ!»

6.

При расплетаніи косы:

Южь рожа проквѣтае:
Братъ сестру росплѐтае:
«Росплѐтай до волоска.
Най пôде поголоска!
Най мôй батейко чуе,
Най мя пожалуе!»

7.

(Рус. Днѣстр. стр. 45.)

Треба косу росплётати,
Треба вѣнець закладати.

Пôшла Ганзунейка
До городейка
Бѣлыми ножейками:
Рѣже барвêнокъ
Собѣ на вѣнокъ
Бѣлыми ручейками;
Прійшла до неê
Матинойка еê:
«Що робишь, Ганзунейко,
Що робишь дитятейко?»—
«Рѣжу барвêнокъ
Собѣ на вѣнокъ,
На свою головойку.»

«Ой чи жь я тобѣ,
Моя матинойко,
Не была выгôднейка,
Що ты мя даешь,
Ты мя силуешь,
А я ще молодейка,
Не дужо розумнейка?»—
— «Ой я тя даю,
Я тя силую,
Зъ своеи головойки,
Зъ людскои обмовойки.»

8.

Десь наша Ганунейка
На чужôй сторонойцѣ,
На чужôй сторонойцѣ,
На людскôй обмовойцѣ.

До насъ, Ганунейко, до насъ!
У насъ панщинойки нема;
Ино сама шальварщина,
Що день, то панщина!»

9.

Когда у жениха Бояре собираются:

Якъ ся пчолойки роятъ,
Такъ ся Бояре строятъ;
Якъ пчолы на лѣщинойку,
Такъ Бояре въ чужинойку.

10.

Ѣдучи къ родителямъ невѣсты:

Безъ лѣсы темнейкіи,
Безъ рѣки великіи,
По пôдъ гай зеленейкій,
Припавъ снѣжокъ бѣлейкій,
Тамъ кунойка походила,
Слѣдойку наробила.

Слѣдомъ, слѣдомъ, матинойко,
Зо всёю родинойковъ,
За своевъ детинойковъ:
Де мы ей выслѣдимо,
Тамъ си посѣдаемо.

11.

Тещейка при дарозѣ:
Тамъ мы будемъ ночовати,
Вечерайку вечерати;

Куройку вареную,
Гусойку печеную
И пирожейки въ маслѣ,
Ажь намъ ихъ ѣсти смачнй.

12.

(Рус. Днѣстр. стр. 46.)

Є въ лузѣ калина,
Бѣлымъ цвѣтомъ зацвѣла:
Пôшли до ней дружки рвати,
Не дала ся вломати.
Якъ пôшла Ганунейка,
Наломила си квѣту
Калинового цвѣту;
Пришла до свѣтлойки,
Межи красныи дѣвойки,
Поставила на столойко,
Противъ свого личейка,
Пыталася батейка:
«Цы буду я такая,
Якъ калинойка тая?» —
«Будешь, дитинойко, будешь,
Поки у мене будешь;
А якъ вôдъ мене пôдешь,
Спаде красойка съ тебе,
Изъ тебе молодои,
Изъ косойки жовтои.»

13.

Посылая подарки молодому (жениху):

Просила Ганунейка
Своихъ пôсланичейкôвъ:
«Пôсланцй, пôсланичейки!
Не бавьте жь ся довго

У Королейка мого;
Ино кошулейку дайте,
Сами ся повертайте!» —
«Мы кошулейку дали,
Сами си посѣдали.»

Сѣли пôсланцѝ, сѣли,
Ажь ся здрагнули стѣны;
Єще лѣпше здрагнутся,
Якъ горѣлки напьются:
«Дайте жь намъ горѣлойки
Зъ новои барылойки!»

14.

«Сватоньку, соколоньку!
Дай же намъ спокоейку:
На Бояре свѣтлойку,
На коники стаенойку!
Бо мы люде зъ дорожейки,
Болятъ же насъ ножейки.»

15.

Десь наша Ганунейка
На горойку выбѣгае,
Пôсланчейкôвъ вызирае:
«Десь ся пôсланчейки бавятъ,
По полю мыши ловятъ.
Сырыи поѣдаютъ,
А сухи въ торбу пхаютъ,
То въ торбу, то въ кишеню,
Все собѣ на вечеру.

Якѝ пôсланцѝ на дворѣ,
Имъ очи якъ тарелѝ:
Чомъ пôсланцѝ не еднакѝ,
То кривыи, то горбатѝ?

Всѣ пôсланци̂, якъ пôсланци̂,
Ино еденъ, якъ синиця,
Голова якъ дôвниця;
Ино самъ еденъ ми̂зирнейкій,
Якъ жаба зеленейкій,
Шо пôдъ берегомъ сидѣла,
Зубомъ скреготѣла.

16.

Въ день вѣнчанія утромъ:

Королю, голубойку!
Встань рано до слюбойку!
Бо якъ ты пôзно встанешь,
То ты насъ не застанешь,
Ни̂ въ новои свѣтлойцѣ,
Ни̂ въ полю на нивойцѣ!»

17.

Жаль ми, батейку, на тебе!
Не гулявъ же я въ тебе,
Ино 'мь почавъ гуляти,
Казавъ есь перестати;
Пасъ бо я дойничейки,
На Поповôй долинойцѣ,
На Поповôй долинойцѣ,
При своей дружинойцѣ.

18.

Бѣлымъ соняйко сходить,
Тамъ Королейко ходить,
Въ рукахъ шапойку носить,
Свого батейка просить:

«Повѣжь же менѣ, батейку,
Сила Бояръ сбирати?»—
«Сбирай, сынойку, сбирай,
Шо тя силойка зможе,
Бôгъ тобѣ допоможе!»

19.

(Руск. Днѣстр. стр. 47.)

Если невѣста сирота:

«Выйди, Ганунейко молодейкая,
Подивися всюдинейко,
Цы не стоитъ твôй батейко,
У котрого порожейка?»

«Ой знаю жь бо я, знаю,
Же я батейка не маю;
Пôшлю ворону,
Въ чужу сторону
По свою родинойку;
Пôшлю зазулю
Въ сырую землю
По своего батейка;
Ворона летитъ,
Вѣсти приноситъ:
«Буде ту родинойка!»
Зазуля летитъ,
Вѣсти приноситъ:
«Не буде твôй батейко!
Сырая землейка,
Тяжкіи дверейка,
Годѣ ихъ вôтворити;
А нѝ оконця,
Ясного сонця,
На тебе ся подивити!»

Южь мôй батейко,
Мôй соколейко,
Передъ милымъ Богомъ стоитъ,
Вѣрне ся Богу молитъ:
«Спусти жь мене, Божейку!
Зъ неба на землейку,
Най же я ся подивлю
На свое дитятойко!»—
«Ты, душейко благая!
Тамъ тебе не потреба;
Мае она дружейки,
Вѣрныи услужейки:
Они ей вѣнець нарядятъ,
На посагъ посадятъ;
Нарядятъ якъ панятойко,
Посадятъ якъ сиротойко!»

20.

Выйди, Ганунейко, выйди,
Цы не маешь ты кривды?»—
«Хоть я кривдойку маю,
Я вамъ не повѣдаю;
Якъ бы матинойка знала,
То бы назадъ вмерала.»—
«До насъ зазулейка прилѣтала,
Въ оконейко щебетала,
Же ты кривдойку маешь,
А намъ не повѣдаешь.»

Знати, Ганунейко, знати,
Же батейка не маешь:
Дворъ ей не уметеный,
Сѣножать не скошена,
Родина не спрошена.

21.

«Мыйся, Ганунь, чешися,
До слюбу уберися!
Ты ся будешь сбирати,
Мы ся будемъ частовати.
Мы Королейка убрали,
По тебе пріѣхали.»

22.

Во время поклона родителямъ:

Червоныи квѣты;
Кланяются вамъ дѣти,
Вôтцеви, матинойцѣ,
Всей своей родинойцѣ.

23.

Сиротѣ:

Хиляйтеся, воротойка!
Кланяеся сиротойка,
Нй вôтцеви, нй матинойцѣ,
Ино своей родинойцѣ;
Свого батейка не мае,
Чужому ся кланяе.

24.

Собираясь къ вѣнчанію:

Кропи насъ, матинойко,
Свяченою водойковъ,
И доброю долейковъ!

25.

Цы чуешь, коню, силу?
Цы довезешь Княгиню,
До горойки крутои,
До церковци святои,
До присяги любои?

26.

Мы до слюбу идемо,
Двое дѣтій ведемо:
Попойку гордилойку!
Дай намъ слюбъ въ Недѣлёйку,
Въ Недѣлёйку поранейку,
На бѣломъ каменейку!

27.

Ломѣте рожейку,
Стелѣте дорожейку,
Нашому молодому,
Ажь до Божого дому!
Выйшли Попойки зъ Риму,
Вынесли бѣлу книгу,
Чорное писанейко,
На вѣки мѣшанейко.

28.

Нема Панойка дома,
Поѣхавъ вôнъ до Львова,
Ключики куповати,
Церковцю вôдмыкати,
Молодятамъ слюбъ давати.

29.

Послѣ вѣнчанія:

Присягала Ганунейка
За Короля Ивасейка,
Три разы передъ образы:
«Шо 'сь си, Ганунь, гадала,
Якъ е слюбойко брала?» —
«Гадала 'мь си гадойку
Въ вишневôмъ садойку,
При батейку не быти,
Дѣвойковъ не ходити.»

30.

Дякуемо Попойкови
И его Дячейкови,
Же намъ слюбойко дали,
Не цы мало у насъ взяли,
По пôвтора золотого,
Вôдъ Пана молодого.

Радуйся, матінойко!
Взяло слюбъ дитятойко,
Якъ твое, такъ чужое,
Южь то твое обое,
На подвôрайко твое.
Кобы 'сь, мати, крыжомъ пала,
То бы 'сь ихъ не розôгнала.

31.

Гоя, матинойко, гоя!
Юже я теперь не твоя;
Юже я у того Пана,
Съ которымъ я слюбойко брала.

32.

Во время перепоя:

Не пій, Ганунейко молодейкая,
Першого перепою:
Въ першôмъ перепою
Трутинойка съ водою.

33.

Во время пированія:

Повѣдали намъ люде,
Же дружка ѣсти не буде;
А дружка втинае,
Ажь ей ся нôсъ вгинае.

34.

Свахамъ:

«Чомъ свахи не спѣваютъ?» —
«Бо рѣдкіи зубы маютъ;
Боятся ихъ вказати,
Жебы ся не смѣяти.»

35.

Зъ хаты, дѣвойки, зъ хаты,
Перестаньте брехати;
Южь 'те ся набрехали,
Якъ суки по пôдъ лавы.

36.

Дружкамъ:

Ласа дружейка, ласа,
Хватила кусень мяса,
Не мала коли зъѣсти,
Мусѣла пôдъ стôлъ влѣзти.
Дружейка мужичена,
Сукманка позычена.

37.

Хозяевамъ:

Ой вино, вино, барзо зелене!
Вôзмѣть собѣ тое,
Дайте намъ шо иншое,
А що разъ, то лѣпшое!
Дайте, душеньки, дайте!
Но ся по тôмъ не кайте!
Мали бы'сте ся каяти,
Волите не давати!

38.

Бабко, голубко наша!
Добра капуста ваша,
Сырыми дрвами палила,
До́бре ѣсти зварила.

39.

Десь наша навѣджена,
Намъ каша не масчена;
Стоитъ масло пôдъ лавою,
Приросло муравою,
Муравойку сберѣте,
Каши си примастѣте!

40.

Дружки Боярамъ:

«Вы, Бояре, живѣтся,
Вы на насъ не дивѣтся!
Бо вы люде подорожнй,
Вамъ животы порожнй.»

41.

После обѣда:

«Встаньте, Бояре, встаньте!
Честь, хвалу, Богу дайте:
На самый передъ
Господу Богу,
Пресвятôй Дѣвѣ,
Господареви,
Господинойцѣ
И кухаройцѣ,
И всѣмъ посполу,
Шо суть въ тôмъ дому!»

42.

При скупованіи:

Соромъ, дружбойки, соромъ,
Сидятъ дружки за столомъ;
Якъ то дружбѣ не встыдно,
Же дружейки не видно?
Бо дружба грошій не мае,
Дружейки не скупляе.
Было дружбѣ не дружбити,
Было пôйти молотити,
Шестака заробити,
Дружейку выкупити;
Дружейка не простачка,
Не буде брала шестачка.

43.

Стоитъ яворъ на двоdo ройку,
Галузяйкомъ до долойку:
Часъ Боярамъ до домойку,
За яснейкои зори,
До стаенойки свои.

Ой буде жь намъ ся, буде,
Забавили насъ люде,
Забавила насъ бавойка,
Ганусина матинойка,
При пьяной горѣлойцѣ,
При любôй розмовойцѣ.

44.

Козаки:

Вербовая вязя:
Мы мамы свого Князя,
И Князя и Княгинѝ,
А вы идѣть въ богинѝ!

На горѣ пшениця рясна,
Наша Княгиня красна,
На долѣ овесъ зеленый,
Нашъ Княжище мерзеный,
Къ столови припадае,
Якъ медведище
Изъ за порога зазирае.

45.

Иди, дружба, по солому,
Постелити молодому,
Цвѣтъ калинойку ломитъ,
Сонъ головойку клонитъ!
Иди, дружба, по солому,
Постелити молодому!

46.

Когда собираются по Княгиню (невѣсту):

Стоятъ ворота
Зъ самого золота,

А за тыми водотами
Вишневый садойко,
А въ тôмъ садойку
Не пчолойки ся роятъ,
Но ся Бояройки строятъ:
Ой скоро ся зъѣдутъ,
По дѣвойку поѣдутъ,
По дѣвойку молодую,
По косойку жовтую.

47.

Знати, Ганунейку, знати,
Зъ котрои она хаты:
Дворъ еѐ обтерненый,
Калиною обсадженый,
А на вышочку зѣлье,
Є въ тôмъ дому весѐлье.

48.

При благодареніи родителямъ невѣсты:

Повѣжь намъ, Ганунейко,
Который то твôй батейко?
Най же мы будемо знати,
Кому маемъ дяковати
За хлѣбъ, за горѣлойку,
За красную дѣвойку;
Мы идемъ на дякованцѣ,
Дяковати панѣ матцѣ.
Дякуемъ ти, матинойко,
За твое выхованейко;
Же 'сь годовала, годовала,
За нашого Королейка дала.

49.

Женихъ къ матери своей невѣсты:

Стоитъ соснойка на току:
Бôгъ заплать ти, тещенько, за доньку!

50.

Княгиня (невѣста) своей матери:

Чи жь я въ лѣсѣ не бувала,
Чи 'мь бычки не пасла?
Мене мати годовала,
Жебы 'мь була красна;
Годовала, годовала,
Въ папиръ завивала:
За иншого обѣцяла,
А за тебе дала.

51.

Собираясь ѣхать въ домъ жениха:

«Кованыи возы понавертали,
Коники посѣдлали:
Ой выбирайся, красна Ганунейко,
Поѣдешь ты зъ нами!» —
«Рада жь бы я, мои гостейки,
Зъ вами поѣхати:
Маю батейка, якъ соколейка,
Жаль ми го вôдъѣхати.»

52.

Плакали столы, лавы,
Мысойки малёвані:
«Хто жь насъ мытойки буде?
Взяли Гануню люде!»

Взяли 'сьмо доньку вашу,
Дайте жь намъ крупъ на кашу!
Взяли 'сьмо вамъ дитину,
Дайте жь намъ и перину!

53.

Невѣста къ своей матери:

«Не плачь, мати, за мною,
Не беру все съ собою!
Выбивай, мати, клинцѣ,
Де я вѣшала вѣнцѣ;
Поставь, мати, кобелю,
Де я мала постелю!»

54.

У родителей жениха:

Перемыскій Воевода волае:
«Ой хто жь поѣде на воеване?»
Дружба мовитъ: «Я не поѣду;
Маю коника не кованого,
На бѣлъ камѣнь не вступитъ,
Дружба дружейки не доступитъ.»

Перемыскій Воевода волае:
«Ой хто жь поѣде на воеване?»
Князятко мовитъ: «Я поѣду;
Маю коника кованого,
Ой на бѣлый камѣнь вступить,
Князь Ганунейки доступитъ.»

55.

При очепинахъ:

Вѣй, вѣтре, дорогою,
За мною молодою;
Розвѣй косойку мою,
Закимъ я дѣвкою!

Розвѣй же до волоска,
Най пôде поголоска,
Най матинойка чуе,
Най чепець наготуе,
И чепець зеленейкій,
И рантушокъ бѣлейкій!
«Не плачь, Ганунь, по косѣ,
Красно ти буде въ рантусѣ.»

56.

Во Вторникъ утромъ, послѣ пріѣзда родителей невѣсты:

Наша скриня репиня,
Наша Ганунь господиня:
«Покажѣте намъ тое,
Що 'сьте вчора у насъ взяли!
Цы таке, якъ въ насъ было,
Цы южь ся вôдмѣнило?» —
«Нема го дома,
Пôшло прати хусты,
За черепокъ капусты.» —
«У насъ була якъ калина,
А теперь така, якъ глина.»

57.

Передъ выводомъ:

Повѣдали намъ люде,
Ой що то туръ буде;
Ой не туръ, не турицця,
Ино красна молодиця.

58.

После вывода:

Що 'сьмо хтѣли,
То зробили,;
Зъ пирога вареницю,
Зъ дѣвойки молодицю.

Вôтворяй, мати, лѣску,
Ведемо ти невѣстку!
Вôтворяй, мати, хату,
Ведемо ти пелехату!
Вôтворяй, мати, лѣплянку,
Ведемо ти шляхтянку,
До коморы ключницю,
До халупы несгôдницю!»

59.

Ой гой же, гой же,
Мôй милый Боже!
Чего жь я ся дочекала?
Невѣстка мя прибрала!
Приступайся, родойку
До тисового столойку!»

60.

При дареніи родныхъ жениха:

Дали 'сьте намъ булавы,
Шо 'сьте стырали лавы;
Привезли 'сьте намъ дары,
Шо 'сьте стырали лавы.

61.

Невѣста держится за запаску, когда Бояре ей даютъ деньги:

Квоче квочейка, квоче,
Чогось бо она хоче:
«Я кухаройка була,
Запасочку спалила;
Вы, Бояройки, дбайте,
На запасочку дайте!»

Свадебный походъ русскихъ крестьянъ Львовскаго у. села Мальчичь въ Галичинѣ.

IV. Свадебныя пѣсни Львовскаго Уѣзда.

(См. Жегот. Паули I, стр. 92.)

1.

При заручинахъ (помолвкѣ):

Ой гой же, гой же!
Мôй милый Боже!
Що жь бо я учинила!
Ой кого жь я вѣрне любила,
Той стоить за дверима;
А кого жь я зъ роду не знала,
Тому 'мь рученьку подала!»

2.

Вôдважный Козаченьку!
Якъ же ты ся вôдваживъ
Єє руку дати
И слово сказати?

3.

Ой дивно Львôвъ збудованый,
На три углы ставленый,
На четвертôмъ золотôмъ,
Въ тôмъ золотôмъ маковка.
Въ тôй маковцѣ ластôвка
Ой вывела двое дитятъ:
Першое дитя Василенько,
Другое дитя Марисенька.

4.

Съ начала сватьбы:

Благослови, Боженьку,
И ты, рôдный батеньку!
Пречистая Мати,
Сступи до насъ до хаты
Весѐлье зачинати,
Въ Суботу вôдъ полудне,
Въ Недѣлю сѐдминоньку,
Въ щасливу годиноньку!
Новый батенько, новый,
Най тя Бôгъ благослови!

5.

При плетеніи вѣнковъ:

Та ходила за соненька
Сѣмь лѣтъ по лѣсѣ,
Ой лѣсомъ, лѣсомъ,
За крящачимъ барвѣнкомъ;
Рѣзала барвѣнокъ
Собѣ на вѣнокъ,
На свою головоньку,
Розчесану косоньку.

6.

«Зелененькій барвѣноньку,
Де 'сь ты такій вырôсъ?» —
«О вырôсъ я въ лѣсочку,
Въ лѣсочку, коло точку,
При бѣленькôмъ пѣсочку;
Вода мене пôдходила,
Все мене холодила.»

7.

Ой кращячій барвêноньку,
Вчора 'сь бувъ въ городеньку,
А нынѣ на столоньку!

8.

Рôвняйте, дѣвки, барвêнокъ,
Марисенцѣ на вѣнокъ;
Рôвняйте жь êй рôвненько,
Шобы було красненько!
Она пôде межи люде,
Наша славонька буде.

9.

Пôшла Мариня въ вишнêвъ садъ,
Та заблудила въ виноградъ:
«Хто жь мя найде въ тôмъ виноградѣ,
Тому жь я ся дôстану.»
Пôшовъ батенько, не найшовъ,
Ино заплакавъ, та й прійшовъ.

Пôшла Мариня въ вишнêвъ садъ,
Та заблудила въ виноградъ:
«Хто жь мя найде въ тôмъ виноградѣ,
Тому жь я ся дôстану.»
Пôшла матенька, не найшла,
Но заплакала, та й прійшла.

Пôшла Мариня въ вишнêвъ садъ,
Та заблудила въ виноградъ:
«Хто жь мя найде въ тôмъ виноградѣ,
Тому жь я ся дôстану.»
Пôшовъ миленькій, та й знайшовъ,
Взявъ ю за рученьку, та й прійшовъ.

10.

При печеніи короввая:

Орали по горѣ, по долинѣ;
Сѣяли пшениченьку
По горѣ, по долинѣ,
Шобы було всёй роднинѣ.
Якъ я коровай мѣсить,
Батенько ся тѣшить.

11.

Княгиня (невѣста) къ родителямъ:

Кобы я знала,
Кобы я вѣдала
Що мôй батенько ѣде,
Сыпала бы я греблй
Дрôбными щелюгами,
Слала бы я хату
Бѣлыми талярами,
Клала бы я мосты
Зъ бѣлои рыбы кости.

12.

Во время обѣда:

Ѣли дѣвоньки, ѣли,
Цѣлого вола зъѣли,
И ще ся не наѣли:
«Не стôйте поза дверй,
Не псуйте намъ вечерй!
Мы собѣ заробили,
Щобы 'сьмо ся поживили.»

13.

При отъѣздѣ невѣсты изъ родительскаго дома:

Ой вô Львовѣ на рыночку,
Милый Боже!
Стоитъ камêнь мармуровый,
Милый Боже!
На тôмъ камени два писарчики,
Милый Боже!
Пишутъ листе розлучное;
Милый Боже!
А съ кѣмъ кого розлучили?
Милый Боже!
Марисеньку вôдъ батенька.
Милый Боже!

14.

Во время очепинъ:

«Де жь твои, Марисенько, заплêтки?» —
«Подоптали Бояровѝ коники.»

15.

Бояре выпровожаютъ свахъ въ Понедѣльникъ:

У сваненьки
За воротеньки
Студеная кирниченька,
Тамъ старостонька,
Тамъ старесенькій
Коника наповае;
Єму сваненька
Молодесенька
Воды приливае:
«Ступай, сваненько
Молодеськаня,

На бѣлый каменонько:
А съ камененька
На мôй злотый стремень,
А зо стременя,
На вороного кониченька:
Завезу тя до новои свѣтлоньки
Посаджу тя за тисовѣ столоньки,
За лѣннишки тоненькѣ,
И за ясны свѣченьки,
И за пшеничны хлѣбоньки.
Давно 'сьмы у сваненьки бували,
Тую Львовску горѣлку піяли,
Пшеничнѣ хлѣбоньки ѣдали,
На бѣлыхъ подушкахъ сыпляли!»

16.

Ой скочивъ заяць
Черезъ три ланы на камень,
А старостонька
На кониченьку ту й за нимъ:
«Ой чого жь ты за мновъ,
Старый старостоньку, вганяешь?
Чого ты за мновъ
Зъ золотои стрѣльбы стрѣляешь?
Ой чи я тобѣ
Зелену лученьку выдоптавъ?
Ой чи я тобѣ
Яру пшениченьку вызёбавъ?
Ой чи я тобѣ
Молоду сваненьку вôдмовивъ?
Выдоптали тѣ
Зелену лученьку жеребцѣ,
Вызёбали тѣ
Яру пшениченьку воробцѣ,
Вôдмовили тѣ
Молоду сваненьку молодѣ.«ц

V. *Свадебныя пѣсни Золочевскаго Уѣзда.*

(См. Жегот. Паули I, 98.)

1.

(Рус. Днѣстр. 57.)

При плетенiи вѣнковъ:

По пôдъ садочокъ,
По пôдъ вишневый зеленый,
Туды жь ѣхавъ,
Туды жь ѣхавъ,
Молодый Василенько,
Изнявъ шапочку,
Изнявъ и слухавъ:
А я жь то мовивъ,
Що зазуленьки ковали,
А то паняноньки
Вѣночки вили и спѣвали.

2.

Когда коровай сажають въ печь:

Ой раю жь, мôй раю,
Пшеничный короваю!
Зъ семи кирниць водиця,
Зъ семи стогôвъ пшениця.
А въ нашои печи
Золотыи плечи,
А срѣбныи крыла,
Шобъ коровай гнѣтила!

3.

Когда невѣстѣ расчесуютъ косу:

Милый Боже!
Вода луги забрала
И лугове корêнье,
Милый Боже!
И лугове корêнье,
И дрôбное камêнье
Милый Боже!
И дрôбное камêнье;
Ой надъ водою,
Милый Боже!
Ой надъ водою
Марусенька стояла;
Милый Боже!
Марисенька стояла,
Русу косу чесала,
Милый Боже!
Русу косу чесала,
И батенька жадала:
Милый Боже!
«Ходи, батеньку, за мною,
Розвêй косу по менѣ!»—
Милый Боже!
«Мое дитятко! Я золота не маю,
Золотити не вмѣю.»

4.

Ярая рутонька, жовтый цвѣтъ:
Не пôду за тебе, пôду въ свѣтъ;
Зачешу косоньку на плече,
Не еденъ за мною заплаче.

5.

Ой красні, Бояроньки, крысні,
Якъ зороньки ясні;
Василенько ще краснѣйшій,
Якъ мѣсяченько найяснѣйшій.

6.

На дворъ, панянонькы, ня дворъ,
На зеленый морôгъ!
Мы ся на васъ придивимо,
Мы по васъ прійдемо.

7.

При дареніи невѣсты:

Ой брызнули золоті ключи на столѣ,
Ой выскочила Марусенька зъ коморы;
Пала жь вона своему батеньковы до нôжокъ:
«Не дай же мене, ты мôй батеньку, вôдъ себе!
Най же я сходжу зъ руты вѣночокъ ще въ тебе!» —
«Не еденъ есь, не два, зъ руты вѣночки сходила,
Не разъ есь, не два, добрыми людьми згордила.»

8.

Ѣдучи къ невѣстѣ:

На соколовôмъ двору
Соколы ся злѣтали,
Летѣтоньки гадали
До сивои голубоньки;
Бо имъ голубка мила,
Бо имъ гнѣздонько ввила.

На Василевôмъ дворѣ
Старосты ся зъѣзджали,
Въ хатоньку гадали
До молодои Марусеньки;
Бо имъ Марусенька мила,
Василеви вѣночокъ ввила.

9.

Послѣ вѣнчанія:

Заковала зазуленька
У лѣсѣ, на дубѣ:
Заплакала Марусенька
У церкви, при слюбѣ.
«Не плачь, не плачь, Марусенько,
Добре тобѣ буде:
Умыешься слёзоньками,
Хоть воды не буде!»

10.

Во время переторжки о косу невѣсты:

Ой, братчику, ремêсничку!
Сядь собѣ въ кресличку,
Не дай сестру за грôшъ, за два,
Не дай её за чотыре,
Ой дай же ю за рубля,
Въ тебе сестронька една!
Выстрѣль, братчику, изъ лука,
Буде зъ сестрою розлука!»

(Послѣ торга братъ невѣсты, ставъ на скамью, стрѣляетъ изъ деревяннаго лука между Бояръ).

11.

По окончаніи торга:

Добрая наша сгода,
Що 'сьмо ся сгодили,
Въ кутѣ 'сьмо посадили!

12.

Сажая невѣсту за столъ:

Не бокуй, Марусенько, не бокуй:
Сядь собѣ простенько,
Щобъ було красненько!

13.

Що то ми за дѣло,
Коло Марусеньки сѣло?
Хусточки не мае,
Носа си не втырае;
Дайте му помелище,
Най си втре носище!
Завêвъ дружба Князя,
А самъ ходаки вяже.

14.

Свашки:

Наша Марусенька, наша,
Поймала собѣ пташа:
Зъ рученьками, зъ ноженьками,
Зъ чорненькими очёньками!

15.

Знати, Марусенько, знати,
Не рôвняйся съ дружбами:
Скинь вѣночокъ,
Повѣсь на колочокъ,
Сама ходи до сваночокъ!
У насъ горы золотыи,
Травоньки шовковыи.

Другіи дѣвушки отвѣчаютъ:

Була тамъ зазуленька,
Видѣла она тое:
«Всюда я облетѣла,
Золотыхъ гôръ не видѣла;
Всюда горы каменныи,
А травоньки зеленыи!»

16.

Бояре пріѣхали къ родителямъ невѣсты:

«Ой Рыпнêвцы, впала качочка межи васъ,
Не чинѣть тамъ кривдоньки, просимъ васъ,
Альбо êй кривды не чинѣть,
Альбо ю назадъ намъ вернѣть!» —
«Мы êй кривды не чинимо,
И назадъ не вренемо.»

17.

Когда новоженцы кланяются родителямъ:

Кланяйся, Марусю, баткови низко,
Бо ты къ серденьку его близко,
А матêнцѣ кланяйся ще низше,
Бо ты къ серденьку еи ще близше!

18.

При пропою послѣ вѣнчанія:

Ненька сына выряджае,
Эй, море, брѣ!
Якъ выряджала, наказовала:
Гей, милый Боже!
«Не пій, сынку, першую чашку,
Эй, море, брѣ!
Гей, вылêй, сынку, коникови на гривку!
Гей, милый Боже!
Першая чашка повна чарôвъ,
Эй, море, брѣ!

19.

Прiѣзжая въ Воскресенье вечеромъ по невѣсту:

Бояре поютъ:

Ой на горѣ гречка рясна:
Наша дружечка красна;
«О чого жь дружба хоче,
Вôдъ дружки молодои?» —
«Ширинки шолковои.»

Дѣвушки отвѣчаютъ:

Ой на горѣ овесъ рясный:
Нашъ дружбочка красный;
«Ой чого жь дружка хоче,
Вôдъ дружбы молодого?» —
«Перстеня золотого.»

20.

При краяніи коровая:

Свѣти, мѣсяцю, зъ раю
Нашому короваю,
Щобъ було видненько,
Покраяти го дробренько!

21.

Когда собираются съ невѣстой ѣхать въ домъ жениха:

Свѣти, свѣтилко, швидко,
Бо намъ ся не видко:
Свѣчечка догорає,
Свѣтилка не змагає.

22.

Забирая вещи княгини (невѣсты):

Хвалилася Княгиня,
Же даро̂въ повна скриня:
«По̂дѣте, принесѣте,
Насъ, Бояръ, прикрасѣте!»

23.

Прiѣзжая въ домъ жениха:

Ой мы у татка были,
Мѐдъ, горѣлочку пили;
Выпили горѣлочки
По̂вторы барылочки.

24.

Когда въ Понедѣльникъ родня невѣсты собирается ѣхать къ новоженцамъ:

То не рôй то ся роитъ,
Пропôй то ся роитъ,
Горою, долиною,
За своевъ дитиною.

25.

Во Вторникъ, когда придутъ родители невѣсты навѣщать жениха въ его домѣ:

«Выйди, Маруненько, до насъ выйди,
Ци нема тобѣ кривды:
Може ти є кривдонька,
Возьмемо тя назадъ съ собою!»—
«Нема Маруненьки дома,
Пôшла спати въ солому.»—
«А въ якую?»—«Ячмêнную.»—
—А въ чію?—«Въ чужую.»

VI. Свадебныя пѣсни Тернопольскаго Уѣзда.

(См. Вапл. изъ Олеска стр. 33.)

1..

Въ Субботу, когда старосты поставятъ невѣсту на срединѣ комнаты:

«Покорися, Домашенько, покорися,
Своей ненцѣ поклонися,
Огляньея назадъ себе!
Стоитъ родинонька коло тебе.
Склонися, Домашенько, низенько,
Шобы було родинонцѣ жалôбненько!»

2.

Когда посадятъ невѣсту съ старшими за столъ:

Ой писали писарѝ
Въ мого батька на столѣ,
Темной ночки до свѣчочки,
Ясного сонця до вôконця:
«Зъ Суботы на Недѣленьку,
Сбирайся родоньку,
Дай менѣ порадоньку!
Мене мати першу дае,
Порядку не знае.»

3.

Дружки въ Воскресенье:

Летѣли галочки въ три рядочки,
А зазуля попередъ;
Всѣ галочки на лугахъ сѣли,
А зазуля на калинѣ;

Сватебный походъ съ короваемъ русскихъ крестьянъ Тернопольскаго уѣзда въ восточной Галичинѣ.

Всѣ галочки защебетали,
А зазуля заковала.

Иде Домаха попередъ,
А всѣ дружочки за нею:
Всѣ дружочки на лавкахъ сѣли,
А Домаха на посадѣ;
Всѣ дружечки заспѣвали,
А Домаха заплакала.

4.

Розсыпалася руточка,
Зъ золотого кубочка:
«Рутко жь моя дрôбная,
Рутко зеленая!
Съ кѣмъ я тебе позбираю?
Ходи, батêньку, зо мною,
Позбираемъ рутеньку зъ тобою!»—
«Не пôду, доненько, не пôду,
Бо зъ жалю ручокъ не зведу.»

Розсыпалася руточка и проч.
«Ходи, матêнько, зо мною,
Позбираемъ рутеньку зъ собою!»—
«Не пôду, доненько, не пôду,
Бо зъ жалю ручокъ не зведу!»

Розсыпалася руточка и проч.
«Ходи, братеньку, зо мною,
Позбираемъ рутеньку зъ собою!»—
«Не пôду, сестронько, не пôду,
Бо зъ жалю ручокъ не зведу.»

Розсыпалася руточка
Зъ золотого кубочка:
«Рутко жь моя дрôбная,
Рутко зеленая!

Съ кѣмъ я тебе позбираю?
Ходи, Кирило, зо мною,
Позбираємъ руточку зъ собою!
Рутко жъ моя зеленая,
Руточко дрôбная,
Та я тебе зъ мымъ миленькимъ
Та вже позбираю!

5.

Домашина мати
По улицѣ ходитъ,
Сусѣдъ своихъ проситъ:
«Та сусѣдоньки мои,
Та ходѣть до мене,
Та злѣпѣть коровай красный,
Якъ на небѣ мѣсяць ясный:
Пôдете съ шишочками,
Якъ на небѣ съ зôрочками.»

6.

Если невѣста не имѣетъ отца:

Въ лѣсѣ на яворѣ
Сидѣло два Ангелы,
Сидячи говорили:
«Полиньмо, полиньмо, брате,
До тои сиротоньки,
Сядемъ, та послухаемъ,
Якъ сиротонька плаче,
До столу припадае,
Що батенька не мае.»

7.

При расплетаніи косы:

Трется, мнется та й птиця,
Коло деревця ялôвця:
Трутся, мнутся дружочки,
Коло Домахи дѣвочки.

8.

«А де жь твои, Домахо, ковалй,
Що твою косу ковали?
Поди, ихъ приведи,
Нехай твою косу роскують,
Серебромъ, золотомъ обôвьють!»

9.

Братъ сестрицю росплётавъ:
«Где жь ты кôсники подѣвала?»—
«Носила 'сь на торжокъ, цы 'сь продала?»—
«Меньшêй сестрицѣ даровала:
«На тобѣ, сестрицю, мôй знакъ,
Щобы 'сь дôждала й собѣ такъ!»

10.

«Эй, косо, косо золота!
Не рôкъ я тебе, не два,
Не рôкъ, не два, чесала,
Що Суботы змывала,
Що Недѣлоньки вбирала,
А за единъ день стырала!»

11.

Братъ сестрицю росплётавъ,
Роженьку споминавъ:
«Не йди, сестрицю, рôдная,
Ще рожа не процвѣтае,
Пахущикъ ся не розвивае,
Крячастого барвêньку
Въ садочку нема.»—
«Пахущого василечку
Въ рукахъ не носити,
Зъ крячастого барвêнку
Вѣночка не вити!»

12.

Послѣ расплетанія:

«Вынеси, мати, шубу,
Выряджай насъ до слюбу:
Намъ Пôпъ ручки звяже,
Всю правду намъ скаже.»

13.

Идучи къ вѣнчанію:

«Щипайте роженьку,
Стелѣть дороженьку
Вôдъ нашого дому
До Божого дому
Нашому молодому!»

14.

А не вѣй, вѣтре, въ лозы,
Повѣй по дорозѣ,
Розвѣй русу косу,
По червонôмъ поясу!

15.

Послѣ вѣнчанія:

Дяковати Попоньковы,
Нашему батеньковы,
Шо насъ звѣнчавъ,
Не богато зъ насъ взявъ:
Червоного золотого,
Вôдъ нашого молодого.

16.

Идучи отъ вѣнчанія:

Ссѣченая, калиночка, ссѣчена,
А вже наша Домашка звѣнчена;
Жовтй чобôтки на нозѣ,
Що купивъ въ мѣстѣ на торзѣ.

17.

«Полети, соколеньку, попередъ насъ,
Занеси вѣсточки вôдъ насъ,
Нехай выходить матêнька съ колачемъ,
Звѣнчали еê дочечку съ паничемъ,
Чи съ паничемъ, чи не съ паничемъ,
Звѣнчали ею съ мужикомъ.
Звѣнчали бѣлй ручки ручникомъ».

18.

Подходя къ дому:

«Выйди, матêнько, до насъ,
Роспытайся всѣхъ насъ,
Де твое дитятко бувало,
Що оно чувало?
Пôдъ Царскимъ вѣнцемъ стояло,
Съ своимъ миленькимъ шлюбъ взяло.

19.

Когда садятся къ обѣду:

«Глянь, матёнько, на мôй посагъ!
Всѣхъ дружочокъ плетена коса,
А на мене така падь пала,
Шо я свою росчесала,
Кôсками плечи окрыла,
Слёзками личко умыла!»

20.

Пôду жь бо я, гуляючи,
По два дворы минаючи,
До третёго приходжаю,
Стану та послухаю,
Що люде говорять?
Ажь тамъ люде говорять,
Батенька хвалять,
А свекра гудять:
«Дивны жь вы, дивныи люде!
Чомъ вы менѣ перше не казали?
Теперь не кажѣть,
Жалю серцю не робѣть!»

21.

Чорна галочка на рокитѣ сидѣла,
Хотѣла рокиту обломити;
Рокиты не обломила,
Ино росу оббила.

Дѣвка Домаха на посазѣ сидѣла,
Хотѣла матёньку розвеселити;
Матёньки не розвеселила,
Ино гôрьше засмутила!

22.

Когда съ невѣсты снимаютъ ленты:

«Выбирайте ко̂лочки,
Де висѣли биндочки!
Забивайте новыи,
На серпанки тонкіи!»

23.

«Жаль намъ, Домахо, на тебе,
Що ты насъ позбирала до себе,
А теперь во̂дъ тебе идемъ,
Добрано̂чь даемъ!»

24.

Ковала зазулёчка въ садочку,
Прихиливши головочку къ листочку;
Що жь она куючи казала?—
Що не буде у свекрохи
Такъ, якъ я въ мамы мала,
Що не буде на юленьку пускати,
Ино буде въ хатѣ держати.

25.

Когда дружки отходятъ, жены поютъ:

Брала Домаха лёнъ, лёнъ:
«Идѣте, дружочки, вонъ, вонъ!
Идѣте дружочки съ хаты,
Бо я по̂ду зъ молодымъ спати!»

26.

Дружки вышедши за дверми поютъ:

«Не сиди, Домахо, съ бабами!
Ходи зъ нами, паннами!
Дамо тобѣ вѣночокъ съ перлами!»

27.

Женщины отвѣчаютъ:

«Не иди, Домахо, зъ дѣвками,
Сиди зъ нами, бабами!»

28.

Когда женихъ съ невѣстой отходитъ въ свой домъ:

Тещенька зятя жегнала,
Колдрами дворъ застилала;
А кобы её сила,
То бы озолотила.

29.

Особая свадебная пѣсня:

На горѣ, на горѣ, зеленый барвêнокъ,
А въ тôмъ барвêнкови перепелонька грае.
А хто жь тую перепелоньку зловитъ?
Старостонька мовитъ:
«Я жь бо не пôду—
Мôй коникъ сивенькій
На камêнь не ступитъ,
Каменя не влупитъ,
Нимъ пôдъ гору выйде,
И соненько зôйде!»

На горѣ, на горѣ, зеленый барвênокъ,
А въ тôмъ барвênкови перепелонька грае:
А хто жь тую перепелоньку зловитъ?
Дружбонька мовитъ:
«Яжь бо не пôду—
Мôй коникъ сивенькій,
На камêнь не ступитъ,
Каменя не влупитъ,
Нймъ пôдъ гору выйде,
И сонелько зôйде!»

На горѣ, на горѣ, зеленый барвênокъ,
А въ тôмъ барвênкови перепелонька грае:
А хто жь тую перепелоньку зловитъ?
Хоружій мовитъ:
«Я жь бо не пôду—
Мôй коникъ не ступитъ,
Каменя не влупитъ,
Нймъ въ гору выйде,
И сонелько зôйде!»

На горѣ, на горѣ, зеленый барвênокъ,
А въ тôмъ барвênкови перепелонька грае;
А хто жь тую перепелоньку зловитъ?
Цѣлый свѣтъ мовитъ:
«Федунё пôде—
Єго коникъ сивенькій
И на камêнь ступитъ,
И каменя влупитъ,
И пôдъ гору выйде,
Нймъ сонелько зôйде,
И перепелоньку вхопитъ.»
Перепелонька—
Молода Марысенька;
Взявъ єю за рученьку,
Повѣвъ до батенька.

VII. Свадебныя пѣсни Бережанскаго Уѣзда.

(См. Жегот. Паули I, 116.)

1.

Зъ Суботоньки на Недѣленьку
Пôшла Марисенька въ шалвѣю:
«Хто жь мене въ шалвѣи знайде,
Тому я ся дôстану.»
Пôшовъ батенько, не знайшовъ,
Вырвавъ квѣточку, та й прійшовъ.

Зъ Суботоньки на Недѣленьку
Пôшла Марисенька въ шалвѣю:
—«Хто жь мене въ шалвѣи знайде,
Тому ся дôстану.»
Пôшовъ миленькій, та й знайшовъ,
Взявъ за рученьку, та й прійшовъ.

2.

На горѣ высокій макъ,
Рожа розцвѣтае:
Ой не макъ и рожа,
Ино красна дѣвчинонька.
Просилася Марисенька
Въ своеѣ матѣньки:
«Ой пусти мене, моя мати.
Межи нихъ погуляти!»—
«Не моя воля, Марисенько,
Просися въ Ивасенька!»

3.

(Рус. Днѣстр. 53.)

При плетеніи вѣнка:

Надлетѣло пташатко—че-че-че,
Сѣло собѣ въ okонeнько щебече:
А за столомъ паненочки глаголятъ,
Марисенцѣ вѣночокъ лагодятъ.

4.

Закладая вѣнôкъ:

«Гребêнця, матêнько, гребêнця!
Розчесати косоньку до вѣнця,
Румяное личенько пôдъ вѣнець,
Русою косою пôдъ чепець.»

5.

Ой милый Боже! Вода луженьки забрала,
Ой милый Боже! и дрôбненькое камêнье,
Ой милый Боже! ино того не брала,
Ой милый Боже! що Марисенька на нêмъ стояла,
Ой милый Боже! батенька си жадала:
Ой милый Боже! «выйди, батеньку!
Ой милый Боже! золотити косоньку!»—
Ой милый Боже! золота не маю,
Ой милый Боже! золотити не вмѣю.»—
Ой милый Боже! «хоть бѣлыми ручками,
Ой милый Боже! дрôбненькими слёзами!»

6.

(Рус. Днѣстр. 52.)

Злетѣло два Ангелы зъ неба,
Ой сѣли, впали, Марисенцѣ на подвôрье,

Ой зъ подвôрья въ застôльное вôконце,
А зъ вôконца на тисовй столы,
А зъ стôловъ на лённіи обрусы,
А зъ обрусовъ на пшеничнй хлѣбове,
А зъ хлѣбовыхъ на румяне личенько,
А зъ румяного личенька на барвêнковый вѣночокъ,
А зъ вѣночка на мушлйновый рубочокъ.

7.

Крикнули лебедоньки на водѣ:
«Де жь ты ся забавляешь, голубе?
Цы тя мои пôслоньки не дôйшли,
Же ты мене молоденьку, не вмысливъ?
Писала бымъ листоньки, та не вмѣю,
Пôслала бымъ пôслоньки, та не смѣю,
Пôшла бымъ сама, та ся бою,
Быстрая рѣченька, та ся втопью.
Заберу шматêнка на плече,
Не еденъ за мновъ хлопець заплаче.»

8.

Сиротѣ, когда ее посадятъ на посагъ:

Втвори, Боже, ворота!
Сѣла на посагъ сирота;
Єê ся серденько вздрыгае,
Що свого батенька не мае.

9.

При дареніи невѣсты:

Скрипѣла липонька, скрипѣла,
Пôдъ невъ Марисенька сидѣла,
Просилася въ матêнки и въ вôтця:
«Не дайте мене за вдôвця!

Бо вдовець пьянюга, въ коршмѣ пье,
Прійде до дому, жёнку бье.»—
«Привыкай, Марисенько, привыкай!
Зъ хаты вôконцемъ не втечешь,
Зловитъ пьянюга за плече.»

10.

Ой брызнули зъ стрѣшки горѣшки по столѣ,
Ой заиржали вороні коники на подвôрьи:
«Ой не дай мене, батеньку, вôдъ себе,
Ще 'мь не сходила рутяного вѣночка у тебе!»

11.

(Рус. Днѣстр. 53.)

Когда женихъ въ Воскресенье ѣдетъ къ невѣстѣ: (Мѣщанская).

Ѣдьмо, поѣдьмо,
Полёмъ, болотёмъ
Пѣскомъ, камêньёмъ:
Камêнь буде туднѣти,
Пѣсокъ буде шумѣти,
Вчуютъ насъ люде,
Славно намъ буде;
Вчуютъ селяне,
Що ѣдутъ мѣщане.

12.

Ой на дворѣ бубны граютъ,
Та до сѣній зазираютъ,
А изъ сѣній та до хаты,
Жебы мали де сѣдати.

13.

На дворѣ хмарно,
За порогомъ кавно,
Въ сѣняхъ болото,
За столомъ золото.
Пріѣхавъ Козакъ,
На нёмъ ковпакъ,
Красный якъ макъ,
Золота зброя:
«Десь ту дѣвчина моя!»

14.

Хмарится, бурится, дощь буде:
«Де ты ся забавивъ, голубе?»—
«Сѣдлавъ емь кониченька пôдъ себе,
Ѣхати, дѣвчино, по тебе».

15.

Ѣдучи къ вѣнчанію:

До слюбу идемо,
Молоду ведемо,
Румяну якъ калину,
Солодку якъ малину.

16.

Когда везутъ коровай отъ жениха къ невѣстѣ:

Зелена рутонька, зелененька:
«Чому ты, Марисенько, смутненька?
Пôдхили кватыроньку и погляни,
Чи хороший Ивасенько на конѣ?»—

«Ой хорошій, хорошій, надъ люде,
Ино мому серденьку жаль буде,
Цы припавъ коничокъ росою?
Цы припавъ Ивасенько красою?»

17.

Когда невѣста собирается ѣхать къ жениху:

«Не тужи, батеньку, за мною,
Не беру я все съ собою;
Лишу я тобѣ слѣдоньки по двору,
А слёзоньки по столу.»

18.

Во время торга о косу невѣсты:

Братчику ремêсничку,
Сядь собѣ на столику,
Не дай ся здурити
Не дай сестры взяти;
Бо сестра дорогая,
Коса золотая
Шовкомъ заплêтана,
Золотомъ обсыпана.

19.

При очипленью невѣсты:

Золото волото просо,
Ты моя русавая косо!
То жь я тя розчесала
По єдину волосочку,
Роспустила 'мь тя
По срêбнôмъ пасочку!

20.

(Рус. Днѣстр. стр. 54.)

«Вѣнку мóй, вѣнку,
Зъ хрещачого барвѣнку!
Ино 'мь тя еденъ вила,
И то 'мь тя не сходила:
Въ Суботу по полудню,
Въ Недѣлю всю дниноньку,
Въ Понедѣлокъ годинойку!
Дала бы 'мь тя малювати,
Щобы въ тобѣ погуляти;
Дала бы 'мь тя позолотити,
Щобы въ тобѣ походити!»

21.

Бояре отводя дружку домой:

Ще вуленька не метена,
Ще дружечка не ведена:
Треба вулоньку пȯдмести,
Треба друженьку вȯдвести.

22.

Если дружка пригласитъ Бояръ къ себѣ:

Въ нашои дружки вишнѣвъ садъ,
Не перелетитъ безъ нѣго жаденъ птахъ;
Ино дружбонько якъ сокȯлъ
До дружки за стȯлъ.

23.

Когда невѣстины родители ѣдутъ къ новоженцамъ на пропой:

Ой що жь то менѣ за неславонька повстала,
Що Марисенька по своего батенька прислала?
Прислала она четыре конй, пятый вôзъ,
А шестого провозниченька, щобъ привêзъ.

24.

Ѣдучи отъ пропою назадъ:

Добре мы ся на пропоеньку мали:
Мêдъ, вино, выпивали,
А горѣвковъ ноги вмывали!

25.

Послѣ вывода, если вдовецъ женился на дѣвушкѣ:

«Вотворѣть, дѣти, браму!
Ведемо вамъ маму:
Коровы не здоить,
Бо ся фоста боитъ;
Хаты не замете,
Бо си живôтъ погнете;
Дêжи не замѣситъ,
Бо ся чоловѣкомъ тѣшитъ;
А хлѣба не спече,
Бо êй тѣсто зъ рукъ тече.»

VIII. Свадебныя пѣсни Стрыйскаго Уѣзда (мой сборникъ).

1.

Когда коровай сажаютъ въ печь:

Широкая нивонька на лѣску,
Вродилася пшениченька на песку:
«Встаньте, братчики, не сидѣть
Возмѣть си топôрци, та пôдѣть,
Рубайте сосноньку на загнѣтъ,
Щобы ся намъ коровай красно впêкъ!
Бо поѣдемо въ дорогу,
Абы 'смо на мали сорому.»

2.

Когда вѣнки плетутъ:

«Благослови, Боже,
Та й Пречистая Мати,
Ходи намъ помогати,
Вѣночокъ увивати
Изъ Крещенского барвêнку,
Съ пахнючого васильку!»

3.

Когда идутъ до вѣнчанія:

Ой мовила ясна зоренька до мѣсяченька стихонька,
Ой мовила молода до молодого стихонька:
«Ой якъ ты устанешь раньше мене, жди мене!
Ой устанемо въ Недѣлю раненько,
Ой пôдемо до вѣнчаня борзенько.»

4.

Квѣты нашй зеленькй,
Дѣти нашй молоденькй,
Ой часъ вамъ та й годиночька
До любого вѣнчаненька!

5.

Мати сына до слюбу выправляла,
Ой в'на его розумоньку научала:
«Иди, сыноньку, до слюбоньку,
Счäслива ти дороженька,
Счäстье, здоровье и добра доленька!»

6.

Мы до слюбу идемо,
Молоденькй ведомо:
Молоду якъ ягоду,
А румяну якъ калину,
А солодку якъ малину.

7.

Вѣтрець повѣваеє
Ленокъ полёгае,
Молодого чалядонька
Якъ ружä процвѣтае.

8.

Всѣ звоны зазвонили,
Абы насъ забавили:
«Не бавьте насъ, не бавьте,
Борзенько насъ отправьте!

Мы теперь не будемо
Ни̂ ѣсти̂, а ни̂ пити,
Ай впередъ пôдемо
Богу ся молити.»

9.

«Выйди, молоденька, зъ коли̂,
Покажи личенько родови!
Бо тото родови не мило,
Що твого личенька не видно.»

10.

Возвращаясь отъ вѣнчаня:

Подякуймо Богови,
Та й нашому Попови,
Що вôнъ насъ не забавивъ,
Не богато въ насъ правивъ:
Пôвтора червоного
Отъ нашого молодого.

11.

Нашä молода, нашä,
Злапала си пташä,
Ни̂ пташä, ни̂ воробця,
Ай файного молодця:
Зъ рученьками, зъ ноженьками
И съ чорными оченьками.

12.

Воротившись отъ вѣнчанія поютъ у порога:

«Радуйся, матѣнонько,
Взяло слюбъ дитятонько,
И твое и чужое,
Вже в'ни твои обое!»

13.

«Выйди, матѣнонько, въ кожусѣ,
До горы вовнонькою,
И зъ счастенькомъ, здоровенькомъ,
И зъ доброю доленькою!»

14.

Выйди, матѣнонько, урадуйся,
Въ жовтѝ чобѣтки убуйся,
Потопчи вороги пѣдъ ноги,
На й ти ся уступятъ зъ дороги!»

15.

Увѣйшли Буяры
Посѣдали на лавы,
Стѣны ся поздригали,
Якъ Буяра заспѣвали:
«Добро намъ ту спѣвати,
Будемъ ту пробувати,
Коло тисового стола,
Коло пшеничного хлѣба.»

16.

У нашои молодои
Вишневъ садъ,
Нѝхто его не перейде,
Лише птахъ
Та й панъ молодый
Самотрѣть
До своей молодои
На обѣдъ:
«Чи пріймешь мене, мила,
Що 'сь мене вѣрно любила?»

17.

Просила молоденька, просила,
Щобы въ ней дружина зажила:
«Ой жій ты у мене одинъ день,
А я у тебе цѣлый тыждень,
Вôдъ того тыжня до року,
Вôдъ того року до вѣку!»

18.

«Калинко, не гнися,
Матêнко не журися,
Що я у тебе доньку взявъ!
Бо менѣ Господь судивъ,
И Пречистая Мати,
Казала ми брати.»

19.

Ярмомъ затоплено,
Красно ѣсти зварено,
Ци съ перцёмъ, ци не съ перцёмъ
Коли съ щирымъ серцёмъ,—
Съ перцёмъ, съ шафранами,
Съ рôжными приправами.

Мѣвка капуста, мѣвка,
Бо еê сѣкла дѣвка;
Тлуста капуста, тлуста,
Бо въ неи свинина згуста,
Бо у неи звѣрина,
Свѣжая солонина.

20.

«Старосто старесенькій,
Голубе сивесенькій,
Увôйди зъ сѣней до хаты,
Зъ нами ся привитати!»

21.

Послѣ обѣда поютъ:

«Изъ за тисового стола,
Зъ за пшеничного хлѣба,
Встаньмо. пôдоймѣмося,
Низенько Богу поклонѣмося,
И куфарочкамъ
И шафарочкамъ,
За хлѣба поставлêнье,
За пива приношêнье,
И за добрую сгоду!»

22.

Що намъ були столове,
А все намъ були тисове;
Що намъ були убрусы,
А все намъ були части;
Що намъ були хлѣбове,
А все намъ були пшеничнӣ;
Що намъ були тарели̂,
А все намъ були точени̂;
Що намъ були печени̂,
А все намъ були перчени̂;
Що намъ були лыженьки,
А все намъ були цѣнови̂.

23.

Или такъ поютъ:

«Встаньмо, поклонѣмося
Непередъ Богови,
И господареви,
И господиньцѣ,
Єго милой челядонцѣ,
И кухарочкамъ,
И шафарочкамъ
И за добру сгоду:
Пьемъ вино якъ воду!»

24.

Когда коровай убираютъ и собираются ѣхать по молодую:

«Благослови, Боже,
И Пречистая Мати,
Ходи намъ помогати,
Коровай убирати.
До насъ, Боженьку, до насъ!
Бо у насъ теперь горазъ:
Прійшла Божья Мати
Коровай убирати.»

25.

Когда собираются ѣхать по невѣсту:

Ой а добрая имъ годинонька настала,
Бо молоденька по молодого пôслала,
Прислала в'на чотыре коні, пятый вôзъ,
Ой а шостого вôзниченька, абы го привезъ;
Дала в'на ему чотыре червоні на страву:
«Привези менѣ мого милого на славу!»

26.

Сонêнько всходитъ, въ гору йде:
«Где жь ты ся сбираешь, голубе?»
Сонêнько всходитъ, сіяе,
Молодый коника сѣдлае,
Єго ся батенько пытае:
«Где жь ты ся, сыноньку, сбираешь?
На що жь ты коника сѣдлаешь?» —
«Сѣдлаю коника въ дорогу,
Бо поѣду по молоду небогу.»

27.

Помолѣмося Богу!
Бо поѣдемо въ дорогу,
Абы 'смо не зблудили
Коровай не сгубили.

Мѣсяцю побоженьку,
Свѣти намъ дороженьку
До панны молодои,
До дружины нашои!»

28.

Когда ѣдутъ по молодую:

Кобы молода знала,
Що молоденькій ѣде,
Гатила бы гати
Дорогими гнаты
Ажъ до самои хаты,
Та клала бы в'на мосты
Зъ калиновои трости,
Уметала бы дворы,
Застилала бы столы.

Та помыла бы повны,
Та витала бы гостѝ
Все виномъ зелененькимъ,
Та й медомъ солоденькимъ.

29.

Далеко чути, далеко видко,
Якъ молоденькій ѣде:
Якъ лѣсомъ ѣде,
Калину ломае:
Якъ полёмъ ѣде,
Коникомъ выграе;
Якъ на подвôрье заѣде,
Шабельковъ вывивае;
До хаты увôйде,
Шăпочки не здôймае;
Якъ за стôвъ зайде,
Молоду обôймае.

30.

Когда прiѣдутъ по молодую, поютъ передъ порогомъ:

«Не дайте жь стояти,
Возмѣть насъ до хаты!
Бо мы зъ далекои дороги,
Поболѣли насъ ноги,
Хочемо спочити,
Зъ вами поговорити!»

31.

А въ гордого свата
Малёвана хата:
«Стôй, зятю, за вороты
Въ зеленôй папороти!

На тебе метȇль мете,
Дрȏбенъ дождикъ иде
На коні̂ вороныи,
На Бояры молодыи.»

32.

Когда войдутъ въ хату:

«Дѣвоньки, галоньки,
Уступѣть намъ зъ лавоньки!
Бо мы идемъ, свашеньки,
По нашу молодую,
А вы, дѣвки, до дому!
Идѣть уже до дому
Варити отрубці̂,
Абы васъ забрали молодци!»

33.

Когда коровай краютъ:

Благослови, Боже,
И Пресвятая Мати,
Ходи намъ пȏмагати
Короваець краяти.
У насъ дружбонька красный,
Мае вȏнъ ножикъ ясный,
Та й срȇбну тарȇлоньку,
Даруе всю родиноньку:
«Пристѣпай, родинонько,
И близкая и далекая,
И малая и великая!
Бо у насъ ся дары даютъ,
Житніи, пшеничніи,
А все у Бога величніи.»

34.

Не далекая дорога
Вôдъ стола до порога,
Родина утоптала,
Дары вôдбирала:
«Ой ты, роде богатый,
Даруй намъ товарець рогатый!
А вы, стрыёве—волове,
А вы дѣдове—коровы,
А вы, вуйкове—пчолове,
Щобы ся пчолы роили,
Щобъ ся наши молоды любили!»

35.

Когда подаютъ вечерять:

Заходятъ насъ вѣсти,
Хотятъ намъ дати ѣсти;
«Ой дайте намъ, дайте,
Лише ся не кайте;
Маетеся каяти,
Волите намъ не дати.
Мы ся васъ надѣяли,
Та й 'смо ся старали.
Щобъ 'смо зъ вами
Ту вечеру мали.»

36.

«Ой тутару, ой тутареньку,
Сему дому господареньку,
Що онъ коло насъ ходитъ,
Насъ, молоденькихъ, проситъ
Щобы 'смо ѣли та й пили,
Та й веселенькй були!»

Ой ѣ̆ли жь мы та ѣ̆ли,
Тай веселенькѝ були;
Ой тожь мы тамъ мали
Препышну вечереньку,
Якъ 'смо̂ прiѣ̆хали
По свою молоденьку.

37.

Послѣ вечери:

Бренькнули ключики по столу,
Заиржали коники по двору,
Молоденька тое чуе,
Єѐ серце сумуе:
«Тото коники по мене—
Не дай мене, татеньку, отъ себе!» —
«Якъ же тебе не дати?
Не можу тя тримати:
Вже коники по двору,
Бояре коло столу!»—
«Гоя, батеньку, гоя!
Теперь я, батеньку, не твоя!»

Бренькнули ключики по столу,
Заиржали коники по двору,
Молоденька тое чуе,
Єѐ серце сумуе:
«Тото коники по мене—
Не дай мене, матѐнько, отъ себе!»—
«Якъ же тебе не дати?
Не можу тя тримати:
Вже коники по двору,
Бояре коло столу!»—
«Гоя, матѐнько, гоя!
Теперь я, матѐнько, не твоя!»

IX. Свадебныя пѣсни Стрыйскаго же Уѣзда.

(См. Жегот. Паули I, 104.)

1.

При печеніи коровая:

«Сступи, Боже, до насъ!
Теперь у насъ гаразъ;
Та й ты, Божая Мати,
Ходи намъ помагати
Коровай убирати!»

2.

(Рус. Днѣстр. 51.)

Мовила, говорила,
Ярая пшеницја:
«Не подоба моя
У стозѣ стояти,
Ой подоба моя
Въ короваю розростати!»

Мовила, говорила,
Червона калина:
«Не подоба моя
У лузѣ стояти,
Але подоба моя
Въ короваю сіяти!»

3.

По столу коровай грае,
А все въ пѣчь зазырае,
На счасливое мѣсце:
«Гдесь бы менѣ туть сѣсти?»

4.

«Пôдѣть вы, братоньки, сосноньки втнѣть,
Абы нашь коровай красно ся впêкъ,
Абы нашь коровай красенъ бувъ,
Абы нашь молоденькій славенъ бувъ!»

5.

(Рус. Днѣстр. 50.)

При расплетаніи косы у невѣсты:

Вода муженьки забрала
И камêнье дрôбненьке,
Лишь одного каменя не брала,
Шо дѣвчина на нêмъ стояла,
Русу косу чесала:
«Не пади, косо, на камêнь!
Ой пади, косо, въ зêльничокъ!
Бо на камени зсѣчешься,
А у зêльничку пріймешься:»

6.

(Рус. Днѣстр. 51.)

Просила дѣвчинонька
Свого братêчка:
«Братчику жь мой любый!
Сѣдлай коничењка,
Ѣдь у чисте поле,
По стадо вороное,
Зажени бо его
До зêльника мого,
Най зêлье выпасе,
На копытахъ вынесе!

Кони мои воронів!
Вытопчѣть зѣлье мое,
Най по менѣ не зôстае,
Дружечкамъ на радости,
Мамуненцѣ на жалости!
Бо що мамуненька выйде,
А все у городъ гляне:
«А де тото дитятечко,
Що садило зѣлечко?»

7.

(Рус. Днѣстр. 52.)

«Де ты, калино, росла,
Що 'сь така красна,
Тонка, высока,
Листомъ широка?» —
«У лузѣ при кирницѣ,
При студенôй водицѣ,
Вôдъ вѣтру буйненького,
Вôдъ сонця ясненького». —

«Де 'сь, дѣвчино, росла,
Що 'сь така красна?» —
«У тата въ холодочку,
При солодкôмъ медочку.»

8.

(Рус. Днѣстр. 50.)

Сажая невѣсту на посагъ:

Сѣяла дѣвчина долю:
«Плыни, доле, зъ водою,
Я поплыну съ тобою:
Тамъ мы си спочинемо,

Та й листе напишемо,
До мамы пôшлемо,
Най же мама знае,
Що мене малу дае,
Не научивши мене
Всякои роботы;
Научатъ мене люде,
Тогды мамѣ жаль буде.»

9.

«Ой горонька кремêнная,
Чомъ ся не лупаешь?
Ой дѣвчино молоденька,
Камêнь серце маешь!»

По горѣ ся фіялочки розвили,
Всю гору кремêнную покрыли,
Шла по ней дѣвчинонька зборзенька,
Та садила василечокъ знизенька;
«Ой ходи жь ты, мôй миленькій, за мною,
Бо я маю порадочку съ тобою!»

10.

(Рус. Днѣстр. 49.)

Если невѣста сирота:

Ганусина матêночка
Передъ Богомъ стоитъ,
На охрестъ руки держитъ,
Бога ся проситъ:
«Спусти мене, Боже,
Надъ село хмаровъ,
А въ село дрôбнымъ дождемъ,
Яснымъ сонцемъ—оконцемъ;

Най же я ся подивью,
Чи красно дитя убрано?»—
«Убрано якъ панятко,
Посаджено якъ сиротятко.»

11.

Ѣдучи къ вѣнчанію:

У недѣлю рано
Море ся розыграло;
Дѣвчина потопала,
Свого вôтця жадала:
«Татуненьку мôй любый!
Не дай ми утонути,
Съ тымъ Дунаемъ поплынути!»—
«Дитинко моя люба!
Я дъ водѣ не смѣю,
И плавати не вмѣю.»

У недѣлю рано
Море ся розыграло;
Дѣвчина потопала,
Своей матери жадала:
«Мамо жь моя люба!
Не дай ми утонути,
Съ тымъ Дунаемъ поплынути!»—
«Дитино моя люба!
Я дъ водѣ не смѣю,
И плавати не вмѣю».

У Недѣлю рано
Море ся розыграло,
Дѣвчина потопала,
Свого милого жадала:
«Ой милый же мôй любый!
Не дай ми утонути,
Съ тымъ Дунаемъ поплынути.»—

«Дѣвчинонько моя люба,
Я до воды смѣю,
И плавати вмѣю:
Зде човенъ и веселце,
Ходи сюда, мое серце!»

12.

«Старостоньки, голубоньки,
Зойдѣтеся до купоньки,
Сами ся погодѣте,
А насъ ту не знобѣте!
Сами ся поцюлуйте,
А насъ ту пошануйте!»

13.

«Ой ты, нашъ милый свату,
Прогай же ты намъ хату,
Та й тисовыи стѣны,
Щобы Бояре сѣли!»

14.

Когда сядутъ за столъ къ обѣду:

Гнутся лавы, гнутся,
Пôдъ шаты дорогими,
Пôдъ сваты молодыми:
Ще они не такъ угнутся,
Яко горѣвки напьются.

Ой стенуть, стенуть, стѣны,
Якъ Бояре обсѣли;
Ще они не такъ застенуть,
Якъ ся горѣвки напьють.

15.

Ой на дворѣ плютка:
Тогды намъ добре тутка;
Лишь намъ едно гидно,
Що сватонька не видно.

16.

Во время пиршества:

Дорога тота юшка:
За таляра петрушка,
За червоного перця,
Абы пристала до серця,
Зъ перцями, съ шафранами,
Зъ дорогими приправами,
Воды ся сполонили,
Крамарѣ затопили.

Ишла баба по перецъ,
Здыбавъ ею старецъ,
Та приперъ ю до дверецъ,
Та вытрясъ зъ неѣ перецъ:
«Ой пôди, дѣде, дѣде!
Не шукай собѣ бѣды!»

17.

Всю нôчь сваха не спала,
На кашу просо опыхала,
То въ гору, то въ долину,
А въ саму середину:
«Держися, дѣде, пупа,
Бы тя не вбила ступа!»

18.

Тлуста капуста, тлуста,
Засыпана згуста,
Бо є въ нêй звѣрина,
Тлустая солонина,
По лѣсѣ буяла,
Сама ся сгодовала.

19.

Зажурилися волове
Въ воловничку стоячи:
«Не журѣтеся, волове,
Мы васъ всѣ не зъѣмо,
Лишь роги и ноги лишимо!»

20.

Курочка рябушечка
Вчера си въ смѣтью гребла,
А нынѣ ся спекла;
Най же она не квоче,
Бо намъ ся еê хоче.

21.

При скупованіи:

«Скочи, дружбонька, скочи,
По червоному мечи,
Не жалуй же ю дати,
Будещь вѣночокъ мати!» —
«Ой волѣвъ же я цѣпомъ бити,
Нêжъ мавъ же я въ дружбы ити!»

22.

Ѣдучи за невѣстой:

«Не зайди жь, мѣсяченьку, за хмару,
Приведемо молоденьку на славу;
Ой на дворѣ соненько сѣдае,
Ой молоденькій коника сѣдлае,
А его татиненько пытае,
На що вôнъ кониченька сѣдлае:
—«Ой увидишь, татуненьку, на смерку,
Яку я тобѣ невѣсточку приведу.»

23.

(Рус. Днѣстр. 48.)

Просила Ганусенька
Свого татуненька:
«Татунечку мôй любый!
Запирай воротенька,
Не пусти Ивасенька!»
—«Дитино моя люба!
Якъ го не пускати,
Коли вôнъ ся проситъ,
Коли вôнъ ся стелитъ
Хмелемъ коло двору,
Барвѣнкомъ коло столу,
Соколомъ за столомъ?»

24.

Комора пôдхилена,
Постѣлька застелена;
Де моя миленька спала,
Тамъ ружа процвѣтала:
«Выйди жь ты, молоденька, зъ коморы,

Та покажи личенька родови!» —
«А хоть я въ ночи ходила,
Красну я цнотоньку носила;
Носила я цнотоньку у личеньку,
А щиру правдоньку въ серде́ньку.»

25.

Добрый вечеръ, сусѣдоньку! Мы до васъ,
Залетѣло наше пташа межи васъ,
Наше було пташечко значное,
На нêмъ було пêрочко золотое.
Вы собѣ пташечку держѣте,
Лишь намъ пêрêчко вернѣте!»

26.

У нашого свата
Пôдъ василькомъ хата,
Горѣхъ пôдъ стѣною
На вôкно ся похиляе,
По слову промовляе:
«Гдесь е ту наша мила,
Що зъ вами говорила.»

27.

При дареніи:

Балець, матêнко, балець,
На сѣмь мѣръ та й на палець;
Що буде завивати,
То буде споминати:
«То невѣсточка дала,
Бодай счастье мала!»

28.

При очепинахъ:

Здрадливый Понедѣлку!
То 'сь здрадивъ нашу дѣвку:
Вчёра була у вѣночку,
А нынѣ вже въ рубочку!

Не завивайте вы ее̂,
Бо нема ничо въ нее̂;
Она пасла телята,
Та вырвали хлопята!

IX. Свадебныя пѣсни Станиславскаго Уѣзда.

(См. Вацл. изъ Олеська стр. 20.)

1.

Въ Субботу, когда плетутъ вѣнокъ:

Въ долину, паненки, въ долину,
По червону калину,
На крячастый барвѣнокъ,
Молодôй дѣвчинѣ на вѣнокъ:
Изъ руточки двѣ квѣточки.
«Благослови, Боже,
И отець и мати,
Що будемъ зачинати!»

Или же:

Ой изъ руточки
Двѣ, три, квѣточки;
«Благослови, отець и мати,
Своему дитяти,
Деревце зачинати!»

2.

Счаслива Касуня у Бога:
Стояли Ангелы въ порога,
Просили паненокъ, просили,
Щобы ѐй вѣночокъ увили.

3.

«Казавъ єсь, кленовый листочку.
Що не будешь падати,
А теперь падаешь,
Земленьку крыешь,
Бо лютый морозъ чуешь!»

«Ой казавъ єсь, мôй батеньку,
Що мя не дашь вôдъ себе,
А теперь даешь,
Та й самъ не знаешь,
Що за доленька буде.» —
«Тото ти даю,
Що въ дому маю,
Долй ти не вгадаю!»

4.

Наряжая невѣсту въ вѣнокъ:

Ясно въ свѣтлонцѣ, ясно:
«Уберѣть мене красно;
Най ся матêнка дивитъ,
Чей ся ей жаль вчинитъ!»

5.

«До Нѣмець, братчику, до Нѣмець,
Купити щêточку, гребêнець,
Розчесати русу косу пôдъ вѣнець!»

6.

«Де жь твои, Касуню, ковалй,
Що твою косоньку ковали?
Кличь же ихъ, най тутки придують,
Най русу косу розкуютъ!» —
— «Ой є въ мене старшій братъ,
Шобъ менѣ русу косу розковавъ.»

7.

«Ой вѣнку жь мôй, вѣнку,
Зъ крячастого барвêнку!
Куповала 'мь тя въ рынку,
Замыкала 'мь тя въ скринку;
Теперки тя рушу,
Та й заплакати мушу!»

8.

Когда невѣста наряженная покланяется

Матери:

«Грайте, музыки, рѣзко,
Склонися, Касюню, матêнцѣ низко:
Не рôкъ тебе матêнька годовала,
Нимъ ся твого поклоненьку дочекала.»

Отцу:

«Грайте, музыки, рѣзко!
Склонися, Касю, батенькови низко:
Не рôкъ тебе батенько годовавъ,
Нимъ ся твого поклононьку дочекавъ.»

Роднымъ:

«Грайте, музыки, рѣзко,
Склонися Касуню низко
Всêй своей родинонцѣ,
Найменшêй дитинонцѣ!»

9.

Если невѣста сирота:

«Кому жь ты ся кланяешь,
Коли батька (матери) не маешь?» —
«Поклонюся чужому,
Буде ми ся здавати, шо свому.»

10.

Когда дружки возвращаются домой:

«Веди насъ, староста, спати,
Бо намъ треба рано встати,
До слюбоньку ѣхати.»

11.

«До дружки, Бояре, до дружки,
На масненькіи пирôжки:
Добре у дружки гуляти,
Масныи пирôжки съѣдати.»

«Котилися зъ стрѣшки горѣшки,
Мастилися въ дружки пирôжки,
Добре Боярôвъ пріймала!»

12.

Возвращаясь отъ приглашенія гостей:

«Матêночко утко,
Увивайся хутко!
Мы ся хутко ввивали,
Всѣхъ людей поспрашали,
Найблизшу родиноньку,
Найменьшу дитиноньку.»

13.

На подворьѣ:

«Выйди, матêнько, до насъ,
Поблагослови ты насъ!
Вже 'сьмо ся увивали,
Народы поспрашали.»

14.

Когда приходятъ за подарками:

«Мы пришли, паненочки,
По наши даруночки:
Шибко ся увивайте,
Намъ даруночки дайте!»

15.

Дружка дружбѣ:

«Подивися, дружбонько, на мене:
Твоя шапочка у мене,
Ой не шапочка, ковпачокъ,
Выйми, дружбоньку, шостачокъ!
Ой не шостачокъ, таляра,
Буде твоя вся слава!»

16.

Въ Воскресенье старостѣ:

По пôдъ лѣсъ битая дороженька,
Куда ѣхавъ статечный старостонька,
Єму калина дорогу заступила,
Вынявъ шабельку, взявъ калину ломати,
До него взяла калина промовляти:
«Ой не для тебе я, калина, саджена,
Ино для тебе свашенька наряджена.»

Дружбѣ:

По пôдъ лѣсъ битая дороженька,
Куда ѣхавъ статечный дружбонька,
Єму калина дорогу заступила,
Вынявъ шабельку, взявъ калину ломати,

До него взяла калина промовляти:
«Ой не для тебе я, калина, саджена,
Ино для тебе друженька наряджена.»

Жениху:

Шо подъ лѣсъ битая дороженька,
Куда ѣхавъ молодый Иваненько,
Єму калина дорогу заступила,
Вынявъ шабельку, взявъ калину ломати,
До него взяла калина промовляти:
«Ой не для тебе я, калина, саджена,
Ино для тебе Касуня наряджена.»

17.

Когда собираются ѣхать къ вѣнчанію:

«Братчику, намѣстничку,
Не продай свою сестричку:
Твоя сестричка дорогая,
Єё коса золотая!»

18.

Когда братъ сестру уже продалъ:

Ой Татаръ братчикъ, Татаръ,
Продавъ сестру за талярь,
Русу косу за шостакъ,
Румяне личко таки такъ!

19.

Дружка жениху, когда ее отведятъ отъ стола:

Ой що жь ми за дѣло,
Що за столомъ сѣло?
Три дни ся вмывало,
Молоду цѣловало.

20.

Случи къ вѣнчанію, если невѣста сирота:

Стукнули Ангелы въ небѣ,
Збудили батенька (матѣньку) въ гробѣ:
«Вставай, батеньку (матѣнько) до суду!
Ѣде твое дитятко до слюбу.»

21.

Возвратившись отъ вѣнчанія:

«Выйди до насъ, матѣнонько!
Пріѣхало дитинонько:
Мала 'сь перше единое,
Теперь маешь ажь двое!»

22.

При короваѣ свахи жениха:

«Зрôвна, дружбоньку, зрôвна,
Край коровай здрôбна!
Треба ся складати,
Всю родину даровати.»

Свахи невѣсты:

Мы роду не дѣдовского,
Мы роду старосвѣцкого,
Мы до васъ не ходили,
Короваю не просили.

Дружки молодому (жениху):

«А хто жь то сидить пôдъ вѣнцемъ,
Пôдъ кудернымъ деревцемъ,

Пôдъ зелененькимъ барвêнцемъ?» —
«Ивасунё сидитъ пôдъ вѣнцемъ,
Пôдъ кудернымъ деревцемъ,
Пôдъ зелененькимъ барвêнцемъ.»

Дружбѣ:

Нашъ дружбонька якъ панъ:
На нêмъ зеленый жупанъ;
Вмѣє коровай краяти,
Родинѣ роздавати.

Свахамъ:

«Пôдбôчьныи бабы,
Бійте кота въ лабы;
Мы бы вамъ щось повѣли,
Ще 'сьмо нынька не пили!»

23.

Послѣ обѣда на благодаренье:

Ой встанимо, пôдоймѣмося,
Здôймѣмъ шапочки, поклонѣмося,
Напередъ Богу, господарêви,
Господинонцѣ и кухаронцѣ,
За хлѣба принесенье,
За пива поставленье,
За студеную воду,
За добрую сгоду!»

24.

Въ Понедѣльникъ на разсвѣтѣ:

Дякуємо вамъ, люде,
За хлѣбъ, за сôль, за горѣвку,
И за хорошу дѣвку!

Спытайся, Касуню, мамы,
Цы поѣдешь ты зъ нами?
Завеземо тя въ горы,
Не повернешь нйколи!

25.

«Та дайте жь намъ, дайте,
Що 'сьте намъ обѣцяли:
Три подушокъ имховыхъ,
Сто золотыхъ готовыхъ.
И тоє простирало,
Що шовкомъ вышивано!»

26.

Пропила мати дочку
На солодкôмъ медочку:
Добре було мêдъ пити,
Нема ся кимъ послужити:
А нй свѣчечки. а нй угарочка,
А нй чимъ засвѣтити,
А нй Касуни, а нй дѣвоньки,
Нема кимъ поробити!

27.

«Не забувай, мати,
Шовковый чепець дати.
И имховыи подушки,
Шобы спали двѣ душки!»

28.

Приходя въ домъ жениха:

«Отвôряй, мати, лѣску,
Ведемо ти невѣстку,
До хаты попрятницю,
До поля робôтницю,
До коморы ключницю!»

29.

«Здрадливый Понедѣлку,
Здрадивъ есь намъ дѣвку:
Вчера була въ вѣночку,
А нынѣ вже въ рубочку!»

30.

Идя до вывода:

«Ой Попе, Попе, батьку нашъ,
Отвори церковцю, пусти насъ!»

31.

Когда невѣста посылаетъ за отцемъ:

Добрая година настала,
Касуня по батька пôслала,
Пôслала четыре кôни, пятый вôзъ,
Шостого вôзниченька, щобъ привêзъ.

32.

Если невѣста сирота:

Наша Марыся сиротонька,
Бо матêньки (батенька) не мае;
Єй матêнька (батенько) е у Богонька,
Передъ Богомъ лежить,

На хрестъ ручки держитъ,
Та й у Бога ся проситъ:
«Ой пусти жь мене, Боже,
Най злѣзу, подивлюся,
Цы добре дитя наряджаютъ,
На посагъ саджаютъ?»

ПРИМѢЧАНІЕ.

Сватьба начинается въ Субботу. На утренней зарѣ приходятъ дружки и наряжаютъ невѣсту (панну молоду); того же дня приходятъ къ ней женихъ (панъ молодый) съ своими дружбами за подаркомъ: сорочкой и вѣнкомъ; невѣста снимаетъ жениху шапку и закладаетъ ему вѣнокъ, а шапку держитъ, пока онъ не выкупитъ ее; дружки тоже дѣлаютъ дружбамъ. Невѣста, вполнѣ наряженная, поклоняется отцу и матери, и идетъ приглашать на свадьбу (просити на весѣлье). Возвращаясь изъ запросинъ, она не входитъ въ хату, пока мать не выйдетъ и не поблагословитъ ее. Въ Воскресенье невѣста получаетъ подарокъ отъ жениха, бѣлое покрывало и сапоги (подарунокъ пана молодого рантухъ и чоботы). За тѣмъ дружки наряжаютъ невѣсту къ вѣнчанію съ такимъ же торжествомъ, какъ въ Субботу: староста съ ея братомъ продаютъ ее жениху, то есть, отдаютъ ее за небольшій подарокъ. Послѣ вѣнчанія мать также встрѣчаетъ ихъ съ благословеніемъ на подворьѣ. Въ Понедѣльникъ всѣ гости провожаютъ жениха и невѣсту (молодыхъ) въ домъ жениха (пана молодого).

XI. Свадебныя пѣсни Коломыйскаго Уѣзда.

(Дополненіе къ II, 99. См. Вацл. изъ Олеска 29.)

1.

При расплетаніи косы:

Ой братъ сестричку росплётавъ,
Пôдъ стôлъ косоньку наметавъ:
«Ото, сестричко, за тое,
Не плети косочки во трое.»

2.

Когда отецъ высылаетъ сына къ невѣстѣ:

Отець сына выряжае,
Выряжае, наказуе:
«Та не кажи, сынку,
Тестеви всю правдочку,
Бо тесть тобѣ не батечко!»

3.

Когда дружбы съ женихомъ идутъ къ невѣстѣ:

Повѣвъ вѣтеръ по горѣ,
Прійшовъ молодый зъ вôйны:
Ой де стане—земля тане,
Куда гляне—трава вяне,
А каже Львôвъ розбивати,
Королёвну добувати:
«Ой, молодый ты, небоже,
Най ти Господь допоможе!
Королёвна—не твоя рôвна!»

4.

Пришедши къ невѣстѣ съ подарками:

Хвалилася Княгиня,
Шо є дарôвъ скриня:
«Хиба ихъ не маете,
Шо намъ ихъ не даете?»

5.

Когда дружки невѣсту ведутъ за столъ:

А летѣли бѣлы гуси черезъ садъ:
«А часъ тобѣ, Марічко, на посагъ!» —
«А що жь вамъ, бѣлы гуси, до того,
До любого посагу мого?
Є у мене батêчко
До мого посажечку.»

6.

Въ то время, когда Княгиня сядетъ за столъ и, склонивъ голову будто бы спитъ:

Убита ми дорôжка до Львова,
А посаженый тамъ виноградъ,
Ходитъ коло него Марічка,
Ходитъ, та й заснула,
А иде туда батêчко:
«А вломивъ бы я того винограду,
Та не вмѣю;
А збудивъ бы я Марічку,
Та не смѣю.»

Убита ми дорôжка до Львова,
А посаженый тамъ виноградъ,
Ходитъ коло него Марічка,

Ходитъ, та й заснула;
А иде туда матёнка:
«Вломила бы я того винограду,
Та не вмѣю;
А збудила бы я Марйчку,
Та не смѣю.»

Убита ми доро̂жка до Львова,
А посаженый тамъ виноградъ,
Ходитъ коло него Марйчка,
Ходитъ, та й заснула;
А иде туда миленькій:
Виноградъ ломати вмѣе,
Марйчку збудити смѣе.

7.

Когда братъ сестру продалъ:

Ой Татаръ братчикъ, Татаръ,
Продавъ сестру за талярь,
Русу косу за шостакъ,
А бѣле личко тако̂ й такъ.

8.

Идучи къ вѣнчанію:

А въ Недѣлю рано,
Море ся розыграло;
А не море тото грае,
Але сонце ся купае;
То не сонце ся купае,
Молодый потопае,
Та на молоду покрикае:
«Молодечко, голубечко,
Ратуй мене зъ моря!» —

«Та не моя тото воля:
Ратовати тебе зъ моря;
А нй човна, а нй весла,
Все буря вôднесла!»

9.

Идучи отъ вѣнца:

А мы въ церкви були:
Що 'сме тамъ видѣли?
Два вѣнцѣ на стѣнцѣ,
Молодымъ на головцѣ.

А Попе, Попе, батько нашь,
А Попе ихъ и звѣнчавъ,
Двое дѣтій зъ межи насъ:
Одно дитятко Марйчку,
А друге Василько.

А дякуемъ Попочкови,
Свому батêчкови,
Що насъ не забавивъ,
Небогато въ насъ правивъ,
Лишь жовтого червоного
Вôдъ пана молодого.

10.

Отдавая невѣсту жениху:

На калиночьцѣ
Двѣ ягодочцѣ:
«Благослови, Боже,
И отець и мати,
Своему дитяти,
На постêль засѣдати.
«Амберй, матêночко, амберй,
Вывивай раньтушокъ зъ паперй!»

Журилася мати,
Чимъ зятя вѣновати:
Дати зятеви, дати,
Сто коровъ съ теляти,
Сто подушокъ имховыхъ,
Сто червоныхъ готовыхъ.

11.

Приведши невѣсту въ домъ жениха:

«Що жь мы тобѣ привели?
Выйди, матѣчко, погляни:
Цы калиночку, цы малиночку
Цы молоду невѣсточку?

А де калинка стята,
Тамъ молоденька взята,
Вôдъ вôтця, вôдъ мати,
До молодого хаты,
Вôдъ великого роду,
До богацького дому.

XII. Свадебныя пѣсни Коломыйскаго Уѣзда, собранныя Аиѳаломъ Корбинскимъ у Гуцуловъ въ селахъ Яворовѣ и Космачѣ.

1.

Ой ты, зимонько, ты студененька,
Чомъ рано наперхаешь?
Ой ты, Марйчко, ты молоденька,
Дъ кому ся привертаешь?
«Привернула бымь ся идъ дедикови,
Дедикъ мене не хоче
Нй одѣвати, нй годовати,
Нй въ своёмъ дому мати,
Лишь хоче мене, лишь хоче мене,
На стороночку дати:
«Ты мене даешь,
И самъ не знаешь,
Долю ми не вгадаешь!»—
«Я тобѣ даю,
Що въ дому маю,
Долю ти не вгадаю;
Ой проси собѣ въ Бога,
Щобы ти доля добра!»

2.

Ой рясніи горѣшки тресутся,
Масніи пирôжки несутся.
Розкипай, свату, хату,
Та й новеньки сѣни,
Щобы всѣ пропôйцы сѣли;
Ой якъ пропôйцы сѣли,
То ажь ся здригнули стѣны.

3.

Въ заводины берутся мужчины, а послѣ нихъ женщины: за руки на подворьи и ведутся въ хату, припѣвая:

Отъ такъ, хлопцѝ, гречку жнутъ,
Серпы въ руки не берутъ;
Межи ними густый снôпъ,
Сѐмь паробкôвъ, осьмый Пôпъ.

А ну жь, хлопцѝ, ай въ пôдковы,
А въ дѣвчины чорнѝ брови:
Чорнѝ брови намалюю,
Бѣле личко поцѣлюю.

4.

Въ хатѣ же поютъ:

Лежали бервы бервѐнковіи
Хмелемъ коло двору, 2
Вѣнцемъ коло столу,
Цѣшами по столови:
«Боже, ихъ благослови,
И отець и мати,
Своему дитяти
На посагъ поступати!»

5.

За столомъ сидя:

А въ горѣ голубье гнѣздо вье:
Ци всѣмъ Боерамъ мѣстце е?
А коли не всѣмъ, глянѣте,
Калиновѝ, бай, ослôны кладѣте,
Пышніи Боеры садѣте!

6.

Лежели бервы, бервêнковіи:
Красно Боере сѣли, 2
Що здвигнулися стѣни,
Не такъ они сдвигнутся, 2
Якъ горѣвки напьются
И солодкого меду, 2
Зъ пôдъ студеного леду.
«Сваточку, голубочку,
Пій теперь горѣвочку!»

7.

Лежели бервы бервêнковіи:
Ой у нашого свата
Все черчета хата,
Черчикомъ обсыпана,
Василькомъ обтыкана.
Ой у нашои свашки,
Все вôвци̂ ню пôдъ дашки,
Сѣни ти на помостѣ,
Ви̂ктуе свои гости̂.

8.

Дружба проситъ гостей кушать и пить, приговаривая:

Божій столикъ,
Князскій сборе!
Проситъ сватъ и сваха,
И панъ молодый,
И пани̂ молода,
Ѣсти и пити,
Сей домъ веселити:
Не барзо спôрне,
Але барзо склôнне,

И такъ ся посокотити,
Абы голодному ся не лишити,
И зновъ пити до поредку,
Абы два вели по подъ боки,
А третій нёсъ шапку.

(См. № 36.)

9.

Гости припѣваютъ дружбѣ:

Лежели бервы бервёнковыи:
Ой у насъ дружба красный, 2
Бо мае мечикъ ясный,
Мечикомъ вывивае,
Насъ гостей препрашае,
Абы мы ѣли и пили,
Та й сей домъ звеселили;
Мы люде не голодні,
Лишень мы чести годні.

10.

Къ кухаркамъ:

Лежели бервы бервёнковіи:
«Бійте, коточки, въ лабки,
До застѣнной бабки,
Абы ся здогадали,
Абы намъ инше дали!»

11.

Лежели бервы бервёнковіи:
У насъ кухарки бракованi,
Бо ярмы попалили,
Яремы спалили,

Занозомъ загнѣтили,
Занозомъ загнѣтили,
Красно ѣсти зготовили,
Съ перцями, съ шафранами,
Съ дорогими приправами;
А ци съ перцемъ, ци не съ перцемъ,
Коли съ щирымъ сердцемъ.

12.

Вставая отъ стола поютъ:

Зажурилися баранцѝ
А въ кошăронцѣ стоячи,
А въ кошăронцѣ стоячи,
На свого пана дивячи:
«Ой жаль же намъ, жаль,
Та на кого?
На пана молодого,
Що наше мясце по столу,
А костоньки по двору!

Милая братья, пôдведѣмося,
Шăпочки здоймѣмъ, поклонѣмося.
А передъ Бога, а передъ стола,
Господареви, господиночцѣ,
И кухареви, кухарочцѣ,
За хлѣба поставленье,
За питья угощенье.

Ой цо жь намъ були столове,
А все намъ були тисовѝ;
Ой що жь намъ були ослоны,
А все жь намъ були яворовѝ;
Ой що жь намъ були скатерти,
А все жь намъ були ильчатѝ;

Ой що жь намъ були книшове,
А все намъ були пшеничнй;
Ой що жь намъ були студêнцй,
А все намъ були звѣрячй;
Ой що жь намъ були голубцй,
А все жь намъ були лêтучй;
Ой що жь намъ були юшкове,
А все намъ були зъ баранцêвъ;
Ой що жь намъ була капуста,
А все жъ намъ була изгуста;
Ой що жь намъ були кашове,
А все намъ були молочнй.
Миліи братья, пôдведѣмося,
Шапочки здоймѣмъ, поклонѣмося,
А передъ Бога, а поредъ стола!

13.

Идучи изъ за стола:

Зъ загôрья, мѣсяцю, зъ загôрья,
Выводимо молоденькихъ зъ застôлья,
А чей на насъ ясный мѣсяць засвѣтитъ,
А чей же насъ Пречиста зострѣтитъ.

14.

Когда Княгиню расплетаютъ:

У нашого пана Петра
Яблôночка зацвѣла, 2.
Золотй кôсточки зродила:
Молода Марйчка
На подвôречко выйшла,
Пôдъ яблôночку стала,

Дрôбненькй косы розплêтала
И гладенько розчесала,
Золоту кôсточку урвала,
На столичокъ поклала:
«Дивися, мôй дедику, на мене,
Нема крашшои вôдъ мене!»—
«Поки 'сь, сынку, въ мене,
То нема крашшои вôдъ тебе.»

У нашеи панй Петровой
Яблôночка зацвѣла, и т. д.
«Дивися, неночко, на мене
Нема крашшои вôдъ мене!»—
«Поки 'сь, сынку, у мене,
То нема крашшои вôдъ тебе.»

У нашого Василька
Яблоночка зацвѣла, и т. д.
«Дивися, милый, на мене,
Нема крашшои надъ мене!»—
«Поки будешь, мила, у мене,
Не буде крашшои надъ тебе.»

15.

Сиротинская:

Исходѣться, сусѣдочки, до купочки,
Послухайте сирôточки,
Якъ сирôтка плаче,
На посагъ сѣдаючи,
Свого дедя (матки) не маючи:
Дедё зъ мамковъ лежить въ Бога,
На вхрестъ ручки держить вôдъ порога:
Просятся они у Бога:
«Господи Боже, пусти жъ насъ долôвъ,
Най мы пôдемъ домôвъ,
Свое дитя вырядити,
На посагъ посадити.»—

«Ой тамъ люде не Татаре,
Твое дитя вже убране,
Твое дитя выряджене,
И на посагъ посаджене.» —
Ой у саду пеньковъ много,
Сыренького ни одного,
Нема жь дедя мамки рôдненького, (рôдненькои).

16.

Когда косы расплетаютъ:

Братъ сестру розплѣтае,
Заплѣточки пôдъ стôлъ метае,
Чоботомъ притоптае:
«Ой роговый гребѣнчикъ, роговый,
Та озми го, мамко, въ ручку,
Та росчеши русу косу пôдъ вѣнчикъ!»

17.

Когда убираютъ въ вѣнокъ:

Ой дедичокъ не вôтчимъ,
Выкупить вѣночокъ мае чимъ:
Дастъ червоного золотого
Вôдъ вѣнка зеленого.

18.

Идя къ вѣнчанію:

Ой нема Попа дома,
Ой поѣхавъ до Львова
Ключики куповати,
Церковцю розмыкати,
Изъ межи насъ двое дѣтей звѣнчати.

19.

«Не плачь, мамко, за мною,
Не все я забрала съ собою:
Лишила 'мь слѣдочки по двору,
Дрôбненькіи слêзоньки по столу,
А ключики въ полицѣ,
Молодшой сестрици̂!»

20.

Возвращаясь изъ церкви:

Дякуемо Богови,
И нашему таткови,
Що насъ не забавивъ,
Богато не заправивъ
У пана молодого,
Жовтого червоного,
А вôдъ пани̂ молодои
Сорокôвця бѣлого.

21.

Ходили 'сме до церкви,
И що 'сме тамъ видѣли?
Два вѣнци̂ на стѣнцѣ,
Молодому на шапочцѣ,
А молодôй чêвочцѣ.
Теперь я, лельку, ни̂ твоя,
А ни̂ сама своя,
Лишень того пана,
Що 'мь съ нимъ слюбъ брала.»

22.

Ой въ городцѣ буждеречко сіяе,
А на тото еѐ лелька сзырае:
«Не дивися, мôй дедечку, на мене,
Ни чо 'мь файне не зносила у тебе!
Купивъ менѣ Василечко у Львовѣ,
За чотыре червоній.»

23.

Не знала я, моя мамко,
Що я буду заручена,
Пôшла бы я въ чисте поле
По стадо воронее
Свое зѐлье страптовати,
Другимъ дѣвчатамъ на радости,
Своей мамцѣ на жалости:
Моя мамка въ городъ гляне,
Моей мамцѣ серце звяне.»

24.

Бояре поютъ:

Сонце за дѣлъ,
Хлопцій за стôлъ:
«Убирайся, выряджайся
Гречна панно зъ нами!»—
«Уберуся, не боюся,
Єсть у мене родный дедя,
Не дасть мене;
Уберуся, выряджуся,
Мамка, дедя, мене не дасть,
Але братчикъ мене продасть;
А мôй братчикъ Татаринъ,
Продавъ сестру за таляръ.»

25.

Заводины:

Зазвонили два колоколы въ полѣ,
Зарзали ворони̂ кони̂ на бродѣ,
Злинули два Ангелы изъ неба,
Сѣли въ Пана Петра на во̂кна,
А зъ во̂конця передъ Мари̂чку на столикъ,
Пустили паволоченьки до землѣ,
Постелили бѣлёсенько по дворѣ,
Йшла жь ними молода Мари̂чка на посагъ,
Стрѣтилася съ своимъ дедемъ на дверяхъ:
«Богъ помагай, мо̂й дедечку, до тебе!»—
«Богъ помагай, мо̂й сыночку, одъ мене!»—
«Одъ кого жь то поставъ посагъ, мой дедечку?»—
«Одъ Бога и старыхъ людей, сыночку!»

26.

До повницѣ припѣваютъ:

Бинькала бчо̂лка на цвѣтку,
Плавала чешка въ медку;
Бѣгала рыбка, по водѣ грала,
И золотенькі̂ перочка мала,
Повночки наповняла.
Чіи жь тото повночки
Столомъ редочкомъ стоетъ?
Стань, Мари̂чко, на но̂жки,
Озми въ ручки повночки!»
Встала Мари̂чка на но̂жки,
Взяла въ руки повночки,
Честуе свого дедичка:
«Одъ тебе, дедю, не много,
Лишь бѣлого сороко̂вця одного.»

27.

Передъ вѣнчаніемъ, идя въ церковь:

«Ой вѣнче, вѣнче, барвѣнче,
Куповала 'мь тя въ ринку,
Замыкала 'мь тя въ скринку:
Теперь тя рушу,
И заплакати мушу!»

28.

Когда деревцѐ убираютъ:

Чорная гала, гала,
Надъ лѣсомъ лѣгала,
Идъ лѣсови припадала:
«Ой лѣсе, лѣсе, розлуко моя,
Листочку съ тобою!»
Молода Марѝчка
За стôлъ сѣдае,
Дъ столови припадае:
«Ой столе, столе, розлуко моя,
Дедичку, съ тобою!»

29.

Розсыпалася руточка
Зъ золотого кубочка:
«Ой рутко жь моя,
Дрôбна, зелена,
Съ кѣмъ же жь тя маю брати?
Ходи, дедику, зо мною,
Най сберу рутку съ тобою!» —
«Бôгъ ме, сыночку, не пôду,
Бо я за жäль еѐ не сберу.»

Розсыпала ся руточка и т. д.
«Ходи, мамочко, зо мною,

Най сберу рутку съ тобою!»—
«Бôгъ ме, сыночку, не пôду,
Ба я за жäль её не сберу.»

Розсыпалася руточка
Зъ золотого кубочка:
«Ой, рутко жь моя,
Дрôбна, зелена,
Съ кѣмъ же жь тя маю брати?
«Ходи, Васильку, зо мною,
Най сберу рутку съ тобою!»—
«Пôду я, миленька, съ тобою,
Посбираемъ руточку съ собою!»

30.

Зацвѣли фіявочки по горѣ,
Бинкала бчѣлочка впередъ нѣ:
Мати доньку годовала,
Лишь чäсточка ёй ся впала.—
Чтыри разы по дудочцѣ
За купанье матêночцѣ,
За пôзднее ляганечко,
За ранее вставенечко.

31.

Идучи къ вѣнчанію:

Хмелемъ коло двору,
Вѣнцемъ коло столу,
Цешицями по столу,
Боже, васъ благослови,
И отець и мати
На посагъ поступати!
И въ суточки тѣсніи
Идутъ Бояре красніи,
Молодый на самъ передъ,

Коникъ ся розигравъ
И виноградъ вытоптавъ:
«Уставай, Марѣчко, раненько,
Та поливай виноградъ чӓстенько,
Щобы тотъ виноградъ зеленъ бувъ,
Щобы твôй молоденькій веселъ бувъ!»

32.

«До суду, моя мати, до суду,
Выряджай свою доньку до слюбу!
Ой дякуемо Богонькови,
И нашому Попонькови,
Що насъ не забавивъ,
Не богато въ насъ грошей правивъ,
Лишь одного червоного
Въ пана молодого.»

32.

Ой по пôдъ лѣсокъ шовкова травиця,
Середъ лѣсочка студена кирниця,
Тамъ староста коника напоюе,
Тамъ свашечка водицú присыпае,
Еѐ староста съ собовъ пôдмовляе:
«Колись такій панъ,
Пріими мене пôдъ жупанъ!»—
«А я жупана не маю,
Пôдъ гуглю пріимаю.»

«Ступай, свашечко,
На бѣвъ-бѣленькій камень,
Изъ каменя бѣленького
У золотый стремень,

Изъ стременя золотого
На коня вороного,
А зъ коня вороного
За мене молодого!»

34.

Прилетѣло пташа,
Сѣло собѣ у поддаша:
«Ой выйди, мамко, поглянь,
Чи твое дитя на кони пошите,
И рантушкомъ покрыте!»

35.

Когда деревцо убираютъ:

Збôрная Суботонька, збôрный день,
Ходила Марêчка на ввесь день,
А збирала збôръ въ лельковъ домъ,
Та прибрала в'на дружечки на приборъ,
Посадила дружечки по за столъ,
Сама сѣла звыше всѣхъ,
Та й склонила головочку нижe всѣхъ,
И задала в'на гадочки збольше всѣхъ,
Якъ свого свекронька назвати:
«Я жь бы го назвала лелечкомъ—не буде.
Лишень мому серденьку жаль буде.»

Збôрная Суботонька и пр
Якъ свою свекруху назвати:
«Назвала быхъ єѣ мамкою—не буде,
Лишь мому серденьку жаль буде.»

36.

(Къ № 11 и 12.)

Въ насъ кухарки красни̂,
Красно ѣсти заварили:
Ярмомъ затопили,
Занозомъ загнѣтили;
Красно ѣсти намъ зварили,
Скатерти ильчати̂ застелили,
Студенци̂ свинячи положили,
Все голубци̂ капустяни̂,
Юшове бараначи̂,
Кашове молочни̂.

37.

Божій столе,
Князскій зборе!
Проситъ сватъ и сваха,
И пань молодый
И пани̂ молода,
Ѣсти, пити,
И сесь дôмъ веселити,
Киноваръ покрывае,
И людемъ почäщае.

38.

Ой у Львовѣ на рыночку,
Торгуе Вôрмянинъ Вôрмяночку,
Дае вôнъ за ню сто червоныхъ,
А не хотя' в'ни ê продати, а ни̂ дати,
Лишь хотя' на сторону дати.

39.

Не рôй ся роитъ,
Але пропôй ся строитъ:
«Пôдъ гору, пропôйцы, подъ гору,
Пôдъ червоную корогву;
Яка тота корогва червона,
Така наша молоненька здорова!»

39.

Та добрая годиночка настала,
Марêчка по лелечку прислала,
Та наймила штыри конй
Пятый вôзъ,
А шестого возничика,
Щобъ привêзъ,
Та дала ему червоного
На страву,
Щобы прійшовъ молодый Княгинѣ
На славу.

41.

Ой летѣли бѣли гуси по надъ садъ:
Та чăсъ тобѣ, Маріечко, сѣдати на посагъ.
«Що вамъ, бѣлй гуси, до того,
До моего посагочку любого?
Та е въ мене рôдный дедикъ до того,
До моего посагочку любого.»

42.

Убита дорôжка до Львова,
Обсажена виноградцемъ дорога,
Ишла жь туда Маріечка, заснула.
За невъ, за невъ êê дедикъ, а в'на не чула:

«Рубавъ бы я виноградець—не вмѣю,
Буджäвъ бы я Маріечку—не смѣю.»

Убита дорôжка до Львова, и т. д.
За невъ, за невъ, ее мамка, а в'на не чула:
«Рубала бъ я виноградець—не вмѣю,
Буджäла бъ я Маріечку, не смѣю.»

Убита дорôжка до Львова,
Обсажена виноградцемь дорога,
Ишла жь туда Маріечка, заснула,
За невъ, за невъ, ее дедикъ, а в'на не чула:
«Врубаю я виноградець, бо вмѣю,
Збуджäю я Маріечку, бо смѣю.»

43.

Когда приходитъ невѣста отъ вѣнчанія:

«Выйди, мамко, зъ хаты
Напротивъ свого дитяти,
Съ добрыми гадочками,
Съ ярыми пшеничками,
И съ повными повночками!»

44.

Крутое деревце, витое,
Въ темнôмъ лузѣ рубано,
Тихимъ Дунайцемъ спускано,
На жовтôмъ пѣску тесано,
На тихôмъ Дунаю ловлено,
А въ новû дворы внесено,
На тисовû столы кладено,
На ильчистôй скатерти вбирано.

45.

Когда Княгиню расплетают:

«Ой чеши, мамко, дрôбницѣ
До самои сподницѣ!
Чеши жь ихъ, мамко, по воли,
Бо не будешь вже чесати николи!»

46.

«Розвѣй, вѣтроньку, росу косу
По золотому просу!
Та не жаль же менѣ
Росои косы, ни дѣвочои красы,
Але жаль менѣ матêночки,
Що не мае послугочки,
Що никому рано встати,
Короводьки заганяти!»

47.

Готовясь къ вѣнчанію:

«Чій тото кôнь по горѣ играе,
Та й копыточкомъ камêнь разбивае,
Шовковымъ фостомъ слѣды замêтае,
Кейлововъ гривков все поле застелае,
Ясными очками въ садочокъ назирае,
Чуйными ушками въ садочку наслухае,
Чуе тамъ въ садочку сивую зазульку?
«Чому ты, зазульно, рано не кукуешь?
На другу весну не будешь,
Зеленѣ гаички забудешь!»

Чій тото кôнь по горѣ играе и т. д.
Чуе тамъ въ садочку молоду Марêчку:
«Чому ты, Марêчка, не плачешь?
Другій разъ дѣвковъ не будешь,
Славніи вечерницѣ забудешь!»

48.

Когда Княгиня собирается ѣхать съ Княземъ до его жилища:

«Куда мя, моя мамко, выряджäешь въ ночи?
Дай же менѣ, моя мамко, соловятко,
Шобы менѣ раненько спѣвало,
Шобы мене, молоденьку, буджало!
Бо свекруха, не матêнка:
Не буде будити,
Хиба буде съ сосѣдми судити.»

49.

Боярамъ поютъ:

«Свѣти, посвѣти, ясный мѣсяцю, надъ нами,
Ой выбирайся, пышна молода, изъ нами!»—
«Выбирайтеся, пышніи Бояре, безъ мене,
Бо я ся маю съ своимъ дедемъ справдати,
Щи мае менѣ сто коровъ подати,
Сто коровъ подати, а все съ теляты.»

50.

«Братчику одинчику,
Сядь собѣ на стôлчику,
Правь собѣ червоного
У пана молодого!»
Татаринъ братчикъ, Татаринъ,
Продавъ сестру за талярь!

51.

Лежäли бервы бервêнковіи:
Ѣхавъ староста зô Львова,
На нêмъ сорочка шовкова:
«Ой ты, старосто, Подолянине,

Що жь хорошо ушита!
Шила её свашечка
Яснои нôчки при свѣчки,
Ясной днинки у склянки,
Ясного сонця у вôконця.»

52.

Ой по пôдъ гай дороженька городжена,
Пôдля неё калинка посаджена,
Ѣхавъ же товъ дорôжковъ староста,
Хотѣвъ тоту калинку стинати,
Яла дъ нему калинка промовляти:
«Ой стôй, старосто, не стинай!
Не для тебе та калинка саджена,
Є для тебе свашечка уряджена.»

53.

«Ой ты, зименько, ты студененька,
Чомъ рано наступаешь?
Ой ты, Марйнько, та молоденька,
Дъ кому ся привертаешь.»—
«Привернула бымь ся дъ мому дедикови,
Дедя мене не хоче
Ни годовати, ни одѣвати,
Лише мя хоче на сторону дати.»

Ой ты зимонько, ты студененька, и т. д.
«Привернула бымь ся идъ мамочцѣ,
Мамка мене не хоче
Ни годовати, ни одѣвати,
Лише мя хоче на сторону дати.»

«Ой ты зимонько, ты студененька,
Чомъ рано наступаешь?
Ой ты, Марйко, та молоденька,
Дъ кому ся привертаешь?» —

«Приверну ся идъ Василькови,
Василько мене хоче
И годовати и одѣвати,
Не хоче мене никому дати.»

54.

Сиротинская:

«Ой ты, гороньκо, та й высокая,
Чомъ въ тобѣ пеньковъ много?
Ой ты, Марêчко молоденькая,
У тебе лельковъ много,
А рôдного ни одного,
А жалости ни вôтъ кого.

Сусѣдочки, голубочки,
Сходитеся до купочки,
До нашои сирôточки:
Ой идѣте и зôзнайте,
Що сирôточка дѣе!
Сирôточка дъ столови припадае,
Дрôбными слёзами стôлъ поливае.»

55.

Когда Княгиня идетъ къ вѣнчанію:

Въ Недѣлю рано
Во всѣ звоны зазвонили,
А ще найраньше
Въ сёмъ домѣ засвѣтили,
Мамка донечку
До слюбу выраджäе:
«Ой иди, сынку,
До Божого дому:

Рученьки сложи,
Головку склони,
Запроси щире Бога,
Щобы ти добра доля!»

56.

А въ Недѣленьку рано
Море се розиграло,
Не море то играло,
Але сонце се купало,
А Марѣчка зазирала,
Та й у море упала:
«На жь тобѣ, татку, ручку,
На жь тобѣ, татку, и обѣ,
Выйми жь ты мене дъ собѣ!» —
«Не моя жь то, сынку, воля,
Выймити тя зъ моря.»

А въ Недѣленку рано и т. д.
«На жь тобѣ, мамко, ручку,
На жь тобѣ и обѣ,» и пр.

А въ Недѣленьку рано
Море се розиграло,
Не море то играло,
Але сонце се купало,
А Марѣчка зазирала,
Та й у море упала:
«На жь тобѣ, Васильку, ручку,
На жь тобѣ, Васильку, и обѣ,
Озми жь ты мене дъ собѣ.» —
«Моя, Марiѣчко, воля
Взяти тебе дъ собѣ.»

57.

За воротѣчки быстрыи рѣчки
Съ новыми кладками,
Ой ишла жь туда панна молода
Съ своими дружками,
Ой а за невъ, за невъ, ей матенька
Съ добрыми гадками:
«Чи не жäль ти, сынку,
Подвôрья моего?»—
«Не жäль ми, мамко,
Подвôрья твоего,
Але ми жäль русои косы
А дѣвчои красы.
Дѣвки играютъ,
Всѣ косоньки маютъ,
Мене уже не пріймаютъ;
А хоть пріймаютъ,
Хоть не пріймаютъ,
Уже правду не повѣдаютъ.»

58.

Золоте перо спѣны гне,
Теперь донечка матѣнцѣ поклôнъ бье,
Татови, матѣноньцѣ дякуе,
Що они ѐ зъ маленьку згодовали,
Та й любого ся посагу дочекали.

59.

Высока верба, высока верба,
Широкій листъ пускае,
Велика люба̀, велика люба̀,
Серденько ввырае.

Не всѣ тоти садочки родять,
Що красно процвѣтаютъ,
Не всѣ тоти поберутся,
Що ся вѣрне кохаютъ.

60.

(Къ № 41.)

Убита дороженька до Львова,
Обсаджена калиночковъ до вкола.
Ишла туда Катеринка за снуромъ,
За невъ, за невъ, еê мамка, она вснула:
«Я бы рубала калинку—не вмѣю,
Буджäла быхъ Катеринку—не смѣю.»

Убита дороженка до Львова, и т. д.
За невъ, за невъ, Николайко, в'на вснула:
«Я рубавъ быхъ калиночку—умѣю,
Буджäвъ быхъ Катеринку, бо смѣю.»

61.

Студени̂ воды долôвъ подôлье займили,
А въ тôмъ подôлью червони̂ рôжи̂ зацвѣли,
Внадилася Марêчка въ тоти̂ рожи ходити,
Похваливъ же ся Василько еê тамъ зловити:
Наймивъ вôнъ êй сукно шити,
А поверхъ сукни̂ шовковый поясъ купити,
На бѣли̂ нôжки жовти̂ чобôтки зъ позлотки.

62.

Въ пропôй:

«Добрый день, сватове! Мы до васъ,
Залетѣло наше гуся межи васъ:

Хоть насъ до себе пріймѣте,
А хоть намъ гусятко вернѣте!» —
«Мы васъ до себе пріймемо,
А гусятко вамъ не вернемо.»

63.

Стала молоденька на валу,
А кивала на свôй рôдъ по малу:
«До мене, мôй родоньку, до мене!
Не будешь мати сорому за мене!
Хоть я и по ночи ходила,
То я при собѣ цноточку носила.»

64.

«А въ сêмъ садочку яблôночка винная,
А въ другôмъ садочку еще виннѣйша,
Сеся мамка вôдъ роднôи добрѣйша:
Она не пôде до коморы побудити,
Лише пôде до сосѣды посудити!»

65.

«Одтвори, мати, лѣску,
Ведемо ти невѣстку!
Одтвори, мати, лѣпянку,
Ведемо ти мѣщанку!
Одтвори, мати, вôконце,
Ведемо ти невѣстку, якъ сонце:
Велику, якъ драбину,
Зубату, якъ кобылу,
Коровы ти не здоитъ,
Бо ся хвоста боитъ,
А хлѣба ти не спече,
Бо êй зъ носа тече,» и пр.

Свадебная изъ Буковины:

Наша молода
Красна, якъ зоря.
Наша молода, наша,
Не залѣтала въ хмары,
Глядавши собѣ пары,
Та й спôймала пташа,
Хорошенького, молоденького;
Спôймала собѣ пташа
Сильцемъ крайнê тоненькимъ,
Серденькомъ щиренькимъ.

Наша молода, наша,
Спôймала собѣ пташа.
Перстенчикъ дорогій,
Чисто золотый,
Вôдъ миленького пташа,
Сердечно пріймаетъ
Свойму вручаетъ
Наша молода, наша,
Спôймала собѣ пташа.

XIII. Свадебныя пѣсни или ладканя, собранныя у Лемковъ, горцевъ Сяноцкаго Уѣзда, Алексѣемъ Торонскимъ, Священникомъ и Гимназическимъ Учителемъ въ Дрогобичѣ.

Свадебныя пѣсни (весѣльны спѣванки.)

Народъ Галицко-Русскій сопровождаетъ весѣлье (свадьбу) обрядами, и пѣснями, въ которыхъ преимущественно выражаетъ, какъ онъ понимаетъ значеніе брака. И дѣйствительно, пѣсни этѣ и по содержанію своему и по напѣву иногда такъ превосходны, что не наслушаешься ихъ, не налюбуешься ими. Горцы Сяноцкаго, Ясельскаго и Сандецкаго Уѣздовъ, которыхъ мы зовемъ Лемками, не имѣютъ иныхъ игръ народныхъ и обрядовъ, кромѣ обряда свадебнаго съ пѣснями. * Уже по тому, что въ статьѣ моей «Русины-Лемки,» напечатанной въ «Зорѣ Галицкой, альбомѣ на 1860 годъ,» сказано было, стоитъ того, чтобы познакомиться съ пѣснями Лемковъ, тѣмъ болѣе, когда сообразимъ, что собраніе пѣсень этой вѣтви народа Русскаго составитъ когда ни будь матеріялъ для этнографа и историка.

Описывая свадебные обряды Лемковъ предупреждаемъ, что мы не имѣли въ виду всѣхъ Лемковъ, а только средоточіе ихъ, т. е., жителей, обитающихъ межъ рѣками Вислокомъ и Вислокой, надъ Ясломъ, притокомъ послѣдней рѣки. Хотя весѣльный обрядъ и пѣсни свадебныя у Лемковъ и удержались въ большей чистотѣ, однако жъ къ западу отъ Вислоки много потеряли они, принявши въ себя немало стихіи Словацкой; ибо не только пѣсни изъ Словенчины, но и вѣнецъ невѣсты (молодицѣ) и уборъ головы ея отмѣнны. Надо еще примѣтить, что тамъ, то есть, по Вислоку и Вислокѣ свадьба совершается у невѣсты весьма коротко, а происходитъ собственно у жениха (молодця), когда, напротивъ, по сю сторону Вислоки у обѣихъ одинаково, даже еще больше у невѣсты. Свадебный обрядъ у Лемковъ составляютъ: I. Спросины; II. Руковины; III. Самое Весѣлье.

---

* Это не точно, такъ какъ Лемки отправляютъ и другіе обряды съ пѣснями, каковы: Колядки, Соботки, Крестины и т. д.

I. Спросины.

Паробокъ (парень), высмотрѣвъ себѣ дѣвушку, которую онъ хочетъ имѣть подругой, посылаетъ двухъ, или больше, старыхъ мущинъ, чтобы «просили её за него.» Пришедши въ домъ, гдѣ живетъ дѣвица, здороваются по обычаю, становятся на срединѣ избы подъ крестомъ * и начинаютъ уговариваться. Если отецъ думаетъ выдать дочь за того паробка, за котораго просятъ, то призываютъ мать съ дочерью и соглашаются. Потомъ «просатари» (просители) вынимаютъ фляшку горѣлки и просятъ господаря (хозяина) о чарочку. Если не отказано, то подаютъ чарочку, и почтиваютъ ихъ: если же отказано, то чарочки ни какъ не подадутъ просатарямъ, и по тому они должны ити къ сосѣду просить чарочки, чтобы горѣлку выпить и не нести ее назадъ. Однако жь, отецъ прошеной дѣвушки сей же часъ возвращаетъ деньги за выпитую горѣлку. Иногда случается и такъ, что съ начала согласятся родители и дѣвушка, но потомъ, по какой ни будь причинѣ, принуждены бываютъ взять назадъ данное слово, и тогда возвращаетъ отецъ деньги за выпитую при спросинахъ горѣлку, и то значитъ, что уже отказано, больше не нужно ни чего говорить. Женихъ самъ не идетъ съ просатарями въ домъ дѣвицы.

II. Руковины.

Нѣсколько времени спустя послѣ спросинъ наступаютъ заручины, руковины (обрученіе). Въ опредѣленное время, въ недѣлю, или двѣ послѣ спросинъ, или позже, ожидаютъ въ домѣ невѣсты «иношевъ» т. е., жениха съ сватами. Поздно въ ночь сваты подъѣзжаютъ на коняхъ, входятъ въ хату и просятъ о принятіи на ночь. Газда (хозяинъ) спрашиваетъ, откуда они? Старѣйшій сватъ отвѣчаетъ, что они приходятъ отъ востока, или отъ запада, или отъ юга, или же сѣвера, смотря по помѣстности, изъ которой пришли. Газда спрашиваетъ, что они за люде, чего такъ поздно ѣздятъ и есть ли у нихъ какое нибудь письмо? Сватъ отвѣчаютъ, что они добрые люды показуютъ будто бы письмо, и извиняются, что они сблудили съ

* На главномъ поперечномъ бревнѣ, держащемъ потолокъ, всегда находится вырѣзанный крестъ.

дороги, и увидѣвъ свѣтло (огонь) въ этой хижѣ, за нимъ пришли сюда и просятся на ночлегъ. Газда, выслушавъ это и посмотрѣвъ на письмо, проситъ ихъ садиться за столъ и принимаетъ на ночь. Нужно замѣтить, что въ сваты всегда идутъ неровнымъ числомъ, «щобы ихъ было не до пары.» Усѣвшись за столомъ, начинаетъ старшій изъ сватовъ говорить: «Всѣ, молъ, имѣютъ пару, а только одинъ Н. не мае пары: чи не нашла бы ся ту для него пара?» Хозяинъ отвѣчаетъ: «У насъ нѣтъ, може где на иномъ мѣстѣ найдется.» Но сваты отвѣчаютъ, что они тутъ видѣли дѣвицу, которая была бы хорошей четой для паробка, и просятъ показать ее. Хозяинъ позволяетъ посмотрѣть на нее. И тогда выводятъ изъ коморы другую дѣвушку и спрашиваютъ сватовъ: «Чи то та?» сваты отвѣчаютъ: «Мы и тоту шануемъ, и тою не гордимъ, но мы хочемъ иной.» Иногда выводятъ въ шутку парня, одѣтаго въ женское платье, которому потомъ кто ни будь сорветъ платокъ съ головы, и всѣ хохочутъ: «О! Жидôвка, съ обстриженнымъ волосьёмъ.» Сваты не хотятъ ни ѣсть, ни пить горѣлки, которую съ собой принесли и на столъ поставили, а все только просятъ «о молодицю.» Наконецъ отецъ сдается, и самъ выводитъ ее въ комнату. Сваты снимаютъ съ головъ своихъ капелюхы, шляпы, которыхъ по сю пору сидѣли, и спрашиваютъ жениха: «Чи тота»? Онъ отвѣчаетъ: «Та». Тутъ онъ выходитъ изъ за стола, беретъ невѣсту за руку, цѣлуются, обращаются около и садятся обое за столъ, за чѣмъ слѣдуютъ угощеніе. Послѣ того «молодиця» (невѣста) пришиваетъ «молодому» (жениху) къ шляпѣ «стяжку» (ленту) и закладаетъ за нее «покрейтку», т. е., цвѣты, или павлиное перо. Послѣ угощенія дарятъ другъ друга «молодые», дары, «хусткы, или рушникы», потомъ прощаются сваты съ молодыми, отходятъ, невѣста провожаетъ жениха на дворъ (подворье), и тутъ получаетъ отъ него деньги «на чепець.» Такъ кончатся руковины. Пѣсень никакихъ не поютъ, ни дружбовъ, ни дружокъ, еще нѣтъ избранныхъ. «Стяжку и покрейтку»носитъ молодый на шляпѣ до самой сватьбы.

III. Весѐлье.

Самое весѐльє (свадьба) начинается обыкновенно въ Субботу Передъ весѐльемъ избираетъ себѣ невѣста «дружку», а женихъ «дружбу», потомъ «свашокъ» и прочихъ, къ обряду нужныхъ лю-

дей. Весѣлье происходитъ какъ у «молодицы» (невѣсты), такъ и у «молодця, у молодого» (жениха).

А. У молодой.

1. Оплясчины.

Молодая, наряженная, какъ обыкновенно наряжаются дѣвушки въ праздникъ, идетъ прежде всего по дружку, приводитъ ее въ родительскій домъ, и становятся обѣ по срединѣ хаты. Скрыпачи играютъ на грустную ноту и невѣста кланяется всѣмъ, т. е., впередъ родителямъ, потомъ сродникамъ, и другимъ присутствующимъ, и проситъ «о благословеніе». Потомъ начинаетъ съ дружбой какую нибудь пляску; всѣ пляшутъ до поздней ночи, иногда и до утра. Въ тотъ же вечеръ приходитъ молодый съ дружбою къ молодой «по сорочку». Молодого и дружбу угощаютъ, и молодая даетъ ему новую сорочку, которую она сама шила, послѣ чего они оба уходятъ. Если село, въ которомъ живетъ женихъ, отстоятъ далеко отъ мѣста пребыванія невѣсты, то беретъ онъ сорочку передъ самымъ вѣнчаніемъ отъ молодой. Это называется «оплясчины.»

2. Витье вѣнцовъ.

Въ Недѣлю (Воскресенье) утромъ наступаетъ плетеніе вѣнца, на который молодая должна принести барвêнокъ сама. Утромъ вставши идетъ она проситъ женщинъ и дѣвицъ «до витья вѣнца.» Женщины собираются и вьютъ вѣнцы «для молодця и для молодицѣ.» До вѣнца складаетъ первый пучокъ барвêнка какой ни будь мальчикъ, далѣе плетутъ женщины и дѣвушки. На вѣнецъ берется: барвêнокъ, ряса изъ «богатого вôвса», головка чесноку», и все то связывается волняными снурками и мажется медомъ. Вѣнцы вьютъ по сю сторону рѣки Вислоки больщіе, за Вислокой же многимъ меньше. Дружка вьетъ сама себѣ вѣнецъ, поменьше невѣстина вѣнца. Въ то же время пекутъ въ домѣ молодой «балець», т. е., хлѣбъ, о которомъ рѣчь еще впереди. При витьи вѣнцовъ поютъ слѣдующія пѣсни:

1.

Въ нашого сосѣдонька
Заклада'ться гостинонька:
Радъ бы весêлья справляти,
Люди пошановати.

2.

На пôдѣ зêлья,
Въ хижѣ весêлья:
«Сонди, Господи, зъ неба,
Бо намъ Тя завсе треба,
Вѣноньки зачинати,
Щастечкомъ укладати!»

3.

Встала Марися рано,
Ще раньше, якъ свитало,
Почала ся журити,
Же нѣтъ съ чого вѣнци вити.

Пришолъ до нêй
Василько êй:
«Не журися, Марисенько,
Мамъ я таляръ битый,
Куплю вѣночокъ витый;
Ой мамъ я и червеный,
Куплю вѣночокъ зеленый!

Такій вôнъ буде красный,
Якъ мѣсяченько ясный;
Такы на нêмъ листочкы,
Якъ на небѣ звѣздочкы.»

4.

Для сироты же поется слѣдующая пѣсня:

Ой знатися, знати,
Же Гануся сиротонька:
Не збирае ей мамонька;
Бо маменьки не мае,
Родинонька не дбае;
Бо ей мамонька
По пôдъ небеса ходитъ,
Богу ся твердо молитъ:
«Эй, Боже, Боженьку!
Спусти же Ты мене
На чорну земленьку
Бо якъ Ты мя не спустишь,
То я ти Тя скраду,
Съ добрымъ дожджомъ впаду,
Пôля дорôжонькы сяду,
Тамъ я буду видѣти
Кады й пôдутъ мои дѣти.»

5.

Нашь вѣненьку зеленый,
Дай намъ ся красне вити,
Бо южь въ тобѣ не ходити,
Лемъ едну Недѣленьку,
Въ Понедѣлокъ годиноньку!»

Свитые вѣнки кладутъ на хлѣбы, лежащіе одинъ на другомъ, положенные въ пшеницу. Въ верхномъ хлѣбѣ находится восковая свѣча. При этомъ поютъ:

6.

«До вѣнка зеленого
Просте татонька мого!»

или:

Просте мамоньку мою!
Няй слôвце промовитъ,
Няй мня благословитъ?»
А татонько (мамонька) такъ мовитъ:
«Няй тя Богъ благословитъ!»

Послѣ этой пѣсни кланяется снова невѣста и проситъ у родителей благословенія, разъ, другой и третій. Послѣ благословенія невѣста преклоняетъ колѣна въ концѣ стола на подушку (заголовокъ), у которой на всякомъ изъ четырехъ угловъ прошитый барвêнокъ. Къ ней приступаетъ какой ни будь мальчикъ, или парень, и расплетаетъ ей косу, а ленту изъ косы беретъ онъ себѣ. Потомъ разчесываетъ волосы какая ни будь женщина, при чемъ поютъ:

7.

«Дуй, вѣтре, дорогою,
За мною молодою!
Ростре́пь косоньку мою,
Ростре́пь же ей до волоска,
Нехай иде поголоска!»

Послѣ сего кладутъ вѣнецъ на голову невѣсты; она наряжается совсѣмъ, и снова кланяется всѣмъ, прося о благословенія, при чемъ играютъ скрыпки трогательныъ тономъ. За Вислокой нѣтъ вѣнкоплетинъ, при томъ выше приведенныхъ пѣсенъ совсѣмъ не знаютъ, по той причинѣ эта часть обряда у невѣсты не бываетъ: невѣста сама себѣ вьетъ вѣнецъ безъ всякихъ обрядностей.

Б. У жениха.

Молодой (женихъ) съ дружбою спрошаютъ свашки, старосту и сващаковъ. Подобно какъ у невѣсты, начинается и у него весêлье. Молодецъ (женихъ) принимаетъ благословеніе отъ родителей и идетъ съ дружбою къ невѣстѣ по сорочку.» Возвратившись домой, начинаетъ онъ пляску съ дружбой, и пляшутъ до поздней ночи.

Свашки заняты печеньемъ двухъ короваевъ, одного для Священника, а другого для матери невѣсты. Въ спеченый коровай втыкаютъ шестивѣтвенный сосновый вершокъ, украшенный барвѣнкомъ, калиной, рясою и яблоками.

Въ Недѣлю рано сходятся въ домъ жениха, пляшутъ, кушаютъ и собираются къ невѣстѣ. Передъ отъѣздомъ къ невѣстѣ свашки поютъ:

1.

«Эй, панове сватове, о дорозѣ чуйте,
Кониченьки сой (собѣ) куйте!» —
«Давно мы о нѣй чули,
Коникеньки мы покули.» —
«Куйте же го на остро,
Дороженька не близко!»

«Теперь ся, Ваню, въ дорогу,
Не забывай о дому:
Бо ти родина вбога .
Кого лишишь дома?» —
«Татонька (мамоньку) лишу дома.»

2.

«Складывайте жь молодому
По червенôмъ золотому,
И гудачкови
По дудочкови:
Обѣцявся намъ грати,
Ажь въ Середоньку перестáти.»

3.

Послѣ сего складаютъ молодому и музыкантамъ деньги. По окончаніи ужина, выходятъ изъ за стола и поютъ:

Треба стôльця широкого:
Бо ту роду великого,

Єсть ту тои родиноньки,
Якъ у полю калиноньки.

4.

Отецъ, мать и родина садятся на столецъ, молодой кланяется имъ, прося благословенія, разъ, другой и третій, и при чемъ свашки поютъ:

«Грайте, гуселкы, рѣзко!
Кланяйся, Василю, низко,
Якъ отцу, такъ матонцѣ,
Такъ вшиткой родинонцѣ!»

«Благословь же, татоньку (мамонько),
Свое любе дѣтятонько!»
А татонько (матѐнька) такъ мовитъ:
«Най тя Богъ благословитъ!»

5.

Послѣ благословенія выходятъ изъ хаты, и свашки поютъ.

«Яворе, явороньку,
Оставай при домоньку,
Розвеселяй мамоньку,
Закля ся повернеме,
И чадо привеземе!»

Потомъ садятся на возъ. Дружба, староста и женихъ садятся обыкновенно на кони и ѣдутъ верхомъ. Когда сядутъ уже, почтиваетъ ихъ отецъ жениха горѣлкой, а мать кропитъ священной водой, и тогда отъѣзжаютъ при пѣніи:

«Вôзниче, вôзниченьку,
Затинай копиченькы!
Затинай ихъ на остро,
Дороженька не близко!»

7.

На дорогѣ поютъ:

«Пане Василю, Пане,
Въ твое войско стане,
Въ Н.... на рыночку,
Въ зеленôмъ барвѣночку.

Нашь Крôлю молоденькый,
Будь же намъ веселенькый,
Напередъ ся не вырывай,
Изъ заду не выставай!»

Идеме рѣченьками
За чорными оченьками;
Жебы Марися знала,
Же ей Василько иде,
Ставила бы мосты
Съ зеленыма покосты

8.

Когда уже недалеко села, или хаты молодой:

«Цы тото селенько,
Што въ нѣмъ наше чаденько?
Цы тото, цы не тото:
Кой въ нѣмъ саме золото.

Панове Тылявцы, но малу стрѣляйте!
Бо Тылява соломяна:
Якъ вы ей запалите,
Дорого ей заплатите.»

9.

Когда уже въѣзжаютъ на дворъ (подворье, рынокъ) невѣсты, поютъ:

На тôмъ рыночку слизко,
Приступуйме ту близко!
Бо намъ ту наречена,
Отъ Бога назначена.

10.

Слѣзши съ возовъ и съ лошадей:

«Передъ новыми сѣньми
Стоитъ коничекъ въ сѣдлѣ,
Выйдь го, Марисю, розсѣдлати,
И Василя привитати!»

11.

Когда въ домѣ невѣсты примѣтятъ, что приближаются уже сваты, затворяютъ дверь, а молода прячется. Сваты должны долго стоять передъ дверями, и рѣчами и пѣніемъ умолять ее впустить ихъ въ хату. При этомъ поютъ:

«Пустьте же насъ, пустьте,
Або намъ отворьте
Тоты воротенька,
Што за нима Марисенька!»

12.

Горовъ соненько грѣе,
Селомъ Василько ѣде,
Марися го съочила,
За татонька скочила:

«Эй, татонько душенько,
Запирай воротонька,
Не допущай зятенька!» —
«Якъ же го не пустити,
Кой (коль,) ся знае красне просити?
Такъ ся красненько проситъ,
Низко шапочку носитъ,
Низкима поклонами,
Красныма словами.»

В. Женихъ со сватами у невѣсты.

По долгомъ прошеніи молодаго, старосты, свaщаковъ и свашекъ, словомъ и пѣніемъ, отворяетъ отецъ дверь, впускаетъ гостей въ сѣни и почтиваетъ ихъ горѣлкой, при чемъ свашки поютъ:

1.

«Не чествуй же насъ ледомъ,
Лемъ солоденькимъ медомъ!»

2.

Староста проситъ пустить на отпочинокъ въ хату, на что отецъ невѣсты соглашается. Идучи черезъ сѣни, поютъ:

«Роспыхай свою хату
И тоты новы сѣни,
Жебы си сватове сѣли!»

3.

Проходя въ комнатѣ поютъ:

Павоньки пріѣхали,
Соколôвъ розôгнали,
Сами за стôлъ посѣдали.

4.

За столомъ встрѣчаютъ сваты юрбу (толпу) ребятишекъ, которыя не хотятъ ихъ пустить за столъ и поютъ:

«Не вступимеся съ кута,
Закъ намъ не дате дуката,
Дуката червеного
Отъ Кроля молодого.»

Дружба пугаетъ дѣтей, сначала чеканомъ (топорикомъ), но такъ какъ ребятишки не страшатся того, онъ бросаетъ одинъ грошъ между нихъ, и всѣ отступаютъ. Теперь начинается разговоръ между домашними и сватами:

5.

Домашніе:

«Сядьте, сваненьки, сядьте!
Барзъ васъ краснѣ просиме,
Закля васъ отгостиме!»

Сваты садятся и отвѣчаютъ домашнимъ:

«Не хочеме ѣсти, пити,
Ни за столомъ сидѣти,
Лемъ чадненько видѣти.»

Домашніе:

«Эй бо нашо чаденьно
Заяло въ поле стаденько.»

Свашки:

«Мы тамтадыль ѣхали,
Были мы го пôзнили.»

Домашніе:

«Не товъ 'сте стежковъ ишли,
Не до той 'сте хыжи пришли:
Тота хыжа мурована
И гонтами побивана.»

Свашки:

«Эй товъ мы стежковъ шли,
И до той мы хыжи пришли,
Тата хыжа будована,
И кычками пошивана.
Вкажьте намъ чадо, вкажьте,
Най мы го видиме,
За чѣмъ мы ся трудиме!»

Домашніе:

«Эй, нѣтъ чаденька дома,
Пôшла до Кракова,
Мёдъ, вино, куповати,
Тихъ сватôвъ честовати.»

Свашки:

«Эй, дома оно, дома,
Въ коморѣ, за столичкомъ,
Втира'тъ очка фацеличкомъ» (платкомъ).

Потомъ идутъ парни искать невѣсту, которая спряталась. Найдутъ дружку, дружку приводятъ въ хату и спрашиваютъ жениха: «Эту ли онъ желаетъ?» Сваты отвѣчаютъ, вмѣстѣ съ женихомъ, что они и «ту поважаютъ, и той не цураются», однако жъ все таки иной желаютъ. Парни опять идутъ искать молодую. Когда найдутъ ее, приводятъ къ сватамъ, и староста спрашиаетъ жениха: «Это ли его **нареченная**?» Женихъ, вышедши съ сватами изъ за стола, отвѣчаетъ, что та самая, беретъ ее за руку и обращаются обое кругомъ, послѣ чего садятся обое за столъ. Женихъ и невѣста узнаютъ свои платки, подаренные другъ другу на руковинахъ.

6.

Свашки поютъ:

Теперь 'сме выграли,
Кой 'сме чадо достали.

И начинается опять пѣсенный разговоръ между свашками и домашними ладкальницами.

Свашки:

Лѣсами мы ишли,
Лѣсами мы пришли,
Росичка на насъ впала,
Сукничкы намъ помачала:
Треба дати ручникы
Повтирати сукничкы.

Домашніе:

Эй бо наша Марися
Завчасу лёгала,
Пôзненько вставала,
На ручникы не напряла.

Свашки:

Эй бо наша Марися
Раненько вставала,
Пôзненько лёгала,
На ручники намъ напряла.

Домашніе:

Будеме поздёрья трясти,
На ручничкы прясти.

Потомъ дають родители свашкамъ ручники. Свашки опять начинають:

Не буде тому кôнця,
Закъ намъ не дате вѣнця,
Вѣнця зеленого
На Василя молодого.

Теперь подають вѣнецъ, уже прежде ушитый, который (какъ выше сказано) лежалъ на хлѣбѣ; невѣста сама беретъ вѣнецъ, и пришиваетъ его къ шляпѣ жениха, которую надѣваетъ ему на голову.

7.

Свашки поютъ:

«Просиме, ладкальницѣ, до насъ,
Отберьте колачъ отъ насъ!»

и отдаютъ домашнимъ хлѣбъ, съ собою принесенный, и поютъ:

«Просиме, панѣ матко, до насъ,
Отберьте коровай отъ насъ:
Нашъ коровай фиглёваный,
Нашь Василько малеваный!»

Потомъ приходитъ мать, пьетъ съ свашками горѣлку съ обыкновеннымъ привѣтствіемъ: «Боже, дай здоровья!» и принимаетъ коровай. (Надобно знать, что за Вислокой коровая нѣтъ, слѣдовательно, и этой пѣсни не поютъ). За столомъ сѣдящіе сваты, т. е., староста, свашки, свадщаки, дружба, потомъ молодые и дружка, ѣдятъ хлѣбъ, сыръ и пьютъ горѣлку; музыка играетъ, молодежь пляшетъ, и такъ продолжается до того времени, когда нужно ити къ вѣнчанію въ церковь.

8.

Нѣсколько минутъ передъ отходомъ въ церковь, свашки самы садятся за столъ и поютъ:

«Эй, схожайся, родина,
И съ гôрья и съ подôлья,
Съ семого поколѣнья!

Што за Божа година,
Не схожа'тся родина;
Ци 'сь поля не робила,
Ци ся въ корчьмѣ забавила?

Эй, схожайся, родина,
И съ гôрья и съ подôлья,
Зъ семого поколѣнья!
Єсть ту родиноньки,

Якъ въ полю калиноньки;
Треба стольця ширького,
Бо ту роду великого.

Эй, схожайся, родина,
И съ гôрья и съ подôлья,
Съ семого поколѣнья!»

При этомъ выносятъ лавочку, на которую садятся отецъ, мать и родина (старшіе въ родѣ). Молодые становятся передъ ними, среди хаты, и староста держитъ къ нимъ слово. Онъ начинаетъ обыкновенно отъ сотворенія міра, человѣка и ангела, переходитъ къ Адаму и Еввѣ, потомъ допускаетъ на то, что имъ обоимъ нужно побраться, къ чему необходимо имъ прежде всего благословеніе родителей и сродныхъ, по чему и призываетъ онъ послѣднихъ благословить; тогда кланяется первая невѣста, потомъ женихъ, прося благословенія разъ, другой и третій.

9.

При этомъ играетъ музыка унылые напѣвы, а свашки поютъ:

«Грайте, гусельны, рѣзко,
Кланяйся, Марисю, низко,
Якъ вотцю, такъ мамонцѣ,
И вшиткой родинонцѣ!

Благословь же, татоньку (мамонько),
Свое любе дѣтятонько,
Не едно, лемъ обое,
Бо то, татоньку (мамонько) твое!» —

А татонько (мамонька) такъ мовитъ:
«Най тя Богъ благословитъ!
Ставай, Марисю, до Божого дому,
До малженского стану!»

Г. Вѣнчаніе.

Послѣ благословенія уходятъ молодые со всѣмъ почетомъ въ церковь къ вѣнчанію. Невѣста идетъ съ дружкою, женихъ съ дружбою. Дружба несетъ хоругвь, а свашакъ коровай въ церковь.

1.

Идя въ церковь свашки поютъ:

«Де жь ты подѣешь, Марисенько,
Подъ Божій вѣнокъ стати,
Благословенство взяти?» —
«Пôдемо до церковцѣ
Порушати короновцѣ.»

2.

Возлѣ церкви же поютъ:

«Нашь отченьку духовный,
Дайте намъ слюбъ зуполный,
Дайте намъ го борзенько,
Бо намъ въ ноги зимненько!»

При вѣнчаніи молодый становится съ правой стороны. Во время клятвы (присяги) старается невѣста приклякнути молодому чугу (приклоняя колѣни, стать колѣномъ на свитку жениха), чтобы верховодила надъ нимъ, но женихъ бережется и не допускаетъ того. Подъ колѣни молодымъ подстелается холстяный ручникъ, въ которомъ спрятанъ хлѣбъ, послѣ вѣнчанія вынимаетъ невѣста небольшой колачикъ, разламываетъ его на двое, даетъ жениху и сама ѣстъ. Одна изъ свашокъ беретъ ручникъ, на которомъ на колѣняхъ стояли молодые, ударяетъ имъ черезъ плечо дружку, чтобы и она скоро вышла замужъ. Вышедши изъ церкви, набрасываютъ молодой на голову, посверхъ вѣнца, платокъ, и такъ она возвращается домой.

3.

Послѣ вѣнчанія поютъ свашки, идя изъ церкви:

«Ой теперь мы выграли,
Кой 'сме слюбу достали.
Присягала Марисенька
Три разы, разы,
Передъ образы,
Передъ Святовъ Пречистовъ,
Жебы была невѣстовъ.

Д. Послѣ вѣнчанія.

Послѣ вѣнчанія идетъ обыкновенно женихъ съ дружбой и со своими сватами къ своему родительскому дому, и невѣста тоже возвращается съ дружкой и своимъ свадебнымъ почетомъ въ свой же домъ. Однако же, если женихъ живетъ въ другомъ отдаленномъ селѣ, тогда невѣста идетъ съ дружкой напередъ домой, а за ними идутъ молодый съ своими сватами. Невѣсту съ дружкой сей же часъ пропускаютъ въ домъ, и она прячется, потомъ затворяютъ дверь и сваты должны опять просить, чтобъ ихъ впустили, при чемъ опять поютъ:

«Пустьте же насъ, пустьте,
Або намъ отворьте
Тоты воротенька,
Што за ними Марисенька!» и проч.

Послѣ долговременныхъ просьбъ отворяютъ дверь, отецъ пускаетъ жениха со сватами въ хату, и на порогѣ почтиваетъ ихъ горѣлкой, а

Свашки снова поютъ:

«Роспихай, свату, хату
И тоты новы сѣни, -
Жебы си сватове сѣли!»

«Павоньки приѣхали
Соколôвъ розôгнали,
Сами за стôлъ посѣдали,» и проч.

Пришедши въ хату, требуютъ невѣсты и поютъ:

«Вкажьте намъ чадо, вкажьте,
Най мы го видиме,
За чѣмъ мы ту все ходиме!»

И такъ наконецъ покажутъ имъ невѣсту, послѣ чего садятся за столъ, кушаютъ, пляшутъ и поютъ до полуночи.

а. Молодые собираются.

1.

На разсвѣтѣ садятся свашки за столъ и начинаютъ пѣть:

«Дайте на кухню знати,
Най намъ дають вечеряти,
Будеме ся выбирати:
Гуску печену,
Курку варену,
Дайте намъ вечеряти,
Будеме ся выбирати!»

И такъ даютъ вечерю, при которой сидятъ молодые, дружка и сваты. Послѣ вечери даетъ дружка дружбѣ платокъ и «покрейку», онъ же ей платитъ деньгами и поцѣлуемъ.

2.

Послѣ вечери свашки опять поютъ:

«Иди, пôздри, старостоньку,
Цы высоко мѣсяченько?
Не высоко, лемъ низко,
Дороженька не близко,

Дороженька далекая,
Ноченька невидная,
Мѣсячокъ надъ водами,
Соненько надъ горами.»

3.

«Качъ, качуре, зо двора,
Панъ староста зъ за стола;
Качъ, качуре, съ каченьками,
Панъ староста съ сванськами!

4.

«Збирайся, Марисю, збирай,
На мамоньку не позирай!
Бо ти ту не бывати,
Лемъ ся зъ нами выбирати.»

5.

«Зелена папородина;
Где ти, Марисю, загортина?» —
«Въ коморѣ, на вѣшалѣ,
Бо ми ся о нёвъ постарали.»

6.

«Збирайся съ нами
На яворови сани,
Бо южъ суть наверпены,
Кониченькы запряжены!»

7.

«Збирайся, Марисю, съ нами,
Берь щубоньки съ лисами,
Корсетикъ выбиваный,
Кабатикъ съ галёнами,
А запасочка Шлянска,
Вшитка выправа панска!»

6. Прощанье

1.

Предъ отъѣздовъ сващки начинаютъ пѣть.

Треба стольця широкого,
Бо мы роду великого,
Єсть ту том родиноньки
Якъ у полѣ калиноньки.

И снова засѣдаютъ родители и вся родина, а молодые кланяются какъ прежде; потомъ беретъ женихъ невѣсту за руку и ведетъ къ возу. Тоже берутъ ладу (сундукъ), подушки, перину и кладутъ на возъ. Перину долженъ дружба выкупить отъ того, кто ее несетъ на возъ.

2.

Свашки поютъ:

«Ты, мамонько, не фикай,
Лемъ ладоньку напихай!
А ты, тату, не плачи.
Лемъ вывожай рогачи
И коровичкы крайнй,
Што вызирають зо стайни.

Мамонько золотенька,
Бывайте намъ здоровенька!

Прійдеме ту въ Недѣленьку
На любую гостиноньку.

Дякуеме ти, мамонько,
За честь, за гостину
И за любую дитину,
Же есь намъ выховала,
Одъ огня варовала,
Одъ огня и отъ воды
И отъ вшиткой пригоды!

Мамонько золотенька,
Выпровадь же зятенька
По рыночку свѣченьками,
По за гору оченьками!

Повыбивай, матко, клинцй,
Где вѣшала Марися вѣнцй,
Няй ти не заваджають,
Няй ти жалю не додають!»

Послѣ сего молодые садятся на возъ, мать почтиваетъ горѣлкой и кропитъ св. водой, и тогда начинается истинно трогательное зрѣлище: «пращанье и жаль», какъ съ одной, такъ и съ другой, стороны. Мать слѣдитъ глазами за отъѣзжающей дочерью: уже и воза не видать и не слышно, а она все смотритъ и смотритъ, и частыя слезы орошаютъ ея ланиты. Равно и молодая обращаетъ тусклый взоръ изъ далека на родную хату, и радуется, когда узритъ съ горы хотя вершокъ хаты, либо липу, стоящую возлѣ нея. Трогательны и пѣсни, которыя ладкальницы и свашки при томъ поютъ.

3.

Домашніе:

«Вернійся, Марисю, верній,
Бо 'сь забыла ключи,
Горцй на полицѣ,
Въ тôй яренькôй пшеницѣ!»

Свашки:

«Взяла я ключи, взяла,
Пшеничку посѣяла

Тамъ, доловъ, на убочи,
Василёви предъ очи.»

Домашніе

«Наша Марися бѣла,
Где жъ намъ залетѣла?
Межи Завадскы гуси,
Тамъ привыкати мусит.»

Дружка остается дома, снимаетъ вѣнецъ съ головы и бросаетъ его за отъѣхавшими сватами. Послѣ отъѣзда поютъ ладкальницы.

4.

На дорогѣ поютъ свашки.

Ни нады, ни перины,
Ни наймильшой дитины.

5.

Горѣ селомъ идеме,
Бочку меду веземе:
Треба бочку розрубати,
И меду скоштовати.

6.

Идеме рѣченьками
Съ чорными оченьками,
Будутъ возы буднѣти,
Подковочки звенѣти,
Послухаютъ насъ люде,
Кедъ Марися добра буде.

в. Въ домѣ молодого.

1.

Пріѣхавъ передъ двери женикова дома, начинаютъ свашки пѣть:

«Выйди, мамонько космата:
Иде невѣста богата,
Веде ти коня въ сѣдлѣ
И сама иде въ сребрѣ!»

Послѣзавъ съ возовъ, молодый беретъ свою супругу за руку и ведетъ къ дверямъ, гдѣ ее женихова мать принимаетъ и снова за руку ведетъ къ печи, въ которой находится хлѣбъ. (Должно примѣтить, что мать всегда выходитъ въ кожуху выверненномъ, т. е., въ тулупѣ, обращенномъ шерстью вверхъ). При печи спрашиваетъ свекровь невѣстку: «Што жь тамъ, дѣвонько, въ пецу?» Невѣста отвѣчаетъ: «Хлѣбъ.» Мать: «Няй же тя ся тримаʼтъ на вѣкы!» Потомъ садятся за столъ; невѣстѣ даютъ мальчика на колѣни, а она даетъ ему колачикъ, яблоко и грошъ. Потомъ кушаютъ, послѣ кушанья же свашки поютъ:

2.

Слати, дружбоньку, слати,
Хоче Марися спати,
Прикладать головоньку
На свекрину постѣлоньку.

Горбкы, долинкы,
Шпилькы и иголкы,
Не може на нихъ спати,
Треба ей инши хати.

За Вислокой поется при томъ слѣдующее:

Спаць, пани молода, спаць,
Не по ночи черевичками трискаць.

Дружба идетъ на чердакъ постель стлать, постлавши же, ложится самъ на постель и не встанетъ, пока молодые не выкупятъ себѣ постели. Тогда ложатся молодые. Дружба дѣлаетъ надъ ними знамя креста, и кладетъ на нихъ, на покрывалѣ, знаки соломоi. Всѣ ложатся спать. Мать жениха усмажитъ (изготовитъ) потомъ яичницу изъ одного яйца, и несетъ въ запаскѣ на чердакъ къ молодымъ, которую они съѣдаютъ. Потомъ молодая сходитъ съ чердака, и ей велятъ хату подмести. Она сначала хочетъ выкупиться, но напрасно: она должна это сдѣлать, при чемъ ей безпрестанно препятствуютъ и разносятъ смѣтье (соръ); наконецъ невѣста даетъ которой ни будь изъ женщинъ деньгу, и та кончитъ заметанье, а она сама возвращается на чердакъ и ложится спать. Послѣ непредолжительнаго времени встаютъ свашки, зажигаютъ восковую свѣчу, вставляютъ ее въ мису пшеницы, берутъ горѣлку и идутъ на чердакъ, припѣвая:

3.

«Єй, добрый день, Марисенько!
Повѣджь намъ словенько!» —
«Єй повѣмъ я вамъ, повѣмъ,
Кой мй Василько здоровъ.»

На чердакѣ молодые лежатъ тихо, но пришедшіе смѣются надъ ними съ того, что знаковъ, положенныхъ дружбой, нѣтъ болѣе. Потомъ открываютъ молодыхъ и принуждаютъ ихъ встать, говоря что «хоть еще и хочется спать, но люди велятъ имъ непремѣнно встать,» и они встаютъ.

г. Почепины.

Когда встанутъ молодые, сажаетъ молодый свою супругу на колѣни, а она беретъ и держитъ въ рукѣ ту миску съ пшеничными зернами и горящею свѣчою, которую свашки принесли на чердакъ. Свашки снимаютъ съ ея головы вѣнецъ и поютъ:

1.

Ой, а вѣнецъ — мерзѣнецъ,
А хусточка — мати,
Треба ей шановати.»

Потомъ надѣваютъ ей на голову чепецъ и повязуютъ хусткою (платкомъ), но дружба не хочетъ допустить того, три раза срываетъ чепецъ съ головы молодой, говоря, что «ей такъ не красно!» Наконецъ таки надѣли ей чепецъ и повязали голову, «почепчили молоду», и поютъ:

2.

Шовковы почепичкы,
А яворове бердо:
Дай же намъ, Боженьку,
Повязати Марисю твердо!

Ой нѣтъ ту той мамонькы
Жаловати косонькы,
Што раненько вставала
И косоньку чесала.

3.

«Подумай, Марисю, собѣ
Цы не жаль буде тобѣ
Отъ паняночокъ одставати,
Межи невѣсты приставати?

Подумай, Марисю, собѣ,
Цы не жаль буде тобѣ
Той жовтой косоньки
И дѣвоцкой подобонькы?» —

«Южь емь сой подумала,
Же не буду жаловала.»

«Где ся косонька дѣла:
Цы въ поле полетѣла,
Цы на дубонька сѣла,
Цы ся въ хомевку свила?» —

«Ой дѣлася коса, дѣла:
Ни въ поле не полетѣла,
Ни на дубонька не сѣла,
Лемъ ся въ хомевку свила.»

5.

«Слядомъ, мамичко, слядомъ,
За своимъ бѣлымъ чадомъ,
Хоть бы 'сь му на слѣдъ стала,
То бы 'сь го не пóзнала.» —

«Якъ бымъ го не пóзнала,
Кой емь го выковала?» —
«Мы го такъ прибрали,
Жебы 'сте го не пóзнали.»

6.

За Вислокомъ же поютъ:

Морозъ, морозъ, велька зима:
Повѣджь мй, мила, где перина?» —
«Въ коморѣ е постелена,
Не пôду пôдъ ню, бо студена.»

Южець, пани молода, южець,
Не будутъ добры люде служиць.

На зеленôй пасѣцѣ розмарія квѣтне:
Чіе то дѣвчатко въ коморѣ завите?
А хто жь мй го завивъ,» и проч.

По «почепинахъ» почтиваютъ горѣлкой: пьютъ молода, молодый и прочіе; потомъ привязываютъ молодой вѣнецъ посверхъ хустки на головѣ, и ведутъ молодыхъ на рѣку до воды мыться.

7.

Свашки поютъ:

«До гати, Марисю, до гати,
Личенько обмывати,
Ой жебы было бѣле
И Василёви миле!»

Молодые моются въ рѣкѣ, и опускаютъ деньги въ воду. Послѣ мытья утирается молодая сорочкой молодого, онъ же утирается ея «оплочатемъ» (рубашкой). Послѣ того беретъ молодой свою супругу за руку и переводитъ ее черезъ воду туда и назадъ. Молодая набираетъ въ «кандейку» (кôнву, которую принесла съ собой) воды, и возвращаются домой. Другіе люди тоже бросаются въ воду.

8.

Свашки поютъ:

Гдѣ ся Марися мыла,
Тамъ Пресвятая Дѣва была.

Пришедши въ домъ, молодая становится на столъ и кропитъ водою изъ кандейки всѣхъ.

9.

Потомъ свашки поютъ:

«Выйди, Марисю, до стайницѣ
Покропити коровицѣ,
5 Хоть есь ихъ ту не нагнала,
Прось лемъ Бога—будешь мала!»

Молодая идетъ въ сарай и кропитъ скотъ, а когда возвратится въ хату, веселятся пляской. Послѣ того идетъ молодый съ дружбою въ домъ молодой невѣсты просить родителей и родственниковъ въ «приданы.» Замѣтить нужно, что когда отъѣзжаютъ въ домъ молодого, дружба и староста возвращаются изъ дороги и говорятъ: «Пришли мы васъ просити, жебы 'сте пришли видѣти, где 'сте свое чадо дали!»

д. Балецъ.

Молодая, оставшись дома, идетъ до «лады» и вынимаетъ оттуда ба ецъ», т. е., большой хлѣбъ, хустку (платокъ) и ленты, кладетъ все на свою голову и входитъ со старостой въ хату. Староста говоритъ: «Дай, Боже, добрый день!» Молодая вступаетъ на столъ и обращается три раза за солцемъ, потомъ садятся всѣ за столъ, староста беретъ ножь и рѣжетъ балецъ, а свашки поютъ:

«Край, староста, балецъ,
Жебы сѣ ся не врѣзавъ въ палецъ:

Яворовый тареликъ,
Балецъ якъ паперикъ!»

Маршалокъ стучитъ палицей въ главное бревно (грядки), говоря: «Пане отче и пани матко, просиме по себѣ на слово разъ, и другій, и третій!» Тѣ приходятъ и говорятъ. «Дай, Боже, добрый день!» Молодая даетъ имъ горѣлки, балця и сорочку. Староста же приказываетъ имъ невѣстку любить и шановать (жалѣть). Они благодарятъ и уходятъ. Потомъ приходятъ сестры, братья и родня молодого, и она даетъ имъ всѣмъ дары, т. е., кусокъ балця и платокъ, либо ленту.

Послѣ отъѣзда молодой изъ дома своихъ родителей всѣ домашніе ложатся спать, а передъ вечеромъ сходятся прошенные гости и родина на гостину. Музыка играетъ, начинаются пляски и продолжаются до утра, т. е., до времени, когда нужно въ приданы ити; тоже пекутъ хлѣбъ.

---

6. Приданы.

По просьбѣ молодого и дружбы идутъ родители и сродники молодой въ «приданы,» неся съ собой: хлѣбъ, сыръ, корѣйцу и кашу въ платкахъ. Дружба идетъ впередъ и извѣщаетъ, что идутъ «приданы» съ молодымъ. Молодая прячется въ комору; тутъ начинаютъ пѣть:

Приданы:

Наша Марисенька бѣла
Гдесь намъ залетѣла:
Межи Завадскы гуси,
Ту привыкати муси.

Домашніе:

Пришла приданска мати,
Нѣтъ ей што ѣсти дати:
«Втѣкай въ поле, баране!
Бо та съѣдять приданe.»

Приданы:

«Ой, не бойся, баране!
Сыты пришли приданы:
Зъѣли вола кормного,
И кормну корову
Взяли собѣ на дорогу.»

Приданы входятъ въ хату, садятся за столъ и просятъ выслать молодую. Здѣсь повторяется тотъ же обрядъ, о которомъ было упомянуто выше. Прежде всего высылаютъ кого другого, иногда какого ни будь паробка, переодѣтаго въ женщину, который, вмѣсто того, чтобъ цѣловать, кусаетъ приданыхъ. Наконецъ выходитъ молодая: она вступаетъ на столъ и привѣтствуетъ всѣхъ пришедшихъ, цѣлуетъ ихъ и садится за столомъ при своей матери. Тутъ припоминаетъ себѣ она еще разъ, какъ ей хорошо было при своей матери, въ отцовскомъ домѣ; что кончилась ея дѣвичья беззаботная жизнь и настало время заботъ; отъ этого начинаетъ плакать, повѣсивъ грустно свою голову. Понятно, что и въ материномъ сердцѣ шевелятся чувства радости и грусти, и что эти послѣднія все таки должны одолѣть,—и слезы льются рѣкой. Потомъ подаютъ ѣсть и пить. Въ хатѣ играетъ музыка, молодежь пляшетъ снова до утра. При удаленіи приданыхъ предлагаютъ опять ѣсть и пить. За тѣмъ наступаютъ

ж. Свацины.

Этотъ обрядъ названъ по тому такъ, что **свашки** и **свацаки** справляютъ «**гостину**» (угощеніе). Каждая свашка приноситъ хлѣба, сыра и еще что ни будь, а свацаки горѣлки, чѣмъ и угощаютъ всѣхъ присутствующихъ на свадьбѣ. При этомъ музыканты играютъ и гости пляшутъ. Въ заключеніе играетъ музыка трогательную мелодію, и гости расходятся Такимъ образомъ **кончается свадьба**. Изъ этого видно, что у Лемковъ свадьба отъ Субботы съ вечера до Середы. Однако не всегда начинается въ Субботу, иногда и позже; случается также, что свадьба иногда продолжается цѣлую недѣлю, а по обстоятельствамъ

пляски бываютъ дольше, или короче, равно какъ нѣкоторыя пѣсни пропускаются, либо повторяются и т. п.

---

9. Гостина.

Въ первую Недѣлю (Воскресенье) послѣ свадьбы пріѣзжаютъ новобранные (со сватами) въ «гостину» къ родителямъ молодой «гоститься» (угощаться), веселятся, и тѣмъ кончается весь свадебный обрядъ.

Русскіе крестьяне Земненской столицы села Русской Воли и дѣвушка Пряшевской столицы села Крестовѣя въ сѣверной Угорщинѣ.

XIV. *Свадьба Угорскихъ Русскихъ, записанная Александромъ Митракомъ.*

Мужчина, желающій избрать себѣ супругу, посылаетъ «свата ча» въ домъ избранной дѣвушки, который пришедши, обыкновенно вечеромъ, кланяется: «Добрый вечêръ! Цы гораздъ, цы здоровы собѣ у вашêмъ домѣ?» Домашніе отвѣчаютъ: «Гораздъ: да где вы собѣ цы здоровы ходите?» По семъ разговоръ о предметахъ постороннихъ, по которомъ сватачъ открываетъ причину прихода своего Домашніе, отецъ, или мать, говорятъ ему: «Маленько отдыхнѣть! Однимъ махомъ дерево не можь изтяти.» Если родители согласны отдать свою дочъ, тогда бываетъ «гостина.» Если же нѣтъ, то просятъ сватача больше не трудиться; ибо они, какъ говорятъ, еще не приготовлены къ тому, чтобы дочь свою отдавать.

Второй день утромъ сватачъ, если получилъ согласіе родителей дочери, опять приходитъ въ домъ избранной дѣвушки: «Доброе рано! Цы гораздъ, цы добрѣ наша старшина и наша молодиця почивали?» Домашніе отвѣчаютъ: «Гораздъ. А якъ вы?» Молодая же, если согласна быть супругой предлагаемаго жениха, вступаетъ въ короткій разговоръ съ сватачомъ. Если же не любъ ей парень, то она упорно молчитъ. Въ случаѣ согласія, дѣвушка подаетъ руку сватачу, который говоритъ: «Най васъ Бôгъ помилуе и благословить, якъ у Старôмъ Законѣ Якова и Исака!» Сватачъ проситъ воды напиться и ручникъ утереться; за тѣмъ слѣдуетъ «гостина» (угощеніе). Сватачъ несетъ полученный ручникъ жениху, въ знакъ сочувствія и согласія дѣвушки.

По истеченіи нѣсколькихъ дней «молодые,» съ своими «старостами,» приходятъ къ Священнику на «заручины,» гдѣ первые въ комнатѣ даютъ обѣтъ взаимной любви и согласія вступить въ супружескій союзъ, а, въ знакъ сего, подаютъ себѣ руки и мѣняются костеменами (платками).

Послѣ заручинъ, спустя нѣсколько дней, въ домѣ молодой бываетъ гостина, «сватанки,» на которую женихъ приглашаетъ своихъ родственниковъ, сосѣдей и друзей. Староста-сватачъ идетъ

впередъ, а женихъ за нимъ. Вошедши въ комнату, староста кланяется: «Добрый вечêръ! Цы горяздъ, цы здоровы собѣ у вашêмъ домѣ? Цы пріймаете насъ у вашъ дôмъ?» Домашніе отвѣчаютъ: «Пріймаеме.» Молодая цѣлуетъ будущаго своего тестя и тещу въ лицо. Садятся за столъ, на которомъ поставлены «паленка» (горѣлка) и хлѣбъ. Домашніе просятъ гостей ѣсть и пить, но староста отказывается, говоря: «Дотôля не будеме ни ѣсти, ни пити, докôля не будеме знати, изъ за кого будеме пити. Намъ хибить челядча!» (т. е., недостаетъ одного лица). На это отвѣчаютъ родители дочери: «Маете што ѣсти и пити: што жь вамъ êще хибить?» Сватачъ: «Я знаю, за кѣмъ хожу, и менѣ то треба придати.» Приходитъ и молодая къ столу, и родители, представляя ее, спрашиваютъ старосту: «Тутъ є челядча: цы то та?» Сватачъ: «Се се наше! Дякуеме за годувлю» (воспитаніе). Сватачъ, поднимая заздравную чарку, говоритъ: «Найперше за Божску хвалу, за сихъ дѣтей, изъ за которыхъ мы ся сюди зышли! Най ихъ Бôгъ подержить, обы ся такъ мали, якъ Святои Недѣли земля ся мае! Най Бôгъ подержить и ихъ родичей!» За сей заздравной всѣ пьютъ. Подаютъ кушанья. Староста молится, и благословитъ кушанья. Каждый гость получаетъ ручникъ, который остается уже его собственностью. Опять поздравляютъ заздравной молодыхъ и благодарятъ за ручники. Послѣ кушанья молитва, и за тѣмъ расходятся. Молодая цѣлуетъ будущую тещу въ лицо, а, если ей угодно, и тестя.

Въ канунѣ бракосочетанія, какъ въ домѣ молодой, такъ и въ домѣ молодого, собираются гости на, такъ называемыя, «гуски,» и проводятъ время въ пляскѣ. Теперь приходитъ молодой за «бокрейдой» (букетомъ изъ искуственныхъ цвѣтовъ). Молодой получаетъ бокрейду отъ молодой, а его дружба отъ дружокъ, и всѣ задѣваютъ ихъ за свои шляпы. Въ этотъ же вечеръ «звачи» приглашаютъ гостей, сродниковъ и добрыхъ людей, на свадебный пиръ въ домѣ молодыхъ. Вотъ образецъ призыванія: «Проситъ васъ панъ молодый (или пани молода) разъ, а я другій разъ, обы 'сьте ся не полѣновали прійти завтра на малый часъ на весêлья до насъ!»

Въ самый день бракосочетанія, чѣмъ свѣтъ, идутъ дружки, дружба и староста, «бервêнокъ» обирати, для витья вѣнцовъ, въ какой ни будь огородъ, гдѣ есть бервêнокъ, съ музыкою и съ пѣснями какого ни есть содержанія.

Собравши бервѣнокъ, даютъ «склянку» (бутылку) паленки той хозяйкѣ, въ которой огородѣ брали бервѣнокъ, а та, переливъ горѣлку въ свою посуду, наливаетъ ихъ бутылку водой и отдаетъ старостѣ. Взявъ съ собою собранный бервѣнокъ, дружки идутъ «вить вѣнокъ.» Такимъ же образомъ идутъ сбирать бервѣнокъ и для молодого, съ тѣмъ только различіемъ, что передъ почетомъ молодого дружба несетъ «кураговъ» (хоругвь), состоящій изъ платковъ бѣлаго и краснаго цвѣтовъ. Прежде чѣмъ начнутъ вить вѣнокъ, староста кропитъ крестообразно бервѣнокъ священной водой; потомъ, взявъ четырелиственный бервѣнокъ, передаетъ его свашкамъ, чтобы начали вить вѣнокъ. Свашкамъ вдовамъ нельзя участвовать въ витьи вѣнка. Бервѣнокъ кладутъ на столъ на платокъ, и на томъ же столѣ кладется колачъ, пшеничный, или ржаной. Во время витья вѣнка свашки «ладкавуть» (поютъ) слѣдующія пѣсни:

«Ой, пойдь, Боже, до насъ!
Теперь у насъ гораздъ;
Та й ты, Божая Мати,
Вѣночки починати;
Та й ты, Божій Крижу,
Не минай нашу хижу!

Горѣ, сонѣчко, горѣ:
Війся, вѣночку, скорѣ
На гладку головочку,
На счасливу долѣчку!

Подай, мамко, иголку,
Та й ниточку изъ шовку,
Ушити часночокъ,
На золотый вѣночокъ!

Гладко, сосѣдки, гладко,
Якъ золотое ябко!
Коли 'сьме вѣнки вили,
Солодокъ медокъ пили;
Коли 'сьме довивали,
Горы ся розлогали.

Приступай, Марько, дъ столу,
Помоляся Пану Богу,
Поклонься вѣнку свому:
Чень бы бовъ счасливенькій,
А зверьха зелененькій!

Є зъ чого вѣнки вити,
Головку сподобити:
Першій ми вѣночокъ
Хрещатый берве̂ночокъ.

Дай, мамко, золотило,
Обы вѣнокъ сподобило,
Бы Богу и люде̂мъ мило!»

Когда уже вѣнокъ готовъ, то свашки вложатъ въ него одинъ платокъ, а другой платокъ подъ первый подложатъ, и положатъ на него проверченый колачъ (коровай); потомъ, взявши четыре узла сихъ двухъ платковъ, ходятъ около стола трижды, при чемъ и музыканты съ ними ходятъ и играютъ, а за тѣмъ пляшутъ по комнатѣ, но только этѣ четыре свашки. Въ домѣ молодой (невѣсты) еще кладутъ одному хлопцу че̂пецъ съ покрываломъ на голову, который называется у насъ «примѣтка,» и этою-то примѣткою въ церкви, послѣ бракосочетанія, покрывается голова невѣсты, по приказанію Апостола Павла, чтобы женщины съ покрытой головой ходили. Этотъ хлопецъ въ чепцѣ съ покрываломъ изъ бѣлаго платка, вшедши въ комнату, жалуется и плачется на то, что онъ сталъ женщиной. Послѣ трехъ плясокъ снимаютъ съ него чепецъ.

Приготовляясь ити въ церковь къ вѣнчанію, молодые одѣваются въ обыкновенную одежду; только расплетенная коса и вѣнокъ, прикрѣпленный «галузкою» (вѣткой) отъ сладкой яблони на головѣ невѣсты, и такой же вѣнецъ на «клебанѣ» (шапкѣ) жениха, составляютъ отличительные знаки «молодятъ» (молодыхъ).

Староста отъ имени молодой прощается съ ея родителями и благословитъ невѣсту на путь къ церкви. Шествіе, сопровождаемое музыкой и пѣснями, съ коругвой впереди, бываетъ въ 10, или 11, часу: одно изъ дому молодого, а другое изъ дому молодой.

Идя въ церковь, поютъ:

«Попроси, мамко, Бога,
Бы счаслива дорога!
Чепачокъ въ рукахъ ношу,
Такъ свою мамку прошу:

«Ой, мамко, мамонько,
Проси менѣ доленьку,
Я буду помогати,
Доленьки упрошати.» —

«Зъ Богомъ, Анцько, зъ Богомъ,
Зъ Божима Ангелами,
Зъ добрыма сусѣдами!»

«Не чудуйтеся, люде,
Не таборъ се, се иде,
Не таборъ, не Турчата,
Лемъ наши молодята.

Идеме мы, идеме,
У пудковки дзвинеме,
Учувутъ тото люде,
Тото наша слава буде!

Сидитъ голубь на церквѣ,
Кличе Попа до церкви:
«Не є Попонька дома,
Пошовъ до Ильвова
Ключи куповати,
Церковцю одмыкати,
Молодятъ двое вѣнчати.»

Идучи въ церковь, несутъ два большіе проверченые колача (короваи), которые, послѣ бракосочетанія, относятъ въ домъ невѣсты, а оттуда, на другой день утромъ, назадъ въ домъ жениха. Послѣ бракосочетанія всѣ идутъ съ молодой, свашки же поютъ:

Дякуемъ Попенькови
Якъ свому нянёнькови,
Што насъ не убавивъ,
Што насъ скоро отправивъ.

Гнуться улички, гнуться
Пудъ молодыма сваты,
Пудъ дорогима шаты.
Чомъ бы ся не вчинали?
Красно ся повбирали!

Ой летѣла пава,
На ворота впала:
Нашои Марьки головка
Инеёмъ припала.

Ой карно ся, карно,
Зъ передъ молодыхъ хмарно:
«Просвѣти, Господи, ясно,
Въ передъ молодыхъ красно!»

При домѣ:

«Вуйди, мамко, на дворъ,
Припроси дѣти за столъ!»

Вошедши въ комнату, гости молодого садятся за столъ, свашки же молодого съ свашками молодой, которыя стоятъ, ведутъ слѣдующій разговоръ въ пѣсняхъ:

Свашки молодого:

Вшитко намъ бивно,
Лемъ чопнаря намъ не видно.

Свашки невѣсты:

Повала ся уломила,
Та чопнаря забила.

Свашки молодого:

Мы ся Богу помолиме,
Та чопнаря услободиме.

Свашки невѣсты:

«Свашочки, лелѣточки,
Дайте намъ бесѣдочки!
Цы вы не умѣете,
Цы на насъ не смѣете?»

Свашки молодого:

Мы сюды не вгрожены,
Сюды 'сьме запрошены.
Де тота свекра,
Што намъ коровай спекла?
Курôчка, рябушечка,
Вчора на смêтью гребла,
Днесь ся на рôжнѣ спекла.

Свашки невѣсты:

Зъ краю намъ хижка:
Взяла курôчку лишка.

Свашки молодого:

Што то за газдиня,
Єдну курôчку мала,
И тоту не нагнала.
За нашь вѣнокъ витый
Дайте намъ таляръ битый!

Свашки невѣсты:

Кедь есте вѣнокъ вили,
А вы паленку пили.

Свашки молодого:

Свѣтяться стѣны, свѣтять;
Де нашъ молодый сидить,
Тамъ ся стѣна свѣтить.

Свашки невѣсты:

Не отъ него самого,
Отъ вѣнка зеленого,
Отъ лиця румяного.

Свашки молодого:

Дѣвочій староста пышный,
Є въ нёго ножикъ красный
Колачи починати,
Свашкамъ даровати.

Свашки невѣсты:

Дякуеме вамъ, свашечки,
За лестны бесѣдочки!»

Послѣ такого разговора гостей молодого угощаютъ, а послѣ угощенья гости молодого поютъ:

У Кіевѣ загудали,
А въ Пряшовѣ стали,
Теперь Пана молодого
Гости обѣдали.

Староста молодого даетъ матери невѣсты гроши (деньги), въ награду за «годувлю;» молодой же, съ своей супругой и съ двумя свашками, идетъ домой, что обыкновенно бываетъ вечеромъ. Свашки поютъ при отходѣ:

«Не бануй, мамко, за мновъ!
Не беру вшитко съ собовъ,
Лишаву ти, мамко,
Слёзки по столови,
Слѣдки по дворови,
Ключи на полицѣ
Найменшôй сестрицѣ.»

На дворѣ:

Дали 'сьте намъ дѣвку сладку,
Дайте жь намъ постѣль мягку!

Тверда зима впала,
Постѣль неправа обстала.

«Дайте хоть лемъ веренище
Прикрыти соломище!

У насъ не суть верецки,
Лемъ тоненьки плахотки.

Родители даютъ имъ проценую постель, которую выносятъ кой-кто изъ гостей на плечахъ. Молодые, держа въ рукахъ два концы того платья, которымъ на заручинахъ помѣнялись, идутъ домой, въ сопровожденіи двухъ свашекъ, которыя поютъ:

«Павляное перце,
Та й камянное серце,
Чомъ ся не розкроишь,
Отъ мамки не отклонишь?

Не чудуйтеся, люде,
Не табôръ се иде,
Не табôръ, не Турчата,
Лемъ наши молодята
До дому доходять.

Розколодася верба
Отъ верха до корêня:
Узята Марька, взята,
Отъ ôтца и матери,
Изъ богатого роду,
До великого роду.

Не лежи, вѣтре, въ горахъ,
Подувай по долинахъ,
Покивни кураговцёвъ
Идъ свѣтлому сонцю!

Горѣ селомъ идеме,
Такое не видиме,
Якъ мы съ собовъ ведеме:
Волосья жовтенькое,
А личко бѣленькое.»

Близъ дома поютъ:

Ой Васильку, Пане,
Де твое войско стане?

Свашечки у клѣточки,
А сваты у коморочки.

Свѣти, мамко, свѣти,
Што 'сьме ти привели:
Цы вôвцю, цы ягничку,
Цы красну мододичку?»

Выше я замѣтилъ, что съ молодою идутъ только двѣ свашки въ домъ жениха. Но и онѣ уходятъ, и молодая одна остается съ гостями молодого, съ которыми и пляшетъ. Должно замѣтить, что мать жениха прежде всего хмелемъ и пшеницею обкладываетъ молодую чету, для того, чтобы они имѣли всего въ изобиліи; молодая же послѣ того подноситъ колачъ тещѣ и цѣлуетъ ее около сердца. Когда сядутъ за столъ, на руки молодой даютъ мальчика, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы она имѣла въ первый разъ сына, молодая же даритъ тому мальчику два колача и одну денту.

Когда уже приспѣетъ время для спанья, то дружба приготовляетъ постѣль для молодой четы на «подѣ» (чердакѣ), и то не только лѣтомъ, но и зимою, и кладетъ и хоругвь. Староста ведетъ туда молодыхъ, и благословитъ ложе.

Утромъ молодая старается чѣмъ скорѣе встать, чтобы спрятать хоругвь, за что потомъ дружба платитъ кару отъ 20 до 30 крейцеровъ невѣстѣ, а она старостѣ должна купить паленки (водки). Если же молодая заспитъ и дружба скорѣе возьметъ хоругвь, тогда молодая платитъ дружбѣ, что, однако жь, рѣдко случается.

Утромъ молодая мететъ комнату, а молодый бросаетъ ей въ «смѣтье» (соръ) нѣсколько крейцеровъ. За тѣмъ пьютъ, ѣдятъ и ожидаютъ гостей изъ дому невѣсты. Родители и гости молодой идутъ посѣтить молодыхъ и несутъ съ собой короваи.

Они идя поютъ:

«Слѣдомъ, мамко, слѣдомъ,
За твоимъ дитяткомъ!» —

«Де быхъ я не слѣдила?
Я тото годовала,
Пôзненько лѣгала,

Раненько вставала,
Таки дѣвку годовала.

Иду, дѣвочко, иду,
Подарунки ти несу,
Буду тя даровати,
Бы ти добрѣ бывати.»

Ай, кобы Марька знала,
Ожь ей родина иде,
Она бы мостила мосты
Жовтыма помосты.»

Подходя къ дому:

«Вуйди ты, Марько, на двôръ,
Припроси мамку за стôлъ,
Вуйди зъ новои коморочки
Впередъ своей мамочки!
Лѣпша ти мамочка,
Якъ чужа коморочка.

Ой зелена ты, грушко,
Вуйди ты, Марько, душко,
Вуйди ты, Марько, на двôръ,
Припроси гостй за стôлъ!»

Гости молодого выходятъ и не пускаютъ пришедшихъ:

Прилетѣли гостй,
Дубнули на помостъ,
Шовкомъ зашѣмѣли,
Золотомъ задзвенѣли:
«Не пришли сьме тутъ стояти,
Треба намъ салашъ дати.»

Потомъ, при посредствѣ паленки, примиряются и даютъ свободный входъ пришедшимъ.

Идучи въ комнату поютъ:

«Нашъ любый сватку,
Розширяй собѣ хатку!»

Послѣ садятся за столъ и на одного изъ мужчинъ набрасываютъ «плахту» (простыню) и спрашиваютъ пришедшихъ: «Та ли имъ молодая, которую они хотятъ видѣть?»

Пришедшіе поютъ:

«Нашъ милый приданничку,
Придай намъ молодичку!
На столѣ фляша и вѣнецъ,
Объявъ Марьку молодецъ.» —
«Берѣте собѣ фляшу вашу,
Дайте намъ Марьку нашу!»

«Не е Марьки дома,
Пôшла въ кирницю,
На студену водицю.» —
«Мы видѣли съ горы,
Замклася до коморы.» —

«Не е Марьки дома,
Пôшла волы поити
А коровы доити.» —
«Наша Марька невеличка,
Не знае, дè кирничка;
Наша Марька въ коморѣ,
Личитъ гроши на столѣ.»

Молодая выходитъ изъ коморы. Дружба ставитъ ведро съ водой на дворѣ, въ которое молодый бросаетъ серебряную монету въ воду. Къ водѣ выносятъ курагодъ (хоругвь) и староста, перекрестивъ воду, прежде самъ моетъ себѣ глаза, за тѣмъ и молодые моются. При томъ поютъ.

«На Орданѣ 'сьме были,
Тамъ ся молоды мыли,
Въ пазушки ся втирали,
Бы ся шановали.»

Что и дѣлаютъ (т. е., женихъ и невѣста, умывъ себѣ лица, утираютъ лица другъ у друга въ пазуху рубашки). Остальную воду

изъ ведра молодая разливаетъ по людямъ, дружба же опять наполняетъ водой ведро, которое молодая вноситъ въ комнату, при чемъ поютъ:

«Несе молода воду,
Межи челядь молоду.»

Молодая кропитъ водой стѣны комнаты. За тѣмъ идутъ опять въ комору, гдѣ молодую садятъ на «ярмо.» Сидя на ярмѣ, она держитъ въ рукахъ стаканъ водки въ мѣняльномъ «кестеменѣ» (заручномъ платкѣ), доколѣ не повяжутъ ей голову, т. е., не снимутъ съ ней вѣнокъ и не покроютъ голову бѣлымъ платкомъ, по обычаю здѣшнихъ женщинъ.

При томъ поютъ:

Ту єсьме сидѣли,
Та й єсьме не видѣли,
Де ся еѐ коса дѣла:
Цы въ поле погленула,
Цы пудъ бѣлый фатёдъ сѣла?

Потомъ молодые выпиваютъ водку, которую она держала въ рукахъ, по поламъ. За тѣмъ опять пляшутъ и пируютъ. Молодая даритъ тестю сорочку, тещѣ платокъ, а прочимъ сродникамъ то колачи, то ленты.

Въ Воскресенье въ домѣ родителей молодой пиръ.

Такъ, по большей части, отправляетъ нашъ сельскій народъ свою свадьбу. Безъ сомнѣнія, бываютъ мѣстами перемѣны, но въ общихъ чертахъ повсюду соблюдается такой порядокъ. Въ нѣкоторыхъ селахъ, особенно близъ городовъ, образованіе, убивающее народное творчество, истребило уже совсѣмъ и эти свадебные обычаи и, можетъ быть, со временемъ оно и вездѣ уничтожитъ въ нашемъ народѣ «свойскіе» обычаи: тогда это описаніе пусть будетъ памятникомъ когда-то бывшихъ обычаевъ народа.

(См. «Слово,» изд. въ Львовѣ съ 1864 года, №№ 43—44).

XV. *Свадебные обряды у Лаборскихъ Русскихъ, описанные Анатоліемъ Кралицкимъ.*

Паробокъ (парень), желая вступить въ бракъ съ избранною имъ, во все лѣто бываетъ веселый и, строя разные планы, нетерпѣливо ожидаетъ мясоѣда. Съ наступленіемъ «Пилиповки» раздумываетъ онъ надъ тѣмъ, какъ бы объявить волю свою родителямъ, но ни какъ не можетъ рѣшиться. Вѣдь, стыдно сказать: «Ну, отъ, я бы ся женилъ.» По этому начинаетъ «сумѣти» (задумываться), не ѣстъ, не пьетъ, но лишь непрестанно вздыхаетъ. Старушка мать, видя это, съ таинственнымъ видомъ подходитъ къ «старому» и говоритъ: «Цы знаєшь, старый, чому Иванъ такъ посумѣлъ? Онъ бы ся женилъ. Уже минувшого году, бывало, пригадывалъ онъ женитьбу, только на мои словеса, что збоже (хлѣбъ) и паленка (горѣлка) подорожали, лишилъ дѣло на сей годъ.»

Тогда старый, оставшись на единѣ, призываетъ къ себѣ Ивана и говоритъ: «Ну, ну, не журись, сыне, а скажи, до которой ити по ручники!» Сынъ отвѣчаетъ, что онъ не знаетъ. За тѣмъ отецъ начинаетъ перечислять всѣ сельскія дѣвицы поименно: «Може до сей? Чы до той?» Иванъ все молчитъ, и ужь когда отецъ намекнетъ на его избранную, тогда отвѣтитъ: «Я не знаю,» т. е., сію хочу.

А какъ всякаго важнѣйшаго дѣла на селѣ зачинщицами бываютъ бабы, то и тутъ починъ беретъ на себя старушка мать. Она, вскорѣ послѣ совѣщанія отца съ сыномъ, отправляется къ своей кумѣ, прося ее принять на себя въ этомъ дѣлѣ посредничество. И кума идетъ къ родителямъ дѣвушки, будто только для посѣщенія. Побесѣдовавши вдоволь, кума собирается домой, а мать дѣвушки, по принятому обычаю, провожаетъ ее на дворъ. Тутъ ведется уже нужный разговоръ. Кума начинаетъ его съ далека: «А якъ, кумице, цы не приходили еще просотары (сваты)?» — «Та нѣтъ.» — «Цы намѣряете свадьбовати?» — «Цы я жь знаю,» отвѣчаетъ мать дѣвушки. «А кедь бы Иванъ Н. просивъ, цы дали бысте за него

вашу Марьку?» — «Цы я знаю: еще ся порадиме съ старымъ,» отвѣчаетъ мать. — «А такъ, моя любезна сусѣдко, теперь говорю вамъ откровенно: мене ту послала Иванова мати перевѣдатися, цы не дали бы есте за него вашу Марьку? Онъ челядина, невроком, усиловный, трудолюбивый, добрый. Не масте чому доганяти. Воловъ есть шесть, овса двадцятъ коблы, ячменю пятьнадцятъ, жита, пшеницѣ довольно. Не отпыхайте отъ себе людей, коли ся чоловѣкъ трафляетъ. Тогды ягоды збираютъ, коли пристигаютъ: дайте дѣвку, я вамъ кажу!» На все это мать дѣвицы хладнокровно отвѣчаетъ, что, «она не знаетъ, а посовѣтуется съ старымъ.»

Послѣ совѣщанія съ старымъ, мать отвѣчаетъ своей сосѣдѣ: «Сѣно!» т. е., что смѣло можно прійти просить. Разумѣется само собою, что молодые, на счетъ которыхъ все то дѣется, давно уже между собою согласились.

Еще того же дня вечеромъ приходитъ отецъ «Ивана», съ своимъ другомъ сосѣдомъ, въ домъ своей невѣсты просить ее за Ивана. А Марья, увидѣвши «просотарей,» сейчасъ бѣжитъ и скрывается у сосѣдки.

— «Дай, Боже, добрый вечуръ!» говорятъ пришедшіе.

— «Дай, Боже! Витайте! Сядьте собѣ у насъ! Цы добрѣ есте днёвали, сами цы здравы?»

— «Добрѣ, хвала Богу!»

Послѣ такого привѣтствія начинается разговоръ о цѣли ихъ посѣщенія, на что родители отвѣчаютъ, что они тому не противны, лишь бы «Марья» согласилась. Посылаютъ по Марью. Съ великимъ стыдомъ приходитъ она и, закрывая очи «припаскою» (передникомъ), отвѣчаетъ, что она не знаетъ, якъ «нянё (батько) и мама хотять.» Послѣ этого домашній господарь (хозяинъ) говоритъ: «Мои добры люде! Се рѣчь важна: кота у мѣху не можно продавати. Для то Иванъ най бы изъявился, най ся дѣти увидятъ и собѣ руки подадуть!»

Тогда сосѣдъ Ивановаго отца уходитъ и призываетъ самаго Ивана, который нарочно остается дома. Во время отсутствія сосѣда уговариваются, когда можно прійти «углины» (хозяйство) посмотрѣть.

Приходитъ «молодый», здоровается и садится на указанное мѣсто за столомъ. Начинается «гостина,» при чемъ первую роль играетъ предпочтительно «паленка» (горѣлка). Стаканъ идетъ изъ рукъ

въ руки; а когда прійдетъ очередь на молодого, то велятъ ему «по-здоровкати» налитой чаркой свою невѣсту. Онъ «здоровкаетъ» ее словами: «Марье! Дай, Боже, здоровья!» на что она отвѣчаетъ: «Дай, Боже!» и испиваютъ обое чарку. Послѣ расходятся.

Въ слѣдъ за тѣмъ назначаютъ родители время для смотрѣнія «углинъ» (угловъ) въ домѣ жениха. Оно состоитъ въ томъ, что старые подробно обозрѣваютъ хозяйство будущаго своего зятя: идутъ въ стайню, сколько есть скота? выходятъ на повалу, сколько збожья (хлѣба)? Все то называется «углины». Тутъ же назначаютъ время для обрученія. Между тѣмъ для дѣвушки приготовляютъ приборы: крашенныя сподницы, фацелики (платки), ленты и т. п. Съ другой стороны подруги-ровесницы «стараются о бѣлое пёрье изъ гуси на бокрейту» (букетъ) и бервёнокъ на вѣнцѣ. Для «бокрейты» все-конечно нужна тривѣтвистая «голузка» (вѣточка) изъ «солодкой» яблони, на которую дѣвчата прививаютъ «бѣло пёрье»; такую бокрейту сама «молодая» втыкаетъ, во время обрученія, молодому за «калапъ» (шляпу). Приготовивъ все, ожидаютъ дня обрученія.

I. Обрученіе или заручины.

Первое стараніе отца молодого сыскать себѣ многорѣчиваго человѣка въ «старосты.» Староста бываетъ человѣкъ пожилой, искусный въ словѣ, особенно въ ссылкахъ на Священное Писаніе. Онъ — душа и строитель всего свадебнаго веселья

Когда «староста» найденъ, тогда отецъ молодого беретъ его съ собой, равно какъ и нѣсколькихъ изъ родныхъ мужчинъ, и отправляются, вмѣстѣ съ женихомъ, на заручины.

Въ домѣ дѣвушки уже все приготовлено. У дѣвушки бываетъ «выдавця», который у нея то же, что староста у молодого. Заручины обыкновенно справляются въ Субботній вечеръ, такъ, чтобы въ Воскресенье, во время обѣдни, можно было сдѣлать первое оглашеніе.

Какъ скоро начнетъ смеркаться, отправляются наши гости съ молодымъ къ дому дѣвушки.

— «Дай, Боже, шестья! (счастья).

— «Дай, Боже! Витайте! Ое (а ну) собѣ да где сядьте!»

Прибывшіе садятся, а староста, похаживая по хатѣ, начинаетъ «зачѣпати (затрогивать) выдавцю», который, потерявши терпѣніе, дѣлаетъ слѣдующій вопросъ: «А откы же вы, добрыи люде, и што глядаете у насъ?»

На это староста отвѣчаетъ: «Мы есме отъ выходя сонця, и идеме такъ, якъ то бы тріе Цари, которы ишли глядати новорожденного Царя, та и мы прійшли да што глядати.» Сказавши это, стоитъ и ожидаетъ отвѣта посереди хаты, держа крисаню (шляпу) въ рукахъ.

Выдавця говоритъ ему: «Та што же вы глядаете? А чей вы не Цари, и тутъ не есть новорожденного.»

Тогда староста начинаетъ свою бесѣду отъ сотворенія міра: «Коли Бôгъ тотъ свѣтъ створивъ, и вшитко, што есть на свѣтѣ, вшелеяки (разные) звѣри, што и теперька суть, а также сотворивъ и рай, то прохожовався бнъ разъ по раѣ и каже: «Не добре то едному чоловѣкови быти на землѣ.» А то было полудне. И видѣвъ Панъ Бôгъ свою тѣнь на землѣ, и мавъ (имѣлъ) палицю у рукахъ, што изъ нёвъ росказовавъ свому створёнью, и утявъ по тѣни своей: «Адаме, встань!» и доразъ Адамъ уставъ, и ужь стався съ нёго чоловѣкъ. И повѣда'тъ далей Панъ Бôгъ: Не добре едному быти чоловѣку на землѣ: сотворю ёму жену помочницю—пôдбочницю. И узявъ Бôгъ едно ребро исъ боку Адамового, и сотворивъ жену, котра была названа отъ Адама «Ева».—Такъ и я есмь зазваный отъ моёго пріятеля, што якъ Бôгъ насъ такъ научивъ, такъ и мы хочеме зробити. И мы маеме едного чоловѣка, котрый бы ся хотѣвъ женити; а овôнъ (онъ) насъ просить, жебы мы ёму жену выробили; бо еденъ вôвъ (волъ) не наробить хлѣба, по два упрягавуть до ярма. Такъ и мы бы хотѣли двое злучити. «Подь ле (прійди-ка) ты гевъ (сюда), Марько, и повѣджь, цы маешь ты дяку (волю) на того Ивана?» Тутъ молода приходитъ къ столу и отвѣчаетъ: «Мавъ (имѣю)». — «А теперь,» продолжаетъ староста, «дайте собѣ руки, перемѣньте хустки (платки), и обернійтеся трираз пôдъ крижомъ (крестомъ)!»

Молодой беретъ за руку свою невѣсту, и обертаются три разы подъ крестомъ, т. е., переложенными на крестъ грядами на повалѣ.

Между тѣмъ «выдавця» отправляется въ комору, и выноситъ «покрейту» бѣлаго пѣрья на блюдѣ и, положивши на столъ, замѣчаетъ, что онъ еще бесѣдой старосты недоволенъ, такъ какъ говорено было про «малженство» только въ раѣ.

Староста продолжаетъ далѣе:

«Наставниче сёго дому! Бывъ еденъ патріярха Аврамъ, и мавъ овôнъ (онъ) едного сына, звався Исакъ, и хотѣвъ овôнъ женити ёго. Разъ закличе (призываетъ) свого слугу и повѣда'ть ему: Ты, мôй рабе! я заклиняю тебе живымъ Богомъ: кедь ты выпросишь моёму сынови отъ тама ле жену, где я тебе пошлю; кедь выповнишь мôй розсказъ (повелѣніе), будешь чистый отъ мого заклиняня. Возь (возми) собѣ 10 слугôвъ изъ мого двору, и 10 коней, и гроши на драгу, та пôдешь у Месопотамію.» Изъ великимъ старункомъ овôнъ ся позберавъ и иде, иде, и пріиде до того валалу (села), а у нёмъ была студня, и собѣ постававуть; а найстаршій ся стара'ть и стара'ть. «Боже мôй милый, каже, не знамъ ся ту исъ никимъ, где отъ кого просити жену за Исака, але буду ту стояти пôля (подлѣ) студни, та будуть ити жены и дѣвки на воду, та а чей ми ся да дна (нѣкоторая) полюбить, и тоту буду просити.» Иде една шувна (красна) дѣвка и набере воды, та гварить ей тотъ найстаршій: «Чуешь, дѣвко! оле (а ну) ты мене напой и мои ослы!» — «Нате, пійте!», каже она, «и ваши ослы напою.» Якъ напоила и хлопôвъ (людей) и сомарôвъ (ословъ), тогда овôнъ ей обрадовавъ. Иде она, иде, исъ радостѣвъ домôвъ, и повѣда'ть своей матери и своёму брату, же тамъ такій панъ есть; што емь напоила ёго сомарята и ёго самого, та давъ ми тото (вотъ это), и просивъ ся мене, цы не могли бы у насъ переночовати, та и цы маме половы? Але я ему отповѣла, же е вшитко (все). И приходить дѣвка назадъ ку панови и съ далека кричитъ: «Подьте до насъ! У насъ переночуете.» Такъ они пришли до того газды, и тамъ ихъ вдячно пріяли на нôчь. И почнеся тотъ Панъ звѣдати, исъ якого овôнъ поколѣнья походить! Тотъ ей братъ повѣда'ть: «И съ того и исъ того.» Панъ собѣ подумавъ: «То ту, где я посланный отъ мого патріярхи!» И почне овôнъ тоту дѣвку просити за Исака; але то бывъ Божій промыселъ! Они не отъ того были, повѣли, же дадуть. Почне дѣвцѣ гварити: она повѣла, же пôде за Исака; и доразъ зробили таке гы (будьто) руковины (обрученіе). А пакъ (и послѣ) ся гостили, и ей исъ собовь узяли. Такъ и я ту, на то закликаный, жебы емь тоты двое чада случивъ; ужъ е выпрошена, але ищи (еще) обое не повѣдали, же мавнуть на себе дяку. Най же она ёму дасть знакъ!»

Тутъ отвѣчаетъ «вы[illegible]вця» или «наставникъ», къ которому и была обращена помянутая рѣчь: «Але мои возлюбленыи! Такъ е у

Святôмъ Письмѣ, же гледаючому найдеся, просящому дасться, и колотающому отворится. Миръ сêму честному дому! Христосъ посредѣ насъ, есть и буде, ажь во вѣки вѣковъ. Аминь! Бывъ Ное патріярха у Старôмъ Законѣ. Бôгъ ся прогнѣвавъ на народъ и повѣвъ (сказалъ) ему: «Зробь ты собѣ корабъ; бо на народъ допущу потопу. Ты межи (между) нима найправеднѣйшій, та жебы 'сь ся не утопивъ. И такъ Ное правивъ корабъ за 100 рокôвъ. Все го правивъ, а на другый день выйде — ужъ корабъ розметанный; бо му все чортъ (пропавъ бы отъ насъ кщеныхъ (крещеныхъ!) розметавъ, а овôнъ не знавъ, хто то тамъ ходить. Узявъ овôнъ попелу, и посыпавъ коло корабу, же послѣдить, хто тамъ ходить. Ное иде коло воды, и видить сатану, што ся у водѣ у пѣнѣ топить и кричить: «Пойдь ле, мня выратуи!» И овôнъ го оттамале выратовавъ. И гварить сатана: «Што же я тобѣ за то дамъ, што есь мя выратовавъ? Адде (вотъ), мавъ (имѣю) кусъ (нѣсколько) паленки, што емь напаливъ у кôньскôй головѣ: на, напийся!» Ное ся напивъ, ажь ся упивъ и заспавъ, а такъ не знавъ, хто му корабъ розмêтуе, и за то го такъ довго правивъ. Ное ся вытверезвѣвъ, и почавъ и овôнъ паленку палити у кôньскôй головѣ, такъ якъ сатана навчивъ. Якъ ужъ готовый бывъ корабъ, узявъ Ное свою жену, и трёхъ сыновъ и три невѣсты, и исъ вшиткого створенья парку, якъ и вы хочете случити; и почавъ дощь падати за штередцеть (сорокъ) днêвъ А такъ была уже потопа. По потопѣ пôславъ Ное гаврана бѣлого, але овôнъ нашовъ мерлого чоловѣка, исъ нёго ѣвъ, и за то почорнѣвъ; бо знайте, же до того часу гавраны были бѣлы. Пакъ пôславъ голубичку, а она принесла масличну голузку ёму и барвêнковый листочокъ. Такъ адде и я вамъ принêсъ также, якъ и она. Гледали 'сте, та нашли 'сте; просили 'сте, далося вамъ; колотали 'сте; и отворилося вамъ. Христосъ посредѣ насъ есть, а и буде!» и съ тѣмъ кладетъ блюдо съ покрейтою на столъ.

Тогда староста призываетъ молодую: «Подь ле ты гевъ, Марьё! Возь покрейту, а ты, Иване, положь калапъ (крисаню) на столъ!» Марья повинуется, беретъ покрейту и затыкаетъ ее за калапъ своего жвниха. «Положь му калапъ на голову!» говоритъ староста; и Марья кладетъ калапъ жениху на голову, онъ же снимаетъ его до трёхъ разъ, а Марья опять надѣваетъ. «Такъ, жебы ты, Марьё, знала, говоритъ староста, же мужъ глава женѣ.» — «А теперь повѣчь ты, Иване, што люди просять и я прошу!» Молодой говоритъ.

«Ты Иване, и ты, Марьё, продолжаетъ староста, подьте ту се

редъ хижи, дайте собѣ руки и перемѣньте хустки, и три разы ся обернійте!» Иванъ держитъ въ руцѣ платокъ, въ которомъ завязанъ «тринацникъ» (серебрянная монета $^1/_3$ зр. а. в.), а Марья также держитъ свой платокъ, въ которомъ тоже гроши въ орѣшкѣ. По приказанію старосты перемѣняютъ себѣ платки. Мати, а если ея нѣтъ, какая ни будь сродница, снимаетъ съ своего переду припаску (передникъ) и разстилаетъ по землѣ. Обрученные ступаютъ на припаску и трижды оборачиваются, взявшись за руки. Въ это время староста льетъ на ихъ головы воду изъ сткляницы и, произнося шопотомъ какія-то таинственныя слова, благословляетъ ихъ. По окончаніи этого обряда, мать поднимаетъ припаску и, шутя, бьетъ ею обрученныхъ, которые потомъ садятся за столъ.

«Мôй любый наставниче!, говоритъ далѣе староста. Мы иши (еще) неконтенты цалкомъ (недовольны совсѣмъ), же тоты двое ужъ ся возрадовали, такъ якъ Ное патріярха, же му голубичка принесла масличну голузку, же ужъ може выйти изъ корабу, ужъ ся вода отступила изъ земли. И тогды овôнъ вышовъ изъ корабу, и насадивъ собѣ винницю (виноградъ), и доразъ ся му грозно зродило, и зробивъ собѣ изъ грозна вино и ся напивъ такъ, же ажь уснувъ. Такъ и тота дѣвка (Реввека), котру просивъ Аврамовъ слуга за Исака, та напоила не лемъ (лишь) его але и его сомарята. Такъ иши:

«Ходивъ Томашъ,
Дававъ одомашъ. *
Овôнъ дававъ дванадцятый,
Вы намъ дайте хоць лемъ тринадцятый!»

«Такъ и ты, наша молоденька! Оле ты намъ принесь одомашъ, якъ тота, за котровъ пришли изъ Межêпотаміи, та ихъ напоила: бо мы ужъ барзъ засохли.»

Тутъ молодый вынимаетъ гроши и даетъ своей невѣстѣ, чтобы она сама принесла «паленки» и напоила сватовъ, такъ, какъ сдѣлала то нѣкогда Ревекка, — хотя не паленкою, а водою наповала.»

* Одомашъ есть мадьярское слово Máldomás, то есть, угощеніе за всякимъ событіемъ, имѣющимъ значеніе.

Впрочемъ, въ домѣ уже водка приготовлена, но обрядъ заручинъ тоґо требуетъ, чтобы ихъ прежде всѣхъ напоила молодая.

Пока она вернется съ паленкою, староста ведетъ рѣчь свою далѣе: «Возлюбленный наставниче! Я иши собѣ не сяду; бо молоденька украсила молодого голову, а насъ да хто бы ся позвѣдавъ: «Где вы ходили, люде? та бы собѣ изъ насъ посмѣшковавъ. То ужъ тому велѐ (много) рокôвъ, коли старый Андрей видѣвъ Пречисту Дѣву на воздусѣ, якъ она своихъ апостолôвъ прикрывала хусточками: а мы—худобны люде, та вы насъ прикрыйте хоць лемъ рушничками!»

Выдавця идетъ въ комору, вмѣстѣ съ домашней хозяйкой, и выноситъ для каждого гостя по одному ручнику, приговаривая: «Христосъ посредѣ насъ, есть и буде! Миръ сёму честному дому! Дай, Боже, добрый вечуръ!» И съ тѣмъ кладетъ найкрасшій ручникъ на плечи отца молодого, другой на его родственника, а третій на старосту и т. д. За тѣмъ подходитъ и молодая съ паленкою и, сѣвши за столъ, угощаются всѣ разомъ. Какъ скоро прійдетъ чередь пить старостѣ, онъ встаетъ и поздравляетъ молодыхъ такъ: «Дай, Боже, здравля! Дай намъ, Боже, любовь! А тоты контракты, што 'сте собѣ перечеряли (замѣняли), то у нихъ стоить, же маете жити до сто рокôвъ едно и друге.»

Когда хмѣль уже начнетъ дѣйствовать, бесѣда становится болѣе и болѣе шумной, и староста, который за «наймудрѣйшего» желаетъ казаться, начинаетъ «выдавцеви» задавать разныя загадки, чтобы, буде не отгадаетъ, могъ его пристыдить. «Наставниче, говоритъ онъ: Кедь есь такій мудрый, то отгадай ми сесье: Водяна колодка а деревяный клѣчъ (ключъ).» — «Водяна колодка, отвѣчаетъ выдавця, є море, а деревяный клѣчъ є Мойсеєва палиця.»

«Ишовъ зацъ (заяцъ) черезъ воду, та переплававъ, а стрѣлецъ ишовъ, та ся утопивъ.» Выдавця отвѣчаетъ: «Зацъ—то суть Жидове и Мойсей, а стрѣлецъ, то Фарагонъ. Жидове, коли ишли черезъ море, та перешли, а Фарагонина ся утопила.»

«Є такій квѣтокъ, што изъ нёго негодна а ни една дѣвка вѣнець вывити?» — «Квѣтокъ тотъ есть цвѣтъ на житѣ, або на пшеницѣ.»

«Котре є найлѣпше набожество?» — «Отповѣмъ ти,» говоритъ выдавця. «Єденъ чоловѣкъ ишовъ до Ерихона и въ разбойники упаде, и тамъ оставъ пораненый: иде Пôпъ, та го обышовъ; иде

другій Левитъ, и той го обышовъ; иде третій Самарянинъ, та ся надъ нимъ розмилосердовавъ, и узявъ го на свого сомарика; бо знайте, добры люде, же Жиды давно не любили ходити на коняхъ; бо конина чоловѣка истрясе зъ себе, а сомаря, калѣка, понесе. А такъ коли го взявъ на свого сомара и му раны позавивавъ, приnёсъ го до гостинця, и тамъ му выслуговавъ, а пакъ давъ карчмарёви пѣнязи, жебы му раны гоивъ и дававъ ѣсти, а якъ ся назадъ верне, та му заплатить.»

«Иши едно: «Мене створивъ Бôгъ, а я собѣ створивъ жену, а мене створила жена.»—«Мене створивъ Богъ—першого чоловѣка. Адама, створивъ, и вы знаете, же Бôгъ. Я собѣ створивъ жену—Ева створена изъ мого, т. е., Адамового ребра. А мене створила жена, т. е., же я, выдавця, народився отъ моей мамы, котра была не инше, якъ «жена».

«Кôвко (сколько) мала Пречиста Дѣва рôковъ, коли ей Іоакимъ и Анна дали до закону?»—«То уже не знау,» отвѣчаетъ выдавця.—«Та видишь, же иши ты вшытко не знаешь. Мала сёмь рокôвъ, а коли породила Христа, то тогды мала пятьнадцять рокôвъ.»

«А што робивъ Бôгъ, коли ходивъ исъ Святымъ Петромъ по земли?» Выдавця отвѣчаетъ: «Разъ они прійшли ку еднôй водѣ, а тамъ ишли двои люде изъ возами до лѣса на дрова. Христосъ и Петро просилися, жебы ихъ чрезъ воду перевезли; богатый не хотѣвъ, же му ся утраплять волы; а сегинь (бѣдакъ) худобный взявъ та и перевёзъ. Якъ перешли, гварить Петро Богови: «Та што тому даме, же насъ перевёзъ? Є, та ничь, гварить Бôгъ, та иши тоты бычата поздухавуть му.» Петро ся зачудовавъ, та гварить далей: «Та тому што буде, што насъ не хотѣвъ перевезти?»—Христосъ каже: «Достане иши два таки сейки (волы).»

И тому подобное говорится далѣе. Каждый изъ присутствующихъ, желая показать свою мудрость, собственно же свою «збѣглость» (искуство) въ Св. Писаніи, предлагаетъ разные вопросы, чѣмъ и кончится обрядъ обрученія. На прощанье поднимаетъ чарку староста и говорить: «Дякуеме Богу Небесному, за ёго даръ, а вамъ за честь, за гостину. Бывайте здоровы!» Послѣ сего уходятъ въ свояси. При этомъ молодый проситъ у своей невѣсты орѣшковъ, она ему даетъ, а онъ за то цѣлуетъ ее въ лицо и уходитъ.

II. Свадьба или весѣлье.

Съ приближеніемъ брачнаго дня, первая забота молодого «наяти гудаковъ» (музыкантовъ-Цыганъ) за 3, или 4, просты златы (40 кр.), на два, или три, дни. Съ другой стороны посылаетъ «просотаря» по селѣ приглашать гостей на свадьбу. Всякій, кого зовутъ на свадьбу въ гости, считаетъ нужнымъ послать призывавшимъ подарокъ, состоящій въ съѣстныхъ припасахъ. Просотарь» произноситъ свою рѣчь такъ: «Повѣвъ вамъ (Н. Н.) службу и добрый день, жебы 'сте пошли за Пана свата, и за Паню свашку, а то и я васъ прошу.»

Въ Недѣлю (Воскресенье) вечеромъ начинается свадьба и держится, по большей части, до Вторниковаго вечера. Съ закатомъ солнца въ Недѣлю приходятъ музыканты въ домъ молодого и начинаютъ гудьбу (играть). Пляску открываетъ дружба молодого, испросивъ напередъ благословенія у домашняго господаря и господыни въ такихъ словахъ: «Наню сведьбяный и мамо! Дай намъ, Боже, счасливо зачати, въ шестью (счастью), въ здравью, въ Боскôмъ святôмъ пожегнанью!» Чѣмъ и открывается свадьба.

Садясь за столъ вечерять, староста произноситъ слѣдующую рѣчь: «Мои собраны гостѣ! Теперь на самый передъ треба ся помолити; бо такъ чуеме изъ Письма Святого, же до каждой роботы треба ся брати во имя Боже!» И тогда молятся всѣ въ голосъ, а по окончаніи молитвы садятся, староста же продолжаетъ говорить далѣе: «Єденъ Панъ давъ едну гостину, и давъ скликати гости, але они не хотѣли прійти, же негодны: же еденъ купивъ валалъ (село), та пôде го посмотрѣти; а другій же купивъ пару волôвъ, та пôде ихъ посмотрѣти; а третій же собѣ узявъ жену, та ей негоденъ охабити (лишити). И такъ Панъ ся погнѣвавъ, и пôславъ на драги слугôвъ, где кого найдуть, жебы го ту привели; и они пôшли и назберали вшелякихъ цундравыхъ жебракôвъ, (нищихъ) жебы ся наповнивъ домъ; але еденъ пришовъ, што не мавъ гостинску шмату (одежу). Такъ адде (вотъ) и нашъ добрый пріятѣль ма'ть (имѣетъ) єдного сына, та го хоче оженити и изъ того ся утѣшать, же му Бôгъ давъ го выгодовати, и за то дава'ть (даетъ) гостину, и, вмѣсто себе, мене ту поставивъ, жебы я вамъ да што приповѣвъ; бо овôнъ не ма'ть коли. Э, та слухайте же теперь далей! Коли Іисусъ Христосъ ходивъ по землѣ и научовавъ народъ, а разъ учивъ у пустыни, и повѣдавуть му ученици єго, же народъ

зголоднѣвъ, та жебы го отпустивъ ѣсти. Але Христосъ повѣвъ ученикамъ: «Та вы не мате да што ѣсти?» Отповѣдавуть му они, же «маме 5 пôдпалкôвъ (хлѣбовъ) и 2 рыбы.» И узявъ Христосъ тоты пôдпалки, и изъ нима насытивъ пять тысячъ народа. Но нашъ пріятѣль, якъ худобный чоловѣкъ, адде просить на худобну вечерю, котру намъ давъ, жебы 'сме пожили.» И такъ пирують, а по вечери опять молятся, за тѣмъ пляшуть во всю ночь, и только подъ разсвѣтъ уснутъ немного.

Староста, рано пробудившись, велитъ Цыганамъ играть: «Грай домашнимъ на добрый день!» И скрипаки тнуть, «ажъ хижа брымить». А какъ тутъ чужихъ людей еще нѣтъ, то одни лишь домашніе пляшутъ. Послѣ снѣданья (завтрака) отправляется дружба звать всѣхъ сродныхъ и кумовъ, «за Пана свата и за Паню свашку,» которые и собираются отъ 15 до 20.

Теперь первой задачей «свашокъ» сушить «заставу» или свадебную хоругвь изъ разноцвѣтныхъ платковъ и лентъ. За тѣмъ слѣдуетъ декорація сватовъ. Приносятъ изъ пелевни одинъ снопъ овса, и ставятъ его на столъ, староста садится за столъ и говоритъ къ сватамъ: «Но, мои любы сватове! Теперь бы намъ ся брати до свѣта, та намъ треба на кельчикъ (иждивеніе) дудкôвъ, треба намъ кочишôвъ (кучеровъ) и чаканёшôвъ (родъ полицейныхъ сторожей), жебы потримали где буде зле; бо насъ свадьбяный нянё (отецъ) выправля'ть до далекой драги, такъ якъ Товія выправлявъ своего сына до драги зъ пѣнязьми, и давъ му Бôгъ за путника Ангела, жебы счесливо сходивъ. А теперь, цы пріймаете мене, хлопци, за старосту?» — «Пріймаеме, пріймаеме!» кричатъ всѣ дѣти, которыхъ тутъ цѣлая гурьба собралась. И староста беретъ стебло овса и затыкаетъ его за шляпу, въ знакъ своего званія.

«Цы пріймаете Хведора, говоритъ далѣе староста, за маршалку (хоругвоношца), што може носити заставу?—«Пріймаеме, пріймаеме!» кричатъ всѣ. Такимъ образомъ всѣ сватовья украшаютъ свои шляпы овсянымъ стебломъ, который они во всю свадьбу носятъ.

По окончаніи этого обряда свашки украшаютъ «заставу» чѣмъ только придумаютъ, при чемъ припѣваютъ:

«Зыйди, Господи, съ неба,
Зыйди, Господи, съ неба,

Бо намъ тя ту треба
Заставу вышивати, *
Шестѣчькомъ (счастьемъ) докладати.»

Коли заставу шили,
Всѣ сваты ся тѣшили:
Готъ ся найбаржей тѣшивъ,
Што ей у рукахъ носивъ.

Красна застава, красна,
Якъ зоренька ясна:
Суть по ней пантлички (ленты),
Якъ на небѣ звѣздочки.

Послѣ того садятся за столъ и пируютъ (водка, сыръ и т. п.)

Но посмотримъ теперь, что дѣлаютъ въ домѣ «молодицы». Тутъ «гудьбы» (музыки) нѣтъ, гостей тоже нѣтъ, а лишь присутствуетъ «выдавця», котораго тутъ таже обязанность, какая «старосты» въ домѣ молодого. Около восьмаго часа собираются дѣвушки, подруги молодой, приносятъ съ собой зеленый барвинокъ и начинають вить вѣнки, при чемъ припѣваютъ:

«Зыйди, Господи, съ неба,
Зыйди, Господи, съ неба,
Бо намъ тя ту треба
Вѣночки вывивати,
Исъ шестёмъ докладати.

У понедѣлокъ рано
Соненько ся купало,
Соненько ся купало,
Вонъ море выливало,

Вонъ море выливало,
Зѣльечко покропляло,
Зѣльечко барвиночокъ,
Марьци на вѣночокъ.

* Первая строка за каждымъ разомъ повторяется.

Ходитъ Марья, ходитъ,
Та й по хижѣ тапшать,
Ажь ёй отъ серденька
Червена кровь цяпкать.

Ходитъ Марья, ходитъ,
По хижѣ плачучи,
По хижѣ плачучи,
Нянька глядаючи.

Хоць бы ты обышла
Хижечку до кола,
Вера ты не найдешь
Нянечка сокола.

«Эй, Боже, Божичку,
Пусть мя на земличку,
Нягай я увиджу
Дѣвчину свадьбичку!» —

Посмотрь ты, Маричко,
На мештерну гряду,
Не машь ты нянечка,
Не машь та и ряду.»

«Дай, мамочко,
Иголку, нитку и шовку,
Пришивати вѣночокъ
На червеный квѣточокъ!

Ма'ть Маричка братчика, 2.
Молодшого отъ себе,
Молодшого отъ себе, 2.
Кличе го передъ себе

Маленько послужити, 2.
Вѣнокъ положити.
«Эй, Марько, Маричко,
Камяного серця,

Якъ же тобѣ не жаль
Зеленого вѣнця.» —

«Ба, якъ ми го не жаль,
Ажь мя серце болить,
Бо то все ся стало
Не по моей воли.

Не по моей воли,
Але по братовой,
По братовой и сестриной,
Та й по материной.»

Когда вѣнецъ дѣвушки совьютъ, тогда призываютъ самаго молодшаго брата молодой, чтобъ онъ надѣлъ вѣнецъ сестрѣ на голову. Молодая становится на колѣна передъ столомъ, а мальчикъ съ плачемъ вѣнчаетъ сестру свѣжо свитымъ вѣнкомъ. Послѣ вьетъ вѣнцы дружка для себя и для дружбы. Когда вѣнцы уже готовы, тогда «выдавця» угощаетъ дѣвушекъ.

Теперь обратимся опять въ домъ молодого. Староста, окончивши обрядъ овсянаго стебла, возвышаетъ голосъ и говоритъ: «Няню свадьбяный и мамо свадьбяна! Подьте вы гевъ (сюда), та благословьте сьна такъ, якъ благословивъ Исакъ Якова!» Молодый преклоняетъ колѣна посреди хижи, а родители, возложивъ руки на его голову, благословляютъ его, говоря: «Жебы тя Бôгъ благословивъ такъ, якъ благословить землю о Святôмъ Янѣ (около рождества Св. Іоанна) и о Святôмъ Петрѣ, и жебы тѣ (тебѣ) Бôгъ давъ любовь изъ своёвъ женовъ; жебы тя Богъ заваровавъ (охранивъ) отъ вшыткого (всякого) злого, отъ панской карности, отъ людской ненависти!» Молодой, принявъ благословеніе, цѣлуетъ родительскія колѣна и отправляются за молодой.

Выходя изъ дому, дружба дѣлаетъ «чеканомъ» крестное знаменіе на дверяхъ, держа чеканъ надъ дверями дотолѣ, пока всѣ не выйдутъ.

Прибывъ въ домъ молодой, выдавця затворяетъ предъ ними двери и не хочетъ ихъ впустить въ хижу. Между тѣмъ свашки поютъ:

Идеме, идеме,
Где же мы станеме?
У Шкоeрана на дво̂ръ,
Подъ зеленый яво̂ръ.

«Пустьте вы насъ днука (внутрь),
Бо намъ одмерзнуть уха,
Руки, ноги, грѣти,
Палёнки ся напити!

Вступьтеся намъ зъ кута,
Та вамъ даме дуката,
Дуката червеного,
Отъ Краля молодого!»

Но дѣвчушки, стоя на лавкѣ за столомъ, отвѣчаютъ имъ, припѣвая:

«Не каже ся Марья
Изъ кута вступити,
Докля намъ не дасте
Дукатикъ убитый.» —

«Чомъ свашки не ладкавуть?
Бо рѣдки зубы мавуть:
Треба глину мѣсити,
Свашкамъ зубы олѣпити.»

Свашки отвѣчаютъ имъ на это:

«Не прійшли мы ту
Ни ѣсти, ни пити,
Лемъ мы ту прійшли
Молоду видѣти.

Камяна камяниця,
Замкнена молодиця:
Камяницу розбуряти,
Молоду намъ вказати.

Єй, свашки мы, свашки,
Изъ Потôчка Чорного,
Треба бы намъ, треба,
Рушничка бѣлого.»

Тутъ староста стучитъ въ затворенныя двери, приговаривая: «Миръ сему честному дому! Христосъ посредѣ насъ!» Выдавця оттворяетъ двери и говоритъ: «Єсть и будетъ! Отки же вы, добры люде? Што глѣдате и съ чѣмъ идете?» Староста снимаетъ крисаню (шляпу), украшенную стебломъ овса, и говоритъ: «Прійдѣте, поклонимся Цареви и Богу нашому! Прійдѣте, поклонимся Христу, Цареви и Богу нашому! Прійдѣте, поклонимся и припадемъ самому Господу, Цареви и Богу нашому! Мы, видите, идеме, такъ якъ ишли трёми Царіе: ихъ провадила звѣзда, а насъ провадить застава (хоругвь)».—

«И съ чѣмъ идете?» спрашиваетъ выдавця, и вдругъ затворяетъ двери; ибо староста не умѣетъ отвѣтить.

Староста опять толкаетъ въ двери съ словами: «Христосъ посредѣ насъ!» Выдавця створяетъ дверь, отвѣчая: «Єсть и будетъ! Исъ крестомъ, исъ крестомъ,» и тутъ уже впускаетъ ихъ въ избу, Но дѣвушки не хотятъ удалиться изъ кута, пока не получатъ своего «дуката». Староста бросаетъ имъ горсть мѣдныхъ грошей, и онѣ передаютъ мѣсто свое прибывшимъ свашкамъ.

Теперь застава поставляется въ кутъ за столъ. Староста выходитъ на средину хаты, снимаетъ крисаню и произноситъ: «Наставниче сёго дому! Мы ту ужь давно путуеме за тымъ бѣлымъ чадомъ, та мы го хочеме видѣти.» Выдавця на то возражаетъ: «Иншакъ (иначе) бесѣдуйте! бо я го хоць якъ вамъ не выдамъ.»

«Але, мой возлюбленный! Коли Пречистôй Дѣвѣ было сêмь рокôвъ, та єй дали до закону, до церкви Іерусалимской, отець и мати жебы Богу служила. Такъ и мы ту бхабили нашу молоду до часу; але теперь єй отбираме отъ васъ, такъ якъ отобравъ Святый Захарій Пречисту Дѣву до закону.

Тутъ уже выдавця идетъ въ комору, выводитъ дружку за руку и отдаетъ имъ. Они кричатъ, что, «не тота», и отдаютъ дружку дружбѣ. Выдавця опять идетъ въ комору, выводитъ уже молодую и передаетъ ее молодому. Въ это время музыканты начинаютъ «густи» (играти), а молодый съ молодою начинаетъ пляску, въ которой принимаютъ

участіе всѣ сваты и свашки. Наплясавшись вдоволь, садятся за столъ, пьютъ «палѣнку» и ѣдятъ хлѣбъ да соль.

Между тѣмъ настаетъ пора ити къ вѣнчанію. Но прежде молодая отправляется въ комору, тамъ находитъ какую ни есть старуху, и обѣ ворожать. Послѣ сей ворожбы, которая, впрочемъ, составляетъ тайну для мужчинъ, молодая опять выходитъ къ гостямъ.

Общее движеніе въ комнатѣ. Всѣ начинаютъ собираться. Тогда староста, принявъ важный видъ, становится посредѣ хаты и говоритъ: «Няню свадьбяный и мамо свадьбяна, и вся родино! Просимо на словѣчко, на двѣ: подьте вы къ намъ, та благословьте Ивана та Марьку!» Отецъ и мать приходятъ, а староста принимается прощаться, отъ имени молодыхъ, прежде всего съ родителями, послѣ съ крестнымъ отцомъ и матерью, съ сельской бабой (повитухой), съ дѣвицами-ровесницами, и со всѣми гостями. Плачъ тогда немалый.

«Коли Авраамôвъ слуга, говоритъ староста, выпросивъ Исакови жену, о вôнъ ей отобравъ отъ матери и брата, и вêвъ (велъ) Аврамови за невѣстку. Такъ и я ей прошу сынови мого сосѣда за жену, але напередъ благословьте ихъ!»

При сихъ словахъ молодая чета преклоняетъ колѣна посреди хижи, отецъ и мать благословляютъ ихъ, и они, принявъ благословеніе, цѣлуютъ имъ колѣна и лицо. Дружба творитъ знаменіе креста на дверяхъ, ударяя чеканомъ по четыремъ столпамъ, и отправляются всѣ къ вѣнчанію, а свашки поютъ:

Идеме, идеме,
До храму Божого,
А чей достанеме
Ставу малженьского.

Идеме, идеме,
Где двѣ свѣчки горятъ,
А чей намъ тамъ, а чей,
Дверечка одтворятъ.

«Посмотрь ты, Маричко,
На Чабинскій костѣлъ,
Где ти ся перемѣнитъ
Твôй сребêрный перстѣнь!»

Присягала Марья
    Предъ Дѣву Марію,
Же достала Ивана,
    Якъ бѣлу лелію.

Выходя изъ церкви, свашки продолжаютъ далѣе:

До костела єдно,
    А зъ костела двоє,
«Радуйся, мамичко,
    Твои обыдвоє!»

Чабинскій панъ отецъ
    Ходитъ, яко Нѣмецъ,
Не єдной дѣвочцѣ
    Зронитъ зъ главы вѣнецъ.

Чабинскій панъ отецъ
    Не платитъ аренду,
Може си купити
    Шувну (красну) реверенду.»

Приближаясь къ дому родителей молодей, свадебные встрѣчаютъ выдавця, стоящаго уже на дверяхъ, который спрашиваетъ ихъ: «А где вы ходили, добры люде?» —

«Мы ходили, отвѣчаетъ староста, къ самому Ісусу Христу талантъ одобрати, такъ якъ тоты трёми, што єдному давъ пять таланты, та изъ нима пріобрѣвъ другихъ пять, а другому давъ три, та зась пріобрѣвъ три, а третёму давъ єденъ, а тотъ, шельма, не знавъ, што съ нимъ робити, та го закопавъ у землю. Такъ и вы намъ дали єдно, а мы вамъ привели двоє.»

За симъ вступаютъ внутрь, садятся за столъ и пируютъ. Самую видную роль играетъ «палёнка», за нею слѣдуетъ капуста съ бараниною, потомъ каша, фасоля, курицы, варены въ молокѣ и т. п.

Наконецъ приходитъ время собираться въ отъѣздъ: сани, или возы, приготовлены, дружба идетъ въ комору, беретъ перину, заголовки и скрыню, и выноситъ все то на санки, или возъ. Староста, отъ имени всѣхъ, благодаритъ домашнихъ «за честь, за гостину» и, взявши съ собой молодую, отправляются домой, а свашки поютъ:

«Сѣдай, Марьё, съ нами!
Маме вôзъ кованый,
И четверо коней,
Кочишъ (возниця) малёваный.»,

Выходить зôрничка
Зъ за лѣса темного,
Выбера'ть 'ся Марька
До краю чужого:

«Оставайте здравы,
Мои пайташочки (подружки),
Што 'мъ съ вами ходила
Въ зимѣ на прядочки!

Въ зимѣ на прядочки,
Въ лѣтѣ на орѣшки,
Оставайте здравы,
Мои пайташочки!

Пайташочки мои,
Красно вамъ дякую,
Свôй зеленый вѣнокъ
Я вамъ подарую;

Свôй зеленый вѣнокъ,
И свою персону,
И свою персону,
И дѣвоцку корону.»

Дѣвушки отвѣчають на то свашкамъ въ слѣдующій способъ:

Выходить, выходить,
Зъ за горы зôрничка,
Ужь вамъ ся выбера'ть,
Зъ хижи робôтничка:

«Верни ся, Марѣ, зъ дверей,
Подякуй матери
За постель писану,
Скрыню малёвану!

Пôде Марья, пôде,
Де ся хлѣбъ не родить,
Лемъ дрôбны бандурки (бульбы).
Што ихъ ѣдять курки.

Пôде Марья, пôде,
Где ся чикы (вьюны) родять,
Кедь вода выліе,
Та по смѣтью ходять.

Пôде Марья, пôде,
На другу дедйну (село),
Дай ей, Пане Боже,
До рока дѣтину!»

Уже вечерь, когда привезутъ молодую въ домъ молодого. Тутъ старуха мать, услыхавъ прибытіе свадебныхъ, надѣваетъ кожухъ «на рубы» и выходитъ своей невѣсткѣ на встрѣчу. Она останавляется на дверяхъ и держитъ въ рукахъ «пôдпалокъ» (плоскій хлѣбъ). Молодая подходитъ къ своей свекрухѣ, а та спрашиваетъ ее: «Исъ чимъ есть ту пришла?» Та отвѣчаетъ: «Исъ шесьтёмъ (счастьемъ), здравёмъ, милымъ Боскимъ пожегнанёмъ.» Тогда свекровь кладетъ ей «пôдпалокъ» на голову и вводитъ въ хижу. Между тѣмъ свашки поютъ:

«Выйди, мамо губата, 2.
Где невѣста богата,
Штири волоньки жене, 2.
И пятого коня веде.
Хоць бы гнала, не гнала, 2.
Лемъ бы шесьтѣчко мала.

Выйди, мамко, выйди,
Невѣсту витати,
Бо ей ту не пришовъ
Ни отець, ни мати!»

Прилетѣвъ соколонько,
Сѣвъ собѣ за столонько,
Почавъ щебетати,
Якъ мае привыкати.

Сидить котъ на полицѣ
У червенôй ногавицѣ,
Вываливъ оченята,
Цы шувни молодята.

Перешагнувши порогъ, молодая направляется къ столу и цѣлуетъ четыре углы его, а за тѣмъ садится насамое первое мѣсто, вокругъ нея свашки, предлагаютъ вечерю и пируютъ.

По вечерѣ беретъ дружба постель молодой, несетъ ея на «пôдъ» и тамъ разстелаетъ; немного спустя выводятъ свашки молодую на повалу, гдѣ, посадивъ ее мужу на колѣна, расплетаютъ ей дѣвичью косу. Между тѣмъ музыка играетъ въ сѣняхъ, а свашки поютъ:

Иде Марька, иде,
Горѣ драбиночковъ,
Горѣ драбиночковъ
Съ свевъ дружиночковъ:

«Зоставай ты здрава,
Моя стара мати!
Бо я уже иду
Инде обитати.

Эй, стельте ми, эй стельте,
Тоту бѣлу ложу!
Бо я тоту ложу
Нигда не отложу.

Тремтить косонька, тремтить,
Чого сь она ся боить,
Чого сь она ся боить,
Свашка сь на ню строить.

Будеме варити
Горохъ и капусту,
Будеме правити
Изъ Марьки невѣсту.»

Расплетши молодой дѣвочью косу, свашки повязаютъ голову ей на подобіе замужнихъ женщинъ и отправляются на рѣку всѣ умываться. Тутъ отрѣзываютъ вѣнокъ изъ крисани молодому и его дружбѣ и кладутъ оный на верхъ воды. Дружба придерживаетъ вѣнки «чеканомъ», чтобъ вода не понесла, и изъ средины вѣнковъ берутъ новобрачные воду въ горсть и умываются, а староста благословляетъ ихъ словами: «Отець, Сынъ и Духъ Святый, наіі же васъ благословить, а и Пресвятая Дѣва Марія!» Между тѣмъ свашки припѣваютъ.

«Несе Маричка воды
Для доброй злагоды,
Буде злагода, буде,
Кедь Марька добра буде.»

Молодой черпаетъ изъ рѣки воды въ збанокъ (кувшинчикъ) и, принесши въ хижу, кропитъ ею весь домъ и гостей. Послѣ того молодая пляшетъ при немъ: каждый изъ ея гостей тоже пляшетъ съ ней, и кладетъ въ блюдо нѣсколько мѣдныхъ денегъ «на чепець.» За тѣмъ еще пируютъ, пляшутъ, и тѣмъ свадьба завершается.

XVI. Свадебныя пѣсни, записанныя Иваномъ Яцковичемъ, Дьячкомъ Лаборскимъ.

1.

При вѣнкахъ на свадьбѣ:

Садила Ганйчка
Руту и лелію,
Якъ ей садила,
Богу ся молила:

«Дай ми, Пане Боже,
Вѣтрику буйного,
А дожду дрôбного,
На руту, лелію,
Крячокъ, розмарію!

Кабы мй тамъ ишли
Фурмановы кони,
Побродили ми тамъ
Руту и лелію,
Крячокъ, розмарію!

Зъ чого собѣ, Боже,
Тріи вѣнки ввити:
Єденъ мй самому,
А другій милому,
А третій, мой Боже,
Дружбятю младому!»

2.

Сидитъ Ганйчка
Межи дружêчками,
Вытира'тъ оченька
Съ дробными перлами:

«Хоцъ бысь вытирала
Гадвабновъ хустечковъ,
Вера ужь не будешь
Надобновъ дзивечковъ,
Еще хоцъ бысь пила
Фіялковый корень,
Вера ужь не будешь
Нашимъ дѣвкамъ ровень!»

3.

«Выйди, Ганичко,
Напредъ насъ!
Купь собѣ вѣнокъ
Отъ насъ!
Кедъ го не хцешь
Купити,
Пôдемо го
Пропити,
До нового гостинце,
За червене винце,
За мёдъ, за паленку,
За солодку медôвку!»

XVII. Свадебныя пѣсни Угорской Руси.

1.

Въ началѣ свадьбы:

Ой лежать бервы бервêнковй
Для счастья молодои!
Починается гостина
Для всѣхъ насъ радостна.
Гостиночко превелика
Одъ Тисы ажь до Бескйда.
Гостина одъ Тйсы
У нашого сусѣда,
Одъ сусѣда до Бескйда,
Въ нашого славного рода.
Днешнёго початочку,
Щасливого поступочку;
Днешнёи днипочки,
Щасливои годиночки,
Молодцёви идъ вѣнцёви,
Молодицѣ идъ чипцёви.

2.

Во второй день утромъ:

Ой лежать берви бервêнковй
Для щастья молодои!
Ой пой (пойдь), Богоньку, до насъ!
Бо теперь у насъ гораздъ,
Пой и ты, Божая Мати,
Вѣночки починати,
Вѣночки починати,
Серенчу роздавати.

3.

Ой лежать берви бервênковû
Для нашои молодои!
Ой вынесено зêлья
Изъ пôдъ гôръ на весêлья,
Положено на столочокъ,
На чиноватый порточокъ.
Ой спознавай, старосто,
Што то е за зêлечко!
«Ой я ёго спознаю,
Бо я зêлечко знаю —
Хрещатый бервêночокъ.»

«Хрещатый бервêночку,
Не лежи у городочку!
Часъ бы зъ тя вѣнцû вити
Двое дитятъ сподобити.»

4.

Ой лежать берви бервêнкови
И нашому старостови!
«Пой (подь), старосто, передъ насъ,
Купи собѣ вѣнцû одъ насъ!
Кедь го не идешь купити,
Несеме го пропити,
За червенее пиво,
За зеленее вино;
Ой за вѣночекъ витый
Треба намъ таляръ битый.

5.

Пêрья, гудачки, пêрья,
Не е туй безъ васъ дѣла;
Мы бы васъ попросили,
Абы с'те насъ послужили,
Хоть не на всю днинньку,
То лемъ на малу хвûльку.

6.

Ясный мѣсяць свѣтячи,
Пышный староста идучи,
Староста межи Буяры,
Якъ сонечко у яри;
Єго Буяре у шовковой одежѣ,
А староста до колѣна въ золотѣ,
Такъ на нёмъ менты маютъ,
Якъ маки процвѣтаютъ;
Такъ подъ нимъ коникъ грае,
Якъ сивый соколъ лётае;
Такъ на нёмъ ховпакъ муґтитъ,
Якъ золото ряхтитъ.

7.

Идучи въ церковъ:

Ой лежатъ берви бервёнкови̂
Для Попонька щасливои!
Ой не е Попонька дома,
Пôшовъ вонъ до Львова
Ключики куповати,
Церкôвцю одмыкати,
На церквѣ голубъ гурчѐ,
Чомъ церковь не вôдомче.

8.

Ой и голубе, голубе,
Што принесло ту й тебе?
Завѣчашь штось доброго
Для нашого молодого,
А для нашой молодици̂
Скажутъ правду соколици̂;

Правду скаже Священникъ,
Якъ вôнъ васъ поблагословитъ.
Благослови ихъ, Отче нашъ,
Та й пусти домой всѣхъ насъ!»

9.

Іослѣ вѣнчанія

Ой лежатъ берви бервêнкови:
Дякуеме Попонькови!
Напередъ Богонькови,
А вôтъ такъ Попонькови,
Ой што насъ не убавивъ,
Нагленько насъ одправивъ,
Нагленько насъ одправивъ,
Но твердо насъ побоживъ.

10.

Шовкова ничилниця:
О якъ красна молодиця!
А тростовое бердо:
Повѣнчано все твердо.
Двое дѣтокъ, двое,
Якъ одно, такъ обое:
Єдно ми рожденое,
А другое сужденое.

11.

«Пилнуй, старосто, пилнуй,
И дома добре орудуй;
Бо мы ту й не сгрожені,
Лемъ есьме запрошені:
Дорога далеченька,
Ноченька темненька.»—
«Суть коничкы пôдъ вами,
Бійте ихъ острогами!»

12.

При посѣщеніи молодой:

Ой бервы бервѣнкови:
Дай, Боже, щастья молодои!,
Куда наша Марйчка ишла,
Шовкова трава росла,
Не трава, но команиця:
«Цыть, мамко, не журися!»

13.

«Слѣдомъ, мамочко, слѣдомъ,
За своимъ дитяточкомъ!»—
«Слѣдили 'сьме на воротѣхъ,
Пôшла Марйчка у чоботѣхъ,
Чобôтки червеныи,
Пôдкôвки срêберныи!»

14.

Де си заслѣдиме,
Тамъ си зудоймеме:
«Стань, Марйчко, на оконце,
Потѣшь мамчино серце!»

15.

Ой не є Марйчки дома,
Пôшла на воду она,
Ой пôшла она на воду
Идъ зеленому броду.

16.

Ой та не тôлько єй годовали,
Щê 'сьме такъ не заганяли,
Закля Марйчка вôтъ тамъ прійде,
Єи мамка домôвъ пôде.

17.

«Ой выйди, Марйчко, зъ новои коморочки,
Изъ чужой стороночки:
Не дай ся издурити!
Прійшли 'сьме тя выкупити:
Ой є у насѣ грошей сила,
Бо намъ наша Марйчка мила!»

18.

«На столѣ фляша ваша,
Бо вже Марйчка не ваша:
Пропили 'сьте молодицю
За паленки бербеницю!» —
«Мы еи пропили,
Кедь бы 'сьте ей це втопили!»

19.

Послѣ свадьбы:

«Выходь же къ намъ, выходь,
Наша паний молода,
Абы 'сьме видѣли,
Што въ тя за подоба:
Цысь така, якъ была,
Цысь ся премѣнила!
Бось съ бѣловъ хусточковъ,
Дали мы тя, дали,
Въ зеленôмъ вѣночку,
Теперь тя найдеме
Ужь въ бѣлôмъ рубочку.
Дали мы тя, дали,
Въ той перловой парти,
Теперь тя найдеме
Въ бѣлôмъ пакелатѣ!»

II. Пѣсни на крестинахъ Угорской Руси

(Записки Русскаго Геогр. Общ. 1867, I, 689.)

1.

На дворѣ годиночка
Ясна, ясна,
У нашого кума
Гостиночка красна:
«Ой, куме мôй молодый,
То вашъ напôй дорогій:
Єднакъ солодко го пити,
Бо за нёго не платити.»

Кумова слава,
Коли иде кума пьяна,
По пôдъ новй будыночки
Отъ кума изъ гостиночки.

2.

«Весе́лость моя,
Де сь у 'ня ся взяла?
Тото мёнѣ, тото,
Моя кума дала.

Дала мёнѣ, дала,
Въ писанôмъ погарѣ,
Быхъ ся веселила
У сёмъ честнôмъ домѣ!»

3.

«Паленочко наша,
Не течешь изъ лѣса,
Лемъ течешь зъ рѣтязѣй
За наши пѣнязѣй!»

4.

У нашого кумочка
Калная уличка,
А я по ней ходжу,
Я ся не набродж у.

Заказали козы, вôвцѣ,
Абы ишли гостѣ вôтцѣ,
А барана зарѣзали,
Абы ёщё погуляли.

5.

«Пій, кумцю!» — «Я не буду,
Дай паличку, домôвъ иду!» —
«Годѣ, кумцю, дѣтиночку,
Годѣ, кумцю, сокольничку!»

6.

«Кумцю моя, кумцю,
Съ чорныма очима,
Яка 'сь сама красна,
Така ти дѣтина!»

B. ПЛЯСОВЫЯ ПѢСНИ ИЛИ ПѢСНИ КЪ ПЛЯСКѢ.

A. КОЛОМЫЙКИ ИЗЪ ГАЛИЧИНЫ.

1.

Ой любивъ я на сторонѣ дѣвчину небогу,
А Бойки ся пôдмовили, та вломили ногу.

2.

«Ой Цыгане, Цыганику, то 'сь мя уциганивъ:
Яка 'мь була дѣвка файна, а ты мя сногâнивъ!»

3.

Кобы вѣтры не вѣяли, тай тучи не били,
Кобы, серце, не вороги, мы бы ся любили;
Кобы серце не вороги, та й не вороженьки,
Мы бы собѣ постояли, близко дороженьки;
Мы бы собѣ постояли та й поговорили,
А намъ бы ся съ тои туги кучери повили.

4.

«Ой любку мой солоденькій, не сни ми ся въ ночи,
Выплакала 'мь черезъ тебе свои чорныѣ очи!»—
«Посѣявъ я пшениченьку, вродився горôшокъ,
Не давъ бы я свою милу за десять Волошокъ.

5.

А вдарила нога въ ногу, ходѣмо до дому:
«Серце мое ласкавое, не кажи никому!»

6.

Або мене и хто забье, або я якого,
А все тото черезъ тебе, бѣлявко небого!

7.

Ишовъ Бойко за волами, накрывся полами,
За нимъ, за нимъ бѣлявеся съ чорными бровами.

8.

А то ми ся навтямила та нынѣшна днинка,
Що не знаю, где що робитъ файна леданичка.

9.

Ой ѣхавъ я по надъ воду, та шукавъ я броду,
Та упавъ я изъ коника по самъ поясъ въ воду.

10.

Ау Стрыю на затылью малёваны сѣни,
А тамъ мои, товаришу, кучерѣ посѣли.
Бодай тоты карабѣны отъ сонця згорѣли,
Бо вже мене, молодого, плечи изболѣли!

11.

Летятъ куры, а все буры, межи ними качка:
А всѣ дѣвки, якъ панянки, лишь одна брехачка.

12.

Ой кобы я очи мала, якъ у тои млиски,
Я бы ними выморгала всѣ пироги зъ миски.

13.

Моя мати ворожбитка, такъ ми ворожила:
«Не любь, доню, невѣрного, бо будешь тужила!»
А я таку занехала матусину волю,
Лишила 'мь ся безъ милого, якъ бы липка въ полю!

14.

По надъ лужокъ оре плужокъ, штыри волы сивы:
Тото моєй миленькои въ переду ходили;
Штыри волы, якъ соколы, рогами ся крешутъ,
А за мене тяженькіи вороженьки брешутъ.

15.

Ой пасъ же я штыри волы въ зеленой дубинѣ,
Загубивъ я паланичку, ще ми жаль до нынѣ;
Ой пасъ же я штыри волы, най волы пасутся,
А самъ пôду до дѣвчины, кучерѣ трясутся.

16.

Ой косити, молотити, я то не змагаю,
А дѣвчата обіймати, то я добре знаю.

17.

Ишовъ Бойко съ полонины, та й підковки темь, темь!
За нимъ, за нимъ, дѣвчинонька, бѣлая якъ день, день.

18.

Кобы не ты, файна любко, та й не ты, та й не ты,
Не стоявъ бы мой коничокъ по поясъ въ замети;
Кобы не ты, файна любко, та не твои строи,
Не стоявъ бы мой коничокъ по підъ плоты твои;
Кобы жь не ты, файна любко, та не твои танцѣ,
Не стоявъ бы я съ коничкомъ, та не щибавъ палцѣ.

19.

Усѣ нивки пооранѣ, одна облогуе:
Усѣ дѣвки на мя добрѣ, одна ворогуе.
Летятъ куры изъ фигуры, между ними качка:
Усѣ дѣвки мамяночки, а одна брехачка.

20.

Полола я пшениченьку та й ружу стоячу,
Та не знаешь, файный любку, якъ за тобовъ плачу.

21.

Далеко ти, голубонько, зъ дуба воду пити:
Далеко ти, файный любко, до мене ходити.» —
«Якъ я схочу воды пити, злыну та й напьюся:
Якъ я схочу въ тебе бути, то не забавлюся.»

22.

Волы мои половыи, чому не орете?
Лѣта мои молодыи, марне зъ свѣта йдете!
Пошовъ бы я за волами, та за половыми:
Пошовъ бы я за лѣтами, та за молодыми.
Ой давъ бы я, товаришу, волы половыи,
Кобы ми ся повернули лѣта молодыи!

23.

Лише рѣчка не вертае у горы землицевъ,
Тôлько усе упадае до моря водицевъ.

24.

Ой сѣеся татарочка, по лѣсѣ татарка,
Ой сѣеся та татарка для мого коханка.

25.

Горѣ селомъ, горѣ селомъ, сѣракъ на опашки,
Я си гадавъ, що до любки, а я до нанашки.

26.

Ой ишла я улицями—вулиці тѣсненькі,
А на моимъ файнôмъ любку кучері дробненьки.

27.

Ой ишовъ я улицями, межи ковалями,
Мало мене не забили ковалі клещами:
Ковалиха ударила, коваль намахнувся,
Якъ бы була не паличка, бувъ бы я минувся;
Якъ бы була не палиця, та не ясенова,
Була бы мя пôдкусила дѣвка ковалёва.

28.

Не займу я товаръ пасти; бо товаръ лѣтае,
А займу я волы пасти, любка завертае.

29.

А въ нашого свата, каже, у хатѣ пôдлога,
До нашого свата липнуть люде, якъ до Бога.

30.

Якъ музыка дробно грае, я слухати люблю,
А якъ мене рано будять я въ кулаки трублю.

31.

На скрыпочки тири-рири, на цимбалы бамъ, бамъ:
«Ходѣть, ходѣть, дѣвчатонька, та щось я вамъ дамъ, дамъ!»

32.

Ой йдуть волы съ полонины, рогами ся крещуть:
«Отдай, мати, дѣвку зъ хаты, най за ню не брещуть!»

33.

А въ богача пôвъ колача, та ще богачъ плаче,
А въ бѣдного нема куска, та й ще бѣдный скаче.

34.

Якъ я тоту коломыйку зачую, зачую,
Черезъ тую коломыйку дома не ночую;
Ой бо тота коломыйка легонька, легонька,
За товъ мене коломыйковъ болить головонька.

35.

Запалю я крайну хату на всѣ штыри куты,
Самъ не знаю, куды маю конёмъ навернути:
Навернувъ быхъ порѣ селомъ, та не маю дъ кому,
Та наверну долѣ селомъ, дъ закоханю мому.

36.

Доки я ся бай не женивъ, то пôдкôвки гай, гай!
Ой якъ я ся бай оженивъ, кожда бѣда дай, дай!

37.

Ой зроблю я косиченьку саму бервêнкову,
Закосичу кресанину свому миленькому;
Соломяный капелюшокъ павами вбтиченый,
Здае ми ся, мôй миленькій, що позолоченый.

38.

Ой зродила верба грушки, а тополя сливы;
Нихто зъ милымъ не розлучить, бо не мае силы.

39.

Ой зродила верба грушки, а тополя ябка:
За тое мя Бôгъ понаравъ, що 'мъ не слухавъ батька.

40.

«Не бій мене, моя мати, нѝколи нѝ за що:
Побье мене лиха доля на вѣки, ледащо.»

41.

«Ой дѣвчино, дѣвчинонько, то 'сь ми до подобы,
Не кажуть тя люде брати, не маешь худобы!» —
«Не журися, мôй миленькій, кобы 'сьмо здорови,
Будемъ мати кованый вôзъ, та й сѣренькі волы;
Не журися, мôй миленькій, журба не поможе,
Мы обое ще молодѝ, Бôгъ намъ допоможе!»

42.

Ой выйду я на подвôрье, стану на солому:
«Якъ тя, милый, не любити, коли видко дъ дому?»

43.

«А Господи милосердный, яка въ тобѣ сила!
Цы е въ свѣтѣ така друга, якъ я нещаслива?»

44.

Заковала зазуленька у лѣсѣ на колѣ:
Котрый хлопець чорнобривый — тото моя доля!

45.

«Ой жовнѣре, жовнѣреньку, ходишь по лѣсочку,
Та вырубай яворика, зроби колисочку!»

46.

Ой пôду я на толоку, толока лелѣе,
А мôй любко на толоцѣ, менѣ серце млѣе.

47.

Ой ишовъ я на ярмарокъ, на самыи Главы,
Повернувъ я до дѣвчины, чи помытй лавы?
Въ неи лавы не помытй, хата не метена,
Дѣвка сидить на припѣчку, коса розплетена;
А я полы пôдгинаю сѣдати на лаву,
Она кричить изъ припѣчка: «Не валяй ми лаву!»—
«Бодай тебе, дѣвчинонько, лихо не минуло,
Абы тобовъ изъ припѣчка пôдъ лаву жморнуло!»

48.

Ой у лузѣ на галузѣ сова воду пила,
А вôйтиха свого сына коромысломъ была.

49.

Казала ми моя мати: «Ой, сыну, женися!»
А я выйшовъ за ворота: «Вже, сыну, вернися!»

50.

Штыри конй лысй, лысй, попутали ми ся,
Ой чимъ же я та поѣду до своей Марисѣ?

51.

Ой зацвѣла черешенька — верху не видати:
Нема мого миленького, не пустила мати.

52.

Ой по пôдъ той лѣсъ великій ходить баранъ дикій:
Взяли Гриня на жовняра, жаль менѣ великій!

53.

По пôдъ гору высокую дѣвча воду несло:
Цы на дѣвча дивитися, цы на коромесло?
По пôдъ гору высокую несло дѣвча воду:
Цы на дѣвча дивитися, цы на еи вроду?

54.

Горѣ селомъ, горѣ селомъ, тамъ моя миленька,
Выпере ми сорочечку, що буде бѣленька.

55.

Не велика полляночка, мало на нѣй сѣна:
Я си таке дѣвча выбравъ, що не мае вѣна;
Якъ я буду въ Бога годенъ, дѣвчина смѣлива,
Буде въ мене худобонька, та й жёночка мила;
Худобицѣ, якъ росицѣ, буде, та й не буде,
Коли менѣ буде мило выйти межи люде.

56.

«Ой ты, ненько старенькая, що ти си гадаешь,
Що ты менѣ молодому людій не шукаешь?—
«Якъ же тобѣ, мôй сыноньку, та людій шукати,
Коли идешь до домоньку, озме вже свѣтати?»

57.

«Цы я тобѣ не казала, мôй милый Василю:
Купи менѣ коралики за бѣленьку шію?»

58.

Полола я петрущечку та й ружу, та й ружу:
«Не знаешь ты, файный любку, якъ за тобовъ тужу.»

59.

Орѣхова кульбаченька а вороный кôнь, кôнь:
«Проси Бога, дѣвчинонько, щобы я бувъ твôй, твôй!»

60.

«Бувайте ми здоровенькѣ, дѣвчата маленькѣ!
Вже не буду съ вами пасти бычата сивенькѣ.»

61.

А вже три дни, три недѣли, чотыри суботы,
Якъ ходили коло воротъ пасови чоботы.

62.

Коло проса любка боса, ножки обзнобила,
Купивъ бымъ ей черевички, кобы мя любила.

63.

Ой зъѣздивъ я всю країну конёмъ вороненькимъ,
Не находивъ дѣвчиноньки съ личкомъ рум'яненькимъ.

64.

По пôдъ тотѣ синѣ горы ладно люде ходять,
Чорненькими водôчками ноженки обводять.

65.

Яке отъ тои полонинки студененьке вѣе:
«Та прихили свое личко, най мое загрѣе!»

66.

По пôдъ тотѣ синѣ горы малёванѣ хресты,
Туда будемъ, товаришу, карабѣнцѣ нести;
«Бодай тотѣ карабѣнцѣ отъ сонця згорѣли,
А вже мене, молодого, рученьки зболѣли!»

67.

Ой Иване, Иваночку, житній колосочку,
Ни по чёмъ тя не познаю, лишь по голосочку.

68.

Ходить мати коло хаты, та плеще руками;
«Дѣти мои дробнюнькіи, най Богъ буде съ вами!»

69.

Дала мене моя мати за Бойка, за Бойка;
А у Бойка головонька легонька, легонька.

70.

Ой й едну я такъ не люблю, якъ тоту Варвару,
Якъ поѣду на ярмарокъ, куплю волôвъ пару.

71.

Ой летѣла зазуленька, та й у саду кукла:
«Котра мого любка любить, бодай ся розпукла!»

72.

Ой на горѣ волы въ ярмѣ та й коники въ путѣ:
«Не вѣрь, дѣвко, парубкови, що вôнъ каже: «Взму тя.»

73.

Ой якъ я си нагадала, якъ мы ся любили,
На разъ ми ся долôвъ окомъ слёзы покотили.

74.

«Ой спѣваку единаку, ты спѣвати вмѣешь,
Чому тогда не спѣваешь, якъ изголоднѣешь?»

75.

Ой кобы я була знала, що я твоя буду,
Выпрала бымъ сорочечку вôтъ чорного бруду.

76.

«Заграй же ми, музыченько, тои Коломыйки,
Та най я си погуляю зъ вечера до днинки!»

77.

Ой на горѣ кирниченька, тамъ бервêнку купка,
Тамъ ся править служба Божа за моего любка.

78.

Ой на горѣ журавлѝ, на долинѣ бузьки:
Пôшла панѝ до косцела, а панъ до Гануськи;
А въ Гануськи три подушки, четверта маленька,
Сукманочка якъ павочка, сама молоденька.

79.

«Ой цурайте, чоботята, хоть не новайти,
Любѣтеся, чорнѝ очка, хоть не побраніи!»

«Ой цупайте, чоботята, до голого леду,
А мôй любко ще солодшій вôтъ цукру, вôтъ меду!»

80.

Ой мéдъ солоденькій, цукоръ ще солодшій,
А въ вдовоньки три сыноньки, а мôй наймолодшій.

81.

Ой на горѣ на высокôй сивый кôнь пасеся:
Кобы зъ любковъ пôйти въ танець, бо файно трясеся.

82.

Вечêрь, вечêрь, вечерѣе, сонце надъ вербами:
«Пускай, пане латамане, до дому съ серпами!»
Вечêрь, вечêрь, вечерѣе, уже сонце низко:
«Пускай, пане латамане, до дому не близко!»

83.

Ой у лузѣ на галузѣ сорока скрегоче:
Моя жêнка миски мые, бо дѣвка не хоче.

84.

Ой летѣли бѣлі гуси: «Не дай тамъ, не дай тамъ,
Где два ходить до дѣвчины: бѣда тамъ, бѣда тамъ!»

85.

«Ой сестрице, сестриченько, не боишься Бога?
Вôдмовила 'сь мого любка вôдъ мого порога!»

86.

Ой кобы я свого любка на годинку вздрѣла,
Я бы му ся своеи кривды не переповѣла.

87.

Ой поѣхавъ мôй миленькій, та й вже не вернеся:
Єго серце розкроеся, мое розпукнеся.

88.

Ой поѣхавъ мôй миленькій, поѣхавъ, поѣхавъ,
Щăслива му дороженька—бодай не пріѣхавъ!
Бодай ѣхавъ, не доѣхавъ, та й зъ дороги зблудивъ,
Бодай собѣ зъ воронъ коня головоньку скрутивъ!
Ой не слухай, милый Боже, що я такъ говорю:
Принеси ми мого любка въ найлѣпшôмъ здоровью!

89.

«Бодай тебе, мôй миленькій, спаливъ грôмъ ясненькій,
Сêмь разъ емь кя̆ чăровала, а ты здоровенькій;
Сѣмь разъ емь кя̆ чăровала, а осьмый не буду,
Бо вже знаю сама добре, що вже твоя буду.»

90.

Вчера була недѣленька, а нынѣ другій день:
Ѣхавъ любко по при мене, не казавъ: «Добрыдень!»
Ѣхавъ любко по при мене, не казавъ нй слова,
Ино махнувъ капелюшкомъ: «Будь, мила, здорова!»

91.

«Мати моя старенькая, едну ’сь мене мала,
Долю ’сь менѣ выбирала, за найгôршу дала.»

92.

«Якъ же любка не любити, коли подобонька:
Самъ бѣлявый, вусъ чорнявый якъ у соколонька.»

93.

«Ой кобы ты, мати, знала, который мôй миленькій:
Росчесавъ си кучереньки на личко бѣленьке!»

94.

Ой на ставѣ бѣло качă днує и ночує:
Не буду я, хлопче, твоя, серце мое чує!

95.

Мило ми ся подивити, очками повести,
Куда ходять, та й говорять, мого любка сестры.

96.

Шкода травы та й отавы, що нихто не косить:
Шкода моéй перстенины, що éй дурень носить.

97.

Ой на горѣ косарь косить, вѣтеръ сѣно сушить:
Якъ мя старый поцѣлує, то мя въ грудехъ душить,
Ой на горѣ косарь косить, вѣтеръ сѣно мече:
Якъ мя хлопець поцѣлує, то мнѣ троха легче.

98.

«Мати моя старенькая съ чорными очима,
Проклялась 'ми щастье, долю, ще 'мь була дѣтина.» —
«Ой я тебе, моя доню, та й не проклинала,
Я лишь тобѣ разъ сказала: «Долй бы 'сь не мала!» —
«На що жь менѣ, моя мати, гóрьшеи неволй,
Бувши таковъ молодою, та не мати долй?»

99.

«Спусти, Боже, бѣду, бѣду, на близку сусѣду,
Хорошого сына мае, любити не дає!»

100.

«Пане брате товаришу, не товаришуймо,
Берѣмь собѣ по дѣвчинѣ, та господаруймо!» —
«Не кежко (тяжко) бы, пане брате, господаровати,
Кобы хтѣли отець, мати, податки давати!»

101.

На дубрóвцѣ пасу вóвцй, въ долинѣ не бувъ емь,
Чужéй жéнцѣ чéпець купивъ, а своéй забувъ емь.

102.

«Ой сусѣдо, сусѣденько, будь на мене ласкавъ,
Не бій мои каченята, нехай идуть на ставъ!
Бо мои ти каченята не наробять шкоды:
Попоѣдять и напьются, пôдуть до господы!»

103.

«Ой жовнѣръ я, моя мамо, ой жовнѣръ я, жовнѣръ,
Якъ не вѣришь, моя мамо, дивися на ковнѣръ!
Ой рôдный мôй, каже, брате, та не дай мя взяти,
Не дай менѣ, молодому, ручки извязати!
А якъ менѣ, молодому, руки извязали,
Тогди мою матѣноньку водовъ вôдливали.»

104.

Ой нѣбы я си спѣваю, нѣбы веселюся,
Тугу маю на серденьку, та не признаюся.

105.

Туга менѣ на серденьку, туга менѣ, туга,
Не видѣла 'мь миленького вже недѣля друга;
Не видѣла 'мь миленького нѣ вчора, нѣ нынѣ,
Якъ не ввижу еще завтра, то буде по менѣ!

106.

«Болить мене головонька, може я умру,
Та збудуй ми, мôй миленькій, кидровую трумну!
Ой звôтки ти, мôй миленькій, кидрины набрати?»—
«Бачу, мусишь, моя мила, въ дубовôй лежати!»

107.

Ой кувала зазуленька, кувала, кувала,
Якъ учула, зима буде, а в'на ся сховала;
Якъ учула, зима буде, зима студененька,
Сховалася въ полонину зазуля сивенька.

108.

Ой зацвѣла черешенька, верху не видати:
Не ма мого любка тутка, не казала мати.

109.

Въ Городеньцѣ на ярмарцѣ чорнява гуляла,
Усѣ хлопцѝ Городенскѝ съ собовъ намовляла.

110.

Ой ходила чорнявая та по Городеньцѣ,
Куповала мѐдъ сыченый гѝльтаёвôй неньцѣ:
«Ой пій, нене, ой пій, нене, медокъ солоденькій,
Ой бо ми ся исподобавъ твôй сынъ молоденькій!»

111.

Ой у горахъ снѣги впали, горы побѣлѣли:
«Чому 'сь нашѝ, побратиме, дѣвки помарнѣли?
Цы в'ни того помарнѣли, що хлѣба не ѣли,
Цы в'ни того помарнѣли, що насъ не видѣли?»

112.

«Ой пôдемо, побратимцю, у тѝ синѝ горы,
Вынесемо вôтти шовку дѣвкамъ на чемборы?»

113.

Въ Городеньцѣ на ярмарцѣ та й напивалися,
Мало дудка и съ скрыпочковъ не порубалися.

114.

Похилився дубъ на дуба гильлёмъ на долинку:
«Ой прійдеся зъ села пôйти черезъ чорнобривку!»

115.

Ой ишовъ я горѣ селомъ, хусточковъ накрывся,
Ой давъ же я червоного, що 'мь разъ притулився;
Та не жаль ми червоного, та й пôвъ золотого,
Най же я ся нацѣлювавъ личка румяного!

116.

Ходить Бойчакъ по надъ гору, се то добрый хлопець,
Въ правôй ручцѣ сопѣвочка, а въ лѣвôй топорець:
Ой бо тата сопѣвочка жäлôбненько грае,
Та не одна чорнявая зъ жäлю омлѣвае.

117.

Вбила ми ся, товаришу, Волощина въ боки,
Давъ ходаки за кулешу та й чорнй волоки.

118.

Заревали баранчики зъ полонины йдучи:
Очка ми ся придивили миленького ждучи.

119.

По пôдъ тоты синй горы крутыи дороги:
Ой не знаешь, чорнявая, якъ мя болять ноги,

120.

Ой у полѣ кирниченка, студена въ нêй вода:
Не любивъ бымъ дѣвчиноньку, ай хороша врода!

121.

Ой на гôрцѣ высокôй пасе вôвчаръ вôвцй,
Що запасе, то понесе мелниковôй жêнцѣ.

122.

Ой славная Коломыя, славнѣйшй залёты:
Выходивъ я до дѣвчины новыи чоботы;
Ой на горѣ на высокôй зродили ожины:
А на мене, молодого, неславу зложили.

123.

Пôшовъ любко по пôдъ нивы, по пôдъ левадочку,
Ой не видко его стану, лише головочку.

124.

Купала мя моя мати та въ гороховинѣ,
Повилися кучерики на головѣ менѣ;
Купала мя моя мати въ гороховôй юшцѣ,
А на менѣ, молоденькôмъ, кучерики вьются.

125.

Ой розберу стару церковь, поставлю каплицю:
Не далеко любка маю, лишь черезъ вулицю;
Ой розберу стару церковь, поставлю комору:
Не далеко любка маю, лишь черезъ обору.

126.

Ой по пôдъ гай зелененькій ходить мôй миленькій,
Та тыкае за голову розмаринъ дрôбненькій:
Ой бо той розмаринъ дрôбный росте на каменю,
Тото мому миленькому, якъ иде до дому.

127.

Ой пôду я на толоку, тамъ пасуть ендики,
Туды мене мара несе, где грають музыки;
Черезъ гору высокую вѣтрець намагае:
Кортить мя ся подивити, съ кѣмъ любка гуляе.

128.

Сюда, лозы, хилитеся, куда вѣтеръ вѣє:
Туда, очка, дивѣтеся, куда милый ѣде!
Кяжко лугамъ хилитися передъ вѣтроньками:
Кяжко очкамъ дивитися передъ слозоньками.

129.

«Любко моя солоденька, любко моя мила,
Тото 'сь ми ся ростопила, якъ лѣдъ за плечима!

130.

Не разъ була темна нôчка, не разъ була слота;
Тако й мене до тя, любко, сбирае охота.

131.

«Спѣваночки мои милѝ, где я васъ подѣю?
На Чертежи, въ славнôмъ селѣ, по горахъ посѣю;
Ой якъ менѣ буде добре, я васъ посбираю,
А якъ менѣ буде гôрько, я васъ понехаю.»

132.

Ой горѣла стырта сѣна на бѣлôмъ пѣсочку:
А хто менѣ, молодому, выпере сорочку?
Сестра мала, ненька стара, жѣнки ще не маю,
До сусѣды не понесу, бо ся устыдаю.

133.

Коли 'сь хтѣла, дѣвчинонько, абы тя любити,
Поставь кладку черезъ воду, абы не бродити!

134.

Тиха вода надôйшла, береги змулила:
Въ мого любка чорнѝ очка, то 'мь ся додивила;
Въ мого любка чорнѝ очка, якъ теренъ саджені,
По надъ очка чорнѝ брова, якъ шнуръ выплетенѝ.

135.

Ой любила 'мь миленького вôдъ торôкъ до сночи,
А сночи 'мь придивила, що не чорнѝ очи.

136.

Ой у нашôй сусѣдоньки передъ вôкны грушка:
Мае сына хорошого, тото моя душка!

137.

Ой не бувъ я у тôмъ селѣ, лишь одинъ разочокъ,
Таке 'мь собѣ дѣвча выбравъ, та якъ образочокъ.

138.

Ой два дубы пôдрубаю, одинъ поколышу:
Заднюю дѣвку беру въ танець, а передню лишу;
Задню дѣвку беру въ танець, а переднôй дивно:
«Я тя, каже, закрывала, абы тя не видно.»

139.

Ой на горѣ сѣно, сѣно, на долинѣ сѣно:
А где 'сь мое закоханье на вечеру сѣло;
Най оно сѣдає най здорове буде,
С'ли в'но мене вѣрне любить, нѣгды не забуде.

140.

«Чи чула ты, дѣвчинонько, та якъ куры пѣли?
Мало мене черезъ тебе собаки не зъѣли!» —
«Ой чи чувъ ты, мôй миленькій, та якъ псы брехали?
Тогды менѣ лѣпшй, красшй, добранôчь отдали?
Ой най бы тя були ѣли и кости не лишили,
Є у мене опрôчь тебе ще двадцять чотырй.»

141.

Любили мя, моя мати, два братчики роднй,
Купили мнѣ, мои мати, два перстенцй срѣбнй:
Одинъ купивъ перстенину, а другій обручку:
«Ой на тобѣ, файна любко, на бѣленьку ручку!»

142.

Та не знаешь, моя мати, яка въ мене гадка:
Шуру, буру, по пôдъ гору на червонй ябка!

143.

Ой кобы я була знала, же за бѣду пôду,
Була бы 'мь ся утопила у воловôмъ слѣду!

144.

Ой музыка буде грати, я буду спѣвати,
Абы любцѣ на ноженьки легко танцовати.

145.

«Дай же, Боже, рано дождьчикъ, съ вечера погоду»
«Выйди, выйди, файна любко, въ кирницю по воду!»
«Ой не выйду 'файный любку, боюся морозу,
Бо я съ тобовъ, файный любку, ноженьки зморожу!» —
«Выйди, выйди, файна любко, не бôйся морозу,
А я твои бѣлй нôжки за пазуху вложу.»

146.

Ой, на Куты дороженька, на Куты, на Куты:
«Вшій ми, мати, сорочку, бо я йду въ рекруты!
Ой ушій ми, моя мати, съ трёма ковнярами,
Та мать мене пôзнавати межи жовнярами!»

147.

Ой ишовъ я зъ Болехова, ще не зôйшло сонце,
Повернувъ я до дѣвчины, та й ставъ пôдъ вôконце,
А дѣвчина лиха була, та й ся не вбзывала,
Выхопила коромысло, руку ми вламала.
«Кобы 'сь менѣ, моя мати, гавязу зварила,
Попарити бѣлу ручку, бо ми ся розвила!»
А матêнка си байдуже, такъ ми вôтповѣла:
«Нехай тобѣ тота зварить, що ти уломила!»

148.

Солодкои яблôночки гольця ся вломала:
«То 'сь ми, мати, надоѣла, за вдовця 'сь мя дала,
Ау вдôвця дрôбны дѣти, нйкому робити,
Одно плаче ѣсти, ѣсти, а другее пити;
Одно плаче ѣсти, ѣсти, а другое пити,
А третое маленькое на рученьки взяти.

149.

Коломыя запалена, коломыя горить:
Тако й мене за милою головонька болить;
Якъ я тоту Коломыю зачую, зачую,
Черезъ тоту бѣлявину дома не ночую.

150.

Ой пôду я у лѣсочокъ, заграю въ листочокъ
Буде мила пôзнавати, чêй то голосочокъ.

151.

«А вôтки ты, пане брате, цы не съ Городеньки?
Цы не видѣвъ, цы не стрѣчäвъ, дѣвчины Оленки?»—
«Ой я видѣвъ, ой я стрѣчäвъ, дѣвчину Оленку,
Що гонила сêмь паръ волôвъ черезъ Городеньку.»

152.

Бѣжитъ коникъ шпиримистый, коникъ вороненькій,
На нêмъ сидить узброеный Русинъ молоденькій:
«Где ты ѣдешь, где ты ѣдешь, ты Руськiй мотыльку?
Серце ми ся роспукае, зачекай на хвильку!»—
«Ты, чорнява дѣвчинонько, не можу кï тя ждати,
Бо насъ кличе на войноньку наша Руська мати.»

153.

«Ой коню мôй сивый, будь же ми щасливый,
Занеси мя, завези мя, до моей дѣвчины!»

154.

«Чого вôкна побѣлѣли?»—«Бо на дворѣ морозъ:
Выйди, выйди, мôй миленькій, най тя вчую голосъ!»

155.

На горѣ огень горить, на долинѣ жаръ, жаръ:
Якъ пôду я зъ того села, комусь буде жаль, жаль!

156.

«Выйди, выйди, мôй миленькій, хоть на заднï дверï,
Та выставь ми бѣле личко, черненькï кучерï!»

157.

Ой на горѣ дрôбный мачокъ, зацвѣли волошки:
Та лишь того хлопця люблю, що чорнявый трошки.

158.

«Ой а гиля, бѣлй гуси, а гиля въ тростину:
Якъ я тебе не дôстану, на вѣки загину.»

159.

Веду коня до Дунаю, кôнь не хоче пити:
Приступаю до дѣвчины, не хоче любити.

160.

«Ой, Господи милосердный, будь ми до помочи:
Принеси ми мого любка, най не плачуть очи!»

161.

Друлю лавку за муравку, най лавка плавае:
Ахъ то менѣ за миленькимъ серце омлѣвае.

162.

«Чому очи не плачете, жалю не маете?
Мое серце въ слёзахъ стоить, а вы не знаете!»

163.

Тече вода съ пôдъ города, звиваеся клубкомъ:
Вже ся дѣдько закосичивъ моимъ першимъ любкомъ.

164.

«Очка мои чорненькіи, бѣда менѣ съ вами,
Не хочете ночовати одну нôчку сами!«

165.

Кобы борзо до осени, та й до осеницѣ,
Вмолотивъ бымь коровай ярои пшеницѣ.

166.

Спѣвала бымь спѣваноньки, та не вмѣю вдати,
Бо у людьскôй сторононьцѣ будуть ся смѣяти:
Бо то въ чужôй сторононьцѣ, та й у чужôмъ краю,
Я тамъ въ чужôй сторонцѣ звычаю не знаю.

167.

«Ой где же ты, дѣвчинонько, тыхъ пѣсень набрала?» —
«По пôдъ гаёмъ зелененькимъ на житѣ сбирала.»
Ой где жь ты ся, дѣвчинонько, тыхъ пѣсень навчила?» —
«По пôдъ гаёмъ зелененькимъ зъ жита зволочила.»

168.

«А где жь я васъ, спѣвамоньки, где я васъ подѣю?
Заберу васъ въ запасочку, по полю розсѣю;
А якъ прійде мôй миленькій нивоньку орати,
Буде тіи спѣваноньки по полю сбирати.»

169.

Широкіи оболоня, рѣдкіи копицѣ:
Тяжко ми ся оженити черезъ молодицѣ.

170.

Летить воронъ зъ чужихъ сторонъ, сытый, не голоденъ:
Той мя буде цѣловати, котрый того годенъ.

171.

Половина цвѣта цвѣте, половина вяне:
Ходивъ Козакъ до дѣвчины, теперь не загляне.

172.

Ой на ставу, на ставоньку, плывають индики:
Тамкы менѣ серце скаче, где грають музыки.

173.

Тече вода съ пôдъ города, тече вода зимна:
Загнѣвався мôй миленькій, що жь я тому винна?

174.

Заковала зазуленька въ городѣ на зѣлью:
«Ой где жь я ся, молодая, на зиму подѣю!»

175.

Тече вода зъ пôдъ города, зъ вишневого саду:
Ходивъ Козакъ до дѣвчины на милу пораду:
«Порадь мене, дѣвчинонько, якъ рôдная мати,
Чи ся менѣ оженити, чи тебе чекати?» —
«А я тобѣ, Козаченьку, раджу, и не раджу:
Женитися не бороню, чекати не кажу.»

176.

Одинъ чобôть на подковѣ, а другій на корку:
Хто не мае лиха, смутку, най си вôзьме дворку!
Дворка добра, дворка добра, робити не вмѣе,
А лишь ходить по покояхъ, где вѣтеръ не вѣе.

177.

«Ой бодай ты, Козаченьку, тогдй оженився,
Якъ у лѣсѣ при дорозѣ сухій дубъ розвився!» —
«Ой бодай ты, дѣвчинонько, тогдй замужъ пôшла,
Якъ у лѣсѣ при дорозѣ суха рута зôйшла!»

178.

Ой не пôду я до дому, ажь буде свѣтати,
Не маю я миленького, не буде плакати.

179.

«Ой часъ, мати, жито жати, колосъ похилився,
Ой часъ доню замужъ дати, бо голосъ змѣнився;
Ой часъ, мати, жито жати зелене, зелене,
Ой часъ, мати, доньку дати за мене, за мене!»

180.

Ой куды я та ходила, молода дѣвчина,
Туды трава и отава, зелена лѣщина.

181.

Очи мои черненькіи, чого моргаете?
Цѣлу нôчьку на розмовѣ, а въ день дрêмаете!

182.

«Ой где ѣдешь, Ивасеньку? Така заверуха!» —
«Ой до тебе, Олѣнонько: пожичь ми кожуха!» —
«Не пожичу, не пожичу; бо одинъ лишь маю:
Одно крыльце пôдъ голову, другимъ ся вкрываю.»

183.

Запалила Марисенька сырыми дровами:
«Пріѣдь пріѣдь, Ивасеньку, сивыми волами!»
Запалила Марисенька дрôбненькимъ трêсочкомъ:
«Пріѣдь, пріѣдь, Ивасеньку, кованымъ возочкомъ!

184.

Болить мене головонька, болить мя плечима,
Треба, треба, ми дохтура съ чорными очима!

185.

Шумить, гуде, морозъ буде, зеленый бодачу:
«Прошу тебе не кпи зъ мене, великій богачу!
Хоть я собѣ убогая, хороша дѣвчина,
Якъ наважу, то зневажу богацького сына.»

186.

«Цы жь я тобѣ не мовила, цы не говорила:
«Пріиди, пріиди, мôй миленькій: я рыбу варила!»
Ой варила, варила, та й не шумовала:
Ой мала я добрі люде, та й не шановала.
Моя мати старейкая, не боится Бога,
Вôдогнала добрі люди одъ мого порога!»

187.

Ой ковала зазуленька въ городѣ на вôльсѣ:
«Пріиди, пріиди, мôй миленькій, никого не бойся!»

188.

Дала мене мамуненька за высоки горы,
Але менѣ ничь не дала, тôлько однй пчолы;
Тіи пчолы полетѣли, а я ся лишила,
Буде менѣ дѣдьча мати голову сушила.

189.

А у Львовѣ, славнôмъ мѣстѣ, стала ся пригода,
Студенты ся збунтовали, що имъ невыгода:
На старшихъ то нарêкали, що ихъ хтѣли бити,
Щобы дѣвчатъ не любити, казали ся вчити.

190.

Стоить верба надъ водою, маю на ню гадку:
Мышлю я ю вырубати дѣвчинѣ на кладку.

191.

«Не стôй, коню, коло плота, не ѣджь околота:
Не йди, дѣвче, за дворака, дворакъ заволока!
Дворячина—піячина, всѣ дороги знае,
Не встигнеся посварити, та й вже покидае!»

192.

Не такъ болить, якъ укусить лютая гадина,
Гôрше болить, якъ счаруе милая дѣвчина;
Якъ укусить гадиионька, знайдешь въ зêлью лѣки,
Якъ вчаруе дѣвчинонька, пропадешь на вѣки!

193.

Ой копавъ я кирниченьку въ чужôмъ огородѣ:
Ой любивъ я дѣвчиноньку, та взяти ю годѣ.
Ой копавъ я кирниченьку, пивъ я зъ неи воду:
Ой любивъ я дѣвчиноньку, дѣвчину молоду.

194.

Ой зависли чорни хмары, свѣта не видати:
«Будешь мене, дѣвчинонько, не разъ споминати;
Ой не разъ и не два, не три, не чотырй,
Будешь собѣ споминати, якъ мы ся любили.»

195.

Ой ишовъ кумъ горою, кума долиною,
Ой зацвѣвъ кумъ рожою, кума калиною.

196.

Стоить верба надъ водою, собою колыше:
А мôй милый чорнобровый дрôбній листикъ пише;
Ишовъ Козакъ долинами, накрывся полами:
«Выйди, выйди, дѣвчинонько, съ чорными бровами!»

197.

Бодай Ляхи пановали—въ ходакахъ ходили,
Що ся нами, Русинами, тяжко наробили!

198.

«Ты, дѣвчино бѣлявино, чомусь така бѣла,
Чи ты въ поле не ходила, що'сь не обгорѣла?»—
«А я въ своей матусеньки такій гараздъ мала,
Що я въ поле не ходила, та й не обгоряла;
А я въ своей матусеньки лишень бычки пасла,
Та ходила по пôдъ бучки, щобы була красна!»

199.

«Ой, не ходи ты до мене, кучерявый враже,
Я за тебе не пôйду; бо мама не каже!
Ой не ходи ты до мене, не збавляй си ночи,
Я за тебе не пôду; бо ми ся не хоче!»

200.

Ой упала звѣзда зъ неба, та й ся розсыпала,
Дѣвчинонька позбирала, та й ся затыкала;
Ой упала звѣзда зъ неба, та упала ясна,
Та на тое подвôренько, где дѣвчина красна!

201.

Ой упала звѣзда зъ неба, та упало чтыри,
Та на тое подвôрство гдѣ паробки мили.

202.

«Любко моя солоденька, любко моя мила,
То же 'сь ми ся пріѣмненько тои ночи снила!»

203.

Ой сивыи голубоньки по полѣ лѣтають:
Я гаразду не зазнала, вже лѣта минають;
Я гаразду не зазнала, уже не зазнаю:
«Лѣта жь мои молоденьки, по чѣмъ васъ пôзнаю!»

204.

«Ой я сую, тересую, де ся любка дѣла,
Цы у море утонула, цы въ гай полетѣла?»—
«Ой я въ море не втонула, у гай не летѣла,
Ой ты не мôй, я не твоя, не машъ до тя дѣла!»

205.

А где тое романъ зѣлье, що я въ нѣмъ купався?
Где ты моя, лиха доле, шлякомъ волочешься?
Волочится, волочится, а чей она сгине,
А чей мене, молодого, на вѣки покине!

206.

Куда иду, туда иду, коршмы не минаю:
Дай, шенкарко, на боргъ пива; бо грощій не маю!
А хоть маю, а хоть маю, то все талярами,
А гдесь моя дѣвчинонька съ чорными бровами!

207.

Ой зачую Коломыйку, зачую, зачую,
Я презъ тую Коломыйку въ дома не ночую.

208.

Що 'мь гуляла, то 'мь гуляла, не спинила мати,
Спинила мя лиха доля, якъ прійшла до хаты.

209.

«Гадай, мати, гадай, мати, щобы 'сь отгадала,
Щобы 'сь мене изъ роскоши въ неволю не дала!»

210.

«Заграй же ми, музыченько, на червоны скрыпки,
Най но я си погуляю ворогамъ на сбытки!»

211.

Чобôтъ ми ся розпоровъ, пальчикъ мене болить:
Хлопчикъ ми ся сподобавъ, самъ до мене ходить:
«Неходи ты та й до мене, шантапавый хлопче,
Бо до мене другій хлопець дорожечку допче!»

212.

Бойко умеръ, Бойко умеръ, Бойкови звонили:
Якъ ся Бойко зôрвавъ зъ лавы, ледво догонили.

213.

Ой сивая зазуленька, ой сивая, сива:
Ой ты одинъ, а я друга, въ свѣтѣ нещаслива!

214.

Ой выйду я за стодолу, стану на солому:
Якъ милого не любити, коли видко зъ дому!
Якъ милого не любити, коли подобонька:
Бѣле личко, сиві очка, якъ у соколонька.

215.

Выкопали черешеньку, закопали въ яму:
Взяли мою дѣвчиноньку, якъ рôдную маму;
Пріѣхали Подолянцѣ сивыми волами,
Взяли менѣ дѣвчиноньку съ чорными бровами.

216.

Гей вôддали Иваночка та й за жовнѣрочка,
Не заплаче отець, мати, тôлько коханочка.

217.

«Загублюся, моя мати, загублю, загублю,
Вôдколи мя поцюловавъ, вôдъ тогды го люблю;
Вôдколи мя поцюловавъ въ личенько бѣленьке,
Вôдъ тогды менѣ личенько, якъ мёдъ солоденьке.»

218.

«Ой не ходи по надъ рѣчку, не дивися въ воду:
Ой не бери богацкои, бери си убогу!
Богацкая гордовита, ще до того пышна,
Убогая прихильная, якъ у саду вишня.»

219.

Ой я не бувъ у Гуцулахъ а ни уродився,
Але жь бо я на Гуцулку добре придивився:
А въ Гуцулки чорнѣ очи, якъ тернъ на галузѣ,
Бѣле личко рум'яненьке, якъ калина въ лузѣ.

220.

Кобы вѣтры не вѣяли, та й дожджѣ не били,
Кобы, любку, не вороги, мы бы ся любили;
А то вѣтры навѣваютъ, дожджѣ набиваютъ,
То ты намъ ся вороженьки любити не даютъ.

221.

«Пане брате товаришу въ червонôмъ поясѣ,
Або тобѣ, або менѣ, вôдъ дѣвчины засѣ.
Пане брате товаришу, будемо ся бити,
Та не ходи, де я хожу, дѣвчину любити!»

222.

«А бодай ты, моя мила, тогды вôддалася,
Якъ у морѣ на каменѣ рожа розцвѣлася!» —
«А бодай ты, мôй миленькій, тогды оженився,
Якъ у морѣ на камêнью тютюнъ уродився!»

223.

Ой спѣвавъ бымъ спѣваночку, кобы ее вдати,
Бо чужая сторононька буде ся смѣяти;
Ой чужая сторононька, та й чужіи люде,
Якъ не вдати заспѣвати, соромъ менѣ буде;
Соромъ менѣ у чужинѣ, та й у чужиноньцѣ,
Якъ не вдати заспѣвати своей дѣвчиноньцѣ.

224.

«Ой не сватай Русинъ Польку, бо будешь бѣдити,
Будешь мусѣвъ у Суботу два борщи варити!»

225.

«Ой Цѣсарю, Цѣсарику, шапочка ти срѣбна,
Не вважаешь, Цѣсарику, яка та Русь бѣдна:
Ой бѣдна, кажу, бѣдна, бо паны зôдрали,
Ой мали мы по коровѣ, й то Жиды забрали;
Жиды взяли по коровѣ, Цѣсарь бере дѣти,
Не маемо, Цѣсарику, що въ Руси сидѣти!»

226.

Черезъ тіи рекрутоньки, черезъ вражѣ Ляхи,
Покинемо свое село, пôдемъ въ гайдамахи.

227.

Ой на горѣ маковинье, нема на нёмъ маку:
Всѣ ся хлопцѣ поженили, лишь я нѣть, сараку.
«Оженися, не журися, пôде ти рукою:
Жёнка пôде за кислякомъ, а ты за мукою!»

228.

Ой не буду я гуляти, бо я заморёный,
Ой бо я ѣвъ черезъ лѣто борщикъ не соленый.

229.

Пôшла дѣвка по горѣвку, ой, до пана Жида,
Нема дѣвки, нѣ горѣвки: щô то за огида!
Нема дѣвки въ Понедѣлокъ, нема и въ Вовторокъ,
Прійшла дѣвка безъ горѣвки, та й ще безъ пацёрокъ.

230.

Не давно'мъ ся, товаришу, стали напивати;
Прійшли Жиды, взяли бычки, часъ було впрягати:
«Выйдѣть, дѣти, на улицю, та заплачьте ревне,
Чей арендарь одурѣе, та й бычки оберне!»

231.

Не сѣявши, не оравши, не буде родити:
«Не дай хлопцю принадоньки, не буде ходити!»

232.

Черезъ тыждень хоровала, бо робота була,
А въ Недѣлю подужала, бо музыки вчула.

233.

Тече рѣчка невеличка, кôнь не хоче пити:
Приступило до дѣвчины, не хоче любити.

234.

Гей, зацвѣли сѣножата синь, червоненько:
Ой нихто такъ не заграе, якъ мôй Петруненько.

235.

«Катерино, засвѣти но, Катерино встань но,
Катерино, дай намъ ѣсти, якъ то буде файно!»
Катерина засвѣтила, Катерина встала,
Катерина дала ѣсти, та й поцѣловала.

236.

Чіи волы по дубровѣ, мои по пѣсочку:
А хто любить далекую, а я сусѣдочку;
А я тую сусѣдочку людямъ подарую,
А до тои далекои я самъ повандрую.

237.

Ой на горѣ пара волôвъ, на долинѣ въ плузѣ;
Не рôкъ, не два, не три лѣта, мое серце въ тузѣ.

238.

«Ой Ивасю, Ивасеньку, имя твое любе,
А хто жь мене приголубить, якъ тебе не буде?»

239.

Сама собѣ ковалиха наробила лиха,
Що пускала коваленька до коморы стиха.

240.

Оженився нероба, та взявъ собѣ жêнку,
Узявъ жêнку у торбинку, пôшовъ на вандрôвку;
Вандровавъ вôвъ, вандровавъ, рôкъ минувъ на Петра,
Прійшовъ дѣдько, узявъ жêнку, та понêсъ до пекла.

241.

Ой хоть же я зъ коня спаду, то я не забьюся:
Ой таки я жовнѣръ буду, хоть я оженюся.

242.

Ой иму я въ ставѣ рыбку, а въ потоцѣ выдру:
Чотыре сме змудровала, не найшли жь мя винну,
Чотыре сме змудровала, пятого не можу,
А и того по где куда зъ розуму выважу.

243.

Я на тебе, соловію, мала всю надѣю,
Теперь ты ся мня одцуравъ, где жь я ся подѣю?

244.

Ой летѣла зазуленька низенько, низенько:
Не знала я, лиха доле, же ты такъ близенько!

Б. КОЗАЧКИ, ШУМКИ, ЧАБАРАШКИ.

1.

«Ой дѣвчино, люблю тебе,
Нê ѣжь хлѣба — вôзьму тебе;
Не ѣжь хлѣба, не пій воды,
Вôзьму тебе для выгоды!»
А дѣвчина послухала,
Три дни хлѣба не нюхала;
Ажь ся разомъ дохватила,
Сêмь бохонцêвъ стеребила.

2.

«Ты дѣвчина чорнаброва,
Рубай дрова до порога,
Рубай дрова коротенькî,
Люби хлопцî молоденькî!»

3.

Пыталася мати дочки,
«Чи сѣяла огôрочки?» —
«Ой сѣяла, пôдливала,
Нема того, що 'мь кохала!»

4.

«Гандзю, Гандзю, що ты робишь,
Що за собовъ хлопцî водишь?» —
«Якъ же хлопцêвъ не водити,
Коли хочу ихъ любити.»

5.

Тамъ за лѣсомъ, за лѣщиновъ,
Цѣловався панъ съ дѣвчиновъ,
А дѣвчина вôдскочила,
Ажь ся земля розскочила.

6.

И ты Козакъ, и я Козакъ,
Оба 'сьмо мы Козаки:
Ты хорошій, я безъ грошій,
Оба 'сьмо мы однакій.

7.

«Тату, тату!» — Чо ты, сыну?» —
Купѣть менѣ опанчину?» —
«На що тобѣ опанчины?» —
«Бо я пôду до дѣвчины.»

8.

«Ой мамуню, люблю Грицья,
Гриць на мене не дивитця:
Возьми, мамо, жита мѣрку,
Завличь Грицья на горѣвку!» —

«Ой встань, доню, завтра рано,
Росчеши си косу ладно,
Росчеши си косу дрôбно,
Тобѣ Грицья не потрѣбно.»

9.

Гоппа, гоппа, гоппа-па!
На вечеру до Попа,
До Попадьи не можна,
Бо Попадья вельможна.

10.

Наша паня хороша,
Взяла Ляха голыша;
Взяла собѣ такого,
Що не мае нічого.

Тόлько тютюнъ и люлька,
Сидить Ляшокъ якъ нюнька,
Сидить собѣ, та курить,
А ні чимъ ся не журитъ.

11.

Гопъ, чукъ, Чумудра,
Чумудриха молода,
Лѣпше пиво, якъ вода:
«Где ся дѣла дѣвчина,
Що съ чорными очима?» —
«Шукай, шукай, дѣвчины,
Просто неба, на землѣ!»

12.

Гопъ, чукъ, Деренчукъ,
Шапка на кόлочку!
Продавъ тато ногавицѣ,
А мама сорочку.

13.

Танцёвали ковалй,
То великй, то малй,
А старого коваля
Высадили на теля,
Ковалиху на бычка:
Гетьжа, вѣсьта, козачка!

14.

Ой гой, гой-оаса!
Горѣвочка зъ Бучача,
А килйшокъ зъ Требовля:
«Дай намъ, Боже, здоровля!»

15.

«Тйдрй, тйдрй, тйдрй-тана,
Чого хôдишь задрипана?
Чомъ спôдницй не зарубишь,
Чомъ не скажешь, кого любишь?»

16.

На гору драбинка
До коморы сходить:
Ой нихто не знае,
Хто до мене ходить.

Ой нихто не знае,
Тôлько Богъ найвысшій,
Той до мене ходить,
Хто наймилѣйшій.

17.

Гей, ставъ, зажурився,
Же зъ молодовъ оженився:
«Чекай но ты зо три лѣта,
Що то буде за кобѣта!»

18.

«Выросла сосенка на току:
«Почекай, дѣвчино, до року!» —
«Хиба бымъ розуму не мала,
Що бымъ тя до року чекала.»

19.

Гей, кобы не Маруся,
Я бы не женився,
Бо она чорноброва,
Сподобала ми ся.

Сподобалими ся
На Марисѣ строи:
«Ой дай же ми, милый Боже,
Жебы були мои!»

20.

Прійшовъ кумъ до кумы,
Кума грядки поле:
«Чому 'сь тогды не прійшовъ,
Якъ но мѣсяць изойшовъ,
Коли мѣсяць изойшовъ,
Якъ мой зъ дому повыйшовъ?»

21.

Ой що же я наробила,
Що я дома не була:
Пріѣздили кавалеры,
Була бымъ ся вôддала!

22.

Ой Дмитре, Дмитре,
Тече вода хитре
По пôдъ тоты береженьки,
Куда брешуть вороженьки!

23.

Ой въ Рѣчицѣ на болонѣ
Ростуть грушки на яблонѣ,
И великіи и малыи,
А въ васъ дѣвки всѣ старыи.

А въ насъ самі молоденькі,
Ажь имъ уста солоденькі,
Єще медомъ смаровали,
Щобъ ихъ хлопцѣ цѣловали.

24.

«Закладайте коні въ шоры,
Гей, въ зелену колясу,
Ѣдьте менѣ по дохтора,
Бо я дуже хора, хора,
Умру вамъ безъ часу!»

25.

Чортъ менѣ раду давъ,
Що 'мь си стару бабу взявъ:
Ино сидить, воркоче,
Роботися не хоче!

26.

Ей бѣда не Ляшокъ,
Нема шапки, но вершокъ:
Що бымъ була зачекала,
То бымъ була Ляшка мала.

27.

Ой ходила по тоцѣ,
Заметала вѣхтёмъ;
Залатала шкурлатомъ,
Замастила дёгтёмъ.

28.

Ходжу, прошу, руки взношу,
Вздыхаю до неба,
То по Попольски, то по Русьски:
«Мужа менѣ треба!»

В. КОЛОМЫЙКИ, ШУМКИ, ТАЛАЛАЙКИ:

Изъ Угорской Руси.

1.

«Ой позирай, дѣвчинице,
На себе, на мене,
Волѣла 'сь ся утопити,
Нёжь ити за мене.

Волѣла 'сь ся утопити,
Въ каламутной водѣ,
А тото 'сь ся замѣшала
У не мытомъ родѣ.

2.

По подъ Бескѣдъ зелененькій
Ожина, ожина;
«Чому сумна, невесела,
Моя соколина?

3.

Ой поду я въ Мараморошъ,
Та тамъ я погину,
Та дамъ собѣ посадити
На гробѣ калину.

Будуть туды люде ити,
Калину зрывати,
Будуть мене, молодейку,
Усе споминати.

4.

«Заграй же ми, гудачейку,
Якъ самъ розумѣешь,
Руки бы ти покривило,
Бо виту не вмѣешь!

Заграй же ми, гудачейку,
Няй собѣ станцую;
Курка мêнѣ яйцѣ знесе,
Я ти подарую!»

5.

«А вôткы ты, пане брате,
А вôткы, а вôткы?
Найми ты ся помотати
Моêй женѣ мôткы!»

6.

Ой калино, калинице,
Чого въ лузѣ стоишь,
Цы сонêйка вызираешь,
Цы вѣтру ся боишь?»—

«Я сонêйко вызираю,
Вѣтру ся не бою,
Де мя мати породила,
Тамъ собѣ постою.»

7.

Котилися возы съ горы,
На долинѣ стали:
Любилися чорни очи,
Теперь перестали.

Котилися возы съ горы,
Котитися будуть:
Любилися чорни очи,
Любитися будуть.

Любилися, кохалися,
Та й мамка не знала,
Розтеклися, розойшлися,
Якъ на небѣ хмара.

8.

Буковая паличейка,
Гусячое перце:
Мене болить головойка,
Мою милу серце.

9.

У зеленой полонинѣ
Малёваній кресты:
Кобысь такій до роботы,
Якій до посестры.

10.

Всѣ хлопцѣ ся поженили
Та й попаровали,
Та лемъ мене, молодому,
Стару бабу дали.

11.

«Мой милейкый, солодейкый,
На мя не протився:
Я щѐ была въ пеленочкахъ,
Коли ты женився.

Мôй милейкый, солодейкый,
Мéнѣ не протився,
На бѣлений платянючкы,
Та красно обуйся!»

12.

Журилися сусѣдочки,
Журилися люде,
Ожь на моêй головочцѣ
Вѣночокъ не буде.

Якъ на мою головицю
Вѣночокъ поклали,
Такъ они ся пожурили,
Що каменёмъ стали.

13.

Пôшовъ милый на орѣшкы,
Та й я йду, та й я йду,
Гôрьки его орѣщейкы,
Кедъ его не найду.

14.

Пôшло мое соколятко
До свѣта, до свѣта,
Винесе ми ширйночку
Усякого цвѣта.

15.

У зеленôй полониньцѣ,
Въ зеленôй яворцѣ:
«Жени, мила, коровицй,
Я пожену вôвцй!»

16.

Ой зацвѣла красна чічка,
Та пôшла въ кôсицѣ:
«А воткы ты, файна рыбко,
Цы не зъ за границѣ?

А чія ты, дѣвчинице,
А чія, а чія?
Що за тобовъ прилѣтала
Зелена кочія?»

17.

Ай у гаю кырничейка,
У гаю, у гаю:
«Лиши мя ся, дай ми покôй,
Молодый шугаю!»

18.

По пôдъ тоты ораницѣ
Студенѣ кырници:
Привели мня на бѣдочку
Чужѣ молодицѣ.

Привели мня на бѣдочку,
Я щê ихъ на гôрьшу,
Дали пану по барану,
Щê дадуть по бôльшу.

19.

По пôдъ Бескѣдъ зеленейкый
Вôвцѣ прищибаю:
«Не йди за мновъ, чорнушечко,
Бо тя порубаю!

«Не йди за мновъ, чорнушечко,
Бо тя порубаю,
Пôшла за насъ бесѣдиця
По ниже Токаю!»

20.

Межи тыми берегами,
Межи тыми дубы,
Неборята молодиці,
Болять мене зубы.

21.

«Поставайте, леде̂ники,
До танцю, до танцю:
Берѣть усѣ молодиці,
Ме̂нѣ лишѣть Анцю!»

22.

«Мати моя старейкая,
Бити бы тя, бити,
Чому 'сь мене не навчила
Малейковъ робити?»—

«Ой я тебе не учила,
Бо 'мь тя сановала:
Рости, дѣвко великая,
Научишься сама!»

23.

Ой любили два леде̂нй
Єдну молодицю,
Єденъ скочивъ у конопль̂,
Другій на улицю.

24.

Вержу лавку на муравку,
А другу на дсилю:
«Коли тя ся налюбити,
Молодый Василю?»

25.

У зеленôй полонинѣ
Зъѣли вовкы красю:
«Коли тя ся налюбити,
Молодый Михасю?»

26.

Ой пивали двя леде́нй,
Пивали, пивали,
Доты они допивали,
Що грошей не мали.

27.

«Солодка ма, бѣла рыбко,
Ты мѣро малейка,
Що 'сь ся на 'ня захмурила,
Ты, бѣдо чорнейка?»

28.

Коли 'мь ходивъ до бѣлявки,
Падавъ емь изъ лавки,
Коли 'мь падавъ, такемъ гадавъ,
Ожь емь у бѣлявки.

29.

Били мене, били, били,
Въ зеленôй ялинѣ,
А я выйду межи люде,
Не спôзнать на мêнѣ.

Били мене, били, били,
На мукы давали,
Єще в'ни 'ня не навчили,
На що в'ни гадали.

30.

Кобы мêнѣ не тотъ вершокъ
И не тота гора,
Добро бы ми позирати
До мого сокола.

31.

«Ой молода молодице,
Ты молодичейко,
Не позирай шугаєви
На бѣло личейко!»

32.

Ой ходивъ я по при гôркы,
На гôрцѣ емь не бывъ:
Чужêй жонѣ чепакъ купивъ,
А своêй емь забывъ.

33.

Водъ улицй плôтя несе,
То бѣда, то бѣда:
Не дають ми полюбити
Близького сусѣда.

34.

Ой пôду я до церковцѣ,
Та стану за бевку,
Позираю разъ на Попа,
А тричй на Євку.

35.

«Кедь 'ня любишь, мой милейкый,
Люби мя щирейко,
Не позирай за другими,
Бо мêнѣ тяжейко!»

36.

Ой яловй молодицй,
Яловй, яловй,
Що будете робитойки
По моêй головѣ.

37.

Кобы боржêй травка росла,
Обы сѣнокосы,
Обы выйшла бѣла рыбка
Съ жовтыми волосы!

38.

Якось ми ся у головѣ
Розумъ переверта'ть,
Та Бôгъ знае, де ся моя
Рыбочка оберта'ть.

39.

Ой тады ну, моя мила,
Тады ну, тады ну,
Крутить ми ся волосêчко
На всю полонину.

40.

«Ходи, мила, танцовати,
Купью ти горѣвки:
Ты не маешь чоловѣка,
Я не ма'о жêнки!

Теперь мое гулянечко,
Теперь моя воля,
Не стоить ми за плечима
Моя лиха доля.»

41.

Ой добрый бы розумъ мати
Въ своêй головойцѣ,
Обы ладно поспѣвати
Въ чужêй сторонойцѣ!

42.

Ой стояла у порогахъ
Новая кудёвка:
Кланялася паничёви
Молодая дѣвка:

«Ой, паничу молодейкый,
Паничу, паничу,
Якъ я буду чепець мати,
Сама тя покличу!»

43.

Ой пôду я до стодолы,
На зелене сѣнце:
Таку маю бѣлу рыбку,
Яко веретêнце.

44.

«Де будеме ночовати,
Мое куминятко?» —
«У стодолѣ, на соломѣ,
Тамъ намъ буде мятко.»

45.

«Ой, татуню, татунейку,
Не журися нами:
Мы пôдеме у катуны,
Будеме панами!

Ой, татуню, татунейку,
Не журися нами:
Ой, ты пôдешь изъ косою,
Мы зъ карабинами!»

46.

За мене ся набрехали,
Та й наговорили,
А мêнѣ ся на головѣ
Кучерѝ повили.

47.

Ой, никого такъ не люблю,
Якъ свою бабинку,
Та даю ёй сѣна ѣсти
Въ сѣнёхъ за драбинку.

48.

Лѣта мои молодыи,
Лѣта мои, лѣта,
Мене слёзки обливають,
Що не вижу свѣта!

49.

Межи двома берегами,
Межи двома букы,
Ой, ты леде̂нь, и я леде̂нь,
Берѣмеся въ руки!

50.

Ой кикала зазулейка
Та на тенетовѣ:
Яка бѣла сорочечка
Та на керейтовѣ!

51.

Заграй же ми сеи, тои,
Та й переме̂тнои,
Бо не было и не буде,
Другои такои!

52.

Е̂ще̂ было во̂вцѝ пасти,
Та не женитися,
Зъ тои горы высокои
Въ село дивитися.

53.

При то̂мъ боцѣ, при потоцѣ,
Дро̂бна команиця
Велѣла ми приходити
Пышна молодиця.

54.

«Неборята молодици̂,
Бôйте вы ся Бога:
Я загубивъ клебанинку,
Коло оборога;

Я загубивъ клебанинку,
Та й дарабчикъ свѣчкы,
Неборята молодици̂,
Збавили 'сте нôчкы!»

55.

«Неборята молодици̂,
Збайте за мя, збайте,
Мене курва счаровала,
Радици̂ ми дайте!»

56.

«Солодка ми, файна рыбко,
То 'сь ми не на оцѣ,
Черезъ тоту яблôночку,
Що тамъ на потоцѣ.»

57.

Ой, пôду я въ полонинку,
Посвищу въ листинку:
«Не щупай мя, леда бѣдо,
За мою чупринку!»

58.

Ой скочу я у городець,
Де бѣла лелѣя:
«Бодай тебе, моя мила,
Головка болѣла!»

59.

«Мати моя старейкая,
Поворожи мêнѣ,
Бы ме серце не вмѣвало
За тыми ледѣни̂!» —

«Дѣвко моя молодая,
Поворожу тобѣ:
Є у мене паличейка,
Поламлю на тобѣ!»

60.

Ой пôду я по пôдъ груши̂:
Груши̂ мои, груши̂!
Хыба бы мя тоть не любивъ,
Хто не мае души̂!

61.

«Теперь емь ся розыграла,
Теперь мêнѣ грайте!
Єдны 'мь буты протоптала,
Други̂ ми давайте!»

62.

Ой пôду я горѣ, долѣ,
Та стану, та стану:
Єдна мила несе пирôгъ,
А друга сметану.

63.

Якъ гудакы красно граютъ,
А я не танцую,
Черезъ чужй молодицй
Дома не ночую.

64.

«А чому ты, моя мила,
Вонка не в'ходила,
Коли мене та на дворѣ
Собака гонила.» —

«Ой бо мене молодейку
Болѣла головка,
А я собѣ погадала,
Ажь бреше на вовка!»

65.

«Ой Богъ бы тя, курво, побивъ,
Съ твоима очима,
Ой ты мене зволочила,
Щё я бывъ хлопчина!»

66.

Є у мене кырничейка,
Три мили̂ до неи,
Наповала молодиця
Коничейка зъ неи.

67.

Ой по пôдъ гай зеленейкый,
По пôдъ гай изъ горы:
«Ховай, жêнко, доганъ въ ташку,
Идуть леви̂зоры!»

Ужь година по полудни̂,
Не е реви̂дунку:
«Добудь, жêнко, доганъ зъ ташкы,
Наложи ми въ люльку!»

68.

Ой стоитъ пень, якъ бѣлый день,
Та въ село дивится:
«Цы ты, любцю, дуже красный,
Цы мêнѣ видится?»

69.

Стоить верба надъ водою,
Половина въ водѣ:
«Ой цы мы ся не любили,
Лемъ погадай собѣ!»

70.

Не тото ми соколятко,
Що въ церквѣ спѣває,
Ай тото ми соколятко,
Що волкы впрêгає.

71.

Ой Иваня, ой Иваня
Йваня молодое,
То на тобѣ, Иванятко,
Вбраня дорогое!

72.

При тôмъ боцѣ, при потоцѣ,
Тамъ смерека клата:
«Яка у тя, бировику,
Посестра горбата?

Черевище ги кошище,
Очи ги бы выдравъ:
Яку 'сь собѣ, бировику,
Посестрицю выбравъ?»

73.

Ой засвѣти, мѣсячейку,
На терня, на терня:
Такій, рыбцю, твердейкый жаль,
Що не спôзнае мня.

74.

У зеленôй полонинѣ
Сивый голубъ ходить:
Треба бѣдѣ побратима,
Та й за муку робить.

75.

Хоть я тоту кучу тручи,
Хоть ei запалю,
Та най мêнѣ не завдає
Гôрейкого жалю!

76,

«Цы я тобѣ не казала,
Цы не говорила:
«Сиди дома, не йди нигде,
Бымь ся не журила!»

67.

Ой на горѣ манастырь,
Въ долинѣ звôниця,
Ой тамъ бы я черцемъ бывъ,
Кобы молодиця.

78.

Ходить мила по при рѣчку,
А я по за рѣчку,
Ни по чому не спôзнаю,
Лемъ по вбуванêчку.

79.

Насѣявъ емь много вôвса
Не є кому жати:
«Порай мене, пане брате,
Вôткы дѣвча взяти!»

«Пораю тя, пане брате:
У нашого вôйта,
Тамъ є дѣвка дуже красна,
Та лемъ не робôтна!»

80.

Ой ты гада'шь, дурный дурню,
Ожь я тебе люблю,
А я тебе, дурный дурню,
Словами голублю.

81.

У зеленôй полониннѣ
Сивый голубъ пасе:
Коли мила потанцує,
Хвостомъ си потрясе.

82.

Ой пôду я въ полонинку,
У май, нижню пущу,
Та тамъ я ся зарубаю,
Никого не пущу.

Та лемъ тоту дѣвчиницю
Съ чорными очима,
Обы мêнѣ, молодому,
Водицî носила.

83.

У зеленôй полонинѣ
Яворина стята:
А я своêй бѣлôй рыбцѣ
Справлю колêсцята.

А я своêй рыбцѣ справлю,
Обы ся возила,
Обы мêнѣ, молодому,
Здоровля просила.

84.

«Ой позирай, соколику,
У вôкно скляное,
Най я тебе поцюлюю
Въ личко румяное!»

85.

Ой заходить то' сонêчко
За терновый садокъ:
«Не знаешь ты, мôй милейкый,
Кôлько у мня гадокъ.

Ожь бы усѣ звѣзды зъ неба
Писарями стали,
Та êщê бы мои гадкы
Не переписали!»

86.

«Цы ты, куме, одурѣвъ,
Цы тя мара морить?
Твоя жона, моя кума,
Зо мновъ не говорить.»

87.

Ой пôду я, ой пôду я,
До лѣса темного,
Та нарву я, та нарву я,
Зêлья зеленого.

Та буду я го варити
Въ солодкôмъ молоцѣ,
Обы мене та любили
Верховински̂ хлопци̂!

88.

Ой у млинѣ два камени̂,
И одинъ не меле:
Вôдобрала пелеханя
Сокола одъ мене.

Вôдобрала, вôдобрала,
Не е што любити;
Щê бы ми ся съ пелеханевъ
Сêмь разъ правотити.

89.

Унадився чорный веперь
Паровинку рыти;
Унадився бѣлый хлопець
Мари̂ку любити.

Ой полишивъ чорный веперь
Паровинку рыти:
Ой полишивъ бѣлый хлопець
Мари̂ку любити.

90.

«Цы ты, куме, одурѣвъ,
Цы ты безъ розума,
Що ты мене обôймаешь?
Та ці я твоя кума!»

91.

На Бѣлецкой церквѣ, церквѣ,
Мурована турня:
Такôй ми ся сватачъ унявъ,
Што не моя руня.

Не моеи рунй, рунй,
Не моеи версты:
«Женитися было, Янче,
Сêмьма роки перше.»

92.

Дала мене моя мати
За старого дѣда,
Та велѣла сановати,
Якъ въ городцѣ зѣля.

А я дѣда сановала,
Сановати мушу:
«Измилуйся, Пане Боже,
Возьми зъ дѣда душу!»

93.

Якъ, дê, мêнѣ не ходити
Горѣ тымъ поточкомъ:
Якъ, дê, мêнѣ не любити
Рыбочку пôдъ бочкомъ?»

94.

«Солодка ма бѣлявице,
Солодка ма душко!
А нужь сюда мало ближе,
Най ти шепчу въ ушко!

Рыбка моя золотая,
Ай меде мôй, меде:
Уже намъ ся сёго року
Любитки не веде.»

95.

«Бодай тебе, когутику,
Три пера болѣли:
Я не спала, а ты все пѣвъ,
Вже зорй бѣлѣли!

Хоть емь спала, хоть не спала,
Кедь емь рано встала,
Хоть лемъ свому миленькому
Слѣдки протоптала.

96.

Болить мене головонька
Отъ самого рана,
Не видѣла 'мь миленького
Ни нынѣ, ни вчера.

Болить мене головонька,
Треба ми доктора:
«Но якого?» — «Молодого!
Бо я дуже хвора.»

97.

«Ой дай же мя, мамко моя,
За красного хлопця,
Же бымь собѣ процвѣтала,
Якъ ружа зъ городця!»

98.

Ой якъ тяжко конопейцѣ,
Якъ въ болотѣ гніе,
Ёщê тяже дѣвчинойцѣ,
Якъ безъ мужа жіе.

99.

Ой на горѣ манастырь,
На долѣ дзвôниця,
Ой тамъ бы я черцемъ бывъ,
Кобы въ нêмъ черниця.

100.

Ой я вчера пряла клочья,
А нынѣ повѣсмо:
«Сядь си, любку, коло мене,
Хоть намъ буде тѣсно!»

Сядь ту, любку, коло мене,
Говори до мене,
Ой та най я подумаю,
Цы любишь ты мене.

Ой сядь собѣ коло мене,
Присунься близенько:
Якъ упаде веретенце,
Склонися низенько!»

101.

«Ой дѣвчино, дѣвчинонько,
Не боищься Бога?
Одправила'сь красныхъ хлопцей
Отъ твого порога!

Одправила'сь чесныхъ хлопцей,
Та чекай до нынѣ:
Теперь пôдешь за такого,
Котрый пасе свиний!»

102.

«Побêй, Боже, стару бабу,
Та й дѣвчину си!
Уже 'мь прибивъ бѣлй ноги,
Ходячи до неи!

Старый хотѣвъ, старый хотѣвъ,
Стара не хотѣла,
Лемъ сидѣла на запêчку,
Та все моркотѣла!»

103.

Ой пôду я въ Марамором̂ъ
На Золоту Баню,
Купыю женѣ черêвички,
А собѣ кресаню.

104.

Ой не буду воду пити,
Вода студененька;
Та й не буду жону бити,
Жона молоденька.

105.

Тамъ на горѣ, при потоцѣ,
Пасли козы рясну:
Загубивъ емъ, затративъ емъ,
У милои ласку.

106.

Ой пôду я, пôду,
Куды 'мь не ходила,
Та найду я того,
Кого я любила.

Ожь не того, того,
Товариша ёго,
Та ёщê я найду,
Соколика свого.

107.

Ой чорна я, чорна,
Я то знаю сама:
Я про свою чорнôсть
Мамъ фраира пана,

108.

«Черезъ Дунай, черезъ Тису,
Ступай, рыбко, бо тя лишу!» —
«Не лишай ця, бойся Бога,
Я за тобовъ ити година.»

109.

«Ой цы ты, цы не ты,
Чепакъ нерубила,
Ой я йшовъ, та й найшовъ,
Кобъ есь выкупила.»

110.

«Ой рыбочко золота,
Втвори мѣнѣ ворота!
Бо я иду самотрѣть,
На вечерю, на обѣдъ.»

111.

Кумо моя молода,
Въ тебе ручка золота:
Моя рыбка не може,
Твоя ручка поможе.»

112.

Гопъ, чукъ, баранчукъ,
А на боцѣ дудка:
Кедь бы мѣнѣ не милейка,
Не бывъ бы я тутка!

113.

«Ой дѣвчино молода,
Въ тебе ручка золота.» —
«А що тобѣ, небоже,
Моя ручка поможе?»

114.

Танцовати не могу,
Бо сѣвъ комаръ на ногу:
«А геть, комаръ, изъ ноги,
Няй танцюю помалы!»

115.

Сидить голубъ на тополѣ,
Спѣва'ть собѣ горкой долѣ,
А я ёму помагаю,
Бо й я таку долю маю.

116.

Ой цы я не леdёнь,
Цы ми не подоба:
Возьму бигарь на плечи:—
Вся моя худоба!

117.

О у гору та не можу,
У долину рушу:
За челлені чоботята
Любити я мушу.

За челлени̂ чоботята
Буде милованья,
А за чорни̂ чоботята
Буде ти лаянья.

118.

Середъ села корчма нова
И нови будьщки:
Не было ми сего лѣта
Веселои днинки.

119.

Иде дождикъ на голицѣ,
А чей перестане:
Узявъ ледêнь стару бабу,
Кайтеся, Хрестьяне!

120.

Ой зацвѣли черешеньки,
Зацвѣли косици̂:
Ой не е ми миленького
Зъ за тои граници̂.

121.

На ясêнѣ дрôбне листья,
Ягôдки челлени̂:
А якъ любця не любити,
Коли вôчки чорни̂!

122.

Ой ярая пшеничейка,
То 'сь ся отъпирала:
Солодка ма файна рибка,
То 'сь ся оддалила.

123.

Журилися ой сусѣды,
Журилися черцѣ:
Ой якъ бы тутъ передати
Чоботята Євцѣ?

124.

Черезъ гору высокую
Тихій вѣтрецъ гучитъ:
Ай бо мое соколятко
Въ Унгварѣ ся учитъ.

125.

У моёго милейкого,
Чорнов волося,
Коли иде горѣ селомъ,
Дуже му ялося.

126.

«Подуй, вѣтре холоднейкій,
Вôтки тя жадаю,
Изъ за тои полонинки,
Вотки любця маю!»

127.

О, Боже мôй любый,
Хто 'ня приголубить?
Отець, мати, глубоко,
А Панъ Бôгъ далеко!

128.

Ой на горѣ густый шатъ,
Бо мôй милый гунцвутъ радъ,
А я бôльша бештія,
Што 'мь гунцвута любила!

129.

Ой не жаль ми на горнець,
Што кипить изъ водовъ,
Лемъ ми жаль на Попець,
Звѣнчавъ 'ня изъ бѣдовъ.

Ой не такъ на Попа,
Якъ на Попадище,
Все менѣ казала:
«Чамняный хлопчище!»

130.

Середъ села ясенъ,
Садивъ его Василь:
Ясень шелесŭатый,
Василь не женатый.

131.

«Эй писаночко писана,
Эй на фурмусъ ся придала.»
«Эй писанку я дала,
Эй бы ся, де, хлопцёмъ придала.»

132.

«Эй черна гора, бѣлый лѣсъ:
Эй не видѣвъ 'емъ милу днесь,
Эй кто 'е видѣвъ, най повѣсть,
Най 'ня серце не болить!»

133.

Эй, не шакай, не рубай,
Най ся зеленѣе:
Не берь парадницю,
Най ся постарѣе!»

134.

«Эй мила моя, добра будь,
Эй ты за 'ня не забудь,
Эй бо кедь за 'ня забудешь,
Моя никда не будешь.»

135.

Эй заспѣвавъ быхъ, не мамъ кому,
Эй хиба лѣсу зеленому,
Эй не лѣсу зеленому,
Шугаёви молодому.

136.

«Эй мила моя, утворь ми!
Эй, най не свою пудъ дверьми
Эй мой коничокъ и я самъ,
На коничку мой серсамъ.»

137.

Эй така 'мъ пьяна, ледва йду,
Эй упала 'мъ на леду,
Эй, а вы хлопці, ведѣть 'ня
Эй кедь здоймѣть 'ня!»

138.

Эй сырй дрыва, горкій дымъ,
Эй гуляла быхъ, не мамъ съ кѣмъ,
Эй гуляла быхъ съ Василькомъ,
Эй прійде Янчи съ бигарёмъ,
Эй сырй дрова не горять,
Эй за насъ люде говорять,
Най говорять, што хотять,
Бо намъ добрѣ не хотять.

139.

Эй по горѣ 'мъ ходивъ,
Штырй 'мъ конй водивъ,
А пяту миленьку
За ручку бѣленьку.
«Эй мила, моя мила
Зима бы тя била,
За тоты колачй,
Щто 'сь отъ 'ня поѣла!»

140.

Ой, Боже мой, за жалю,
Кедь я свою фраирочку найду?
Ай найду я фраирочку въ Будинѣ,
Піе винко пареное изъ ледёнй.

141.

Эй, кобы было не взоряло,
Щё бы было дѣвча спало,
Ай лемъ почавъ воларь трубицъ,
Почалося дѣвча будзицъ.

142.

Горове, горове!
То по васъ дымове,
Лемъ тамъ дыму не е,
Де мой милый жіе.

Эй, коло Темишвару
Жало дѣва яру траву,
Якъ нажало й повязало,
На милого заволало.

143.

Ой, тамъ, за горомъ,
Дѣдько знае за котромъ,
Малёвали маляри,
Малевали черевички,
Дѣвчинѣ молодой.

«Ой, мамко моя,
А я дѣвка твоя,
Пожичь мêнѣ таляра,
Розмѣнити черевички
Молодого маляра!» —

«Ой дѣвко моя,
А я мати твоя,
Теперь лѣто, не зима,
Треба собѣ заробити,
Черевички измѣнити,
Молодого маляря.» —

«Ой, мамко моя,
А я дѣвка твоя;
Болить мене голова,
Жебы 'мь собѣ заробила,
Черевички вымѣнила,
Молодого маляра.»

ПРИБАВЛЕНІЯ.

I. Пѣсни села Высова Сандецкаго Уѣзда, записанныя Студентомъ Кіевскаго Университета, Галичаниномъ М. Г. Астрябой.

ДУМЫ НРАВСТВЕННО-ПОУЧИТЕЛЬНЫЯ И РЕЛИГІОЗНЫЯ.

1.

Объ Адамѣ.

Ходилъ Адамъ по раю,
Ишолъ брезъ густу траву,
Вышолъ ажъ на дерево,
Заволалъ: «Геле, гевъ! Єво!»
Єва ябко вырвала,
Адамови подала:
«На ти, Адамъ, ябка того,
Скоштуй, што есть дорогого!»
Адамъ ябка скоштовалъ,
Ангелъ зъ неба заволалъ:
«А ты, Єво, невстыдлива!
Зъ раю 'сь мя высудила;
Теперь мусишь кудѣль прясти,
Веретеномъ сама трясти;
А ты, Адамъ, возь мотыку,
Копай ролю на патыку:
Мусишь ролю копати,
Своихъ дѣтій ховати.»

2.

О Св. Еленѣ.

(I, 235.)

Въ Недѣленьку, по обѣдѣ,
Ходилъ Панъ Богъ по Бешкидѣ,
Дѣвча воду зъ моря несло:
«Чекай, дѣвча, напью я ся!» —
«Якъ бы вы ту воду пили,
Кедъ то вода барзъ нечиста:
Зъ верха листокъ, въ сподѣ пѣсокъ.» —
«Дѣвча, дѣвча, вода чиста,
Лемъ ты сама еси не чиста:
Южъ лесь сѐмь мужо̀въ мала,
А зо жаднымъ шлюбъ не брала:
Сѐмь лесь хлопцѐвъ породила,
Ни едному ксту не дала.» —
«Кедъ лесь хлопъ, то не гварь ми то!
Кедъ лесь Богъ, отпусть ми то!»
Дѣвчатко ся такъ злякало,
Ажь на чорну землю впало:
«Дѣвча, дѣвча, не лякайся,
Идь до церкви, сповѣдайся
И за вотця, и за матку,
И за вшитку родиноньку!»
Дѣвчатко ся сповѣдало,
Ажь ся въ порохъ разсыпало.

3.

О покутѣ.

Кедъ ся душечка
Съ тѣломъ розлучала,
Тамъ она пошла за море,
Тамъ покутовала

Сполна сêдземь рочковъ
И сêдземь мѣсячковъ;
Нихто о нêй не зналъ,
Лемъ самъ Сынъ Божій,
Што по вшиткôмъ свѣту
Людій розмножилъ.

4.

О Св. Еленѣ.

(I, 233.)

Ишла, ишла Свята Єлена,
Глядаючи свого Сына,
Встрѣтила тамъ трое Жидовинъ:
«Цы то вы были, Бога мучили?»—
«Ой не мы, не мы, аль наши старшй,
Мы при тôмъ были,
Якъ го мучили.
Пôзри, Єлена, на онъ ту гору:
На онъ тôй горѣ три древа лежать,
На тыхъ-то древахъ крижи роблено,
Пôдъ тыми древами три гробы брано:
Въ еднôмъ гробѣ Янъ Божій лежить,
Въ другôмъ гробѣ Сынъ Божій лежить,
А въ третьемъ гробѣ Свята Пречиста;
Предъ Яномъ Божіимъ органы играють,
Предъ Сыномъ Божимъ свѣчки падають,
Предъ Святовъ Пречистовъ ружа проквита'ть.»

5.

О Святой Причистой.

А доловъ, мй, доловъ,
Тамъ доловъ далеко,
Стоитъ мй тамъ, стоитъ,
Крячокъ цитрусовый,

А на томъ крачку
Пташокъ орябочокъ
Спѣва'тъ собѣ, спѣва'тъ
Сѣмъ набожныхъ пѣсемъ.
Єдну пѣсемъ спѣва'тъ
О Божêмъ рождêнью,
Другу пѣсемъ спѣва'тъ
О Божêмъ мучêнью,
Третью пѣсемь спѣва'тъ,
Якъ ся свѣтъ начиня'тъ.

6.

Панна Марія.

Кедъ ясна зôрничка
Барзъ красно свѣтила,
Втоды она, втоды,
Сына породила.
Пôшла она, пôшла,
До хлопа Кыртиса:
«Заночуй мя ночку
Въ своêмъ будыночку!» —
«Якъ тя ночувацъ мамъ,
Кедъ веле дзеци мамъ,
Малый будыночокъ.—
Кебы 'мъ я зналъ,
Же 'сь Панна Марія,
Далъ бымъ ти ночку
Въ своêмъ будыночку;
Далъ бымъ я ти ночку
Съ самымъ Паномъ Богомъ,
А самъ бы я лежалъ
Зъ дѣтьми пôдъ порогомъ!»

7.

О дѣдку.

Ишолъ дзядекъ, не преставши,
Трафилъ на богача:
«Заночуйте, добры люде,
Бо мя нôчка зашла!»
«Мы тя не прійимеме,
Бо мы тя не знаме:
Не будешь ту ночовати,
Идій собѣ дале!»

Ишолъ дзядекъ, непреставши,
Трафилъ на худобу:
Зъ щирымъ серцемъ го витаютъ,
Подобать ся Богу:
«Далъ бымъ я ти, дзядку,
Ѣсти, пити, со щирой души,
Не мамъ муки,
Не мамъ соли,
Серце ми ся круши!»

II. Обрядныя пѣсни села Высова Сандецкаго Уѣзда, записанныя тѣмъ же Студентомъ.

А. ЩЕДРОВКА.

(II, стр. 149.)

Щедрый вечêръ, добрый вечêръ,
Христу, Христу, Марію!
На престолѣ стояла,
Три крижики тримала:
«А вы, люде, знайте,
Наше право дайте,
Наше право — колача,
Выженеме рогача
На старый перелôгъ,
Зобьеме му правый рôгъ,
Правымъ рогомъ трубити,
Хвостомъ, хвостомъ, гонити.»

Эту пѣсню Высовскіе мальчики произносятъ хоромъ на распѣвъ, на канунѣ Крещенія, 5-го дня Генваря. Обходя все село, каждый изъ нихъ несетъ въ рукахъ по связкѣ прутьевъ лѣщины, которые раздаются газдамъ (хозяевамъ). Этимъ прутьямъ Высовляне приписываютъ чудодѣйственную силу, особенно относительно скота. За то мальчики получаютъ отъ всякаго хозяина по пригоршнямъ (горстямъ) овса, намоченнаго въ водѣ. Этотъ овесъ считается особенно хорошимъ на расплодокъ. Что касается содержанія этой щедрôвки, то оно указываетъ на древнѣйшее ея происхожденіе. Она сохранила указаніе на обрядъ нашихъ предковъ-язычниковъ приносить въ жертву воловъ, какъ извѣстно изъ «Краледворской Рукописи» и «Арконскаго праздника жатвы.»

1.

Б. БЕРДОВИЧКО.

Бердо, бердо, бердовичко,
Єсть насъ мало, не величко;
Гей, гей, мало насъ:
«Подь же, дѣвча, медже насъ!»

2.

А тамъ доловъ, на гати,
Стало дѣвча плакати,
А наша Марина
Пôдписана перина:
«Качъ дале, качъ!»

(Дѣвки перебѣгаютъ на другое мѣсто)

Казала вамъ мацъ:
«До саду, дѣвчата́, до саду,
Сѣяти росаду!»
Ищê росада не зышла,
Южь ся любовь розышла.

3.

«До раю, миленка, до раю!
Бо я ся съ тобомъ не знаю!»
Кобы наша миленка
Не вливала,
То бы наши рученьки
Пребывали.

Когда дѣвущка поютъ эту пѣсеньку, то перебѣгаютъ гуськомъ съ одного мѣста на другое, держась за руки. Не напоминаетъ ли она Несторовскіе игры межи селы?

4.

«А де же вôнъ пошолъ?»—
«На Венгерску страну,
На Венгерску страну,
Та по красну жену.»—

«Коли же зъ нёмъ верне?» —
«На недѣлю рано.»
«Дай намъ, ей, дай намъ!»—
«На чёмъ ей привезу?» —
«На сивôмъ коничку,
Въ червенôмъ гатличку.»

5.

«Віяла, віяла сомъ.
Навіяла сомъ,
Червенымъ, зеленымъ,
Бѣлымъ гатласомъ.

Пришла сомъ
На ярмакъ,
Не продала сомъ;
Пришла сомъ
Зъ ярмаку,
Заплакала сомъ.

Теперь я ся розскакала,
Теперь же мй грайте,
Чорны цижбы попраскали,
Червены мй дайте!
Червены мй дайте!
Я вамъ заплачу;
Мамъ я пальцй-дротованцй,
То ихъ не потрачу.

6.

(II, 484.)

«Де жь лесь былъ, дежь лесь былъ,
Чорный баране?» —
«Во млынѣ, во млынѣ,
Вельможный пане.»

«Съ кѣмъ же 'сь спалъ, 2
Чорный баране?»—
«Съ млынарькомъ, 2
Вельможный пане.»

«Хто тя засталъ, 2
Чорный баране?» —
«Самъ млынарь, 2,
Вельможный пане.»

«Чѣмъ тя били, 2
Чорный баране?» —
«Цѣпами, цѣпами,
Вельможный пане.»

«Было втѣкацъ, 2
Чорный баране.» —
«Не было де, 2,
Вельможный пане.»

«Въ мышью диру, 2
Чорный баране.» —
«Вельки роги, 2
Вельможный пане.»

«Было мазацъ, 2
Чорный баране.» —
«Не было чѣмъ, 2
Вельможный пане.»

«Мышьимъ лайномъ, 2
Чорный баране.» —
«Кедъ смердѣло, 2
Вельможный пане.»

«Было пахацъ, 2
Чорный баране.» —
«Пахай самъ, 2
Вельможный пане!»

В. СУБОТКА.

III. Пѣсни вечеромъ на канунѣ Св. Іоанна Крестителя, 23 Іюня.

1.

«Яне, Яне, Святый Яне!
Освять же намъ зёлья,
Освять же намъ зёлья
И дробне каменья!»

2.

Яка тота дѣвка пышна,
Што на Соботку не вышла:
Сухой рѣпы наварила
И фреира накормила.

3.

Ишла дѣвка брезъ лозинку,
Нашла собѣ кудрятинку:
И варена, и печена,
И поприкомъ напопрена.

Ишли хлапцы брезъ лозинку,
Нашли собѣ гачатинку:
Ни варена, ни печена,
Лемъ жигалковъ напарена.

НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ, ОБРЯДЫ И ПѢСНИ ВЪ БУКОВИНѢ РУССКАГО НАРОДА.

1. *Коляда или Святый Вечеръ.*

На канунѣ Рождества Христова хозяйка (газдиня) приготовляетъ разныя постныя кушанья для богатой вечери: пшеницу, галушки, бобы, пироги, колоченую фасолю, печерицы, сушеныя сливы, сушеную рыбу, соленую рыбу, сушеницы (сушеныя яблоки и груши), печетъ кныши съ макомъ, капустой, или съ горохомъ, кулешанники (пироги изъ кукурузяной муки) и калачи на жертву въ церковь. Приготовивъ все, заметаютъ чисто хату, вносятъ столъ, на столъ настилаютъ сѣно, въ которое кладутъ ладонъ и чеснокъ, послѣ накрываютъ убрусомъ. На столъ кладутъ два хлѣба, на нихъ соль. и при томъ всѣ приготовленныя кушанья съ покраянными ломтями кныша. Предъ самымъ закатомъ солнца входитъ въ хату хозяинъ (газда), съ своимъ семействомъ и съ челядью, постившимися до сихъ поръ, и всѣ становятся рядомъ къ молитвѣ. По окончаніи молитвъ бьютъ поклоны и садятся по старшинѣ за столъ. Предъ тѣмъ газда кадитъ ладономъ подъ образы и на около стола. Послѣ онъ зажигаетъ восковую свѣчу (такъ какъ только при свѣтлѣ годится вечеряти) и прилѣпляетъ ее къ хлѣбамъ, лежащимъ среди стола. Перекрестившись, каждый по очереди кушаетъ пшеницу, послѣ ѣдятъ другія кушанья. Откушавъ, одно изъ дѣтей лѣзетъ подъ столъ и квокаетъ, чтобы велись квочки (насѣдки), и за то получаетъ отъ отца ложку пшеницы, или сливы. Посидѣвъ немного, начинаютъ всѣ вмѣстѣ пѣть колядныя пѣсни (колядовати), и послѣ, поколядовавъ и поблагодаривъ Богу за вечеру, встаютъ изъ за стола. Старые хозяева ложатся спать, а молодежь мужскаго пола идетъ колядовать по селу. Обыкновенно ходитъ по два мальчика вмѣстѣ, и пришедши предъ хату, становятся подъ окно и колядуютъ разныя коляды. Послѣ окончанія пѣнія выноситъ имъ дѣвочка, или хозяйка, бохонецъ хлѣба, или крейцарь. Такъ обошедши больше хатъ, собирутъ себѣ по мѣшку хлѣба. Парни (парубки) та же

ходятъ колядовать съ однимъ музыкантомъ на скрыпкѣ, или сопѣлкѣ, заходя только въ тѣ хаты, гдѣ находится взрослая дѣвка, которая уже пляшетъ. Послѣ коляды они получаютъ отъ дѣвчины по леву (гульдену), 50, или, по крайней мѣрѣ, по 20 крейцаровъ.

На другой день (на Рôздво) идутъ всѣ въ церковь, и по службѣ Божой паробки колядуютъ тамъ вмѣстѣ съ Дякомъ. Послѣ Богослуженія и женатые хозяева ходятъ одинъ къ другому колядовать, однако же они не получаютъ ничего, кромѣ угощенія кушаньями и напитками въ домѣ того, кому колядовали. На третій и четвертый день паробки и женатые ходятъ колядовать только до полудня, по полудни же всѣ идутъ на танецъ, въ корчму. Молодежь танцуетъ, а старшіе посматриваютъ.

Коляды поются на Буковинѣ хлопцами, паробками и хозяевами

I.

КОЛЯДЫ.

Хозяевамъ.

1.

Знати, пôзнати, котрый добрый панъ,
Гой, дай, Боже!
Въ него ворота зъ самого злота,
Въ него подвôрье, якъ срêбло бѣле.
Чи мгла, чи вода, чи бѣлй вôвцй?—
Не мгла, не вода, все бѣлй вôвцй.—
«Чіи то вôвцй?»—«Нашого пана,
Нашого пана, пана Ивана;
Идутъ за ними три вôвчарики:
Одинъ вôвчарикъ—Святый Николай,
Другій вôвчарикъ—Святый Юрій,
Третій вôвчарикъ—самъ Святый Господь!
Гей идутъ, идутъ, три трубцй несутъ:
У Николая да й роговая,
А у Юрія да й мѣдяная,
А у Господа съ самого злота!
Якъ затрубивъ Святый Николай,

Ой всѣ ся горы да й забѣлѣли, *
А якъ затрубивъ да й Святый Юрій,
Усѣ ся лѣсы зазеленѣли, **
А якъ затрубивъ самъ Святый Господь,
Пôшли голоса по пôдъ небеса!
Гой, дай, Боже!

2.

Гей въ лѣску, въ лѣску, на жовтôмъ пѣску,
Гой, дай, Боже!
Камень лупаютъ, церкву мурують,
Церкву мурують съ трёма верхами:
А въ першôмъ верху служба ся служитъ,
Служба ся служитъ за господаря,
А въ другôмъ верху свѣчи палаютъ,
Свѣчи палаютъ за господиню,
А въ третёмъ верху звоники звонятъ,
Звоники звонятъ за всю челядку.
Гой, дай, Боже!
А за симъ словомъ
Ночуйте съ Богомъ!

Паробкамъ или мальчикамъ.

1.

Гей, Орде пышный, пане дѣдичу,
Гой, дай, Боже!
Ой зъ горда собѣ да й починаешь,
По пôдъ Камянець коникомъ граешь;
Камянцѣ кажутъ: «То нашъ панъ ѣде;»
А мамка каже: «То мôй сынъ ѣде.»
—«По чёмъ пôзпала?»—«По кошулечцѣ:

---

* Снѣгъ, зима.

** Весна.

На немъ кошулька якъ бѣлъ * бѣленька,
Якъ бѣлъ бѣленька, якъ листъ тоненька».
—«Де она прана?»—«Въ краяхъ Дуная.»—
—«Де в'на кручена?»—Въ коня копытахъ.»—
—«Де в'на сушена?»—«Въ тура на розѣ.»—
—«Де в'на тачана?»—«Въ терновыхъ дворахъ,
Въ терновыхъ дворахъ, на тисовыхъ столахъ».—
—«Де в'на убрана?»—«Въ Бога за дверьми.»
Гой, дай, Боже!

2.

Выйшли молодцѣ рано съ церковцѣ,
Гой, дай, Боже!
Та радятъ раду старосвѣтскую:
«Не купуймо, братья, на дѣвки вѣнки,
Но купуймо, братья, золотѣ човны,
Золотѣ човны, срѣбнѣ весельця;
Та пустимъ мы ся краемъ Дунаемъ,
Краемъ Дунаемъ, въ чужую землю;
Чуемо мы тамъ доброго пана,
Даруе дары по коникови,
По коникови по вороному,
По Угорской стрѣлцѣ, по хорошѣй дѣвцѣ.»
Гой, дай, Боже!

Дѣвкамъ и дѣвочкамъ.

1.

Зажурилися горы, долины,
Гой, дай, Боже!
Що не зродило жито, пшениця,

---

* Лебедь.

Але зродило зелене вино,
Зелене вино славно зацвѣло,
Славно зацвѣло, мало зродило.
Сокотила его гречная панна,
Гречная панна, на имя Сандульця: *
Шитьечко шила, уже заснула,
Прилетѣла къ ней райская пташка,
Райская пташка крыльцями сбила,
Да й гречну панну Сандульцю сбудила:
—«Райская пташка, не спѣвай вино,
Бо менѣ вина багато треба;
Треба мнѣ вина на двѣ, три, службы:
На одну службу—на Святе Рôздво,
На другу службу—на Василія,
На третью службу—на великій День,
На великій день, та й на Великдень!»
Гой, дай, Боже!

2.

Гей бѣжить рыдванъ золотокованъ,
Гой, дай, Боже!
А въ тôмъ рыдванѣ золотый стôльчикъ,
На тôмъ стôльчику гречная панна,
Гречная панна, панна Сандульця,
Ой сидитъ себѣ, шитьечко шіе,
Шитьечко шіе, три ширинччцѣ:
Першу що шила, сады садила,
Тоту бы дати свому свекрови;
Другу що шила, вселякимъ шовкомъ,
Тоту бы дати меньшому брату;
Третью що шила, золотомъ злотила,
Тоту бы дати свому милому;
Эй дати, дати, нема кимъ пôслати,

---

* Александра.

Є въ мене сестра меньша вôдъ мене,
Меньша вôдъ мене, красша вôдъ мене,
Сестру похваля', мене погудя:
Хоть соромъ, хоть два—понесу сама.
Гой, дай, Боже!

3.

Гей, въ лѣсѣ, въ лѣсѣ, да й въ Недоборѣ,
Гой, дай, Боже!
«Чи огонь горитъ, чи мѣсяць свѣтитъ?»—
Ни огонь горитъ, ни мѣсяцъ свѣтитъ,
Гречная панна вѣнкомъ сіяє,
Вѣнкомъ сіяє, Бояръ частує:
—«Станьте, Бояре, въ одну сторону,
Бо мене батько даромъ даруе.
Даромъ даруе, три села дае:
Одно село съ старыми людьми,
А друге село исъ парубками,
А третье село исъ дѣвочками.
Съ старыми людьми село порядне,
А съ парубками село буйное,
А съ дѣвочками село славное.»
Гой, дай, Боже!

4.

Зажурилася да й перепела,
Гой, дай, Боже!
Де бы я собѣ гнѣздочко звила?...
Звила бы я го въ озимôмъ житѣ—
Женцѝ зайдутъ, мене найдутъ,
Гнѣздо розôбьютъ, дѣти розженутъ:

Зажурилася да й перепела:
Де бы я собѣ гнѣздочко звила?...
Звила бы я го въ ярôй пшеницѣ:

Женцѝ зайдуть, мене найдуть,
Гнѣздо разôбьють, дѣтей розженуть.

Зажурилася да й перепела,
Де бы я собѣ гнѣздочко звила?...
Звила бы я го въ зеленôй травѣ:
Женцѝ зайдутъ, мене найдутъ,
Гнѣздо розôбьютъ, дѣти розженутъ.
Гой, дай, Боже!

Записалъ Г. И. Купчанкъ.

II.

Рекрутская.

Гей, ступаютъ жовнярики на широкôй мôстъ,
Ой пьютъ они горѣлочку, та й солодкій мêдъ:
Позволивъ есь, панъ Капитанъ, мêдъ, горѣлку пити,
Позволь же намъ, панъ Капитанъ, ще ся поженити.
Въ людей жêнки якъ Вôрмѝнки, якъ ружевый цвѣтъ,
Менѣ жь моя желѣзная завязала свѣтъ!...
Та возму жь я желѣзную по пôдъ бѣлѝ бокы,
Та пущу я желѣзную та й на Дунай глыбокій:
«Плыни, плыни, желѣзная, ажь на синій камêнь,
Ажь тамъ же ты одпочинешь, та й на вѣки амѝнь!»

III.

Спѣваночки и коломыйки.

1.

Заковала зазулечка въ пана на орѣсѣ:
Шануй же мя, мôй миленькій, якъ ластôвку въ стрѣсѣ.

Бо якъ не мешь шановати,—не мешь мя и мати,
Бо я тобѣ не наймичка все поле зробляти.
Бо я тобѣ не наймичка—я тобѣ газдиня:
Куда пôдешь, зъ вôтки придешь, твôй дôмъ не пустыня.»

2.

Ишла Дойна изъ Горѣшья,
Добрымъ конемъ, бôльше пѣша,
Не постала Дойна броду,
Перебрыла право воду:
Вôсêмь коней потопила,
На девятôмъ переплыла,
Буковино ат й Ляччино!
Уже Дойна переплыла.

3.

«Иванъ Довгій, займи товаръ,
Та далеко въ поле:
Сонце низько, вечеръ близько,
Вернися, соколе!»

4.

Ой пôшовъ я на Пôдгôрье, та й на Пôдгôрьечко,
Та й вынêсъ я барабули та й на насѣньечко.
Гей, не ѣвъ я бôльше нічо, лише барабули,
Та якъ выйшовъ я на весну, не вчувъ я зазулй.

5.

«Гей танцюе, та танцюе, черевички псуе,»
«Та нічо êй не коштуе, бо милый купуе.»

6.

Та куривъ я, вуйку, люльку, тамъ, въ малôй хатчинѣ,
Закуривъ я чорнй очи молодôй дѣвчинѣ!..
Та куривъ я, вуйку, люльку, вôтъ теперь не буду,
Попыхала дѣвка руку, та й вôтдула губу.

7.

Гей, засвѣти, мѣсяченьку, зъ Загôрья, зъ Загôрья,
Ой часъ же намъ, братья нашй, зъ застôлья, зъ застôлья.
Та чей ж намъ мѣсяченько засвѣти', засвѣти',
Та чей же насъ та й Пречиста зôстрѣти', зôстрѣти'!

8.

Гей, Гуцуликъ легко вбутый, легко му ходити,
Гуцуличка молоденька, лишь бы ю любити.
Якй маешь чорни очй, якъ у соколяти,
Гуцулечко молоденька, лишь бы тебе взяти!

IV.

Заговоры (примовлянья).

1. Отъ урокôвъ.

«Уроки—урочища, пристрѣты—пристрѣтища! Хоть най будутъ уроки человѣчй, хоть най будутъ уроки жѣночй, хоть най будутъ уроки парубочй, хоть най будутъ уроки дѣвочй, хоть най будутъ уроки хлопячй, хоть най будутъ уроки дѣвчачи, абы зныдѣли якъ вôскъ на огнѣ, пѣна на водѣ, роса на травѣ; такъ абы зныдѣли уроки отъ чистого (или чистои), молитвенного (или молитванои), хрещеного (или хрещонои) Н. Н.!» Этотъ заговоръ повторяется девять разъ; за каждымъ разомъ нужно три раза хухнуть: «Ху, ху, ху!» и три раза сплюнуть: «Тьфу, тьфу, тьфу!»

2. Отъ вкушенія змии (якъ гадина вкуситъ).

(Не переставая до конца и назадъ говорить): «Прійшовъ Вонъ,

пустивъ жалце въ шкôру, зъ шкôры въ мясо, зъ мяса въ печêнки, зъ печêнокъ въ селезêнки, зъ селезêнокъ въ серце, зъ серця въ селезêнки, зъ селезêнокъ въ печêнки, зъ печêнокъ въ мясо, зъ мяса въ шкôру, зъ шкôры вонъ.» (Три раза).

V.

Похороны въ Буковинѣ.

Мертвеца умываютъ и убираютъ въ чисту одêжъ. На голову кладутъ, особѣ мужескаго пола, нову баранкову кучму, женатому безъ вѣнца, не женатому съ вѣнцемъ, и полагаютъ на лавѣ, подъ полуднѣйшую стѣну головою на всходъ солнца. Вѣнецъ дѣлаютъ зъ барвêнку на три вершка широкій, круглый. Въ средину кладутъ одного старого сорокôвця или 20 крейц. сребреныхъ и зубокъ часноку. Барвêнокъ золотятъ бѣлою и жолтою позолоткою, и пришиваютъ тотъ вѣнецъ на правой сторонѣ шапки. Тѣло убираютъ въ чистое бѣлое платье и подпоясываютъ новымъ поясомъ. Ноги убираютъ въ полотняныя плахты. Руки складаютъ—лѣвую подъ сподъ, а правую съ верху, на груди.

Женскому полу кладутъ на голову: жêнкамъ бѣлый рантухъ, молодицамъ бѣлый ручникъ, но подъ бороду новымъ «турпаномъ» подвязаный, дѣвчатамъ же ихъ «карабули» съ вѣнкомъ. «Карабули» * подобны коробкамъ, сдѣланы изъ лубкового паперу, который галонами, цятками, стяжками, перлами, хиромъ, ** лелѣтками, козиками и многими цвѣтками накрываютъ. Дѣвчата имѣютъ низшія карабули, нежели дѣвки. Дѣвочій вѣнецъ въ длину на стопу, а широкій въ вершокъ, изъ позолоченнаго барвêнку. На той части вѣнка, что приходитъ на чело (а барвêнокъ идетъ вокругъ головы), пришиваютъ сороковца или 20 кр. серебромъ, такъ чтобы то на

---

* Родъ конопшика.

** Хиръ — мишура.

челѣ лежало. Тѣло женщинъ убираютъ въ чистое бѣлье, съ желковыми плечками, въ бѣлую фоту изъ тонкаго бумажнаго полотна вмѣсто горботки (фартуха), ноги обуваютъ въ полотняныя чулки. Парней, дѣвокъ и дѣвчатъ убираютъ въ красныя, шелкомъ и хиромъ повышиванныя, лелѣтками повыкладованныя сорочки, а на шею даютъ згарду (на шнурку много старыхъ великихъ серебряныхъ монетъ, безъ чего ни одна богатая сельская дѣвушка не обходится) и цятки, а на ноги надѣваютъ и новые черевики. Также и богатыхъ женщинъ и старыхъ мужчинъ обуваютъ въ новыя черевики. Но дѣтей и бѣдныхъ не обуваютъ. Дѣтей кладутъ на столъ. Подъ головы кладутъ мертцямъ подушку, кругомъ головы гвоздиковъ, васильковъ, мятки, кануфріи, любистка, барвѣнка, и много инаго зѣлья, чтобы пахло въ хатѣ. Въ концѣ головы горитъ три дня восковая свѣчка, или каганецъ (ночникъ). Трумну (гробъ) дѣлаютъ изъ пяти достокъ въ формѣ длиннаго сундука, въ головахъ широкъ, а въ ногахъ узокъ. Вмѣсто исподней доски кладутъ лишь «бечи», * такъ что тѣло въ трумнѣ на «бечахъ» покоится.

На третій день кладутъ трупъ въ трумну. Въ трумну стелютъ подъ трупъ зѣлье и полотно, подъ голову же кладутъ иное зѣлье. Сверху накрываютъ трупъ полотномъ и потомъ доскою. Вынося трупъ изъ хаты, дотрогиваются трумною три раза на хатномъ и хоромномъ порогѣ, для означенія прощанія покойнаго съ хатою и съ своими сродниками, жившими съ нимъ въ хатѣ. Какъ только вынесутъ трупъ на дворъ, тотчасъ замыкаютъ двери, чтобъ другія въ томъ домѣ не умирали. Потомъ приносятъ въ церковь, гдѣ молитвы за усопшаго читаются. Если еще трупъ не слышенъ, то оттворяютъ трумну, уже послѣдній разъ, чтобы еще на него посмотрѣть. Родные бьютъ впереди коло гроба поклоны и цѣлуютъ Св. Евангеліе на немъ и крестъ: старшіе цѣлуютъ мертваго въ голову, а младшіе цѣлуютъ его въ руку. Теперь несутъ на цминтарь (погостъ), гдѣ его похоронятъ. Спустивши гробъ въ могилу, кидаютъ всѣ присущіе, кромѣ родныхъ, по горсти земли въ нее. Кто слишкомъ за усопшимъ плачетъ, тому кладутъ немножко глины за пазуху, чтобы не

---

* Бечи, собственно бечі, два на крестъ положенные прута, которые прикрѣпляютъ собственно въ ногахъ вмѣсто исподней доски.

тужилъ. По погребеніи приглашаетъ хозяинъ того дома, гдѣ мертвецъ былъ, всѣхъ гостей къ себѣ на обѣдъ («за прóсти Бôгъ», «за Бôгъ да прóсти»). Многіе отправляютъ на похоронахъ парастасъ: первой ночи по вынесеніи умершаго изъ дому горитъ свѣчка, или каганецъ, цѣлую ночь, а при свѣтлѣ кладутъ на столъ стклянку воды, чтобы душа покойника, что еще въ хатѣ осталась, покушала воды той на дорогу до неба.

Жалобы (траура) по умершихъ не носятъ, только ходятъ три дни (пока еще мертвецъ въ хатѣ) мужчины безъ шапки, а дѣвки и дѣвчата съ распущенными косами. Отзываясь о усопшихъ, говорятъ: «небôщикъ, покойникъ, не по тому что «бѣдный»; онъ не «бѣдный», а счастливый, живыи лишь бѣдны.» Пока мертвый лежитъ въ хатѣ, не позволяется въ той хатѣ чужому здороваться, а лишь, стоя тихонько коло порога, прочесть про себя: «Отче нашь» и «Богородице Дѣво», и никоимъ образомъ не преклонять колѣна около мертваго; то по Ляцки, по Католицки.» Не годится также по усопшемъ плакать, такъ какъ, де, онъ будетъ имѣть отъ тѣхъ слезъ мокру сорочку. Утверждаютъ, что душа умершаго преобращается въ голуба и летитъ въ небо.

Записалъ Григорій И. Купчанкъ.

КОЛЯДЫ ИЛИ ЩЕДРОВКИ.

Коляда.

1.

Общая.

Гой, сѣвъ самъ Христосъ та й вечеряти,
Входить до него Божая Мати:
«Гой, дай мї, сыну, вôдъ некла ключї,
Повыпускати всѣ грѣшнї душї.»
—«Ой, на жь ты, мамко, вôдъ пекла ключї,
Повыпускати всѣ грѣшнї душї,
Лишь одну душу бай не пускати,
Що зневажала вôтця та й мати,
Що зневажала, словомъ вкорила,
Словомъ вкорила, судомъ всудила;
Ще й другу душу бай не пускати,
Що не прiймила бѣдного въ хату,
Що не прiймила, не прiодѣла,
Нѣкому добра не прiобрѣла;
Ще й трету душу бай не пустити,
Що йшла фальшивымъ свѣдкомъ свѣдчити:
Тымъ трёмъ на вѣки въ пеклѣ горѣти,
Въ пеклѣ горѣти, въ смолахъ кипѣти!»

2.

Господареви.

Гой, знати, знати, котре господарь!
А то господарь на имя панъ....
Въ него подвôря срѣбломъ лелѣе,
А въ его дворѣ два три Короли:

Гой, першій Король, то самъ Господь Богъ,
А другій Король, то Святый Юрій,
А третій Король, то Святый Дмитро.
Въ Святого Дмитра трубочка зъ сребра,
Въ Святого Юра зъ буйного тура,
Въ Господа Бога а зъ однорога.
Гой, якъ затрубивъ Святый Димитрій—
Горы долины всѣ въ бѣль ся вкрыли;
А якъ затрубивъ та Юрій Святый—
Всю кригу розбивъ, все дерево розвивъ;
А якъ затрубивъ самъ Господь зъ неба—
Врадувалася на рôлѣ скиба,
На рôлѣ скиба, у морѣ рыба,
У морѣ рыба, у горахъ зело,
У горахъ зело, у стогахъ зерно;
Всѣ ся церковцѣ поодтворяли,
Всѣ ся свѣчечки позажигали:
Коло престола Святый Миколай,
Господа славить, три службы править:
Гей, першу службу за господаря,
За господаря,... на имя
А другу службу за господыню,
За господыню,... на имя
А третю службу за челядочку,
За челядочку, за худôбочку.

3.

Ему же.

Цы дома, дома, сей панъ господарь?
Сей панъ господарь, на имя панъ...?
Челядка каже, що нема дома,
А панъ господарь собѣ бай дома,
Ще й сидить собѣ по конець стола,
А на тôмъ столѣ три кубки стоять:
У однôмъ кубку медокъ солодокъ,

У другôмъ кубку багрове пивце,
У третêмъ кубку зелене винце.
Медокъ солодокъ на челядочку,
Багрове пивце на колядочку,
Зелене винце та й до церкôвци̂,
Та до церкôвци̂ бай на престôльци̂.
Коло престола Святый Миколай
Въ дзвоночки дзвонить, Богу́ ся молить,
На райскихъ дверехъ самъ Господь стоить,
Самъ Господь стоить, три службы служить:
Першу службочку за господаря,
За господаря, за пана...;
Другу службочку за господыню,
За господыню, на имя...;
Третю службочку за челядочку,
За челядочку, за худôбочку.

4.

Господынѣ або вдовѣ.

Гой, знати, знати, хто господыня:
Въ неи въ свѣтлицѣ якъ въ веселицѣ,
Въ неи челядка у злотѣ ходить,
У злотѣ ходить, у добрѣ бродить,
У неи возы все кованіи,
У возахъ кони̂ все вороніи:
Рано въ недѣлю до царквы йде.
Гой, на першій вôзъ лишь свѣтло клала,
А на другій вôзъ проскуры клала,
А на третій вôзъ сама сѣдала.
Пріѣхала жь в'на передъ свѣтлый двôръ,
Передъ свѣтлый двôръ, передъ Божій дôмъ:
Сами ся двери̂ та й одтворили,
Всѣ ся êй Святи̂ та й уклонили,
Саме ся свѣтло позажигало,
Сами ся книги та й розчитали:

На райскихъ дверехъ самъ Господь стоить,
Самъ Господь стоить, три службы служить
Въ своей святынѣ за господыню,
За господыню, на имя...
За ей цѣлый домъ, на здоровле всѣмъ!

5.

Парубкови.

Рано въ недѣлю куры запѣли,
А хто ранше вставъ, три свѣчцй всукавъ:
При першôй свѣчцѣ личко умывавъ,
При другôй свѣчцѣ коника сѣдлавъ,
При третій свѣчцѣ зъ двору выѣждждавъ,
А бувъ же тото гречный молодець,
Гречный молодець, на имя панъ...
Хвалився конемъ передъ Королемъ:
«Нема въ Короля такого коня:
Золота грива всю землю вкрыла,
Срѣбнй копыта камень лупають,
Камень лупають, церковь складають,
Съ трема верхами, съ трема хрестами:
На першêмъ хрестѣ сонечко въ веснѣ,
На другôмъ хрестѣ мѣсяць у креслѣ,
На третêмъ хрестѣ зоря изъ моря,
Зоря изъ моря, два, три, престола,
На тыхъ престолахъ Матка Христова
Книжку читае, Христа благае,
За вôтця, матку, за всю челядку,
За челядочку, за худôбочку.»

6.

Дѣвчинѣ.

Зажурилися горы, долины,
Горы, долины, всѣ полонины,
Що не зродило жито, пшениця,
Але зродило зелене вино:
Зелене вино дъ горѣ ся вило,
Дъ горѣ ся вило, сине зацвѣло,
Сине зацвѣло, сильно зродило;
Єго стерегла гречная панна,
Гречная панна, на имя
Вино стерегла, твердо заснула,
Твердо заснула, вино забула,
Поприлётали райскіи птахи,
Якъ прилетѣли, въ крыльця дзвонили,
Въ крыльця дзвонили, панну збудили:
—«Гой, шугу зъ лугу, райскіи пташки,
Не спѣвайте се зелене винце,
Бо менѣ вина и самôй треба:
Маю я брата на женянечку,
Молодшу сестру на вôдданечку,
Сама молода зарученая,
Зарученая за отамана.»

7.

Ей же.

На крутôй горѣ сивъ сокôлъ сидить,
Сивъ сокôлъ сидить, круто ся дивить,
Круто ся дивить, далеко видить.
Гой, дивить вôнъ ся краемъ Дунаемъ,
Краемъ Дунаемъ на гуслехъ граютъ,
На гуслехъ граютъ, колядъ спѣваютъ.
А по Дунаю корабель плавле,

А въ тôмъ кораблѣ гречная панна,
Гречная панна, на имя...
Въ кораблѣ сидить, сокола бавить,
Братчика зъ вôйська ся надêвае,
А братчикъ иде, три дары несе,
Три даруночки: гой, чоботочки,
Другій дарунчикъ—павяный вѣнчикъ,
Третій дарунчикъ—срêбный перстêньчикъ.
Гой, чоботочки до гулянячка,
До гулянячка на весêлячку,
Павяный вѣнець та до вѣнчаня,
Срêбный перстенець до обмѣняня.

ПѢСНИ ІОРДАНСКІЯ.

Послѣ каждаго стиха въ Іорданской пѣснѣ повторяется одинъ изъ слѣдующихъ 3-хъ припѣвовъ:

«Іорданъ воду разливае.»
либо:
«Прійде Христосъ на вечерю.»
либо:
«Иванъ воду благословить.»

1.

Тамъ на рѣцѣ на Іорданѣ
Пречиста Дѣва сына купае.
Сына купае, ченцôвъ пытае:
«Гой, ченчики Васильчики,
Охрестѣте сына мого,
Сына мого единого!»
Они взяли, не хрестили,
На престолѣ положили.
«Яке ему имя дати?»
—Яке дати, таке дати:
Хиба Петромъ его назвати?»
Пречиста собѣ не злюбила,
Вôдъ престола вôдступила.
Стали жь они знову гадати,
Яке ему имя дати?
—«Яке дати, таке дати:
Хиба Павломъ го назвати?»
Пречиста собѣ не злюбила,
Вôдъ престола вôдступила.
Стали жь они знову гадати,
—Яке ему имя дати?
—«Яке дати, таке дати:
Хиба Христосъ го назвати?»
Пречиста собѣ полюбила
До престола приступила.

2.

Гой, на рѣцѣ на Іорданѣ
Пречиста Дѣва Христа купае:
Якъ купала, вповивала,
У зôрницѣ колысала;
У зôрницѣ колысала,
У мѣсяцѣ заховала;
Прійшли, прійшли всѣ Жидове,
Всѣ Жидове, кагалове:
«Гой ты, Дѣво, ты Маріе,
Де ты Христа бай подѣла?»
«Ба я его не дѣвала,
У Іорданѣ заховала.
Пôшли Іорданъ в'ни спускати,
Христа Бога въ нёмъ шукати:
Увесь Іорданъ изшукали,
Христа Бога не споймали.—

«Гой ты, Дѣво, ты Маріе,
Де ты Христа бай подѣла?»
—Ба я его не дѣвала,
У пшеницѣ заховала.»
Пôшли Жиды ланы жати,
Христа Бога въ нихъ шукати:
Усѣ ланы позжинали,
Христа Бога не споймали.
«Гой ты, Дѣво, ты Маріе,
Де ты Христа бай подѣла?»
—Ба я его не дѣвала,
У темный лѣсъ заховала.»—
Пôшли Жиды лѣсъ рубати,
Христа Бога въ нёмъ шукати:
Усѣ лѣсы до пня стяли,
Христа Бога не спôймали.

«Гой ты Дѣво, ты Маріе,
«Де ты Христа бай подѣла?»

—Ба я его не дѣвала,
У зôрницы колысала;
У зôрницѣ колысала,
У мѣсяцѣ заховала.»
Стали Жиды съ книгъ читати,
Мусѣвъ мѣсяць Христа дати.
«Ты, мѣсяцю, гой ты змѣнный,
Давъ ты Христа на невѣрныхъ,
А в'ни его заразъ взяли,
На тяжкіи муки дали:
Всяке древо въ пушки били,
Ни одно ся не пріймило,
Лишь червива тая ива
Въ Бога тяжко прогрѣшила,
Въ Бога тяжко прогрѣшила,
Изъ за нôгтêвъ кровь пустила:
А де тая кровця кане,
Тамъ церковця заразъ стане,
Тамъ самъ Господь службы служить
За здорôвыхъ, за недужихъ,
За богатыхъ, за убогихъ,
За кровавѝ Христа ноги,
За кровавѝ его руки:
Слава, Христе, ти за муки!»

3.

Поіорданская.

«Гой, ты, пане господарю,
Въ тебе въ дворѣ якъ у раю:
Въ тебе вербы грушѝ родять,
Въ тебе дочки въ злотѣ ходять,
Въ тебе сыны въ Царя служать,
Царêвочку собѣ дружать,
Въ Царя дочку заручили,
Та й до дому пригостили.

Гой, ты, пане господарю,
Въ тебе въ дворѣ, якъ у раю:
Въ тебе волы половіи,
Въ тебе плуги золотіи,
Въ тебе дворы все кидровѝ,
Въ тебе столы калиновѝ,
На нихъ скаты * все лянніи,
На нихъ блюда циновіи.

«Гой, ты, пане господарю,
Въ тебе въ полѣ, якъ у раю:
Въ тебе ланы якъ загаи,
Въ тебе хлѣбы якъ Дунаи,
На нихъ жита, якъ жиръ сыти,
А пшениця, якъ столиця,
Въ тебе вôвсы жубровіи,
И ячменѝ золотіи.

«Гой, ты пане господарю,
Въ тебе въ колѣ, якъ у раю:
Въ тебѣ конѝ все Турецькѝ,
Въ тебе зброи все стрѣлецькѝ,
Въ тебе волы якъ стодолы,
А коровы якъ бороги,
Въ тебе вôвцѝ горы вкрыли,
Въ горахъ зрубы безъ рахубы.

«Гой, ты, пане господарю,
Въ тебе въ скрыняхъ, якъ у раю:
Въ тебе скрынѝ кованіи,
Въ нихъ червони небраніи,
Въ тебе шубы соболевѝ,
Горностаи Королеви,
А жупаны якъ у пана,
А контущѝ всѣ въ кожусѣ.

Гой, ты, пане господарю,
Счасть ти, Боже, изъ Іорданомъ,

---

* Скатерти.

И зъ водицевъ, и зъ царицевъ,
Зъ усѣмъ домомъ, зъ усѣмъ дворомъ,
И съ твоею дружиною,
И съ твоею челядкою,
И съ сынами соколами,
И зъ дочками якъ чѐчками.

«Господарю, якъ Королю,
Счасть ти, Боже, съ усѣмъ дворомъ,
И съ челядковъ богатою,
И съ худобковъ рогатою,
И зъ ролями, и зъ ланами,
И съ сусѣдми, и съ панами,
И зъ Господомъ Христомъ Богомъ,
На здоровле, на лѣтъ много!

Дай, Боже!»

Що мы казали, абы то такъ сталося, и вамъ, и намъ, и сему счасливому двору, и всему миру посполу! Най у васъ святиться, веселиться, святая Іорданская водиця, якъ нынѣ, и въ рôкъ, и вôдъ року въ рôкъ, и на цѣлый вѣкъ,

Дай, Боже!

Поколядь.

Поколядью называютъ припѣвъ, который поется послѣ Колядьı непосредственно въ честь того, кому колядуютъ.

1.

Поколядь общая.

А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
Въ дзвоночки дзвонимъ, Богу ся молимъ,
Богу въ небесѣхъ, за васъ чесныхъ всѣхъ:
«О, дай же, Боже, на хлѣбъ урожу,
На хлѣбъ урожу, всѣмъ ласку Божу,
Урожу якъ жиръ, межи Царями миръ,

Мѐжь Царями миръ, мѐжъ миромъ гараздъ,
А кождому зъ васъ Святый Боже счасть!
Въ дзвоночки дзвонимъ, Богу ся молимъ,
Богу ся молимъ, а всѣмъ ся клонимъ,
Счастемъ, здоровлемъ, ще й вѣкомъ довгимъ,
Ще й вѣкомъ довгимъ, пробуткомъ добрымъ,
И сами собою, и зъ дружиною,
И зъ дружиною, и съ челядкою,
И съ челядкою, и съ худôбкою,
И съ худôбкою, и зъ рогатою,
И зъ усѣмъ чадомъ, и съ святымъ ладомъ,
Святымъ Божествомъ, Божимъ Рождествомъ!»

2.

Священнику.

А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
Въ дзвоночки дзвонимъ, низько ся клонимъ,
Низько ся клонимъ, Богу ся молимъ:
«О, дай вамъ, Боже, золотѝ кресты,
Золотѝ кресты, ключѝ небеснѝ,
Ключѝ небеснѝ вôдъ Бога Христа,
Й счастя, й здравля, пробуткѝ добрѝ,
Пробуткѝ добрыи, и зъ вѣкомъ довгимъ,
И зъ усѣмъ домомъ, и съ чеснымъ дворомъ,
Съ паньматкою, всевь челядкою,
И зъ усѣмъ чадомъ, и зъ святымъ ладомъ,
Святымъ Божествомъ, Божимъ Рождествомъ!

3.

Господареви.

А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
Въ дзвоночки дзвонимъ, тобѣ ся клонимъ,

Тобѣ ся клонимъ, славный господарь,
Славный господарь, на имя панъ...
Тобѣ ся клонимъ, тебе шануемъ,
Тебе шануемъ, тебе вйншуемъ:
Счастемъ, здоровлемъ, пробуткомъ добрымъ,
Пробуткомъ добрымъ, ще й вѣкомъ довгимъ,
И самъ собою, и зъ дружиною,
И зъ дружиною, и съ челядкою,
И съ челядкою, и съ худôбкою,
И съ худôбкою все рогатою,
И зъ усѣмъ чадомъ, и зъ святымъ ладомъ,
Святымъ Божествомъ, Божимъ Рождествомъ,
На стайнѣ волы, на полѣ ланы,
А на тыхъ ланахъ пшениця въ кланяхъ,
Въ кланяхъ, не въ кланяхъ, въ сто оборогахъ,
Золото, срêбло въ твоихъ чертогахъ,
Срѣбломъ ихъ укрый, виномъ ся умый,
И за столомъ сядь, якъ въ вишневый садъ,
Прійде до тебе Христосъ вечерять!

Парубкови.

А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
Въ дзвоночки дзвонимъ, тобѣ ся клонимъ,
Гречный молодець, на имя панъ...
Тобѣ ся клонимъ, тебе шануемъ,
Тебе шануемъ, тебе вѣншуемъ:
Счастемъ, здоровлемъ, и долевь добровь,
И долевь добровь, и вѣкомъ довгимъ,
И зъ вôтцемъ, зъ матковъ, зъ усевъ челядковъ,
И зъ миловъ своевъ нареченою,
Нареченою, зарученою:—

Въ городѣ зело, въ дворѣ весело, *
Въ городѣ зѣля, въ дворѣ весѣля,
А самъ выйди къ намъ, та подякуй намъ,
Що те такъ красно защебетали,
Якъ соловейко у лузѣ въ тузѣ,
Якъ зазулечка въ вишневыхъ садахъ,
Якъ ластôвочка въ побитыхъ дворахъ,
Якъ златѝ гусли, якъ срѣбнѝ струны,
Стрѣльцѝ молодцѝ въ мыс[illegible]ской думѣ *

Повѣншоване.

«А за симъ словомъ вѣншуемо, васъ честный, славный та величный нашъ... (Господарю, або Священный отче добродѣю духовный, або якъ до кого вже) усѣмъ добромъ, усѣмъ гараздомъ, що собѣ въ Господа Бога жадаете та думкою думаете, щобы то такъ вамъ и стало ся! Поможи вамъ, Боже, сей свята мирно опровадити, а другихъ у радости и веселости счасливо дождати, а намъ, колядникамъ, ласкавѝ будьте, не за зле мати, що у вашъ чесный та величный дворъ повернули! Поверни до васъ, Господи Боже, ласкою своею небесною на цѣлый рôкъ и вѣкъ! Симъ васъ вѣншуемо, а сами усѣмъ чеснымъ та гречнымъ низько клонимося: здоровѝ будьте, въ гараздѣ оставайте!»

---

* Со стиха: «Въ городѣ зело» и т. д., до самаго конца можно продолжать не одному лишь парню, но хоть кому либо и другому.

Philology at. Land 9
Part 3. 2,
...p. 556

КАРПАТСКАЯ РУСЬ.

ЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ

ГАЛИЧИНЫ, СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ УГРІИ И БУКОВИНЫ.

---

1. Карпатскія горы.

Горная цѣпь, извѣстная подъ именемъ Карпатовъ, имѣетъ около 150 миль въ длину и, загибаясь лукомъ съ запада къ востоку, ограничиваетъ съ сѣвера Угорское Королевство (Угрію), [1] отдѣляя его отъ Галичины и Буковины. Начиная съ югозападнаго конца Галичины ю горнаго узла у верховьевъ рѣкъ Сяна и Уга (Ungh), близъ горы Галичъ, Карпатскія горы, называемыя также Бескидами, составляютъ часть Европейскаго водораздѣла. Отъ этого узла Европейскій водораздѣлъ поварачиваетъ особою цѣпью къ сѣверу возлѣ Добромиля Городка, Львова, Золочева и, окружая источники западнаго Буга, переходитъ въ Русскую плоскую возвышенность. Самъ же Карпатскій хребетъ, наклоняясь къ юговостоку (Лѣсистые Карпаты), продолжаетъ свой граничный рубежъ между Угорщиной и Седмиградіей съ одной стороны, а съ другой между Галичиной и Буковиной

---

[1] Угры, Угрія, Угорщина, Угорское Королевство, такъ называетъ мѣстный Славяно-Русскій народъ землю Венгерцевъ или Венгрію, такъ называлась она издревле въ нашихъ лѣтописяхъ и грамотахъ. Названія: Венгры, Венгрія, Венгерскій, заимствованы только сь XVIII вѣка изъ Польскаго языка и совершенно противны говору Русскаго языка. Южные Славяне говорятъ и пишутъ: «Угри, Угарска, Угарскій, Чехи и Словаки: Uhri, Uhorsko Uherský.» Пора бы и намъ возвратиться къ лучшему употребленію и ввести въ письменности первоначальные правильные термины: Угры, Угорскій, Угрія.

Въ Карпатскомъ хребтѣ различаютъ географы слѣдующія части съ особыми названіями:

а) На западѣ Малые Карпаты, отъ Бретиславля (Пресбурга) до Яблонковскаго перевала.

б) Бескиды,[3] отъ Яблонки до источниковъ р. Стрыя на сѣверномъ и р. Латорицы на южномъ склонѣ.

в) На этомъ протяженіи высятся Центральные Карпаты или Татры особымъ горнымъ узломъ великанскихъ вершинъ и гранитныхъ скалъ, и этимъ узломъ Бескиды раздѣляются на западные и восточные. Татры высятся на пространствѣ четырехъ миль между западными и восточными Бескидами, образуютъ вершины: Ломницкій верхъ 8328 фут., Кривань 7884, Зелена 6400, Воловецъ 6534, Червоный верхъ 6720 футовъ надъ уровнемъ моря, и представляютъ собой величественную альпійскую страну.

г) Лѣсистые Карпаты, отъ источниковъ рр. Стрыя и Латорицы до горы Вурву Руссу (Русскій верхъ), на Седмиградской границѣ, и наконецъ,

д) Седмиградскіе Карпаты, окружающіе Седмиградію (Трансильванію) съ востока и запада.

На западѣ Малые Карпаты съ прилежащими землями заселены Словаками, на западныхъ Бескидахъ поселились Польскіе горцы — Горали, Русское же народонаселеніе заняло въ Галичинѣ, Сѣверной Угріи и Буковинѣ немалую часть срединнаго Карпатскаго хребта. Съ югозападнаго конца Русское народонаселеніе упирается почти непосредственно въ исполинскіе гранитные утесы Татровъ; на ихъ живописныхъ и суроворомантическихъ долинахъ по быстрому Попраду находятся уже Русскія селенія, продолжающіяся непрерывною

---

[3] Названіе Бескидъ, Бескиды А. Петрушевичъ производитъ отъ Греческаго βόσκω, βοσκήσω, Латин. pascuo, бескидовати, пасть скотъ, на пашню выгонять, будто бы занесенное туда Румынами (Волохами); однако же странно, что тогда какъ съ запада до начала Лѣсистыхъ Карпатъ часто повторяется названіе горъ Бескидъ, Бескидецъ, Польск. Bieszczad, Bieszczady, Словацк. Běščad, Běščady, далѣе къ востоку нигдѣ не встрѣчается это названіе, не смотря на то, что тамъ сильнѣе дѣйствовало вліяніе Румынскаго племени.

цѣпью съ запада на востокъ до границъ Седмиградіи и Буковины. Все это Карпатское погорье по обѣимъ покатостямъ, съ прилегающими уступами и долинами, заселено сплошь Русскимъ людомъ.

Оставивъ западные Бескиды и Татры, мы займемся описаніемъ восточныхъ Бескидовъ и Лѣсистыхъ Карпатъ.

Самый хребетъ этихъ, особенно въ западной половинѣ, занимаемыхъ Русскимъ населеніемъ Карпатъ (или Бескидовъ), въ рѣдкихъ мѣстахъ достигая своей высотой 4000 ф., и по тому не представляетъ вида альпійской страны, а скорѣе похожъ на громадную волнистую возвышенность, на которой лѣсистыя вершины перемежаются съ большими широкими долинами и котловинами. Эти лѣсистыя горы, на своихъ скатахъ удобныя для хлѣбопашества, въ значитетьной части покрыты непроходимыми первобытными лѣсами, изрѣдка заселены одинокими пастухами, занимающимися частію рубкой лѣса, частію также и хлѣбопашествомъ.

Карпатскія горы состоятъ преимущественно изъ рухляковаго и глинистаго песчаника, который и называется особымъ именемъ Карпатскаго песчанника. Онъ содержитъ въ себѣ мало кремнезема и много известковой земли, по чему скоро превращается въ сѣрожелтоватую глинистую почву. Будучи по этому способна пропускать влагу, вся гористая страна весьма удобна къ произрастанію лѣсовъ. Въ особенности восточная половина заселенныхъ Русскими Карпатъ (Лѣсистые Карпаты) представляется сплошною массою густаго краснолѣсья, между которымъ торчатъ одинокія скалистыя вершины (Илемскій Горгань, Гропа, Яловая и Черная Клива и др. Кливы, Кичеры и Магуры), мѣстами же свѣтятся, какъ плѣши, среди лѣсовъ пространныя горныя пастбища (полонины), на которыхъ изрѣдка произрастаютъ малорослыя пихты и кусты можжевельника. Только по надрѣчнымъ поперечнымъ долинамъ поселился народъ и, расчистивъ луга (царины), живетъ въ длинныхъ, довольно многолюдныхъ, селахъ, тянущихся вверхъ по быстрымъ горнымъ рѣкамъ и притокамъ. Западная половина (Бескиды) не столь гориста: она состоитъ изъ менѣе крутыхъ холмовъ, на которыхъ буковые и еловые лѣса расчищены, и селенія распространяются по всей гористой странѣ до Угорской границы, и тутъ примыкаютъ къ такимъ же селамъ на южно-угорскомъ склонѣ Карпатъ.

Восточные, Русскимъ народомъ заселенные, Бескиды начинаются отъ перевала р. Попрада, вытекающей изъ подъ утесистыхъ Татровъ или Татеръ, и тянутся особою цѣпью (отъ 2000 до 4000 фут. высоты) къ востоку, до источниковъ Латорицы и Стрыя.

Отъ главнаго хребта отходятъ къ сѣверу и югу, почти паралельно идущіе, ряды окраинныхъ горъ, которыя сначала имѣютъ видъ хребтовъ средней величины, а далѣе представляютъ гористую страну. На южномъ склонѣ вѣтви Карпатъ, между рѣками Теплой, Ондавой и Лаборцемъ, являются вблизи главной цѣпи, въ видѣ по большей части голыхъ, коегдѣ поросшихъ кустарниками, хребтовъ; долины ихъ овражисты, глубоко врѣзаны и безплодны; однако же у подошвы горъ прибрежныя долины р. Теплой по большей части обработаны; только долины р. Ондавы покрыты лѣсами. Гораздо выше, хотя и менѣе обнажены и обрывисты, вѣтви горъ между р. Ондавой и Лаборцемъ: онѣ покрыты сплошнымъ буковымъ лѣсомъ. Русскія поселенія простираются до виноградныхъ горъ Гедьялья (Hedyallya, Подгорье), и встрѣчаются даже возлѣ самого Токая. Есть Русскіе поселенцы также въ Затискихъ долинахъ.

Напротивъ, далѣе къ востоку развѣтвленія Карпатъ, простирающіяся паралельными цѣпями между рр. Лаборцемъ, Угомъ и Латорицей, по большей части утесистыя, съ широкими долинами. Вершины покрыты дремучими лѣсами, менѣе крутыя мѣста служатъ пастбищами для скота, въ долинахъ же стелются плодоносныя поля и луга. Для сообщенія между селами проложено много дорогъ, содержимыхъ въ хорошемъ состояніи.

На сѣверной сторонѣ развѣтвленія главной цѣпи Карпатъ простираются на 4 и на 6 миль вдоль Галичины, за тѣмъ волнообразная почва понижается до рр. Вислы, Днѣстра и Прута, опускаясь до 400 футовъ высоты. Вислинская и Днѣстровская долины продолжаются далеко въ Россію и соединяются съ большой восточной возвышенностью.

Въ особенности сѣверная покатость Бескидовъ представляетъ нѣсколько паралельныхъ уступовъ, изъ которыхъ ближайшіе къ главной цѣпи вышиной почти ровно съ нею: чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ становятся ниже, и наконецъ спускаются въ низменные ряды между рр. Вислокой, Сяномъ, Днѣстромъ и Стрыемъ. Почти у всѣхъ широкіе хребты, съ неслишкомъ крутыми понижающимися

къ долинамъ спусками. Вершины поросли сплошными лѣсами; на болѣе пологихъ мѣстахъ пастбища, обработанныя поля подъ овсомъ и картофелемъ, въ долинахъ пространные луга. Плохія дороги, соединяющія длинныя горныя села (кромѣ немногихъ шоссейныхъ), тянутся по берегамъ рѣкъ и ихъ притоковъ; нерѣдко приходится съ трудомъ перѣзжать по нимъ лѣсистые хребты. Вообще, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ выше горы, тѣмъ хуже проѣзжія дороги, тѣмъ менѣе путей сообщенія.

Лѣсистые Карпаты простираются отъ источниковъ рр. Латорицы и Стрыя до источниковъ рр. Вишеевы (Visó) и Золотой Быстрицы подъ горою Вурву Россу въ Седмиградской землѣ, въ видѣ лѣсистаго, въ 6—7 тысячъ футовъ вышины, широкаго хребта Альпійской формаціи съ немногими перевалами. Значительная высота и дремучіе, отчасти первобытные, лѣса, на пространствѣ 500—600 квадратныхъ миль, дѣлаютъ эти горы отъ Мукачева и Сколья до Молдавской границы (т. е., всю Верховину и Мараморощину) дикими и неудобопроходимыми.

На сѣверной сторонѣ Карпатъ развѣтвленія этой цѣпи распространяются до рр. Днѣстра и Прута. Вѣтви проходятъ между рр. Свѣчей, Ломницей, Быстрицами, Прутомъ и Черемошемъ, длинными высокими рядами, въ которыхъ также преобладаетъ Альпійская горная природа. Поросшіе лѣсомъ крутые бока кончаются обрывистыми спусками къ притокамъ, стремительно несущимъ горныя воды къ главной рѣкѣ—Днѣстру. Его русло, заносимое множествомъ щебня и песку, постоянно возвышается, отъ чего увеличиваются пространныя Стрыйскія и Самборскія болота.

У подножья Карпатскихъ отроговъ, по которому идетъ подгорное шосе, кончаются лѣса и стелются плодородныя поля и тучные луга вплоть до самаго Днѣстра. Такимъ же образомъ и на южной (Угорской) покатости развѣтвленія горъ тянутся между рр. Великимъ Агомъ, Талаборомъ, Тарацомъ, верхней Тисой и Вишеевой (Visó) по Верховинѣ и Мармаріи.

Главный характеръ этихъ горъ—сурово-романтическій: темные лѣса и взгроможденныя массы торчащихъ камней перемежаются съ роскошными долинами, въ которыхъ гремучіе водопады и картинные пейзажи представляются въ очаровательной прелести. Въ рѣчныхъ долинахъ и по уступамъ горъ стелются плодородныя поля, тучные луга и роскошные плодоносные сады, согрѣваемые южнымъ солнцемъ, а ниже

Гой, ты, пане господарю,
Въ тебе въ дворѣ, якъ у раю:
Въ тебе волы половіи,
Въ тебе плуги золотіи,
Въ тебе дворы все кидровѝ,
Въ тебе столы калиновѝ,
На нихъ скаты * все лянніи,
На нихъ блюда циновіи.

«Гой, ты, пане господарю,
Въ тебе въ полѣ, якъ у раю:
Въ тебе ланы якъ загаи,
Въ тебе хлѣбы якъ Дунаи,
На нихъ жита, якъ жиръ сыти,
А пшениця, якъ столиця,
Въ тебе вôвсы жубровіи,
И ячменѝ золотіи.

«Гой, ты пане господарю,
Въ тебе въ колѣ, якъ у раю:
Въ тебѣ конѝ все Турецькѝ,
Въ тебе зброи все стрѣлецькѝ,
Въ тебе волы якъ стодолы,
А коровы якъ бороги,
Въ тебе вôвцѝ горы вкрыли,
Въ горахъ зрубы безъ рахубы.

«Гой, ты, пане господарю,
Въ тебе въ скрыняхъ, якъ у раю:
Въ тебе скрынѝ кованіи,
Въ нихъ червони небраніи,
Въ тебе шубы соболевѝ,
Горностаи Королеви,
А жупаны якъ у пана,
А контушѝ всѣ въ кожусѣ.

Гой, ты, пане господарю,
Счасть ти, Боже, изъ Іорданомъ,

* Скатерти.

И зъ водицевъ, и зъ царицевъ,
Зъ усѣмъ домомъ, зъ усѣмъ дворомъ,
И съ твоею дружиною,
И съ твоею челядкою,
И съ сынами соколами,
И зъ дочками якъ чѣчками.

«Господарю, якъ Королю,
Счасть ти, Боже, съ усѣмъ дворомъ,
И съ челядковъ богатою,
И съ худобковъ рогатою,
И зъ ролями, и зъ ланами,
И съ сусѣдми, и съ панами,
И зъ Господомъ Христомъ Богомъ,
На здоровле, на лѣтъ много!

Дай, Боже!»

Що мы казали, абы то такъ сталося, и вамъ, и намъ, и сему счасливому двору, и всему миру посполу! Най у васъ святиться, веселиться, святая Іорданская водиця, якъ нынѣ, и въ рôкъ, и вôдъ року въ рôкъ, и на цѣлый вѣкъ,

Дай, Боже!

Поколядь.

Поколядью называютъ припѣвъ, который поется послѣ Коляды непосредственно въ честь того, кому колядуютъ.

1.

Поколядь общая.

А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
Въ дзвоночки дзвонимъ, Богу ся молимъ,
Богу въ небесѣхъ, за васъ чесныхъ всѣхъ:
«О, дай же, Боже, на хлѣбъ урожу,
На хлѣбъ урожу, всѣмъ ласку Божу,
Урожу якъ жиръ, межи Царями миръ,

Мêжь Царями миръ, мêжъ миромъ гараздъ,
А кождому зъ васъ Святый Боже счасть!
Въ дзвоночки дзвонимъ, Богу ся молимъ,
Богу ся молимъ, а всѣмъ ся клонимъ,
Счастемъ, здоровлемъ, ще й вѣкомъ довгимъ,
Ще й вѣкомъ довгимъ, пробуткомъ добрымъ,
И сами собою, и зъ дружиною,
И зъ дружиною, и съ челядкою,
И съ челядкою, и съ худôбкою,
И съ худôбкою, и зъ рогатою,
И зъ усѣмъ чадомъ, и съ святымъ ладомъ,
Святымъ Божествомъ, Божимъ Рождествомъ!»

2.

Священнику.

А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
Въ дзвоночки дзвонимъ, низько ся клонимъ,
Низько ся клонимъ, Богу ся молимъ:
«О, дай вамъ, Боже, золоти̂ кресты,
Золоти̂ кресты, ключи̂ небесни̂,
Ключи̂ небесни̂ вôдъ Бога Христа,
Й счастя, й здравля, пробутки̂ добри̂,
Пробутки̂ добрыи, и зъ вѣкомъ довгимъ,
И зъ усѣмъ домомъ, и съ чеснымъ дворомъ,
Съ паньматкою, всевь челядкою,
И зъ усѣмъ чадомъ, и зъ святымъ ладомъ,
Святымъ Божествомъ, Божимъ Рождествомъ!

3.

Господареви.

А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
Въ дзвоночки дзвонимъ, тобѣ ся клонимъ,

Тобѣ ся клонимъ, славный господарь,
Славный господарь, на имя панъ...
Тобѣ ся клонимъ, тебе шануемъ,
Тебе шануемъ, тебе вйншуемъ:
Счастемъ, здоровлемъ, пробуткомъ добрымъ,
Пробуткомъ добрымъ, ще й вѣкомъ довгимъ,
И самъ собою, и зъ дружиною,
И зъ дружиною, и съ челядкою,
И съ челядкою, и съ худôбкою,
И съ худôбкою все рогатою,
И зъ усѣмъ чадомъ, и зъ святымъ ладомъ,
Святымъ Божествомъ, Божимъ Рождествомъ,
На стайнѣ волы, на полѣ ланы,
А на тыхъ ланахъ пшеница въ кланяхъ,
Въ кланяхъ, не въ кланяхъ, въ сто оборогахъ,
Золото, срѣбло въ твоихъ чертогахъ,
Срѣбломъ ихъ укрый, виномъ ся умый,
И за столомъ сядь, якъ въ вишневый садъ,
Прійде до тебе Христосъ вечерять!

Парубкови.

А за симъ словомъ въ дзвоночки дзвонимъ,
Въ дзвоночки дзвонимъ, тобѣ ся клонимъ,
Гречный молодець, на имя панъ...
Тобѣ ся клонимъ, тебе шануемъ,
Тебе шануемъ, тебе вѣншуемъ:
Счастемъ, здоровлемъ, и долевь добровь,
И долевь добровь, и вѣкомъ довгимъ,
И зъ вôтцемъ, зъ матковъ, зъ усевъ челядковъ,
И зъ миловъ своевъ нареченою,
Нареченою, зарученою:—

Въ городѣ зело, въ дворѣ весело, *
Въ городѣ зêля, въ дворѣ весêля,
А самъ выйди къ намъ, та подякуй намъ,
Що те такъ красно защебетали,
Якъ соловейко у лузѣ въ тузѣ,
Якъ завулечка въ вишневыхъ садахъ,
Якъ ластôвочка въ побитыхъ дворахъ,
Якъ златiи гусли, якъ срѣбнiи струны,
Стрѣльцiи молодцiи въ мысливской думѣ *

Повѣншоване.

«А за симъ словомъ вѣншуемо, васъ честный, славный та величный нашъ... (Господарю, або Священный отче добродѣю духовный, або якъ до кого вже) усѣмъ добромъ, усѣмъ гараздомъ, що собѣ въ Господа Бога жадаете та думкою думаете, щобы то такъ вамъ и стало ся! Поможи вамъ, Боже, сiи свята мирно опровадити, а другихъ у радости и веселости счасливо дôждати, а намъ, колядникамъ, ласкавiи будьте, не за зле мати, що у вашъ чесный та величный двôръ повернули! Поверни до васъ, Господи Боже, ласкою своею небесною на цѣлый рôкъ и вѣкъ! Симъ васъ вѣншуемо, а сами усѣмъ чеснымъ та гречнымъ низько клонимося: здоровiи будьте, въ гараздѣ оставайте!»

---

* Со стиха: «Въ городѣ зело» и т. д., до самаго конца можно продолжать не одному лишь парню, но хоть кому либо и другому.

КАРПАТСКАЯ РУСЬ.

ГЕОГРАФИЧЕСКО-СТАТИСТИЧЕСКІЕ И ИСТОРИЧЕСКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЕ

ОЧЕРКИ

ГАЛИЧИНЫ, СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ УГРІИ И БУКОВИНЫ.

---

1. Карпатскія горы.

Горная цѣпь, извѣстная подъ именемъ Карпатовъ, имѣетъ около 150 миль въ длину и, загибаясь лукомъ съ запада къ востоку, ограничиваетъ съ сѣвера Угорское Королевство (Угрію),[1] отдѣляя его отъ Галичины и Буковины. Начиная съ югозападнаго конца Галичины до горнаго узла у верховьевъ рѣкъ Сяна и Уга (Ungh), близъ горы Галичъ, Карпатскія горы, называемыя также **Бескидами**, составляютъ часть Европейскаго водораздѣла. Отъ этого узла Европейскій водораздѣлъ поварачиваетъ особою цѣпью къ сѣверу возлѣ Добромиля Городка, Львова, Золочева и, окружая источники западнаго Буга, переходитъ въ Русскую плоскую возвышенность. Самъ же Карпатскій хребетъ, наклоняясь къ юговостоку (**Лѣсистые Карпаты**), продолжаетъ свой граничный рубежъ между Угорщиной и Седмиградіей съ одной стороны, а съ другой между Галичиной и Буковиной

---

[1] Угры, Угрія, Угорщина, Угорское Королевство, такъ называетъ мѣстный Славяно-Русскій народъ землю Венгерцевъ или Венгрію, такъ называлась она издревле въ нашихъ лѣтописяхъ и грамотахъ. Названія: Венгры, Венгрія, Венгерскій, заимствованы только съ XVIII вѣка изъ Польскаго языка и совершенно противны говору Русскаго языка. Южные Славяне говорятъ и пишутъ: «Угри, Угарска, Угарскій, Чехи и Словаки: Uhři, Uhorsko Uherský.» Пора бы и намъ возвратиться къ лучшему употребленію и ввести въ письменности первоначальные правильные термины: Угры, Угорскій, Угрія.

Въ Карпатскомъ хребтѣ различаютъ географы слѣдующія части съ особыми названіями:

а) На западѣ Малые Карпаты, отъ Бретиславля (Пресбурга) до Яблонковскаго перевала.

б) Бескиды,[2] отъ Яблонки до источниковъ р. Стрыя на сѣверномъ и р. Латорицы на южномъ склонѣ.

в) На этомъ протяженіи высятся Центральные Карпаты или Татры особымъ горнымъ узломъ великанскихъ вершинъ и гранитныхъ скалъ, и этимъ узломъ Бескиды раздѣляются на западные и восточные. Татры высятся на пространствѣ четырехъ миль между западными и восточными Бескидами, образуютъ вершины: Ломницкій верхъ 8328 фут., Кривань 7884, Зелена 6400, Воловецъ 6534, Червоный верхъ 6720 футовъ надъ уровнемъ моря, и представляютъ собой величественную альпійскую страну.

г) Лѣсистые Карпаты, отъ источниковъ рр. Стрыя и Латорицы до горы Вурву Руссу (Русскій верхъ), на Седмиградской границѣ, и наконецъ,

д) Седмиградскіе Карпаты, окружающіе Седмиградію (Трансильванію) съ востока и запада.

На западѣ Малые Карпаты съ прилежащими землями заселены Словаками, на западныхъ Бескидахъ поселились Польскіе горцы — Горали, Русское же народонаселеніе заняло въ Галичинѣ, Сѣверной Угріи и Буковинѣ немалую часть срединнаго Карпатскаго хребта. Съ югозападнаго конца Русское народонаселеніе упирается почти непосредственно въ исполинскіе гранитные утесы Татровъ; на ихъ живописныхъ и суроворомантическихъ долинахъ по быстрому Попраду находятся уже Русскія селенія, продолжающіяся непрерывною

---

[2] Названіе Бескидъ, Бескиды А. Петрушевичъ производитъ отъ Греческаго βόσκω, βοσκήσω, Латин. pascuo, бескидовати, пасть скотъ, на пашню выгонять, будто бы занесенное туда Румынами (Волохами); однако же странно, что тогда какъ съ запада до начала Лѣсистыхъ Карпатъ часто повторяется названіе горъ Бескидъ, Бескидецъ, Польск. Bieszczad, Bieszczady, Словацк. Běščad, Běščady, далѣе къ востоку нигдѣ не встрѣчается это названіе, не смотря на то, что тамъ сильнѣе дѣйствовало вліяніе Румынскаго племени.

цѣпью съ запада на востокъ до границъ Седмиградіи и Буковины. Все это Карпатское погорье по обѣимъ покатостямъ, съ прилегающими уступами и долинами, заселено сплошь Русскимъ людомъ.

Оставивъ западные Бескиды и Татры, мы займемся описаніемъ восточныхъ Бескидовъ и Лѣсистыхъ Карпатъ.

Самый хребетъ этихъ, особенно въ западной половинѣ, занимаемыхъ Русскимъ населеніемъ Карпатъ (или Бескидовъ), въ рѣдкихъ мѣстахъ достигая своей высотой 4000 ф., и по тому не представляетъ вида альпійской страны, а скорѣе похожъ на громадную волнистую возвышенность, на которой лѣсистыя вершины перемежаются съ большими широкими долинами и котловинами. Эти лѣсистыя горы, на своихъ скатахъ удобныя для хлѣбопашества, въ значитетьной части покрыты непроходимыми первобытными лѣсами, изрѣдка заселены одинокими пастухами, занимающимися частію рубкой лѣса, частію также и хлѣбопашествомъ.

Карпатскія горы состоятъ преимущественно изъ рухляковаго и глинистаго песчаника, который и называется особымъ именемъ Карпатскаго песчанника. Онъ содержитъ въ себѣ мало кремнезема и много известковой земли, по чему скоро превращается въ сѣрожелтоватую глинистую почву. Будучи по этому способна пропускать влагу, вся гористая страна весьма удобна къ произрастанію лѣсовъ. Въ особенности восточная половина заселенныхъ Русскими Карпатъ (Лѣсистые Карпаты) представляется сплошною массою густаго краснолѣсья, между которымъ торчатъ одинокія скалистыя вершины (Илемскій Горгань, Гропа, Яловая и Черная Клива и др. Кливы, Кичеры и Магуры), мѣстами же свѣтятся, какъ плѣши, среди лѣсовъ пространныя горныя пастбища (полонины), на которыхъ изрѣдка произрастаютъ малорослыя пихты и кусты можжевельника. Только по надрѣчнымъ поперечнымъ долинамъ поселился народъ и, расчистивъ луга (царины), живетъ въ длинныхъ, довольно многолюдныхъ, селахъ, тянущихся вверхъ по быстрымъ горнымъ рѣкамъ и притокамъ. Западная половина (Бескиды) не столь гориста: она состоитъ изъ менѣе крутыхъ холмовъ, на которыхъ буковые и еловые лѣса расчищены, и селенія распространяются по всей гористой странѣ до Угорской границы, и тутъ примыкаютъ къ такимъ же селамъ на южно-угорскомъ склонѣ Карпатъ.

Восточные, Русскимъ народомъ заселенные, Бескиды начинаются отъ перевала р. Попрада, вытекающей изъ подъ утесистыхъ Татровъ или Татеръ, и тянутся особою цѣпью (отъ 2000 до 4000 фут. высоты) къ востоку, до источниковъ Латорицы и Стрыя.

Отъ главнаго хребта отходятъ къ сѣверу и югу, почти паралельно идущіе, ряды окраинныхъ горъ, которыя сначала имѣютъ видъ хребтовъ средней величины, а далѣе представляютъ гористую страну. На южномъ склонѣ вѣтви Карпатъ, между рѣками Теплой, Ондавой и Лаборцемъ, являются вблизи главной цѣпи, въ видѣ по большей части голыхъ, коегдѣ поросшихъ кустарниками, хребтовъ; долины ихъ овражисты, глубоко врѣзаны и безплодны; однако же у подошвы горъ прибрежныя долины р. Теплой по большей части обработаны; только долины р. Ондавы покрыты лѣсами. Гораздо выше, хотя и менѣе обнажены и обрывисты, вѣтви горъ между р. Ондавой и Лаборцемъ: онѣ покрыты сплошнымъ буковымъ лѣсомъ. Русскія поселенія простираются до виноградныхъ горъ Гедьялья (Hedyallya, Подгорье), и встрѣчаются даже возлѣ самого Токая. Есть Русскіе поселенцы также въ Затискихъ долинахъ.

Напротивъ, далѣе къ востоку развѣтвленія Карпатъ, простирающіяся паралельными цѣпями между рр. Лаборцемъ, Угомъ и Латорицей, по большей части утесистыя, съ широкими долинами. Вершины покрыты дремучими лѣсами, менѣе крутыя мѣста служатъ пастбищами для скота, въ долинахъ же стелются плодоносныя поля и луга. Для сообщенія между селами проложено много дорогъ, содержимыхъ въ хорошемъ состояніи.

На сѣверной сторонѣ развѣтвленія главной цѣпи Карпатъ простираются на 4 и на 6 миль вдоль Галичины, за тѣмъ волнообразная почва понижается до рр. Вислы, Днѣстра и Прута, опускаясь до 400 футовъ высоты. Вислинская и Днѣстровская долины продолжаются далеко въ Россію и соединяются съ большой восточной возвышенностью.

Въ особенности сѣверная покатость Бескидовъ представляетъ нѣсколько паралельныхъ уступовъ, изъ которыхъ ближайшіе къ главной цѣпи вышиной почти ровно съ нею: чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ становятся ниже, и наконецъ спускаются въ низменные ряды между рр. Вислокой, Сяномъ, Днѣстромъ и Стрыемъ. Почти у всѣхъ широкіе хребты, съ неслишкомъ крутыми понижающимися

къ долинамъ спусками. Вершины поросли сплошными лѣсами; на болѣе пологихъ мѣстахъ пастбища, обработанныя поля подъ овсомъ и картофелемъ, въ долинахъ пространные луга. Плохія дороги, соединяющія длинныя горныя села (кромѣ немногихъ шоссейныхъ), тянутся по берегамъ рѣкъ и ихъ притоковъ; нерѣдко приходится съ трудомъ переѣзжать по нимъ лѣсистые хребты. Вообще, чѣмъ далѣе къ востоку, тѣмъ выше горы, тѣмъ хуже проѣзжія дороги, тѣмъ менѣе путей сообщенія.

Лѣсистые Карпаты простираются отъ источниковъ рр. Латорицы и Стрыя до источниковъ рр. Вишеевы (Visó) и Золотой Быстрицы подъ горою Вурву Россу въ Седмиградской землѣ, въ видѣ лѣсистаго, въ 6—7 тысячъ футовъ вышины, широкаго хребта Альпійской формаціи съ немногими перевалами. Значительная высота и дремучіе, отчасти первобытные, лѣса, на пространствѣ 500—600 квадратныхъ миль, дѣлаютъ эти горы отъ Мукачева и Сколья до Молдавской границы (т. е., всю Верховину и Мараморощину) дикими и неудобопроходимыми.

На сѣверной сторонѣ Карпатъ развѣтвленія этой цѣпи распространяются до рр. Днѣстра и Прута. Вѣтви проходятъ между рр. Свѣчей, Ломницей, Быстрицами, Прутомъ и Черемошемъ, длинными высокими рядами, въ которыхъ также преобладаетъ Альпійская горная природа. Поросшіе лѣсомъ крутые бока кончаются обрывистыми спусками къ притокамъ, стремительно несущимъ горныя воды къ главной рѣкѣ—Днѣстру. Его русло, заносимое множествомъ щебня и песку, постоянно возвышается, отъ чего увеличиваются пространныя Стрыйскія и Самборскія болота.

У подножья Карпатскихъ отроговъ, по которому идетъ подгорное шосе, кончаются лѣса и стелются плодородныя поля и тучные луга вплоть до самаго Днѣстра. Такимъ же образомъ и на южной (Угорской) покатости развѣтвленія горъ тянутся между рр. Великимъ Агомъ, Талаборомъ, Тарацомъ, верхней Тисой и Вишеевой (Visó) по Верховинѣ и Мармаріи.

Главный характеръ этихъ горъ—сурово-романтическій: темные лѣса и взгроможденныя массы торчащихъ камней перемежаются съ роскошными долинами, въ которыхъ гремучіе водопады и картинные пейзажи представляются въ очаровательной прелести. Въ рѣчныхъ долинахъ и по уступамъ горъ стелются плодородныя поля, тучные луга и роскошные плодоносные сады, согрѣваемые южнымъ солнцемъ, а ниже

Пряшева, Ужгорода, Мукачева тянутся славные во всей Европѣ виноградники.

Долины, узкія въ верхнихъ концахъ, расширяются къ низу и тутъ только, какъ на Галицкой, такъ и на Угорской, сторонѣ, проложены правильныя дороги, которыя нерѣдко, идя вверхъ, къ началу долины, обрываются подъ самымъ граничнымъ хребтомъ. Только одно шоссе изъ м. Делятина проведено черезъ Микуличинъ въ Ясенье (Körösmezzö) и Сиготъ (Szigeth): въ другихъ же мѣстахъ для перехода черезъ горы, пользуются вьючными лошадьми (терхами) Трудность перехода заключается не столько въ крутыхъ, скалистыхъ и обрывистыхъ верхахъ и грядахъ (гребняхъ), сколько въ большомъ протяженіи и дикости непроходимыхъ лѣсовъ, въ которыхъ только знающій проводникъ можетъ пробраться черезъ топкія мѣста (сиглы и млаки), по устланнымъ поваленными деревьями тропинкамъ и переваламъ.

Самыя высокія вершины восточныхъ Бескидовъ и Лѣсистыхъ Карпатъ въ Галичинѣ указываютъ намъ на пониженія и повышенія горной цѣпи съ запада къ востоку. Вотъ главныя вершины граничнаго хребта Карпатъ въ Галичинѣ. [3]

Скалки на сѣв. отъ Шляхтова	3684 ф.
Радова » » » »	3984
Ляцкова къ востоку отъ мѣст. Тылича	3138
Ваткова на западъ отъ мѣст. Змигорода	2558
Липовецка гора къ югу отъ мѣст. Яслискъ	2700
Ясѣль къ югу отъ сел. Тисны	3732
Смерекъ на юговост. отъ с. Смерека	3846
Галичъ на югозап. отъ с. Вышней Тернавы	4200

[3] Названія горъ по большей части Славянскаго происхожденія, на пр., гора, погаръ, горбъ, верхъ, холмъ, Черногора, Пустый горбъ, Пустый верхъ и проч.; иногда горы называются: Быстра, Высока, Середня, Сивуля, Зелена, Кругла, Плоска, Стогъ, Погорѣлецъ, Буковецъ, Буковенъ, Кобыля, Воловецъ, Яворникъ. Ближе къ востоку нерѣдко встрѣчаются слова Румынскаго происхожденія: Рыпа (ср. montes Ryphei), Клива (Лат. clivus), Врву или Верву (Лат. vervum, vervina), Мунчелъ (Лат. mons), Кокуль (coculum), Петроса, Петрошъ (petra) и пр. Иныя названія—темнао происхожденія: Магура (макоръ Санскр. крутой), Кичера Гропа, Сигла, Горганъ, Грунь, Грехотъ, Плай. Имя Карпаты вовсе не извѣстно народу: оно—книжное.

Роженскій плай на юговост. отъ с. Багноватаго	3702
Русскій путь (плай) на юговост. отъ с. Любохоря	4122
Пикуль или Пикуй на зап. отъ Верецкихъ	4422
Станица на сѣверовост. отъ с. Жупанья	3642
Новые Муда на сѣверовост. отъ с. Тухли	3966
Гропа или Грофа на югъ отъ Подлютаго	5526
Попадья у источниковъ Ломницы	5490
Илемскій Горганъ на югъ отъ с. Лолина	5010
Стеришоры у источниковъ Быстрицы	5430
Горганъ	5532
Сивуля на югѣ отъ с. Пороги	5730
Черная Клива на югѣ отъ с. Зелена	5431
Добошовка на западъ отъ с. Ямна	5542
Хомякъ (Холмякъ) на сѣв. отъ Яблоницы	4866
Сеникъ » » »	5156
Магура на востокъ отъ с. Яблоницы	4004
Грехотъ Ворохтенскій на вост. отъ с. Ворохты	3639
Кукуль на югъ отъ Ворохты	4860
Говерля » » »	6486
Спицы на зап. отъ с. Жабья	5754
Кострича (полонина) тамъ же	5004
Черногора на югозап. отъ Жабья	6366
Грāготъ (Грахотъ) на югъ отъ с. Космача	4638
Гнетеса у источника рѣки Черемоша	5580
Стогъ на югъ отъ Жабья	5205
Чевчинъ	5562
Лостунь у источника Черемоша	5220
Команово » »	5574
Пневье » »	4952
Гостовъ на югъ отъ Голешина	4980
Скупова (полонина) [1] на юговост. отъ Жабья	4974
Крынта на юговост. отъ Жабья	4200 »

[1] Шмедесъ совершенно ошибочно причисляетъ Черногору, Скупову, Лостунь,

Далѣе къ юговостоку, по югозападной границѣ Буковины, тянется, въ видѣ Альпійскихъ горъ, тотъ же Карпатскій хребетъ и выпускаетъ свои вѣтви съ запада къ юговостоку паралельными грядами, которыя, начинаясь горами средней величины, на восточной границѣ представляютъ плодородное погорье и высокія равнины. Рѣчныя долины, снала узки, заключены въ крутыхъ, лѣсистыхъ берегахъ, и только потомъ, расширившись, становятся чрезвычайно плодородными, хорошо обработанными долинами. Замѣчательная особенность этого прекраснаго края, Буковины, что русла рѣкъ, въ своемъ дугообразномъ теченіи съ запада къ югу, лежатъ террасами одно надъ другимъ, такъ что, на примѣръ, рѣка Прутъ у Черновецъ течетъ на высотѣ 419 ф., рѣка Серетъ у города Серета на 927 ф., р. Сучава возлѣ м. Радовецъ уже на 1213 ф., а р. Молдава возлѣ Гуры-Гуморы на 1447 футовъ надъ уровнемъ моря. Такимъ же образомъ и горныя вѣтви съ своими долинами поднимаются террасами къ югозападу все выше и выше, и изъ лѣсистаго плоскогорья, принимая дикій видъ, переходятъ у источниковъ Золотой Быстрицы, Самоша и обоихъ Черемошей, въ горы альпійской 6-ти тысячефутовой высоты.

Почва нижней полосы на сѣверъ отъ р. Серета, къ востоку отъ м. Вышницы, состоитъ изъ синепесчанаго рухляка и наносной земли, южные же уступы гористой страны содержатъ почти вездѣ Карпатскій песчанникъ; въ гребняхъ хребтовъ нагромождены скопленія слюдистаго сланца, подъ которыми, въ нижнихъ наслоеніяхъ, лежатъ пласты коралловъ, извести и соли.

Высочайшія вершины Буковинскихъ Карпатъ слѣдующія:

Томнатикъ на зап. отъ с. Изворъ..........	4922 ф.
Лучина къ югу отъ Извора................	5013
Великія вежи на сѣв. отъ с. Брязы........	4702
Татарка на сѣв. отъ Кирлибабы............	4896
Сухаръ-дѣлъ на зап. отъ Якобенъ..........	5388

Чевчинъ, Гнетесу, Команову, Иневье, и Гостовъ къ Буковинскимъ верхамъ; напротивъ того ставитъ г. Почковъ (3900 ф.) между Галицкими. Первыя всѣ лежатъ въ Галичинѣ, послѣдняя же въ Буковинѣ на вост. отъ Усть-Путилова. Geogr. statist. Uebersicht Galiziens and der Bukovina. Lemberg, 1869.

Оушоръ [5] на сѣверъ отъ Дорны-Кандрены..		4972
Рареу къ югу отъ Кимполунга (Долгополья)...		4332
Калдо-Дзумалеу къ югу отъ Пошориты.....		5862
Лукачъ къ югу отъ Стампы-Пояны........		5574

Отъ главнаго Карпатскаго хребта отходятъ разныя вѣтви меньшихъ горъ и плоскогорій въ направленіи къ сѣверу и востоку по всей Галичинѣ и Буковинѣ; спуски этихъ горъ народъ называетъ Подгорьемъ (Пôдгôрье). Они теряются въ Днѣстровской долинѣ, подобно тому, какъ южныя развѣтвленія Закарпатскія разстилаются по Притиской и Придунайской равнинамъ.

Соотвѣтственно разстоянію отъ Карпатъ и теченію рѣкъ разные города лежатъ на разныхъ высотахъ, а именно:

городъ	Ясло лежитъ	надъ	ур.	моря...	840	ф.
	Ряшевъ »	»	»	» ..	660	
	Ярославль	»	»	» ..	630	
	Жолковъ	»	»	» ..	817	
	Рава Русская	»	»	» ..	1080	
	Львовъ	»	»	» ..	1242	
	Золочевъ	»	»	» ..	780	
	Броды	»	»	» ..	720	
	Тернополь	»	»	» ..	960	
	Чортковъ	»	»	» ..	984	
	Залѣсчики	»	»	» ..	948	
	Калушь	»	»	» ..	960	
	Станиславъ	»	»	» ..	810	
	Галичъ	»	»	» ..	690	
	Черновцы	»	»	» ..	700	

Пространство, лежащее на сѣверъ отъ Днѣстра, раздѣлено нынѣ Волочиско-Львовскою желѣзною дорогою, ведущею отъ Перемышля, черезъ Львовъ, въ Тернополь. Эта страна представляетъ двойной характеръ: сѣверная половина, ровная и лѣсистая (Полѣсье), съ юга окаймлена крутыми спусками отроговъ Европейскаго водораздѣла

---

[5] У Шмедсса ошибочно пишется Suskardéel, Orisor вм. Оушоръ (отъ Рум. Оу Лат. ovum, яйцо).

(Медоборы и Товтры), южная же половина (Ополье и Подолье) представляетъ плоскую возвышенность, съ которой паралельно текущіе притоки спускаются сквозь многочисленные пруды и топкіе берега въ Днѣстръ.

Рѣчныя долины глубоко врѣзаны; въ нихъ по большей части кроются, по широкимъ «яругамъ», многочисленныя Подольскія села. Средняя высота страны 700—1000 футовъ надъ уровнемъ моря.

Пространство между Днѣстромъ и Прутомъ, подобнаго же характера, славится своимъ черноземомъ. Особенность страны въ Станиславскомъ, Коломыйскомъ, Чортковскомъ и Черновецкомъ Уѣздахъ составляютъ воронкообразныя впадины земли или котловины, представляющія правильныя круглыя, широкія (20—100 футовъ) и глубокія углубленія, называемыя **вертебами**, въ которыхъ. Подоляне нерѣдко устраиваютъ въ лѣтнюю пору свои пчельники (пасѣки). Эти впадины образуются въ слѣдствіе подмыванія известковой, или гипсовой подпочвы. Вода, собираясь въ нихъ, скоро проникаетъ сквозь гипсовую подпочву, размывая и углубляя еще больше котловину. Напротивъ того, по равнинамъ восточной Галичины и Буковины, а также въ низменностяхъ Угорщины, находится много высокихъ могилъ и кургановъ, свидѣтельствующихъ о знаменитыхъ сраженіяхъ и другихъ важныхъ историческихъ событіяхъ, и о погибшихъ богатыряхъ, которыхъ память въ преданіяхъ хранится у вѣрнаго народа.

Такимъ образомъ Галичина съ Буковиной представляютъ собой скатъ почти на 60 миль тянущагося Бескида и лѣсистыхъ Карпатъ между двумя большими возвышеніями, т. е., на западѣ Татрами, а на востокѣ Седмиградскими Карпатами, достигающими альпійской высоты 6000 футовъ надъ уровнемъ моря. Прилегающая земля можетъ назваться холмистой страной или Карпатскимъ плоскогорьемъ. Долинъ мало и онѣ непространны, если исключить Вислянскую равнину и Днѣстровскую долину. Почва земли разнообразна. Въ верхнемъ теченіи рѣкъ преобладаетъ глина, въ нижнихъ же полосахъ рѣки наносятъ плодородныя наслоенія. Въ сѣверной части водоема Вислы до самаго устья Сяна распространены дилювіальные и аллювіальные наносы песка. Такія же песчаныя равнины, хотя въ меньшемъ размѣрѣ, попадаются въ сѣверной части Жолковскаго и Золочевскаго Уѣздовъ (на Полѣсьѣ), въ водоемѣ Сѣвернаго Буга и у верховьевъ

Стыра. Впрочемъ, почва по большей части суглинистая и даже мѣстами черноземная, вообще плодоносна. Въ особенности славятся черноземныя залежи средняго теченія Днѣстра, Станиславскаго, Коломыйскаго, Чортковскаго, частію и Стрыйскаго, Бережанскаго и Черновецкаго Уѣздовъ. Тернопольскій уѣздъ (Ополье) и Чортковскій (Подолье) пріобрѣли себѣ названіе житницы Австріи или Австрійскаго Подола, а народная пословица гласитъ: «На Подôлью хлѣбъ по кôлью, а ковбасами плôтъ городженый.» Все Покутье и вся нижняя Буковина покрыты отличными кукурузными полями, а Прутскій табакъ (Pruther-Taback) славится своею доброкачественностью во всей Австріи. Подольская пшеница славится и за границей. Карпатская верховина и Подгорье—богатыми минералами, солью, нефтью—откармливаютъ несмѣтныя стада рогатаго скота. Гуцульская бриндза (овечій сыръ) славится на сѣверной и на южной сторонѣ Карпатъ.

Впрочемъ, Подольскій черноземъ не столько плодороденъ, какъ Угорскій; онъ отличается скорымъ и обильнымъ прозябаніемъ растительности весною, но во второй половинѣ лѣта хлѣба и травы столь же скоро засыхаютъ, такъ что въ Августѣ мѣсяцѣ вся страна покрыта засохшими злаками.

Въ водоемѣ верхняго Буга отъ Львова къ востоку тянется горная полоса третичной формаціи песчаной глины, рухляка, известковаго и кремноземнаго песчанника и булыжника, но есть и плодородныя мѣста чернозема и суглинка.

Сѣверная Угрія также гориста. Карпаты отдѣляютъ къ югу свои отроги, которые постепенно теряются въ Притиской долинѣ. На лѣвомъ берегу Уга (Ungh) начинаются Лѣсистые Карпаты, которые уже въ Бережской и Мараморошской столицахъ достигаютъ альпійской высоты. За порубежный предѣлъ между Бескидами и Лѣсистыми Карпатами можно здѣсь принять золотоносныя трахитовыя горы, которыя на пространствѣ 30 миль распространяются къ сѣверу отъ Мукачева (гора Выгорля, Vihorlet, кажется потухшій вулканъ, 3400 ф.) до Седмиградской границы. Югозападная вѣтвь ихъ съ нагими, скалистыми вершинами теряется въ Сатмарской и Угоцкой столицахъ. Въ восточной граничной цѣпи, кромѣ полонинскихъ горъ, замѣчательны въ Мараморошинѣ или Мараморошской столицѣ: Пѣтрошъ 6882 ф., Попъ Иванъ 5396, Трояга 4632, Варло 3348,

Ясеня 2298,[6] за тѣмъ Свидова, Турбата Тымпа, Гомулъ и проч. Въ Берегской же столицѣ: Гусля, Магура, Кичера, Яворница, Яворникъ, Ясень, Остра, Стоги и проч. [7]

2. Рѣки и ихъ притоки.

Въ слѣдствіе выше описаннаго положенія Галичины всѣ рѣки имѣютъ два главные водоема (бассейна). Воды, текущія отъ Бескида, имѣютъ свое направленіе къ сѣверу, вливаясь въ Вислу и за тѣмъ въ Балтійское море. Второй водоемъ составляетъ рѣка Днѣстръ, въ который вливаются преимущественно воды Лѣсистаго Карпата, равно какъ и притоки, истекающіе изъ южнаго наклона Карпатскихъ отроговъ (Медоборовъ, Товтровъ), продолжающихъ Европейскій водораздѣлъ. Наконецъ рѣки и притоки Буковины, принявъ юговосточное направленіе и соединясь съ Прутомъ, несутъ свои воды въ Дунай и также въ Черное море.

Изъ западныхъ Бескидовъ вытекаютъ горныя рѣки: Бѣла, Сола, Скава, Раба и Вислока; онѣ всѣ вливаются прямо въ Вислу. Значительнѣйшими притоками Вислы могутъ считаться Донаецъ и Сянь.

Донаецъ или Дунаецъ вытекаетъ изъ глубокихъ Татранскихъ ущелій двумя раменами, Чернымъ и Бѣлымъ и, принявъ, возлѣ м. Новаго Торга (Neumarkt), вытекающій изъ тѣхъ же ущелій притокъ Попрадъ, послѣ 34-хмильнаго теченія, вливается противъ м. Опатовецъ въ Вислу.

Рѣка Сянъ или Санъ имѣетъ источникъ въ главномъ хребтѣ Карпатъ (Бескидовъ), въ с. Сянки (Сяноцкаго У.). Въ верхнемъ теченіи своемъ съ своими горными притоками Солинкой, Гучевкой и Ославой, онъ пробивается узкими ущельями къ сѣверозападу, но возлѣ Дынова, выбравшись на плоскогорье, онъ круто поворачиваетъ къ востоку и, принявъ подъ Перемышлемъ самый значительный притокъ Вѣгорь или Вяръ, опять обращается къ сѣверу, гдѣ, послѣ 46-тимильнаго теченія, впадаетъ въ Вислу.

---

[6] Ф. Л. Ригера Naučný Slovník, ст. Marmaroš

[7] Л. Шедіуса Karte des Königreichs Ungarn, 2-e Ausgabe, 1847.

Сверхъ того съ правой стороны вливаются въ Сянъ Любачевка и Танва или Таневъ, вытекающія изъ плоской возвышенности Жолковскаго Уѣзда, съ лѣвой же стороны—происходящій изъ самыхъ Бескидовъ притокъ Вислокъ.

Къ Вислянскому водоему принадлежитъ также Бугъ (Западный), который, истекая на сѣверномъ склонѣ Европейскаго водораздѣльнаго острога въ селѣ Верхобужьѣ, проходитъ 19 миль по Галичинѣ и 56 миль по Привислинскому краю, и, соединившись у мѣст. Сиротска съ Наревомъ, вливается возлѣ Новогеоргіевска въ Вислу. Притоки Буга въ Галичинѣ: Полтва или Пелтва, текущая изъ Львова, Рата, Солокія и другіе.

Рѣка Стыръ имѣетъ также свое начало въ лѣсномъ нагорьѣ Золочевскаго Уѣзда, но, послѣ краткаго теченія по Галичинѣ, возлѣ с. Стремильча, переходитъ въ предѣлы Россіи и тамъ впадаетъ въ Днѣпръ.

Значительно больше водъ принимаетъ въ себя Днѣстръ (Днистеръ, Нистеръ). Верховья его—въ среднихъ уступахъ Карпатскаго хребта, въ с. Днѣстрикъ Дубовый[8] между м. Лютовища и Турка Самборскаго Уѣзда, такъ что его источники находятся въ равномъ разстояніи отъ долинъ Сяна и Стрыя. Сначала Днѣстръ течетъ небольшою поперечною долиною, пробивая скалистые уступы къ сѣверу, но за г. Самборомъ, вышедши на расширенную долину, онъ принимаетъ восточное направленіе и собираетъ всѣ рѣки и притоки, текущіе съ Лѣсистыхъ Карпатъ. Лѣвый берегъ его составляетъ широкую немного возвышенную полосу, къ правому же берегу, между Самборомъ и устьемъ р. Стрыя, примыкаютъ болотистыя низменности, мѣстами и лѣсистые бугры. Пониже устья Стрыя берега начинаютъ возвышаться, а ниже г. Галича, отъ м. Марьямполя, Днѣстръ течетъ въ обрывистыхъ высокихъ берегахъ, среди лѣсовъ и плодородныхъ полей и, отдѣляя Подолъ отъ Буковины и Бессарабіи, вливается лиманомъ въ Черное море.

Во время полноводія Днѣстръ часто выступаетъ изъ своихъ

---

[8] Длугошъ пишетъ: «Dniestri fons ex monte Bieszczad, ex loco, qui appellatur Dabrowica, propter singularem quercum ibi stantem, ex cuius radicibus...,tendunt.» Вѣроятно, въ прежнее время существовали въ этихъ мѣстахъ дубовые лѣса.

береговъ и заливаетъ всѣ долины; въ особенности страна между г. Самборомъ и устьемъ Стрыя превращается при полноводіи въ настоящее озеро. Львовско-Самборское шоссе въ это время въ иныхъ мѣстахъ стоитъ на 6—11 футовъ глубины въ водѣ, а ниже м. Нижнева, гдѣ высокіе берега не допускаютъ разлитія, вода возвышается до 30 ф. надъ обыкновеннымъ уровнемъ.[9]

Значительнѣйшіе притоки Днѣстра, съ правой стороны: Стрый, который, выходя изъ главнаго хребта Карпатъ, недалеко отъ источниковъ Сяна и, пробивъ скалистыя ущелья Карпатскаго нагорья, вмѣстѣ съ Опоромъ, вливаетъ въ Днѣстровскую долину значительный запасъ водъ. Все теченіе Стрыя составляетъ 24 мили. Другіе притоки Днѣстра: Свѣча (Swica), Ломница, Быстрица (съ двумя рукавами, Солотвинскимъ и Надворнянскимъ), Стримба, Ворона и прочія меньшія рѣчки, немноговодны, и только во время таянія снѣговъ и проливныхъ дождей становятся большими, съ неимовѣрною быстротой стремящимися, рѣками. Почти всѣ онѣ имѣютъ свои источники у самыхъ высокихъ вершинъ Лѣсистыхъ Карпатъ, и паралельными потоками стремятся на сѣверъ въ р. Днѣстръ. Притоки Днѣстра съ лѣваго берега слѣдующіе: Стревяжъ (Strwiąż) вытекаетъ выше м. Устьрѣки (Ustrzyki) изъ нижнихъ уступовъ Бескидовъ, течетъ широкою болотистой долиной къ сѣверу отъ г. Самбора и вливается ниже с. Конюшева въ Днѣстръ. Онъ быстрѣе верхняго Днѣстра и обильнѣе его водою, и по тому запруживаетъ его теченіе и бываетъ главною причиной Днѣстровскихъ наводненій и Самборскихъ болотъ. Другіе притоки Днѣстра съ той же стороны: Свирь (Swirz), Липа (Гнилая и Золотая), Коропецъ, Стрыпа, Середъ и пограничная съ Россіей Збручъ (называемая оффиціально Подгорце или Подгорче). Всѣ они сходны между собою; имѣя свои верховья въ плоскогорьи, составляющемъ южный невысокій склонъ Европейскаго водораздѣла между г. Хировомъ, Золочевомъ и Бродами, они текутъ съ сѣвера на югъ паралельными глубоковрѣзанными провалами въ Днѣстръ. Берега ихъ круты и обрывисты, и чѣмъ далѣе къ востоку и югу, тѣмъ значительнѣе крутизны и обрывы. Притоки сами не

[9] К. Шмедесъ Geographisch-statistische Übersicht Galiziens und der Bukovina. Lemberg, 1869, стр. 22.

очень обильны водами, но частыя плотины прудовъ, задерживая воду, производятъ топкіе луга и болотистыя мѣста.

Третье направленіе, въ Дунайскій водоемъ, принимаетъ р. Прутъ. Имѣя свой источникъ въ вершинахъ Лѣсистыхъ Карпатъ недалеко отъ источниковъ Тисы, Прутъ въ своемъ горномъ теченіи вьется по узкимъ ущельямъ, образуя извѣстные водопады (въ с. Дорѣ и др.), а прорвавшись ниже м. Делятина въ долину, въ своемъ среднемъ теченіи чрезъ Галичину (Покутье) и Буковину, онъ принимаетъ восточное направленіе, за тѣмъ въ Бессарабскихъ степяхъ поворачиваетъ совсѣмъ къ югу и у Галаца вливается въ Дунай. Все теченіе Прута имѣетъ 85 миль длины, изъ которыхъ 25 миль въ Австрійской области.

Его притоки съ правой Карпатской стороны: Черемошъ (Бѣлый и Черный), на границѣ Галичины и Буковины, за тѣмъ Серетъ, Сучава съ Сучавицей, Молдава и Золотая Быстрица. Всѣ они, начинаясь на восточномъ склонѣ Буковинскихъ Карпатъ, и принимая одинаковое направленіе къ востоку, и за тѣмъ къ югу, вливаются въ Прутъ. Съ другой, лѣвой, стороны Прутъ не имѣетъ ни одного значительнаго притока.

Что касается до южнаго, Угорскаго, склона Бескидовъ и Лѣсистыхъ Карпатъ, то всѣ его рѣки и рѣчки текутъ по направленію на югъ и вливаются въ Тису (Theiss) и Дунай. Такъ, противъ источниковъ Солы, беретъ свое начало, на южномъ склонѣ р. Оравица (Arva), противъ Дунайца и Попрада имѣетъ свои родники Вага (Waag), обѣ—притоки Дуная; за тѣмъ Гернадъ и Ториса (Tarcza)—противъ Ропы и Вислоки, Тепла (Topla)—противъ Ясёлки и Вислока, Лаборецъ—противъ Солинки, Чирока—противъ Сяна и Стрыя, Угъ или Ужъ (Ungh) и Латорица (Latorcza)—противъ Мизуни и Свѣчи, Талаборъ—противъ Прута, Черная Тиса—противъ Черемоша и Сучавы, наконецъ Бѣлая Тиса—противъ Русковы и Вышеевки (Visó).

Кромѣ выше названныхъ притоковъ на южномъ склонѣ Карпатъ берутъ начало притоки Тисы, въ Земненской столицѣ: Удва, Бодрогъ, Ровна, Такта, Шабовъ; [10] въ Бережской столицѣ притоки Уга: Ужица, Ужокъ, Люта, Турица, Туря; притоки Латорицы:

---

[10] Науковый Сборникъ. Львовъ, 1866 г.

Жденява, Визница, Грабовница, Пинья, Сланка, Вича; въ Мараморошѣ—притоки Боржовы: Великій Агъ (Nagy Agh), Рыпинска, Голятинъ; притокъ Талабора: Черна Рыпа и др.; притоки Тараца: Нересница, Терешва, Красна, Мокра, Яновицъ, Бертянска, Плайска, Турбацъ. Первыя четыре вытекаютъ изъ главнаго хребта Карпатъ, послѣдній изъ подъ горы Турбата. Приведемъ теперь непосредственные притоки Тисы въ этой малоизвѣстной странѣ: Апшица, Великая и Малая Сопурка, Косова, Свидова, Лущена, Павликъ, Богдань, Стеховецъ. Наконецъ въ самомъ восточномъ углу притоки Вышеевы или Вышеевки (Visó): Крива, Рускова, Квасница, Борша и Нѣмцами прозванная Вассеръ.

Всѣ эти рѣки и рѣчки вливаются непосредственно, или посредственно, въ Тису и принадлежатъ, вмѣстѣ съ ней, къ Дунайскому водоему. Въ мѣстахъ, гдѣ источники рѣкъ по обоимъ склонамъ горъ близки другъ къ другу, тамъ и долины противуположныхъ притоковъ подступаютъ одна къ другой и, не смотря на значительную высоту горъ, дѣлаютъ удобнымъ переходъ черезъ Карпатскій хребетъ, въ слѣдствіе чего способствовали издревле сообщенію и переселенію народа съ одной стороны горъ на другую. [11]

Карпатскій хребетъ составляетъ водный раздѣлъ Восточно-Европейской (собственно Русской) степной возвышенности и Дунайской равнины, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ есть раздѣлъ и метеорологическаго растворенія воздуха. Онъ заслоняетъ Галичину отъ дуновенія теплаго, сухаго, а въ иную пору сыраго, Дунайскаго вѣтра, и открываетъ ее господству восточныхъ, степныхъ вѣтровъ, сухихъ и холодныхъ. Карпаты сравнительно образуютъ немного облаковъ, по чему и страна небогата дождями. Нормальная средняя величина годоваго паденія дождя считается для Кракова 20,15″, для Львова 26,17″, воздушная влажность для Кракова 82,18, для Львова 78,75. Зима въ Галичинѣ продолжительна и морозна, съ обильными снѣгами, особенно въ горахъ. Иногда, хотя рѣдко, случаются морозы до 25—28 град. Реомюра, но чаще бываютъ легкія зимы, въ продолженіи которыхъ термометръ всю зиму не падаетъ ниже 12—15 градусовъ.

Лѣто короткое, умѣренной теплоты; теченія воздуха перемѣнчивы. Между ними въ особенности непріятны рѣзкіе сѣверные и сѣ-

---

[11] І. Шараневичъ: Изслѣдованія на полѣ отечественной географіи и исторіи. Львовъ, 1869.

веровосточные вѣтры; нерѣдко бываютъ еще въ Маѣ приморозки, которые уничтожаютъ цвѣты деревьевъ и прозябающія растенія.

Осень тоже начинается нѣсколькими ночными приморозками въ мѣсяцѣ Августѣ (межи Богородицами, какъ выражается народъ), но она продолжается ведренными, даже теплыми днями (Бабье лѣто). Воздвиженіе, Преображеніе, даже день Пророка Ильи, считаются уже осенними праздниками. Средняя температура въ Краковѣ 6° 15″, во Львовѣ 6°. Перемѣны температуры бываютъ быстры,—термометръ возвышается, или падаетъ, часто на 15 градусовъ. Не смотря на относительную суровость, климатъ вообще здоровый; мѣстные жители достигаютъ нерѣдко глубокой старости (60—80 лѣтъ). Не смотря на непродолжительное лѣто и длинную зиму, страна, по причинѣ многочисленныхъ рѣкъ и хорошей почвы, можетъ назваться превосходною хлѣбопашной землей.

3. Проходы черезъ Карпаты и пути сообщенія, древніе и нынѣшніе.

Въ предыдущемъ описаніи горъ были сдѣланы нѣкоторые намеки на Карпатскіе проходы и пути сообщенія; перечислимъ теперь значительнѣйшіе изъ нихъ, особенно въ восточной половинѣ горъ, и обратимъ особое вниманіе на тѣ, которые упоминаются въ лѣтописяхъ и которые пріобрѣли историческое значеніе древнихъ путей сообщенія.

I. На западной сторонѣ Татровъ есть нѣсколько проходовъ въ Оравскую и Важскую долины, а именно:

1. Изъ города Вадовицъ и м. Живца (Saypusch) чрезъ хребетъ самыхъ западныхъ Бескидовъ въ м. Чачу (Csacsa) и Жилинъ (Silein)—весь проходъ по шоссе.

2—3. Изъ Живца идутъ двѣ другія дороги черезъ Усолье (Ujsol) и Крижовъ въ долину Бѣлой Оравы (Fejer-Arva)—частью по шоссе, частью по столбовой дорогѣ.

4. Изъ села Макова по долинѣ рѣчки Скавицы, сѣдломъ между горою Полицей и Бабьей горой въ 5,448 ф. вышины, въ долину Черной Орацы (Fekete-Arva)—частью столбовая дорога, частью проселочная.

5. Изъ Іорданова вверхъ р. Скавой черезъ Спытковицы въ г. Ораву (Arva-Varallya)—сплошь по шоссе.

6—7. Изъ м. Новаго Торга (Neumarkt) рѣкою Чернымъ Дунайцемъ въ м. Тростяную (Trsztyenna) на рѣчкѣ Оравицѣ—частью по столбовой, частью по шоссе.

II. На восточной сторонѣ Татровъ на Попрадскую долину:

1. Изъ Новаго Торга вверхъ по рѣчкѣ Бѣлкѣ переваломъ въ м. Ждяръ (Zsdyar) и Кежмаркъ на Спишѣ—проселочная дорога.

2. Изъ Новаго Торга по р. Дунайцу чрезъ м. Старую Весь (O-falu) переваломъ на долину р. Попрада—самый лучшій проходъ, сплошь шоссе.

3. Изъ Новаго Сандча (Neu-Sandez) вверхъ по р. Дунайцу до Луцка (Lacko) шоссе, а тамъ, чрезъ Кростѣнко и Чорштинъ—столбовая дорога, частью проселочная.

4. Изъ того же города вверхъ Попрадской долиной, чрезъ Пивничную въ с. Мнишки, оттуда черезъ г. Ослій верхъ въ г. Любовню (Lublau), и опять вверхъ Попрадомъ въ м. Подолинецъ (Pudlein) и Кежмаркъ—сплошь шоссе.

III. Изъ Галичины въ долину р. Тисы (Theiss) и ея правыхъ притоковъ:

1. Изъ Нов. Сандча, какъ выше II, № 3, до Любовни, за тѣмъ чрезъ хребетъ въ Левочу (Leutschau)—оттуда проселочная дорога.

2. Такъ же какъ II, 3, до Любовни, далѣе Попрадскою долиной до м. Половцевъ (Palocsa), потомъ переваломъ въ с. Заваду и далѣе Торискою долиной въ Пряшевъ (Eperies).

3. Изъ Нов. Сандча вверхъ по р. Каменицѣ чрезъ с. Криницу и м. Мушину, отсюда вверхъ Попрадомъ до Лелюхова и далѣе въ Половцы какъ III, 2. До Криницы—столбовая, а тамъ—проселочная дорога.

4. Изъ того жъ города чрезъ с. Лабову, м. Тыличъ въ Бардіевъ (Bartfeld). До границы столбовая дорога, а тамъ шоссе. Это вѣроятно старинный путь «на Бардуевъ,» которымъ Даніилъ Романовичъ возвращался изъ Угоръ (Ипат. лѣт. стр. 178). Въ 1262 г. Даніилъ ѣхалъ въ Угры, переходя у Тылича Карпаты (Ипат. лѣтоп. стр. 200).[12]

---

[12] Упоминаемый въ лѣтописи Лелесовъ монастырь, кажется, былъ въ нынѣшнемъ с. Лелюховѣ.

5. Изъ м. Грибова вверхъ рѣчкою Бѣлой чрезъ с. Избы, переваломъ въ м. Габолтово (Gaboltó) и Бардіевъ; до с. Брунары столбовая дорога, за тѣмъ до границы проселочная, а тамъ опять столбовая.

6. Изъ м. Горлицъ вверхъ р. Ропой чрезъ Устье Русское, Высову, за тѣмъ черезъ хребетъ въ м. Зборовъ, проселочныя, частью столбовыя дороги.

7. Изъ Горлицъ чрезъ сѣдло у с. Конечна чрезъ Зборовъ, въ Бардіевъ и Пряшевъ. До Зборова столбовая дорога, а тамъ шоссе.

8. Изъ того же мѣстечка чрезъ с. Конечную столбовою, потомъ проселочною дорогой въ Нижнюю Полянку; оттуда шоссе въ м. Верхній Свидникъ (Felsö-Szvidnik) на Дуклянскомъ шоссе.

9. Изъ м. Змiйгорода чрезъ Нов. Полянку въ Бардіевъ, за тѣмъ какъ III, 5.

10. Изъ Дукли, гдѣ сходятся шоссе Ясельскаго и Перемышльскаго трактовъ, чрезъ с. Барвѣнокъ, Дуклянскимъ проваломъ у Верхняго Комарника, въ Верхній Свидникъ на Ондавской долинѣ—сплошь шоссе. (Тутъ я переправлялся въ 1834 году). Этотъ проходъ извѣстенъ былъ въ старину, и въ нашихъ лѣтописяхъ: онъ слылъ подъ названіемъ Угорскія Ворота (Ипат. лѣт. стр. 171).

По этой дорогѣ, въ 1848 году, Императоръ Николай Павловичъ послалъ главныя силы Русской арміи въ Угорскую кампанію. Отъ Свидника ведутъ два шоссе: одно вверхъ по р. Ондавѣ въ Зборовъ, Бардіевъ и Пряшевъ; другое вдоль Ондавской долины въ м. Стропковъ, Михаловцы (Nagy-Mihaly) и Ужгородъ (Unghvar).

11. Изъ г. Дукли чрезъ м. Тыляву и Ясписка, за тѣмъ чрезъ пограничное сѣдло Черемху (Czeremoka?) на Лаборецкую долину въ с. Лаборецъ (Mezö-Laborcz) и м. Гуменное (Homonna). До Тылявы шоссе, потомъ до границы проселочная дорога, за тѣмъ въ Лаборецъ столбовая и опять шоссе.

12. Изъ м. Риманова чрезъ Яслиска до Черемхи проселочная дорога, а тамъ какъ № 9.

13. Изъ м. Лиска чрезъ с. Тернаву вверхъ по р. Солинкѣ и черезъ с. Команчу переваломъ на Лаборецкую долину и вдоль по ней чрезъ Лаборецъ—столбовая, за тѣмъ въ Гуменное—шоссе.

14. Изъ того же м. вверхъ по р. Сяну и его притоку Гучевкѣ

чрезъ м. Балигородъ, с. Тисну и сѣдло Ростоки, въ с. Старину (Sztarina) на р. Цырокѣ (Cziroka) въ Гуменное. (Въ этихъ мѣстахъ я путешествовалъ въ 1839 году).

15. Изъ г. Стараго Самбора вверхъ по притокамъ Днѣстра чрезъ м. Турку, промежъ горами Розлучь и Кіевецъ, за тѣмъ чрезъ сѣдло между Бескидомъ, вышиною въ 2,550 ф., и горой Ополонникъ, вышиною въ 2,695 ф., въ с. Ужокъ (Ussok) и въ Ужскую долину, за тѣмъ вдоль по р. Угу (Ungh) въ г. Ужгородъ (Unghvár). Частію шоссе, частію столбовая и проселочная дороги. Этотъ переходъ, кажется, названъ въ Ипатьевской лѣтописи Королевскимъ путемъ.

16. Изъ г. Стрыя вверхъ по Стрыйской долинѣ до с. Высоцка, оттуда чрезъ Кривку переваломъ въ м. Верецкіе (Also Vereczke), или изъ с. Высоцка чрезъ с. Любохорю вьючной дорогой и переваломъ, называемымъ у народа «Русскій путь или плай,» на Латорицкую долину. Теперь этотъ путь совсѣмъ заброшенъ; остались скверныя проселочныя и вьючныя дороги.

17. Изъ Стрыя чрезъ с. Синеводско и м. Сколье, с. Климецъ въ Верецкіе, за тѣмъ долинами рр. Пинья и Латорицы (Latorcza) въ древній г. Мукачевъ (Muncacs), проведено сплошь порядочное шоссе. Здѣсь перешелъ Даніилъ Романовичъ изъ Угоръ и, переночевавъ въ Синеводскѣ, въ монастырѣ Богородицы, хотѣлъ ити въ Русь, но, уклоняясь отъ встрѣчи съ Татарами, воротился назадъ (Ипат. лѣт. 178). Здѣсь также въ 1015 г. проходилъ «окаянный» Святополкъ и здѣсь убилъ Кн. Святослава, отъ чего до сихъ поръ называется у народа «долина Святославчика», т. е. юнаго Святослава. Надъ р. Опоромъ находится урочище «Ключъ,» представляющее одно изъ мѣстъ засѣки, въ которыхъ, вѣроятно, Князь Ярославъ Осмомыслъ могъ «заступать путь королеви» (Слово о полку Игоря).

18. Изъ того же города по выше упомянутому шоссе, но потомъ проселочными и вьючными дорогами вверхъ по р. Опору чрезъ сс. Тухлю, Хащованье, Ялинковатое или Рожанку между имѣющими 4,000 ф. вышины горами Блищецъ и Черная Рыпа на р. Великій Агъ (Nagy-Agh), въ м. Хустъ (Huszth) на Тисской долинѣ.

IV. По причинѣ увеличивающейся высоты горъ и дикости страны гораздо меньше проходовъ чрезъ Лѣсистые или Восточные Карпаты, а именно:

1. Изъ м. Долины вверхъ по р. Свѣчѣ (Swica), съ переваломъ

на р. Мизунку въ с. Вышковъ, на р. Быструю чрезъ с. Лопушну въ Хустъ. Сначала столбовая, потомъ только проселочная дорога. Кромѣ того, изъ Вышкова, возлѣ г. Вышковскаго Горганя, переваломъ вышиною въ 2,295 ф. вьючный проходъ на р. Талаборъ.

2. Изъ м. Надворны чрезъ сс. Зеленую и Рафаиловъ, чрезъ Лѣсистые хребты, въ сс. Брустуру и Мокру на р. Тересва (Тарецъ), и далѣе вдоль по рѣкѣ въ м. Тячево (Tесsö). Тутъ я переправлялся въ 1835 году.

3. Изъ Делятина вверхъ по Вышней Прутовой долинѣ чрезъ сс. Татаровъ, Яблоницу, потомъ чрезъ граничное сѣдло, вышиною въ 3200 ф. (Сухаревъ Дѣлъ) въ Ясинье (Körösmezö) на долинѣ Черной Тисы и по ней въ г. Сиготъ (Szigeth)—сплошь шоссе, единственное въ пространствѣ Лѣсистыхъ Карпатъ.

4. Изъ г. Косова вверхъ по Косовской рѣчкѣ чрезъ г. Буковецъ въ с. Криворовню на Черемошскую долину и далѣе чрезъ большое горное с. Жабье въ Быстрецъ проселочными дорогами, оттуда вьючными тропинками (плаемъ) чрезъ г. Бербеницкій кутъ на р. Говердю; или же верхами полонины [13] Скуповы и Крынты, либо чрезъ

[13]) Полонинами называются въ Лѣсныхъ Карпатахъ безлѣсныя пространства на высочайшихъ, выше лѣсной линіи лежащихъ, вершинахъ горъ, на которыхъ горцы и подгоряне, въ продолженіи лѣтнихъ мѣсяцевъ, пасутъ скотъ, въ особенности стада овецъ. Названіе полонина полонины было издревле извѣстно еще въ XIII столѣтіи. Въ Ипат. лѣтоп. (Полн. Собр. II, 210), подъ 1262 г., пишется: «Тогда же Войшелкъ хрести Юрья Львовича; тоже потомъ иде въ Полонину во Григорьеви въ монастырь, и пострижеся въ черньцѣ и бысть въ монастыри у Григорья 3 лѣта, оттолѣ же пойде во Святую Гору, пріемъ благословеніе отъ Григорья. Григорей же бяшетъ человѣкъ сватъ, акого же не бысть предъ нимъ и по немъ не будетъ». Слѣдовательно, въ Полонинахъ,—слово, которое должно приниматься въ значеніи горной полонины, а не города Полоннаго, какъ предполагалъ Карамзинъ, а за нимъ всѣ другіе историки,—существовалъ въ XIII стол. монастырь, и въ немъ жилъ въ то время всѣмъ извѣстный Настоятель Григорій. Вѣроятно о томъ же монастырѣ упоминается у хронографа XVII вѣка, который называетъ его Зановъ монастырь: «Пишетъ же индѣ, како въ Угорской земли въ державѣ пана Русскаго, имя его Іавалъ, въ волости Мармарши у мѣста Сигота въ горахъ Полониныхъ, при рѣкѣ Углѣ, межъ тѣхъ большихъ рѣкъ (вѣроятно Апшица и Тиса) и горъ стоитъ монастырь, зовомый Зановъ, а въ немъ церковь на Вознесеніе Господне, а братей въ немъ 330. А пашня у нихъ лѣшая, сѣютъ просо на кашу, по тому что у нихъ поль нѣтъ, живутъ въ горахъ, а держатъ у себя овецъ по 1000 и болѣе, тѣмъ питаются, ядятъ

Черногору на Бѣлую Тису и сс. Луги, Бычковъ. Тутъ я переправлялся въ 1835 и 1839 годахъ въ Сиготъ, первый разъ черезъ полонину Кострочу, Черногору, второй разъ черезъ Скупову на Чорный Черемошъ, и чрезъ Рабинецъ въ Боркутъ (Кислыя воды), оттуда опять на горы Стару Стаю, Кукуль, Чевчинъ, Податью въ Шулигулю (Минеральныя воды) и м. Вишову на р. Вишеевкѣ (Visó). Вездѣ только плохія вьючныя дороги.

5. Изъ г. Кутъ идетъ проселочная дорога вверхъ по р. Черемошу въ с. Устьерѣки (гдѣ сходятся оба Черемоша, Черный съ Бѣлымъ); изъ этого села идутъ двѣ проселочныя дороги, одна въ с. Гриневу, и полонинами къ верховьямъ Тисы, а другая продолжается чрезъ сс. Головы и Ясиновъ, и въ Криворовнѣ соединяется съ дорогой № 4.

Вообще можно сказать, что шоссе по сю и по ту сторону Карпатъ въ хорошемъ состояніи, также нѣкоторыя столбовыя дороги, но по проселочнымъ дорогамъ Карпатскимъ съ трудомъ можно пробраться на крестьянской телѣгѣ; во многихъ же селахъ Лѣсистыхъ Карпатъ вовсе нѣтъ ни телѣгъ, ни дорогъ, и сами жители горъ только горными тропинками (плаями) верхомъ, или на вьючныхъ лошадяхъ (съ терхами), переносятъ хлѣбъ, овечій творогъ, шерсть и др. товары съ одной стороны Карпатъ на другую.

V. Въ Буковинѣ есть нѣсколько столбовыхъ и проселочныхъ

отъ нихъ сыры и млѣко, да въ томже монастырѣ есть кладязь, а въ немъ вода сладка, что грушевый квасъ». А. Востоковъ, Оп. Русск. и Слав. рукоп. Румянц. Музея. С.пб., 1842 стр., 766. Можетъ быть, что по этому колодезю названо село Сеготскаго Уѣзда Грушево (по Мадь. Körtvélyes), въ которомъ былъ также монастырь и въ XVI стол. существовала Церковно-Славянская Типографія. Впрочемъ, жители Маромароша сохранили преданіе, что монастырь Зановъ находился въ селѣ Лугъ (Мадь. Lonka-Széles), черезъ которое и течетъ рѣка Усла (ср. Висла). Названіе Полонины извѣстно было и Польскимъ историкамъ: Длугошъ въ своемъ сочиненіи: «Clenodia regni Poloniae» ed. J. Muczkowski. Krak. 1851, пишетъ, что родъ дворянской фамиліи Сасовъ происходитъ изъ горъ и лѣсовъ, которые называются полонинами (ex montibus et silvis provinciarum Russiae, qui Poloniny nuncupantur). Нынѣшніе Нѣмцы въ Галичинѣ переводятъ слово полонина die Alpe; въ полонинѣ—in der Alpe; на полонинѣ — auf der Alpe. Польскіе горцы (Горалы) употребляютъ названіе Пенины (Pieniny), напоминающіе Италіянскія горы Апенины (!).

рогъ, доходящихъ до верхнихъ хребтовъ, и только одно шоссе, ведущее чрезъ Карпаты въ Седмиградье.

1. Изъ с. Вижницы (Wischnitz) на р. Черемошѣ, вверхъ по р. Путиловкѣ, въ сс. Путилово и Селетинъ.

2. Изъ с. Станицъ, чрезъ Лопушню, славящуюся своими минеральными водами, и наконецъ

3. Изъ м. Радовецъ (Radautz), чрезъ с. Стражу, все столбовыя дороги, далѣе проселочными дорогами въ Шипотъ и Кирглибабу (рудокопни), откуда можно выѣхать на шоссе № 4, или прямо въ м. Родну (Radna) на р. Вел. Самошь. Здѣсь шла въ древности дорога на Борсуковъ Дѣлъ (нынѣ Борсуковъ, Рум. Барсукеу) въ Родну (Ипат. лѣт. стр. 175), городъ, славившійся уже въ XIII столѣтіи своими богатыми рудокопнями.[14]

4. Изъ м. Гура-Хумора (Gura-Humora), гдѣ сходится два Буковинскихъ шоссе, одно изъ Черновецъ чрезъ Сучаву, а другое отъ Снятина чрезъ Сольку, ведетъ единственное шоссе вверхъ по рр. Молдовѣ и Дорнѣ чрезъ Долгополе (Кимполунгъ), Якобены, Ватру-Дорну, Тихуцу, ущельемъ Припора (Priporu) въ гор. Быстрицу въ Седмиградьѣ.

VI. Кромѣ упомянутыхъ шоссейныхъ дорогъ, ведущихъ черезъ Карпаты, есть три продольныхъ коммуникаціонныхъ шоссе, тянущихся чрезъ всю Галичину и Буковину.

1. Сѣверное продольное шоссе, составляющее продолженіе Прусско-Силезскихъ дорогъ, ведущихъ изъ Вратиславы (Breslau), чрезъ Ополе (Oppeln) и Берунъ, по обоимъ берегамъ Вислы въ Краковъ, оттуда чрезъ Бохню, Тарновъ, Решовъ (или Ряшевъ), Ярославъ, Яворовъ въ Львовъ, далѣе въ Золочевъ и одной вѣтвью въ Броды и Радивиловъ (въ Волынскую Губ.), другой же въ Тернополь, оттуда или на востокъ въ Волочиска (въ Подольскую Губ.), или на югъ въ Чортковъ, Залѣсчики, Черновцы, Сучаву, а тамъ въ Молдавію.

2. Среднее шоссе, изъ Моравіи отъ Тѣшина (Teschen) чрезъ города Бѣлу, Вадовицы въ Бохню, и далѣе какъ № 1, или чрезъ м. Издебникъ, Гдовъ, Заключинъ, Ясло, Мѣстцо въ Перемышль, Горо-

---

[14] Rex Caden (Татарскій Ханъ) pervenit ad divitem Rodanum, inter magnos montes positam Teutonicorum villam, regis (Hungarici) argenti fodinam.

докъ и Львовъ, отсюда чразъ г. Рогатинъ, Галичъ, Толмачъ, Городенку, Снятинъ, Сторожинецъ, Виковъ въ Гура-Хумору и далѣе долинами рр. Молдовы и Серета въ Молдавію.

3. Южное или горное шоссе ведетъ изъ Моравіи или другой вѣтвью изъ Угорской Поважской долины (Waagthal), чрезъ Живецъ, Іордановъ, Лимановъ въ Новый Сандечъ, за тѣмъ чрезъ Горлицы, Дуклю, Мѣстцо, Сянокъ. Лиско, Самборъ, Стрый, потомъ чрезъ Станиславъ, или же черезъ Рожнятовъ въ Делятинъ, Коломыю, Косовъ, Куты и Чермоисскою долиной въ Буковину и вверхъ по р. Путиловкѣ въ верхнюю Сучавскую и Молдовскую долины, въ Долгополе, а тамъ вверхъ по р. Молдовѣ къ границѣ, какъ № 3, до г. Кутъ сплошь шоссе, и въ хорошемъ состояніи, а тамъ столбовая дорога, мѣстами также поддерживаемая въ порядкѣ.

Эти продольныя главныя дороги соединены между собою меньшими поперечными шоссе, которыя продолжаются къ югу и за Карпаты; такъ, на пр.. поперечныя шоссе ведутъ изъ Львова въ Стрый, Сколе и т. д.; изъ Бохни въ Новый Сандечъ и прочія мѣста, о которыхъ было сказано выше.

Всѣ эти шоссейныя дороги были построены Австрійцами и содержатся Правительствомъ; до 1772 года были обыкновенные тракты и дороги, но не было ни одного шоссе.

На южной покатости горъ въ Угріи находится главная подкарпатская столбовая дорога, ведущая изъ Спиша (Zips) черезъ Половцы, Бардіевъ, Пряшевъ, Ганушовцы (Hanusfalva), Воронова (Varanó), Михаловцы, Ужгородъ, Мукачевъ, Хустъ, Тячево, Сиготъ въ Седмиградье. Отъ этой продольной дороги отдѣляются многія вѣтви въ Карпатскія рѣчныя долины, нѣкоторыя изъ этихъ вѣтвей достигаютъ Галицкихъ дорогъ и шоссе (см. выше).

VII. Чрезъ всю Галичину и Буковину идетъ одна продольная желѣзная дорога съ запада отъ Фердинандовой Сѣверной чугунки (Ferdinand Nordbahn) на Силезской границѣ, по самой срединѣ края, чрезъ Львовъ и Черновцы до г. Сучавы и Молдавіи, всего 102½ миль въ длину; она соединяется съ Молдавскою желѣзной дорогой, ведущею въ Яссы. Отъ м. Дѣдичъ она идетъ въ Краковъ, давая двѣ вѣтви, одну чрезъ Требиню и Мысловицы въ Пруссію, другую же чрезъ Щакову-Границу въ Россію; изъ Кракова она продолжается

чрезъ Перемышль во Львовъ, отсюда идетъ вѣтвь въ с. Красну, гдѣ раздѣляется на двѣ вѣтви: одна въ Броды и чрезъ Радивиловъ—Дубно въ Кіевъ, другая же вѣтвь идетъ чрезъ Золочевъ, Тернополь, въ Волочиска, а тамъ чрезъ Проскуровъ, Раздѣльную, въ Одессу. Главная линія ведетъ изъ Львова чрезъ Галичъ, Станиславъ, Коломыю, Снятинъ, Черновцы, Сучаву и далѣе въ Ясы.

Внутреннія вѣтви желѣзныхъ дорогъ: изъ Бѣржанова въ Величку, изъ подъ Лужа (Podfeže) въ Неполомицы; наконецъ изъ Перемышля чрезъ Добромиль, Хировъ, Самборъ, Дрогобичъ въ Стрый для соединенія съ Станиславомъ. Перемышльско-Лубковская желѣзная дорога, для соединенія съ Угорскими желѣзными дорогами въ Пряшевѣ, достраивается и должна быть вскорѣ открыта.

На Угорской сторонѣ желѣзныя дороги доходятъ вверхъ по р. Гернаду только въ Кошицы и Пряшевъ; впрочемъ, они продолжаются къ востоку одной вѣтвью отъ г. Кошицъ (Kaschau), чрезъ Угель (Satorallya-Ujhely) въ городъ Селище (Nagy Szöllös) на Тисской долинѣ; другой же вѣтвью отъ г. Мишковца (Miskolcz), чрезъ Токай, Эдьгазъ (Nyir-Egyhaza), Номинъ (Nameny), въ то же Селище, и оттуда далѣе въ Сиготъ (Szigoth).

Проекты продолженія ихъ въ Лубковъ и Перемышль и отъ Мукачева черезъ Стрый въ Львовъ, и соединенія ихъ съ Галицкими желѣзными дорогами, ждутъ своего исполненія. [15] Впрочемъ, Лубковскій тоннель, который идетъ черезъ главный хребетъ и постройка котораго задерживала открытіе желѣзнодорожнаго сообщенія, уже почти совершенно готовъ, и, по новѣйшимъ извѣстіямъ, Эрцгерцогъ Вильгельмъ, на пути своемъ изъ Пешта въ Львовъ, проѣзжалъ черезъ этотъ тоннель. Наконецъ строится желѣзная дорога въ Западной Галиціи изъ Тарнова въ Лелюховъ, а также представленъ проектъ дороги изъ Сучавы въ Буковинѣ для соединенія съ Закарпатскими желѣзными дорогами въ Сиготѣ.

---

[15] К. Шмедесъ, Geographisch-statistische Uebersicht Galiziens und der Bukowina Lemberg, 1869.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДѢЛЕНІЕ

ПРИКАРПАТСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ И НѢКОТОРЫЯ СТАТИСТИЧЕСКІЯ ПОКАЗАНІЯ.

А) Галичина и Буковина.

На сѣверномъ склонѣ Карпатскаго хребта лежитъ Австрійское Королевство Галиціи и Лодомеріи съ Великимъ Княжествомъ Краковскимъ и Княжествомъ Буковиной, или, какъ теперь называютъ, Коронные края (Kronländer) Галиція и Буковина. Нынѣшнее Королевство Галиціи и Лодомеріи не представляетъ края, который бы составился и упрочилъ свои границы въ слѣдствіе историческихъ, географическихъ, или этнографическихъ моментовъ, въ одну органическую цѣлость: это провинція, сколоченная изъ Русскихъ и Польскихъ земель съ 1772 года, послѣ раздѣла Польши, безъ всякаго вниманія на исторію.

Въ 1214 году, во время внутреннихъ усобицъ Русскихъ Князей за Галицкій престолъ, возведенъ былъ Угорскій Королевичъ, но въ 1218 году былъ прогнанъ Русскими. Послѣ этого онъ еще разъ пытался завладѣть Галицкимъ престоломъ, но былъ вторично побѣжденъ Княземъ Мстиславомъ Новгородскимъ въ 1220 году, и потерялъ навсегда Галицкое Княжество. Однако жь онъ не лишился права на оное, такъ какъ, по истеченіи 554 лѣтъ послѣ изгнанія Коломана изъ Галича, Императрица Марія Терезія возобновила свои дипломатическія притязанія и, воспользовавшись наслѣдственнымъ правомъ Королей Угорскихъ, заняла, въ 1772 году, не только бывшее Княжество Галицкое, но и всю землю отъ Силезіи до Буковины, и пріобрѣтенную землю назвала Королевствомъ Галиціи и Лодомеріи. (Право не старѣетъ, если кто умѣетъ поддерживать его силою, или хитростію). Русскій народъ называетъ этотъ край Галичиной.

Буковина досталась Австріи отъ Турокъ по трактату 1777 года.

Наконецъ въ 1846 г. Австрія присоединила къ Галиціи Краковскую (съ 1815 г. существовавшую) Республику.

Галичина съ Буковиной лежатъ между 36° и 44° восточной долготы и между 47° и 50½° сѣверной широты, отъ о. Ферро, на сѣверной и сѣверовосточной покатости Карпатъ. Границы ихъ: съ сѣвера и востока Россія, съ запада Пруссія и Австрійская Силезія, съ юга Угрія и Седмиградія, съ югозапада Молдавія.

Сѣверная граничная линія имѣетъ 130—140 м., южная же только 70—80 м. Широта на западной оконечности 8 м., на восточной 12 м., а по серединѣ 30 м.

Площадь, занимаемая Галичиной, содержитъ 1364,6 Австр. □ м. или 1425,78 □ геогр. мили, а площадь, занимаемая Буковиной 181,6 Австр. □ м. или 189,83 □ геогр. м., и того 1546,2 Австр. □ м. или 1615,61 □ геогр. мили.

Изъ этого на долю Галичины приходится:

Пахатной земли	624	□ м. и	2335	саж.
Подъ лѣсомъ, рощей и кустарниками	374	»	4458	»
Подъ лугами	167	»	8356	»
Пастбищъ (толоки и полонины) [16]	130	»	3598	»
Садовъ и огородовъ	11	»	9672	»
Подъ строеніями	6	»	2054	»
Неудобной (торфяники, каменоломни, булыжникъ, песокъ, глинникъ, пустыня, горныя скалы, пруды, болота, рѣки, дороги)	53	»	2054	»
И того	1364	□ м. и	628	саж.

На долю же Буковины приходится:

Подъ лѣсомъ	83	□ м.	1476	саж.
Пахатной	43	»	8041	»
Луговъ	27	»	5266	»
Пастбищъ и полонинъ	21	»	266	»
Садовъ и огородовъ	1	»	2037	»
Виноградниковъ	»	»	123	»
Подъ строеніями	»	»	6499	»
Неудобной земли	»	»	3211	»
И того	181	□ м.	6919	с. [17]

[16] Альпійскія пастбища на вершинахъ Карпатъ.

[17] Administrativ-Karte von den Königreich Galizien und Lodomerien mit dem Gross-

Въ политическо-правительственномъ отношеніи Галичина была раздѣлена на 17 Уѣздовъ (Kreise), изъ которыхъ 5 принадлежитъ къ западной (преимущественно Польской) народности, 12 же къ восточной (или Русской) Галичинѣ. Уѣзды (округи) западной Галичины слѣдующіе: 1, Краковскій, 2, Бохнянскій (съ присоединеніемъ бывшаго Вадовицкаго), 3, Сандецкій (съ присоединеніемъ бывшаго Ясельскаго), 4, Тарновскій и 5, Ряшевскій; въ восточной же Галичинѣ: 6, Львовскій, 7, Перемышльскій, 8, Сяноцкій, 9, Самборскій, 10, Стрыйскій, 11, Станиславовскій, 12, Коломыйскій, 13, Жолковскій, 14, Золочевскій, 15, Бережанскій, 16, Тернопольскій и 17, Чортковскій.

По вычисленію народной переписи 1857 года считалось
въ 17 Уѣздахъ Галичины: 4,632,866 душъ туземц., 143,569 иностр.
Въ Буковинѣ 447,095 » » 22,789 иностр.

Всего въ Галичинѣ и Буковинѣ 5,246,313 душъ.

Въ 1860 г. Галичина была раздѣлена на 74 стана (Bezirke), изъ которыхъ 47 восточной и срединной Галичины заселены преимущественно Русскимъ народомъ, а 27 западной имѣютъ по большей части Польское населеніе (Мазуры и Горалы).

Касательно увеличенія, или уменьшенія, народонаселенія со времени присоединенія провинціи Австріей, имѣются слѣдующія данныя, почерпнутыя изъ правительственныхъ ревизій:

Въ Королевствахъ Галиціи и Лодомеріи жителей обоего пола считалось:

Въ 1785 г.	...	3,277,087	душъ.	Въ 1827	...	4,382,383	душъ.
» 1810	...	3,086,226	»	» 1830	...	4,144,212	»
» 1817	...	3,716,692	»	» 18[illegible]	...	4,175,895	»
» 1818	...	3,760,319	»	» 1834	...	4,038,101	»
» 1819 г.	..	3,817,846	»	» 1837	...	4,204,303	»
» 1820	...	3,893,445	»	» 1840	...	4,384,903	»
» 1821	...	3,969,717	»	» 1843	...	4,538,691	»
» 1822	...	4,035,214	»	» 1846	...	4,734,427	»
» 1823	...	4,079,023	»	» 1851	...	4,555,477	»
» 1824	...	4,148,274	»	» 1857	...	4,597,470	»
» 1825	...	4,226,969	»	» 1864	...	5,102,074	»
» 1826	...	4,317,089	»	» 1869	...	5,418,016	»

herzogthume Krakau u d. Herzogthümern Auschwiz, Zator und Bukovina, von Carl Kummers Ritter von Kummersberg. Wien, 1855, 6. Bl.

При сравненіи цифръ абсолютнаго народонаселенія Галиціи съ 1785 по 1870 годъ слѣдуетъ принять во вниманіе территоріальное пространство до 1817 года и послѣ того. Въ 1785 году Галиціи принадлежалъ Замостьскій Уѣздъ, перешедшій въ 1809 году, къ бывшему Княжеству Варшавскому и послѣ присоединенный къ Царству Польскому; въ цифрѣ населенія Галиціи за 1810 годъ исключенъ Австрійскій Подолъ, который въ 1809 г. былъ уступленъ Россіи и только на Вѣнскомъ Конгрессѣ 1815 г. этотъ Подолъ, т. е., Тернопольскій и Чортковскій Уѣзды, возвращенъ былъ Австріи.[18] Въ 1846 г. Краковская Область присоединена къ Галиціи, и по этой причинѣ ея населеніе въ 1851 г. присчитано къ Галиціи. Сравнивши народонаселеніе Галичины 1869 г. съ 1857 г., видно, что населеніе ея увеличилось въ продолженіи 12 лѣтъ на 820,546 душъ, т. е., въ этотъ періодъ населеніе наросло на 17,8%.

Раздѣливъ Галичину на Восточную (Русскую), состоящую изъ 47 становъ, и Западную (Мазурско-Горальскую), изъ 27 становъ, замѣчаемъ слѣдующую пропорцію народонаселенія:

Въ Восточной Галичинѣ жителей было:		Въ Западной Галичинѣ жителей было:	
1869 г.	3,387,575 д.	1869 г.	2,030,441 д.
1857 г.	2,886,443 д.	1857 г.	1,711,027 д.

Слѣдовательно, населеніе съ 1857 г по 1869 г. увеличилось:
Въ Восточной Галичинѣ на ..... 501,132 д. или 17,2%.
Въ Западной » » ..... 319,414 д. или 18,6%.

По послѣдней ревизіи населенность по станамъ распредѣляется такъ:

---

[18] Въ военно-статистическомъ Сборникѣ. Спб., 1871 г., Вып: IV; ст. 23, ошибочно сказано: «Ю.-вост. Галиція, именно: части округовъ Тарнопольскаго, Злачовскаго, Бржезинскаго и Залещинскаго,» должно быть: весь Тернопольскій и Залещицкій (или Чортковскій) Округи и крошечныя части Золочевскаго и Бережанскаго Округовъ (Уѣздовъ) въ Восточной Галиціи.

ВЪ ВОСТОЧНОЙ (Русской) ГАЛИЧИНѢ

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ.

	Названіе стана.	Содер-житъ ав-стрійск. □ миль.	Муже-скаго по-ла.	Женска-го пола.	Вмѣстѣ.	Приходится на одну □ милю.
1	Бережанскій	19,40	34,506	34,778	69,284	3,570 д.
2	Бирчанскій	15,02	25,665	26,657	52,322	3,483
3	Боберецкій	17,37	27,858	28,703	56,561	3,256
4	Богородчанскій	16,36	25,597	26,295	51,892	3,172
5	Борщовскій.	13,00	36,311	36,351	72,662	5,589
6	Бродскій	32,38	58,313	58,449	116,762	3,606
7	Бучацкій	18,88	41,606	42,114	83,720	4,434
8	Городенскій	14,51	33,419	33,430	66,849	4,607
9	Городецкій	13,70	26,663	27,228	53,891	3,933
10	Гусятынскій	16,92	33,855	34,221	68,076	4,023
11	Долинскій	43,75	35,526	36,062	71,588	1,636
12	Дорогобыцкій	24,65	47,439	48,381	95,820	3,887
13	Жолковскій.	21,67	32,079	33,420	65,499	3,022
14	Залещицкій	14,60	37,188	36,942	74,130	5,077
15	Збаражскій	14,85	25,303	25,893	51,196	3,450
16	Золочевскій.	30,19	52,834	52,879	105,713	3,500
17	Зыдачевскій.	16,00	28,548	29,130	57,678	3,605
18	Калужскій	19,33	31,298	32,225	63,823	3,302
19	Камянецкій	26,44	37,446	37,635	75,081	2,840
20	Коломыйскій.	21,05	48,877	50,482	99,359	4,719
21	Косовскій	35,03	31,011	32,449	63,460	1,811
22	Львовскій	20,36	44,339	45,918	90,257	4,435
23	Лѣскій	32,93	34,802	35,071	69,873	2,122

	Названіе стана.	Содержитъ австрійск. □ миль.	Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Вмѣстѣ.	Приходится на одну □ милю.
24	Мостиский	14,06	29,918	30,651	60,569	4,308 д.
25	Надворнянскій	33,80	27,039	27,701	54,740	1,618
26	Перемышльскій	17,15	42,272	43,532	85,804	5,003
27	Перемышлянскій	16,63	28,360	29,331	57,691	4,469
28	Подгаецкій	15,96	30,511	30,812	61,323	3,842
29	Равскій	24,47	37,465	39,105	76,570	3,129
30	Рогатинскій	19,67	38,537	39,289	77,826	3,956
31	Рудскій	12,93	27,937	28,642	56,579	4,376
32	Самборскій	17,21	40,049	41,210	81,259	4,722
33	Скалатскій	14,47	30,832	31,908	62,740	4,336
34	Снятинскій	10,50	31,786	32,047	63,833	6,079
35	Сокальскій	22,05	34,692	35,307	69,999	3,174
36	Станиславскій	13,65	35,869	36,345	72,214	5,290
37	Староміестскій	13,56	20,898	21,064	41,962	3,094
38	Стрыйскій	32,57	37,034	37,518	74,552	2,290
39	Савоцкій	21,98	38,738	39,874	78,612	3,576
40	Теребовельскій	9,28	20,925	21,525	42,450	4,574
41	Тернопольскій	18,75	45,494	46,612	92,106	4,912
42	Толмацкій	17,78	41,563	41,704	83,267	4,683
43	Турецкій	24,88	26,832	26,765	53,597	2,154
44	Тѣшаковскій	19,87	31,448	32,369	63,817	3,212
45	Чортковскій	10,47	29,490	30,339	59,829	5,714
46	Яворовскій	15,97	30,597	32,061	62,820	3,933
47	Ярославльскій	24,94	44,568	46,243	90,811	3,641
	Городъ Львовъ	0,55	42,295	44,814	87,109	

ВЪ ЗАПАДНОЙ (Мазурско-Польской ГАЛИЧИНѢ).

	Названіе стана.	Содержитъ австрійск. □ миль.	Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Вмѣстѣ.	Приходится на одну □ милю.
1	Березовскій (Бржововъ)..	12,47	30,172	32,448	62,620	5,022 д.
2	Бохнянскій.............	14,11	44,382	46,451	90,833	6,437
3	Бржецкій (Бржеско)......	14,35	40,138	42,663	82,801	5,770
4	Бѣльскій (Бяла).........	11,43	38,912	42,752	81,664	7,144
5	Вадовицкій.............	15,81	42,136	46,380	88,516	5,599
6	Велицкій...............	12,63	45,404	48,614	94,018	7,444
7	Горлицкій..............	15,00	31,790	33,669	65,459	4,364
8	Грибовскій.............	10,34	19,745	21,169	40,914	3,957
9	Дубровскій (Демброва)...	10,77	27,655	28,845	56,500	5,246
10	Живецкій..............	19,33	38,782	41,971	80,753	4,177
11	Кольбушевскій..........	15,22	31,336	32,699	64,035	4,207
12	Краковскій.............	9,23	26,664	28,196	54,860	5,944
13	Кросненскій............	16,49	37,499	40,012	77,511	4,700
14	Ланцутскій.............	19,91	51,169	53,195	104,364	5,242
15	Лимановскій............	16,41	31,031	32,700	63,731	3,884
16	Мелецкій...............	14,56	28,073	29,001	57,074	3,920
17	Мысленицкій............	19,70	37,220	40,994	78,214	3,970
18	Нискій (Ниско).........	17,31	28,141	29,034	57,175	3,303
19	Ново-Сандецкій.........	23,32	48,015	50,700	98,715	4,233
20	Новоторжскій...........	19,57	28,109	29,310	57,419	2,934
21	Пильзненскій...........	14,85	32,466	34,706	67,172	4,524
22	Ретовскій..............	21,61	53,477	56,431	109,908	5,086
23	Ропчицкій..............	13,19	26,907	28,586	55,493	4,207

	Названіе стана.	Содержитъ австрійск. □ миль.	Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Вмѣстѣ.	Приходится на одну □ милю.
24	Тарнобрежскій	16,09	29,023	30,216	59,239	3,681 д.
25	Тарновскій	13,80	43,989	49,298	90,287	6,542
26	Хрѣновскій (Хржановъ)	12,43	32,363	33,811	66,174	5,323
27	Ясельскій	13,67	36,248	38,909	75,157	5,498
	Городъ Краковъ	0,23	23,578	26,257	49,835	
	И того	1364,06	2,660,518	2,757,498	5,418,016	3,972
	Служащіе въ войскѣ		26,673		26,673	
	И того		2,687,191		5,444,689	

Разница населенности между станомъ, имѣющимъ относительно самое большое населеніе, и станомъ съ самымъ меньшимъ количествомъ населенія, весьма значительна. Въ Велицкомъ станѣ на одну □ милю приходится 7444 души, а въ Надворнянскомъ станѣ только 1618 душъ. Вообще, всего гуще населены станы въ Западной Галичинѣ, лежащіе у р. Вислы, въ Восточной же Галичинѣ у р. Днѣстра, около Городенки и Залещикъ (Покутье и Подолъ); всего меньше населены горныя и подгорныя страны (Гуцулы, Верховинцы, Бойки, Лемки и Польскіе Горалы).

Среднимъ числомъ на одну □ милю населенія въ 27 станахъ Западной Галичины приходится 4904, а въ 47 Восточныхъ станахъ только 3,596 д., слѣдовательно, относительная населенность Западной Галичины превышаетъ Восточную на 1308 д. Отсюда происходитъ то, что 36 процентное количество населенія Западной, менѣе плодородной, Галичины, постоянно ищетъ заработковъ на востокѣ, и часто переселяется на лучшую почву Восточной Галичины.

Чтобы нагляднѣе представить пропорцію населенности Галиціи, противупоставимъ здѣсь пространство и населеніе сосѣднихъ съ Галичиной Русскихъ Губерній, въ которыхъ большею частію живетъ тотъ же народъ, что въ Восточной и Западной Галичинѣ.

№	Названіе Губерній.	Содержитъ кв. миль.	НАСЕЛЕНІЕ.			На 1 □ милю приходится жителей.
			Мужескаго пола.	Женскаго пола.	Вмѣстѣ.	
	Въ Россійской Имперіи:					
1	Бессарабская	647,15	544,648	481,698	1,026,346	1,583
2	Подольская	762,84	942,904	925,953	1,868,857	2,449
3	Волынская.	1,295,17	811,874	790,841	1,602,715	1,238 [4]
	И того . . .	2,706,17	2,297,226	2,198,292	4,497,917	1,757
	Въ Царствѣ Польскомъ:					
1	Люблинская......	294,6	419,240	340,343	659,483	2,238
2	Сѣдлецкая	249,2	245,608	358,998	504,606	2,024
3	Радомская.	223,8	242,337	256,515	498,852	2,229
4	Кѣлецкая.	170,4	226,166	244,134	470,300	2,759 [5]
	И того . . .	936,20	1,133,351	1,199,990	2,133,241	2,312

Изъ этой таблицы видно, что населенность Галичины значительно больше прилежащихъ Губерній Россіи и Царства Польскаго. Замѣчательно то, что разница между населеніемъ мужескаго и женскаго пола въ (Русской) Галичинѣ весьма незначительна, тогда какъ въ Западной (Мазурской) Галичинѣ женскій полъ вездѣ превышаетъ мужескій. Та же самая пропорція и въ смежныхъ Губерніяхъ Россіи, въ сравненіи съ Губерніями Царства Польскаго.

Чтобы нагляднѣе представить населенность Восточной и Западной Галичины, распредѣлимъ весь край по населенности становъ на 5 раздѣловъ:

1. Самые населенные станы, въ которыхъ на одну □ милю приходится 6569 ч., слѣдующіе: Краковскій, Велицкій, Бѣльскій, Тар-

[4] Военно-стаститическій Сборникъ. Вып. IV. Россія. С.Петербургъ, 1871 г.
[5] Календарь 1875 г., подъ редакціею Гатцука. Спб., 1875 г.

новскій, Бохнянскій, Бржецкій, Вадовицкій, Хрѣновскій и Дубровскій. Пространство, занимаемое этими 9-ю станами, содержитъ 115 □ м., съ населеніемъ 755,488 жит., т. е., 8% пространства и 13% общаго народонаселенія всей Галиціи.

2. Другіе, менѣе населенные, станы, въ которыхъ на одну □ м. приходится 5053—5006 жителей:

а) Въ Западной Галичинѣ особымъ поясомъ тянутся съ юга на сѣверъ, отъ м. Кросна до Ланцута, слѣдующіе станы: Кросно, Ясло, Березовъ (Бржозовъ), Ретовъ и Ланцутъ, и занимаютъ всѣ 85 □ миль, съ населеніемъ 429,560 душъ.

б) Въ Восточной Галичинѣ въ Приднѣстрянскихъ станахъ: Борщовѣ, Залѣщикахъ, Городенкѣ, Бучачѣ, Толмачѣ, Станиславѣ, Чортковѣ, Снятинѣ и Коломыѣ (т. е., Подолѣ и Покутьѣ), въ которыхъ на 1 □ м. приходится 5006 жит., всего населенія 675,873 ч. на 135 □ миляхъ.

Всѣ менѣе населенные станы занимаютъ 220 □ м. (т. е., 16% всего пространства Галиціи), съ населеніемъ 1,105,423 жит., или 20% населенія всей Галичины.

3. Третьи, еще менѣе населенные, въ которыхъ на одну □ м. среднимъ числомъ приходится 4152—3912 жит.; а) въ Западной Галиціи всѣ горные станы (Горалы): Живецъ, Мысленицы, Новый Торгъ, Лиманова, Новый Сандечъ, Грибовъ и Горлицы, занимающіе 124 □ м. съ населеніемъ 485,205 жит.; также станы, образующіе клинъ между рр. Вислой и Сяномъ: Мелецъ, Тарнобрегъ, Ниско, Кольбутова, Ропчицы и Пильзно, занимающіе 92 □ м. съ населеніемъ 360,188, т. е., 3,915 ж. на 1 □ м. б) Въ Восточной Галичинѣ сѣверовосточные станы: Подгайцы, Теребовль, Гусятинъ, Збаражъ, Скалатъ и Тернополь (Ополье), занимающіе 91 □ м. съ населеніемъ 377,891 ж.; на одну □ милю приходится 4152 жителя. Дальше, срединные повѣты Восточной Галичины отъ г. Ярославля до Рогатина, заключая въ себѣ слѣдующіе станы: Ярославль, Перемышль, Мостиско, Рудки, Самборъ, Дорогобичъ, Львовъ (за исключеніемъ города), Яворовъ, Городокъ, Боберка, Зыдачевъ и Рогатинъ. Всѣ они вмѣстѣ занимаютъ 216 □ м. съ населеніемъ 869,875, среднимъ числомъ на одну □ м. приходится 4,000 жит. Такимъ образомъ пространство ихъ содержитъ 523 □ м. (38% общаго пространства всей Галиціи).

4. Четвертые, еще менѣе населенные, въ которыхъ на одну □ м. приходится 3272—2907 жителей: а) сѣверные станы Восточной Галичины (Полѣсье), а именно: Тѣтановъ, Сокаль, Рава, Жолковъ, Камянка, Броды, Золочевъ, Перемышлянка и Бережаны, всего 214 □ м. съ населеніемъ 700,416 д., т. е., 3272 на 1 □ м. б) Четыре горные и подгорные станы въ югозападномъ углу Восточной Галичины (Лемки), а именно: Сянокъ, Лѣско, Бирча, Старое Мѣсто, занимающіе 84 □ м. съ населеніемъ 242,769 ж. На одну □ м. приходится жителей 2907. Объемъ ихъ составляетъ 21% и 17% населенія всего края.

5. Наконецъ пятые самые малолюдные станы, въ которыхъ на 1 □ м. приходится 2157, находятся въ горныхъ мѣстахъ Восточной Галичины (Бойки и Гуцулы), а именно: Турка, Стрый, Долина, Калужъ, Богородчаны, Надворна и Косовъ. Они занимаютъ 206 □ м. съ населеніемъ 443,492.

Эти самые малолюдные станы составляютъ 15% пространства и 8% населенія всей Галиціи.

Изъ этихъ показаній видно, что въ Восточной Галичинѣ самыхъ населенныхъ становъ съ 6500 ж. на 1 □ м. вовсе нѣтъ, а въ Западной Галичинѣ нѣтъ пространства 4-й и 5-й степеней съ относительной населенностью отъ 3000 до 2000 ж. на 1 □ м. Такимъ образомъ (какъ выше было сказано) Западная Галиція населена гуще Восточной Галичины больше, чѣмъ на 36%.

Принимая во вниманіе то, что въ 1857 г. въ 27 станахъ Западной Галичины считалось среднимъ числомъ на 1 □ м. 4132, а въ 47 станахъ Восточной 3038 ж., мы замѣчаемъ, что приращеніе населенія Западной Галичины въ сравненіи съ 1870 г. увеличилось въ продолженіи 12 лѣтъ на 1% больше, чѣмъ въ Восточной Галичинѣ.

Для лучшаго обозрѣнія и удостовѣренія, въ какомъ размѣрѣ наростало население въ различныхъ краяхъ Галичины, представляемъ, по прежнему раздѣленію края, среднія числа населенія за 1857 и 1870 г., съ выводомъ процентовъ нарощенія черезъ 12 лѣтъ:

	НАЗВАНІЕ УѢЗДОВЪ.	На одну □ милю приходится.		Приращенія населенія среднимъ числомъ.
		Въ 1457 г.	Въ 1870 г.	
1	Въ Краковскомъ.	5,001	6,184	24°/₀
2	» Вадовицкомъ	4,388	4,966	13°/₀
3	» Тарновскомъ	3,988	3,968	24°/₀
4	» Ретовскомъ	3,744	4 378	16°/₀
5	» Сандецкомъ	3,440	4,853	12°/₀
6	» Чортковскомъ	4,231	3,990	17°/₀
7	» Тернопольскомъ	3,839	4,332	12°/₀
8	» Коломыйскомъ	3,577	3,619	1°/₀
9	» Перемышльскомъ	3,421	4,159	21°/₀
10	» Львовскомъ (кромѣ города)	3,390	4,232	24°/₀
11	» Станиславскомъ	3,213	3,442	7°/₀
12	» Бережанскомъ	3 156	3,660	15°/₀
13	» Саноцкомъ	2,920	3,447	18°/₀
14	» Золочевскомъ	2,914	3,352	14°/₀
15	» Самборскомъ	2,844	1,531	24°/₀
16	» Жолковскомъ	2,628	3,132	19°/₀
17	» Стрыйскомъ	2,082	3,397	15°/₀
	Среднимъ числомъ во всей Галичинѣ	3,370	3,972	17°/₀

Изъ этихъ показаній видно, что нарощеніе народонаселенія въ разныхъ краяхъ весьма разнообразно, такъ какъ въ 6. Уѣздахъ, Краковскомъ и Тарновскомъ Западной и Львовскомъ и Самборскомъ Восточной Галичины, въ продолженіи 12 лѣтъ, прибыло среднимъ числомъ 24°/₀, въ Станиславскомъ 7°/₀, а въ Коломыйскомъ только 1°/₀. Въ нѣкоторыхъ станахъ Погорья, а именно въ Косовскомъ (гдѣ Гуцулы) населенность даже уменьшилась.

Если сравнимъ статистическія цифры прежняго періода, то оказывается, что на 1 □ м. приходилось среднимъ числомъ:

Въ 1817 году	....	2,769	жит.
» 1827 »	....	3,265	»
» 1837 »	....	3,132	»
» 1846 »	....	3,527	»
» 1857 »	....	3,370	»
» 1870 »	....	3,972	»

Слѣдовательно, въ продолженіе 52 лѣтъ, населеніе въ Галиціи наросло на 43°/₀, т. е., ежегодно среднимъ числомъ на 8°/₀. [6]

[6] Ludność Galicyi przez Wlad. Rapackieho. Lwów, 1874.—Statistisches Jahrbuch.

Въ 1874 году въ Галичинѣ считалось 88 городовъ, 224 мѣстечка и 5943 сельскихъ общины. [7]

По статистическимъ показаніямъ считается 32,400 дворянъ, 6,200 Духовныхъ, 5,800 чиновниковъ, 1,500,000 мѣщанъ и ремесленниковъ, остальные же земледѣльцы. Галичина доставляетъ Австріи 16 линѣйныхъ полковъ пѣхоты, 2 баталіона стрѣлковъ, 8 полковъ уланъ, 2 полка драгунъ и 1 корпусъ фурштата. [8] Сверхъ того берется извѣстное количество въ артиллерію и др. корпуса. Галиція доставляетъ въ Австрійскую армію около 100,000 солдатъ, а въ случаѣ большей надобности по всеобщей повинности, она могла бы выставить 200,000 воиновъ. В. Рапацкій утверждаетъ, что одни жители Карпатскихъ горъ могли бы поставить 100,000 стрѣлковъ, которые не уступили бы первенства въ искусствѣ ни Тирольскимъ, ни Финляндскимъ стрѣлкамъ. [9]

Уже выше было показано количество □ миль въ итогѣ 1,355,373, или 13,133,165 морговъ (Morgen, Joch), которые раздѣлены между крупными и мелкими землевладѣльцами. Что касается до земельнаго надѣла, то въ этой области замѣтна большая разница между количествомъ земли, находящимся во владѣніи у крупныхъ землевладѣльцевъ (б. помѣщиковъ) и мелкихъ (б. крестьянъ, свободныхъ собственниковъ и мелкой шляхты). До отмѣны барщины и выкупа крестьянскаго надѣла отъ зависимости помѣщиковъ 1848 г., земли въ Галичинѣ раздѣлялись на доминикальныя и рустикальныя (помѣщичьи и крестьянскія Herrschafts und Bauern-Gründe). Съ предоставленіемъ обоимъ сословіямъ своего надѣла, это раздѣленіе осталось и послѣ освобожденія крестьянъ (3го Мая, 1848 г.) подъ названіемъ крупнаго и мелкаго землевладѣнія (Grossgrundbesitz und Kleingrundbesitz).

На основаніи такого раздѣленія въ Галичинѣ, послѣ послѣдняго размежеванія, было:

Wieen.—1874. Schematyzm królewstwa Galicyi i Lodomeryi z wielkim ksiestwem Krakowskim. Lwów, 1874.

[7] Schematyzm królewstwa Galicyi i Lodomeryi za 1874 rok.

[8] H. Stupnicki, Geograficzno statystyczny opis królewstwa Galicyi i Lodomeryi. Lwów, 1864.

[9] Ludnosc Galicyi, przez Władysława Rapackiego. Lwów, 1874.

Пахатной земли	1,610,804	морговъ	въ	крупномъ	землевлад.
	4,690,432	»	»	мелкомъ	»
Луговъ и огородовъ	412,345	»	»	крупномъ	»
	1.054,030	»	»	мелкомъ	»
Пастбищъ	303,834	»	»	крупномъ	»
	1,054,483	»	»	мелкомъ	»
Лѣсовъ	3,660,957	»	»	крупномъ	»
	351,073	»	»	мелкомъ	»

Такимъ образомъ изъ 1000 морговъ пахатной земли приходится:

744 морга на мелкихъ землевладѣльцевъ, а 255 морговъ на крупныхъ.

Изъ 1000 морговъ луговъ и огородовъ:

770 морговъ на мелкихъ землевладѣльцевъ, а 229 морговъ на крупныхъ.

Изъ 1000 морговъ пастбищъ:

776 морговъ на мелкихъ землевладѣльцевъ, а 223 морга на крупныхъ.

Наконецъ изъ 1000 морговъ лѣсовъ только:

95 морговъ на мелкихъ землевладѣльцевъ, а 429 морговъ на крупныхъ.

Вообще изъ 1000 морговъ всей удобной земли приходится:

570 морговъ на мелкихъ землевладѣльцевъ, а 429 морговъ на крупныхъ.

И такъ занимаютъ:

	мелкіе землевл.	крупные землевл.
Пахатной земли............	74,4%	25,5%
Луговъ и огородовъ.........	77,0%	22,9%
Пастбищъ.................	77,0%	22,3%
Лѣсовъ....................	9,5%	90,4%
Всей удобной земли.........	57%	42,9%

Считая во всей Галичинѣ около 6,300 селъ и деревень и приблизительно 5000 помѣщичьихъ участковъ, на одно селеніе среднимъ

числомъ приходится 1,192 морга, а на одинъ барскій участокъ 1176 морга удобной земли.

По показаніямъ послѣдней народной переписи всѣхъ землевладѣльцевъ (мелкихъ и крупныхъ) въ Галичинѣ оказалось 658,426. Вычтя изъ этого числа количество крупныхъ землевладѣльцевъ, окажется, что число мелкихъ землевладѣльцевъ (б. крестьянъ и участковыхъ собственниковъ б. шляхетскихъ селъ) равно 653,637.

Такимъ образомъ на 100 собственниковъ мелкаго землевладѣнія приходится:

Пахатныхъ полей.........	717	морговъ.
Луговъ и огородовъ.......	211	»
Пастбищъ...............	161	»
Лѣсовъ..................	53	»
И того...	1142	морга.

Между тѣмъ какъ на 100 крупныхъ землевладѣльцевъ приходится:

Пахатной земли.....	33,620	морговъ.
Луговъ и огородовъ..	8,610	»
Пастбищъ...........	6,144	»
Лѣсовъ.............	69,314	»
И того...	117,688	морговъ.

Такимъ образомъ на одинъ участокъ крупнаго землевладѣнія приходится во 100 разъ больше земли, чѣмъ на одного мелкаго владѣльца. Мелкое землевладѣніе до того раздроблено, что на одного собственника приходится только 7 морговъ пахатной земли, изъ которыхъ едва $^3/_4$ земли, да и то плохо обработывается. Этимъ статистически доказанымъ даннымъ и объясняется то, что, при относительно плодородной землѣ, Галичина производитъ незначительнае количество хлѣба, и что, въ случаѣ неурожая, тамъ господствуетъ такая ужасная дороговизна, и неумолимый голодъ похищаетъ десятки тысячъ сельскаго народонаселенія. Однако этотъ край, Червонная Русь, назывался когда-то у Польскихъ писателей «землей, текущей медомъ и млекомъ», да и теперь еще, какъ и прежде, эта область должна считаться преимущественно земледѣльческимъ краемъ, такъ какъ 83, 5% народо-

населенія прокармливается доходами отъ земледѣлія.[10] Лѣса и пастбища неравномѣрно распредѣлены, выкупъ пастбищныхъ и лѣсорубныхъ сервитутовъ, по внушенію Гр. Голуховскаго, произведенъ съ вопіющей кривдой бывшимъ крестьянамъ, такъ что существованіе мелкихъ собственниковъ поставлено въ зависимость отъ владѣльцевъ лѣсовъ пастбищъ, и всѣ мелкія сельскія хозяйства доведены до крайняго разоренія. Между тѣмъ какъ крупные землевладѣльцы, получивъ выкупные свидѣтельства (выше подлежащей цѣны зимли), держатъ въ своемъ владѣніи 90% лѣсовъ всего края и въ замѣнъ необходимыхъ въ хозяйствѣ пастбищъ и рубки лѣса мелкихъ собственниковъ столько рабочихъ рукъ, что во многихъ мѣстахъ они почти равняются прежней даровой работѣ барщины.

Буковина составляла прежде особенный Черновецкій Уѣздъ; съ 1848 г. она произведена въ Коронный край подъ именемъ Воеводства (Герцогства) Буковины, съ особеннымъ сеймомъ въ Черновцахъ.

Границы ея: съ сѣвера Чортковскій Уѣздъ, съ запада Коломыйскій, дальше Угрія и Седмиградія, а съ востока Молдавія и Бессарабія.

Буковина раздѣляется въ политическо-административномъ отношеніи на 8 становъ (староствъ, Bezirke), съ мѣстопребываніемъ старостъ (становыхъ) въ Черновцахъ, Радовцахъ, Сочавѣ, Серетѣ, Вышницѣ, Старожинцѣ, Коцманѣ и Кимполунгѣ. Въ судебномъ отношеніи она раздѣлена на 14 Уѣздовъ такъ что, кромѣ выше упомянутыхъ мѣстъ, находятся Уѣздные судьи (Bezirksrichter) въ Заставнѣ, Сады-Гурѣ, Становцахъ, Солкѣ, Гурагоморѣ, Дорнѣ и Путиловѣ (кромѣ Черновецъ).

Въ Буковинѣ считается 7 городовъ, 7 мѣстечекъ и 456 селъ.[11]

Въ религіозномъ отношеніи всего многочисленнѣе народъ Греко-Уніятскаго (такъ называемаго, Русскаго) Вѣроисповѣданія, заселяющій преимущественно восточную Галичину (Русь, Русскіе, Руси-

---

[10] Rapacki, Ludność Galicyi. Lwów, 1874.

[11] Буковинско-Русскій календарь за 1875 годъ, изд. Обществомъ «Русская Бесѣда» въ Черновцахъ.

ны). Они подчинены Львовской Митрополіи и Перемышльской Епископіи.

Со времени крещенія Руси въ Галичинѣ существовала Православная Епископская каѳедра, подчиненная Кіевской митрополіи. Въ XIV вѣкѣ, послѣ разоренія Кіева Татарами и переселенія Митрополита Кіевскаго и всея Руси на Сѣверъ, Галицкіе Князья позаботились объ учрежденіи особой самостоятельной Галицкой Митрополіи, которая, послѣ завоеванія Поляками Червонной Руси, была низведена на степень Епископіи, подчиненной Кіевскому Митрополиту. Съ 1393 г. Галицкая Епископія была упразднена и Епархіей управляли Намѣстники Кіевскаго Митрополита. Только въ 1540 г. въ Православные Галицкіе Епископы былъ посвященъ Макарій Тучапскій, которому слѣдовалъ рядъ Епископовъ Православныхъ до конца XVII вѣка. Въ 1700 г. Епископъ Іосифъ Шумлянскій, принявъ Унію, явно подчинилъ свою Епархію Папѣ Римскому.

Въ 1806 году, послѣ смерти послѣдняго Кіевскаго Уніятскаго Митрополита, Ѳеодосія Ростоцкаго, Австрійскимъ Правительствомъ Львовскій Епископъ возведенъ въ достоинство Митрополита, съ подчиненіемъ ему Епископской Перемышльской Епархіи. Съ этого времени Львовской Святитель именуется Митрополитомъ Галицкимъ, Архіепископомъ Львовскимъ и Епископомъ Каменца Подольскаго. Его Епархія состоитъ изъ Уѣздовъ: Львовскаго, Золочевскаго, Тернопольскаго, Чортковскаго, Бережанскаго, Стрыйскаго, Станиславскаго, Коломыйскаго и Буковины, и занимаетъ $808\,^{8}/_{10}$ □ миль, изъ которыхъ на долю Галичины приходится $627\,^{4}/_{10}$, а на Буковину $181\,^{4}/_{10}$ □ м. Богослуженіе совершается на Церковно-Славянскомъ языкѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ церквей въ Буковинѣ, гдѣ служатъ на Церковно-Славянскомъ и Румынскомъ языкахъ, Львовская Епархія раздѣляется на 49 Благочиній (Намѣстничествъ, Деканствъ), въ которыхъ считается 1944 церкви, при нихъ 1298 приходскихъ мѣстъ и 1343 мірскихъ Священника. Въ 8-ми мужскихъ монастыряхъ живутъ 30 Іеромонаховъ и 9 послушниковъ; въ одномъ женскомъ монастырѣ 6 монахинь и 1 послушница. Въ 1872 г. число народа Греко-Уніятскаго Вѣроисповѣданія было 1,515,688 душъ. [12] Въ 1874 г. только 1,492, 686, т. е., 23,002 меньше прежняго.

---

[12] См. Schematismus universi cleri archidioeceseos Metropolitanae Leopoliensis pro

Перемышльская Греко-Уніятская Епархія существуетъ безъ всякаго сомнѣнія, также со времени крещенія Руси. Православные Епископы Перемышльскіе слѣдовали одинъ за другимъ до 1691 г., когда Епископъ, Иннокентій Винницкій, совращенный въ Унію, подчинился, вмѣстѣ съ Епархіей, Папѣ. Эта Епархія состоитъ изъ Перемышльскаго, Жолковскаго, Самборскаго, Сяноцкаго, Сандецкаго, Ряшевскаго и Тарновскаго Уѣздовъ, имѣющихъ 467 ½ □ миль. Перемышльскіе Епископы носятъ титулъ Епископа Перемышльскаго, Самборскаго и Сяноцкаго. Епархія раздѣлена на 40 Благочиній (Деканствъ), въ которыхъ считается 754 приходскихъ мѣстъ (Настоятелей и викарныхъ Священниковъ) и 1284 церкви; при нихъ 734 мірскихъ Священника, а въ 6-ти мужскихъ монастыряхъ живетъ 28 монаховъ и въ одномъ женскомъ монастырѣ 6 монахинь. Въ Перемышльской Епархіи считалось въ 1873 году 842,144 души Греко-Уніятскаго Исповѣданія Русскихъ).[13]

Второе мѣсто по Вѣроисповѣданію въ Галачинѣ занимаютъ Римо-Католики, преобладающіе числомъ въ западныхъ Уѣздахъ (они Польскаго происхожденія, и Горалы).

Римо-Католики подчиняются Львовскому Архіепископу и тремъ Епископамъ, проживающимъ въ Перемышлѣ, Тарновѣ и Краковѣ.

Католическое Архіепископство учреждено послѣ завоеванія Галиціи Поляками въ 1361 г., сначала въ Галичѣ, а въ 1411 г. перенесено въ Львовъ. Теперь ихъ Архіепархія состоитъ, кромѣ Уѣздовъ Русской Митрополіи, еще изъ Жолковскаго Уѣзда, т. е., занимаетъ 898 ⁴⁄₁₀ □ м. Епархія раздѣлена на 25 Деканствъ, въ которыхъ существуетъ 263 костела, 244 приходскихъ мѣста и 376 ксендзовъ. Въ 26-ти мужскихъ кляшторахъ, разбросанныхъ по всему краю, содержится 152 монаха разныхъ Орденовъ, 35 клириковъ и 60 послушниковъ. Въ 15 женскихъ кляшторахъ находится 175 монашествующихъ лицъ. Число Католиковъ въ Львовской Архіепархіи въ 1872 г.

---

anno Domini 1872. Leopoli, e typogr. instituti Stauropigiani, pag. 234. — Schemat. etc. 1874.

[13] См. Schematyzm Królewstwa Galicyi i Lodomeryi na rok 1874. Lwów. — Схиматизмъ всего клира обряда Греческо-Русскаго Епархіи Перемышльской. Въ Перемышлѣ, 1874.

554,387 душъ, изъ которыхъ на Галицкіе Уѣзды приходится 502,916 душъ, а 51,471 д. на Буковину. [14]

Премышльская Католическая Епархія учреждена въ 1375 году и занимаетъ тѣ же Уѣзды, какъ и Русская или Греко-Уніятская, кромѣ Жолковскаго, Тарновскаго и Сандецкаго, т. е., протягивается на 410 □ м., Епархія раздѣлена на 26 Деканствъ; въ нихъ считается 299 костеловъ, 441 приходское мѣсто и 469 мірскихъ ксендзовъ. Въ 23 кляшторахъ мужскихъ содержится 104 монаха, 61 клирикъ и 58 послушниковъ; въ 9-ти женскихъ кляшторахъ 66 монахинь. Вообще число Римо-Католиковъ Премышльской Епархіи въ 1874 было 767,998 д., Уніятовъ (Русскихъ) 848,472 д., и Евреевъ 111,766 д. [15]

Римо-Католическое Тарновское Епископство новаго учрежденія; оно распространяетъ власть на Уѣзды: Тарновскій, Сандецкій, Вадовицкій и часть Краковскаго, т. е., бывшій Бохнянскій Уѣздъ; занимаетъ $394^2/_3$ □ мили. Епархія раздѣлена на 26 Деканствъ, въ коромыхъ находится 341 костелъ; при нихъ 330 приходскихъ мѣстъ и 533 мірскихъ ксендза. Въ 9ти мужскихъ кляшторахъ живетъ 60 монаховъ; въ 2хъ женскихъ 64 монахини. Число душъ Тарновской Епархіи 1,076,257.

Учрежденіе Краковскаго Римо-Католическаго Епископства относятъ къ 966 г. Князь Мечиславъ I, перекрестившись изъ Православія въ Католичество, назначилъ въ этомъ году Краковскимъ Епископомъ Прохора. Прежняя Епархія Краковская занимала въ Галиціи земли до м. Мушины, всю Тарновскую и часть Перемышльской Латинской Епархіи и распространялась по лѣвой сторонѣ Вислы на Воеводства: Краковское, Сандомирское, Люблинское и даже часть нынѣшней Прусской Силезіи. Къ нынѣшней Краковской Епархіи причисляется большая часть въ Царствѣ Польскомъ, управляемая Викаріемъ, который живетъ въ Кѣльцахъ. Меньшая часть въ Австрійскомъ

---

[14] Католическіе Іерархи Львовскіе именовались издревле, по обычаю Римской Церкви, Архіепископами. Въ новѣйшее время они присвоили себѣ титулъ Митрополитовъ, свойственный только Греческой Церкви, который abusus въ 1860 году утвержденъ Папою Піемъ IX и остался законнымъ.

[15] Schematismus cleri dioecesani ritus latini Premisliensis pro anno 1874. Jaslo, typis L. D. Stöger.

Великомъ Княжествѣ Краковскомъ и б. Бохнянскомъ Уѣздѣ; объемъ ея 65⁴/₈ □ м., раздѣлена на 5 Деканствъ, въ которыхъ находится 75 костеловъ; при нихъ 43 прихода и 134 мірскихъ ксендза. Въ 16ти кляшторахъ мужскихъ содержится 219 монаховъ, а въ 13 женскихъ 341 монахиня. [16] Въ Краковской Епархіи насчитываютъ около 100,000 Римо-Католическихъ душъ.

Армянско-Католическое Вѣроисповѣданіе состоитъ подъ управленіемъ Львовскаго Армянскаго Архіепископа. Армяне, по большей части купеческаго сословія, поселились въ Галичинѣ еще во время правленія Русскихъ Князей. До первой половины XVII вѣка они были Православными и имѣли своего Епископа во Львовѣ.

Въ 1626 г. Епископъ ихъ, Николай Торосовичъ, подчинился власти Папы, который возвелъ его каѳедру въ Архіепископію. Богослуженіе совершается частью на Армянскомъ, частью же на Польскомъ (!) языкѣ. Армянская Епархія занимаетъ восточные Уѣзды Галичины и Буковину. Однако въ ней теперь считается только 10 приходскихъ церквей, съ 19 Священниками и съ 2984 д., изъ которыхъ 882 души приходятся на Буковину. Кромѣ того, въ Галичинѣ находится 126 д., а въ Буковинѣ 882 д., и того 954 д. Православныхъ Армянъ, неподчиненныхъ Папѣ, которые имѣютъ своихъ церковныхъ Настоятелей въ г. Сучавѣ. Богослуженіе у нихъ на Армянскомъ языкѣ.

Православное (Греко-Восточное) Вѣроисповѣданіе сохранилось только въ Буковинѣ, гдѣ его можно назвать главнымъ и господствующимъ. Буковинская Епархія учреждена еще въ началѣ XV столѣтія Молдавскимъ Воеводой, Александромъ I Добрымъ, первоначально въ городѣ Радовцахъ (Radautz), почти современно съ Митрополіей Сочавской, въ то время, когда Галицкая Епископія (или Митрополія) упразднена Польскимъ Правительствомъ.

Въ 1630 году Сочавскій Митрополитъ перенесъ свою столицу въ Яссы, между тѣмъ какъ пребываніе Буковинскихъ Епископовъ осталось въ Радовцахъ и только послѣ занятія Буковины Австріей въ 1784 г. столица Епископа переведена изъ Радовецъ въ главный го-

[16] Szematyzm Królewstwa Galicyi i Lodomeryi z Wielkiem Księstwem Krakowskim, na rok 1872, Lwów.

родъ Черновцы, отъ чего Епископы приняли также титулъ Радовецкихъ Епископовъ.

До присоединенія Буковины Австріей, Епископы имѣли богатые фонды; имъ принадлежали имѣнія: Радовцы, Кацмань, Ламковка, Суховерховъ, Кливотинъ, Давыдовцы (Davudemme) и Рогозна. Всѣ эти имѣнія въ 1786 г. Австрія присоединила къ казенному имуществу, и, учредивъ Буковинскій религіозный фондъ, распоряжается имъ по своему усмотрѣнію въ пользу Православныхъ, но также и въ пользу Католиковъ и Уніятовъ.

Въ 1873 г. Буковинская Епископія возведена въ степень Архіепископіи и Митрополіи Буковинской и Далматинской, и Митрополиту подчинены два Православныхъ Епископа въ Далмаціи (!). Епархіяльная власть Митрополита распространяется собственно на Православныхъ въ Буковинѣ и Галичинѣ. Черновецкая Архіепархія раздѣлена на 12 Благочиній (Протопресвитерствъ), въ которыхъ въ 1874 году находилось 285 церквей; при нихъ 286 приходскихъ мѣстъ и 269 мірскихъ Священниковъ; въ 3хъ мужскихъ монастыряхъ, въ Путнѣ, Сучавицѣ и Драгомирнѣ, 34 монаха и послушника.[17] Богослуженіе совершается отчасти на Румынскомъ, отчасти на Церковно-Славянскомъ, языкѣ. Въ Буковинской Епархіи, по новѣйшимъ показаніямъ, считается 407,949 душъ Православныхъ. Въ Галиціи существуетъ толька одна приходская церковь, во Львовѣ, съ однимъ приходскимъ Священникомъ, который служитъ обѣдню на Церковно-Славянскомъ и Румынскомъ языкахъ. Въ своемъ приходѣ онъ считаетъ, кромѣ военныхъ, только 60 душъ (?).

Въ Буковинѣ существуетъ нѣсколько поселеній (Великороссовъ) раскольниковъ, Поповцевъ и Безпоповцевъ. Первые имѣютъ даже своего (мнимаго) Митрополита и одинъ монастырь. Число раскольниковъ, (Филиповановъ или Пилипоновъ) полагаютъ въ 3000 душъ.[18]

---

[17] См. Schematismus der Bukowinaer griechisch orientalischen Erzdiözese. Czernowitz, 1874.

[18] Dr. A. Ficher, Bevölkerung der österreichischen Monarchie. Gotha, 1860.

Въ Буковинско-Русскомъ календарѣ за 1875 годъ, изданномъ въ Черновцахъ, раскольниковъ показано 2929 душъ.

Протестанская Церковь состоитъ подъ управленіемъ Львовскаго Суперъ-Интендента для Галичины и Буковины, которому подчинены 4 Сеніората и 26 приходскихъ мѣстъ—22 для Аугсбургскаго и 4 для Гельветскаго Исповѣданія.

Протестантовъ въ Галичинѣ считается 37,125 д., а въ Буковинѣ 11,394 д., и того 48,519 душъ.

Богослуженіе у нихъ вездѣ на Нѣмецкомъ языкѣ, только въ трехъ мѣстностяхъ въ Буковинѣ на Мадьярскомъ языкѣ для поселившихся тамъ Мадьяръ. Къ Протестанскому Вѣроисповѣданію принадлежатъ по большей части Нѣмцы-поселенцы, за тѣмъ чиновники, ремесленники, купцы и пр. Въ 80 годахъ прошлаго столѣтія, во время царствованія Императора Іосифа II, въ разныхъ Уѣздахъ Галичины и Буковины поселилось 2827 Нѣмецкихъ семействъ, состоящихъ изъ 12,475 душъ, которымъ отведено было 154,000 морговъ земли и на ихъ обзаведеніе Правительство расходовало 2,575,561 гульденовъ серебромъ. Потомки этихъ поселенцевъ составляютъ большую часть Протестантскаго населенія въ краѣ.

Еврейское Вѣроисповѣданія раздѣляется на Талмудистовъ и Караимовъ. Евреи Талмудисты пришли изъ Германіи и, покровительствуемые Королемъ Казимиромъ Великимъ и др. Польскими Королями, поселились въ городахъ Галицкой земли. Они имѣютъ теперь одного Старшаго Раввина въ Краковѣ и 28 Раввиновъ.

Всѣхъ Евреевъ Талмудистовъ	въ Галичинѣ.	575,433 д.
	въ Буковинѣ.	47,772 д.
	И того	623,105 д.

Караимы переселились изъ Крыма еще во время Князей Русскихъ въ XIII и XIV столѣтіяхъ въ г. Галичъ и живутъ еще до сихъ поръ. Тутъ они имѣютъ своего Раввина и свою молельню. Караимовъ считается не больше 250 душъ, живущихъ въ Галичѣ и его окрестностяхъ.

Изъ этого перечня видно, что въ Галичинѣ всего больше исповѣдывающихъ Греко-Уніятскую (Русскіе), Римско-Католическую (Поляки) и Еврейскую (Жиды) религію.

По послѣдней переписи народонаселеніе Галичины по Вѣроисповѣданіямъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Греко-Уніятскаго.		Римско-Католическаго.		Евреевъ.		Протестантовъ.	Другихъ исповѣд.
	Число населенія	%	Число населенія	%	Число населенія	%	Число населенія	Число населен
Въ 47 Уѣздахъ восточной Галичины..........	2,230,121	65,8	702,158	20,7	424,684	12,5		
Въ 27 Уѣздахъ западной Галичины..........	81,788	4	1,788,141	88	150,749	7,5		
И того...	2,311,909		2,490,299		575,433		37,125	3,200

Среднимъ числомъ въ 1857 и 1870 гг. въ Галичинѣ процентовъ населенія было:

По вѣроисповѣданіямъ.	Въ 1857 г.	Въ 1870 г.
Греко-Уніатовъ..........	44%	42%
Римско-Католическаго..........	44%	45%
Евреевъ..........	9%	10,7%
Протестантовъ..........	0,6%	0,6%

Слѣдовательно, въ продолженіи 12 лѣтъ въ Галиціи Уніятское населеніе, по отношенію къ общей суммѣ жителей, уменьшилось на 2%; напротивъ того Римо-Католическое увеличилось на 1%, а Еврейское на 1,3%; Протестантское же осталось по прежнему. [19]

Относительно вѣроисповѣданія смежныя съ Галиціей Губерніи Россіи представляютъ намъ слѣдующія цифры, которыя выставляемъ здѣсь для сравненія. [20]

[19] Rapacki, Ludność Galicyi. Lwów, 1874.

[20] Военно-Статистическій Сборникъ. Вып. IV. Россія. Спб., 1871, стр. 100 и слѣд. Касательно численности населенія Люблинской Губ. (на стр. 102—103) цифры показаны невѣрно. Сосчитавъ показанныя тамъ цифры населенія по

ГУБЕРНІИ.	Православнаго.		Раскольниковъ.		Римо-Католич.		Евреевъ.		Протестантовъ.		Др. испов.
	Число об. пола.	%	Число об. п.	%	Число об. п.	%	Число об. п.	%	Число об. п.	%	Число об. п.
Бессарабская. .	885,032	86	10,091	0,98	5,514	0,54	93,590	9,12	29,737	2,90	2,382
Подольская. . .	1,391,830	75,79	10,218	0,56	227,130	12,37	205,165	11,17	1,996	0,11	43
Волынская . . .	1,190,074	76,4	3,611	0,23	163,084	10,47	194,803	12,50	5,874	0,38	2,50
Люблинская. . .	3,144	0,30	134	0,01	665,176	62,50	156,858	14,74	876	0,83	
	уніатс. и 119,413	9,0									
	122,857										

Б) Угорщина, Угрія (Венгрія).

На южномъ склонѣ Карпатскихъ горъ находится Угорское Королевство или Угрія (Венгрія). Это Королевство основано въ 899—907 гг., на развалинахъ Славянскихъ Княжествъ въ древней Панноніи, завоеванныхъ Мадьярами или Уграми, кочевавшими до этого времени въ степяхъ южной России до нижняго Прута и Дуная, и увеличилось, съ теченіемъ времени, сосѣдними Славянскими землями. Площадь Угорскаго Королевства (за исключеніемъ присоединенныхъ областей) считается въ 3727,67 Австр. или 3896 $^{33}/_{1000}$ геогр. □ мили.

Изъ 35,869,300 Австрійскихъ морговъ удобной земли считается 30,115,894 морга; изъ этого:

вѣроисповѣданіямъ, итогъ народонаселенія выходитъ 1,064,624 д. Сумма, очевидно, преувеличена, принимая въ соображеніе, что на стр. 37 того же изданія въ Люблинской Губ. показано обоего пола только 619,284, а въ 1867 г. считалось только 504,606 Гатцука Календарь за 1875 г. Ошибка произошла, вѣроятно, отъ того, что тамъ показано 230,050 д. Армяно-Григоріянцевъ, которыхъ въ этой Губ. вовсе нѣтъ; во вторыхъ, число Римо-Католиковъ преувеличено до суммы 665,176, такъ какъ по отчетамъ начальника той Губерніи и Варшавскаго Оберъ-Полицiймейстера въ 1868 г. Католиковъ только 442,519 д. (Зап. Русск. Геогр. Общ. Спб., 1871 г. т. IV, стр. 171). Вѣроятно, въ выше показанную цифру включены и Греко-Уніаты, которыхъ считается по Епархіяльнымъ докладамъ 119,413 д. обоего пола (Холмск. календарь, Варш. 1875). Вычтя эту цифру изъ 665,176, получится 545,763, т. е., приблизительно вѣрное число Католиковъ, въ Люблинской Губерніи.

Пахатной земли.............	12,175,840	морговъ.
Виноградниковъ....	484,865	»
Подъ лугами и огородами.....	4,177,070	»
Подъ пастбищами............	4,176,917	»
Неудобной же земли.........	5,753,436	»

Всего народонаселенія въ Угріи считалось (въ 1865 году) 10,814.206 душъ обоего пола, [21] т. е., 2901 душа на 1 □ Австрійск. милю. Угрія рѣками раздѣляется на 4 области: 1, Преддунайскую, 2, Задунайскую (Верхняя Угрія), 3, Предтисскую, и 4, Затисскую (Нижняя Угрія), которыя кромѣ того, раздѣлены на 46 столицъ (комитатовъ, Gespannchaften) и 4 уѣзда (Distrienten). Русскій народъ живетъ въ Угріи только въ сѣверовосточныхъ столицахъ (комитатахъ) Предтисской и Затисской областей, а именно: въ Спишской, Шаришской, Абауйварской, Торнянской; Гемерской, Боршодской, Земненской, Ужгородской или Ужанской, Бережской, Угоской, Марамороцской, Сатмарской и Саболцкой столицахъ.

Объемъ и общее народонаселеніе этихъ столицъ Д-ръ Фрикеръ [22] высчитываетъ слѣдующимъ образомъ:

1. Спишская столица...	67,15	□ м.	159,905	ж.	2381	на	1	□ м.
2. Шаришская	69,16	»	146,333	»	2114	»		»
3. Абауйварская и Торнянская	60,28	»	149,951	»	2487	»		»
4. Гемерская.........	73,28	»	159,008	»	2156	»		»
5. Боршодская.........	64,13	»	174,429	»	2720	»		»
6. Земненская........	112,44	»	245,269	»	2181	»		»
7. Ужанская	55,18	»	98,607	»	1787	»		»
8. Бережско-Угоцкая .	89,03	»	184,424	»	2071	»		»
9 Марамороцская	189,07	»	284,472	»	976	»		»
10. Сатмарская	107,34	»	249,000	»	2320	»		»
11. Саболцкая.........	55,18	»	146,248	»	2650	»		»
И того..	937,041	□ м.	1,897,846	ж.	2167 $^{6}/_{11}$	на	1	□ м.

[21] Naučny Slovnik. V Praze, 1872, т. IV, стр. 712.

[22] См. Bevölkerung der österreichischen Monarchie in ihren wichtigsten Momenten statistisch dargestellt von Dr. A. Ficher, k. k. Ministerialsekretär. Gotha, Justus Perthes. 1860.

Изъ этого обозрѣнія видно, что восточныя столицы (или комитаты) менѣе многолюдны, чѣмъ западныя: такъ, на пр., въ Шаришской на 1 □ милѣ 2114 д., а въ Земненской 2181 д., между тѣмъ какъ въ Ужгородской 1787 д., а Мараморошской только 976 душъ. Эта послѣдняя самая малолюдная изъ всей Угорской земли.

Въ религіозномъ отношеніи въ области, занимаемой Угорскими Русскими, находятся двѣ Греко-Уніятскія Епархіи, Мукачевская и Пряшевская, которымъ и подчинено все Русское населеніе страны. Учрежденіе Мукачевской Епархіи не опредѣлено въ преданіяхъ древнѣйшихъ временъ; вѣроятно, она существовала до нашествія Мадьяръ, со времени крещенія Паннонскихъ Славянъ Св. Кирилломъ и Меѳодіемъ. Послѣ своего крещенія или собственно перекрещенія [33] въ Латинство, Король Степанъ учреждалъ и возобновлялъ Епископіи въ разныхъ мѣстахъ своего Государства, но не назначилъ ни одного Епископа на сѣверо-востокѣ Угріи. Тамъ, безъ сомнѣнія, существовало первоначальное Православіе съ своимъ духовнымъ іерархомъ. Впрочемъ, по увѣренію Анонима Белы Нотарія, эта земля не принадлежала въ то время Мадьярскому Государству, а причислялась къ Руси и владѣніямъ Владимира Великаго.

Въ XIV столѣтіи Князь Литовско-Русскій Ѳедоръ Коріятовичъ переселился съ многочисленнымъ народомъ за Карпаты (1339 г.) и, получивъ въ удѣлъ отъ Короля Карла Роберта Мукачевское Княжество, основалъ на Чернецкой горѣ (mons Csernck), въ Мукачевѣ

---

[33] Алексѣй Гораній, ссылаясь на Кедрена и Зонара, пишетъ, что около 940 г. два Угорскихъ вождя, Булча и Дюля, крестились въ Константинополѣ, и тамошній Патріархъ, Ѳеофилактъ, назначилъ Епископомъ Іероѳея для Угровъ (Мадьяръ). Греческіе проповѣдники, пришедшіе съ Іероѳеемъ въ Угорскую землю, обратили многихъ въ Христіянство, между прочимъ и Шарлоту, дочь Семиградскаго Воеводы Дюля, которая послѣ обратила въ Христіянство своего мужа, Гейзу, Стефанова отца. Этотъ послѣдній владѣтель былъ крещенъ и воспитанъ въ Греческой Вѣрѣ, но послѣ женитьбы на Баварской Княжнѣ Гизелѣ, онъ ввелъ Латинскую вѣру. (Comment. de s. reg. Hungar. corona, стр. 36). «Ritum Graecum Hungaria a Hierotheo acceperunt, ritus vero latinus inductus est ab illis, qui cum Gisela, uxore Stephani, ex Germania in Hungariam venerunt.» Впрочемъ, есть слѣды, что и первая жена Гейвы была Русская Княжна, Православная, извѣстная подъименемъ Бѣлой Княгини. А. Балудянскій, Церковная исторія, 3е изд. въ Віеннѣ, 1852 г., стр. 190.

монастырь, Настоятель котораго былъ вмѣстѣ и Епископомъ. Православіе между Русскимъ народомъ сохранялось до половины XVII столѣтія; только въ 1649 г. Епископъ Петръ Парѳеній, послѣ ужасныхъ гоненій, перенесенныхъ его предшественникомъ, принужденъ былъ принять Унію, и подтвердилъ это письменно съ 400 Священниками, хотя народъ еще долго не хотѣлъ подчиниться Папамъ. Въ слѣдствіе принятія Уніи, Мукачевскій Епископъ подчиненъ былъ Ягерскому (Эрлаускому) Латинскому Архіепископу, и только въ 1771 г. Русскія Епархіи получили свою самостоятельность, но Русскій народъ все таки принужденъ былъ давать десятую часть (съ полей и виноградниковъ) не своимъ, а Римо-Католическимъ, Епископамъ.

Теперешняя Греко-Уніятская (Русская) Мукачевская Епархія занимаетъ сѣверо-восточныя столицы (комитаты) и раздѣляется на 7 Архидіяконствъ, называемыхъ по столицамъ: 1, Бережскимъ, 2, Мараморошскимъ, (3, Саболцкимъ, 4, Сатмарскимъ, 5, Угоцкимъ, 6, Ужскимъ (Ужгородскимъ), и 7, Земненскимъ, (который занимаетъ только часть комитата). Эти Архидіяконства до 1856 были раздѣлены на 44 Благочинія (Дистрикта), которыя распредѣлены слѣдующимъ образомъ: въ Бережскомъ 8, въ Мараморошскомъ 10, въ Саболцкомъ 5, въ Сатмарскомъ 2, въ Угоцкомъ 3, въ Ужскомъ 8 и въ Земненскомъ 8 благочиній. [24] Въ нихъ считается 399 приходскихъ мѣстъ, 456 церквей и при нихъ 376 мірскихъ Священниковъ. Въ 5 мужскимъ монастыряхъ было 39 монаховъ и послушниковъ. Въ Мукачевской Епархіи въ 1853 г., душъ обоего пола считалось 462,625 д. [25] Изъ этого исключивши:

Румынъ....	105,000	душъ
Мадьяръ ...	40,000	»
И того...	145,000	душъ

находилось до 1856 года въ Мукачевской Епархіи Русской народности 317,625 душъ.

[24] Schematismus cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Munkacsiensis pro anno Domini 1872. Unghoarini.

[25] См. Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioeceseos Munkacsiensis pro anno 1853. Cassoviae. Въ 1856 году, по причинѣ большой смертности,

Въ 1856 г. (7 Сентября) новоучрежденной Уніятской Епархіи Самошъ-Уйварской въ Седмиградіи уступлены слѣдующія, почти исключительно Румынами заселенныя, Благочинія и части ихъ: I. Мароморошскаго Архидіяконства: а) Благочиніе Изское 15,007 душъ, б) Кассовское 14,483 д. (цѣликомъ), в) изъ Сиготскаго благочинія 9,740 д. (изъ всего количества 14,173 д., д) изъ Вышеевскаго 13,077 д. (изъ всего количества 17,638 д.); II. Угоцкаго Архидіяконства: е) изъ Турченскаго Благочинія 7,686 д. (изъ всего количества 12,275 д.); III. Сатмарскаго Архидіяконства: ж) Аватское Благочиніе 14,162 д., з) Вышне-Банское 7,696 д., и) Велико-Банское 8,235 д., і) Синье-Варальское 8,023 д. (цѣликомъ), и к) изъ Сатмарскаго Благочинія 7,005 д. (изъ общаго количества 13,067 д.).

И такъ отъ Мукачевской Епархіи отдѣлено 94 прихода съ 105,114 д. Румынскаго народа и присоединено къ Самошъ-Уйварской Епархіи. По этому счету изъ выше приведеннаго числа народонаселенія Греко-Уніятскаго Вѣроисповѣданія въ Мукачевской Епархіи слѣдуетъ еще вычесть Румынъ и Мадьяръ, а именно:

1. Села Велико-Каловскаго Благочинія, въ которыхъ говорятъ исключительно по Мадьярски.	4,000	душъ.
2. Села Саболцкой столицы, въ которыхъ $^2/_3$ Мадьяръ (на долю послѣднихъ)............	10,000	»
3. Села Сатмарской столицы, гдѣ $^1/_3$ Мадьяръ въ перемѣшку съ Румынами и Русскими...	4,000	»
4. Села, въ которыхъ $^1/_3$ Мадьяръ съ большинствомъ Русскихъ........................	20,000	»
5. Села, въ которыхъ Мадьяры на половину перемѣшаны съ Румынами..............	2,000	»
И того Греко-Уніатовъ Мадьярской и Румынской народности........................	40,000	душъ.
Отшедшихъ къ Самотъ-Уйварской Епархіи Румынскихъ Уніатовъ........................	105,114	душъ.
И того иноязычныхъ...	145,114	душъ.

въ 1855 и 1856 гг., происходившей отъ голода и холеры, считалось только 451,273 д., т. е., 11,352 душами меньше.

И такъ, изъ выше приведенной суммы народонаселенія, вычтя Греко-Уніятовъ въ Мукачевской Епархіи	462,625	душъ.
иноязычныхъ	145,114	»
однихъ Русскихъ остается	317,511	душъ

т. е., почти та же сумма, какая показана въ прежнемъ нашемъ исчисленіи (317,511 душъ).

По спискамъ Епархіяльныхъ властей въ Мукачевской Епархіи въ 1872 г. находилось 376 приходскихъ селъ съ 1069 приписными селами и деревнями, всего 421,775 душъ обоего пола.

Пряшевская Епархія, это новоучрежденная. Въ 1816 г. Императоръ и Король Францъ I приказалъ отдѣлить западныя столицы отъ обширной Мукачевской Епархіи и учредить особую Греко-Уніятскую Епархію, которая въ 1818 г., была основана. Однако эта Епархія, точно также какъ и Мукачевская, подчинена титуломъ ставропигіи (?!) Латинскому Остригомскому (Гранскому) Архіепископу. Пряшевская Епархія занимаетъ: 1, Абауйварскую (21 приходъ), 2, Боршодскую (11 приходовъ), 3, Гемерскую (2 прихода), 4, Шаришскую (73 прихода), 5, Спижскую (18 приходовъ), 6, Торнянскую (3 прихода) и 7) часть Земненской столицы (59 приходовъ). Она раздѣляется на 5 Архидіяконствъ, которые раздѣлены на 7 Благочиній (districtus), и въ нихъ считается 188 приходскихъ мѣстъ, 303 церкви; при нихъ 207 мірскихъ Священниковъ. Въ 2 мужскихъ монастыряхъ 9 монаховъ и послушниковъ. Во всей Пряшевской Епархіи въ 1855 году считалось 149,675 душъ обоего пола. [26] Въ 1870 г., по показаніямъ Епархіяльныхъ отчетовъ, въ Пряшевской Епархіи считалось въ 187 приходскихъ и 1228 приписныхъ селахъ и деревняхъ, всего 154,625 душъ.

Въ Пряшевской Епархіи 32 прихода (въ Абауйварскомъ и Боршодскомъ Архидіяконствахъ), въ которыхъ народъ одинаково употреб-

---

[26] См. Schematismus venerabilis cleri ritus graeci dioecesis Eperiessiensis pro anno 1855. Eperiessini. Въ Шематизмѣ за 1857 г. считалось только 138,479 д., т. е., 11,196 душами меньше, въ слѣдствіе холеры и голода 1856 года. Schemat. cleri r. gr. dioec. Eperiess. pro anno 1870. Cassoviae.

ляетъ и свое Славяно-Русское нарѣчіе и Мадьярскій языкъ, но причисляется къ Мадьярской народности. На этомъ основаніи, вычтя изъ суммы . . . . 154,625 д.

на долю Мадьяръ приходится . . . . 8,350 д.

а на долю Русскихъ приходится . . . . 146,275 д.

Кромѣ того въ Велико-Варадской Уніятской Епархіи (Саболцкой, Чанадской и Бигарской столицахъ) въ двухъ селахъ издавна въ употребленіи только Русскій языкъ; 3 прихода учреждены 1740—1752 г. нарочно для Русскихъ (pro parte Ruthenorum), въ 3хъ же живутъ Русскіе въ перемѣжку съ Румынами и Мадьярами. Такимъ образомъ въ Велико-Варадской Епархіи Русскихъ круглымъ числомъ можно считать 5000 душъ.

Наконецъ слѣдуетъ прибавить, что въ Бачской столицѣ (бывшей Сербской Воеводовинѣ) находится 2 села Русскихъ поселенцевъ, которые, вышедши въ концѣ XVIII. столѣтія изъ Земненской столицы, поселились въ этихъ южныхъ странахъ среди Сербовъ и основали двѣ Русскія деревни, Керестуръ и Куцуру, сохранивъ свою народность и до сихъ поръ. Эти Русскіе были сначала во власти Колоцкаго Латинскаго Епископа, но такъ какъ они показывали отвращеніе къ Латинству и чаще посѣщали Сербскія церкви, то Правительство подчинило ихъ Крижевецкому Греко-Унитскому Епископу въ Хорватіи. [27] Въ 1874 г. въ приходѣ Керестурскомъ считалось

. . . . 4,961 душа

въ приходѣ Куцурскомъ. . . . . 2,699 »

И того въ Бачкѣ Русскихъ. . . 7,660 душъ.

Въ Керестурѣ, при церкви Св. Николая, есть два Священника и содержится народная Русская школа, въ которой обучается 491 чел. дѣтей. Въ Куцурѣ есть также приходская церковь Успенія Пресв. Богородицы, при коей церкви два Священника и народная школа, тоже въ ней обучается 406 чел. дѣтей. Эти два прихода, отдаленные не на малое пространство отъ Епархіи, многочисленнѣе всѣхъ приходовъ крошечной Крижевецкой Епархіи, въ которой есть приходы, состоящіе изъ 38 86 душъ, и въ которой всего считается: въ Хорватіи

[27] Балудянскій А. Исторія Церковная. Во Віеннѣ, 1852 г., стр. 328.

11, въ Далмаціи 4, въ Славоніи, Банатѣ и Бачкѣ 6, и того 21 Уніятскій приходъ съ 17 церквами, и всего только 16,626 д. обоего пола.[8] Однако Правительство поддерживаетъ эти приходы для пріобрѣтенія отщепенцевъ среди сплошныхъ массъ Православныхъ Сербовъ. Богослуженіе у всѣхъ на Церковно-Славянскомъ языкѣ.

Такимъ образомъ выходитъ, что Русскихъ въ Угріи и присоединенныхъ земляхъ находится:

Въ Мукачевской Епархіи........	317,625	душъ.
» Пряшевской.................	146,275	»
» Велико-Варадской............	5,000	»
» Крижевецкой................	7,660	»
И того....	476,560	душъ.

Въ краѣ, занимаемомъ по преимуществу Русскими, живутъ также Католики и Протестанты по народности, Словаки, Нѣмцы и Мадьяры, за тѣмъ Кальвины (Протестантовъ Гельветскаго исповѣданія), по большей части Мадьяры, Нѣмцы и наконецъ Евреи. Католики въ духовномъ отношеніи подчинены Римо-Католическимъ Епископамъ въ Сатмарѣ, Кошицахъ (Kaschau) и др. Протестанты же подчинены Суперъ-Интендентамъ.

Сатмарская Римо-Католическая Епархія занимаетъ Сатмарскую, Мараморошскую, Угоцкую, Бережскую и Ужгородскую столицы. По докладамъ мѣстной Епархіяльной власти въ Сатмарской Римо-Католической діецезіи въ 1870 г. находилось 79 приходскихъ мѣстъ и 91 костелъ; при нихъ 116 мірскихъ ксендзовъ, и Римо-Католическаго населенія 106,057 душъ обоего пола. Въ 7 кляшторахъ содержалось 63 монаха.

Въ той же діецезіи другихъ вѣроисповѣданій считалось:

Греко-Уніятовъ.............	439,272	д.
Православныхъ..............	43	»
Протестантовъ Аугсбург. исп.	2,559	»
» Гельветич. »	145,580	»
Евреевъ.......	55,168	»

---

[8] См. Schematismus venerabilis cleri graeci ritus catholicorum dioecesis Crisiensis pro anno 1859. Zagrabiae.

Для показанія увеличенія и уменьшенія числа различныхъ Вѣроисповѣданій, представляемъ таблицу населенія Сатмарской діецезіи:

	Римо-католическ. приходовъ.	Душъ обоего пола.					
		Греко-Уніятовъ	Православныхъ	Римо-католиковъ.	Протестантовъ. Аугсбург. исповѣд.	Протестантовъ. Гельвет. исповѣд.	Евреевъ.
Въ 1831 г.	73	352,099	49	78,329	1,514	152,253	26,292
Въ 1835 г.	76	360,353	38	80,926	1,680	140,421	26,532
Въ 1870 г.	79	439,272	43	106,047	2,559	145,580	65,168

Кошицкая Католическая діецезія занимаетъ Абауйварскій, Шаришскій и Земненскій комитаты. Въ 1871 г. въ ней насчитывалось 449 костеловъ; при нихъ 294 мірскихъ ксендза и 294,268 д. Католиковъ. Въ 12 кляшторахъ мужескихъ и женскихъ содержалось 98 монаховъ и монахинь.

Кромѣ того въ этой діецезіи другихъ Вѣроисповѣданій находилось:

Греко-Уніятовъ	151,024	д.
Православныхъ	55	»
Протест. Аугсбург. Исповѣд.	27,522	»
» Гельвет. »	85,097	»
и Евреевъ	55,223	»

Для сравненія увеличенія и уменьшенія числа разныхъ Вѣроисповѣданій, за недостаткомъ другихъ источниковъ, можетъ послужить эта таблица.

Въ Кошицкой (Kaschauer) Римо-Католической діецезіи было:

	Римо-католическ. приходовъ.	Душъ обоего пола.					
		Греко-Уніятовъ	Православныхъ	Римо-Католиковъ.	Протестантовъ. Аугсбур. Исповѣд.	Протестантовъ. Гельвет. Исповѣд.	Евреевъ.
Въ 1839 г. .	191	130,000	2,53	284,042	29,910	90,128	28,768
Въ 1871 г. .	197	151,024	55	294,268	27,522	85,097	55,223

Изъ этихъ перечней видно, что число Католиковъ и Евреевъ значительно увеличивается, а число Православныхъ и Протестантовъ уменьшается. [29]

Наконецъ сложимъ итоги всѣхъ жителей Русской народности въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угріи, и получимъ слѣдующую сумму:

Въ Львовской Епархіи (1872 г.)...........	1,515,688 душъ.
» Перемышльской..........................	819,675 »
Итого въ Галичинѣ и Буков. (Уніятовъ)..	2,335,363 души.

Въ Мукачевской Епархіи....	317,625 душъ.
» Пряшевской............	146,275 »
» Велико-Варадской......	5,000 »
» Крижевецкой...........	7,660 »
Итого въ Угріи (Уніятовъ).	476,560 душъ.

Въ Черновецкой Епархіи (Правосл.)....	208,000 душъ.
Раскольниковъ Русскихъ..............	3,000 »

Сумма народонаселенія Русской народности въ Австріи..............................	3,022,723 души.

Распредѣленіе народонаселенія по происхожденію и народности представляетъ неимовѣрныя затрудненія. Ни границы населенія, ни число народа, не дадутъ никакимъ образомъ обозначиться со всею точностію. Въ этомъ отношеніи всѣ этнографы и статистики находятъ непреодолимыя трудности. Самъ Баронъ Чернигъ жалуется, что, при всѣхъ своихъ усиліяхъ и средствахъ, онъ не былъ въ состояніи одолѣть эти трудности. Даже Правительственные органы иногда не давали ему совершенно вѣрнаго исчисленія. [30] Въ самомъ дѣлѣ, Чиновники, увлекаясь Польскимъ и Мадьярскимъ патріотизмомъ, или Католическимъ фанатизмомъ, очень часто, въ своихъ офиціяльныхъ

[29] См. Schematismus almae dioecesis Szathmariensis ad annum 1870 Szathmarini.— Schematismus venerabilis cleri dioecesis Cassoviensis ad annum Jesu Christi 1871. Cassoviae.

[30] K. Czörnig, Ethnographie des österreichischen Kaiserthums. Wien, 1855, т. I, стр. VII.

показаніяхъ, уменьшаютъ число Русскихъ. Зная по опыту невѣрность статистическихъ показаній Правительственныхъ органовъ на счетъ Русскаго населенія, мы опираемся на наши собственныя наблюденія и соображенія и придерживаемся болѣе точныхъ показаній духовныхъ вѣдомствъ. Они кажутся намъ болѣе вѣрными. У каждаго приходскаго Священника находятся, кромѣ метрическихъ книгъ, списки всѣхъ живущихъ въ приходѣ душъ (Status animarum), которые при всякой надобности, пополняются и исправляются и изъ которыхъ Священники представляютъ въ свои Консисторіи ежегодные отчеты. Въ Угорскихъ Епархіяхъ показывается при каждомъ приходѣ и языкъ, употребляемый народомъ въ извѣстной мѣстности, т. е., обозначено на какомъ языкѣ Священникъ говоритъ проповѣди, обучаетъ дѣтей и обращается къ своимъ прихожанамъ. Это самый лучшій осколокъ народности. Что касается Галичины, то можно положительно утверждать, что почти всѣ Уніяты по происхожденію Русскіе. Напротивъ того, можно дѣломъ доказать, что многіе природные Руссы въ Галичинѣ и въ Угріи, въ разныя времена перешедши въ Католичество, стали причисляться къ Польской, или Мадьярской, народности. Если этихъ отщепенцевъ вычесть изъ числа Поляковъ, Мадьяръ и Румынъ, то общее количество Русскихъ (по происхожденію) увеличится болѣе чѣмъ на 400,000; такимъ образомъ народонаселенія Русскаго въ Австріи было бы $3\frac{1}{2}$ милліона, а можетъ быть и 4 милліона.

III.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I. Галичина.

Изъ эпохи классической древности мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ извѣстій о населеніи Карпатскаго погорья и прилежащихъ странъ. Этнологія была у древнихъ Грековъ и Римлянъ въ большомъ пренебреженіи; сказанія ихъ писателей о чужихъ странахъ и населяющихъ оныя народахъ весьма сбивчивы, запутаны и неточны. Отецъ исторіи, Геродотъ, пишетъ, что р. Днѣстръ вытекаетъ изъ большаго озера, которое находится на границѣ Скиѳіи и земли Невровъ. [1] Онъ же помѣщаетъ гдѣ-то на притокахъ горнаго Днѣстра народъ, называемый Гализонами, въ названіи которыхъ иные смѣлые ученые хотятъ находить прототипъ Галича и Галичанъ (?) Отъ другихъ писателей древности мы узнаемъ, что во время Александра Македонскаго, гдѣ-то у источниковъ Днѣстра, жили Бастарны и Певкины, народы Кельтскаго, или Нѣмецкаго, племени, занимая: первые, восточную, вторые западную часть покатости Карпатскаго погорья, На югѣ Карпатъ, у источниковъ Тисы, обитали Агатирсы. Во время Императора Августа Бастарны двинулись въ западные Карпаты, Певкины отступили къ сѣверу, а на югѣ отъ Бастарновъ Сарматское племя Языговъ заняло равнины между Дунаемъ и Тисою. Сверхъ того, издревле жилъ въ Карпатскихъ горахъ народъ Карпіоны или Карпы, отъ которыхъ будто бы происходитъ и названіе Карпатъ. Однако же, по дошедшимъ до насъ даннымъ, нельзя опредѣлить, кто были именно эти Гализоны, Невры, Бастарны, Певкины, Карпіоны, Языги, Бессы, Даки и другіе предполагаемые обитатели Карпатскаго погорья и прилежащихъ странъ.

Не менѣе сбивчивы и запутаны отрывочныя показанія древнѣй-

---

[1] Herodot., Parisiis, 1858, l. IV, cap. 51, стр. 198.

шихъ средневѣковыхъ хронографовъ о народахъ восточной Европы, въ особенности Прикарпатскихъ странъ. Трудно опредѣлить, на сколько во время, такъ называемаго, великаго переселенія народовъ были затронуты Карпатскія горы шествіемъ Готовъ, Гепидовъ, Гунновъ, Аваровъ и другихъ народовъ, и сколько слѣдовъ они оставили въ населеніи прилежащихъ земаль. Послѣ передвиженія Нѣмецкихъ племенъ на западъ и югъ, въ исторіи являются Славяне, сначала подъ именемъ Венетовъ и Антовъ, а послѣ подъ именемъ Славянъ. На сѣверной сторонѣ Карпатъ уже съ пятаго столѣтія упоминается о народѣ, называемомъ Хорватами, и о землѣ ихъ, Бѣлой или Великой Хорватіи, въ которой Константинъ Багрянородный полагаетъ область, называемую туземцами Бойки. Опредѣляя заселеніе восточной Европы, Несторъ даетъ намъ положительныя свѣдѣнія о населеніи Прикарпатскаго края Славянами: онъ находитъ въ этихъ земляхъ тѣхъ же Хорватовъ. Такимъ образомъ, хотя и нельзя съ достовѣрностью доказать, къ какому именно племени принадлежали въ древности первые обитатели Прикарпатскихъ земель, но поселенія Славянъ въ нихъ столь древни, что ихъ можно считать первобытными жителями края. Всѣ мѣстныя названія Карпатскаго погорья и близлежащихъ странъ вполнѣ Славянскія (Русскія). Всѣ заселенныя мѣста, рѣки и горы, ручьи и холмы, ключи и естественныя урочища, поля и луга, словомъ, все дышетъ и звучитъ чистымъ Славянствомъ. Изрѣдка можно найти названіе, указывающее на временное преобладаніе чуждыхъ племенъ.

Впрочемъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что съ древнѣйшихъ временъ разныя племена, въ передвиженіи своемъ съ востока на западъ, останавливались у сѣвернаго подножья Карпатъ, а разбитые въ междоусобныхъ браняхъ остатки народовъ спасались и находили удобный пріютъ въ Карпатскихъ ущельяхъ. Соляные источники, столь изобильно бьющіе на сѣверномъ склонѣ этихъ горъ, въ нынѣшней Галичинѣ, и безъ труда доставлявшіе соль, вѣроятно, еще съ давнихъ временъ привлекали къ себѣ жителей, которые, поселившись здѣсь, дорожили этимъ даромъ природы, одинаково необходимымъ для дикаго кочевника и для болѣе образованнаго земледѣльца и торговца. Безъ всякаго сомнѣнія, въ этой странѣ пребывали въ древнее время и Чудскія, и Кельтскія, и Нѣмецкія племена, и всѣ они оставили послѣ себя слѣды своего прежняго быта. До сихъ поръ возвышаются по всей Под-

карпатской странѣ многочисленные курганы и насыпи, скрывая внутри себя еще не изслѣдованные памятники старины. [2] Но во всякомъ случаѣ это было въ столь отдаленное время, что въ этническомъ отношеніи никакихъ слѣдовъ не осталось ни въ жизни, ни въ быту, ни въ типѣ, ни въ одеждѣ, ни въ языкѣ, ни даже въ преданіяхъ нынѣшняго населенія.

Со времени образованія Славянскихъ Государствъ, Великоморавскаго, Польскаго и Русскаго, Карпатское погорье уже постоянно занято было Славянскимъ народонаселеніемъ, которому не помѣшалъ во владѣніи землей ни переходъ Угровъ или Мадьяръ возлѣ Кіева (884 г.), ни послѣдовавшее за тѣмъ завоеваніе ими Великоморавскаго Княжества (899—907 гг.). Съ этой поры въ Карпатскихъ горахъ соприкасались политическія границы трехъ Государствъ—Польши, Угріи и Руси, но народъ Славянскій занималъ свои прежнія поселенія. Онъ долженъ былъ уступить кочевникамъ Мадьярамъ только Притисскія и Придунайскія степи. [3] Впрочемъ, есть доказательства, что

---

[2] Объ изслѣдованіи памятниковъ Русской Старины, сохранившихся въ Галичинѣ и Буковинѣ. Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. 1869, т. I, стр. 219.

[3] Въ сказаніяхъ Угорскихъ лѣтописцевъ, Анонима Нотарія Белы и Симона Кезы, основанныхъ на мѣстныхъ преданіяхъ, находятся намеки на дорогу, куда впервые пробралась толпа завоевателей Мадьяръ въ Угрію. Анонимъ говоритъ, что Князь Галицкій далъ Únграмъ 2,000 лучниковъ и 3,000 мужиковъ, которые показывали имъ дорогу чрезъ Говошскій лѣсъ до перехода на рѣку Хунгъ: «Duo millia sagitarum et tria millia rusticorum anteire praecepit, qui eis per silvam Hovos viam praepararent.» Anonym., Gesta Hungarorum). Это описаніе можно скорѣе отнести къ нашествію Батыя, которому Намѣстникъ Князя Даніила, Димитрій, далъ спутниковъ въ походѣ на Угрію. Хвастливый Мадьяръ приписалъ ту же честь Арпаду и его дружинѣ. Подъ именемъ «silva Hovos» можно подразумѣвать мѣстность Гошевъ, откуда происходитъ многочисленная Галицко-Русская шляхта—Гошовскіе. Названія Hovos (Говошъ) нѣтъ въ Галичинѣ; оно, очевидно, звучитъ по Мадьярски, но всѣмъ извѣстны въ Стрыйскомъ Уѣздѣ Гошовскій лѣсъ и Гошовская утесистая гора надъ р. Свѣчей, на которой до сихъ поръ стоитъ Гошовскій Преображенскій монастырь. Не менѣе замѣчательно выраженіе Симона Кезы (Sim. de Kesa Gesta Hunnorum et Hungarorum): «Arpadum gente sua Ruthenorum alpes prior perforavit», т. е., Арпадъ съ своимъ народомъ первый прошелъ ущелья Русскихъ полонинъ (горъ). Слѣдовательно, въ XIII столѣтіи Угры называли Карпаты

первоначальныя границы этихъ Государствъ не были на самомъ хребтѣ Карпатъ, а у южной подошвы Карпатскаго погорья. Безыменный Нотарій Короля Белы пишетъ, что Король Стефанъ заключилъ договоръ съ владѣтелемъ Польскимъ на счетъ границъ, проводя линію отъ города Острохолма (Слав. Ostrihom, Лат. Strigonium, Нѣм. Gran) и Ягра (Erlau) къ р. Тисѣ, послѣ по р. Теплѣ къ городу Слану (Soóvár) возлѣ Пряшева, и здѣсь они положили границы между Мадьярщиной Польшей и Русью.[4]

И такъ, можно положительно сказать, что вся Подкарпатская страна и Карпатское погорье заселены были съ доисторическихъ временъ племенами Славянскими. Отсюда, вѣроятно, вышли (610—641 гг.) Сербы и Хорваты, а, можетъ быть, и Чехи, и заселили нынѣ занимаемыя ими земли; здѣсь полагалъ еще Несторъ Хорватовъ, а въ сосѣдствѣ съ ними—другія Славянскія племена: Бужанъ, Дулѣбовъ, Древлянъ, Тиверцевъ, Угличей. Съ самого основанія Русскаго Государства владѣли всею этою землею Русскіе Князья Рюриковя дома: они завели здѣсь Русское управленіе и Русскій гражданскій бытъ. Уже въ XI столѣтіи власть Ростиславичей утвардилась на Карпатскомъ погорьѣ до того, что одинъ изъ нихъ, Василько Теребовльскій, могъ носиться съ мыслью завоевать Польшу и мечталъ о дальнихъ походахъ и войнахъ съ Дунайскими Болгарами и о побѣдахъ надъ Половцами: «Реку» (говорилъ Василько) брату своему, Володареви и Давыду: дайта ми дружину свою молодшюю, а сама пійта и весели-

---

Русскими горами (Alpes Ruthenorum), а Русскіе писатели, на оборотъ,—горами Угорскими.

[4] «Stephanus ad avunculum suum Mieszkonem (должно быть: Boleslaum), ducem Poloniae, transmisit rogans ipsum, ut in terminis Poloniae et Hungariae conveniret,—ante Strigoniam venit in terminis Poloniae et Hungariae tentoria fixit, deinde Magriensem civitatem (Agria, Erlau) nam termini Polonorum ad litus Danubii ad civitatem Strigoniensem terminabantur. Deinde Magriensem (rum. in Agriensem) civitatem ibant in fluvium, qui Tissia nominatur, cadentes juxta fluvium, qui Cepla (Topla) nuncupatur usque ad castrum Salis (Soóvár), ibique inter Hungaros, Ruthenos et Polonos fines dabant.» (Anonymus Belae regis, notarius). Слѣдовательно, современникъ Короля Стефана (997—1038), Владимиръ Великій, занялъ у Ляховъ не только Червенскіе города (какъ пишетъ Несторъ), но всю Закарпатскую страну по м. Солоную (Slana, Soóvár, Salzburg, castrum Salis), рѣку Теплу (притокъ Ондавы) и Тису. Такимъ образомъ, на основаніи сказанія Безыменнаго нынѣшняя Угорская Русь можетъ считаться достояніемъ Владимира Святаго.

тася; и помыслихъ на землю Лядьскую, на зиму и на лѣто, и возму землю Лядьскую, и мьщю Русьскую землю; и по семъ хотѣлъ есмь переяти Болгары Дунайскыѣ и посадити я у собе; и по семъ хотѣлъ проситися у Святополка и у Володимера ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русьскую землю... Но за мое възнесеніе низложи мя Богъ и смири.»[5] Несчастное ослѣпленіе Василька воспрепятствовало ему исполнить эти высокомѣрные планы богатырской души; но слова, столь искренно исповѣданныя Василькомъ, живописно представляютъ, въ какомъ цвѣтущемъ состояніи находилась въ то время Подкарпатская Русь, и какъ сильно было Государство Василька, когда онъ считалъ возможнымъ, безъ помощи другихъ Князей, совершить столь важныя дѣла.

Въ то время, когда въ нынѣшней средней Россіи жили еще инородцы, среди которыхъ только что водворялась Русская жизнь, въ Перемышлѣ, Ярославлѣ, Теребовлѣ, Галичѣ, Бельзѣ, Бужскѣ, Звенигородѣ и другихъ городахъ[6] давно уже кипѣла Русская жизнь процвѣтала Русская гражданственность и развивалась Русская образованность.

Здѣсь, по сказаніямъ лѣтописей, прославились имена знаменитыхъ въ исторіи: Володаря, Владимірка и Василька; здѣсь было главное поприще дѣятельности Романа, Даніила, Льва. Здѣсь, въ Галицкомъ замкѣ, высоко сидѣлъ Ярославъ Осмомыслъ на своемъ златокованномъ столѣ, подперши своими желѣзными полками горы Угорскія (до сихъ поръ виднѣющіяся изъ развалинъ Галицкой крѣпости); отсюда онъ затворялъ врата Дунаю, суды рядилъ до Дуная и стрѣлялъ съ отня злата стола Салтаны за землями.[7] Здѣсь Романъ Мстиславичъ принималъ Греческаго Императора и съ гордою осанкой указывалъ Папскимъ Посламъ на свой мечъ при бедрѣ, которымъ онъ побѣждалъ своихъ враговъ.

---

[5] Лѣтопись по Лаврентьевск. списку. Спб. 1872, стр. 256.

[6] Извѣстно, что города Сѣверо-Восточной Руси: Владимиръ, Перемышль, Галичъ, Ярославль, Звенигородъ и др., названы въ память нашихъ южныхъ (Галицкихъ) городовъ, какъ обыкновенно въ колоніяхъ поселенцами даются имена первоначальнаго ихъ отечества.

[7] Слово о полку Игоревѣ.

Отсюда, наконецъ, выплыло, вдоль по Днѣстру, на тысячѣ лодьяхъ, Русское воинство, столь храбро сражавшееся, вмѣстѣ съ своимъ юнымъ Княземъ, Даніиломъ Романовичемъ, въ несчастной битвѣ при Калкѣ. [8] Отсюда же выступилъ тотъ же Князь Даніилъ съ своими блестящими полками на помощь Угорскому Королю Белѣ IV, выѣзжая на своей красивой лошади, по обычаю Русскому, въ золотой збруѣ, которой удивлялись Нѣмцы, и самъ Король приходилъ въ восторгъ отъ того, что Даніилъ явился во всемъ блескѣ обычаемъ Русскимъ отцевъ своихъ; [9] словомъ, здѣсь была вполнѣ разцвѣтшая жизнь могущественнаго Русскаго Государства. И до сихъ поръ остались Галицко-Русскіе города и мѣстечка (хотя, впрочемъ, въ измѣненномъ видѣ), и большая часть мѣстностей и рѣкъ, упоминаемыхъ въ лѣтописяхъ, сохранила, по преданію вѣрнаго своей народности люда, Старо-Русскія названія. [10]

За исключеніемъ нашествія Батыя, передъ несмѣтными полчищами котораго народъ опрометью бѣжалъ изъ разоренныхъ странъ, тѣснясь въ горы и за Бескидъ, [11] а также исключивъ раззорительные походы Ногая и Телебуги въ Угрію и Польшу, [12] до половины XIV столѣтія не замѣчаемъ никакого передвиженія племенъ или большаго переселенія народа въ Прикарпатскихъ краяхъ, кромѣ незначительныхъ поселеній военноплѣнныхъ, или добровольныхъ колоній.

Нашествіе Татаръ въ Галицкую Русь и разореніе ими всей Прикарпатской страны нанесли, однако, глубокую рану народному быту Русскому, и эти раззоренія были тѣмъ губительнѣе, что повторялись періодически почти до новѣйшихъ временъ. Въ народныхъ

---

[8] Объ изслѣдованіи памятниковъ Русской старины, сохранившихся въ Галичинѣ и Буковинѣ, стр. 7.

[9] «Данило приде къ нему (Королю), исполчи вся вои своѣ... бѣша бо кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ, и люде во ярицѣхъ, и бѣ полковъ его свѣтлость велика, отъ оружья блистающа. Самъ же (Даніилъ) ѣха подлѣ Короля, по обычаю Русску: бѣ бо конь подъ нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло злата жьжена, и стрѣлы, и сабля златомъ украшена.» Полное собраніе Русскихъ лѣтописей, II, стр. 187.

[10] Объ изслѣд. пам. Русск. старины, стр. 8.

[11] Ипат. лѣт., стр. 178.

[12] Тамъ же, стр. 211 и 214.

пѣсняхъ остались воспоминанія объ этихъ нападеніяхъ Татаръ и Турокъ.

Послѣ смерти Галицкаго Князя, Юрія II Львовича, и послѣ прекращенія Княжескаго рода по прямой линіи, Галицкій престолъ занялъ Мазовецкій Князь, Болеславъ Тройденовичъ, сынъ Маріи, старшей сестры Юрія. Крещеный и воспитанный своею матерью въ Православіи, и только въ 1329 г. совращенный въ Католичество, Болеславъ круто обращался съ Русью и дѣлалъ насилія ихъ Православной Вѣрѣ; по этой причинѣ онъ и былъ отравленъ, по сказаніямъ Поляковъ, и умеръ отъ яда. Въ слѣдъ за тѣмъ Король Польскій, Казимиръ, подъ предлогомъ родства съ Княземъ Русскимъ и по праву сильнѣйшаго, завладѣлъ землей. Такимъ образомъ въ первой половинѣ XIV вѣка кончилась самостоятельность Галицко-Русскаго Княжества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и политическая исторія самостоятельной Галицкой Руси. Едва Казимиръ успѣлъ занять Галичину, какъ загорѣлась жестокая борьба между Польшей и Литвой, Князья которой, на основаніи родства съ Русскими Князьями, домогались Червонной Руси, Полѣсья, Волыни и Подола (Любартъ-Димитрій-Гедиминовичъ, будучи женатъ на Галицкой Княжнѣ, дочери Юрья II, былъ ближайшимъ наслѣдникомъ). Литовцы, въ соединеніи съ Татарами, опустошали нынѣшнюю Восточную Галицію по рр. Сянъ и Днѣстръ. Послѣ смерти Казимира (1370 г.), во время владѣнія Князя Владимира Опольскаго (по 1379 г.), Людовика Угорскаго и его дочери, Маріи (по 1386 г.), продолжалась та же борьба за Русскія земли между Польшей и Литовскими Князьями, которые, принадлежа къ Православному Вѣроисповѣданію и питая наклонность въ Русской народности, всегда находили сочувствіе и поддержку къ Галицкой Руси. Послѣ женитьбы Ягайла-Владислава и соединенія Польши и Литвы унялась на время война, но вскорѣ братья Ягайловы, особенно Свидригайло, поддерживая желанія Литвы и Руси отрѣшиться отъ Польши, началъ новую войну съ Короной. Свидригайлу помогали Татары и Русь въ Галичинѣ, Волыни и Подолѣ. Между тѣмъ (1432 г.) Поляки успѣли превратить бывшее Галицко-Русское Княжество въ Польскую область, назвавъ ее Воеводствомъ Русскимъ или Червонною Русью (Russia Rubra). Когда же Турки взяли крѣпости Килію и Бѣлгородъ (Аккерманъ), а Крымскіе Татары (1475 г.) отдались въ ихъ покровительство, тогда нападенія Турокъ и Татаръ стали повторяться еще

чаще, губя несчастную страну, которая доведена была до крайняго обѣдненія. [13]

Русь терпѣла, впрочемъ, не только отъ нападеній Татаръ, Турокъ и другихъ непріятелей, но въ разнузданной Польшѣ собравшееся посполитое рушенье (ополченіе) не рѣдко бросалось на спокойныхъ жителей и грабило страну не хуже непріятеля, какъ это сознаютъ самые Польскіе историки. [14] Бывало, покуда соберется Польское войско, Татары давно ушли съ плѣнниками и добычей. По причинѣ этого нерадѣнія о земляхъ Русскихъ, приписываемаго Королю, послѣ нападеній Татарскихъ, безнаказанно опустошавшихъ Подолъ и Галичину въ 1448, 1450, 1457, 1469 и 1474 годахъ, эта Польская неурядица надоѣла всѣмъ до того, что представители Русскаго Дворянства, не смотря на обѣщанныя шляхетскія свободы, угрожали избрать себѣ другого Государя. [15]

Съ самаго начала Польскіе Короли обѣщали соблюдать права Руси, но они никогда не сдерживали своего слова. Казимиръ Великій обѣщалъ не стѣснять Православнаго вѣроисповѣданія, но уже въ 1370 году, въ грамотѣ своей къ Патріарху Цареградскому, угрожалъ крестить Русь въ Латинство. [16] Въ слѣдствіе постановленія на сеймѣ

---

[13] «Casus fuit et ridiculosus onerosusque terrarum Russiae ad meditulia Poloniae ingressus. Pluribus enim hebdomadis in locis variis Podoliae stativa habentes proprios turbabant et devorabant.» Длугошъ, кн. XIII, стр. 531, 532.

[14] «Tatari, praeda apud Taurica deposita, mense Julio iterum immani excursione easdem regiones divexerant. Quibus incommodis et conditiis hominum res motus, nobilitati omni polona arma sumere et apud Sandomiriam celeriter sibi praesto jussa. ipse Cracovia relicta eodem sese contulit. Dum aegre moliuntur conveniunt nostri hostes praeda onusti ad sua se recepere. Quo cognito nostri quoque dilapsi sunt. cum non multo minore, quam hostes, damno et incommodo Sandomiriensem tractum affecissent, praeter quod abigendis tamen et trucidandis hominibus abstinuere.» Кромеръ, кн. XIII, стр. 439.

[15] «Regio Podoliae et Russiae, justa forsitan efferrens rabie, ut niteretur sibi de alio principe provideri, videntes se non solum ope, sed omni spe destitutos.» Длугошъ подъ 1475 годомъ, кн. XIII, стр. 532. Не знаемъ, на какомъ основаніи Г. Кулишъ пишетъ, что въ продолженіи 30 лѣтъ существовалъ мирный союзъ Татаръ съ Польшей, и что въ XV столѣтіи имъ воевать было не за что. См. Вѣстникъ Европы 1874 г., Мартъ, стр. 19.

[16] Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana, edid. Jos. Müller et Fr. Miklosich. Vindobonae, 1860, t. I, стр. 577, 578.

въ Корчинѣ 1456 г., Казимиръ Ягайловецъ издалъ особыя привилегіи для Воеводствъ Русскаго и Подольскаго, а въ 1462 г. и для Белзскаго, но этими привилегіями могли пользоваться только Католики (то есть, пришельцы Поляки да совращенные Русскіе), такъ какъ еще Ягайло-Владиславъ исключилъ изъ шляхетскихъ привилегій Православную Русь. По этой причинѣ знатныя и доходныя достоинства Воеводъ, Каштеляновъ, Старостъ, Войтовъ (Бургомистровъ) раздаваемы были исключительно Католикамъ, и они же имѣли голосъ и верхъ на сеймахъ и въ Королевскомъ Сенатѣ. Русскіе Князья, Бояре, Дворяне, всегда и вездѣ были оскорбляемы. Русское духовенство (popones ruthenicales) должно было платить, наравнѣ съ другими жителями (не шляхтой), налоги (fertones), и то съ души, а не съ земли, какъ другія податныя сословія, между тѣмъ какъ Римо-Католическое духовенство освобождено было отъ государственныхъ налоговъ, за исключеніемъ подымнаго (съ своихъ подданыхъ). [17]

Совращенные въ Католичество Бояре Кердеевичи, Ходоровскіе, Мошенчичи, Цебровскіе, Клюсы и др., строили на Русской землѣ костелы и кляшторы для Католиковъ, и надѣляли ихъ богатыми фондами, а свои церкви и монастыри предоставляли нищетѣ и разоренію. Сверхъ того, Польскіе помѣщики облагали Русское духовенство тяжкими налогами, присвоивали себѣ юрисдикцію надъ ними, насильно забирали ихъ дворища (усадьбы) и прогоняли ихъ. Уже въ 1497 году Перемышльскій Епископъ, Іоанникій, подалъ жалобу Королю Альбрехту, что Перемышльскіе Старосты при судебныхъ разбирательствахъ съ Католиками не принимаютъ свидѣтельства Русскихъ и считаютъ его недѣйствительнымъ, и что Старосты принуждаютъ Русскихъ праздновать Латинскіе праздники. [18]

Со времени завоеванія Галицкой Руси Поляками начался политическій и религіозный гнетъ и продолжался почти 500 лѣтъ. Нужно замѣтить, что въ Галичинѣ раньше началось угнетеніе Русской народности, чѣмъ въ смежныхъ областяхъ, доставшихся Литовскимъ Князьямъ, и Польское иго всего сильнѣе давило Галичанъ. Король,

---

[17] Statuta novae civitatis Korczynensis, подъ 1456 г.; Догеля Codex diplomaticus, t. VIII.

[18] И. Шараневичъ, Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej w drugiej połowie XV wieku. Lwów, 1869, стр. 108, 116.

именовавшій себя Господаремъ (то есть, Государемъ) и наслѣдственнымъ владѣтелемъ Руси (dominus et haeres Russiae), распоряжался безъ стѣсненія въ Галичинѣ, тогда какъ въ Литовскихъ земляхъ онъ долженъ былъ соблюдать условленные законы. Уже въ XV столѣтіи Польскіе Короли поручили управленіе Червонною Русью извѣстнымъ фамиліямъ Одровонжовъ, Бучацкихъ, Ходечовъ, которые управляли самовластно, такъ называемымъ, Воеводствомъ Русскимъ. Изъ рода Одровонжовъ были Воеводами Петръ, а съ 1450 г. сынъ его, Андрей, и современно съ ними двое другихъ изъ того же рода занимали высшія степени Латинской Іерархіи: Іоаннъ Одровонжъ былъ Архіепископомъ Львовскимъ и Николай—Епископомъ Перемышльскимъ. Деспотическое правленіе Одровонжовъ довело Русскихъ до крайности, и, собранное во Львовѣ, земство умоляло Короля, Казимира Ягайловца дать имъ другого начальника края. Земяне согласились на особую контрибуцію по фертонѣ (¼ гривны) и по волу съ лана [19] и на уплату Королевскаго долга Одровонжу, чтобы только освободить родную страну отъ ненавистнаго Правителя. Послѣ того Галицкій Староста, Станиславъ Ходечъ, отдалъ Галицкую Епархію мірскому человѣку, Роману изъ Осталовичъ, который не только управлялъ Крилосскимъ монастыремъ и принадлежащими ему имѣніями, но присвоилъ себѣ и судебную власть надъ Православнымъ духовенствомъ, собиралъ съ Священниковъ подати, рѣшалъ брачные споры и даже расторгалъ супружества, самовластно позволяя разведеннымъ вступать въ новый бракъ. [20]

Такимъ образомъ Правительство имѣло громадное вліяніе на общественную жизнь Галицкой Руси. Польскіе Короли, жалуя имѣні-

---

[19] По этому поводу собраны съ Руси 20,000 головъ воловъ и значительная сумма денегъ, и все отдано Одровонжамъ. См. Длугошъ подъ 1465 г., XIII, стр. 346.

[20] Уже въ 1447 г. Воевода Петръ Одровонжъ разрѣшилъ супружество между Протасіемъ Ходоруставскимъ изъ Бортникъ съ Ѳеодотіей Русской, дочерью Сеньки Лопатича изъ Осталовичъ, его законною женой: «Fedka Ruthena, uxor legitima Protasi Rutheni, filia nobilis Syenkonis Lopatucz de Ostalowice,» и далъ ему право жениться на другой, ей же выйти замужъ за другого. Это рѣшеніе, конечно, дѣлалось противъ всѣхъ законовъ церковныхъ и гражданскихъ. Acta castrensia Leopol. t. III, стр. 1119. Шараневичъ, Rys wewnętrznych stosunków Galicyi, стр. 25.

ями своихъ приближенныхъ людей (Поляковъ Католиковъ), давали имъ и судебную власть надъ мѣстными жителями, и почти неограниченную власть не только надъ крестьянами, но и надъ свободными владѣльцами Русскими Православными, [21] откуда, безъ всякаго сомнѣнія, проистекалъ главный источникъ политическаго и религіознаго гнета. Помѣщикъ судилъ, присуждалъ и казнилъ крестьянина въ уголовныхъ дѣлахъ безъ всякаго обжалованія. [22] Прибавимъ къ этому, что въ городахъ и мѣстечкахъ Русскіе Православные, считаемые у Поляковъ иновѣрцами, исключены были изъ всѣхъ правъ, свободъ и льготъ права Магдебургскаго, которое столь щедро раздавалось не только городамъ и мѣстечкамъ, но даже нѣкоторымъ селамъ, съ устраненіемъ древнихъ Русскихъ правъ и обычаевъ. [23] Теперь понятно, что Магдебургское право, даваемое пришельцамъ, подавило сословіе Русскихъ гражданъ.

Пока, впрочемъ, шляхта Русская, конституціей въ Едльнѣ 1432 года, не была уравнена въ правахъ съ Коронною шляхтой, и до признанія Вислицкаго Статута обязательнымъ для Червонной Руси (на земскомъ съѣздѣ въ Красноставѣ 1477 г.), помѣщики Русской земли должны были, по Русскому праву, отбывать земскія повинности и обязанности въ отношеніи къ Королю, и платить налоги. Послѣ же

---

[21] Въ привилегіи Ягайла братьямъ Горайскимъ съ 1388 г. эта власть названа «directa et absoluta jurisdictio super vasallos districtus ejusdem», то есть, Щебрешинскаго Уѣзда Люблинской Губерніи. Балинскій и Липинскій, Starożytna Polska. Warsz. 1844, т. II, стр. 810.

[22] Жалованная грамота Казимира Великаго съ 1364 г. Голуховскому на село Дмитровичи, въ которой говорится: «Kmethones vero ipsius coram nullo, nisi coram suo domino et haerede, cui damus causas criminales audiendi, judicandi et pro ipsius criminibus culpabiles et demeritos sententiandi, condemnandi, puniendi.» Dodatek do Gazety Lwowskiej 1852, № 30.

[23] Въ привилегіи Ягайла съ 1433, данной деревнѣ Титовичи на Магдебургское право, говорится: «Ut autem dicta villa Tytowicze eo citius hominum abundantia collocari possit, ipsam de jure Polonico et Ruthenico et quovis alio in jus Theutonicum, quod Magdeburgense dicitur, transferimus perpetuo duraturum... Eximimus insuper absolvimus et perpetuo liberamus omnes cmethones et quosvis dictae villae catholicos tantum, schismaticis et Ruthenis omnino exclusis et exceptis, qui eorum jure Theutonico uti debent et gaudere.» См. А. Стадницкаго: O kniaztwach we wsiach Wołoskich z poglądem na wójtowstwa we wsiach, na Magdeburskiem prawie osadzonych. We Lwowie, 1853, стр. 4.

уравненія правъ и привилегій вся тяжесть пала на крестьянъ. Съ тѣхъ поръ всѣ права Государя надъ крестьянами перешли на помѣщика (шляхтича): онъ получилъ право налагать новые налоги земными плодами и даже деньгами. Съ того времени заведена подушная подать съ крестьянъ (głovne, pogłowne), при сохраненіи и прежнихъ налоговъ, и крестьяне обязаны были уплачивать призничное, серебщину, куницы, дякла, давать куры, яицы, каплуны, ссыпы ржи и овса, десятину, работать съ серпомъ, косой и проч.

Въ слѣдствіе замѣны Русскаго права правомъ Польскимъ потерпѣли свободныя сословія Русскія: Бояре, бортники, дьяки, которые издревле подвластны были одному Князю и еще при Казимирѣ Великомъ причислялись къ свободнымп сословіямъ (наравнѣ съ шляхтой). Какое почетное значеніе имѣли Бояре въ древней Руси, извѣстно. Поляки, лишивъ ихъ прежнихъ имуществъ, раздѣлили Бояръ на три сословія: Бояре панцырные, путные и служки (servitores), и подорвали всѣмъ права и льготы. Дьяки были грамотные люди, которые, вѣроятно, исполняли должность писарей, или помощниковъ при разныхъ вѣдомствахъ. Они подписывались свидѣтелями на грамотахъ наравнѣ съ Помѣщиками, Боярами, Священниками и бортниками; нѣкоторые изъ нихъ получали надѣлы имѣнія и отбывали военную повинность. Сословіе бортниковъ совсѣмъ было подавлено, ихъ угодья присвоили себѣ помѣщики. Прежніе владѣльцы земель и свободныхъ усадебъ (дворищъ)—Бояре, бортники, Дьяки—превращены въ дворовыхъ людей, или закабалены въ крѣпостныхъ крестьянъ; даже Священники, служители церкви, сидящіе на барской землѣ, принуждаемы были исполнять крестьянскія повинности. Сверхъ того, во многихъ мѣстахъ Русскіе Православные должны были давать Католическимъ Ксендзамъ десятины, или ссыпы ржи и овса (meszne) и платитъ имъ подати, праздничное и пр. [24] Иногда земли съ посе-

[24] **Учредит. грамота Католич. прихода въ с. Бѣлка съ 1454 г.** «Mensuale et clericale juxta consuetudinem aliarum villarum in terra Russiae, in jus Teutonicum locatarum, ab incolis praedictae villae universis, sexus utriusque solvi.» **Такая же грамота на приходъ въ с. Румнѣ съ 1473 г.**: «Ita omnes R u t h e n i in eadem villa nostra (Rumno), qui nobis singulis annis debent langwyczne, alias praznyczne... tenebantur dare annuatim truncum saliginis et truncum avenae, uti alii kmethones nostri in villa praefata nostra.» **Тоже грамота на приходъ въ Литвиновѣ съ 1476 года**: «Item omnes, qui carent agris, tam Poloni, quam R u t h e n i, ad quodlibet quartale duos

лившимися на нихъ крестьянами отдаваемы были въ пожизненное владѣніе Евреямъ, съ предоставленіемъ имъ полной свободы распоряжаться угодьями крестьянъ. [25]

Живыя воспоминанія о благихъ свободныхъ временахъ древней Руси сохранились въ народной поэзіи:

«Добре було нашимъ батькамъ за давныхъ лѣтъ жити,
Доки не знали наши батьки панщины робити.»

Народныя пѣсни, особенно обрядовыя (колядки, щедровки, гаивки, ладканья) часто повѣствуютъ о военныхъ походахъ, о пышной збруѣ, драгоцѣнныхъ убранствахъ, несмѣтныхъ богатствахъ, и всей роскошной прихотливости высшаго Княжескаго и Боярскаго сословій.

Но подъ тяжкимъ Польскимъ владѣніемъ сословіе Бояръ вывелось въ Галицкой Руси: одна часть, спасая свои привилегіи, должна была слиться съ Польскою шляхтой, другая же судебными крючками административными уловками, или просто насиліемъ, превращена въ крѣпостныхъ крестьянъ. Однако жь не всѣ вольные люди могли выдержать эту вопіющую несправедливость и спокойно поддаться порабощенію. Лишенные своихъ имѣній, прежде владѣльцы свободныхъ земель, угнетаемые крайнею нищетой, доведенные до отчаянія и гонимые Католиками, бросали свой родной край, соединялись съ бусурманами и, мстя гордымъ похитителямъ своего имущества, вводили Татаръ въ родную страну, въ тѣ же имѣнія, которыхъ они лишены лукавствомъ Поляковъ. [26] Во все время владѣнія Владислава и Кази-

grossiculos... item omnes Christiani, quotquot sunt in Saranczuki, ad eandem ecclesiam in Lithwinow adscribimus, qui Christiani sibi plebano et suis posteris tenduntur decimare.»

[25] Грамота Ягайла, данная Еврею Волчку на поселеніе деревни Вербѣжа при р. Щиркѣ, съ 1424 г.: «Confidentes de industria et circumspectione Wołczkonis Judaei, theleonatoris Leopoliensis (damus) villam Werbiż (quam)... usque ad tempora vitae suae tenebit... Hominibus confluentibus talem libertatem concedimus de praesenti, qualem ipsis dictus Wołczko deputabit.»

[26] «Augebant autem hujusmodi malum baronum Poloniae ambitio, quia a rege donationibus oppidorum et villarum in terra Russiae et Podoliae impetratis, antiquos incolas et haeredes de illis excludebant, qui, inopia et egestate pressi et quadam desperatione compulsi, ad Tataros fugiebant illosque postmodum ad vastandum terras

мира Ягайловца (1434—1492 гг.) особенно часто случались эти раззорительныя опустошенія, которыя продолжались и въ XVI и XVII вѣкахъ. Янъ Замойскій насчиталъ на своей памяти тридцать большихъ нападеній Татаръ, не упоминая о меньшихъ. Въ это отчаянное время въ дальнихъ Поднѣпровскихъ степяхъ собираются несчастные бездомовники и, вмѣстѣ съ разнородными выходцами, образуютъ дружины, которыя въ 1469 году въ первый разъ, подъ именемъ Козаковъ, нападаютъ на Галицкую землю. [27]

Польскіе Короли, Католическое духовенство и Польское правленіе всячески старались подавить Русскую народность въ пріобрѣтенныхъ ими областяхъ. Они содѣйствовали поселенію Нѣмцевъ и Евреевъ по городамъ и Мазуровъ по селамъ, съ нарушеніемъ правъ коренныхъ жителей; вводили чужіе обычаи, чужой языкъ и чужой законъ въ Русской землѣ. Нѣмцы и Евреи вытѣснили Русскихъ горожанъ въ предмѣстья и села. Изнывая въ неравной борьбѣ съ Польскимъ и Магдебургскимъ правами, мѣщане съ трудомъ сохраняли свою вѣру, свои нравы и народность. Одинъ сельскій народъ сберегъ свою народность, свой языкъ и свои древнія преданія. Поселе-

---

Russiae et possessiones, de quibus ejecti fuerant, inducebant.» Длугошъ кн. XII, стр. 773.

[27] Длугошъ кн. XII, стр. 449, подъ 1469 годомъ пишетъ: «Frequens Tartarorum exercitus ex fugitivis, praedonibus et exulibus, quos sua lingua Kosacos appellabant, collectus.» Слѣдовательно, не въ 1516 году появились Козаки, какъ утверждаютъ Польскіе лѣтописцы Децій, Бѣльскій, Гвагнинъ и за ними новѣйшіе писатели, а многимъ раньше. Это подавленіе свободнаго Русскаго народонаселенія и порабощеніе народа Польскіе публицисты и историки называютъ движеніемъ Польской культуры на востокъ и колонизаціей Русскихъ пустынь. Прославители бывшей Польской Республики умѣютъ прикрывать истину даже особенными, ими придуманными, словоизвитіями, разсказывая объ этихъ населеніяхъ совсѣмъ глухо: «Хозяйство перешло изъ мелкопомѣстнаго въ великопомѣстное; система чиншеваго дохода съ имѣній замѣнилась панщиной, и Панскія имѣнія стали приносить неслыханные доходы; въ короткое время Польскіе Паны удвоили, утроили, удесятерили свои богатства» и т. п. Шайноха: «Dwa lata dziejow naszych.» (Сл. Кулишъ: «Польская колонизація,» «Вѣстникѣ Европы» въ 1874 г., мѣсяцъ Мартъ). —Это такъ. Для Поляковъ старая Польша представляется въ золотѣ и бархатѣ, но для насъ, Русскихъ, она омыта кровавымъ потомъ и слезами Русскаго народа!

нія Мазуровъ на Руси не были въ такомъ количествѣ, чтобы могли подавить и заглушить Русскій народъ. Только Белзское Княжество, отданное (въ 1388 г.) Королемъ Ягайломъ въ приданное сестрѣ своей, Александрѣ, и остававшееся въ соединеніи съ Княжествомъ Мазовецкимъ по 1462 г., подверглось рѣшительному вліянію Католическаго управленія и исключительно Польской народности. [28] Такимъ образомъ, хотя поселенія иностранцевъ въ Галицкой Руси начались еще со второй половины XIV столѣтія и постоянно продолжались, однако же массы народа остались тѣми же: коренной Русскій народъ вездѣ преобладалъ и дожилъ до нашихъ дней, оставаясь вѣрнымъ обычаямъ древней Руси. [29] Только на сѣверо-западныхъ окраинахъ подорвана была цѣльность Русскаго населенія. Со временъ Казимира Великаго рѣка Вислока (не Вислокъ, впадающій въ Сянъ) и Висла были съ запада границами Руси; [30] нынѣ же Решовскій Уѣздъ, считавшійся до самаго паденія Польши въ Воеводствѣ Русскомъ, весь ополяченный и окатоличенный, потерялъ свою первоначальную народность.

---

[28] Преслѣдованія Русскаго народа со стороны Поляковъ доходили до того, что даже Русскія церкви отдаваемы были Евреямъ въ откупъ, о чемъ свидѣтельствуетъ Каноникъ Львовскаго Латинскаго Капитула І. Іозефовичъ, въ своемъ сочиненіи: «Annales urbis Leopoliensis, tomus extravagans № 252, говоря: «Audivi ab antiquioribus nostris, rerum scientiam habentibus, quod in tantum in partibus illis insolens dominatio Polonorum processerat, ut recutitae Judaeorum genti (обрѣзанному Жидовскому народу) super ecclesias jus tribuerat. Non enim presbyter..., vulgo pop, sacramenta baptismi, matrimonii aliaque in ecclesia administrare parochianis suis licitum habebat, nisi prius a clavibus Judaeo (quos semper ad manus arendatoris deffere et deponere cogebatur), constitutam a domino pensionem persolveret. Haec cum tanto abusu et praejudicio fidei Christianae erant, judicet posteritas fidelium.» Объ этомъ говоритъ также современный писатель, Самуилъ Грондскій, въ сочиненіи: «Historia belli Cosaco-Polonici, conscripta 1676,» изд. въ Пештѣ 1789 г., стр. 15.

[29] «Trotz der langen Dauer und energischen Handhabung polnischer Herrschaft über Halicz und Wladimir bildet der San im Wesentlichen noch gegenwärtig die Ost-Gränze des polnischen Stammes... Das östliche Galizien ist noch gegenwärtig, wie vor fast einem Jahrtausende, vorwiegend in den Händen der Klein-Russen (Ruthenen), welche in sieben Kreisen des Lemberger Verwaltungsgebiets mehr als vier Fünftheile, in fünf anderen mehr als die Hälfte der einheimischen.» Bevölkerung der österr. Monarchie von Dr. A. Ficker. Gotha, 1860, стр. 37.

[30] Д. Зубрицкій, Granice między Ruskim i Polskim narodem w Galicyi. Lwów, 1849.

Самымъ лучшимъ доказательствомъ, что до занятія Перемышльскаго и Галицкаго Княжествъ Казимиромъ Великимъ не было на Руси ни приходовъ, ни костеловъ Католическихъ, развѣ въ нѣсколькихъ поселеніяхъ на границѣ, на берегахъ Вислоки и Вислы, можетъ служить списокъ Католическихъ приходскихъ костеловъ, которые Папа Климентъ V на Вѣнскомъ Соборѣ 1326 и 1328 годовъ обложилъ десятиной и налогомъ Св. Петра.[31] Въ этомъ спискѣ считается на все пространство нынѣшнихъ Решовскаго и Ясельскаго Уѣздовъ только 18 Католическихъ приходовъ, которые расположены на правомъ берегу Вислоки въ Издряцинскомъ деканатѣ, въ мѣстечкѣ Яслѣ, Новомъ и Старомъ Змигородѣ и въ селахъ: Зряцинѣ, Біздѣжѣ, Клѣтѣ и Шебнѣ, за тѣмъ въ Лѣсномъ или Дубицкомъ деканатѣ (in decanatu de Sylvis vel Dambitia)—въ Судишовѣ (Sandiszow), Чудецѣ и Доброховѣ, наконецъ въ самомъ углу, между Вислой и Сяномъ, 9 костеловъ, причитающихся къ Сандимирскому архидіяконату, а именно: на правомъ берегу Вислы, въ селахъ: Мѣхотинѣ, Велевесѣ (Magna Villa), Черешнѣ, Горичахъ, Врявѣ и на лѣвомъ берегѣ р. Сяна, въ Залѣшанахъ, Харевичахъ, Радславичахъ и Бѣлинѣ.

Папы постоянно подсылали своихъ миссіонеровъ монаховъ для обращенія Руси въ Католичество, но безъ всякаго успѣха. Если бъ имъ удалось гдѣ ни будь основать Католическую общину, то Папы не преминули бы истребовать съ нихъ, столь строго взыскиваемый ими, динарій Святаго Петра. А такъ какъ этого не случилось, то, слѣдовательно, все остальное народонаселеніе, безъ всякаго сомнѣнія, было Русское, имѣвшее своихъ Православныхъ Священниковъ, съ которыхъ Папа не имѣлъ права требовать ни десятины, ни налоговъ.[32]

---

[31] См. Liber rationis decimae sexannalis per Clementem p. V. in concilio Viennensi impositae et in Polonia collectae anno 1326 et sequen. Theiner, Monumenta histor. polon., t. I, pag. 244.

[32] На крайнемъ западѣ Решовскаго Уѣзда, возлѣ Кольбушова, находятся деревни, изобличающія своими названіями, что въ этой странѣ жили когда-то Русскіе, на примѣръ: Русиновъ Старый, Русиновска Воля и проч. Впрочемъ, еще въ XVII вѣкѣ Русскія поселенія въ Западной Галичинѣ были столь многочисленны, что Католическій Епископъ, Станиславъ Сарновскій, въ докладѣ своемъ Папѣ Александру VII, писанномъ, въ 1660 году, сообщалъ, что въ Русской Перемышльской Епархіи считалось тогда 3,400 приходовъ и 3 милліона душъ.

Польскіе историки всячески стараются доказать, что Римско-Католическіе приходы въ Русскихъ городахъ и селахъ учреждены задолго до завладѣнія Галиціей Казиміромъ, но эти разглагольствованія основываются на документахъ явно подложныхъ. Такъ, на примѣръ они пишутъ, что на дубовой доскѣ стариннаго Перемышльскаго костела Св. Петра была надпись, что большой алтарь тамошній освященъ былъ Краковскимъ суфраганомъ Іоанномъ въ день Вознесенія 16-го Мая, 1212 года. Но эта записка, очевидно, поддѣльна, по тому, во первыхъ, что въ это время не было суфрагановъ въ Краковской Епископіи; во вторыхъ, въ 1212 г. была Пасха 25-го Марта, слѣдовательно, и Вознесеніе было раньше 16-го Мая; въ третьихъ, Св. Гедвига, которой между другими Святыми, былъ воздвигнутъ алтарь въ 1212 г., находилась еще въ живыхъ и не могла быть причислена къ лику Святыхъ, такъ какъ она умерла только въ 1243 году. Тѣ же Польскіе историки, ссылаясь на древнія грамоты, говорятъ, что приходы въ Чермнѣ и Гоголевѣ учреждены въ 1312 г., въ Тарновцѣ въ 1313 г. въ Забѣжовѣ въ 1318 г., какими-то Мальтійскими рыцарями, Фрикачемъ, Брандишемъ и Пакошемъ (какъ говорится въ документахъ) между тѣмъ извѣстно, что Орденъ Рыцарей Св. Іоанна Іерусалимскаго только съ 1530 года сталъ называться Мальтійскимъ, когда онъ отъ Императора Карла V получилъ въ даръ островъ Мальту. Вотъ какъ осторожно нужно обращаться съ Польскими историческими источниками и подвергать ихъ строгой критикѣ.

Съ 1772 года, то есть, со времени занятія Галичины Австрійцами, раскинуты Нѣмецкіе поселенцы особыми деревнями по Галицкой землѣ, но они живутъ особнякомъ и не имѣютъ никакого вліянія на жизнь, обычаи и преданія Русскаго народа.

Говоря о поселеніяхъ Польскихъ въ Галицкой Руси, любопытно было бы узнать время, когда именно, гдѣ и въ какомъ количествѣ поселялись Польскіе или Мазурскіе поселенцы. Нѣтъ сомнѣнія, что еще во время самостоятельности Руси, Русскіе Князья поселили Польскихъ плѣнниковъ на своей землѣ. Принимая въ соображеніе, что въ то время еще не употреблялось названіе «Польша, Полякъ» и проч., можемъ съ вѣрностію заключить, что мѣстности, называемыя Ляшки, Ляховичи, Лядское или Ляцкое, принадлежитъ къ древнѣйшимъ поселеніямъ Польскимъ въ Галичинѣ, давно совсѣмъ обрусѣвшимъ. Доказательствомъ древности этихъ поселеній можетъ служить

еще то обстоятельство, что эти села имѣютъ весьма ограниченное население Польское и Католическое, и что, напротивъ того, во многихъ изъ нихъ Русское населеніе многочисленно; эти села имѣютъ Русскія приходскія, или приписныя (филіяльныя) церкви, но ни въ одномъ изъ поселеній не находимъ костела, что не могло бы случиться, если бы населенія образовались во время Польскаго владычества. Возьмемъ, на примѣръ, нѣкоторыя изъ этихъ селъ, и сопоставимъ населеніе обоихъ народностей:

		Русскихъ.	Поляковъ.
Ляшки Горные (Бережанскаго Уѣзда)	приходская	650 д.	12 д.
Ляшки Дольные (тамъ же) филіальная		398	9
Ляшки (Львовскаго Уѣзда)	»	345	8
Ляшки Королевскіе (Золочевскаго Уѣзда)	приход.	688	151
Ляшковъ (тамъ же)	»	974	19
Ляховичи Подорожные (Стрыйскаго Уѣзда)	»	853	29
Ляховичи Зарѣчные (тамъ же)	»	739	14
Ляховцы (Станиславскаго Уѣзда)	»	1144	31
Ляцкое (тамъ же)	»	1417	11
Лядское (тамъ же)	»	745	128
Ляцкое Великое (Золочевскаго Уѣзда)	»	830	149
Ляшки (возлѣ Судовой Вишни)	»	921	1
Ляшки Долгіе (Перемышльскаго Уѣзда)	»	1658	624
Ляшки Гостинные (тамъ же)	»	1046	вовсе нѣтъ
Ляшки Завязанные (Самборскаго Уѣзда)	»	695	»
Ляшки Мураванные (тамъ же)	»	681	180
Ляцко (тамъ же), приписная церковь		734	40
Волька Мазовецкая (Жолковскаго Уѣзда)	приход.	1622	99 [33]

[33] См. Schematismus cleri Archidioeceseos graeco-cath. Leopolien. pro anno 1874. Catalogus cleri archidioec. Leopolitanae rit. lat. pro anno 1864 г. Leopoli. Схиматизмъ всего клира обряда Греческо-Русскаго Епархіи Перемышльской на годъ 1874. Въ Перемышлѣ. Schematismus cleri diecoesani rit. latini Premisliensis pro anno 1874 г Jasło 1874 г. Спрашивается, какимъ чудомъ могло статься, что эти Ляшки-поселенцы такъ легко приняли Русскую Вѣру и слились съ Русью, а не бѣжали въ свою Польскую ойчизну? Стало быть, имъ привольнѣе жилось на плодоносной Русской землѣ, чѣмъ на пескахъ Польши, и правленіе Русскихъ Князей, Русскихъ Бояръ и Русской Церкви сноснѣе было, чѣмъ въ Польшѣ, гдѣ крестьяне должны были отбывать тяжкія повинности Королю и

Галицкіе Поляки утверждаютъ, что они такіе же древніе обитатели страны, какъ и Русскіе, что Галичина была совсѣмъ обезлюднена, что Польскіе Короли и Паны заселили ее Польскимъ народомъ, воздѣлали Русскія пустоши, добыли Польскимъ плугомъ дикія поля и отдали ихъ культурѣ, [34] и что будто Польскіе крестьяне и шляхтичи тысячами селились въ мнимыхъ Русскихъ пустыняхъ; нѣкоторые и изъ Русскихъ писателей, вѣря Полякамъ на слово, вторятъ этимъ отрывкамъ, провозглашая культурную миссію Польши. [35] Для доказательства того, что всѣ эти разглагольствованія не имѣютъ историческаго основанія, и что Польскія поселенія не были столь многочисленны, разсмотримъ документы и извлечемъ изъ нихъ данныя. [36]

Польскія поселенія на Русской землѣ начались собственно съ занятія Галичины Королемъ Казимиромъ, называемымъ Великимъ; до того времени не было на Руси ни Поляковъ, ни ксендзовъ, ни костеловъ, на кляшторовъ. [37] Такъ какъ построеніе костела и учрежденіе прихода обусловливалось количествомъ поселившихся Католиковъ, то и всякій случай учрежденія Католическаго прихода можетъ намъ показать, если не время новаго поселенія, то, по крайней мѣрѣ, усиленіе Польскаго населенія на Руси.

Казимиръ, занявъ городъ Львовъ, не нашелъ въ немъ ни одно-

Панамъ, платить разные налоги, вносить десятину ксендзамъ и, сверхъ того, динарій Папѣ.

[34] Шайноха, Zdobycze polskiego pługa.

[35] Кулишъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1874 г., мѣсяцъ Мартъ.

[36] Dodatek do Gazety Lwowskiej 1852 — 1862 г. — Шараневичъ, Rys wewnętrznych stosunków Galicyi wschodniej. Lwów, 1869 г.— Catalogus cleri archidioeceseos Leopolitanae rit. lat. Leopoli, 1864 г.

[37] Сказанія Польскихъ писателей объ учрежденіи въ Галичинѣ кляштора Миноритовъ въ 1238 г. (!) Королемъ Болеславомъ Стыдливымъ, или кляштора Доминиканцевъ въ Львовѣ 1270 г. Княземъ Львомъ Даниловичемъ, не имѣютъ историческаго основанія и принадлежатъ къ Польскимъ предвзятымъ вымысламъ (Заря Галицкая 1851 г. № 57). Увѣренія тѣхъ же писателей, что нашъ Перемышль основанъ въ VIII столѣтіи Польскимъ Княземъ Пржемыславомъ, осмѣялъ уже Энгель, сопоставивъ такую же басню, что Гётингенъ основанъ какимъ-то небывалымъ Княземъ Готунгомъ. I. X. Энгель. Gesch. der Ukraine wie auch der Königreiche Halitsh und Wladimir. Halle, 1796 г., стр. 421.

го Католическаго костела, въ которомъ могъ бы даже принести благодареніе Богу за взятіе города. [38] Во время владѣнія Казимира (съ 1341 по 1370 г.) Католики на дѣлали почти никакихъ успѣховъ въ распространеніи своей Вѣры въ Русской землѣ. Паны будто бы высылали какихъ-то Епископовъ въ Перемышль и Владиміръ и монаховъ миссіонеровъ [39] для обращенія народа въ Католичество, но труды ихъ были напрасны. Кромѣ трехъ, или четюрехъ, костеловъ во Львовѣ, въ продолженіе тридцати лѣтъ Поляки не успѣли построить въ Галичинѣ ни одного Католическаго костела. Казиміръ угрожалъ Цареградскому Патріярху, что онъ креститъ Русь въ Латинскую Вѣру, [40] но не дерзнулъ того сдѣлать, не чувствуя себя прочнымъ во владѣніи насильно присвоенной земли.

Однако жь многимъ раньше и успѣшнѣе Католичество водворилось на Западѣ Перемышльскаго Княжества. Для обезпеченія владѣній, захваченныхъ отъ Руси, Казиміръ построилъ замки въ Осѣкѣ, Кроснѣ, Санокѣ и другихъ мѣстахъ; онъ поселялъ Нѣмецкихъ выходцевъ и въ Западной Галичинѣ, учреждалъ приходы въ Загорьѣ 1343 г., въ Гартлёвѣ 1360 г., въ Осѣкѣ и Самборѣ 1363—1370 гг. Къ той же порѣ принадлежитъ учрежденіе прихода въ Решовѣ Пакославомъ Решовскимъ въ 1354 г. Во многихъ мѣстахъ Перемышльской Епархіи приписывается тому же Королю построеніе костеловъ

---

[38] «In reperibili ad ecclesiam parochialem B. Mariae V. ad Nives Leopoli documento ex antiquis actis magistratus Leopolensis desumpto, dicitur notitia: Casimirus M. anno 1340 Leopolim expugnaturus venit, quem per spontaneam incolarum deditionem recepit et partem Russiae usque ad Halicz subegit. Reportata victoria quum Leopoli nullum templum invenisset, ubi sacrificium gratiarum actioni Deo offeret, in medio veteris illius Leopolis ecclesiam sub titulo B. Mariae V. ligneam erigi fecit.» Vitae Episcoporum Premislien. Viennae, 1844, pag. XXX.

[39] Theineri Monumenta I, pag. 543 и 586.

[40] Ягайло во всѣхъ городахъ, въ которыхъ онъ, по завоеваніи этой страны (Червенской Руси) своею супругою, нашелъ Русское Епископство, старался основать и Латинское Епископство, какъ-то: въ Галичѣ, Луцкѣ, Холмѣ, Перемышлѣ и Владимірѣ, не взирая на то, найдутся ли еще тамъ, или нѣтъ, послѣдователи Латинскаго обряда. Словомъ, чтобы затмить Православную Вѣру, онъ ставилъ алтарь противъ алтаря. Д. Зубрицкій, Галицкая Русь въ XVI столѣтіи, стр. 35. См. «Чтенія въ Импер. Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ,» 1862 г., кн. III.

и учрежденіе приходовъ, хотя эти сказанія не имѣютъ достовѣрныхъ доказательствъ.

Смѣлѣе поступалъ Людовикъ, Король Польскій и Угорскій. Онъ учредилъ Католическую Архіепископію въ Галичѣ и Епископскую каѳедру въ Перемышлѣ, послѣ чего Владиславъ Опольскій, около 1372 г., основалъ костелъ въ м. Городкѣ, и въ 1375 г. учредилъ Католическій приходъ въ Ярославлѣ подъ Сяномъ, а Князь Мазовецкій, Семовитъ, построилъ костелы въ 1388 г. въ мѣстечкѣ Любачевѣ, и въ 1394 г. въ городѣ Бельзѣ.

Всего рѣшительнѣе приступилъ къ распространенію Католичества, перекрещенный изъ Православія, Король Ягайло. Въ періодъ его владѣнія, съ 1386 по 1433 г., въ продолженіе 48 лѣтъ, Католики построили въ одной Львовской Епархіи 24 костела и учредили столько же Католическихъ приходовъ, а именно въ 1391 году въ мѣстечкѣ Щирцѣ, въ 1397 году, въ мѣстечкѣ Глинянахъ, въ 1399 году въ мѣстечкѣ Куликовѣ, въ 1401 году въ городѣ Бучачѣ и мѣстечкѣ Марьямполѣ, въ 1410 году въ мѣстечкѣ Бороздовичахъ, въ 1418 г. въ мѣстечкѣ Мальчичахъ, въ 1423 году въ мѣстечкѣ Коропцѣ, Потыличѣ и городѣ Теребовлѣ, въ 1427 году въ городахъ Галичѣ и Стрыѣ, въ 1431 году въ мѣстечкѣ Ярычевѣ, и въ 1433 году въ мѣстечкѣ Бущѣ.

Въ это время появились костелы даже по нѣкоторымъ селамъ, особенно возлѣ Львова: въ 1397 году въ селѣ Сокольникахъ, въ 1399 году въ селѣ Кротошинѣ, въ 1400 году въ селѣ Выжлянахъ, въ 1414 г. въ селѣ Лопатинѣ, въ 1420 году въ селѣ Чижиковѣ, въ 1421 году въ селахъ Кукольникахъ и Петликовцахъ, въ 1426 году въ селѣ Желѣховѣ, въ 1429 году въ селѣ Островѣ, въ 1430 годъ въ селѣ Кощѣевѣ.

Еще ревностнѣе оказался Ягайло въ учрежденіи Католическихъ приходовъ въ Западной Галичинѣ. Онъ построилъ въ Перемышльской Епархіи болѣе 30 костеловъ и учредилъ при нихъ приходы, а именно: въ 1386 году въ селѣ Ясенкѣ и мѣстечкѣ Крощенкѣ, въ 1388 году въ Нѣмецкомъ поселеніи Гачевѣ, въ 1391 году въ Перемышлѣ, въ 1392 году въ городѣ Дрогобичѣ, въ 1393 году въ мѣстечкѣ Судовой Вишнѣ, въ мѣстечкѣ Кроснѣ и въ селѣ Рудоловичахъ, въ 1398 году въ мѣстечкѣ Кривчѣ, въ 1399 году въ мѣстечкѣ Порохникѣ и

селѣ Косеничѣ, въ 1400 году въ мѣстечкѣ Ясчискахъ и селѣ Рокитницѣ, въ 1404 году въ мѣстечкѣ Мостискахъ въ 1406 году въ селахъ Ближцемъ и Ровномъ, въ 1407 году въ мѣстечкѣ Дубецкѣ, въ 1408 году въ мѣстечкѣ Гусаковѣ, въ 1409 году въ селахъ Гумникѣ и Прибышовкѣ въ 1410 году въ мѣстечкѣ Мориголодѣ, въ 1412 году въ городѣ Перемышлѣ и въ селѣ Любатовѣ, въ 1413 году въ мѣстечкѣ Березовѣ (Brzozow) и въ селѣ Присѣтницѣ, въ 1415 году въ селѣ Чуковѣ, въ 1416 году въ селѣ Журавицѣ, въ 1419 году въ селѣ Вышатичахъ, въ 1425 году въ селѣ Лютча, въ 1430 году въ селахъ Ловцахъ и Зарѣчьѣ, въ 1432 году въ мѣстечкѣ Радымнѣ. Сверхъ того построено Ягайломъ много костеловъ надъ рѣкою Вислокой, въ Решевскомъ, Тарновскомъ и Ясельскомъ Уѣздахъ.

Учредителями приходовъ и строителями костеловъ были, кромѣ Короля, Архіепископа и Начальниковъ края, нѣкоторые изъ совратившихся въ Католичество Русскихъ Бояръ: Ходоровскіе, Клюсы, Кердеи-Бучацкіе, Мошончичи и другіе. Впрочемъ, многіе костелы и приходы учреждались по лишней ревности Католическихъ Пановъ безъ особенной надобности, такъ какъ Католическое населеніе въ нихъ не могло быть многочисленно, если, въ продолженіе четырехъ вѣковъ, оно возросло не выше 300 душъ, и даже съ приписными эти древніе приходы имѣютъ не болѣе 600—700 душъ; на примѣръ, въ Мальчичахъ считается нынѣ 65 душъ, а съ 7-ю приписными селами 672 души; въ мѣстечкѣ Куликовѣ 161 душа, а съ 20-ю приписными селами всего 846 душъ Католиковъ; въ м. Бороздовичахъ 388 и съ 13 приписными 604, въ селѣ Выжлянахъ 259 душъ, въ селѣ Желеховѣ 282 души, въ Кукольникахъ 80 душъ. Въ мѣстечкѣ Кривчѣ, тоже въ Перемышльской Епархіи, гдѣ учрежденъ Католическій приходъ въ 1398 году, считается всего только 250 душъ Католиковъ; въ мѣстечкѣ Гусаковѣ, гдѣ приходъ возникъ въ 1400 году, только 117 душъ; въ мѣстечкѣ Нижанковичахъ, гдѣ костелъ существуетъ съ 1431 года, 389 душъ; въ мѣстечкѣ Крукиничахъ, гдѣ приходъ учрежденъ въ 1439 году, только 394 души Католиковъ. По многимъ приписнымъ селамъ считаютъ и нынѣ Католиковъ не болѣе 5, 10, или 20 душъ, то есть, помѣщики, ихъ прислуга, прикащики и проч., а Польскаго народа вовсе нѣтъ.

Подъ непродолжительнымъ владычествомъ Владислава Варненскаго (1434—1444 гг.) продолжалась обращательная дѣятельность и учреж-

дено еще 5 Католическихъ приходовъ: въ 1436 году въ мѣстечкѣ Язловцѣ, въ 1439 году въ мѣстечкѣ Михальчѣ и въ селѣ Давыдовѣ, въ 1441 году въ селѣ Бѣлкѣ, въ 1443 году въ мѣстечкѣ Копачинцахъ. Въ Перемышльской Епархіи учреждено въ это время столько же приходовъ: въ 1434 году въ мѣстечкѣ Рихчичахъ, въ 1439 году въ мѣстечкѣ Крукиничахъ, въ 1440 году въ селѣ Ятьмірѣ, въ 1441 году въ мѣстечкѣ Заршинѣ, и въ 1442 году въ селѣ Мышлятичахъ.

Въ царствованіе Казимира Ягайловца (1447—1499 гг.), во время частыхъ нападеній Татаръ и Турокъ, раскинута новая сѣть костеловъ и приходовъ по мѣстечкамъ и селамъ Галицкой Руси: въ 1449 году въ селѣ Родатичахъ; въ 1452 году въ мѣстечкѣ Гологорахъ, въ 1453 году въ селѣ Зимнаводѣ, въ 1454 году въ селѣ Старомъ Селѣ, въ 1458 году въ селѣ Жуковѣ, въ 1459 году въ селѣ Золотникахъ, въ 1460 году въ мѣстечкѣ Ходоровѣ, въ 1463 году въ мѣстечкахъ Подгайцахъ и Подкамени, въ 1469 году въ мѣстечкахъ Долинѣ, Колушѣ и въ селѣ Семеновкѣ, въ 1470 году, въ мѣстечкѣ Угновѣ, въ 1471 году въ мѣстечкѣ Каменкѣ Струмиловой, въ 1473 году въ мѣстечкѣ Ягольницѣ, въ 1475 году въ мѣстечкѣ Гвоздцѣ, въ 1481 году въ мѣстечкѣ Олексѣ, въ 1484 году въ мѣстечкѣ Свирѣ, въ 1485 году въ мѣстечкѣ Дунаевѣ, мѣстечкѣ Толмачѣ и въ селѣ Прусахъ, въ 1488 году въ мѣстечкѣ Журавнѣ. И того, въ продолженіе 45 лѣтъ, 22 прихода. Въ то же время возникло въ Перемышльской Епархіи 29 приходскихъ костеловъ, а именно: въ 1447 году въ селѣ Полянѣ, въ 1348 году въ селѣ Гольцовѣ, въ 1451 году въ мѣстечкѣ Нижанковицахъ и селѣ Небещанахъ, въ 1453 году въ селѣ Климцовкѣ, въ 1454 году въ мѣстечкѣ Яворовѣ, въ 1460 году въ селахъ Гартѣ и Короликѣ Польскомъ, въ 1462 году въ мѣстечкѣ Новотанцѣ и въ селахъ Линовцахъ и Веселѣ, въ 1463 году въ мѣстечкѣ Новомѣстѣ, въ 1464 году въ мѣстечкѣ Зыновѣ и селѣ Иваничѣ, въ 1469 году въ Ляшкахъ, въ 1470 году въ мѣстечкѣ Ясеницѣ, въ 1471 году въ селахъ Громнѣ и Бахорцѣ, въ 1473 году въ мѣстечкѣ Комарнѣ, въ 1476 году въ селѣ Радиничахъ, въ 1477 году въ селѣ Мильчичахъ, въ 1478 году въ селѣ Бирчѣ, въ 1480 г. въ селахъ Пникушѣ и Ясеновѣ, въ 1484 году въ селѣ Воютичахъ, въ 1487 году въ селѣ Диднѣ, въ 1488 году въ селѣ Мизинцѣ, въ 1590 году въ селахъ Уйковичахъ и Воропинкѣ.

Въ XVI столѣтіи, во время религіозныхъ преній и распростра-

нія въ Польшѣ Протестантства и вольнодумства, остыло въ Поляхахъ прежнее рвеніе къ строенію костеловъ, такъ что при Янѣ-Альбрехтѣ (1492—1501 годахъ) въ Львовской Епархіи не прибыло ни одного Католическаго костела, въ Перемышльской же ихъ построено пять: въ 1493 году въ селахъ Стіянцахъ и Любенѣ, въ 1494 году въ селѣ Стрѣлковичахъ, въ 1495 году въ селѣ Торговицѣ и въ 1501 году въ мѣстечкѣ Старомъ мѣстѣ Самборѣ. При Александрѣ Ягайловцѣ (1502—1506 годахъ) въ Львовской Епархіи основанъ только одинъ приходъ въ 1505 году въ мѣстечкѣ Наролѣ, да въ Перемышльской три: въ 1502 году въ мѣстечкѣ Старой Соли, въ 1503 году въ мѣстечкѣ Лискѣ, да въ 1506 году въ мѣстечкѣ Корчинѣ. Всего удивительнѣе то, что въ сорокалѣтнее царствованіе Сигизмунда I (1507—1548 годахъ) въ Львовской Епархіи учреждено только 10 приходскихъ костеловъ; въ 1509 году въ мѣстечкѣ Добротворѣ, въ 1517 г. въ мѣстечкѣ Сокалѣ, въ 1520 г. въ селѣ Соколовѣ, въ 1521 г. въ селѣ Малеховѣ, въ 1522 г. въ селѣ Баворовѣ, въ 1525 году въ мѣстечкѣ Олешицахъ, въ 1528 г. въ мѣстечкѣ Варяжѣ, въ 1530 г. въ мѣстечкѣ Немировѣ, въ 1533 году въ мѣстечкѣ Рогатинѣ, въ 1545 г. въ селѣ Жолтанцахъ, въ 1546 году въ м. Боберкѣ, въ 1547 году въ мѣстечкѣ Залозцахъ. Между тѣмъ въ Перемышльской Епархіи учреждены слѣдующіе 52 прихода: въ 1508 году въ мѣстечкѣ Бабичѣ, въ 1510 году въ мѣстечкѣ Домаражѣ и селѣ Гочевѣ, въ 1511 году въ селѣ Лужинахъ (Lęzyny), въ 1512 году въ с. Особницѣ, въ 1514 году въ селѣ Брухвалѣ, въ 1520 году въ селѣ Святяняхъ (Swizciany) и въ селѣ Чермнѣ, въ 1525 году въ селѣ Блажевѣ, въ 1529 году въ мѣстечкѣ Буковскѣ и въ селахъ Грибовницѣ и Ширинѣ, въ 1530 году въ селѣ Фульштинѣ, въ 1531 году въ мѣстечкахъ Хировѣ и Добромилѣ и въ селѣ Одриконѣ, въ 1536 году въ селахъ Рогахъ и Поражѣ, въ 1537 году въ мѣстечкѣ Змигородѣ Новомъ, въ 1546 году въ мѣстечкѣ Тиравѣ Волошской и въ 1547 году въ селѣ Лѣщавѣ.

Гораздо меньше явилось Католическихъ костеловъ при Сигизмундѣ Августѣ, который владѣлъ съ 1549 по 1572 годъ, а именно, въ періодъ 25 лѣтъ въ Львовской Епархіи только два: въ 1549 году въ мѣстечкѣ Мостахъ да въ 1554 году въ городѣ Бужскѣ, а въ Перемышльской Епархіи слѣдующіе восемь: въ 1549 году въ селахъ Ноздрецѣ и Малявѣ (возлѣ Решова), [41] въ 1550 году въ мѣстечкѣ

[41] По мѣстному преданію, въ Малявѣ издревле существовала Русская приход-

Рудкѣ и селѣ Меденичахъ, въ 1555 году въ селѣ Броскѣ, въ 1559 году въ селѣ Цишнѣ, въ 1565 году въ мѣстечкѣ Римановѣ, и въ 1571 году въ городѣ Ярославлѣ.

Съ появленіемъ Езуитовъ въ Польшѣ ожилъ прежній Польскій фанатизмъ, въ слѣдствіе чего костелы и приходы снова начали сильно умножаться, между тѣмъ какъ съ начала XVI вѣка по 1587 годъ возникло во всей Львовской Епархіи только 16 костеловъ; во время 40-лѣтняго господствованія Сигизмунда III, съ 1587 по 1632 годъ, учреждено 48 новыхъ костеловъ и приходовъ: въ 1587 году въ мѣстечкѣ Тертаковѣ, въ 1592 году въ селѣ Угриновѣ, въ 1595 году въ мѣстечкѣ Магеровѣ, въ 1598 году въ селѣ Раковцѣ, въ 1599 году въ мѣстечкѣ Надворнѣ, въ 1600 году въ Львовѣ (Маріи Магдалины) и въ мѣстечкѣ Езуполѣ, въ 1602 году въ мѣстечкахъ Хотимирѣ и Барышѣ, въ 1605 году въ мѣстечкѣ Заболотовѣ, въ 1607 году въ селѣ Мартиновѣ и мѣстечкахъ Болеховѣ и Николаевѣ (Стрыйскаго Уѣзда), въ 1608 году въ мѣстечкѣ Потокѣ, въ 1609 году въ мѣстечкѣ Грималовѣ, въ 1616 году въ мѣстечкахъ Гусятинѣ, Войниловѣ и селѣ Таданьѣ, въ 1611 году въ мѣстечкѣ Яновѣ (на Подолѣ), въ 1612 г. въ мѣстечкахъ Равѣ и Зыдачевѣ, въ 1613 году въ мѣстечкѣ Бѣломъ Каменѣ, въ 1614 году въ мѣстечкѣ Яновѣ (возлѣ Львова) и въ селѣ Польскомъ Ряснѣ, въ 1615 году въ мѣстечкѣ Подкаменѣ (Бережанскаго Уѣзда), въ 1616 году въ селѣ Волковѣ, въ 1618 году въ Львовѣ (Св. Антонія, Св. Лазаря) и въ селѣ Подвысокомъ, въ 1620 году въ городѣ Жолквѣ, въ 1623 году въ городѣ Тарнополѣ, въ 1624 году

ская церковь, но около 1644 г. Решовскій Староста, Николай Спытенъ-Лигенза, обратилъ ее въ Католическій костелъ; см. «Schemat. ven. cler. dioecesani rit. Lat. Premislensis, Jasło, 1874, стр. 119. Такія же церкви существовали въ другихъ мѣстностяхъ Западной Галичины, нынѣ уже совсѣмъ ополяченныхъ: въ 1614 г. были Священники при церквахъ въ м. Радымнѣ, Тарнобрегѣ, Канчугѣ, с. Замѣховѣ и пр.; въ 1645 г. въ м. Кроснѣ, въ 1466 г. Священникъ при церкви въ Рихвальдѣ списалъ книгу: «Учительское Евангеліе Архіепископа Каллиста.» Въ 1672 г. былъ Русскій Священникъ въ с. Розборѣ, возлѣ Рѣшова. Въ м. Канчугѣ еще въ 1691 г. существевала церковь Покрова Пресв. Богородицы и братство при ней, на иждивеніи котораго мѣстный Священникъ, Константинъ Бѣлинскій, писалъ «Ирмологіонъ» съ красивыми изображеніями на заглавномъ листѣ. См. А. Петрушевича: «Сводная Галицко-Русская лѣтопись,» стр. 235.

въ мѣстеткѣ Стояновѣ и Болшовцѣ, въ 1626 году въ мѣстечкѣ Станиславчикѣ, въ 1627 году въ городѣ Золочевѣ, Зборовѣ и мѣстечкѣ Наваріи, въ 1628 году въ мѣстечкѣ Топоровѣ, въ 1630 году въ Львовѣ (Милосердыхъ), въ городахъ Тисменицѣ и Бузановѣ, въ 1631 году въ мѣстечкѣ Сасовѣ и въ селѣ Кохавинѣ, въ 1632 году въ мѣстечкѣ Скалатѣ. Въ Перемышльской Епархіи, въ періодъ владѣнія Сигизмунда III, возникло также 24 прихода и костела, а именно: въ 1588 году въ мѣстечкѣ Соколовѣ, въ 1593 году въ селахъ Издебкахъ и Лубнахъ, въ 1594 году въ селѣ Боскѣ, въ 1595 году въ селѣ Ольпинахъ, въ 1596 году въ селѣ Сажинѣ, въ 1598 году въ селѣ Едличахъ, въ 1599 году въ селѣ Тулиголовыхъ и въ селѣ Горнѣ, въ 1600 годъ въ селѣ Островѣ, въ 1601 году въ мѣстечкѣ Рыботичахъ и въ селѣ Ненадовкѣ, въ 1603 году въ селѣ Ежовѣ, въ 1604 году въ мѣстечкѣ Краковцѣ и въ селѣ Грябовѣ (Grebow), въ 1605 году въ селахъ Самокляскахъ и Пышницѣ, въ 1606 году въ мѣстечкѣ Глоговѣ, въ 1607 году въ селѣ Медыкѣ. въ 1608 году въ селѣ Сусѣдовичахъ, въ 1610 году въ городѣ Перемышлѣ (Езуитская Коллегія), въ 1611 году въ селѣ Волѣ Зарѣцкой, въ 1612 году въ мѣстечкѣ Канчугѣ, въ 1622 году въ мѣстечкѣ Жолинѣ, въ 1625 г. въ мѣстечкѣ Радомыслѣ, въ 1629 году въ городѣ Сѣнявѣ, въ 1630 году приходы въ мѣстечкахъ Красичинѣ, Стрижовѣ и въ Перемышлѣ (монастырь Кармелитовъ), въ 1632 году въ селѣ Теклинѣ (Цеклинѣ).

Духъ обращенія въ Католичествѣ овладѣлъ всею Шляхтой, воспитанною въ Езуитскихъ школахъ. Ревность въ строеніи костеловъ и распространеніи Католичества, усиленная со времени хитросплетенной Брестской Уніи, продолжалась частью и въ послѣдующія царствованія преемниковъ Сигизмундовыхъ въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Въ періодъ царствованія Владислава IV, съ 1633 по 1648 г., то есть, въ продолженіе 15 лѣтъ, построено въ Львовской Епархіи 16 костеловъ: въ 1633 г. въ мѣстечкѣ Поморянахъ, въ 1634 г. въ Львовѣ (Кармелитовъ) и въ городѣ Снятинѣ, въ 1636 г. въ мѣстечкѣ Озернѣ, въ 1637 г. въ селѣ Лежневѣ, въ 1638 въ с. Жулинѣ, въ 1639 г. въ селѣ Плазовѣ, въ 1641 году въ городѣ Бродахъ, въ 1642 году въ мѣстечкѣ Перемышлянахъ, въ 1643 году въ селѣ Терноруде, въ 1644 году въ Львовѣ (костелъ Босыхъ Кармелитанокъ), въ 1647 году въ городѣ Бережанахъ и мѣстечкѣ Роздолѣ; да въ Перемышльской Епар-

хіи три костела: въ 1636 году въ селахъ Комборнѣ и Свильчѣ, и въ 1646 году въ мѣстечкѣ Уляновѣ.

Послѣ смерти Владислава IV вступилъ на престолъ братъ его, Янъ-Казимиръ, который въ Римѣ, въ званіи Кардинала, носилъ два года Езуитскую сутану. Этотъ настоящій Езуитъ подвизался бы на поприщѣ фанатизма не хуже своихъ предшественниковъ, но съ 1648 годъ Богданъ Хмельницкій охладилъ ревность Польскихъ вельможъ и ксендзовъ въ распространеніи Католичества до того, что въ продолженіе семи лѣтъ (съ 1649 по 1655 г.) Католики не дерзнули построить ни одного костела на Руси, и только послѣ присоединенія Хмельницкаго къ Россіи они учредили въ Львовской Епархіи 8 слѣдующихъ приходовъ: въ 1655 году въ селѣ Зубрѣ, въ 1658 году въ Львовѣ (Св. Мартына), въ 1661 году въ мѣстечкѣ Чернелицѣ и въ селѣ Щуровичахъ, въ 1662 году въ городѣ Станиславѣ, въ 1663 г. въ мѣстечкѣ Борщовѣ, въ 1666 году въ мѣстечкѣ Солотвинѣ, въ 1668 году въ селѣ Журовѣ; да въ Перемышльской Епархіи 9 приходовъ: въ 1655 году въ селахъ Бобркѣ, Бончалѣ, Неводнѣ, Кобылянкѣ и Ропѣ, въ 1659 году въ селѣ Диковцѣ, въ 1665 году въ селѣ Бинаровахъ, и сверхъ того, въ 1667 году, въ мѣстечкѣ Пацлавѣ Минориты построили монастырь Кальварію.

До самаго конца XVII вѣка не опомнились Католики, такъ что съ 1669 по 1673 г., во время Короля Михаила Корыбута (не смотря на его ревность, какъ отщепенца) учредилось только три прихода, а именно: въ 1669 году въ мѣстечкахъ Отынѣ, Лисцѣ и Козовѣ.

Погромъ Хмельницкаго и продолжавшіяся Козацкія войны сломали Польскій фанатизмъ, и прежняя ревность не проявлялась въ долголѣтнее правленіе столь рьянаго Католика, какимъ былъ Янъ Собѣскій. Съ 1674 по 1696 годъ Поляки учредили въ Львовской Епархіи только три прихода, а именно: въ 1691 году въ мѣстечкѣ Богородчанахъ, въ 1694 году въ Львовѣ (Св. Николая) и въ 1695 году въ мѣстечкѣ Христинополѣ, да въ Перемышльской Епархіи два прихода: въ 1676 году въ селѣ Моравлѣ, и въ 1680 году въ селѣ Вавжицахъ, и, сверхъ того, построено два монастыря въ Перемышлѣ: въ 1678 году Бонифратровъ и въ 1687 году Миссіонеровъ.

Если разсмотримъ историческіе документы XVIII столѣтія до самаго паденія Польши, то увидимъ, что, при усилившемся фанатизмѣ,

не смотря на всѣ протидѣйствующія событія, Полячеству и Католичеству удалось сдѣлать довольно большіе устѣхи въ Русскихъ земляхъ. Послѣ обращенія послѣднихъ двухъ Епархій Православныхъ въ Унію, Перемышльской въ 1691 г. и Львовской въ 1700 г., Поляки начали еще успѣшнѣе обращать Русскихъ Уніатовъ въ Католичество, присвоевая совращенныхъ къ Польской народности. Въ продолженіе семи лѣтъ (съ 1758 по 1765 г.) совращены разными продѣлками около 1,200 лицъ Русскихъ въ Латинство, какъ показываетъ перечень, выписанный мною изъ Митрополичьяго Львовскаго Архива и напечатанный въ изданіяхъ Кіевской Археологической Коммиссіи въ 1871 году. [42] Такимъ образомъ увеличивалось и увеличивается до сихъ поръ число Католиковъ и мнимо-Польскаго населенія въ Галичинѣ

Въ правленіе Августа II, съ 1697 по 1733 г., въ продолженіе 33 лѣтъ прибыло въ Львовской Епархіи 19 приходовъ и костеловъ, а въ Перемышльской Епархіи въ то же время только семь приходовъ, а именно: въ 1703 г. селѣ Волощѣ, въ 1712 г. въ селѣ Тарнавцѣ, въ 1714 г. въ селѣ Майданѣ Сѣнявскомъ, 1719 г. въ селѣ Медынѣ, въ 1724 г. въ Кашицахъ, въ 1726 г. въ селѣ Старой Веси и въ 1730 г. въ мѣстечкѣ Туркѣ (въ этомъ приходѣ нынѣ считается 302 души, а съ приписными селами 908 душъ Католиковъ, тогда какъ Евреевъ здѣсь живетъ до 5,000 душъ).

Въ правленіе Августа III, съ 1733 по 1763 г., въ Львовской Епархіи основано 12 приходовъ Католическихъ, а именно: въ 1738 г. въ мѣстечкѣ Винникахъ, въ 1740 г. въ мѣстечкѣ Бурштинѣ, Косовѣ и Нижневѣ, въ 1743 г. въ мѣстечкѣ Городенкѣ, въ 1747 г. въ селѣ Вишневчи и въ мѣстечкѣ Букачевцахъ, въ 1748 г. въ селѣ Червоногородѣ, въ 1753 г. въ селѣ Куткорѣ (монастырь Капуциновъ), въ 1755 г. въ селѣ Горинцѣ (монастырь Францисканювъ), въ 1756 г. въ селѣ Лукавцѣ, въ 1757 г. въ мѣстечкѣ Обертинѣ, въ 1758 г.

---

[42] См. подробный перечень насильственныхъ мѣръ, принятыхъ Католическимъ духовенствомъ для обращенія Уніатовъ въ Латинство, въ Архивѣ Юго-Западной Россіи, изд. Врем. Коммисіей для разбора древнихъ актовъ. Кіевъ, 1871, ч. I, томъ IV, стр. 521.—Die Kirchen und Staats-Satzungen bezüglich des gr. c. ritus der Ruthenen in Galizien, von Michael v. Malinowski. Lemberg, 1861, S. 311.

въ селѣ Олѣевѣ, къ 1760 г. въ мѣстечкѣ Яблоновѣ, и въ 1761 г. въ городѣ Залѣщикахъ; да въ Перемышльской Епархіи въ то же время прибыло шесть Католическихъ приходовъ: въ 1743 г. въ селѣ Новосельцахъ, въ 1749 г. въ селѣ Угерцахъ, въ 1751 г. въ селѣ Турби, въ 1754 г. въ селѣ Вязовницѣ, въ 1758 г. въ селѣ Майданѣ, и 1763 г. въ селѣ Михалковѣ.

Наконецъ, при послѣднемъ Польскомъ Королѣ, Станиславѣ Августѣ, съ 1764 по 1772 г., въ продолженіе 8 лѣтъ, прибыло въ Львовской Епархіи только 2 прихода: въ 1767 г. въ мѣстечкѣ Струсовѣ и въ 1769 г. въ селѣ Чернелевѣ Мазовецкомъ, да въ Перемышльской Епархіи одинъ въ 1765 г. въ мѣстечкѣ Дуклѣ.

Изъ этого перечня видимъ, что, во первыхъ, Польское народонаселеніе сосредоточивалось по большей части въ городахъ и мѣстечкахъ, въ селахъ же было въ небольшомъ количествѣ, такъ что лишь въ немногихъ деревняхъ оказалась надобность учрежденія приходовъ, или сооруженія костеловъ; во вторыхъ, всего болѣе построено костеловъ въ XV вѣкѣ, при Владиславѣ Ягайлѣ, и въ XVII, при Сигизмундѣ III; менѣе успѣховъ сдѣлали Католики въ XVI и XVIII вѣкакъ; во многихъ городахъ построены костелы очень поздно и Польское населеніе въ нихъ немногочисленно; въ третьихъ, во многихъ самыхъ древнихъ приходахъ поразительно малое количество Католиковъ или Поляковъ; въ четвертыхъ, первыя поселенія Польскія (впрочемъ, и Нѣмецкія) появились кругомъ Львова, а также въ Бельзскомъ Воеводствѣ. Съ XVII столѣтія возникаютъ Польскія поселенія въ Тарнопольскомъ Уѣздѣ и на Подолѣ; вѣроятно, послѣ Козацкихъ войнъ обезлюдѣла страна по причинѣ выселенія народа на Украину; въ пятыхъ, во многихъ мѣстечкахъ Восточной Галичины костелы построены уже въ XVIII и XIX столѣтіяхъ; въ нѣкоторыхъ же и до сихъ поръ костеловъ нѣтъ. Вообще, народонаселеніе Русское значительно превосходитъ числомъ Католическое.

Послѣ присоединенія Галичины къ Австрійской Имперіи опять ожила прежняя ревность къ распространенію и утвержденію Католичества: новое Правительство, при всей своей кажущейся терпимости, давало во всемъ преимущество Католикамъ, исподтишка стѣсняя Уніатовъ (Русскихъ). Называя Русскія людъ и духовенство своими вѣрнѣйшими подданными и признавая за ними на словахъ равныя

права, оно позволяло свободно переходить своимъ вѣрнымъ Русскимъ Уніатамъ въ Католичество и превращаться въ неблагонадежныхъ Поляковъ. Множество Русскихъ приходовъ уничтожено, а церкви и деревни приписаны къ сосѣднимъ приходамъ. Уніятскіе монастыри упразднены, и между ними—послѣдній и единственный монастырь въ Скитѣ, Станиславскаго Уѣзда, остававшійся среди сплошнаго Уніятскаго населенія, по 1785 годъ Православнымъ.

Съ 1772 года прекратились поселенія Польскаго люда, но Австрійцы призывали Нѣмцевъ, которые селились цѣлыми поселеніями по Уѣздамъ Галичины. Нѣмецкое поселеніе собственно началось съ 1780 годовъ и продолжалось еще въ настоящемъ столѣтіи. Приходили Нѣмцы-Католики изъ Австріи и Чехіи; Протестанты, Мениониты и Геренгутеры изъ Бадена, Нассау, Виртембергіи и проч., и селились на отведенныхъ имъ земляхъ, большею частью, казенныхъ. Въ поселеніи устраивалась Нѣмецкая школа, костелъ и молельня. Нѣмцы (Швабы) селились по большей части вблизи городовъ, солеваренъ и при шоссейныхъ дорогахъ, на особыхъ льготахъ и преимуществахъ, на чиншѣ, и устраивали себѣ, какъ свободные земледѣльцы, порядочныя хозяйства.

Баронъ Чернигъ, въ своей «Этнографіи Австрійской Имперіи,» описалъ со всѣми подробностями Нѣмецкія поселенія. [43] На этнографической картѣ они обозначены особой краской. Въ настоящее время считается въ Галичинѣ болѣе ста поселеній Нѣмцевъ, которые сохраняютъ свой языкъ, одежду и всю обстановку своего племеннаго быта.

Со временъ Австрійскаго владычества учреждены въ Львовской Епархіи слѣдующіе Католическіе приходы: въ 1775 г. въ мѣстечкѣ Радиховѣ, въ 1776 г. въ мѣстечкѣ Пустынѣ, въ 1777 г. въ селѣ Марковѣ, въ 1780 г. въ мѣстечкѣ Микулинцахъ, въ 1786 г. въ поселеніи Брукенталѣ, въ 1787 г. въ селѣ Ганачовѣ, въ 1788 г. въ селѣ Витковѣ, съ 1790 г. Снятинѣ, въ 1791 г. въ селѣ Милятинѣ, въ 1792 г. въ селѣ Оброшинѣ и въ поселеніяхъ Вейсенбергѣ и Фельдбахѣ, въ 1798 г. въ селѣ Качановкѣ. И того, въ продолженіе 11 лѣтъ,

---

[43] Ethnographie von Österreich von K. Freih. v. Czörnig. Wien, 1855.

учреждено 13 приходовъ, между ними три въ Нѣмецкихъ поселеніяхъ.

Въ настоящемъ столѣтіи не проявлялась особенная ревность къ распространенію Католичества, и учреждены лишь два прихода: въ 1807 г. въ поселеніи Бѣлгородѣ или Вейсбергѣ и въ 1814 г. въ селѣ Пенявахъ. Съ 1814 по 1842 годъ въ продолженіе 28 лѣтъ не появилось ни одного прихода въ Восточной Галичинѣ, а за тѣмъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, учреждено опять три прихода: въ 1842 г. въ селѣ Махлинцѣ, въ 1843 г. въ поселеніи Фелиціенталѣ и въ 1846 г. въ селѣ Велдѣжѣ (въ которомъ только 130 душъ Католиковъ).

Только съ сороковыхъ годовъ, съ той поры, когда революціонныя движенія сильнѣй овладѣли умами Поляковъ, и агитаторы начали дѣйствовать на Католическое духовенство для укрѣпленія ополяченія, фанатики-Ксендзы принялись опять привлекать къ себѣ Уніятовъ и умножать ими свои приходы для распространенія Полячества и ослабленія ненавистной имъ Русской народности. Всего сильнѣе заявила себя эта ревность во время управленія Галичины воспитанникомъ Езуитовъ, Графомъ Голуховскимъ. Ксендзы воспользовались этимъ обстоятельствомъ, и со времени его перваго назначенія Намѣстникомъ вдругъ учреждены слѣдующіе приходы: въ 1851 году въ селѣ Галущинахъ (въ которомъ до сихъ поръ нѣтъ костела), въ селѣ Могильницѣ, селѣ Росоховатцѣ и Хоростковѣ, въ 1852 году въ селѣ Будиловѣ и въ селѣ Лозовѣ (136 душъ), въ 1853 году въ селѣ Драгановкѣ и въ поселеніи Маріагильфѣ, въ 1854 году въ селѣ Хомяковѣ (132 души) и въ мѣстечкѣ Озерянахъ. Къ числу ихъ прибыло еще два: въ 1861 г. въ селѣ Подгорцахъ и въ 1862 году въ селѣ Жабинцахъ (гдѣ всего только 128 душъ Католиковъ). Въ Перемышльской Епархіи Австрійское Правительство учредило слѣдующіе Римско-Католическіе приходы: въ 1772 году въ селѣ Волковыѣ, въ 1782 году въ Нѣмецкомъ поселеніи Фалькенбергѣ (для 289 душъ), въ 1786 году въ селѣ Хлопичахъ, въ 1789 году въ селъ Стобѣрнѣ, въ 1795 году въ селѣ Требоши, въ 1797 году въ мѣстечкѣ Роздвадовѣ, въ 1818 г. въ селѣ Станахъ и Нѣмецкой колоніи Каринѣ (Rauchersdorf), въ 1840 году въ селѣ Едловкѣ, въ 1848 году въ селѣ Мединичахъ или поселеніи Königsau, въ 1865 году въ селѣ Радохонцахъ, и наконецъ въ 1869 году въ селѣ Подбужѣ устроена экспозитура для 125 душъ, съ 12-ю приписными селами 520 душъ Католиковъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ наскоро учрежденныхъ приходовъ находится самое ничтожное количество Католиковъ; не смотря на то, Ксендзы соединили по 10 и до 17 приписныхъ селъ въ одинъ Католическій приходъ, между тѣмъ какъ села Русскія, считающія 1,000 и 1,500 душъ, не могутъ добиться самостоятельнаго своего приходскаго Священника. Въ нѣкоторыхъ изъ новоучрежденныхъ Католическихъ приходовъ некому было построить костела—въ такомъ случаѣ было приказано Ксендзу служить въ Русской церкви! Не было фонда на содержаніе Ксендза — Графъ Голуховскій съ Архіепископомъ распорядились такъ, что высылаемы были викарные Ксендзы изъ другихъ отдаленныхъ Уѣздовъ, даже изъ другой Епархіи, и содержимы на счетъ своихъ прежнихъ Настоятелей, въ надеждѣ, что эти новые Польскіе апостолы присвоятъ себѣ побольше Католиковъ изъ Русскихъ прихожанъ и найдутъ способы пріобрѣсти фонды изъ мѣстныхъ средствъ. Omnia ad majorem Dei gloriam! Однако жь высланные Ксендзы нашли сильный отпоръ въ Русскомъ духовенствѣ; Русскіе Священники, какъ добрые пастыри, не дали уловить своихъ пасомыхъ. Итакъ, многіе изъ такихъ приходовъ (называемыхъ экспозитурами) оказались совершенно лишними, и по тому несостоятельными. Кромѣ костеловъ, Поляки настроили, также безъ всякой нужды, возлѣ Русскихъ церквей въ селахъ чисто Русскихъ, крошечныя часовни (kapliczki), называемыя въ Галичинѣ самоловами на Русскія души, чтобы только подчинить Ксендзу двѣ сажени земли въ Русскомъ селѣ и имѣть возможность въ чужомъ приходѣ вліять на Русскій народъ. Легко понять, какъ при такихъ обстоятельствахъ трудно опредѣлить границы между Польскою и Русскою народностью въ Галичинѣ, то есть, съ точностью показать, кто изъ нынѣшнихъ Галичанъ, по роду и племени — Русскій, а кто — Полякъ. По этой причинѣ Вѣроисповѣданіе обыкновенно принимается за признакъ народности, и всѣ Католики причисляются къ Полякамъ, а Уньяты — къ Русскимъ. [44]

---

[44] «Im Oesterreichischen Kaiserthume hängt das Religionsbekenntniss häufig mit der Nationalität zusammen... Kroaten und Serben, Polen und Ruthenen, lassen sich häufig nur nach den Religionsbekenntnissen scheiden. Besonders ist diess an den Gränzen der beiderseitigen Gebiete der Fall.» A. Ficker, Bevölkerung der Oesterreichischen Monarchie. Gotha, 1860, стр. 44.

Въ заключеніе представляемъ общія положенія и выводы изъ настоящей статьи:

1. Сказанія лѣтописцевъ о древнѣйшихъ жителяхъ Карпатскаго погорья весьма сбивчивы и недостаточны; но поселенія Славянъ столь древни, что Славяне могутъ считаться первобытными обитателями земли.

2. Русскіе Князья первые утвердили свою власть въ Карпатскомъ погорьѣ. При нихъ развилась Русская народность и имя Руси закрѣпилось навсегда.

3. По пресѣченіи рода Князей Русскихъ Поляки завладѣли краемъ и обратили его въ Польскую область — Червонную Русь.

4. Частыя нападенія Татаръ и наѣзды другихъ непріятелей раззорили страну. Поляки подорвали права свободныхъ сословій и закрѣпостили крестьянъ. Политическій и религіозный гнетъ былъ причиной отчужденія высшихъ слоевъ общества отъ своей народности, но народъ остался вѣренъ преданіямъ своихъ отцовъ.

5. Поселенія иностранцевъ были немногочисленны. Они занимали по большей части города и мѣстечки. Кромѣ Сѣверо-Западныхъ окраинъ, совершенно ополяченныхъ, остальныя области остались по преимуществу заселенными Русскимъ народомъ.

6. Ляшскія поселенія, заведенныя во время владѣнія Русскихъ Князей, совсѣмъ обрусѣли. Польское заселеніе шло постепенно, по мѣрѣ усиливающагося Католичества. Католики всего болѣе успѣховъ сдѣлали при Короляхъ Ягайлѣ и Сигизмундѣ.

7. Послѣ раздѣла Польши Австрійцы завели Нѣмецкія поселенія, но они не имѣютъ вліянія на мѣстную народность.

8. Распространеніе Полячества и Католичества продолжается и до сихъ поръ, но въ новѣйшее время Русская народность сильно заявила свою живучесть, и Галичане, хотя съ большими усиліями, но выдерживаютъ борьбу противъ вторгающагося ополяченія и окатоличенія.

II. Угорская Русь и Буковина.

Особый характеръ имѣетъ Угорская или Закарпатская Русь. Съ древнихъ уже временъ судьба ея была тѣсно связана съ Мадьярами или Уграми. Какъ сказано выше, Мадьяры, пришедши въ Панонію, нашли не только населенную Славянами страну, но и города, по нынѣ существующіе, каковы Угорско-Русскіе: Ужгородъ (Унгваръ), Мукачевъ (Munkacs); есть извѣстіе даже о мѣстномъ Князѣ, Лаборцѣ. Безыменный Нотарій Белы пишетъ, что нынѣшняя Угорская Русь по рѣки Тису и Теплу и по городъ Сланый (Soóvar) состояла внѣ границъ Угорскаго Королевства и принадлежали Русскому Государству Владидимира Великаго. Съ этого времени, кажется, и утвердилась Русская народность въ странѣ и съ той поры осталось за народомъ названіе— Русскій, Русь; однако жь, по причинѣ, вѣроятно, внутреннихъ междуусобій Русскіе Князья должны были скоро отказаться отъ владѣнія этою областью, съ которою сообщеніе ихъ было затруднено горами, и уже съ XI столѣтія Карпатскія горы называются Угорскими.[45]

Между тѣмъ о Русскихъ, которые, какъ мѣстные жители Угріи, жили въ Православіи, упоминаетъ Король Бела IV, въ своемъ посланіи къ Папѣ Инокентію, подъ 1252 годомъ.[46]

Въ 1285 г. Король Владиславъ Куманъ, по совѣту Византійскаго Императора Андроника, призвалъ Волоховъ (Румунъ) на помощь про-

---

[45] Несторъ пишетъ: «Пришедше отъ востока (Угри), устремишася черезъ горы великія» (то есть, Карпаты), а переписчики Троицкаго, Радивиловскаокаго и Академическаго списковъ прибавили: «яже прозвашася горы Угорскія.» См. Лѣтоп. по Лаврент. списку. Спб. 1872, стр. 24. Подъ 1014 годомъ Несторъ уже называетъ Карпаты «Угорскими горами»: «Святополкъ же съ окаянный и злый уби Святослава, пославъ ко «горѣ Угорстей», бѣжавшу ему въ Угры.» Тамъ же, стр. 136. Въ Словѣ о полку Игоревѣ говорится о Князѣ Ярославѣ Осмомыслѣ, что онъ подперъ «горы Угорскія» своими желѣзными полками.

[46] «Supplicamus itaque sanctitatis vestrae clementiam, dignemini reducere in memoriam, qualiter nos laboraverimus in plantatione et ampliatione fidei catholicae, sicut manifestum est ex solicitudine nostra... in conversione Ruthenorum ad obedientiam sedis apostolicae.» Peterfy Concil. part. I, стр. 73. Балудянскій, Истор. Церк. стр. 203.

тивъ Татаръ, которые со своихъ кочевищъ надъ р. Прутомъ и Молдавой перешли «высокія горы» и черезъ землю Эрделя (Седмиградію) на р. Марошъ; съ помощію Румунъ Владиславу удалось поразить Татаръ на р. Тисѣ. Въ награду за эту помощь Король Владиславъ далъ Волохамъ землю между Марошемъ и Тисою, называемую Крижи и, благопріятствуя въ душѣ Греческому Вѣроисповѣданію, [47] позволилъ свободно жить въ своей Вѣрѣ. Когда Остригомскій Архіепископъ, Владиміръ (Ладомеръ), [48] по повелѣнію Папы Николая IV, поднялъ крестовый походъ на Православныхъ въ Мараморошѣ, Владиславъ разогналъ войско Крестоносцевъ. Послѣ этого въ 1332 и 1334 гг. Король Карлъ-Робертъ дважды выступалъ съ своими войсками противъ соединенныхъ Румунъ и Русскихъ въ Мараморошѣ, а Папа даже разрѣшилъ въ постное время ѣсть мясо воинамъ, сражавшимся съ схизматиками въ неприступныхъ горныхъ ущельяхъ. [49]

Въ 1352 г., а по другимъ сказаніямъ въ 1359 г., произошло въ этихъ странахъ достопримѣчательное событіе, весьма важное по своимъ послѣдствіямъ. Одинъ изъ начальниковъ Мараморошскихъ Румунъ и Русскихъ, Воевода Богданъ Драгошъ, человѣкъ мужественный и разумный, охотясь съ дружиною своею, по слѣдамъ тура пробрался черезъ «высокія горы» и полонины и на сѣверо-восточномъ склонѣ ихъ нашелъ прекрасную мѣстность для поселенія. Они перешли съ своими семействами и поселились первоначально въ с. Воловцѣ при р. Формозѣ (Красной) въ Буковинѣ. Драгошъ построилъ церковь и монастырь, въ которомъ до сихъ поръ покоится прахъ основателя Молдавскаго Господарства. Вотъ начало Государства, которое

---

[47] Въ Воскресенской лѣтописи пишется, что Король Владиславъ былъ племянникомъ (братень сынъ) Сербскаго Архіепископа Саввы, крещенъ былъ отъ него и «дръжаше вѣру Хрисову въ серци тайно, а языкомъ и кралевскимъ украшеньемъ баше Латынинъ.» Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. VII, стр. 256.

[48] Владиміръ или Лодомеръ происходилъ отъ племени Русскихъ Князей и родомъ былъ изъ Галичины. См. Шмидтъ, Archiepiscopi Strigoniensis compendio dati, стр. 144. Балудянскій, Церковная исторія II, стр. 200, 217. — Память по немъ осталась въ названіи Ладомирова (Ladomèr), мѣстечка Земненскаго Жупанства подъ Карпатами, откуда родъ свой ведутъ Угорско-Русскіе дворяне Ладомирскіе.

[49] Прай, Annales regum Hungariae, 1764, подъ годами 1332, 1234 и 1338. — Исторія Галицко-Володимирской Руси. Львовъ, 1863 стр. 140.

въ послѣдствіи извѣстно подъ названіемъ Волощины, Молдавіи или Мультанъ. Даже нынѣшніе Румунскіе историки, ведущіе свою исторію со временъ императора Траяна, сознаютъ, что исторія Румунъ (въ Буковинѣ и Молдавіи), послѣ тысячелѣтняго промежутка, снова начинается только съ 1352 года, то есть, съ переселенія изъ Маромороша въ Буковину Воеводы Драгоша,[50] который вскорѣ распространилъ свою власть на всю Буковину и Молдавію, такъ какъ древнія Русскія области, послѣ завоеванія Галича Королемъ Казиміромъ, были предоставлены своей судьбѣ — въ добычу Татарской орды. По сказаніямъ Молдавскихъ лѣтописцевъ, Мирона Костина и Урика Ворника (Дворника, Дворецкаго), Драгошъ нашелъ въ странѣ Русскихъ, селенія которыхъ въ его правленіе умножались жителями, возвращающимися въ оставленныя ими предъ Татарами страны. Русскіе заняли по преимуществу волости Черновицкую, Хотинскую и по полямъ Ясскую и Сочавскую, наконецъ цѣлое Поднѣстровское побережье въ нынѣшней Бессарабіи по Сороку и Охрей.[51] Уже въ XIV столѣтіи край Днѣстровскаго побережья носилъ названіе — Россовлахіи.[52]

Напротивъ того, еще раньше происходили переселенія Русскихъ съ этой стороны Карпатъ въ Угрію. Безыменный Нотарій Короля Белы пишетъ, будто бы Мадьяры, на пути своемъ въ Панонію, сопровождаемы были Русскими, которыхъ они поселили въ Мараморошской и Ужанской областяхъ. Если мы и не примемъ это сказаніе за историческое событіе, то все же должны признать, что уже издревле было преданіе о переселеніи Угро-Россовъ съ Сѣвера. Впрочемъ, изъ Угорскихъ источниковъ извѣстно, что при Короляхъ Арпадскаго племени, Андреѣ I, Коломанѣ, Белѣ IV, Владиславѣ Куманѣ, Русскіе переселялись въ Угорщину, и что города: Великій Русскій Городъ (Nagy Orosz-var), Великороссы (Nagy Oroszi), Малороссы (Kis Oroszi) производятъ свое названіе отъ переселившихся туда Рускихъ.[53]

---

[50] Діонисій Фотино: Istoria generalie a Daciei. Edit. Georgie Sion, t. I, partea 2, epoca II, cap. 17.

[51] См. Archiv istor. a Romaniei. Annul I, № 21, pag. 157. Фотино III, pag. 5. Буковинская Зоря, 1870. Полное Собр. Лѣтоп. VII.

[52] В. Григоровича, Записка Антиквара. Одесса, 1874, стр. 48.

[53] Если по тожественности топографическихъ названій можно заключать о переселеніи народа съ одной стороны въ другую, то такія явленія прямо указы-

Всего замѣчательнѣе было водвореніе Князя Коріатовича въ Сѣверо-Восточной Угріи. Въ половинѣ XIV столѣтія Князь Ѳедоръ Коріятовичъ (сынъ Князя Константина Коріята, владѣвшаго Подоломъ), не желая покориться своему дядѣ, Великому Князю Ольгерду, перешелъ къ Угорскому Королю, Людовику (владѣвшему тогда и Галицкою Русью), и получилъ отъ него въ удѣлъ Мукачевскую и Маковицкую области, на южномъ склонѣ Карпатъ. Съ нимъ пришло много Русскаго народа изъ Подола и поселилось въ Мукачевской области. [54] Полити-

---

ваютъ на перехожденіе Русскаго народа съ этой стороны Карпатъ на Угорскую, или же изъ Угріи въ Галичину. По этой сторонѣ Карпатъ есть деревни: Ряпедь, Перехресна, Вербѣжь, Чертежь, Ильинцы, Глубока, Ляховцы, Раковецъ, Лашковцы, Грушова, Грабовцы, Ясень, Чепели, Мальчичи, м. Солотвина, и за Карпатами находимъ тѣ же названія селъ: Ряпедь, Перекресна, Вербяшъ, Чертежъ (Csertézs), Ильинцы (Iglincz), Глубока, Ляховцы (Lehócz), Раковецъ (Rakócz), Лашковцы (Lask), Грушовъ (Körtvélyes), Грабовцы (Hrabócz), Ясенье (Körösmezzö), Чепели (Csepely), Мальчичи (Malcza), Солотвина (Szlatina), тутъ и тамъ находимъ сс. Брустура, Нягова и пр.

[54] Туровцій, Historia Hungariae, стр. 154.—Шмидтъ, Episcopi Agrienses, т. I, стр. 269.—А. Сирмай, Notitia Comitatus Zemplinensis, стр. 251. Объ этомъ событіи свидѣтельствуетъ записка стариннаго почерка, писанная на лоскуткѣ бумаги и найденная недавно въ архивѣ Мукачевскаго монастыря, слѣдующаго содержанія: «Князь Ѳедоръ Коріятовичъ, Воевода Новгородскій первіе, послѣдъ Воевода на Подоліи и Губернаторъ, ѡставльше ѡтечествѡ свое, Подолію, ѡтъ ѡстрыя своего Олгерда, пришедъ до Угро-Россіи въ лѣто 1339 къ Царю Угорскому Каролю I, иже прія егѡ радостнѡ, и даде ему всю династію Мукачовску съ всѣми ѡкресными пѡ столици Берегской селами, градами ѡтъ Уга даже дѡ Густа у Мараморощи. Той ѡтъ года 1339 положи нынѣ сущаго города Мукачовскагѡ, в немъ же пребывая часу нѣкоегѡ, изыйде ловити на гору (яже нарече гора Чернецъ) и где нападе нань змій велій (драконтъ), зіялъ усты, хотя и поглотити, и призва Святителя Николая въ помощь, копіемъ ѡруженъ, заколе егѡ, яко изявляетъ ѡбразъ, изъ камене изсѣченъ въ старой церкви, ѕбавльше егѡ губительства и поглащенія зміинагѡ на камени есть въ честь и память Святителя Христова Николая положи храмъ сей, и уведе в онь иноковъ въ лѣто 1360 дня 8-го Марта, Божіимъ иже ѡ всѣхъ промышленіемъ. Отъ временъ зданія обители невидимѡ, кои бывали начальницы, зане гоненія велія бываху Татарскія, Турецкія, мѣста таковыя иноческа раворяху, востанія еретиковъ на церковь святую и люди Божія, ѡвыхъ паляху, каменемъ побиша, въ огнь, воду потопиша, въ толикое запустѣніе мѣстѡ сіе пріиде, чтѡ ни писаніе жадно ѡбрѣтеся, нѡ преданіе людское все научаше до лѣта 1458, ѡтъ которагѡ хронологія сія начинается». (Сообщено

ческій гнетъ и религіозныя гоненія въ Польшѣ часто принуждали Русскихъ выселяться большими толпами и искать убѣжища за Карпатами. Въ XVII столѣтіи Православные Галичане, уклоняясь отъ шляхетскаго гнета, переселились въ количествѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ въ Угрію и усѣлись около Ягра (Эрлау) и Сольнока (Szolnok), а Полякъ Счастный Гербуртъ Добромильскій, негодуя на несправедливость своихъ земляковъ, безпокоится за цѣлость шляхетскаго имущества, говоря: «Чего же можно надѣяться отъ обиженныхъ? Развѣ того, что они за разбой (чрезмѣрные налоги) отплатятъ намъ разбоемъ, за оскорбленіе своей Вѣры отмстятъ намъ похищеніемъ нашего имущества?» [55]

Въ обмѣнъ за то, что Русскій народъ изъ Подола и Галичины выселялся и занималъ упраздненныя Волохами мѣста, одинокіе Румынскіе выходцы, служа Королямъ Польскимъ, получали отъ нихъ въ награду привилегіи на имѣнія и свободное пользованіе землей подъ именемъ Волошскихъ Княжествъ или Волошскихъ селъ, поселенныхъ на, такъ называемомъ, Волошскомъ правѣ (jure Valachico). [56] Первую привилегію на Волошское право далъ Король Угорскій и Польскій Людовикъ въ 1374 году. [57] Въ 1378 году Владиславъ, Князь Опольскій и Русскій, жаловалъ имѣніе Одриполе нѣкоему Владимиру Волошину (Ladimiro Valacho). Король Ягайло пожаловалъ въ 1393 году Михайлу Волошину съ братіею село Гошевъ въ Зыдачевскомъ Уѣздѣ. Семовитъ, Князь Мазовецкій, жаловалъ братьевъ Якова и Мишку Волошиновъ Княжествомъ въ Любичи, Белзскаго Уѣзда, гдѣ до сихъ поръ живутъ обрусѣвшіе Князья Любицкіе свободными землевладѣльцами. Тотъ же Князь Семовитъ въ 1424 году далъ привелегію на Волошское право Волохамъ села Руды, [58] исключая ихъ изъ Русскаго права. Въ

Анатоліемъ Крадицкимъ въ газетѣ «Слово», изд. во Львовѣ 1874 № 69.

[55] Вѣстникъ Западн. и Юговап. Россіи. Кіевъ, 1862, т. I, стр. 16 Документы, объясняющіе исторію Западно-Русскаго края. Спб. 1865, стр. 228.

[56] См. O wsiach tak zwanych Woloskich na północnym stoku Karpat, przez Hr. Alex. Stadnickiego. We Lwowie, 1848. Его же O Kniaztwach Wołoskich z poględem na wójtowstwa we wsiach, na Magdeburskiem prawie osadzonych. We Lwowie, 1853.

[57] Метрика Коронная, кн. LXXI.

[58] См. Метр. Кор., кн. XXXV, in Belz feria 1, post Ascensionem Domini. «Damus...

1440 году Князь Свидригайло пожаловалъ Максима или Влада Драгасиновича селомъ Косово (нынѣ Старый Косовъ и возлѣ него м. Косовъ), съ монастыремъ (нынѣ упраздненнымъ) на р. Рыбницѣ, въ Снятинской волости Коломыйскаге Уѣзда, прибавляя ему двѣ поляны, называемыя Березово (приселокъ с. Криворовни) на р. Черемошѣ, и Жабье (нынѣ большое Гуцульское село въ горахъ, считающее въ двухъ приходахъ 4,800 душъ). Въ 1456 году Король Казимиръ-Ягайловецъ далъ привилегію выходцамъ Михайлу, Логоѳету Молдавскому, съ братьями Давыдомъ и Думой (Дмитріемъ) поселиться въ Каменцѣ, Коломыѣ, или Дрогобичѣ и покупать имѣнія, но они, получивъ послѣ прощеніе, возвратились опять въ свое отечество.[59] Поляки всячески покровительствовали Волошскимъ выходцамъ, стараясь снискать себѣ сторону въ краѣ, которая способствовала бы имъ въ посягательствѣ на Молдавію и Буковину. Такимъ образомъ вся Червонная Русь переполнилась Князьями, называемыми Волошскими, которые, будучи хорошо знакомы съ Русскимъ языкомъ, совершенно обрусѣли съ своимъ потомствомъ и произвели Русскую дробную шляхту, заселяющую до сихъ поръ многія села Карпатскаго погорья.[60]

Молдавскіе Господари и Румунскій народъ, живя въ мирѣ съ единовѣрными Русскими, защищали вмѣстѣ свою независимость отъ покушеній Поляковъ и Мадьяръ и искренно помогали другъ другу. Уже въ 1491 году, когда нѣкто Муха, по преданію Козакъ, котораго Кромеръ называетъ мужиковъ (Rusticanus homo), набравъ изъ Волоховъ

---

dictis Valachis plenum jus Valachorum, prout ceteri Valachi in terris nostris eodem jure gaudent, absolventes ipsos Valachos ibidem ab omnibus juribus Ruthenicalibus.»

[59] Inventarium privilegiorum ex Archivo regni in arce Cracoviensi. Lutetia Parisiorum 1862.

[60] Длугошъ производитъ гербы нѣкоторыхъ фамилій прямо изъ первобытныхъ мѣстъ ихъ жительства, изъ Карпатъ: «Sas, Dragovie, alias Sasovie, genus Valachicum, ex montibus et silvis provinciorum Russiae, qui Potoniny nuncupantur, ducens originem.» См. Clenodia regni Poloniae. Krakow, 1851, стр. 67. Впрочемъ, можно предполагать, что эти называемые Волошины или Волохи (Valachi) не были настоящими Румунами, а Русскими, живущими подъ Волошскимъ владычествомъ въ Молдавскомъ Господарствѣ, тѣмъ болѣе, что ни въ одномъ селеніи, основанномъ на Волошскомъ правѣ, не строено церкви и не поставлено Румунскаго Священника, и нигдѣ не упоминается о перемѣнѣ народности. Въ Угорскихъ документахъ часто принимаются названія: «Valachi vel Rutheni» прямо за синонимы.

и Покутской Руси (Russis Pokutensibus) десятитысячное войско, началъ воевать съ Поляками, то Поляки подозрѣвали, что это дѣлалось если не по наущенію, то вѣрно съ согласія Молдавскаго Воеводы, Стефана. [61] Румуны не разъ побѣждали Поляковъ, а въ лучшую пору исторіи Молдавіи Воевода Стефанъ завладѣлъ Покутьемъ и Галичемъ (въ 1502 году). Ожидая своего спасенія, Русская народность окрѣпла для новой борьбы съ Поляками, когда остальныя области совсѣмъ были подчинены власти Польской. По этой причинѣ на Покутьи и Галицкомъ погорьи удержалась цѣльнѣе Русская народность: здѣсь сохранились всего чище древнія преданія, оттуда изобильнѣе течётъ поэтическая струя своепочвеннаго народнаго творчества.

Итакъ Русская народность, тѣснимая съ запада и юга Поляками и Мадьярами, нашла единственно на юго-востокѣ вѣрныхъ союзниковъ въ Румунахъ. Для лучшаго уясненія взаимныхъ отношеній, разсмотримъ главные моменты исторіи Молдавіи и столкновенія Румунъ съ Польшей. Румуны, называемые у Славянъ Влахами или Волохами, издревле были южными сосѣдями Руси по всей чертѣ отъ источника Тисы вдоль Прута къ устью Днѣстра. Поселившись на большомъ пространствѣ, между нижнимъ Дунаемъ, Балканомъ и Карпатами, они жили среди Славянъ и только съ западной стороны прикасались къ Мадьярскому племены. По этой причинѣ они подверглись рѣшительному вліянію Славянъ, — языкъ ихъ содержитъ въ себѣ пятую долю славянскихъ словъ, и всѣ названія и достоинства, въ гражданскомъ ихъ управленіи—славянскія: Великій Банъ, Дворникъ, Ключарь, Стольникъ, Постельникъ, Болѣры, Жупаны, Намѣстницы и др., встрѣчаемыя въ грамотахъ Молдавскихъ Господарей—все Славянскія слова. Многіе города и села удержали до сихъ поръ Русскія названія, а города: Бѣлгородъ (Аккерманъ), Черновцы, Романовъ, Нѣмечь, Сочава, Серетъ, Баня и др. издревле считались Русскими городами. [62] Ны-

---

[61] «Si non concitante, conveniente quidem certe Stephano, palatino Moldaviae.» Кромеръ подъ 1491 г., XXIX, стр. 642.

[62] «А се имана градомъ всѣмъ Русскимъ, дальнымъ и ближнимъ: на сей странѣ Дунаа, на устьи Днѣстра надъ моремъ Бѣлгородъ, Черн Аскый Торгъ (чит. Чернавскій, Черновецкій Торгъ на Прутѣ рѣцѣ, Романовъ Торгъ на Молдавѣ, Немечь (Нямцъ) въ горахъ, Корочюновъ камень (Piatro), Сочава, Серетъ, Баня (Бая), Нечюнъ чит. (Печюнъ, нынѣ Печенѣжинъ), Коломыя, Городокъ на Черемошѣ, на Днѣстрѣ Хотѣнь.» Полн. Собр. Русск. Лѣт. VII, стр. 240.

нѣшнее мѣстечко Бырладъ уже въ половинѣ XII вѣка служило убѣжищемъ для Галицкаго Князя Ивана Ростиславича, прозваннаго Берладникомъ. Съ половины XIV столѣтія (какъ сказано выше) Румуны, занявъ первобытно Русскую землю и утвердившись между Русскими жителями Буковины, сначала принимали обычаи и политическое устройство своихъ согражданъ, но съ теченіемъ времени, распространившись на нижнемъ Днѣстрѣ и Прутѣ, они основали самостоятельное Княжество Молдавское или Мунтянское (Цара Молдавіей, Мунтенѣскъ). Богдановы наслѣдники господствовали продолжительное время, называя себя Воеводами или Господарями; Буковина долго оставалась главною областью, а Сучава была столицей Господарства и мѣстопребываніемъ Митрополита. Такимъ же образомъ, только однимъ столѣтіемъ раньше, возникло Валашское (Волошское) Воеводство (Цара Романѣскъ), основателемъ котораго былъ выходецъ изъ Седмиградіи, Радулъ Негру (Черный). Въ обоихъ Княжествахъ удерживалось правленіе и все гражданское устройство по Славянскому обычаю. Славянскій языкъ, заимствованный Румунами отъ сосѣднихъ Славянъ, со времени крещенія ихъ сохранялся въ церковномъ богослуженіи до половины XVII вѣка, въ гражданскихъ же дѣлахъ было въ употребленіи Русское нарѣчіе въ Молдавіи, а Болгарское въ Валахіи.

Послѣ паденія Галицко-Русскаго Княжества, Молдавскіе владѣтели въ нынѣшней Буковинѣ пришли въ столкновеніе съ Польшей. Поляки, укрѣпившись въ Галичинѣ, обратили скоро свои хищные взоры на сосѣдственную Румунскую область, начали вмѣшиваться во внутреннія дѣла и родовые споры Молдавскихъ Воеводъ, и своими ухищреніями довели до того, что Молдавское Княжество нѣсколько разъ принуждено было признать надъ собою покровительство усиливавшейся Польши, такъ какъ Волошскіе Воеводы признавали верховную власть Мадьяръ.

Не смотря на то, Румунскимъ Господарямъ не однажды удавалось, отчасти съ Турецкою помощію, побѣждать Польскіе и Мадьярскіе полки, вторгавшіеся въ предѣлы ихъ областей. Воевода Волошскій Божидаръ поразилъ Угорскаго Короля, Карла-Роберта, послѣ чего Мадьяры надолго оставили Румунъ въ покоѣ; но гораздо сильнѣе и настойчивѣе былъ напоръ Поляковъ въ Молдавію, которую они непремѣнно хотѣли покорить своему владычеству. Однако жь, почти всѣ походы Поляковъ были неудачны и стоили Польской Рѣчи Посполи-

той много денегъ и крови. Уже въ 1360 году Казимиръ Великій, вмѣшавшись въ наслѣдственный споръ между двумя сынами Стефана, послалъ свое войско на помощь старшему сыну Стефана. Младшій братъ, Петръ, далъ имъ сильный отпоръ, и Польскія войска были истреблены до послѣдняго человѣка. [63] Послѣ этого во второй половинѣ XV столѣтія Воевода Стефанъ, мужественно защищаясь противъ Султана Магомета, который напрасно осаждалъ его въ Хотинѣ и Сучавѣ, принужденъ былъ искать помощи и покровительства у Поляковъ, надѣясь найти опору у Христіянъ. Но Стефанъ жестоко ошибся въ своемъ предположеніи: Польскій Король вздумалъ употребить эту случайность для осуществленія давняго желанія — подчинить Молдавію Польской Коронѣ. Въ 1388 году Ягайло взялъ въ займы у Воеводы Александра 3,000 рублей Фряжскаго серебра, и отдалъ ему подъ залогъ города Снятинъ, Коломыю и все Покутье, которое нѣкоторое время оставалось во власти Воеводы.

Въ 1497 году Король Янъ Альбрехтъ отправился съ значительными силами въ Буковину и, подъ предлогомъ вспомогательнаго войска, приведеннаго будто бы на защиту Стефана противъ Турокъ, намѣревался посадить на Господарскомъ престолѣ Поляка Сигизмунда, брата Князя Глоговскаго. Но едва Польскія войска вступили въ Буковину и начали осаждать Сучаву, какъ обнаружилось Польское коварство, и Молдаване, схватившись за оружіе, нанесли мнимымъ друзьямъ рѣшительное пораженіе. Король Янъ Альбрехтъ спасся только поспѣшнымъ бѣгствомъ, а его шляхетское войско понесло въ Буковинскихъ лѣсахъ столь неслыханное пораженіе, что въ Польскомъ народѣ осталась пословица: «За Круля Альбрахта погинела шляхта.» Но этимъ не кончилось наказаніе вѣроломнымъ: Мстительный Стефанъ занялъ Покутье и, вторгшись съ 100,000 войскомъ въ земли, принадлежащія Коронѣ, жегъ и плѣнилъ села и города до самой Вислоки. Львовъ спасся только прочностію своихъ стѣнъ; Перемышль, Радимно, Переворскъ и Ланцутъ покрылись пепломъ и развалинами. Съ того времени Молдаване скорѣе дружились съ невѣрными Турками, чѣмъ съ

---

[63] Такъ, по крайней мѣрѣ, пишетъ Длугошъ, кн. IX, стр. 1122, а за нимъ другіе Польскіе историки; см. Бѣльскій, Kronika Polska. W Krakowie, 1597, стр. 235.

[64] Акты Западн. Россіи I, стр. 22, 23. — Бѣльскій, Kronika Polska. W Krak., 1597, стр. 310.

лукавою Польшей. Столько испытали они всякаго рода бѣдствій отъ своеволія гордыхъ вельможъ Польскихъ, не обуздываемыхъ никакими законами слабаго правительства. Сами Польскіе историки утверждаютъ, что Гетманъ Жолкевскій, въ заключенномъ съ Турками, въ 1617 году, договорѣ, для того только отказался отъ всякихъ притязаній со стороны Короны на Молдавію, и чтобы разъ на всегда преградить Польскимъ вельможамъ дорогу ко вторженію въ Молдавію и вмѣшательству въ народные споры, и такимъ образомъ, предохранить свое отечество отъ всевозможныхъ смутъ и напраснаго кровопролитія. При этомъ не лучше показали себя и сами Польскіе Короли: вмѣсто того, чтобъ унимать своевольныхъ пановъ, Польскіе вѣнценосцы затѣвали интриги, сажали произвольно на Господарство своихъ приверженцевъ, иногда и казнили смертію Молдавскихъ Господарей, не имѣя на то никакого права, кромѣ права сильнѣйшаго.

Такъ, въ 1501 году Король Янъ Альбрехтъ запятналъ послѣдній годъ своего владѣнія тѣмъ, что приказалъ снять голову Воеводѣ Ильѣ, который искалъ въ Польшѣ защиты противъ Стефана.[65] Такъ, въ 1564 году потекла неповинная кровь Молдавскаго Воеводы, Стефана Томши, и двухъ его Бояръ подъ мечомъ палача на городской площади въ Львовѣ, по повелѣнію Сигизмунда-Августа. Православная Русь смиренно схоронила мертвое тѣло несправедливо казненнаго Господаря при церкви Св. Онуфрійскаго монастыря въ Львовѣ на вѣчное упокоеніе.

То же самое сдѣлалъ Король Стефанъ Баторій въ 1578 году. Иванъ Подкова (братъ Молдавскаго воеводы Ивони) былъ въ свое время славнымъ Гетманомъ Козацкимъ. По смерти брата онъ былъ призванъ на Господарство, но противная сторона, съ помощію Короля, поставила Господаремъ Петра, ненавидимаго Молдаванами. Иванъ Подкова, довѣряя лукавымъ совѣтамъ Князя Януша Збаражскаго, достался измѣннически въ Королевскія руки. Король приказалъ его сковать и сослать въ Великопольскій городъ Раву, и онъ былъ бы даже казненъ

---

[65] Это сознаютъ сами Польскіе писатели: «Ostatni rok panowania Jana Olbrachta splamiony został ścięciem Eliasza, syna Piotra, Wojewody Multanskiego, szukajęcego w Polsce przytułku przed Stefanem.» См. Tablice synchronistyczne do historyi Polskiej. Poznań, 1841, стр. 28, 37.

смертію, если бы собранная на сеймъ шляхта не ходатайствовала за столь заслуженнаго для Республики Козацкаго богатыря. Не смотря на то, Король Стефанъ, въ угоду Туркамъ, приказалъ послѣ привезти его въ Львовъ и на рынкѣ, какъ уголовному преступнику, отрубить ему голову. А чтобы знатные люди опять не просили пощады этого славнаго побѣдителя бусурманъ, Король въ это время отправился на охоту. Замѣчательное описаніе послѣднихъ минутъ жизни Ивана Подковы передалъ намъ Тосканскій агентъ Филиппъ Тальдуччи въ своихъ письмахъ изъ Польши и Литвы съ 1578—1583 г. [66] Въ первомъ письмѣ, отъ 12 Іюля, 1578 г., изъ Кракова онъ упоминаетъ о казни Ивана Подковы, «который владѣлъ уже всею Валахіей, казни, опозорившей Польскій народъ и причинившей Королю нѣкоторыя замѣшательства.» При томъ Тульдуччи препровождаетъ письмо, полученное имъ отъ достовѣрнаго лица (persona digna di fede), современника и очевидца, содержащее въ себѣ любопытныя подробности о казни Подковы и представляющее въ живописныхъ чертахъ кровавую картину смерти Русскаго героя, котораго доблести не могли не цѣнить современные Поляки и даже иностранцы. Вотъ письмо въ Русскомъ переводѣ:

«Его Величество Король (Стефанъ Баторій), уѣзжая изъ Варшавы, приказалъ привести Подкову, бывшаго Господаря Молдавіи, въ Раву, въ Мазовецкой землѣ и держать его тамъ подъ строгою стражей. Наконецъ приказалъ онъ привезти его во Львовъ, куда пріѣхалъ чаушъ (Турецкій посланецъ) не въ иной цѣли (какъ о томъ говорили), какъ только домогаться головы этого Подковы. Въ томъ же намѣреніи появился также Посолъ Молдавскаго Господаря, поднесшій Королю въ даръ 50 воловъ, четыре бочки мускату (вина), двѣ малыя бочки соленыхъ лимонъ и превосходную лошадь. Послѣ того, въ понедѣльникъ, 16-го Іюня, Его Милость Король выѣхалъ утромъ изъ города на два дня будто бы на охоту. Передъ своимъ выѣздомъ онъ далъ приказъ, чтобы весь городъ вооружился; онъ повелѣлъ то же гайдукамъ своей стражи, чтобы городъ былъ затворенъ, а еще прежде

[66] См. Monumenta historica Slavorum meridionalium, collecta a V. Makuszev. Varsoviae, 1874, рад. 385 — 387. Listy Annibała z Kapui, arcibiskupa Neapolitanskiego, Nuncyusza w Polsce, wyd. Alexander Przezdziecki. Warszawa, стр. 253 — 258.

того онъ приказалъ уѣхать чаушу, какъ для собственной его безопасности, такъ и для устраненія подозрѣнія о томъ, что имѣло послѣдовать; ибо ему внушалъ подозрѣнія необыкновенный наплывъ вооруженнаго народа, пришедшаго частью для оказанія почтенія Королю, частью же, можетъ быть, и для того, что узналъ о привезеніи Подковы въ Львовъ.

Послѣ отъѣзда Его Милости Короля и по принятіи всякихъ мѣръ предосторожности, около 14-го часа былъ приведенъ на рынокъ несчастный Князь (il misero principe), однако же не съ связанными руками, и никто не держалъ его, по особенной милости, данной ему по его просьбѣ. Послѣ прочтенія ему смертнаго приговора, барабанный бой и невыразимый шумъ народа раздался на площади... Прошедшись дважды по мѣсту казни, поглаживая бороду и смотря на народъ, безъ всякой боязни смерти, Подкова просилъ народъ притихнуть, и когда спокойствіе водворилось, онъ обратился къ нему съ слѣдующею рѣчью: «Господа Поляки меня привели на казнь, и я не знаю за что; ибо не вѣдаю за собою въ жизни моей никакой вины, достойной такого наказанія. Знаю одно только то, что я всегда сражался храбро и честно съ врагами имени Христіянскаго, и всегда старался о выгодахъ и пользѣ этого отечества нашего; быть оплотомъ противъ невѣрныхъ, это было постоянною моею мыслію, — я старался удержать ихъ въ границахъ и не дозволить имъ перешагнуть черезъ Дунай, но я не могъ привести въ исполненіе своей задушевной мысли, Богъ вѣдаетъ, по какой причинѣ, преимущественно по винѣ того, довѣрившись коему я достался сюда, [67] но я надѣюсь на Бога, что Онъ въ краткомъ времени накажетъ его, какъ вѣроломнаго пса за мою невинную кровь... Знаю одно только, что я долженъ умереть отъ рукъ этого (указывая на палача), по тому что такъ привязался поганый песъ къ вашему Королю, своему рабу, а Король вашъ къ палачу. Смерть мнѣ ни по чемъ. Но памятайте, что не пройдетъ много времени—и вы не избѣжите моей участи, и по волѣ того поганаго пса будутъ отправлены въ Цареградъ ваши имущества

---

[67] По замѣчанію Безыменнаго корреспондента здѣсь подразумѣвается одинъ Воевода Руси (uno general de Russia), поручившійся, что Подковѣ не будетъ сдѣлано никакого зла въ Польшѣ. Этимъ измѣнникомъ былъ Янъ Збаражскій, Воевода Браславскій. См. М. Бѣльскаго Kronika polska, III, стр. 1435.

и головы вашихъ благодѣтелей.» Послѣ того, помолчавъ немного, онъ обратился къ восьми слугамъ своимъ, которые при немъ стояли и продолжалъ свою рѣчь: «Прошу васъ, этимъ слугамъ и моимъ товарищамъ, столь почтеннымъ, какъ я самъ, по моей смерти не причинять никакого зла: это—достопочтенные люди, много заслуженные Рѣчи Посполитой. По этой причинѣ слѣдуетъ, чтобы они не испытали никакой обиды, но чтобы вознаграждены были по своимъ заслугамъ.» Потомъ онъ прибавилъ: «Прошу еще васъ о томъ, чтобы этому безчестному человѣку (показывая на палача), какъ недостойному коснуться меня, не дозволено было прикасаться моему тѣлу послѣ моей смерти, но чтобы оно предоставлено было только моимъ людямъ, здѣсь присутствующимъ, для отданія мнѣ послѣдней услуги.»

Подкова умолкъ: весь народъ рыдалъ, особенно рыдало много воиновъ, пришедшихъ его ради сюда, но не могшихъ ему подать помощи, по причинѣ сдѣланныхъ великихъ предуготовленій для отпора хотя на лицахъ ихъ обнаруживалась печаль, какую они чувствовали въ своихъ сердцахъ. Одинъ изъ нихъ приступилъ къ осужденному съ большею чашею вина, а нѣкоторые говорятъ, что самъ Подковпотребовалъ того; довольно, что онъ охотно принялъ чашу, выпилъ большой глотокъ и, обращаясь къ поднесшему ему вино, онъ говорилъ по мѣстному обычаю, что онъ пьетъ къ нему за здоровье его и всѣхъ его товарищей. Послѣ того Подкова прошелся еще два раза и, собираясь приготовиться къ казни, замѣтилъ пукъ соломы, на которомъ онъ имѣлъ приклонить колѣна. Поглядѣвъ на это, онъ воскликнулъ: «Боже мой! Не ужь ли я не достоинъ приклонить колѣна на что либо лучшее?» и, обращаясь къ своимъ людямъ, сказалъ: «Подите къ моимъ вещамъ и принесите мнѣ коверъ, оставшійся еще у меня!» Когда это сдѣлано было, онъ складно приклонилъ колѣни, помолился и перекрестился по Русски (ибо былъ этого Вѣроисповѣданія) и, сомкнувъ глаза, ожидалъ смертнаго удара; но когда палачъ медлилъ, онъ, обращаясь къ нему, сказалъ: «Что ты дѣлаешь?»—«Господинъ! Нужно прежде одежду такъ прибрать, чтобы не мѣшала.» Подкова отвѣчалъ: «Весьма хорошо!» Прирядивъ себѣ самъ одежду, сказалъ палачу, чтобы исполнилъ свою должность и, вручаясь Богу съ большимъ мужествомъ, ждалъ смертнаго удара. Нѣкто изъ присутствующихъ (вѣроятно, нарочно къ тому опредѣленный), для показанія, что удовлетворено «справедливости», поднесъ отрубленную голову и трижды показалъ народу.

Въ ту минуту раздался такой печальный ропотъ среди народа, что, если бы не приготовились къ отпору, можно было бы опасаться мятежа. Уже гайдуки, опасаясь даже чего-то, спустили ружье, однако на ничемъ кончилось. Но это событіе вообще произвело чрезмѣрно дурное впечатлѣніе, и видно, что и его Королевской Милости много повредило въ любви народа, хотя на конецъ все поправляется и о всемъ забывается...

Слуги Подковы прибрали мертвое тѣло и, пришивъ къ нему голову, положили трупъ въ зеленый гробъ, какъ говорятъ, имъ самымъ приготовленный, и отнесли въ ближайшую Русскую церковь—и ничого болѣе о томъ не слышно.»

Вотъ какъ иностранцы, пребывающіе въ Польшѣ, высоко цѣнили доблести Русскаго героя, и въ доказательство сего сообщали своимъ соотечественникамъ подробныя извѣстія о мужественной кончинѣ его. См. «Слово,» 1875 г., № 79. По другимъ извѣстіямъ выведенный на мѣсто казни, Иванъ Подкова сказалъ слѣдующія слова: «Голову мою и руки мои, такъ многократно освященныя кровію Невѣрныхъ, приношу нынѣ въ жертву имени Христіанскому?»[62] Львовское Братство—Русскіе Православные граждане—приняли обезглавленное тѣло страдальца и похоронили его съ честію при своей церкви. Эти казни нарочно совершались въ столицѣ Галицкой Руси, для пристращенія народа и какъ выраженіе преобладанія Польши надъ Русью и Православіемъ.

Королямъ и Панамъ Польскимъ казалось, что они уже совершенно покорили Молдавію, и что, кромѣ Русскихъ, прибыли еще новые рыбы — Буковинская Русь и Румуны. Но Богъ смирилъ высокомѣріе Ляховъ и далъ имъ почувствовать свою карающую десницу. Стефанъ Потоцкій, владѣвшій сотнями Русскихъ волостей, собралъ многочисленное полчище охотниковъ и самовольно напалъ на Молдавію. Просить Короля о соизволеніи на походъ казалось ему лишнимъ; онъ даже не послушалъ Королевскаго напоминанія отступить отъ этого предпріятія. Молдаване, съ своими союзниками, Турками, узнавъ въ чемъ дѣло, обступили со всѣхъ сторонъ вторгнувшагося непріятеля и

---

[62] Зубрицкаго. Kronika miasta Lwowa, 1844, str. 202.

принудили все войско сдаться. Плѣненнаго Потоцкаго, виновника этого нападенія, послали въ Стамбулъ, гдѣ онъ заключенъ въ темницу. Турецкія войска обратились на Подолъ и свободно предавали все мечу и огню, такъ какъ Потоцкій, въ своемъ высокомѣріи, забралъ съ собою изъ Каменца и другихъ городовъ весь гарнизонъ. Ободренный столь счастливыми успѣхами оружія, Султанъ послалъ Скандеръ-Башу съ новымъ войскомъ къ границамъ Польши. Великій Гетманъ Жолкевскій вышелъ на встрѣчу къ городу Бусѣ, при впаденіи Морахвы въ Днѣстръ, но не имѣлъ отваги и охоты вступить въ неравный бой и заключилъ даже, безъ соизволенія Республики, съ Турками договоръ, но безъ пользы для отечества. Онъ отказался (какъ сказано выше) отъ всѣхъ правъ на Молдавію и Валахію, уступилъ Туркамъ Хотинскую крѣпость и согласился на уничтоженіе Коронныхъ поселеній надъ Днѣстромъ. Впрочемъ, этотъ отказъ Польши отъ правъ на Молдавію не былъ искрененъ: Жолкевскій желалъ успокоить этою уверткой Турокъ, чтобъ они нѣкоторое время не тревожили Польши, такъ какъ онъ думалъ о походѣ на Москву, гдѣ его Король хотѣлъ сѣсть на престолѣ Русскихъ Царей и требовалъ его помощи.

Съ этого времени Турки стали полными владѣтелями Молдаво-Волошскихъ Княжествъ, давали имъ по произволу Господарей и смѣняли себѣ противныхъ. Но Поляки скоро забыли, что имъ нельзя вмѣшиваться въ Молдавскія дѣла, начали опять свои происки и накликали на себя новую несчастную войну. Сѣдинами и лаврами покрытый Жолкевскій, хотя неохотно, подвинулся во второй разъ къ границамъ Молдавской земли и, по повелѣнію Короля, переправился чрезъ Днѣстръ. Однако жъ, какъ бы угрызаемый совѣстью, предвидя свою гибель, онъ написалъ къ Королю свое послѣднее прощальное письмо. Предчуствіе Гетмана сбылось. 7-го Октября, 1620 года, произошла памятная битва съ Турками подъ Чечорою: войско Польское было разбито на голову, и только остатки его достались въ плѣнъ; степи, на которыхъ происходило сраженіе, покрылись многочисленными трупами, и лишь одни обозные чуры (слуги) спаслись бѣгствомъ и принесли ужасную для Короля и Пановъ вѣсть. Станиславъ Конецпольскій, Князь Корецкій и Потоцкій, находились между плѣнными; Жолкевскій палъ въ сраженіи, и Кантемиръ послалъ его отсѣченную голову Султану въ Цареградъ. Послѣ этой побѣды Татары нахлынули на Подольскую и Волынскую земли, и всеобщій испугъ былъ до того ве-

ликъ, что, по сказаніямъ Польскихъ историковъ, многіе знаменитые Поляки, уходя отъ опасности смерти, или отъ плѣна Татарскаго, бѣжали въ Гданскъ, въ Нѣмецкую землю, даже въ Швецію. Съ тѣхъ поръ Республика Польская принуждена была платить бусурманамъ ежегодную дань, и только мужественному Собѣскому удалось Журавинскимъ договоромъ освободить Польшу отъ постыднаго харача.

Послѣ этихъ тяжкихъ испытаній Польша все таки не переставала обращать свои жадные взоры на Буковину и Молдавскія земли. Теперь самъ побѣдитель Турокъ подъ Вѣной покушался покорить Молдаванъ Польской Коронѣ, но его походъ 1685 года, какъ и прежніе, не имѣлъ успѣха, и самъ полководецъ едва спасся отъ плѣна. Такъ же неблагополучно кончился и второй его походъ въ слѣдующемъ году, хотя Поляки и глубоко вторгнулись въ Молдавскую область. Не устрашившись этими несчастными походами, Собѣскій отправился, въ 1688 году, въ третій и въ 1691 году въ четвертый разъ, но всегда безуспѣшно. Молдавія не покорилась Польшѣ, тщетенъ былъ трудъ и напрасно струилась Польская кровь по степямъ Волошскимъ. По этому Кобержицкій справедливо назвалъ Волощину могилой Поляковъ (Valachia est tumulus Polonorum). И въ самомъ дѣлѣ, тысячи и тысячи воиновъ и много полководцевъ Польскихъ нашли себѣ въ Молдавіи гробъ. «Буковинскіе лѣса!», восклицаетъ Свѣнцкій: «Если бы возможно выдавить сокъ деревъ вашихъ, то еще нынѣ протекла бъ изъ васъ кровь Поляковъ, избіенныхъ невѣрными (?) Волохами.» [69] Самъ Залускій утверждаетъ, что война, веденная Яномъ III Собѣскимъ для завоеванія Молдавской земли, стоила трехъ несмѣтныхъ армій; что въ ней погибло много славныхъ древнихъ родовъ Польскихъ, истрачено болѣе ста милліоновъ злотыхъ, и наконецъ, ради Молдавіи, уступлено было три Воеводства Россіи. Однако жь самая-то Польша не раньше Августа II, во время Карловицкаго договора 1699 г., упустила изъ виду Молдавію, чѣмъ и прекратились навсегда споры Польши съ Турціей изъ за Молдавіи и Валахіи.

Вотъ краткое обозрѣніе исторіи Буковины, ея отношеній къ Молдавіи и отношеній Польши къ Румунамъ. Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніяхъ Русскихъ Галичанъ къ Румунамъ

[69] Opis Starożytnej Polski, przez T. Święckiego. Warszawa, 1828, II, str. 374.

и о взаимныхъ связяхъ между ними. Уже выше было замѣчено, что Румунскіе пришельцы, поселившіеся на Русской землѣ, пользовались образомъ правленія по Славяно-Русскимъ обычаямъ, в что они, вмѣстѣ съ Русскими, употребляли въ Богослуженіи Церковно-Славянскій языкъ, а въ гражданскихъ дѣлахъ языкъ Русскій. Въ этомъ гражданскомъ союзѣ обѣ народности жили мирно и дружно; мы не знаемъ ни о какихъ столкновеніяхъ, или непріязненныхъ отношеніяхъ, Русскихъ къ Румунамъ. Если и было временное нерасположеніе другъ къ другу, то оно происходило по винѣ Поляковъ, старавшихся покорить себѣ Румунъ, чтобъ изъ Буковины и Молдавіи сдѣлать Польское Воеводство, въ которомъ они могли бы господствовать также, какъ въ Червонной Руси. Правда, что, при многократныхъ походахъ Поляковъ въ Молдавію, присоединялась къ Короннымъ полкамъ и Галицкая шляхта (по большей части ужь ополяченная) и гибла вмѣстѣ съ Польскою шляхтою, но за то въ рядахъ Молдавскихъ полковъ сражалось много сыновъ также Галицкой, угнетаемой Польскими вельможами, Руси. При такой обстановкѣ часто случалось, что Молдаване, мстя за сдѣланныя имъ Поляками обиды, дѣлали набѣги на сосѣднюю Русь, жгли и грабили дворы и имѣнія Пановъ. Замѣчательно, что въ народныхъ пѣсняхъ ни слова не упоминается объ этихъ разорительныхъ войнахъ Волоховъ; напротивъ того, народъ сохранилъ память Волоховъ прославленіемъ и величаніемъ ихъ за строеніе церквей, за то, что «Волоси церьковь мурують съ трема верхами», то есть, по Православному обряду, въ Византійскомъ стилѣ. [70] Русь стояла всегда въ дружескихъ отношеніяхъ къ единовѣрному Румунскому народу и его Воеводамъ, имѣя торговыя и другія сношенія съ ними. Большая половина Буковины и значительная часть Молдавскаго Воеводства населены были сплошно Русскимъ народомъ; языкъ Русскій былъ дѣловымъ, правительственнымъ и придворнымъ языкомъ Молдавіи. Знатнѣйшіе Русскіе вельможи: Князья Вишневецкій, Корецкіе, женились на дочеряхъ Молдавскихъ Господарей, и самые Московскіе Князья вступали съ ними въ брачныя союзы. Что касается церковныхъ дѣлъ, то Галицко-Русское духовенство было въ безпрерывной связи съ Молдавскою іерархіей. Когда, въ слѣдствіе происковъ Польскихъ, Галицкая Православная каѳедра, въ продолженіе ста пятидесяти лѣтъ оставалась незаня-

---

[70] **Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси, II, стр. 12.**

тою, Русское духовенство отправлялось на посвященіе къ Сучавскому Митрополиту, доказательствомъ чему служитъ Королевская подтвердительная грамота на Львовскую Епископію послѣднему Намѣстнику Макарію Тучапскому въ 1539 году. Русская Церковь имѣла двухъ славныхъ Кіевскихъ Митрополитовъ происхожденія Румунскаго: Григорія, названнаго Цамвлакомъ (то есть, Семивлахомъ или Полувлахомъ), и Петра Могилу, столь много сдѣлавшаго для Православной Церкви и просвѣщенія Русскаго народа. Многіе изъ Молдавскихъ Господарей оказались усердными покровителями Православія въ Галичинѣ; не одна церковь построена и украшена на счетъ ихъ пособій и даровъ. Въ особенности Львовская Ставропигіяльная церковь Успенія Пресв. Богородицы воздвигнута по ходатайству и на иждивеніи Господарей, по чему она и до сихъ поръ слыветъ у народа Волошскою. Именно же по ходатайству Молдавскихъ Господарей, Петра и Іереміи Могилы, въ 1590 году Король Сигизмундъ III разрѣшилъ на мѣстѣ сгорѣвшей церкви въ Львовѣ построить новую, и, для скорѣйшаго построенія ея, упомянутые Господари жертвовали немалую долю своего имущества Послѣ того великими благодѣтелями этой церкви и Ставропигіяльнаго Братства были Молдавскіе владѣтели: Ааронъ, Симеонъ, братъ Іереміи Могилы (1607 г.), который имѣлъ свои помѣстья въ Галицкой землѣ, Радулъ, Мигоня (1623 г.), Мойсей (1624), Миронъ Бернавскій, Василій (1641) и Константинъ Дука (1694 г.). [71] Имена этихъ благодѣтелей записаны въ памятникахъ братствъ и церквей, которыя они надѣляли церковною утварью и книгами. При Русскихъ церквахъ многіе Румунскіе Господари, Гетманы, Логоѳеты и проч. нашли упокоеніе для своихъ бренныхъ остатковъ. Этотъ братскій союзъ между единовѣрными Румунами и Русскими продолжался непрерывно до конца XVII столѣтія. Только унія съ Римомъ, на принятіе которой Галичане окончательно согласились, разрушила единомысліе двухъ братскихъ народовъ. Съ тѣхъ поръ Молдаване, придерживаясь древняго Православія, прервали всѣ связи съ совратившимися въ Папство, давнишними друзьями и союзниками.

Въ такихъ отношеніяхъ стояла Галицкая Русь къ сосѣднимъ Молдаванамъ въ то время, какъ Турецкое господство становилось съ

---

[71] См. Д. Зубрицкаго, Лѣтопись Ставропигіяльнаго братства, въ Журн. Мин. Нар. Прос., 1849 и 1850 гг.

каждымъ днемъ тяжелѣе для .Румунъ. Особенно же страдала страна отъ постоянно смѣняемыхъ и назначаемыхъ Султанами разныхъ временьщиковъ, пройдохъ и Фанаріотовъ, которые были, въ сущности, не болѣе, какъ временными отпущиками Господарскаго достоинства Буковина — эта древнѣйшая область Молдавіи, имѣла ту же участь что и другія области Румунскія. Только со временъ Петра Великаго и Русско-Турецкихъ войнъ XVIII в. по временамъ мерцала надежда на освобожденіе Молдавіи и Буковины отъ Турецкаго ига. Съ 1769 года по 1775 Буковина была занята въ послѣдній разъ Русскими и обращена Панинымъ въ Русскую область.[72] Въ слѣдствіе Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата Буковина была опять возвращена Турціи, а за тѣмъ, по особому договору, добровольно уступлена Австріи,[73] которая, на основаніи конвенціи съ Россіей и Турціей 2-го Іюня, 1777 года, присоединила ее къ своимъ наслѣдственнымъ владѣніямъ.

Во время присоединенія Буковины къ Австріи считали въ ней исключительно два народа, къ юго-востоку Румуны, а на сѣверозападѣ Русскіе, и всѣ они были Православные. Католиковъ вовсе не было, такъ какъ не было ихъ въ Галичинѣ до завладѣнія земли Поляками. Соображаясь съ нынѣшнимъ состояніемъ, мы не можемъ себѣ представить, что такъ было на дѣлѣ, но, разсмотрѣвъ «Схематизмъ Римско-Католическихъ приходовъ въ Буковинѣ», убѣждаемся, что по 1778 годъ во всемъ краѣ не было не однаго Католическаго (даже Уніятскаго) костела, ни одного прихода, ни одного Ксендза, ни одной Протестантской кирки и, кажется, ни одной Еврейской синагоги. Въ землѣ, въ которой жилъ Митрополитъ Сучавскій и Радовецкій Епископъ были вездѣ только Православныя церкви и монастыри. Первые Католическіе костелы и приходы завели Австрійцы съ 1778 года. Нынѣ

[72] Въ это время Императрица Екатерина II построила въ Горечѣ, возлѣ Черновецъ, великолѣпную каменную церковь и монастырь. Однако жъ Императоръ Іосифъ II вскорѣ упразднилъ монастырь, и осталась только приходская церковь.

[73] Въ первой статьѣ договора, съ 7-го Мая, 1775 года, говорится: «Pour donner une preuve non equivoque d'amitié, d'affection et de bon voisinage la Sublime Porte donne et abandonne et cède à la cur impérial les terres contenues d'une part entre le Niester, le confin de Pokoutie, de Hongrie et de Transilvanie.»

считается въ Буковинѣ Католиковъ около 50,000 душъ. Отмѣтимъ годы учрежденія Католическихъ приходовъ и построенія костеловъ, которые, по большой части, сооружались на счетъ казны. При этомъ означимъ и нынѣшнее число душъ Католиковъ, вмѣстѣ съ числомъ живущихъ на пространствѣ каждаго Католическаго прихода Православныхъ душъ.

Въ 1778 г. учрежденъ Римско-Католическій приходъ въ м. Садагурѣ; нынѣ считается въ немъ 416 душъ, съ 12 приписными деревнями 1,559 душъ Католиковъ, на пространствѣ, въ которомъ живетъ 14,590 Православныхъ. Въ 1784 г. возникъ приходъ въ м. Вашковцахъ (Waschkoutz) 646 д. съ 22 приписными деревнями 1,761 д. Кат., Православныхъ же 33,653 д. Въ 1785 г. явились приходы въ м. Гура-Хумора (Gura-Humora), гдѣ нынѣ считается 4,340 д. съ 17 приписными деревнями 4,038 Катол., а Православныхъ 8,132 д.; въ сс. Иштеншегичъ (Istensegics) и Фогоди-Иштенъ (Fogody-Isten), Мадьярское поселеніе, гдѣ 2,332 д., съ 11 прип. с. 2,753 д. Кат., а Правосл. 4,817 д.; въ м. Кимполунгъ (Долгополе) 596 д., съ 11 прип. дер. 1,113 Кат., Православныхъ 11,813 д.; въ с. Качикѣ 707 д., съ 8 прип. дер. 1,713, и Нѣмецкое поселеніе Новый Солонецъ (Neu-Solonets); Правосл. 9,052 д.; въ с. Люизенталь Нѣмецк. посел. 378 д., съ 2 прип. с. 840 д. Катол., Правосл. же 2,979 д. Въ 1786 г. основаны приходы въ г. Черновцахъ, 5,341 д., съ 19 прип. дер. 8,323 д., Православныхъ же 29,938 душъ; въ м. Бояны 844 д., съ 9 прип. дер. 1,611 Катол., а Православн. 12,583 д.; въ м. Серетѣ 1,527 д., съ 37 прип. дер. 2,760 Кат., 25,355 Православ.; въ г. Сучавѣ, 2,050 д., съ 26 прип. 2,549 Кат.; Правосл. же 21,183 д. Въ 1792 году явился Католическій приходъ въ г. Радовцахъ (Radautz) 2,721 д., съ 7 прип. 3,025 Кат., Православныхъ же 7,965 д. Въ 1794 году въ с. Хадикъ-фалва (Hadikfalva), 1,855 д., съ прип. Турнеште (Мад. посел.) 2,930 д. Кат. и только 12 д. Православныхъ. Въ 1812 г. въ м. Коцмань 495 д., съ 25 приписн. 1,618 д., Правосл. же 33,788 д.; въ м. Выжницѣ (Wischnitz) 230 д., съ 23 прип. 1,009 д. Кат., 30,460 Правосл. душъ; въ с. Арасна 655 д., съ 15 приписн. 1,998 д., Правосл. же 81,553 д.; въ с. Заставка 305 д., съ 29 прип. 1412 д. Кат.; Правосл. же 37,042 д. Въ 1818 г. въ с. Ясбены 800 д., съ 8 прип. 1437 д. Кат., Правосл. 7,000 д. Въ 1842 г. въ с. Карлсбергъ (Нѣм. посел.) 760 д. съ 12 прип. 1,134 д., Православн. же 1.3303 д.

Въ 1843 г. въ с. Андрашфальва (Andrasfalva), Мад. посел. 1,430 д., съ 4 приписн. 2,120 д. Кат., Правосл. же 3,000 д.; въ с. Фюрстенталь, Нѣм. посел., 613 д., съ 5 прип. 786 Кат., а Правосл. 6,703 д. Въ 1856 г. въ с. Солька 519 д., съ 7 прип. 1,397 д. Кат., Правосл. же 7,534 д.; въ с. Іожеффальва (Jozseffalva), Мад. посел. 543 д. Кат., съ 14 приписн. с. 1,174 д. Кат., на пространствѣ же живутъ 9,289 Правосл. душъ.

Такимъ образомъ Австрія, принявъ Буковину въ отношеніи народности полу-Румунскою и полу-Русскою, а по вѣроисповѣданію чисто Православною, способствовала поселенію въ ней иностранцевъ, особенно Евреевъ, навела Нѣмецкихъ, Мадьярскихъ и другихъ поселенцевъ и распространила Католичество, учредивъ въ землѣ 23 Римско-Католическихъ и 10 Уніятскихъ приходовъ. Какъ быстро шло заселеніе въ этой прекрасной области, видно изъ того, что, когда, по ревизіи, въ 1790 г. въ Буковинѣ было всего только 80,000 д., въ 1835 г. считалось уже 230,000 д., а въ 1851 г. 380,826 д.; нынѣ же считается болѣе 500,000 душъ.

Но, при всемъ томъ, Румунское и Русское населеніе находится здѣсь въ преобладающемъ большинствѣ, и Русская народность, подъ кровомъ Православія, сохранилась цѣльнѣе, чѣмъ въ сосѣдней Галичинѣ и Угріи.

Въ заключеніе предложимъ выводы нашихъ изслѣдованій:

1. Сѣверо-Угорская Русь происходитъ отъ первобытныхъ мѣстныхъ Славянъ, на которыхъ, вѣроятно, еще Владиміръ Великій распространилъ свою власть.

2. Во второй половинѣ XIII столѣтія Король Владиславъ Куманъ поселилъ Румунъ между р. Марошемъ и Тисой (въ Мараморошѣ). Румуны, въ соединеніи съ тамошними Русскими, отбивались отъ Католиковъ, нападавшихъ на нихъ.

3. Въ половинѣ XIV столѣтія Воевода Богданъ Драгошъ выселился изъ Марамороша, занялъ Буковину и основалъ Молдавское Господарство (Воеводство).

4. Раньше того Князь Ѳедоръ Коріятовичъ, получивъ отъ Короля Карла Роберта въ удѣлъ Мукачевскую область, поселился въ Мукачевѣ.

5. Напротивъ того, многіе выходцы изъ Молдавіи поселялись въ Галичинѣ на особыхъ правахъ, называемыхъ Волошскими.

6. Въ Молдавскомъ Воеводствѣ долго удерживался Церковно-Славянскій языкъ въ Богослуженіи, а Русскій языкъ—въ гражданскихъ дѣлахъ и правленіи.

7. Русь стояла всегда въ дружескихъ отношеніяхъ съ Румунами: они искренно помогали другъ другу, пока унія съ Римомъ, заведенная въ Галичинѣ, не разрушила единомыслія двухъ братнихъ народовъ.

8, Австрія, принявъ Буковину въ свое владѣніе, способствовала поселенію инородцевъ и распространенію Католичества, однако же Русское и Румунское народонаселеніе преобладаетъ въ Буковинѣ и до сихъ поръ.

IV.

ОБЪЯСНЕНІЕ

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЫ ГАЛИЧИНЫ, СѢВЕРО-ВОСТОЧНОЙ УГРІИ И БУКОВИНЫ.

1. *Этнографическая Карта.*

До недавняго времени Карпатская Русь была столь мало извѣстна, что Шафарикъ восточную Галичину и сѣверную Угрію, въ историческомъ и языкословномъ отношеніяхъ, назвалъ «terra incognita.»[1] Въ Россіи же до новѣйшаго времени столь недостаточны были свѣдѣнія объ этомъ краѣ, что еще въ 1868 г. извѣстный странствователь Василій Кельсіевъ, въ своемъ сочиненіи: «Галичина и Молдавія,» напрямикъ могъ сказать (стр. 17): «Наши писатели и наши Ученыя Общества даже не знаютъ о существованіи здѣсь (въ Галичинѣ) Русскихъ и не удостоиваютъ ихъ, бѣдныхъ, своимъ вниманіемъ;» и въ другомъ мѣстѣ (стр. 49): «Въ Россіи едва ли кто даже подозрѣваетъ, какъ бойко идетъ здѣсь Русская жизнь, какія у нея (Галицкой Руси) радости и надежды, и какія у нея горе и бѣды.» По этой причинѣ Кельсіевъ и говоритъ въ предисловіи своей замѣчательной книжки (стр. II): «Если бы я не перепечаталъ моихъ писемъ, то у нашей Русской публики не было бы ровно ничего, ровно ни одной книги о Галичинѣ, объ этомъ для Русской публики невѣдомомъ Русскомъ краѣ.»[2] Шафарикъ первый открылъ эту не-

---

[1] P. J. Schaffarik, Gesch. d. slav. Sprache u. Liter. Ofen, 1826, S. 141.

[2] Галичина и Молдавія, путевыя письма Вас. Кельсіева. Спб., 1868.—Все это — пустое хвастовство Кельсіева, который не прочь былъ приписать себѣ первому честь ознакомленія насъ съ тѣми землями, по которымъ судьба по неволѣ заставила было его скитаться. О. Б.

извѣстную страну, очертивъ, въ своемъ «Славянскомъ Народописаніи,» границы и показавъ вѣрныя статистическія данныя Русскаго народонаселенія въ Галичинѣ, сѣверо-восточной Угріи и Буковинѣ.[3] Сочиненіе Шафарика перевелъ на Русскій языкъ и издалъ Проф. О. М. Бодянскій въ Москвѣ 1843 подъ заглавіемъ «Славянское Народописаніе.»[4] Послѣдующіе издаватели этнографическихъ картъ Галичины и Угріи пользовались картой Шафарика при начертаніи и опредѣленіи границъ разныхъ народностей съ большимъ, или меньшимъ, успѣхомъ. Что касается до этнографіи Австріи вообще, и въ особенности Карпатской Руси, то всего болѣе удовлетворительно сочиненіе Барона Чёрнига: «Ethnographische Karte des österreichischen Kaiserstaates, von Karl Freiherr v. Czörnig,» изданной 1855 г. въ Вѣнѣ на четырехъ листахъ,[5] съ пространнымъ текстомъ въ III частяхъ: «Ethnographie von Oesterreich.» Не смотря на богатые матеріялы, Бар. Чёрнигъ жаловался, что, при всѣхъ усиліяхъ и средствахъ, даже Правительственной помощи, онъ не могъ одолѣть всѣхъ трудностей. Границы между Рускою и Польскою народностями трудно было ему опредѣлить.[6]

Предлежащая этнографическая карта представляетъ Карпатскую Русь, т. е., все Карпатское погорье и прилежащія къ нему земли, издревле заселенныя преимущественно Русскимъ народомъ. На ней обозначены, со всею возможною точностію, границы Русскаго народонаселенія, а также сосѣднихъ, непосредственно ему прикасающихся

---

[3] Slovanský Národopis s mappau, od. P. J. Šafařika. V Praze, 1842, 3-е изд. 1849

[4] Жаль, что этнографическая карта (Slovánský zeměvid) не была напечатана Русскими буквами и Русскимъ правописаніемъ. Такая карта способствовала бы много введенію настоящихъ Славянскихъ названій вмѣсто испорченныхъ, чужестранныхъ, употребляемыхъ въ Русской географической литературѣ.—Но причины тому изложены были въ самомъ предисловіи переводчика; что же до послѣдняго, то списокъ замѣчательнѣйшихъ такого рода названій приложенъ въ концѣ Славянскаго Народописанія, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ, и все же онъ не привелъ къ тому Русскихъ; да и всѣ послѣдующія изданія различнаго издѣлія передѣлокъ Шафариковой карты на Русскомъ языкѣ не въ состояніи и по сіе время привести къ осуществленію этого предположенія. Такъ-то сильна долговременная опека надъ нами иностраннаго вліянія и въ семъ отношеніи! О. Б.

[5] Въ 1856 году вышло изд. карты въ меньшемъ видѣ на одномъ листѣ.

[6] Ethnographie von Oesterreich I. Bd. S. VII.

и среди Русской области живущихъ народностей. При обозначеніи нынѣшнихъ государственны границъ показаны и особыя, до сихъ поръ у народа сохранившіяся, географическія и этнографическія названія и племенныя разности. Особенное вниманіе обращено на мѣстописныя названія. Имена мѣстностей, рѣкъ и горъ, сохранены тѣ же, какія во всеобщемъ употребленіи у мѣстнаго Русскаго народа. Они во многомъ различаются отъ навыка правительственнаго и вообще книжнаго употребленія. До сихъ поръ ни одна карта, ни одно сочиненіе, не дало, въ отношеніи вѣрности названій, удовлетворительнаго указанія; даже сочиненія Ступницкаго, Поля, Шаранѣвича, [7] полны ошибокъ и недостатковъ. Правительственные органы держатся навыка и проторенной дорожки, въ Галичинѣ Польскаго, въ Буковинѣ Румунскаго, въ Угріи же Мадьярскаго произношенія, съ трояваго рода правописаніемъ—Польскимъ, Мадьярскимъ и Нѣмецкимъ.

На этнографической картѣ выставлены границы народностей на основаніи языка или нарѣчія, на которомъ нынѣ говоритъ народъ. Это самый вѣрный и неотъемлемый признакъ народности. Если примемъ въ соображеніе показанія исторіи, то въ старину Русское племя распространялось далѣе на западъ до рѣки Вислоки и Вислы, а такъ же на востокѣ и югѣ вся Буковина, Бессарабія и даже Молдавія, вѣроятно, заселены были народомъ Русскимъ, за Карпатами же Русскія поселенія простирались далеко въ надъ-Тискія долины и даже въ Седмиградію. [8] Но коль скоро народъ, силою обстоятельствъ, промѣнялъ свой языкъ на другой, сосѣдній, то онъ уже и примкнулъ къ другой народности; это до поры до времени дѣло поконченное. Впрочемъ, на рубежной чертѣ и въ странахъ смѣшаннаго населенія народъ часто говоритъ на двухъ языкахъ, вовсе не отказываясь отъ своей народности. Тутъ борется, такъ сказать, первобытная народ-

[7] Das Königr. Galizien u. Lodom. v. Hipp. Stupnicki. Lemb., 1853.—Его же Geogr. stat. opis Królewstw Galicyi i Lodom. Lwów, 1864.—W. Pola, Rzut oka na póln. stoki Karpat. Krak., 1851.—Изслѣдованіе отечественной географіи и исторіи, Г. Шаранѣвича. Львовъ, 1869.

[8] Д. Зубрыцкаго: Die Gränzen zwischen der russinischen u. polnischen Nation in Galizien. Lemb., 1849. — Бидерманъ: Die ungrischen Ruthenen, ihr Wohngebiet, ihr Erwerb und ihre Geschichte. Insbruck, 1862, Th. I.—De vestigiis Ruthenorum in Transilvania.

ность съ пришлой, а время и обстоятельства покажутъ, на чьей сторонѣ будетъ перевѣсъ.

Для удобнѣйшаго осмотра на прилежащей картѣ опишемъ подробно, что на ней находится. Прежде всего обозначены политическія границы Государствъ, отдѣляющія Галичину и Буковину отъ Россіи и Молдавіи, а также отмѣчены границы Угріи и Седмиградіи. Галичина раздѣлена на 19 Уѣздовъ (Округовъ, Kreise), [9] а Угрія на Комитаты или Жупанства (Gespanschaften, Comitatus), которые обозначены Римскими числами.

За тѣмъ на картѣ означены главныя рѣки съ ихъ притоками, горы и горныя цѣпи, всѣ желѣзныя дороги, шоссе и даже главныя столбовыя и проселочныя дороги. Города и мѣстечки писаны печатнымъ письмомъ (антиквой), а села скорописью (курсивомъ). Всѣ мѣстности, въ которыхъ были собираемы пѣсни нашего Сборника и тѣ, о которыхъ упоминается въ нихъ, подчеркнуты красной краской.

Теперь обратимъ нашъ взоръ на географическо-этнографическія и племенныя названія у Карпатской Руси, которыя, не употребляясь нынѣшнимъ правительствомъ, мало извѣстны, или вовсе не извѣстны, въ письменности, а сохраняются только въ преданіяхъ народа и по большой части принадлежатъ отдаленной древности.

2. *Горяне и Верховинцы.*

Книжнаго названія Карпаты народъ вовсе не знаетъ, называя весь Карпатскій хребетъ общимъ именемъ «Горы.» Такъ говорится по обѣимъ сторонамъ Карпатъ: «жити въ Горахъ, ѣхати въ Горы, ити за Гору.» Въ народныхъ пѣсняхъ выраженіе «Горы, высокіи Горы» принимается въ томъ же значеніи:

«Ой у Горахъ снѣги впали, Горы побѣлѣли.

(Пѣсн. II, 270).

---

[9] Въ послѣдніе годы раздѣлили Галичину на 74, а Буковину на 8 мелкихъ Уѣздовъ или Становъ (Bezirke); но такъ какъ въ Сборникѣ пѣсенъ говорится о прежнихъ Уѣздахъ, то мы придерживаемся прежняго, почти цѣлымъ столѣтіемъ утвердившагося, раздѣленія.

Кобы намъ ся та букъ розвивъ,
Та пôдемо въ Горы;
Вынесено молодицямъ
Шовку на заборы.

(Пѣсн. II, 398.)

Ой, нема, де, въ Горахъ добра, та й, вѣдай, не буде,
Доки ся въ насъ по Нѣмцеви заваджати буде.

(Пѣсн. II, 300.) [10]

Отъ того жители Горъ называютъ себя «Горяне, Горене.» Начавъ съ Самборскаго Уѣзда къ западу, въ общемъ употребленіи названіе горъ Бескидъ или Бескиды (Беськиды); по этой причинѣ выраженія: «ити за Бескидъ, за Бескиды,» значитъ ити въ Угрію, въ Угорщину (Венгрію):

Червона ружа, бѣлый квѣтъ:
Ой пусть мя, мямцю, за Бескидъ:

---

[10] Точно въ такомъ же значеніи употреблялось слово горы въ древнихъ лѣтописяхъ Русскихъ: «Королю же перешедшю черезъ Горы, и слыша, оже Ляхове идуть къ Володимерю Олговичемъ въ помочь, поиде къ нимъ поперекъ къ Володимерю..... Король же, смиривъ Ляхы, поиде за Горы.» Лѣтоп. по Лавр. списку, стр. 406.—«Данилови же увѣдавшу входъ ихъ, посла на нѣ воѣ, и гнаша по нихъ до Горы, и возвратищася.» Полн. Собр. Русс. Лѣт. II, 175. — Впрочемъ, самыя высокія горы Коломыйскаго Уѣзда называются иногда Чорногоры. О нихъ поется въ народной пѣснѣ (I, 154):

Ты, Иване Салагôрскій,
Бери мене по леденьски,
Занеси мя въ Чорногоры,
До нашои бай, коморы!
Въ Чорногоры занесѣть мя,
На дробный макъ посѣчѣть мя,
Най ся Ляхи не збыткуютъ,
Мое тѣло не чвертуютъ!

Умирающій разбойникъ, Алекса Добощукъ, на вопросъ, гдѣ зарыты награбленныя имъ деньги, отвѣчалъ: «Въ Половинѣ, въ Чорногорахъ, Богъ вѣдаетъ и я знаю; да только земля будетъ пользоваться ими, не люди.» Бѣлёвскій, на основаніи актовъ, въ своей статьѣ: «Покутье» (Czas, Dotatek miesięczny. Krak., 1857, t. 17, str. 732.

Не долго я тамъ побуду,
Покъ о миленькôмъ забуду.

(Пѣсн. II, 236.)

Не смотря на то, выраженія «Бескидяне» вовсе нѣтъ, хотя употребляются выраженія: «Пôддѣляне, Задѣляне (отъ слова дѣлъ, гора, водный раздѣлъ), Пôдгоряне, Загоряне.» Вся полоса сѣвернаго склона Карпатъ и верхнихъ ихъ отроговъ слыветъ подъ именемъ «Подгорья (Пôдгôрье),» [11] и народъ охотно себя называетъ «Пôдгорянами (Пôдгорене).» Въ Перемышльскомъ погорьѣ, называвшемся въ древности «Горняя страна,» [12] жители называются «Горняками» (Горнякъ, жен. Горнячка, Горянка).

Сверхъ того у горскихъ жителей различаютъ «Верховину» и «Верховинцевъ.» Самое высшее погорье, съ его альпійскими пастьбищами Стрыйскаго Уѣзда, называетъ народъ «Верховиной.» Отъ истоковъ р. Стрыя и его быстраго притока Опора къ востоку Карпатскія горы значительно повышаются, развѣтвленія главнаго хребта становятся значительнѣе и, связываясь въ горные узлы, тянутся исполинскими грядами въ разныхъ направленіяхъ, и по этой причинѣ гористая полоса дѣлается шире, образуя среди горъ поперечныя долины. Вся страна наполнена иглистыми лѣсами, отъ чего и географы назвали эту полосу горъ «Иглистыми Карпатами,» а у народа страна называется «Чорнымъ Лѣсомъ.» Главное мѣсто Галицкой Верховины простирается отъ верховьевъ Стрыя до истоковъ Свѣчи, занимая долины притоковъ: Орёвы, Опора и Верхней Мизуни. Народъ слыветъ подъ именемъ «Верховинцевъ,» хотя, впрочемъ, и горцы Станиславскаго и Коломыйскаго Уѣздовъ охотно себя называютъ тѣмъ же именемъ.

На противуположной сторонѣ, за Карпатами, извѣстно также

[11] Это названіе было извѣстно въ старину и употребляемо нашими лѣтописцами: «Михаилови же стоящу на Подгорьи, хотящу снятися съ Кондратомъ, и ожидающу Половецъ съ Изяславомъ.» Полн. Собр. Р. Л. II, стр. 174. — «Самъ Данило воева около Люблина, а Василько по (р.) Изволи и по Ладѣ, около (м.) Бѣлое, дворскый же Ондрей по Сяну, а Вышата воева Подгорье.» (Тамъ же, 181).

[12] Полн. Собр. Р. Л. II, 179.

названіе «Верховина.» Въ Угорскомъ управленіи отмѣчается особый Уѣздъ Марамарошскаго Комитата подъ именемъ «Верховины» (districtus Verchovinensis, Werchowinaer Bezirk), чѣмъ и опредѣляется его историческое значеніе. Угорская Верховина представляетъ трехъугольную котловину подполонинской страны съ особеннымъ характеромъ. Она съ трехъ сторонъ окаймлена громадными горами, и только на южномъ склонѣ доступъ открытъ по теченію двухъ рѣкъ: съ запада окружаютъ Верховину горы Фруялъ, Кичерана, Водица, Волосянка, Кукъ, Минчулъ, Камень, Ломовата Кичера, Обачинъ, конически торчащій Стогъ и наконецъ исполинская горняя гряда Боржавая Полонина на сѣверѣ соединяетъ свою цѣпь съ главнымъ Карпатскимъ хребтомъ, въ которомъ опять отличаются своею высотою верхи: Чорная Рыпа, Вышковскій Горганъ, Меглы, Гичовый, Широкій Погаръ, Попадья, наконецъ съ восточной стороны обнимаютъ Верховину не менѣе высокія горы: Задняя, Средняя и Передняя Стремеуши, Матьяшинъ, Іонашъ и Красная Гора. Вся страна—дикая, гористая глушь, двѣ рѣки, Великій Агъ и Талаборъ, стремительно прорѣзиваютъ поперекъ цѣлую область, и онѣ, сближаясь на югѣ другъ ко другу, прорываются узкими провалами, первая у горы Бойкованы, выше с. Быстра, вторая же помежду скалистыми утесами Ольшаны и Бучаны, и за тѣмъ, опять отдаляясь одна отъ другой, на равнинѣ вливаются въ Тису: Вел. Агъ у Города Хуста, Талаборъ же двумя раменами (Вел. и Малый Талаборъ, Nagy es Kis-Talabor), между мѣстечками Вышковомъ (Visk) и Тячевымъ (Tecsö).

Древнее названіе «Верховины» сохранилось, впрочемъ, и въ Епархіяльномъ распредѣленіи Благочиній. Въ Мукачевской Епархіи различается до сихъ поръ Верхне-Верховинское и Нижне-Верховинское Благочинія (districtus Felsö-Verchovinaensis et Alsö-Verchovinaensis). Верховина мало заселена: во всей Верховинѣ нѣтъ ни одного города, ни одного мѣстечка, а только большія села: Воловое (Ökörmezö),[13]

---

[13] Впрочемъ, въ пѣсни народной Воловое называется мѣстомъ (городомъ):

Воловое здоровое,
Воловое мѣсто,
А въ Воловѣмъ дѣвчатина,
Якъ пшеничне тѣсто.
(Пѣсн. II, 414.)

Синій Вирь (Szinevér), Студеное (Stideg Patak) и пр., считающія отъ 1000 до 1400 душъ. Народъ весьма привязанъ къ своимъ дикимъ горамъ и дремучимъ лѣсамъ: онъ прославляетъ въ пѣсняхъ родную страну:

Верховина веселая, Верховина красна,
Про одну лишъ Верховина горѣвку несчасна!

(Пѣсн. II.)

3. Мараморошъ и Краина.

Далѣе къ востоку тянется остальная дико-романическая область — Мараморошъ или Мармарія (Marmatia), вдавшаяся острымъ клиномъ между горными цѣпями Галичины и Седмиградіи, орошенная р. Тисою и ея горными притоками. Страна гориста, подъальпійская, малопроизводительна, но, не смотря на то, Гуцулы и Верховинцы, занимаясь скотоводствомъ и лѣсной промышленностью, живя скудно, довольны свободною жизнію, прославляютъ свои хрустальные ключи и красоту женщинъ: Воловое слыветъ мѣстомъ (Городомъ).

Мараморошъ! Мараморошъ! студены кирниці!
Які красні, яки милі, дѣвки, молодиці!

Главный городъ Мараморша Сиготъ (Сигôтъ), Мадь. Szigeth, надъ Тисой, но онъ какъ-то не нравится народу, который и называетъ его крутымъ:

Ой Сиготе, Сиготочку, крутый городочку!
Высушила, вывялила любка головочку.

(Пѣсн. II, 619.)

На западъ отъ Верховины, между Боржавой Полониной и р. Латорицей, тянется узкая полоса погорья къ Галицкой границѣ, именуемая «Краина,» народъ (Русскіе) называются «Крайняне» (Краинцы). Какъ разъ на противуположной сторонѣ горъ южная половина Самборскаго Уѣзда въ Галичинѣ издавна называлась у народа также «Краиной.» Даже въ управленіи бывшаго Польскаго правленія, въ погорьѣ, между верховьями р. Стрыя и истоками Днѣстра, въ бывшей Самборской Економіи, различали «Краины» (управленія): Волосянскую, Любохорскую, Розлуцкую, Ильницкую, Побужскую, Гвоздецкую и Ли-

пецкую, называемыя по деревнямъ: Волосянка, Любохоря, Розлучье, Ильникъ, Подбужъ, Гвоздецъ и Липье. Очевидно, что, какъ названіе Верховина, такъ и названіе «Краина,» происходятъ отъ отдаленной древности, съ тѣхъ временъ, когда еще Карпатскій хребетъ не составлялъ границъ Угріи и Польши, а, можетъ быть, даже Угріи и Галицкой Руси. Это остатокъ доисторическихъ временъ, когда существовали иныя политическія раздѣленія, о которыхъ намъ исторія не сохранила никакого памятника.

Названіе Краины осталось до сихъ поръ въ памяти народа, который называетъ нынѣшнее управленіе казенными имуществами (Kammeralgüter-Verwaltung) своимъ древнимъ именемъ «Краиной,» а начальника управленія (Kammeralgüter-Verwalter) «Крайникомъ.» Въ народныхъ пѣсняхъ (Колядкахъ) до сихъ поръ прославляютъ древняго пана Крайника:

Въ нашого пана, пана Крайника,
Писано, эй писано,
Злотомъ му теремъ писано!

Тисовы столы, яворовы сѣни,
Писано, эй писано,
Злотомъ му теремъ писано!

(Пѣснь II, 1.)

На Угорской сторонѣ Краина занимала большее пространство, такъ какъ, по словамъ народныхъ пѣсенъ, городъ Хустъ полагается въ Краинѣ:

Писала Краина до Чисаря листья:
На всемъ Хустѣ ледѣни до вуйны берѣтся.

(Пѣсни II, 151.)

Писала Краина
Зъ Хуста до Будина,
Штобы намъ заслали
Червеного вина.

(Пѣсни II, 549.)

Въ Шаришскомъ Комитатѣ есть нѣсколько селеній съ прибавкою «Крайня:» Крайня Быстра, Крайня Поляна, Чэрно-Крайня, Крайня Но-

рубка. Впрочемъ, безъ сомнѣнія Угорская Краина распространялась далѣе къ югу, такъ какъ въ Бережскомъ Комитатѣ существуетъ Крайнянское Благочиніе (districtus Krajnensis), состоящее изъ ряда селеній, тянущихся по направленію съ сѣвера къ югу, по вѣтви Карпатскихъ горъ, называемой по Русски «Загата,» по Мадь. Hat-ergö-hegy, Шестилѣсныя горы. [14]

Еще далѣе къ западу различаютъ «Маковицу» или «Маковицкую» область, которая когда-то была Удѣльнымъ Княжествомъ Литовско-Русскаго Князя, Ѳедора Коріятовича, и еще въ XVIII стол. называлась Герцогствомъ. [15] У Маковичанъ сохранилась замѣчательная пѣсня о строеніи Маковицкаго замка, нынѣ лежащаго въ развалинахъ:

Коли муровали бѣлу Маковицу,
Гонили на панске убогу вдовицу.

(Пѣсн. II, 699.)

Вѣроятно, эта пѣсня ведетъ свое начало съ тѣхъ временъ, когда дикіе Мадьяры заняли страну и, насмѣхаясь надъ покоренными народомъ, принуждали строить крѣпости, не имѣя снисхожденія даже къ слабосильной вдовѣ.

4. Покутяне и Коломыйцы.

На сѣверномъ склонѣ Карпатъ, т. е., въ Галичинѣ, находимъ слѣдующія географическія названія: на юговостокѣ издревле извѣстна была область «Покутье,» упоминаемая еще у Длугоша и др. Польскихъ писателей. [15] Въ ширшемъ значеніи «Покутьемъ» называлась вся За-

---

[14] Всѣ эти деревни заселены Русскими, но имѣютъ двойныя названія: древнія—Русскія, и новыя—Мадьярскія, а именно: Локоть (Nagy-Abránka), Сумуліговица (Kis-Abránka), Васьковица (Ivaskofalva), Кобыловица (Gálfalva), Орданово (Ardánháza), Добратово (Dragabártfalva), Чорный Потокъ (Fekete-Patak), Волоское (Oláh-Csertess), Загатье (Hat meg), Климовица (Kelemenfalva), Негрѣево (Maszárfalva), Мѣдяница (Medencze), Дунковица (Nyires-falva), Станово (Sztanfalva), Новоселица (Kis-Lucska), Колодное (Tökes), Дешковица (Deskofalva), Завидово (Zavidfalva), Хандеровица (Klastromfalva).

[15] Schemat. cleri graeco-cath. dioec. Eperiess. Casso viae, 1870, стр. 52.

днѣстровская страна между рр. Чечвой и Днѣстромъ и Карпатскими горами, въ узшемъ же значеніи подъ этимъ именемъ слѣдуетъ признавать только Коломыйскій Уѣздъ по городъ Куты, отъ котораго, вѣроятно, происходитъ названіе издавна по-Куты, Покутье. Хотя это названіе употреблялось въ Польской управленіи, однако же мало употребительно имя «Покутянинъ, Покутяне,» но за то громче славятся въ общественной жизни и въ народныхъ пѣсняхъ Коломыйцы:

Коломыецъ чорнобривецъ, то Коломыёчка,
Яка була красна мама, аще красша дочка!

Рядомъ съ Покутьемъ лежитъ «Буковина.» Это названіе производится отъ буковыхъ лѣсовъ, растущихъ на Подкарпатсихъ равнинахъ. Въ народѣ существуетъ преданіе, что будто бы Молдавскіе Воеводы впрягивали плѣнныхъ Ляховъ въ плуги и, вспахавъ степныя поля, засѣвали на нихъ буковые лѣса, отъ которыхъ земля получила свое названіе; [16] но названіе Буковины древнѣе владѣнія Румунъ въ этихъ странахъ. На Буковинѣ Русскіе называются «Буковинцы,» Румынъ же называютъ «Волохами» и самую «Буковину» прозываютъ землей «Волошской,» въ противуположность Галичины, которая слыветъ тамъ же «Ляцкой» землей, а надъ пограничной рѣкой Черемошемъ поется пѣсня:

---

[16] Въ 1417 г. Король Ягайло отдалъ въ залогъ Молдавскому Воеводѣ Александру область Покутье, и только послѣ 25 лѣтняго срока земля эта возвратилась къ Польшѣ. Балинскій и Липинскій Starożytna Polska. Warsz., 1844, II, стр. 739.

[17] Кантемиръ внесъ это преданіе въ свою исторію Молдавіи и Валахіи: «Gegen Ende des fünfzehnten Jahrunderts, zur Zeit des Polnischen Königs Albrecht, war hier am Pruth ein grosses, offenes Feld. Als die Polen mit einer grossen Armee auf denselben ihr Lager aufschlugen griff sie Stephan der Grosse, Fürst von der Moldau, an, schlug sie, eroberte ihr Lager, jagte die Polen in die Flucht, erlegte die meisten und machte über 20,000, die meistentheils Edelleute waren, zu Gefangenen. Als ihm nachher der König von Polen für die Auslesung derselben eine grosse Summe Geldes anbot, schlug Stephan dieselbe aus, weil er sich ein grosses Siegeszeichen errichten wollte, welches seine Triumphe auch noch in den künftigen Jarhrunderten verkünden sollte. Zu dem Ende spannte er alle 20,000 Polacken, Gemeine und Edelleute, an den Pflug und liess das ganze Schlachtfeld, welches zwei Meilen lang und eine Meile breit ist, umpflügen und mit Buchensamen besäen. Dieser Same wuchs dann zu weitlaüfigene und schönen Wäldern auf, welche die Polacken nun «Bukovina» nennen, indem sie niemals ohne Thränen von jenem Orte Meldung thun.»

Ой а вôтси земля Ляцка, а вôтси Волоська:
Куда пôдемъ, где ся кинемъ, за насъ поголоска.

Въ прежнее время границы Буковины были шире нынѣшнихъ и простирались далѣе на востокъ, отъ того еще нынѣ сѣверную часть Бессарабіи и Молдавіи называютъ Буковиной. [18] Вообще Коломыя, Покутье, Буковина считаются у народа благословеннымъ краемъ. Климатъ умѣренный, страна на склонѣ Карпатъ болѣе обращена къ солнцу, земля плодородна, изобильная лѣсами и пастьбищами, богатая солью, всегда славилась своею доброкачественностію. По этой причинѣ этотъ край представляется въ воображеніи народа не менѣе поэтическимъ, какъ и славная Украина, [19] и въ пѣсняхъ часто повторяются выраженія:

Ой славная Коломыя, ще славнѣйшй Куты.

Или же:

Ой славная Коломыя, ще славнѣйшй Горы.
Ой славная Коломыя, що межи горами,
Ой славнѣйша дѣвчинонка съ чорными бровами.

5. *Подоляне и Ополяне.*

Не менѣе плодородна страна на лѣвомъ берегу Днѣстра, извѣстная

---

[18] Бессарябская Буковина, Н. Мокіевскаго-Зубка. Одесск. Вѣстн., 1871, № 215. Бессараб. Обл. Вѣдом. 1871, № 78 и 79.

[19] Въ прежнее время Покутье и Подолье (Pokutia, Podolia) назывались также Украиной. См. Карты Боплана съ XVI столѣтія: «Ukrainae pars, quae Pokutia vulgo dicitur, per Guil. le Vasseur de Beauplan, S. R. M. Poloniae Architectum militar. Amstelodami, exc. P. Mortier. — Ukrainae pars, quae Podoliae palatinatus vulgo dicitur, per G. le V. de Beauplan. Amstelod., exc. p. Mortier. Впрочемъ, въ XVI стоѣтіи подъ названіемъ Подоліи считалась почти вся югозападная Русь: «Podolia, regio amplissima, Moldaviae et Valachiae a meridie finitima est, ab oriente vero vastisstima campestria desolata, ad Tanaim fluvium paludisque Meotidis et Pontum Euxinum usque, Tatarosque Precopenses habet.» (Stryjkowski, Sarmatia Europea).—«Reliquum autem orientale latus ejusdem Russiae ac totius Poloniae regni claudit Podolia, ab aquilone et euro Albae Russiae, a cetero ortu vastis campis Turcicis atque Tartaricis, a meridie vero Moldaviae continens. Totaque una satrapia censetur, quam Podolicam vocant.» (Cromer, Polonia sive de situ, etc.

подъ названіемъ «Подоля» или «Подоліи» страна благословенная или, какъ Длугошъ писалъ, «земля млекомъ и медомъ текущая.» Подолье собсвенно начинается отъ р. Липы (въ Галичинѣ) и простирается на востокъ къ Каменцу, издревле называемому «Подольскимъ;» это древнее Русское «Понизье,»[20] страна не богатая лѣсами, но весьма плодородная. Народъ воспѣваетъ въ пѣсняхъ «Подолье» и красивыя «Подолянки:»

Ты, дѣвчино изъ Подоля,
Въ твоихъ рукахъ моя доля!

А съ Подоля вѣтеръ вѣе,
Подолянка гречку сѣе,
Сѣе, сѣе, досѣвае,
За Козакомъ поглядае.

До 1772 г. существовало «Подольское Воеводство,» состоявшее изъ трехъ Уѣздовъ (Повѣтовъ) :Каменецкаго, Летичевскаго и Червоногородскаго. Этотъ послѣдній Уѣздъ достался Австріи и составляетъ нынѣ Чортковскій Уѣздъ или Австрійскую Подолію (Oesterreichisch Podolien).[21]

На сѣверѣ собственнаго Подоля лежащая безлѣсная страна называется у народа «Опольемъ»(Опôлья, Поля), которое простирается отъ м. Козовы къ Збаражу и Волочискамъ. Это названіе не принималось бывшимъ Польскимъ Правленіемъ и не вошло въ книжное употребленіе, между тѣмъ оно кажется древнее и звучитъ уже въ Лаврентьевской и Ипатіевской лѣтонисяхъ въ выраженіяхъ: «Поле, Поля.»[22] Въ такомъ же значеніи и до сихъ поръ народъ въ Галичинѣ

---

[20] Полное Собр. Русск. Лѣт. II, стр. 167, 169.

[21] Нерѣдко весь Тернопольскій Уѣздъ и даже часть Бережанскаго называется Подольемъ. Въ 1809 году Тернопольскій и Чортковскій Уѣзды по р. Стрыпу были присоединены къ Россіи, но, въ слѣдстіе Вѣнскаго договора, въ 1816 году, они опять отданы во владѣніе Австріи.

[22] «Изяславъ же отступи въ Поле, а Половци идоша домовъ.» Лавр. Лѣт. стр. 332.—«Иванъ же тогда уполошився, ѣха въ Поле къ Половцемъ.» П. С. Р. Л. II, стр. 83.—«Оттуду идоша въ Онутъ (село въ Буковинѣ, на Бессарабской границѣ, надъ Днѣстромъ), и идоша въ Поде.» Тамъ же, стр. 161.

употребляетъ эти выраженія: «Пôшовъ въ Поле,» или: «въ Поля на жнива;» «наймився за отульника, за снôпъ, въ Полю;» «остався на зиму въ Полѣ, въ Полякъ.» Замѣчательно, что и за Карпатами тоже выраженіе въ ходу: въ Мараморошскихъ горахъ народъ называетъ Надтисскія равнины: «Поля, Польща.» Жителей Ополья называютъ обыкновенно «Опôляне, Поляне,» или уничижительно: «Ополюки.» Гуцулы же называютъ жителей Коломыйскихъ равнинъ «Поленами, Поляницей»:

Ой сараку Поляниця кукурузу сѣе,
А упадча Гуцулія на то ся надѣе.

(Пѣсиь II, 357.)

Такъ какъ по 1772 годъ пограничная полоса съ мѣстностями: Подкамень, Збаражъ и Волочиска принадлежала къ Кременецкому Уѣзду Волынскаго Воеводства или древней Волыніи, то эта полоса и до сихъ поръ называется «Волынья,» а народъ «Волынцы, Волынюки и Волянюки.»

6. Полѣсье и Польшуки.

Далѣе, по направленію къ западу, слѣдуетъ лѣсистая равнина надъ рѣками Стыромъ и Бугомъ, которой народъ усвоилъ названіе «Полѣсье,» отъ чего мѣстный людъ и называютъ «Полѣсюки, Полѣшуки.» Полѣсье упоминается у Польскихъ лѣтописцевъ Кадлубка, Богухвала, которые Ятвяговъ называли «Полѣсянами» (Pollexiani),[23] т. е., жителями «Полѣсья.» По Русскимъ историческимъ памятникамъ мы можемъ опредѣлить мѣстоположеніе Полѣсья слѣдующимъ образомъ. Въ первый разъ Полѣсье упоминается въ Ипатьевской лѣтописи подъ 1274 годомъ въ нынѣшней Минской Губерніи, Слуцкомъ и Новогородецкомъ (Новогрудскомъ) Уѣздахъ.[24] Въ Ревизіи пущъ Воловича съ 1554 г. называется Полѣсьемъ страна между городами Пинскомъ и

---

[23] «Sunt autem Pollexiani (Ятвяги) Getharum seu Prussorum genus.» Kadlubek II, стр. 86. Въ 1257 г. Папа Александръ IV упоминаетъ также «terras paganorum, quae... Polexia vulgariter appellantur.» Theiner, Monum. histor. reg. Polon t. I, стр. 72.

[24] Полное Собр. Русск. Лѣт. II, 206.

Луцкомъ. [25] Послѣ Люблинской уніи 1569 г. вошло въ употребленіе правительственное названіе «Подляшье, Подляхія,» но оно не вытѣснило прежняго историческаго названія, и выраженія: «Полѣсье, Полѣская пуща» въ Брестской Економіи повторяются до послѣднихъ лѣтъ существованія Польши. Но по народному понятію и часть Белзскаго Воеводства и Червонной Руси называлась «Полѣсьемъ.»

Кромѣ этихъ не встрѣчаемъ другихъ географическихъ названій, развѣ по главнымъ городамъ: «Львовяне, Львовцы, [26] Перемышляки, Самборяне, Самборці, Галичане, которые хотя рѣдко, но употребляли, самыя древнія имена: «Хорваты, Древляне, Дулѣбы, Бужане» и пр., совершенно изгладившіяся нынѣ изъ народной памяти, развѣ только нѣкоторыя названія селъ: «Хревтъ, Хрѣветъ» (Сяноцк. У.), с. «Деревляне»(Золочевск. У.), три селенія«Дулѣбы»(Дулібы): одно въ Стрыйскомъ, другое въ Бережанскомъ, третье въ Чортковскомъ У., и наконецъ г.«Бужекъ» и с. «Побужане»(Золоч. У.), глухо напоминаютъ о существовавшихъ когда-то на Руси Славянскихъ племенахъ.

7. *Горцы, Гуцулы.*

Обратимъ еще наше вниманіе на племенно-этнографическія названія: «Гуцулы, Бойки и Лемки,» которыхъ происхожденіе сколько древне, столько и загадочно. Эти названія не были извѣстны ни прежнему Польскому, ни нынѣшнему Нѣмецкому, Правленію, хотя они издревле употреблялись народомъ для означенія извѣстной породы Горцевъ, или какъ прозвища племени.

На юговосточной окраинѣ Галичины, въ горахъ Станиславскаго и Коломыйскаго Уѣздовъ, живетъ племя Русскихъ горцевъ, отличающееся своимъ племеннымъ типомъ, домашней обстановкой, одѣяніемъ и языкомъ, которые называются «Гоцулы»(Гуцулы). Селенія ихъ, впрочемъ, распространены въ Марамороші и въ Буковинскихъ горахъ.

---

[25] Ревизія пущъ и переходовъ звѣринныхъ, сост. Григор. Воловичемъ 1559 года. Вильна, 1867, стр. 6.

[26] Уже въ половинѣ XIV столѣтія, въ мирной грамотѣ Литовскихъ Князей съ Королемъ Казиміромъ, тоже названы Львовцы: «Аже придуть Татарове на Львовскую землю, тогда Руси на Львовьцѣ не помогати; аже поидуть Татарове на Ляхы, тогда Руси неволя поити съ Татары.» Акты Археогр. Комм. Спб., т. I, стр. 1.

Названіе **Гуцулъ** производятъ отъ Румунскаго слова «гоцъ» или «гуцъ» (разбойникъ), съ прибавкою члена «улъ,» какъ, на пр., **Туркулъ**, **Нямцулъ**. Это имя могло быть сначала браннымъ, или нарицательнымъ, и только послѣ стало именемъ народа и собственнымъ именемъ. Объ Гуцулахъ и вообще о горныхъ жителяхъ Карпатъ не находимъ никакого упоминанія у прежнихъ писателей: о нихъ не знало ни прежнее Правленіе Польское, ни нынѣшнее Нѣмецкое.[27] Первое извѣстіе о народномъ бытѣ Карпатскихъ жителей сообщилъ бывшій Профессоръ естественныхъ наукъ въ Львовскомъ Университетѣ, Гаке (Hacquet), въ своемъ путешествіи по сѣвернымъ Карпатамъ.[28] Въ 1788 — 1793 годахъ онъ прошелъ съ ученою цѣлью весь Карпатскій хребетъ, съ востока на западъ, и при своихъ физико-географическихъ наблюденіяхъ не забывалъ о бытѣ, обычаяхъ и одеждѣ тамошняго народа. Гаке находилъ Покутянъ, т. е., Гуцуловъ, въ Путиловѣ (на Буковинѣ), въ Рожнѣ, Хороцовѣ, Устьерѣкахъ; онъ посѣтилъ Писаный Камень (возлѣ Ясенова), полонины Скупову, Русскій Дѣлъ, Озêрну, Балтагуль, Чорногору; былъ въ Делятинѣ, Зеленой, въ (Угорскомъ) Ясеню (Körösmezö); наконецъ за р. Ломницей (въ Залютномъ, въ Пѣнкахъ?) онъ не находилъ больше Гуцуловъ: «Hier hören die Pokutier auf» (III ч., стр. 58). Такимъ образомъ Гаке прошелъ всю горнюю страну, заселенную Гуцулами, описалъ ихъ домашній бытъ, свадебные и похоронные обряды и пр. Замѣчательны изображенія, представляющія пляску Гуцуловъ съ топорцами, Карпатскіе виды: Русскій Дѣлъ (Ruski Tu), Ямненскій Дѣлъ (Dział Janenienstu), наконецъ Гуцулъ и Гуцулка (Pokutier

---

[27] Что имя **Гуцулы** было издревне извѣстно народу, свидѣтельствуютъ о томъ показанія разбойниковъ при судебныхъ слѣдствіяхъ, которыя изъ актовыхъ книгъ приводитъ А. Бѣлёвскій, въ своей статьѣ: «Покутье» (напеч. въ «Часѣ» (Dodatek) 1857, т. VI, вып. 18). Въ 1703 г. Иванъ Пискливый предводилъ шайкой опришковъ, въ которыхъ участвовали Волохи, Бойки отъ Перегôнска и **Гуцулы**. Около 1712 г. Иванъ Панчишинъ, въ сообществѣ двоихъ Волоховъ и шести **Гуцуловъ** ночью напалъ на Коломыю и ограбилъ Жида Маіорка. Около 1739 братья Добощуки разбойничали: Олекса—на **Гуцульщинѣ** и въ Хороснѣ, а Иванъ—пошелъ между Бойковъ: Въ то же время Олекса Добошъ напалъ съ Украми и **Гуцулами** на с. Молотковъ, и ограбилъ его, и проч.

[28] Hacquet's Neueste phisikalisch-politische Reisen in den Jahren 1791, 92 und 93 durch die dacischen, sarmatischen oder nördlichen Karpathen. Nürnberg, 1794, IV Th.

und Pokutierin), Червоно-Руса и Червоно-Русской женщины (Rothreusse und Rothreussin) и др. Однако же Гаке не зналъ имени Гуцуловъ, а называетъ ихъ Русскими Горцами или настоящими Покутянами (Gebirgs-Russen oder die wahren Pokutier.). Въ первый разъ въ литературѣ упоминается названіе Гуцулъ въ 1821 году, въ изданіи: «Польская Библіотека,» т. I, и за тѣмъ въ сочиненіи Л. Голембёвскаго: «Людъ Польскій». [29] Безыменный сочинитель статьи производитъ названіе Гоцуловъ (Hoculy) совершенно неосновательно отъ кочевой, пастушеской жизни, яко бы называемыхъ Кочулами (!). Не смотря на это, онъ сообщаетъ нѣкоторыя черты ихъ быта довольно вѣрно.

Всего полнѣе описалъ Гуцуловъ, ихъ происхожденіе, характеръ, обычаи и домашнюю жизнь, Иванъ Вагилевичъ, въ статьѣ, напечатанной въ «Журналѣ Чешскаго Музея,» за 1838 и 1839 годы. [30] Сочинитель самъ уроженецъ горной страны Стрыйскаго Уѣзда, занимался продолжительное время изслѣдованіемъ мѣстной этнографіи, хорошо ознакомился съ народнымъ бытомъ и сообщилъ довольно вѣрный образъ Гуцуловъ. Съ той поры названіе Гуцуловъ стало болѣе извѣстно даже у иностранцевъ. Извѣстный путешественникъ, Коль, [31] хотя не посѣщалъ Карпатскихъ горъ, но своимъ зоркимъ глазомъ съумѣлъ въ Буковинѣ замѣтить Гуцула, по его болѣе богатому

---

[29] Biblioteka Polska na rok 1821. T. I.—Lud Polski, jego zwyczaje, zabobony, przez Lukasza Gołębiowskiego. Warsz., 1830, стр. 13. На изображеніяхъ народныхъ племенъ у Голембёвскаго Гуцулъ представленъ вовсе невѣрно, хотя будто бы снятъ на мѣстѣ (?) извѣстнымъ этнографомъ К. Войцицкимъ. Это изображеніе представляетъ скорѣе Польскаго Горала, чѣмъ Русскаго Гуцула.

[30] Huculowé, obiwatelé wýchodného pohoří Karpatského, od D. J. Wahyleviče. Časopis česk ého Museum. W Praze, 1838 и 1839.

[31] Die ganze Gruppe dieses Theiles der Karpathen, zu welchen sie gehören, heisst hier «Tschernija gory» (die schwarzen Berge) und bildet also ein zweites Montenegro. Die hiesigen Montenegriner heissen «Huzzulen» und zeichnen sich durch Sprache, Kleidung und Sitten ebenso von den Bewohnern der Thäler aus, wie die berühmten Adriatischen Montenegriner von ihren Nachbarn.... Man erkennt diese Bergbewohnen (Huzzulen) in der ganz Bukovina leicht an ihrer reicheren Kleihdung, ihrem festen, eigenthümlichen Gange und ihrem guten, tüchtigen Beile, das sie so wenig entberen können, wie ihren Arm, und das ihnen immer zur Seite im Gürtel steckt.» J. G. Kohl. Reisen im Innern von Russland und Polen. III Th. Bukovina, Galizien, Krakau und Mähren. Dresden und Leipzig, 1841, стр. 1—8.

платью, по твердой, свойственной ему одному, походкѣ и по его славному топорику, который неразлученъ съ его рукой и всегда у него за поясомъ (кушакомъ). Наконецъ Викентій Поль, въ своихъ лекціяхъ о сѣверномъ склонѣ Карпатъ, [32] посвятилъ также нѣсколько строкъ описанію Гуцуловъ. Въ особенности замѣчательно, что Поль называетъ поименно села, занимаемыя Гуцулами въ Галичинѣ и Буковинѣ, хотя не безъ пропусковъ. О поселеніяхъ Гуцуловъ на Угорской сторонѣ, въ Марамарошѣ, Поль ничего не упоминаетъ. Онъ приводитъ слѣдующія Гуцульскія села въ Галичинѣ и Буковинѣ, къ коимъ мы прибавляемъ число народонаселенія по самымъ новымъ исчисленіямъ. [33]

I. Въ Галичинѣ, въ Станиславскомъ и Коломыйскомъ Уѣздахъ:

Зелена и Рафаилова	1920 д.
Паесѣчна	2360 —
Бытковъ	1260 —
Пнѣвье	3692 —
Надворна м.	2272 —
Стрымба	646 —
Лоева	705 —
Делятинъ м.	2420 —
Лугъ	630 —
Зарѣчье	2193 —
Дора (у Поля ошибочно Dara)	1320 —
Микуличинъ м.	2040 —
Ямне	687 —
Ворохта	610 —
Яблоница	1174 —
Бѣлые Ославы	1751 —
Чорные Ославы	860 —
Черный Потокъ	852 —
Березовъ Вышній	2530 —
— Нижній	1010 —
Текуча	1041 —

[32] Prelekcyje Wincentego Pola. Rzut oka na północne stoki Karpat. Krakow, 1851.

[33] Schimatismus cleri archidioeceseos Metropolitanae graec.-cathol. Leopoliensis pro anno 1874.

Баня Свирская	80 д.
Яблоновъ м.	610 —
Утороны	1678 —
Акришоры	750 —
Космачъ	1525 —
Брустуры	1830 —
Шепоры	1152 —
Пекурава (у Поля Prokurowa)	753 —
Пустынь м.	1992 —
Рѣчка (у Поля Rzyczka)	2455 —
Яворовъ	2166 —
Соколовка	1544 —
Бабинъ	590 —
Косовъ м.	482 —
Монастыриска	1246 —
Москалёвка	1006 —
Городъ	88 —
Жабье (Ильця)	2392 —
— Слупейка	2485 —
Криворовня	1873 —
Ясеновъ Горный	1702 —
Красноила	614 —
Головы	644 —
Ферескуля (у Поля Tereskula)	440 —
Гринява	799 —
Яблоница	474 —
Долгополе	259 —
Поляници	907 —
Стебне	863 —
Перекрестне	476 —
Бервинкова	261 —
Устьерики	499 —
Бѣлоберезка	990 —
Хороцова (у Поля Choroiowa) и Ростоки	300 —
Роженъ Великій	1350 —

Тюдѣвъ	1001 д.
Роженъ Малый	1843 —
	69,822 [34]

Сверхъ того у В. Поля пропущены слѣдующія села и приселки:

Лючки	356 —
Люча	1056 —
Баня Березовская	941 —
Печенѣжинъ	2745 —
Рунгуры	1358 —
Свобода Рунгурская	768 —
Старый Косовъ	1410 —
Быстрецъ и Рѣка	575 —

Въ Галичинѣ считалось въ 1874 г. Гуцуловъ... 79,031 д.

II. Въ Буковинѣ слѣдующія Гуцульскія села:

Шипотъ, Изворъ и Ульма	1143 —
Селетинъ	1164 —
Сергіевъ (Sergieny)	1194 —
Плоска	678 —
Стороновецъ и Путиловъ	1209 —
Торокп (Toroczeny)	574 —
Кисилица (Kiseliczeny)	1024 —
Устье Путова	759 —
Дихтенецъ	649 —
Яблоница	906 —
Конятинъ	793 —
Спытки и Стебне	506 —
Долгополе (Russisch Kimpolung)	1293 —
Петраше (Petreszeny)	377 —

---

[34] В. Поль насчиталъ 1850 года въ Галичинѣ 61,104 души Гуцуловъ, между ними 639 душъ Римско-Католическаго Вѣроисповѣданія. Та же самая цифра была выставлена имъ и 1847 г., въ журналѣ «Biblioteka zakł. Ossolinskiego.»

Ростоки	1214 —
Межиброды и Захаричъ	723 —
И того въ Буковинѣ Гуцуловъ	13,205 —

Сверхъ того живутъ Гуцулы въ Марамарошскомъ Комитатѣ, въ Угріи, гдѣ они занимаютъ слѣдующія села: [35]

Брустура	965 —
Красногора (Kracsinsora)	519 —
Лугъ (Lonka-Széles)	865 —
Мокра	492 —
Устье Чорное (Kiralymezö)	20 —
Подплеса	343 —
Новоселица (Nereszniсze-Felsö)	1294 —
Рахово (Akna-Rahó)	1607 —
Лазы	250 —
Бѣла Тиса или Богдань	537 —
Луги	514 —
Вовчи	710 —
Квасы (Borkut)	733 —
Бѣлинь	531 —
Ясинье Вышнее (Körösmezö)	1130 —
— Нижнее	1079 —
Лопушанка	395 —
Стебне	638 —
Черная Тиса (Fekete Patak)	744 —
Лазищаны	871 —
Требушаны (Trebusa)	740 —
Бѣлый Потокъ (Fejer Patak)	412 —
Въ Угріи считалось 1872 года Гуцуловъ	15,384 —

И того всего Гуцуловъ:

Въ Галичинѣ	79,031 —
Въ Буковинѣ	13,205 —
Въ Угріи	15,384 —
Итого всѣхъ Гуцуловъ	107,610 —

[35] Schemat. cleri rit. c. dioeceseos Mukacsiensis. Unghvarini, 1872.

По первому взгляду Гуцулы замѣтно отличаются отъ сосѣднихъ Горцевъ и Подгорянъ своею наружностію, характеромъ, нарѣчіемъ, одеждой и всею обстановкой. Эта обособленность имѣетъ свой источникъ частью въ историко-этнографическихъ, частью въ географическихъ, условіяхъ.

Уже самыя селенія Гуцуловъ показываютъ разность отъ другихъ жителей. Гуцульскія села или общины большею частью многолюдны но дома ихъ тянутся на большемъ пространствѣ по берегамъ горныхъ рѣкъ и притоковъ, или на уютной площадкѣ, стоятъ одиноко, подъ горой, обсажены плодовитыми, либо дикими, деревьями.

Весьма характеристически наглядно описалъ Гуцульскія деревни Вас. Кельсіевъ: «Дорога размыта, кое-гдѣ деревушка—но деревушки уже не тѣ, которыя на полѣ, какъ выражается Гуцулъ о равнинѣ: тамъ группы хатъ въ двѣстѣ, подчасъ въ триста, а не то по тысячѣ дворовъ. Здѣсь помѣститься было негдѣ, здѣсь человѣкъ рубилъ себѣ хату тамъ, гдѣ могъ завести огородецъ и отыскать какую ни будь ложбину для поля. Хата направо, хата налѣво, хата впереди, хата назади; ничего общаго, ничего связаннаго нѣтъ; каждый живетъ самъ по себѣ. До сосѣда не во всякую пору можно добраться, по тому что ночью и горецъ можетъ заблудиться, по тому что сильный вѣтеръ можетъ сорвать на него груду камней, или свалить на него дерево, и человѣкъ по неволѣ дѣлается мистикомъ, или опришкомъ.» [36]

Домъ строится у Гуцуловъ изъ еловыхъ, по поламъ разрѣзанныхъ, бревенъ (пленицъ), съ внутри выглаженныхъ стругомъ, связывая въ замки или ключъ; крыша или стрѣха скошенная съ двухъ сторонъ вполнѣ, съ двухъ же узкихъ сторонъ только въ нижней половинѣ, вверху—причоловъ (фасадъ); кроютъ ее не соломой (какъ крестьяне на Подгорьѣ), а драницами или гонтами, которыя они сами производятъ. Окна и двери обыкновенно обращены къ полдню—одно окно къ востоку; предъ домомъ, въ видѣ крыльца, небольшой придѣлъ чрезъ который входится въ сѣнь (хоромы) и оттуда на право въ избу (свѣтлицу). Входя въ комнату, справа при стѣнкѣ—мисникъ—полочки на глиняную посуду. Кругомъ избы деревянныя скамьи (лавы

[36] Галичина и Молдавія. Путевыя письма В. Кельсіева. Спб., 1868, стр. 249.

и прилавки), въ главномъ же углу столъ и на немъ въ скатерти— хлѣбъ и соль. Сѣверную стѣну занимаетъ постѣль, на которой нѣтъ соломы, а только самодѣльные толстые ковры (лѣжники), надъ постелью жерди (грядь) для вѣшанья платья. У ногъ постели обыкновенно виситъ плетеная дѣтская люлька, надъ которой между веревками нерѣдко виситъ красное яблочко. Третій уголъ къ двери занимаетъ хлѣбная печка, съ припѣчкомъ и вверху съ каминомъ (каглой), кругомъ обдана прилавками. Печь столь пространна, что она служитъ вмѣстѣ кроватью для семейства, особенно для дѣтей. Хозяйка держитъ печку и каминъ всегда выбѣлены, но стѣны не бѣленыя моются только предъ большими праздниками. У бѣдныхъ бываютъ и курныя хаты, въ которыхъ нѣтъ камина, выводящаго дымъ въ сѣнь и на чердакъ (на пôдъ), а дымъ валитъ изъ затопленной печки на всю комнату и стоитъ густымъ облакомъ подъ чорнымъ потолкомъ, тѣснясь вонъ четыреугольнымъ отверстіемъ въ потолкѣ. Пока не выгоритъ въ печкѣ, двери и окошка открыты, а еще при томъ, чтобы не привыкшему спасти глаза отъ ѣдкаго дыма, нужно садиться на маленькій стульчикъ, или какой ни буть утинокъ (чурбанъ) на землѣ.

Полъ въ комнатѣ рѣдко мощенъ, а вымазанъ желтою глиной, перемѣшаной съ овсяными мякинами, или конскимъ пометомъ (конягами). Надъ окнами бываетъ также полка (полица), на стѣнахъ же надъ столомъ рѣдко имѣются у Гуцуловъ иконы, какъ это водится у другихъ крестьянъ, а только есть вбитые колки, на которыхъ, во время случающихся церковныхъ обрядовъ: водосвятія, молитванокъ, или парастаса, вѣшаютъ пшеничный калачикъ, прилѣпивъ къ нему восковую свѣчечку. На противоположной сторонѣ сѣни помѣщается иногда комора, или другая комната (кôвната), въ которой Гуцулъ вѣшаетъ на стѣнѣ свои порошницы, ружья, рогатины и конскую сбрую. Изъ тѣхъ же сѣней (хоромовъ) придѣланы низкія дверцы, которыми выходятъ въ клѣти или кошäры, помѣщающіяся сзади, кругомъ хижины. Крыша, опущенная внизъ, почиваетъ на бревенчатомъ срубѣ и образуетъ теплый сарайчикъ, въ которомъ помѣщается мелкій скотъ (дрôбъ, дробя̈тка), т. е., овцы съ ягнятами и телята Гуцулъ-хозяинъ каждый разъ, днемъ и ночью, можетъ посмотрѣть своихъ любезныхъ овечекъ и забросить имъ за драбины свѣженькаго сѣнца.

Такимъ образомъ домъ Гуцула отличается высокой крышей,

стѣны же только съ главнаго входа нѣсколько выше, съ другихъ же сторонъ едва на аршинъ поднимаются своими бревенчатыми стѣнами надъ уровнемъ земли. Часто бываетъ, что тутъ же, напротивъ входа въ хижину, или возлѣ него, пристроенъ анбаръ или клѣть, такъ что крыши обѣихъ построекъ соединены съ собой. Передъ хатой находится небольшой дворъ, который обстроенъ бревенчатымъ заборомъ, либо закидными въ прѣслахъ пленицами, подъ крышкой котораго помѣщаютъ либо наколотыя на зиму для топки дрова, либо лучницы (лучины), иногда улья съ пчелами. У забора есть клѣтчатыя воротцы, между двумя толстыми круглыми стволами, накрытыми вверху плитой, имѣющими видъ первообраза Дорическихъ колоннъ. Для рогатаго скота стоятъ особо полуоткрытые сараи, а нерѣдко скотъ укрывается подъ вѣтвистыми, широко раскинувшимися, еловыми деревьями, безъ всякой крыши, стоя въ огражденіи, обложенномъ вориньемъ (жердями).

Такая Гуцульская хижина, съ клѣтями и заборами, напоминаетъ «Дакійскій» укрѣпленный дворъ, изображенный на колонѣ «Траяна.» Возлѣ дома нерѣдко находится нѣсколько дикихъ яблоней, или грушъ, но въ нѣкоторыхъ деревняхъ (въ «Шешорахъ, Бѣлоберезкѣ» и др.) у Гуцуловъ имѣются лучшаго рода яблоки, груши, черешни и сливы. Земли около усадьбы (царины), всѣ обведенныя заборами изъ жердей, употребляются ранней весной для пастьбища скота, а лѣтомъ для сѣнокоса; иногда косятъ царину во второй разъ осенью и дѣлаютъ отаву или потравь. Гуцулы весьма мало занимаются земледѣліемъ, они сѣютъ очень мало зерноваго хлѣба; во многихъ селахъ не имѣется ни плуга, ни бороны, никто не умѣетъ ни хлѣба косить, ни цѣпомъ молотить. [37] Воза во всей деревни нѣтъ, развѣ бендюги, т. е., двухколесный возокъ съ волочащимися по землѣ двумя шестами, на которыхъ свозятъ дрова. Скошенную траву сушатъ, набрасывая ее на островницы, т. е., развилистые шесты; сѣно же складываютъ также на острову (большую жердь, воткнутую на стожарѣ въ землю), и всегда въ круглые стоги (оденки). Зимой свозятъ на саняхъ, а если отдаленная, или непреступная, царина, то гонятъ туда

[37] Замѣчательно, что Гуцулы даже неправильно спрягаютъ глаголъ: «орю, орешъ, оре, говоря, вм. того совсѣмъ неорганически: «ораю, ораещъ орае.» и пр.

свой скотъ и тамъ кормятъ сѣномъ, на мѣстѣ, раскидывая скоту по два раза въ день по снѣгу клоки сѣна, и примѣшивая нерѣдко къ тому свѣжія деревянныя вѣтви. Въ это время пастухи пересиживаютъ въ особой на царинѣ построенной хатѣ (зимаркѣ). По этой причинѣ у иного Гуцула, кромѣ хаты въ селѣ, находится двѣ и три зимарки, куда онъ лѣтомъ, съ женой, дѣтьми и всею домашнею рухлядью, перекочевываетъ для сѣнокоса, а зимой посылаетъ батраковъ для зимовки скота. Жизнь Гуцула, такъ сказать, въ переходномъ положеніи отъ кочеваго къ осѣдлому быту. Только въ новѣйшее время начали Гуцулы садить борышку (картофель), кукурузу, рѣпу и бобы. Въ прежнее время Гуцулъ не сѣялъ ничего, а только свозилъ на низъ бриндзу и вурду (овечій творогъ), гуслянку (овечью простоквашу) и пр., и мѣнялъ на кукурузу (мелай) и другіе съѣстные прапасы, которыми прокармливалъ свою семью. Къ этому-то быту относится (пѣсн. II, 357):

Ой серака Поляниця кукурузу сѣе,
А упадча Гуцулія на то ся надѣе;
Ой серака Поляниця кукурузъ сапае,
А упадча Гуцулія бесаги латае;
Ой серака Поляниця кукурузу поле,
А упадча Гуцулія вже бѣжитъ у поле.

Или:

Гуцулія кукурлія не хоче робити,
Лишень иде въ Коломыю мелай дорожити.

До сихъ поръ Гуцулы любятъ подвижную жизнь: они постоянно развозятъ на вьючныхъ лошадяхъ свой товаръ: овечій творогъ, шкуры, деревянную посуду, самодѣльныя сукна, холстъ, кушаки и пр. по городамъ, мѣстечкамъ и селамъ на продажу. По всему Покутью, Буковинѣ, Мараморошѣ, даже въ Седмиградіи, можно встрѣтить кочующихъ Гуцуловъ, которые, сидя верхомъ на лошади, нерѣдко съ трубкой въ зубахъ, прядутъ волну изъ воткнутой за поясокъ кудели.

Гуцулъ страстно любитъ скотоводство, особенно стада овецъ. Онъ холитъ свою овечку какъ дитя и предпочитаетъ ее всему дру-

гому скоту, говоря: «Святила бы се Божья скотинка—овечка; изъ овечки все: бриндза, вурда и жентица, и кожюхъ и петекъ та ще й будженица.» Кромѣ овецъ они держатъ стада рогатаго скота, выпасаютъ въ полонинахъ и продаютъ. Богатые Гуцулы нанимаютъ своихъ воловъ крестьянамъ, живущимъ на подгорью, къ полевымъ работамъ, самъ же Гуцулъ воловъ никогда не впрягаетъ въ ярмо, а для перевозки довольствуется лошадьми-вьюками. Гуцулъ, можно сказать, конный народъ. Впрочемъ, рогатый скотъ у Гуцуловъ малой породы, мелнаго качества, коричневой и вообще темной шерсти, когда, напротивъ того, степной скотъ въ Буковинѣ и Угріи отличается большимъ ростомъ и красивой бѣлосѣрою породой. Угорскіе волы славны своими длинными крутыми рогами.

Перезимовавъ свой скотъ Гуцулы выгоняютъ его изъ царины въ полонины. Выгонъ скота бываетъ обыкновенно около 1-го Іюня, при чемъ совершается, такъ называемое, мѣшенье, съ особыми обычаями, сохранившими древнія постановленія первоначальнаго (доисторическаго) пастушескаго быта. Послѣ того немедленно слѣдуетъ Полонинскій хôдъ или походъ на горныя пастбища, въ полонины.

Верхи и полонины вовсе не заселены, и зимой онѣ стоятъ совершенно безлюдными пустырями. Вся полоса Карпатскихъ вершинъ, отъ Молдавскихъ границъ на западъ до Низкаго Бескида, представляется пустымъ никѣмъ не посѣщаемымъ пространствомъ, покрытымъ громадными буграми снѣговъ. Жители горъ пріютились въ раскиданныхъ по ущельямъ и проваламъ хижинахъ, полонины же имѣютъ видъ дикой пущи или настоящаго ледянаго поля. Только съ весной оживляется страна. Отъ дуновенія южныхъ вѣтровъ вдругъ таютъ снѣга, зашумятъ, загремятъ тысячу водопадами всѣ горныя рѣки и рѣчонки и чрезъ нѣсколько недѣль вся мертвая полоса покрывается густыми травами, буйнымъ злакомъ и запестрѣетъ несмѣтными алпійскими цвѣтами. Въ половинѣ Іюня горный или подгорянскій скотъ уже въ полонинахъ, мелкіе овчари съ топорками въ рукахъ оглашаютъ всю страну неумолкаемыми Коломыйками и заунывнымъ звукомъ свирѣли. Тогда-то, по словамъ народной пѣсни, съ воскресшей весной:

Урадуется весь міръ на земли,
Горы, долины та й полонины!

Въ полонинахъ травы не косятъ на сѣно, такъ какъ по крутымъ тропинкамъ и обрывистымъ дорогамъ не возможно свезти сѣно домой къ

усадьбѣ, зимой же нельзя со скотомъ перебрести по снѣжнымъ заметямъ чрезъ скользкія ущелья и замерзшіе ручьи, ни жить среди ледяной пущи, такъ приходится только лѣтомъ выгонять скотъ на верхи и пользоваться тучными альпійскими пастбищами. Такимъ образомъ полонины (какъ Нѣмцы называютъ die Alpen), это—нагорныя пастьбища, пространствомъ отъ 500 до 1000 десятинъ и больше, которыя принадлежатъ нѣкоторымъ богатымъ владѣльцамъ изъ крестьянъ. Однако же, общинное право, сохранившееся съ древнихъ временъ, допускаетъ всѣхъ жителей деревни пасти свой скотъ за условленную награду владѣльцу земли.

Плата—постановлена натурой: восемь до двѣнадцати бочонкокъ (бербеницъ) овечьяго творога (бриндзы) за лѣто, и такую плату владѣлецъ не смѣетъ отмѣнить. На основаніи этого обычая бываетъ ежегодно, предъ Полонинскимъ ходомъ, сгонъ скота на пробный удой (мѣшенье). Для мѣшенья избираютъ которую ни будь изъ вблизи полонины лежащую Гуцульскую усадьбу съ пространной цариной (поляной). Въ условленный день каждый хозяинъ, желающій въ извѣстномъ полонинскомъ пашеніи участвовать, пригоняетъ весь свой дойной скотъ, овецъ, козъ, иногда и коровъ, на мѣсто мѣшенья. При угощеніи хозяиномъ усадьбы нанимаются на лѣто пастухи (вôвчері, бутеи, ледені) и выбираются изъ нихъ ватагъ или ватажко и старшій пастухъ. Плата (сембриля) производится также бриндзей, съ придачей по парѣ постоловъ (кожаныхъ лаптей). Послѣ приготовляютъ извѣстной вмѣстимости дойницу или гарчикъ, въ который каждый хозяинъ, при свидѣтеляхъ ватагѣ и леденяхъ, доитъ свой скотъ. Они мѣряютъ и отмѣчаютъ на особой къ этому дѣлу приготовленной дощечкѣ (лещаткѣ) нарѣзомъ или зарубкой, [38] сколько гарчиковъ было молока, съ половиной, съ четвертью, съ восьмой и пр. долью гарчика. Сообразно пробному удою опытные овчари расчитываютъ, сколько хозяинъ долженъ получить бриндзы, или урды, за лѣто, значитъ сколько бербеницъ, сколько полубербеницъ, сколько гарчиковъ, полугарчиковъ, или, въ прибавку, сколько сырныхъ колачей или баран-

---

[38] **Не тѣ ли «чрьты и рѣзы,» по которымъ древніе Славяне, «не имѣя писменъ, чьтѣху и гатааху» какъ пишетъ Черноризецъ Храбръ, или, по крайней мѣрѣ, остатки ихъ?**

чиковъ.[39] При овцахъ-маткахъ тутъ-же и ягнята. Ватажко, по осмотрѣ, сей же часъ узнаетъ, которое немощно, или лихо вызимовано, что оно не дойдетъ въ полонину. Таковыхъ раздаютъ бѣднымъ вдовамъ и сиротамъ, щобы собѣ выплекали.

Лучинку-карбованку или бирку раскалываютъ пополамъ плашмя такъ, что на одной и на другой половинѣ остаются тѣже нарѣзы. Одну половину беретъ хозяинъ, дѣлавшій пробный удой, а другую отдаетъ ватагу, который, по очереди, отъ всѣхъ доющихъ хозяевъ принимаетъ лещатки, нанизаетъ ихъ чрезъ просверленную дырочку на снурокъ и беретъ ихъ съ собой въ полонину для справки, сколько кто изъ хозяевъ долженъ получить бриндзы. Когда передоятъ весь скотъ и кончится мѣшенье, ватагъ съ овчарями принимаютъ отъ старшинъ все стадо скота и начинается торжественный Полонинскій ходъ. Впереди идетъ пастухъ-наперадо́вецъ, въ чорной мазанкѣ (въ маслѣ и сажѣ вываренной рубашкѣ), по бокамъ и сзади ледѣни, въ сопровожденіи овчарскихъ собакъ, подгоняютъ скотъ. Ватагъ и старшій пастухъ заключаютъ шествіе съ навьюченными мѣдными котлами и деревянной посудой шкапьетами (лошадьми). Сурмы засурмятъ, трубеты затрубятъ, и весь таборъ кочевниковъ, сопровождаемый игрой на сопѣлкахъ (свирѣляхъ) и веселыми пѣснями, идетъ тихимъ шагомъ по извилистымъ дорогамъ и горнымъ тропинкамъ въ верхы, въ полонины. Ревъ скота, блеянье овецъ и ягнятъ наполняютъ воздухъ, овчари прощаются съ возвращающимися хозяевами, передавая каждый что ни будь тому, кто сердцу милъ, кто матушкѣ-ненькѣ, кто сестрѣ, а кто милой чернобрбвкѣ, или бѣлявицѣ-голубкѣ. Пришедши въ полонину, ватагъ тутъ же приказываетъ обновить, или наново устроить, стаю, т. е., ограду для скота, починить дранью, или лубьемъ, колыбу (шалашъ, гдѣ пастухи ночуютъ), снести всю посуду: устроить вертлюгъ (столбецъ съ крюкомъ), на которомъ вѣшается котелъ надъ ватрой (очагомъ) для отогрѣванія молока, устраиваютъ полки для сушенія будзовъ, и все нужное, и тогда начинается полонинское хозяйство. Немедленно разводятъ въ колибѣ огонь (ватру). Гуцулы говорятъ, что овчари въ первый

[39] Когда овечій творогъ размягчить на огнѣ, то сдѣлается масса на подобіе тѣста, изъ коротой овчари дѣлаютъ баранки (колачи), блины (вѣкарѣ), олени, барашечки и др. того рода фигурки.

разъ должны непремѣнно развести живой огонь или Божій огонь. Для этой цѣли ледѣни пріискиваютъ сухой порохнявый пень, кладутъ его на мѣсто очага, зарубываютъ въ немъ клинообразную зарубину; послѣ, обтесавъ такое же клинчатое бревно съ твердаго дерева, закладываютъ его въ зарубину. Два дюжихъ овчаря, ставши наколѣни и взявъ за концы, начинаютъ бревномъ пилить, т. е., сильно тереть бревно объ порохнявую зарубину до тѣхъ поръ, пока, отъ продолжительнаго тренія, не загорится пень. Увидѣвъ дымящійся пень, тутъ же разводятъ огонь и, тричи (трижды) перекрестясь, падаютъ на колѣни, а ватагъ читаетъ въ слухъ «Отче нашъ» и др. молитвы, которыя всѣ присутствующіе, благоговѣйно сложа руки, повторяютъ за нимъ. Вотъ въ какомъ видѣ сохранилось древнее огнепоклоненіе у Карпато-Русскихъ горцевъ!

Чѣмъ скорѣе разведется огонь, и чѣмъ яснѣе онъ горитъ, тѣмъ лучше поведется дѣло сыроваренія и вообще благополучнѣе вестись будетъ скотоводство. Иногда, говорятъ, разведеніе огня идетъ столь упорно, что уставшихъ ледѣней должны смѣнять другіе. Это худое предзнаменованіе: оно ворожитъ или болѣзнь и падежъ скота, или похищеніе дикими звѣрями. Божій огонь долженъ сохраняться до конца кочеванья; его берегутъ ватагъ и старшій пастухъ въ отсутствіи овчарей и, говорятъ, не было примѣра, чтобы Божій огонь погасъ. Если, по причинѣ недостатка паши случится перекочеваться на другую стаю, то и Божій огонь переносятъ въ другую колыбу, или же тамъ наново разводятъ его. Такъ, говорятъ, было въ старину по всѣмъ стаямъ—и велось хорошо скотоводство, теплая погода стояла до поздней осени, удой былъ обиленъ до того, что не только вполнѣ хватало бриндзы для всѣхъ газдъ (хозяевъ) и на симбрилю (заплату) ватагу и всѣмъ овчарямъ, но пастухи еще припрячутъ было (приготовятъ) свыше двѣ, или три, бербеницы и, продавъ бриндзу, подѣлятся деньгами. Съ той поры, какъ начали «ватажити и скотарити урлёпники и жовнираги [40] и зажигаютъ ватру кресаломъ, або и дѣдьчими сѣрниками,» то Богъ не благословитъ и не минуетъ несчастье: бола, падежъ, или мотилица на овцы, мед-

[40] Урлёпъ, Нѣм. Urlaub; урлёпникъ, Нѣм. Urlauber, отпускной солдатъ. Жовнêръ, Польск. żołnierz, отъ Нѣм. Söldner, солдатъ, съ уничиженіемъ говоря — жовнйрáга.

вѣдь кучить, что нужно зарани (ранѣе) вступаться ему и переходить другую стаю, весною падутъ снѣги и бываютъ приморозки, что обстриженныя овцы пукаютъ (лопаютъ) и погибаютъ, или же подъ осень настаютъ ранніе морозы и не дадутъ допрятати скорома даже газдамъ, что получившіе полный надѣлъ должны недостающіе паи и сембрилю пастухамъ уплачивать деньгами. Все несчастье отъ того, что «необачные недовѣрки покасовали стародавный обычай,» говорилъ сѣдой Гуцулъ, со вздохомъ качая головой.

Соображаясь съ числомъ скота, бываетъ на стаѣ, кромѣ ватага, ледѣней 8—10 и больше человѣкъ. Пастухи доятъ весь скотъ въ галъ и, отваривая все молоко, дѣлають прежде будзы или бундзы (большіе комы творога). Дойныя коровы рѣдко гоняютъ въ полонины, такъ какъ въ горахъ коровы не доятся безъ телятъ, и молоко нужно дома, въ селѣ, для кушанья, особенно для дѣтей. Въ полонинахъ—самыя овцы и козы, которыхъ пускаютъ первыхъ на пашу, а послѣ нихъ уже пасутъ яловникъ, бычки и волы. Весь дойный скотъ (дробъ) доится въ стрункѣ два раза въ день, рано утромъ на пашу, и вечеромъ, когда пригоняютъ его съ паши. Струнка—это заборъ особаго устройства въ стаѣ, куда загоняютъ скотъ для доенья. Въ оградѣ, называемой загорода, въ одной стѣнѣ оставляются между кольями такія отверстія, что чрезъ нихъ овца, или коза, можетъ пролѣзть: это—струнка. Когда придетъ время доенія, пастухи выходятъ съ дойницами и присѣдаютъ извнѣ ограды въ дырахъ струнки, и тогда одинъ овчаръ идетъ въ загородку и нагоняетъ батогомъ овцы въ струнку, приговаривая: «Птруть-га! фють!» и когда овца намѣрена пролѣзть сквозь струнку, стоящій извнѣ у отверстія струнки пастухъ задерживаетъ ее, подставляетъ дойницу и, выдавивъ вымя, пускаетъ ее вонъ, за тѣмъ принимается за другую, тѣснящуюся за ней овцу. Молоко сливаютъ въ мѣдный котелъ, вѣшаютъ его на вертлюгъ надъ очагомъ и, отогрѣвъ его, со вложеніемъ немного глега, [41] собираютъ

---

[41] Глегъ (gleg)—это ссѣлое молоко изъ желудка маленькаго теленка, котораго кусочекъ бросаютъ въ удой молока, чтобы оно скорѣе ссѣлось (сгледжилось). Это дѣйствіе называется глегати или гледжити молоко. Слово глегъ, (gleg, у Лемковъ глягъ, глягати), очевидно заимствовано изъ Греческаго γλάγος, молоко, слова, употребляемаго еще въ Иліадѣ Гомера. Это обстоятельство указываетъ на близкія сношенія нашихъ Карпатскихъ Горцевъ

на жентинцѣ (сыровоткѣ) будзъ (сладкій творогъ), сдавливаютъ его въ большіе комы, просушиваютъ на полкахъ и отдаютъ прибывающимъ въ полонину очереднымъ хозяевамъ, которые, перемявъ съ привезенною ими солью, набиваютъ бриндзу въ бербеницы и, соображаясь съ зарубинами по лучинкамъ, берутъ свой пай на домъ. Возвращаясь въ село онъ же, хозяинъ, подаетъ повѣстку, чья очередь выходить въ полонину по бриндзу съ своею лучинкою, и запасаетъ овчарей харчомъ (кукурузяной мукой, картофелемъ, хлѣбомъ и проч.).

Ватагъ въ полонинѣ—начальникъ стаи: онъ приказываетъ, и скотари должны ему безусловно повиноваться. «Въ полонинѣ старшины нема, ни вôйта, ни пана; ватагъ и вôйтъ, и панъ; вôнъ царь въ полонинѣ. Такъ Бôгъ установивъ. А онъ, ди, и нѣмина-маржина (нѣмой скотъ) знае старшину и повинуесе. Коли выженуть товаръ въ полонину, то що найдужчіи волы. начинають брыкатисе, и котрый быкъ переборе всѣхъ, то той и старшій на всю стаю; вôнъ передъ веде и ему всѣ волы и коровы дають дорогу.» Такъ толковалъ мнѣ Гуцулъ въ полонинѣ, доказывая необходимость начальства.

Кромѣ бриндзы добываютъ, переваривая во второй разъ жентицу, другой родъ творога, урду или вурду, которая бѣлѣе бриндзы и не столь жирна, а также гуслянку, т. е., простоквашу изъ овечьяго молока, которая также въ бербеницахъ свозится съ полонины для домашняго обихода, или на продажу.

Въ полонину не полагается заходить женщинамъ, даже за ягодами нельзя имъ ходить туда: это ужь такая установа. На стаѣ, какъ было въ Запорожьѣ, одни мущины занимаются всѣмъ. Сами лѣдени варятъ кулешу, моютъ посуду и занимаются молочнымъ дѣломъ; сами они стираютъ и бѣлье. Не рѣдко случается, иной ледѣнь, чтобы не смѣнять бѣлья, выварить свою рубашку въ коровьемъ

съ Греками въ самой отдаленной древности, когда (по словамъ Нестора): «Словѣни сѣли суть по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска.» Тамъ, въ сосѣдствѣ Греціи, предки нашихъ Гуцуловъ, Бойковъ и Лемковъ, научились глагати молоко и дѣлать бриндзу. Оттуда они вынесли слова-καλύβη, колиба, навѣсъ, шалашъ; βοσκή, кормъ, βόσκω, βοσκήσω (pasco), пасти, выгонять на пашу, и называютъ до сихъ поръ свои шалаши колибы, свои горныя пажити—Бескиды, пасти на горахъ—бескидовати.

маслѣ съ сажей и, какъ чумакъ, ходитъ все лѣто въ такой мазанкѣ, которая лощась, подобно коленкору, предохраняетъ его отъ дождя и насѣкомыхъ.

Въ прежнее время всѣ пастухи въ полонинѣ были вооружены, у каждаго было ружье (крѣсъ или пушка), не рѣдко янчарка, получавшіяся Богъ вѣдаетъ какими путями въ горы, за поясомъ пистолеты, рогатина (кинжалъ) и проч.; но Австрійское Правительство обезоружило весь горный народъ, и теперь остался у каждаго Гуцула только за кушакомъ длинный ножъ въ металлической оправѣ, а для ватаговъ въ полонинахъ мѣстная власть разрѣшаетъ имѣть ружье, или пистолеты. При всемъ томъ полонинская пастушеская жизнь представляетъ вольное раздолье. На мѣшеньѣ батьки-газды, избравъ ватага и скотарей, передаютъ въ ихъ руки все свое имущество. Ледѣнй, идя въ полонину, чувствуютъ себя самостоятельными, свободными, хотя на шесть недѣль, владѣтелями скота всей деревни. Ватагъ—временный хозяинъ, а ледѣни его челядь. Это сознаніе самовластія, случающаяся борьба съ дикими звѣрями, предвидѣнная борьба съ вьюгами, грозами и ненастной погодой, во время которыхъ они должны хранить ввѣренныя имъ стада, внушаютъ овчарямъ мужество, отвагу и самоувѣренность. И воспитанный нѣжной матерью сыночекъ-плеканчикъ, не бывшій въ никакой пригодѣ, весело принимается за трудъ и въ первый разъ почувствуетъ, что онъ хлопецъ-молодецъ, Козакъ: у него «въ лѣвой руцѣ сопѣлочка, а въ правой топорець;» онъ ходитъ за овцами свободно, припѣвая; кругомъ него цвѣтущая природа, глазъ его господствуетъ надъ необозримыми пространствами скалистыхъ горъ, дремучихъ лѣсовъ и глухихъ трущобъ; онъ находитъ довольно досуга «думочку думати и гадку гадати» и, вдоль быстроструящейся рѣчонки, онъ носылаетъ свои вздохи къ милой любкѣ, которая, скучая за милымъ, припѣваетъ дома:

Ой на веснѣ днинка красна, пташеньки спѣваютъ,
Въ полоницѣ еще краще вовчерики граютъ.
Пошли вовци въ полонину, а ягнятка блеютъ,
А що жь наши вовчерики въ полонинѣ дѣютъ?
На маленькомъ салашику ватагъ ватагуе,
Та наробитъ колачиковъ, менѣ подаруе.

Такъ и на Угорской Верховинѣ югасъ (овчарь), ходя за овцами и поглядая долой, въ село, поетъ:

Ладно менѣ въ полонинѣ,
Въ полонинѣ сижу:
Што ма мила дома робишь,
Я то вшитко вижу.

Напротивъ того, глаза овчарки постоянно обращены къ верхамъ, и она утѣшается пѣснею:

Видко мого миленького
Конецъ полонинки,
Якъ росчесавъ жовту косу
Ажъ до ременинки.

Кромѣ скотоводства, Гуцулы занимаются рубкой лѣса. На горахъ, по Карпатскимъ проваламъ и долинамъ, растутъ непроходимые хвойные лѣса. Въ прежнее время крестьяне безпрекословно пользовались лѣсомъ: кто гдѣ хотѣлъ, тамъ и рубилъ; чья полонина, того и окрестный лѣсъ. Австрійское Правительство постановило закономъ, что всѣ лѣса достались во владѣніе помѣщиковъ и казны, даже на крестьянской землѣ выросшій лѣсъ принадлежитъ помѣщику; крестьянинъ можетъ пасти и косить сѣно, но не смѣетъ срубить ни дерева, ни куста, хотя бы засорилъ сѣножать. [42] Теперь Гуцулы нанимаются рубить и сплавливать лѣсъ у помѣщиковъ и у казенныхъ управителей. Въ дальнихъ, подполонинныхъ лѣсахъ они рубятъ строевой и товарный лѣсъ, облупываютъ изъ коры и катятъ съ горы толстыя бревна (ковбки, бѣланй кочаютъ) къ притоку, послѣ водой спускаютъ по одному къ рѣкѣ, сколачиваютъ въ сплавы (пласты, дарабы) для рѣч-

[42] Когда, въ слѣдствіе этого закона, возникли тяжбы и посыпались жалобы крестьянъ, одинъ мужикъ, защищая свое право владѣнія, изъяснялъ Нѣмецкому чиновнику: «Якъ же, пане Комисару? Коли моя земля, то и лѣсъ мой, що на моѣй землѣ выросъ. То уже такъ Богъ давъ. А то пришло бы на тое, що голова моя, а чуприна, що на моѣй головѣ выросла, не моя. Якъ же то може бути?» Ловкій чиновникъ нашелся: «А вось, говоритъ, я тобѣ покажу, що голова моя, а волосье не мое!» — и онъ снялъ свой парикъ. «Такъ и Цѣсарскій патентъ каже: земля твоя, а лѣсъ панскій.» — «А нехай же васъ нечистый возьме съ вашими патентами!,» возразилъ съ негодованіемъ озадаченный крестьянинъ.

ной сплавки. Иногда, въ неприступныхъ мѣстахъ, для удобнѣйшаго сволакиванья бревенъ, они пристраиваютъ ризы—это изъ бревенъ, на высокихъ быкахъ устроенныя, корыта, тянущіяся помежду горами и нѣсколько верстъ вдоль къ сплавной рѣкѣ. Заготовивъ большое количество бревенъ, поливаютъ ризу водой и по льду пускаютъ по одному бревну, которые съ неимовѣрною быстротою мчатся къ рѣкѣ на спускъ.

Гуцулъ—бывалый и весьма предпріимчивый человѣкъ. Съ мѣдной люлькой-запеканкой въ зубахъ лежа на печкѣ своей курной хаты, онъ разскажетъ вамъ весь рѣчный путь отъ Рябинца и Озерной до Кутъ; онъ отмѣтитъ съ точностію всякую гряду (отмель), всякій подводный камень, всякую опасную скалу, всѣ кашицы (срубы съ накладенными камнями подъ мостами), всѣ мосты, подмостки, гуки, скоки—водопады. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ пріѣзжали подрядчики изъ Молдавіи, закупали корабельный и товарный лѣсъ подъ самой Чорногорой—и Гуцулы срубили и сплавили его не только изъ горъ въ Куты и Черновцы, но нанялись сплавить его далѣе по Пруту въ Романовъ Торгъ, Бакоту и до самаго Галаца, за 600 и болѣе верстъ, до самаго устья Дуная. Но Гуцулъ, отдаляясь на время отъ дома, всегда скучаетъ за своими горами:

Гей плыну я по Дунаю,
и такъ си думаю:
«Нема кращихъ спѣваночокъ,
якъ у нашёмъ краю!
Ой нема жь то, ой не мажь то,
якъ Руська крайна,
Тамъ спѣвае Коломыйки
каждая дѣвчина.
Ой нема жь то, ой нема жь то,
якъ та Коломыйка,
Она душу вырывае
зъ моего серденька.
Коломыйки мои любй,
где жь я васъ подѣю?..
Збѐравъ я васъ въ лѣсахъ-горахъ,—
по полю розсѣю!!.

(Пѣсн. II, стр. 739.)

Впрочемъ, у Гуцуловъ развилась своя домашняя промышленность: между ними находятся искусные плотники для построенія домовъ, которые, срубивъ цѣлые дома, разбираютъ весь срубъ и сплавляютъ въ безлѣсныя страны Надпрутской долины, гдѣ продаютъ ихъ по ярмаркамъ въ Заболотовѣ, Снятинѣ и др. городахъ. Они дѣлаютъ хорошую деревянную посуду. Есть между ними и другіе мастера. Гуцулъ умѣетъ плавитъ металлы и довольно искусно выдѣлываетъ желтомѣдные крестики, пуговицы, запонки, цѣпочки, топорики, поясы, порошницы; онъ сумѣетъ починить, или сдѣлать, ружье, конскую збрую и проч. издѣлія для собственнаго употребленія и на продажу. Женщины Гуцулки опять—мастерицы красить овечью волну и кôзью шерсть на разные яркіе цвѣта: алый, малиновый, голубой, желтый, зеленый и коричневый; руками Гуцулокъ перерабатывается не только весь запасъ домашнихъ рунъ, но иная деревня (Яворовъ, Соколовка и др.) прикупаютъ нѣсколько сотъ пудовъ волны и перерабатываютъ ее домашнимъ (не фабричнымъ) образомъ на сукна, ôжники, килимы, фоты, опинки, катраны, крайки, рукавицы и др. издѣлія. Замѣчательно, что это искуство вовсе не перенято отъ Нѣмцевъ, ни отъ Запада, а все у нихъ своедѣльно и по преданію сохраняется и переходитъ изъ поколѣнья въ поколѣніе, отъ самыхъ, можетъ быть, доисторическихъ временъ. Вообще у Карпатскихъ Горцевъ, особенно у Гуцуловъ, въ домашнемъ быту, въ хозяйственныхъ приборахъ и уборахъ, незамѣтно ни малѣйшаго вліянія Западнаго образованія, все у нихъ по своему, по старинному.

И нынѣ Гуцулы такъ выдѣлываютъ бриндзу, урду, гуслянку, какъ ее выдѣлывали два, три, столѣтія тому назадъ; такъ одѣваются въ самодѣльное платье, какъ это описалъ Гаке; и нынѣ они такъ пляшутъ гайдука, смѣло подбрасывая на сажень вверхъ свои топоры и съ вѣрностію ловя ихъ надъ головами, какъ это изображено ученымъ Профессоромъ на 2-ой картинкѣ стр. XIX, III тома его «Путешествія.[43] Форма и матеріялъ орудій и снастей, снадобья, убранства, домашней обстановки — все какъ бы въ первобытныхъ

---

[43] Getanzt wird den ganzen Tag unter freiem Himmel. Beim ersten Anblick, als ich diesen Tanz sah, war ich nicht wenig betroffen, die Gefahr zu sehen, die damit verbunden ist. Noch nie hatte ich so was gesehen, und mir einbilden können, dass die Menschen,

лѣсахъ. Они строятъ дома по обычаю своихъ предковъ; лошадиная сбруя, убранство мущинъ и ожерелья женщинъ, до малѣйшей пуговицы и пряжки, покрой одѣянія до малѣйшей каймы и обшивки, все столь опредѣленно, неизмѣнно, какъ бы въ статуѣ вылито, или долотомъ ваятеля выковано. Гражданственность Европы не дотронулась Гуцуловъ, какъ среди постоянно движимыхъ волнъ на поверхности моря недвижимыя массы воды лежатъ внизу, которыхъ не коснется никакая буря, никакій ураганъ.

Гуцулы и вообще Верховинцы отличаются стройнымъ тѣлосложеніемъ и замѣтной тѣлесной силой. Гуцулъ возметъ одинъ на плечо такое бревно, которое есть кому и двоимъ понести; онъ зарубитъ топоръ въ длинный стволъ ели, и одной рукой тянетъ ее къ рѣкѣ на сплавъ. Гуцулъ оборотный, ловкій, охочъ къ работѣ и труду, но на досугѣ онъ любитъ отдохнуть и полежать, куря трубку. Онъ добродушенъ, простосердеченъ, чувствительный, хлѣбосольный до расточительности, но и раздражительный, жестокій и скорый къ отместкѣ, хитеръ и непостояненъ. Онъ любитъ щеголять своимъ яркоцвѣтнымъ убранствомъ, дорожитъ своей блистающей сбруей, ясным ъ, писаным ъ топорцомъ. Женскій полъ отличается жеманствомъ и кокетничествомъ. Уже Гаке замѣтилъ у Гуцуловъ волокитство и разнузданность обы-

welche um eine solche Zeit, wo man an keinen Argwohn u s. w. denken sollte, sich auch bei einer ähnlicheu Feierlichkeit (т. е., при свадьбѣ) bewaffnet halten.... Ein jeder Pursch hat sein Frauenzimmer bei der Hand; drei bis sechs Paar tanzen in einem Kreise herum. Gewöhnlich ist der Aufgeiger oder Dudelsackbläser in der Mitte des Zirkels. Obgleich nun dieses Volk in einem Kreise herumtanzt, so sind sie doch nicht geschlossen, denn wenn der Pursch aufrecht tanzt, so hält er sein Mädchen um den Leib, und dreht sich damit herum, in der rechten Hand hält er aber sein Axt in die Höhe über den Kopf seinen Schönen. Bei allen diesen gewaltigen Sprüngen wirft er sie örfters in die Luft, und fängt sie wieder; ist er nun ungeschickt damit; so kann, bei einem unglücklichen Fall der Axt, dem Mädchen, oder auf den sie fällt, der Kopf gespalten werden, indem sie durch ihre Schärfe und Gewicht das ersetzt, was die anzuwendende Kraft bei einer stumpfen zuwegbringen muss. Das allermerkwürdigste bei diesem Tanz ist, wein der Kerl beinahe auf der Erde huckt und wie ein Frosch mit den Tänzerinnen herumhupft, dass er auch alsdann sein Axt, die er am Ende des Stils hält, klafterhoch in die Höhe wirft, und sie doch wieder fängt.... Um einen besseren Begriff von diesem Tanz zu geben, so habe ich auf der Vignette zu Ende der Vorrede eine Zeichnung davon geliefert.» Hacquet's Neueste physikalisch-politische Reisen in den Jahren 1791,92 und 93 durch die Dacischen und Sarmatischen oder nördlichenKarpaten. Nürnberg, 1794, III T, S. 34.

чаевъ у обоихъ половъ. Таковы они и сегодня. Многіе женатые за честь себѣ считаютъ имѣть по двѣ и три любаски, а иный Гуцулъ докоряетъ своей женѣ, что у нея нѣтъ ни одного любовника. Гаке пишетъ, что женатые, кромѣ законной жены, имѣютъ свои подруги (посестры), напротивъ того замужнія женщины безпрепятственно держатъ своихъ любовниковъ. Этотъ порокъ вѣроятно имѣетъ свой источникъ въ смѣшеніи съ какимъ-то постороннимъ племенемъ, чуждымъ Славянамъ, которые, какъ извѣстно, славятся цѣломудростію обычаевъ и безпорочной жизнію въ супружескомъ союзѣ. При II-мъ томѣ прилагаются изображенія Галицкихъ и Угорскихъ Гуцуловъ. Пѣсни Гуцульскія собраны въ селахъ: Рунгурахъ, Космачѣ, Криворовнѣ, Чорномъ Потокѣ, Яворовѣ и проч. Въ слѣдствіе стеченій обстоятельствъ, въ прежнее время развилось въ этой странѣ разбойничество, опришки, и Гуцулъ вовсе не считалъ позорнымъ участвовать въ разбоѣ. «Опришки въ Карпатахъ, пишетъ Кельсіевъ, были нѣчто въ родѣ абрековъ на Кавказѣ. Это были не то разбойники, не то бандиты, не то удалы добры молодцы, не изъ жажды разбоя, не изъ жажды наживы, а такъ, отъ нечего дѣлать, со скуки. Еще недавно, лѣтъ тридцать назадъ, Гуцулъ считалъ постыднымъ дѣломъ ходить безъ ружья, и только силой Австрійское Правительство отобрало у нихъ ружья. Разбой и убійство въ горахъ были дѣломъ до того обыкновеннымъ, что даже въ счетъ не ставились. Теперь ихъ почти нѣтъ.... Ни Польское, ни Молдавское, Правительство никогда дѣльно не владѣли этими горами; одна Австрія съумѣла, безъ шуму, безъ войны, покорить ихъ, и вышли изъ нихъ (Гуцуловъ) люди тихіе и смирные.» [44]

А. Бѣлёвскій, въ своей статьѣ: «Покутье,» представилъ по этому предмету замѣчательныя данныя, заимствованныя изъ актовыхъ книгъ Станиславскаго Уголовнаго Суда съ 1703 по 1723 и съ 1738 по 1751 годъ. Они выпукло представляютъ состояніе страны и наглядно указуютъ на причины, по чему именно на Покутьѣ съ такою силою и дерзостію выступали, такъ называемые, опришки.

Положеніе края, на границахъ трехъ Государствъ, наполненнаго большими горами и непроходимыми лѣсами, весьма благопріятство-

[44] Галичина и Молдавія, путевыя письма В. Кельсіева. Спб., 1868, стр. 249—250.

вало разбоямъ. Если одинъ ватагъ (атаманъ) послѣ грабежа, сдѣланнаго на Покутьѣ, былъ преслѣдованъ властями, или разбитъ, онъ дѣлалъ отступленіе въ Волощину (Молдавію), откуда другой ватагъ и побратимъ его приходилъ ему на выручку. Если же они обое, при встрѣчѣ съ преслѣдующими ихъ ротами, потерпѣли пораженіе, то разбитые отступали къ своимъ побратимамъ въ Угріи и находили у нихъ нерѣдко помощь, а во всякомъ случаѣ убѣжище. Въ первой половинѣ XVIII вѣка опришки развелись по всему Заднѣстровью и образовали свои побратимства. Вездѣ, по всему Покутью, до самаго Днѣстра были у нихъ по селамъ присяжные побратимы, сообщники, товарищи и друзья, которые доставляли имъ съѣстные припасы и помогали разбойникамъ въ нападеніи и грабежѣ. Шайки опришковъ возросли до такой силы, что нападали среди бѣлаго дня на мѣстечки Косовъ, Микуличинъ, или на Жидовскую сватьбу въ Яблоновѣ. Развелась настоящая Гайдаматчина. Въ то самое время (1704) г., «когда Иванъ Пискливый славился ватагомъопришковъ на Покутьѣ, другой ватагъ, Пинта, разбойничалъ въ Угорщинѣ, и другъ съ другомъ были знакомые-побратимы. За тѣмъ Пискливый водилъ шайки въ Волощинѣ и Угріи, а Пинта грабилъ въ Угріи и на Покутьѣ; въ шайкѣ, которую онъ велъ на Косовъ, находились Валахи и самъ Пискливый съ Бойками и Гуцулами.

При такой внѣшней обстановкѣ вырабатывался дикій характеръ народонаселенія, особенно у Покутскихъ Горцевъ, которые, набравъ склонности къ разбойничей жизни, считали разбой чѣмъ-то въ родѣ славы и отличія. Рѣдко можно было найти Гуцула, который въ молодыхъ лѣтахъ не вкусилъ гайдамацкаго хлѣба и не былъ у опршковъ, а степенные батьки, даже имущіе хозяева, не только не порицали замѣченную у своихъ сыновъ охоту итти въ опришки, но, при случившейся способности, и сами они не отказывались участвовать въ нападеніи. Народная пѣсня замѣчаетъ,

Что есть насъ не мало
. . . . того товариства,
Якъ у лѣсѣ въ Медоборѣ букового листа.

Но главной причиной этого неправильнаго состоянія было слабосиліе Польскаго Правительства, извѣстный гнетъ народа и крайняя

испорченность Польскаго управленія котораго представители дѣлились съ опришками ихъ добычей.

А. Бѣлевскій нашелъ въ выше приведенныхъ актахъ замѣчательныя данныя. Онъ говоритъ: «Лица разныхъ сословій жили въ удивительномъ согласіи. Економы или управляющіе имѣніями: Ославскій, Мышинскій и Ланчинскій пьютъ въ полѣ какъ друзья съ опришками; Печинижинскій Подстаростій получилъ отъ нихъ въ даръ конскую сбрую, а Ославскій большую табакерку. Отъ ватага опришковъ получили въ даръ: панна Михаловская горсть жемчуговъ и десять перловыхъ нитокъ; госпожа Михаловская десять нитокъ кораллов, а панъ Михаловскій горностаями подшитый кунтушъ и катушку червонцевъ. Панъ Цѣшановскій принялъ роль третейскаго судьи между опришками и Жидомъ Шаей изъ Коломыи, котораго опришки хотѣли изрубить, но, по ходайству пана Цѣшановскаго, они помиловали его, взявъ съ Жида 20 талеровъ. Вотъ въ какихъ отношеніяхъ стояли опришки къ личностямъ, представлявшимъ въ это время мѣстное управленіе. Очевидно, всѣ они участвовали въ разбояхъ, и получали свою долю изъ награбленнаго добра, хотя Г-нъ Бѣлёвскій умолчалъ объ этомъ, удивляясь только необыкновенной гармоніи сословій («między róźnemi klasami panuje tu dziwna harmonia»). Пойманныхъ опришковъ нерѣдко вѣшали, или отсѣкали имъ головы, но Ляхамъ и Жидамъ Правительство никогда не приписывало никакой вины. Они всегда выходили цѣлы и невредимы.

По этой-то причинѣ въ прежнее время считалось молодечествомъ «пôти въ опришки, въ гайдамаки, хоть на три недѣли.» И до сихъ поръ Гуцулы поютъ пѣсни про Добощука, Марусяка, Джемеджука и другихъ именитыхъ опришковъ, прославляя ихъ (по мѣстному мнѣнію) богатырскіе подвиги. На Добошеву хату, Добошеву кирницу, указуютъ еще и нынѣ, гдѣ она была, какъ на священные памятники, а потомки Стефана Дзвôнки, который убилъ изъ ружья Олексу Добоша, живутъ до сихъ поръ въ селѣ Космачѣ особнякомъ подъ народной опалой. Никто не дружится, ни сообщается съ ними. Вооруженіе опришковъ было непослѣднее. Бѣлёвскій нашелъ въ актахъ: «ватагъ опришковъ имѣлъ ружье, перевѣшенное черезъ плечо, при бедрѣ палашъ, за поясомъ топорецъ и двѣ пары пистолетовъ, въ рукѣ рогатину, у пояса висѣлъ обыкновенно ножъ, называемый чепеликъ. Простые опришки различа-

лись тѣмъ, что у нихъ не было палаша и только одна пара пистолетовъ.» Народное преданіе прибавляетъ къ тому, что они, вмѣсто галуновъ, нанизывали на нитку червонцы и украшали ими свои шляпы (кресани) и ремни отъ порошницъ и проч.

Опришки, подобно Запорожцамъ, называли другъ друга: «Пане брате, товаришу, побратиме;» ватагъ же ихъ обращался къ нимъ: «Хлопцѝ молодцѝ!» Еще не разслѣдовано, была ли какая нибудь связь между Украинскимъ и Горнымъ Гуцульскимъ гайдамачествомъ.

Въ народной пѣснѝ живо представляется бытъ опрышковъ:

А що у тôй Чорногорѣ за воронѝ конѝ!
«Ходѣмъ, брате, въ Гайдамаки, чуемъ за червонѝ!»
«На що тобѣ, пане брате, торбину таскати,
Лѣпше тобѣ, пане брате, людей розбивати!
Чи знаешь ты, пане брате, що будемъ дѣяти?
Геть вырѣжемъ вражихъ Ляхôвъ, будемъ пановати!»

Вотъ какихъ мыслей полны были Гуцулы опришки. Бѣлёвскій разсказываетъ, что при допросахъ опришковъ употребляемы были мученія, и что это дикое и безчеловѣчное средство оказывалось безплоднымъ. Рѣдкій опришокъ высказывалъ на пыткѣ больше, чѣмъ было имъ сказано добровольнымъ способомъ; но были и такіе случаи, что разбойникъ, признавшійся добровольно, взятый на пытку, отказывался отъ всего и не сказалъ на пыткѣ ни слова.

До какой степени опрышки были равнодушны къ позорной смерти, знаемъ изъ пѣсни:

Чи видишъ ты, пане брате, за лѣсомъ могила?
Чи ты умрешъ, чи повиснешъ, разъ мати родила!

Поляки разсказываютъ о безчеловѣчной свирѣпости опришковъ, которой они будто бы сопровождали свои нападенія на панскіе дворы и шляхту. Эти явленія имѣли скорѣе причину въ жестокомъ обхожденіи Ляховъ съ Русскимъ народомъ, чѣмъ въ природной дикости нравовъ. Впрочемъ, извѣстно, до какой степени можетъ ожесточиться человѣческое сердце и закалиться чувство въ разбойникѣ. [45]

---

[45] Разсказы Казим. Войцицкаго, будто бы опришки, разграбивъ разъ дворъ

Вагилевичъ, въ своей статьѣ, [46] производитъ Гуцуловъ отъ Узовъ или Уцовъ (Половцевъ), племени Турецкаго. Увлекаясь этой мыслію, онъ находилъ въ ихъ наружности, характерѣ, жизни, обычаяхъ и языкѣ столько всего чужестраннаго, что чуть ли не считалъ нынѣшнихъ Гуцуловъ полу-Турками; напротивъ того другіе этнографы, каковъ Поль, утверждаютъ, что «въ Гуцулахъ видѣнъ неизгладившійся типъ Славянскій, который, подъ вліяніемъ горной природы, обозначается рѣзкими и смѣлыми чертами.» [47]

Мнѣніе его о Гуцулахъ высказано въ письмѣ, помѣщенномъ въ одномъ изъ Львовскихъ журналовъ, куда и отсылаемъ любознательныхъ читателей. [48]

Впечатлѣніе, какое сдѣлали Гуцулы на В. Поля, достойно вниманія, характеристика его горнаго люда схвачена живо и вѣрно, а многія черты изъ бытовой жизни Гуцуловъ предлагаютъ матеріялъ для дальнѣйшаго изслѣдованія этого во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнаго народа.

Наконецъ, не отрицая нѣкоторый примѣси посторонней народности, нужно сказать, что Русско Славянская народность взяла рѣшительный перевѣсъ. Нынѣ Гуцулъ настоящій представитель Славянскаго духа: по наружности, обычаямъ, образу жизни, языку и вѣроисповѣданію, онъ стоитъ въ ближайшей связи съ другими Горцами — Верховинцами и Подгорянами. О Горцахъ вообще можно ска-

---

шляхтича, приказали старому хозяину босыми ногами плясать по истолченному стеклу и, не довольствуясь этимъ тиранскимъ поступкомъ, велѣли ему, собственными руками, въ саду вырыть яму, въ которой его живого и зарыли, выколовъ ему прежде глаза, такіе разсказы — очевидно преувеличены, или просто шляхетскія выдумки. Въ слѣдъ за тѣмъ Войцицкій, оправдывая строгія мѣры бывшаго Польскаго Правительства, говоритъ: «Кто же бы удивлялся? Рука справедливости преслѣдовала со всей строгостью такихъ извергов человѣчества, которые такъ отдалились отъ человѣческой натуры.» Чистая выдумка, для оправданія строгихъ мѣръ Польской руки справедливости!

[46] Časopis českého Museum 1838 - 1839.

[47] Rzut oka na północne stoki Karpat. Kraków, 1851, str. 131.

[48] Biblioteka naukowego zakładu im. Ossolińskich we Lwowie. 1847, t. 1, str. 664.

зать съ Бѣлёвскимъ, что «они народъ пригожій и красивый. Сильное тѣлосложеніе, свобода движеній, обыкновенно свойственная жителямъ горъ, наконецъ отвага и ловкость — прирождены вмѣстѣ и Гуцуламъ и Бойкамъ. Горцы различаются между собою въ частности, но они имѣютъ много общаго, ихъ вяжетъ съ собою особый бытъ и особый характеръ страны. Горный міръ—это свой особый міръ, различный отъ остальнаго міра низменныхъ странъ; жизнь горца, пастуха, полукочевника, совсѣмъ другая жизнь. Пѣсни Горцевъ, по своему выраженію, по своему метру, ритму и напѣву, напоминаютъ журчаніе воды по камнямъ и мелкимъ порогамъ горныхъ притоковъ. Въ этихъ пѣсняхъ особенно выпукло обнаруживается любовь Горца къ родной странѣ, мягкость и нѣжность чувства, его способность къ заявленію глубокой любви и, при всей жесткости натуры, обнаруживается въ немъ много честныхъ, благородныхъ качествъ, дѣлающихъ это племя для каждаго весьма сочувственнымъ.» [49]

8. *Горцы, называемые Бойками.*

Непосредственные сосѣди Гуцуловъ съ запада, это Горяне и Подгоряне, называемые «Бойки.» Это названіе придается Русскому народу сѣвернаго Карпатскаго склона, начиная отъ рѣки Ломницы къ западу до истоковъ Днѣстра; слѣдовательно, Бойки занимаютъ погорье Стрыйскаго и Самборскаго Уѣздовъ. Викентій Поль исчисляетъ слѣдующія села, заселенныя Бойками, [50] къ которымъ мы прибавляемъ статистическія свѣдѣнія о народонаселеніи съ 1874 г. [51]

Лóмна имѣетъ жителей	1120	душъ
Волчье	1700	—
Ясѐнка Масёва	702	—
Кондратôвъ	225	—
Исаіе	1175	—
Ластôвки	973	—

[49] Pokucie, przez A. Bielowskiego. Czas, dodatek misięczny. 1857, t. VI, zesz. 18, str. 664.

[50] Rzut oka na pólnocne stoki Karpat. Kraków, 1851, str. 130.

[51] Схиматизмъ Греческо-Русск. Перемышльской Епархіи за 1874 годъ.

Головско и Кринцаль	302 —
Зубрица	466 —
Кропивникъ Новый	971 —
Старый	929 —
	8,563

Рыбникъ	520 душъ
Локоть	346 —
Долгое	638 —
Перепростина	138 —
Майданъ Желѣзный	175 —
Турка	1496 —
Мельничье	329 —
Яблôнка Нижняя	1150 —
Вышняя	920 —
	14,305

Турочки Нижнія	445 д.
Вишнія	331 —
Соколійки	361 —
Бôтля	1420 —
Гнила	698 —
Высоцко Вышнее	1721 —
Нижнее	967 —
Комарники	1961 —
Либокора	1123 —
Гусне Вышнее	650 —
Нижнее	251 —
Кривка	468 —
Маткôвъ	657 —
Ивашкôвці	235 —
Красне	456 —
Мохнатое	570 —
Задѣльско	673 —
Завадка	646 —
Должки	359 —
Криве	233 —
Росохачъ	486 —

Мыта	263 д.
Сухій Потôкъ	141 —
Багноватое [52]	246 —
Рыкôвъ и Молдавско	96 —
Лссинецъ	730 —
Ясêнка Степêва и Радичъ	206 —
Ильникъ Земянскій	561 —
— Запорожскій	385 —
— Королевскій	411 —
	32,045
Уричъ (Стрыйск. У.)	554 —
Ямельница	563 —
Пôдгорицй	1210 —
Сопôтъ	642 —
Крушельниця	963 —
Корчинъ '	1161 —
Синевôдско Нижне	680 —
— Вышнее	1401 —
Сморжа	320 —
Жупанье	684 —
Климецъ	375 —
Выжлôвъ	563 —
Сенечôвъ	696 —
Вышкôвъ	462 —
Побукъ	423 —
Межиброды	149 —
Тишевниця	235 —
Трухапôвъ	747 —
Брязя [53]	361 —
Сукôль	208 —
Камêнка	443 —
Слобода	429 —
Лужки	209 —

[52] У Поля ошибочно—Bachnowate.

[53] У Поля ошибочно—Bereza.

Липа	227 —
Мизунь	729 —
Кропивникъ (Стрыйск. У.)	618 —
Перегѓнско	3713 —
Сливки	809 —
Ясѣнь	2891 —
и того	53,430 [54]

Къ этимъ селамъ слѣдуетъ прибавить слѣдующія, въ той же области лежащія, деревни, которыя пропущены Полемъ:

Ясениця Замковая	960 д.
Сприня	578 —
Залокоть	806 —
Звѡръ	870 —
Зарѣчье	420 —
Орёве	2294 —
Розлучь	1009 —
Рипяна	740 —
Смеречка	600 —
Жукотинъ	900 —
Бережокъ	260 —
Ботелька Нижняя	486 —
— Вышняя	498 —
Яворѡвъ	830 —
Бенёва	250 —
Буковецъ	210 —
	11,711

Сянки	230 д.
Днѣстрикъ Дубовый	350 —
Бориня	889 —
Тростянецъ	766 —
Кривое и Ростока	231 —
Прислѡнъ	895 —

[54] Rzut oka na półnoene stoki Karpat, стр. 129—130.

Шумячь	521 —
Гвоздецъ	873 —
Волосянка	1016 —
Туря Великая	1508 —
Белеевъ	691 —
Небыловъ	1511 —
Слободка	309 —
	29,973
	44,651
Итого въ 1874 году считалось Горцевъ Бойковъ	75,937

Въ 1851 г. Поль считалъ Бойковъ 57,553 души.

Впрочемъ, В. Поль называетъ страну, въ коей помѣщаются приведенныя селенія, прямо ея же народнымъ именемъ—«Верховиной,» и говоритъ, что народъ съ гордостію называетъ себя «Верховинцемъ,» а только въ насмѣшку зовутъ его сосѣди «Бойкомъ,» Между Верховинцами нашелъ Поль еще особенную горную страну, у верховьевъ рѣкъ Орявы и Опора, которую онъ назвалъ «Тухольщиной,» а горцевъ, живущихъ тамъ, «Тухольцами.» Поль думаетъ, что эта страна издавна была заселена: онъ находитъ у народа горные типы рѣзче отпечатлѣнными, чѣмъ у самыхъ Бойковъ и говоритъ, будто бы и способъ постройки хижинъ и церквей относится къ древнѣйшимъ временамъ, имѣя совсѣмъ Византійскій характеръ и пр. Мы считаемъ жителей этой страны прямо Горцами Верховинцами, имѣющими, конечно, нѣкоторыя мѣстныя особенности. Названіе Тухольцевъ, если кое-гдѣ и употребляется, происходитъ отъ деревень Тухля (Вел.) и Тухолька, извѣстныхъ ловкими сплавниками для гонки строевого лѣса. [55]

---

[55] Села, заселенныя мнимыми Тухольцами, высчитаны у Поля слѣдующія. Онъ считалъ, въ этихъ 26 селахъ 1851 г., 15,413 душъ; слѣдовательно, народонаселеніе уменьшилось на 976 душъ:

Орява	520 душъ.
Погаръ	420 —
Орявчикъ	800 —
Тисовецъ (у Поля ошибочно Tyrawiec)	110 —

Названіе «Бойки» (един. ч. Бойко, Боёкъ, Бойцунъ, жен. Бойкиня, Бойчиха, Бойчунка, собир. Бойки, Бойчинья) производятъ нѣкоторые отъ корня бой, бойкій, другіе же, именно И. Вагилевичъ, въ своей статьи: «Бойки, народъ Русско-Славянскій въ Галичинѣ,» [56] старается доказать, что они происходятъ отъ древнихъ Боевъ, давшихъ имя Боёгеміи или Богеміи, и будто бы когда-то обытавшихъ въ этихъ странахъ.

Имя Бойки, вовсе не употребительное ни въ прежнемъ, ни въ нынѣшнемъ правленіи края, до новѣйшихъ временъ не было извѣстно въ письменности. Первый, упомянувшій о бранномъ названіи (szyderskie nazwisko) «Бойко,» былъ Червинскій, отождествляя его съ быкомъ (!); такое толкованіе, конечно, не имѣетъ смысла. Лука Голембёвскій, [57] извлекая изъ Червинскаго, приводитъ почти вполнѣ его описаніе страны и народа.

Козёва	690	д.
Коростовъ	460	—
Сколье м.	389	—
Гребеновъ	203	—
Хôтарь (у Поля Hotar)	664	—
Кальне	386	—
Плавье	1189	—
Тухолька	484	—
Головецко	885	—
Рыковъ (у Поля Byków)	226	—
Грабовецъ	209	—
Тухля	820	—
Либохора	437	—
Опорецъ	450	—
Лавочне	556	—
Тарнавка	532	—
Славско	1140	—
Волосянка	1016	—
Хащованье	216	—
Яленковате	492	—
Рожанка Вышня	700	—
Нижня	462	—
	14,447	

[56] Časopis českého Muse m 1841, стр. 30.

[57] Okolica Zadniestrska między Stryjem i Lomnicą, przez Ign. Lubicz-Czerwińskiego.

П. І. Шафарикъ, обративъ вниманіе ученаго міра на слова Константина Багрянороднаго (De administratione Imperii, c. XXX) объ области, называемой у туземцевъ «Бойки» (Bóiki), сообщилъ этому имени историческое значеніе, [58] и безъ всякаго колебанія призналъ страну, въ которой живутъ нынѣшніе Бойки, тождественной съ страной, указываемой Константиномъ Багрянороднымъ, т. е., въ «области за Турціей (землей Мадьяровъ), именуемой туземцами «Бойки,» граничившей съ Франконіей и Великой или Бѣлой Хорватіей и орошаемой рѣкою Вислой, иначе Дичицей.» [59] Желая поддержать свое мнѣніе, Вагилевичъ, съ замѣтною натяжкой, старался повѣствованіе древнихъ лѣтописцевъ о Кельтійскомъ племени Бояхъ связать съ шаткими народными преданіями, которыя онъ называетъ народной хроникой и, не имѣя на это, кромѣ одного имени, никакихъ положительныхъ доказательствъ, хотѣлъ видѣть въ нынѣшнихъ Бойкахъ обрусѣвшее племя Кельтійскихъ Боевъ. Соображая всѣ, собранныя имъ, данныя, нельзя не назвать его предположеніе слишкомъ смѣлымъ. Десятокъ подобранныхъ имъ яко бы Кельтскихъ словъ, находящихся въ Польскомъ и Русскомъ языкѣ, нѣсколько именъ фамилій со слогомъ бой (даже бай!), прямо ничего не доказываютъ. Названія мѣстностей: «Волохи, Волошинъ, Волощина,»—тоже плохое доказательство Кельтичества: они скорѣе происходятъ отъ Валашскихъ выходцевъ или поселенцевъ на Волошскомъ правѣ (jure Valachico), съ XV и XVI столѣтій, о чемъ свидѣтельствуютъ грамоты Польскихъ Королей и другіе документы. Наконецъ, народное преданіе о какомъ-то богатырѣ Ванчѣ слишкомъ сбывчиво и неопредѣленно, а, между тѣмъ, Вагилевичъ, увлекаясь предвзятой мыслей, совсѣмъ произвольно называетъ этого сказочнаго Ванча Кельтомъ или Бойкомъ, горцемъ Перемышльско-Зидачевской земли. Преданія о переселеніи Бойковъ изъ Белзской земли въ Карпатское погорье тоже не подтверждаются никакими историческими данными.

Lwów, 1811, стр. 148.—Lud polski, jego zwyczaje, zabobony, przez Luk. Gołębiowskiego. Warszawa, 1830, стр. 112.

[58] Slovanské Starožitnosti P. J. Šafaříka. V Praze, 1837, стр. 638, и за тѣмъ въ особой статьѣ: «O zemi jmenováne Bojky,» Časop. česk. Mus. 1837.

[59] Славянскія Древности П. І. Шафарика, переводъ съ Чешскаго О. М. Бодянскаго. Москва, т. II, кн. I, стр. 401.

При всемъ этомъ, однако же, нельзя отрицать, что существовало и существуетъ названіе «Бойко,» и что есть преданія о народѣ и землѣ, называемой историческимъ именемъ «Бойки.» Въ актовыхъ книгахъ Станиславскаго Уголовнаго Суда А. Бѣлёвскій [60] нашелъ показанія подсудимыхъ опришковъ, что въ 1703 и 1704 году въ шайкѣ Ивана Пискливаго были Бойки отъ Перегинска и Гуцулы, которыми предводительствовалъ Федь Жолобъ. Въ 1739 г. Иванъ Добощукъ (братъ Олексинъ) пошелъ между Бойки, откуда изъ Болехова были извѣстія объ его грабежахъ, а послѣ, въ селѣ Бенёвѣ, въ Самборской землѣ, онъ, умирая, передалъ въ церковь свой рѣзакъ или разбойничій ножъ. [61] До сихъ поръ во всей Галичинѣ людей изъ Синеводска, Тишевницы и Межибродъ Стрыйскаго Уѣзда не называютъ иначе, какъ Бойками: «Бойки пришли съ орѣхами, Бойки продаютъ бриндзу, у Бойка найлучше купить сушеныхъ Венгерскихъ сливъ, свѣжаго винограда» и проч. Гуцулъ говоритъ: «Вѣтеръ съ Бойка повѣявъ,» т. е., съ сѣверозапада. Въ Дрогобичѣ, Добромилѣ, Перемышлѣ и во Львовѣ говорятъ: «Бойки за Днѣстромъ въ горахъ.» Въ народной пѣсни поется про Бойка зъ Небылова (села Стрыйскаго У.), въ другой же пѣсни говорится: «полюбила съ пôдъ Самбора Бойка,» а еще въ иной пѣсни насмѣхаются надъ Бойкомъ:

Ой бѣдоійко, умеръ Бойко, Бойкови дзвонили,
А Бойко ся схопивъ зъ лавы, ледви го зловили.

(Пѣсн. II, стр. 618.)

Жители равнинъ указываютъ на погорье (Пôдгôрье и Горы

[60] См. Статью А. Бѣлёвскаго «Покутье.»

[61] Этотъ замѣчательный памятникъ послѣ опришковъ находился у Львовскаго Русскаго помѣщика, Ивана Вас. Товарницкаго. Это былъ родъ кинжала, простой работы, изъ рѣзака передѣланный. Онъ довольно широкъ съ не очень заостреннымъ концомъ и имѣлъ короткую желтомѣдную рукоятку въ видѣ конскихъ копытъ. На одной сторонѣ кинжала вырѣзана надпись: «Иванъ Добощукъ, славный збойникъ Горскій передъ смертю смертю (такъ!) свою зложилъ той рѣзакъ въ церкви Бенюшки.» На другой сторонѣ видны слова: «Отъ того ризака загибъ зъ рукъ До(бощу)ка...» Остальная часть надписи совсѣмъ стерлась до того, что остались только кой-какіе слѣды буквъ, но не возможно разобрать имени жертвы.

Стрыйскаго и Самборскаго Уѣздовъ), что тамъ живутъ Бойки; напротивъ того Гуцулъ, съ своихъ вершинъ смотря въ долины, говоритъ, что Бойки надъ Прутомъ и надъ Днѣстромъ. Подоляне у Гуцула— тѣже Бойки. Подгоряне въ Струтинѣ, Рожнятовѣ и пр. указываютъ, что въ Перегинску, Ясеню, Сливкахъ уже Бойки, но Ясенці отнѣкиваются, указывая на западъ, что тамъ Бойки, а съ ними и Вагилевичъ, тамошній уроженецъ, не называетъ своихъ соотчичей ни Бойками, ни Гуцулами, а чѣмъ-то среднимъ между тѣми и другими. Такимъ образомъ трудно опредѣлить мѣсто жительства настоящихъ Бойковъ. Въ пѣсни народной столь же неопредѣленно говорится:

Ой пойду я межи Горы,
Тамъ где жіють Бойки,
Где музыка дрбно грае,
Скачуть полегойки.

Замѣчательно, что самъ народъ никогда не назоветъ себя «Бойкомъ,» а каждый отказывается отъ него съ негодованіемъ, на отрѣзъ, считая его обиднымъ именемъ: «Бойкнуло бы тобѣ въ черевѣ! Якій я Бойко? Я такій же Русинъ, якъ и ты.» Между тѣмъ вѣрно замѣтилъ В. Поль: если бы этотъ народъ дѣйствительноно происходилъ отъ историческихъ Боевъ, онъ вовсе не имѣлъ бы причины обижаться, когда его назовутъ этимъ именемъ.

Изъ всего выше сказаннаго видно:

Во первыхъ: Предположивъ, что земля, называемая Константиномъ Багрянороднымъ «Бойки,» точно находилась въ странѣ, занимаемой горцами, прозываемыми Бойки, то народъ Кельтовъ или Боевъ, жившій въ доисторическое время въ этой странѣ, совершенно истребился, и нынѣшніе жители, Русскіе Горцы или Погоряне, ни какъ не происходятъ отъ Кельтовъ. Они чисто Славянской крови и живутъ съ незапамятныхъ временъ на своей землѣ. Ни Несторъ, ни другіе лѣтописцы, ни позднѣйшіе писатели, ничего не говорятъ о какомъ ни будь постороннемъ племени. Въ началѣ XIII столѣтія упоминается въ лѣтописи Синеводско, село, котораго жителей называютъ по преимуществу Бойками, и ничего не говорится о чуж-

дой народности его жителей.[62] Мы помѣщаемъ изображеніе Синеводчанъ; а во II и IV томахъ находится много колядокъ, записанныхъ въ Синеводскѣ, Тишевницѣ, Ясинѣ, Розгорчѣ, Дулибахъ и др. селахъ.

Во вторыхъ: Народъ, заселяющій эту страну, ни чѣмъ особеннымъ не отличается отъ своихъ сосѣдей, ни тѣлосложеніемъ, ни обликомъ, ни народнымъ бытомъ, ни одеждой, ни домашней обстановкой, ни народными пѣснями, ни языкомъ. Слѣдовъ Кельтичества на немъ вовсе нѣтъ. Подгоряне и Верховинцы составляютъ продолженіе того же самаго Русскаго народа, который населяетъ остальную Галичину, только географическое положеніе и климатическія условія наложили на нихъ свою печать.

Остается вопросъ: по чему народъ самъ не хочетъ себя называть Бойкомъ, когда онъ не долженъ бы вовсе обижаться, если бы онъ въ самомъ дѣлѣ происходилъ отъ историческихъ «Боевъ,» или отъ слова «бойкій» (какъ утверждаетъ Вагилевичъ)? Для разъясненія этого надлежитъ допустить предположеніе, что названіе Бойковъ относилось къ остаткамъ того племени, которое, послѣ незаписанныхъ исторіей пораженій, народныхъ смутъ и потерь, низошло, вѣроятно, до положенія рабовъ, или бѣдныхъ празднoшатающихся отребьевъ у возрастающаго и господствующаго Славяно-Русскаго народа. Можетъ быть, въ странѣ, которую Константинъ Багрянородный называлъ «Бойки,» жили когда-то и Кельтійскіе Бои; но они выселились, перешли въ другія страны, или истребились въ войнахъ, а послѣ нихъ осталась между Славянскими поселенцами какая ни будь невольная челядь, или чернь, которая, шатаясь между господствующимъ народомъ, своими сосѣдями называема была «Бойки,» пока совсѣмъ не перевелась и не слилась съ народомъ, а, ославянившись, не оставила свое прозвище Русскому народу, который по этой причинѣ и чуждается его. Должно быть Славяно-Русское населеніе всегда враждебно относилось къ

---

[62] «Преже того ѣхалъ бѣ Данило князь къ королеви въ Угры, хотя имѣти съ нимъ любовь сватьства: и не бы любови межи има, и воротися отъ короля, и пріѣхавъ въ Синеволодьско (въ Хлѣбник. Синеводско, въ Ерм. сп. Синоводско), во монастырь Святыя Богородица; наутрѣя же воставъ, видѣ множество бѣжашихъ отъ безбожныхъ Татаръ, и воротися назадъ въ Угры; не може бо проити Русскоѣ земли (т. е., Галичины), зане мало бѣ съ нимъ дружины.» Полное Собр. Русск. лѣт. II, стр. 178.

этимъ Боямъ, когда до сихъ поръ народъ съ презрѣніемъ ругается имъ въ видѣ поговорки: «Бойко жовточеревый» и въ насмѣшку припѣваетъ:

Ой Гуцулы, Гуцуленьки, де 'сьте Бойка дѣли?
Цы вы его испеклисте, цы сырого зъѣли? —
Ни мы его испеклисмо, ни сырого зъѣли,
И но ишовъ черезъ гору, та го вовки зъѣли.

Вагилевичъ утверждаетъ, будто бы у Бойковъ существуетъ почти исключительно только лирическая поэзія. Между тѣмъ эта страна богата пѣснями разнаго рода, эпическаго и лирическаго содержанія, и вовсе не уступаетъ въ этомъ отношеніи никакой другой области Галичины. Напротивъ, мы можемъ сказать, что въ земли Гуцулонъ, Верховинцевъ, Подгорянъ или Горцевъ, называемыхъ Бойками, сохранилось народное пѣснопѣніе въ полной силѣ. Изъ моего Сборника можно убѣдиться, какое богатство и разнообразіе пѣсенъ, собранныхъ въ этихъ земляхъ. Эпическій характеръ пробивается въ обрядныхъ пѣсняхъ, особенно въ колядкахъ, галькахъ и др.; кромѣ того находится много былевыхъ и бытовыхъ пѣсенъ, выдержанныхъ рѣшительно въ эпическомъ тонѣ. Конечно, есть много и эротическихъ и плясовыхъ пѣсенъ—лирической формы. Пѣсни сохранены по большой части въ первоначальномъ видѣ, не испорчены, не подновлены, какъ то бываетъ въ другихъ странахъ, особенно въ открытыхъ равнинахъ, по главнымъ трактамъ и возлѣ городовъ. Есть и позднѣйшіе наросты, наслоенія, добавленія и передѣлки, какъ это случается съ пѣснями живущаго народа, но во многихъ изъ нихъ сохранился прототипъ миѳическаго періода, первоначальнаго эпоса, обломки котораго существуютъ въ видѣ обрядныхъ пѣсенъ, а также уцѣлѣлъ богатый запасъ бытового, семейно-житейскаго, пѣснопѣнія въ цѣльномъ, неиспорченномъ видѣ.

Теперь окинемъ разомъ произведенія поэтическаго творчества Горцевъ Восточной Галичины и подведемъ имъ общій итогъ. Поэзія Гуцуловъ, Верховинцевъ и Подгорянъ (Бойковъ), какъ народа горнаго, вѣрна своему происхожденію и характеру мѣстности. Это поэзія, зародившаяся въ глубинѣ души народа, давно сроднившагося съ природой своей прадѣдной земли и съ дѣтской любовію сохранившаго преданія своихъ отцовъ. Въ счастьѣ и горѣ, въ радости и печали,

народъ своимъ образомъ выражаетъ всякія ощущенія души и выливаетъ свои чувства въ извѣстной формѣ пѣсни. Впечатлѣнія въ громадныхъ видахъ представляющейся природы, преданія отдаленной древности, событія въ семьѣ, или въ общинѣ, не рѣдко и отголоски политической и общественной жизни, все слагается въ пѣсенную форму, которая, постоянно мѣняясь въ подробностяхъ, сохраняетъ въ цѣлости свой первоначальный образъ. Горцы и Подгоряне, вообще охраненные природными заборалами — горами и лѣсами, находились всегда въ какой-то разобщенности съ остальнымъ міромъ, жили въ замкнутости и менѣе поддавались вліянію чужеземщины. Они относились ко всему, что только выходитъ изъ предѣловъ ихъ мѣстности и ихъ быта, съ какою-то недовѣрчивостію и боязнью. Чужая рѣчь, чужой обычай, чужіе порядки, и все, что выходитъ изъ области бытовой народа, или что выше его умственнаго кругозора, все это для него чужеземное, чужестранное: «То-то не по нашему, не по Христіянски!» Горецъ не принимаетъ его, онъ даже смѣется надъ тѣмъ. Благодаря этой замкнутости, отчужденности, отчасти и господствующимъ у него предразсудкамъ, народъ не поддавался, и не поддается, вліянію Поляковъ, Мадьяръ и Нѣмцевъ, удержалъ свой старинный языкъ, свой древній обычай, свой народный бытъ, и тѣмъ спасъ свою народность.

Въ каждомъ селѣ есть люди, одаренные или поэтическимъ настроеніемъ, или счастливою памятью, есть свои пѣвцы и пѣвицы (спѣваки и спѣвачки на все село): они-то сохраняютъ, поддерживаютъ и распространяютъ народную пѣсенность. Въ зимніе вечера, при сельскихъ сходкахъ, вечерницяхъ и досвѣткахъ, въ лѣтнюю пору при работѣ, дома при хозяйствѣ, или въ дальней полонинѣ за овцами, вездѣ у горца готовая пѣсня въ устахъ. Въ рукахъ у него, или за поясомъ, свирѣлочка, готовая разжалобить его душу, заставитъ думать, а тамъ и спѣть пѣсню, думку, или хоть коломыйку. Женщины при работѣ не молчатъ: полютъ ли грядку, гребутъ ли сѣно, или, такъ себѣ, сидя въ холодочку, подъ вѣтвистымъ яворомъ, прядутъ куделю, вѣчно у нихъ въ умѣ извѣстная пѣсня, сообразная настроенію души, и грустный напѣвъ разливается раскатными струями среди шума горныхъ притоковъ и гремящихъ водопадовъ по скалистымъ горамъ, дремучимъ лѣсамъ и цвѣтущимъ надрѣчнымъ лугамъ. Самая пѣсня, какъ вдохновеніе, или впечатлѣніе,

мгновенія, выливается въ лирической формѣ коломыйки и складывается въ двухъ, четырехъ, или шести стихахъ.

Обыкновенно: картина изъ окружающей природы, соотвѣтствующій настроенію духа образъ души—чувство радости и удовольствія, отголосокъ жалю и грусти, ожиданіе милаго, воспоминаніе о счастьѣ любви съ милымъ, нареканіе на невѣрность его—таковы обычные предметы пѣсенъ. Нерѣдко картина съ природы подобрана къ ощущенію души такъ мѣтко, что чувствуете межь ними какое-то подобіе, или символъ подобія, такъ, какъ бы риѳма мыслей соотвѣтствуетъ риѳмѣ языковой формы. Въ гостиницѣ, на сватьбахъ и общественныхъ забавахъ слышите также пѣсни, сопровождаемыя веселой пляской. Горныя страны богаче другихъ пѣснями этого рода.

Но первыя и главныя между пѣснями, это обрядныя пѣсни, которыя поются въ урочное время, при извѣстныхъ, по преданію установленныхъ, обрядностяхъ и праздникахъ, общественныхъ и семейныхъ играхъ и увеселеніяхъ. Коляды, гальки, ладканья и др. пѣсни, это сокровищница народной поэзіи, общій народный кладъ, не исчерпаемый источникъ преданій, изъ котораго народные пѣвцы и пѣвицы берутъ мотивы для своихъ твореній, разнообразясь въ частностяхъ, но, однако жь, не отклоняясь отъ своего средоточія. Въ нихъ находятся отголоски доисторическаго, даже миѳическаго, періода, покрытыя наслоеніями поэтическихъ отливовъ разныхъ временъ: въ нихъ обломки старинныхъ повѣстей и сказаній древняго народнаго эпоса. Наконецъ пѣсни обрядныя—это зеркало домашней и семейной жизни, сохранившееся въ живописныхъ картинахъ прежняго, болѣе привольнаго, быта. Нерѣдко новыя событія облекаются въ обновленную поэтическую форму, удерживая въ главныхъ чертахъ колоритъ, По образцамъ древнихъ пѣсенъ складываются молодымъ поколѣніемъ новыя пѣсни, поражающія насъ своеобразностію картинъ и свѣжестію самыхъ естественныхъ красокъ. Даже лирическія пѣсни, думки и всякаго рода спѣванки, также плясовыя пѣсни — коломыйки, шумки, чабарашки и пр., придерживаются первообразовъ старинныхъ пѣсенъ. Все дышетъ завѣтной стариной, своеобразнымъ бытомъ и чисто народнымъ духомъ.

О Русскихъ Горцахъ Карпатскаго хребта (Гуцулахъ, Верховинцахъ, Бойкахъ, Лемкахъ) слѣдуетъ вообще сказать, что они выдѣлились

еще въ доисторическое время изъ общей семьи Славянъ и заняли Карпатскія горы въ свое владѣніе. Имя Русинъ, Русь, Русскій, испоконъ закрѣпилось за ними посредствомъ господствованія Князей Русскаго поколѣнія и утвержденія Греческаго Православія и Славянскаго богослужебнаго языка, и, не смотря на это, все таки черты племенной разности и первоначальнаго происхожденія не стушевались такъ сильно, какъ въ другихъ низменныхъ странахъ.

9. *Русины-Лемки.*

Наконецъ погорье Низкаго Бескида, отъ р. Сяна по самую Попрадскую долину въ Сяндецкомъ Уѣздѣ, заселяетъ соплеменный Галицкой Руси народъ, который называетъ самъ себя «Русинами или Русняками,» а у сосѣдей извѣстенъ подъ именемъ «Лемковъ» (Лемко, Лемакъ, жен. р. Лемчанка). Названіе «Лемки» стало извѣстно только въ самое новѣйшее время, по чему и нельзя сказать, на сколько оно древне. Не смотря на это Шафарикъ считаетъ вѣроятнымъ, что извѣстные въ III и IV стол. «Sarmatae Limigantes» были предками нынѣшнихъ Лемковъ. [63]

Алексѣй Торонскій составилъ, въ 1860 году, обстоятельное описаніе этого замѣчательнаго племени. [64] Онъ производитъ названіе Лемковъ отъ частицы «лемъ,» которую горцы той стороны употребляютъ вмѣсто «лишь-только.» Торонскій находитъ это прозвище совсѣмъ естественнымъ: такъ какъ нарѣчіе «лемъ»—не Русское, а, съ многими другими словами, заимствованное у Словаковъ, то легко могло статься, что неправильный ихъ говоръ показался страннымъ для сосѣдей Русскихъ, и они, подсмѣиваясь надъ нимъ, начали называть и говорящихъ «лемъ» Лемками.

Напротивъ того, Польскій этнографъ Викентій Поль, вовсе отрицая возможность этого происхожденія, утверждаетъ, что въ землѣ этихъ же горцевъ (Лемковъ) надъ р. Ославой находится три деревни, изъ коихъ въ одной говорятъ «лемъ,» въ другой «немъ,» а въ третьей «лешъ (т. е., лишь), и по тому, по его мнѣнію, слѣдовало

---

[63] Slovanské starožitnosti, 936.

[64] Русины-Лемки, въ Галицкой Зарѣ. Львовъ, стр. 389.

бы называть первыхъ «Лемками,» вторыхъ «Немками,» а третьихъ «Лешками.» [65] Это кажется Полю такъ, но на дѣлѣ выходитъ иначе. Прозвища «Немки» по тому нѣтъ, что незначительное количество людей — одна деревня употребляетъ разнорѣчіе въ формѣ «немъ.» Что касается прозванія «Лемковъ,» то оно существуетъ даже въ Закарпатской Руси, гдѣ, между прочимъ, различаютъ также Русское народонаселеніе тѣмъ, что называютъ однихъ «Лемаками» (Lemaken), т. е., говорящихъ «лемъ,» а другихъ (въ Марамарошѣ) «Лишаками» (Lissaken), т. е., говорящихъ «лишъ,» о чемъ сообщалъ Чапловичъ еще въ 1829 г. [66] Впрочемъ, подобныя названія часто являются у Славянъ. Такъ, на пр., между Угорскими Словаками прозываютъ однихъ (на Спижѣ) «Чопаками» — отъ слова «чо» вм. что, другихъ (въ Земненскомъ Комитатѣ) «Сотаками,»—отъ слова «со» вм. «цо» (что), [67] третьихъ «Терпаками» (Trpáci), отъ слова «терпоу» (trpou), вм. «теперь», [68] не упоминая оС лавянахъ другихъ странъ. По этой причинѣ нечего было горячиться Г-ну Полю: причина его отрицанія для насъ ясна. Польскому этнографу не хотѣлось назвать народъ по его же имени: «Русины-Лемки,» «Русняки» и вмѣстѣ съ тѣмъ признать существованіе Русскаго народа надъ Вислокой и даже далеко за Вислокой, на берегахъ рѣки Попрада, на исконной Польской землѣ. въ странѣ, которую Д. Зубрицкій торжественно назвалъ «Завислоцкой Русью,» противъ чего сильно возставалъ Мацѣёвскій (Pierwotne dzieje Polski i Litwy). [69] Стараясь опровергнуть это непріятное для Поляка утвержденіе, Поль разбилъ племя Лемковъ на Спижаковъ, Горалей отъ Пивничны, Мушины, Грибова, изъ Бискупщины, выдумалъ какихъ-то небывалыхъ Куртаковъ и Чухонцевъ (?!) и въ добавокъ прибавилъ поселенія XV и XVI стол. (w dosyć późnych czasach) на правѣ Волошскомъ поселенныхъ, затемнилъ, и концы въ воду,

---

[65] W. Pola Rzut oka na północne stoki Karpat. W Krakowie, 1851, стр. 127.

[66] I. Csaplovics, Gemälde von Ungarn, II Thle. Pesth, 1829.

[67] Naučný Slownik. 1870, VIII, стр. 575.—J. Kollar, Zpiewanky. W Budině, t. II, стр. 475. Шафарикъ очевидно увлекся, производя Сотаковъ отъ древняго племени Сатаговъ.

[68] Доказательства Мацѣёвскаго разбилъ въ пухъ и прахъ Д. Зубрицкій въ статьѣ: «Granice między Ruską i Polską narodowością w Galicyi. Lwów, 1849.

[69] Тамъ же, стр. 128.

а все для того, чтобы доказать, что за Вислокой «niema Rusi.» И Зубрицкій и Торонскій признаютъ Лемковъ первобытными жителями своей земли. Вѣроятно, въ этихъ странахъ въ древности жили Хорваты, которыхъ поселенія, по словамъ Шафарика, «отъ восточной Галичины, гдѣ Русскіе Хорваты упоминаются Несторомъ и Кадлубкомъ подъ 850, 907, 981 и 983-имъ годами, простирались непрерывною цѣпью Карпатскимъ хребтомъ къ самому Кракову. [70] Они приняли крещеніе при Владимирѣ Великомъ, а, можетъ быть и раньше, и послѣ усвоили себѣ названіе Русскихъ (Русняковъ). Самыя дальнія поселенія ихъ къ западу—это четыре села за р. Попрадомъ: Шляхтова (700 д.), Бѣла Вода (655), Чорна Вода (363) и Яворки (715 д.), напротивъ которымъ находятся, на южномъ склонѣ, многолюдныя села того же люда: Великій Липникъ (1284 д.), Фольваркъ (643), Литманова (1036), Орябина (1486), Камянка (2337) и др. [71] Это самыя дальнія поселенія Русскихъ на западѣ; отсюда Лемки простираются узкою полосой къ востоку почти до истоковъ Сяна. Въ своемъ географическомъ положеніи между Польскимъ и Словацкимъ народами, они должны были подвергнуться ихъ вліянію, къ чему присоединилось еще вліяніе поселенцевъ на правѣ Волошскомъ, когда на призывъ владѣльца земли стекались свободные (люзные) люди изъ сосѣднихъ деревень на новоселье. По этой причинѣ у нихъ въ одеждѣ, языкѣ и домашнемъ быту такое разнообразіе. Не смотря на эти мелкія разницы (drobne różnice), самъ В. Поль говоритъ (стр. 124, 125), что все племя Куртаковъ, т. е., Лемковъ, даже со Сиижаками, начавъ съ перевала р. Попрада до истоковъ Сяна, по наружности, говору и обычаямъ, слѣдуетъ считать однимъ народомъ, который, во время перваго нашествія Мадьяръ въ Панонію, перешагнулъ черезъ хребетъ Низкаго Бес-

[70] П. І. Шафарика Славянскія Древности стр. 639.

[71] Впрочемъ, надобно замѣтить, что нѣкоторыя изъ этихъ селъ очень древни и существовали уже въ XIII и XIV стол. Въ Сольной Банѣ (Só-Bánya) существововали солиныя копи уже 1288 г., село Блажовъ (Bálas-Vagas) основано 1317 г. Далѣе упоминаются: Нижній Репашъ (Alsó-Répés) 1321 г., Янубяны 1322, Гельцманова (Helczmanócz, Hausdorf) 1325, Орябина (Jarembina) 1329, Старая Весь (Ó-Falu) 1336, Здоба 1337, Куровъ, Великій Липникъ (Nagy Lipnik), Мальцовъ (Malyczov) и Тройчаны (Trojcsan) 1338, Орловъ 1366, Лтаманова 1370 г. См. Schemat. ven. cleri gr. rit. cath. dioeces. Eperiess. Casoviae, 1870 г.

кида къ истокамъ Вислинскаго водоема; по словамъ его же; эти Спижаки (Лемки) [72] въ физическомъ отношеніи значительно отличаются отъ Спижаковъ (Польскихъ), поселившихся надъ притокомъ Дунайца и Бѣлой, которыхъ (Польскихъ Спижаковъ), по причинѣ толстыхъ шей и зобовъ, называютъ еще Горлаками (Gardlakami). [73]

Поль поименно высчиталъ всѣ села, которыя заселены Русинами-Лемками. Онъ назвалъ ихъ Куртаками, отъ короткаго платья, и Чухонцами (!), отъ верхняго платья, носимаго ими, которое называется будто бы «чуханя» (czuchania). Это не такъ: во первыхъ, короткое платье носятъ вездѣ горскіе жители; стало, всѣ горцы должны бы называться Куртаками. Плащъ особаго покроя, носимый Лемками, называется «чуга» или «чуганя» (не czuchania, отъ Мадьяр. csuha); [74] этотъ плащъ употребляется также и въ другихъ мѣстахъ Карпатскихъ, не только на западѣ (въ Моравіи), но и на востокѣ (въ Буковинѣ). Потому можно бы ихъ назвать, пожалуй, Чуганцами, но ни какъ не Чухонцами, т. е., Финнами.

Русины-Лемки живутъ въ слѣдующихъ селахъ:

Шляхтова	700	душъ.
Яворки	715	—
Бѣла Вода	635	—
Чорна Вода	353	—
Верховая Великая	1127	—
Ломница, м. Пивнична и Кукушка	20	—
Мацѣева	360	—
Барновецъ [75]	63	—

[72] Спижаками или Спишаками называются собственно жители Спижскаго Комитата, въ верхней Угорщинѣ, отъ бывшаго замка Спижъ или Спишь, Нѣм. Zips, Мад. Szepes, Лат. Scepusia. Трудно сказать, на сколько вѣрно производство названія Спижа отъ Гепидовъ, (Gepusia), которые будто бы когда-то жили въ этой странѣ, но названіе это издревле извѣстно не только въ Польской и Угорской исторіи, но и Русскія лѣтописи упоминаютъ Спижъ, Зпишь.

[73] Rzut oka na północne stoki Karpat. Krak., 1851, стр. 124.

[74] Впрочемъ, и у Русскихъ извѣстенъ долгій кафтанъ, называемый чуга, чугай, чуха. См. Областной Великорусскій Словарь Востокова, Толковый Словарь Даля, и Бѣлорусскій Словарь Носовича.

[75] У Поля Baranowce.

Чачовъ	81	душъ
Навоёва	80	—
Лабова	650	—
Котовъ	251	—
Угринъ Вышній	382	—
Угринъ Нижній	143	—
Новая Весь	1198	—
Лосье	283	—
Ростока Великая	1873	—
Крижовка	140	—
Королева Русская	627	—
Богуша	601	—
Бинчарова	721	—
Бѣличва	191	—
Ждыня	655	—
Конечна	380	—
Гладышевъ	551	—
Верхня	117	—
Смерековецъ	959	—
Высова	862	—
Блехнарка	434	—
Регетовъ Вышній	333	—
» Нижній	551	—
Скварртне	403	—
Лугъ [76]	290	—
Ганчова	953	—
Ропки	341	—
Устье Русское	901	—
Квитоль [77]	319	—
Новица	653	—
Прислонъ	250	—
Лосья	885	—
Климковка	370	—

[76] У Поля Luk.

[77] Kwiatoń.

Лѣщины	290	душъ
Кунькова	284	—
Долины	135	—
Шклярки, Надъѣздъ [78] и Шимбаркъ	160	—
Бѣлянка	359	—
Маластовъ	370	—
Ропица Русская	583	—
Пантна	789	—
Драгошовъ	31	—
Бортне	833	—
Перегонина [79]	271	—
Бодаки	84	—
Мантина. [80]	315	—
Роздѣлье	480	—
Вапенное	357	—
Петружное [81]	116	—
Боднарка	633	—
Крива	155	—
Воловецъ	730	—
Ясѣнка и Баница	485	—
Рыхвальдъ	778	—
Святкова Великая [82]	678	—
Свѣржова и Святковка	193	—
Воля Цѣклинская	292	—
Фолюшъ	405	—
Цеклинъ	36	—
Пелегримка [83]	730	—
Клопотница	170	—
Галбовъ	270	—

---

[78] Najazd.

[79] Przegonia.

[80] Męcna.

[81] Pstrąźne.

[82] Swietkowa.

[83] Pelgrzymka.

Гута (Крампска)	16	—
Березова	406	—
Гута Самокляска	95	—
Мрукова	12	—
Дешница	504	—
Яворя [84]	279	—
Скальникъ	103	—
Куты [85]	218	—
Крампна	463	—
Котань	275	—
Розстайне	360	—
Святкова Малая	193	—
Жидовское	460	—
Чорное	376	—
Липна	190	—
Незнаёва	370	—
Радоцина	602	—
Долгое[86]	312	—
Грабъ	630	—
Ожина	382	—
Вишоватка[87]	304	—
Мысоцова	1233	—
Поляны	1023	—
Тихоня [88]	362	—
Вôльшня	130	—
Ропянка	118	—
Ольховецъ (у Поля нѣтъ его)	379	—
Баранье	17	—
Зиндранова [89]	754	—
Барвѣнокъ	343	—

[84] Jaworze.

[85] Kąty.

[86] Długie.

[87] Wyszowatka.

[88] Cichania.

[89] Zyndraczowa.

Тылява	967	—
Тръстяна [90]	531	—
Мшанна	966	—
Смеречне	16	—
Ивля	62	—
Гирова	563	—
Ясѣль	284	—
Рудавка	166	—
Воля Вышняя	307	—
— Нижняя	690	—
Липовецъ	525	—
Черемха [91]	380	—
Далѣева и Посада	730	—
Шкляры	597	—
Завадка	7023	—
Каменка [92]	385	—
Короликъ Волошскій	415	—
— Польскій	315	—
Дешно	495	—
Балудянка [93]	236	—
Волтушова	150	—
Тарнавка	304	—
Вислочекъ	791	—
Завои [94]	256	—
Рудавка Римановская	180	—
Пулавы	605	—
Поляны Суровичные	706	—
Вернеева	108	—
Суровица	494	—
Мощанецъ	447	—
Даровъ	129	—

[90] Trzciona.

[91] Czeremka.

[92] Kaminka.

[93] Balucianka.

[94] Zawojke.

Вислокъ Дольный	1291	—
— Горный	578	—
Команча	616	—
Чистогорбъ	588	—
Должица	329	—
Радошицы	705	—
Ославица [95]	546	—
Солинка	454	—
Зубряче	192	—
Ростоки	83	—
Манêвъ	442	—
Щербанôвка	144	—
Воля Мигова [96]	560	—
Смольникъ	882	—
Миковъ	175	—
Лупковъ	450	—
Зубенско	315	—
Прелуки	312	—
Душатинъ и Пекарки	170	—
Туринско [97]	603	—
Рянедь [98]	794	—
Яворникъ	361	—
Цавное	632	—
Коляшне	444	—
Синява	773	—
Сенькова Воля	692	—
Нагоряне	67	—
Яворова Воля	186	—
Надоляне [99]	49	—
Одрихова [100]	562	—

---

95 Osłowica.

96 Wola Miechowa.

97 Turzansk.

98 Rzepedz.

99 Nadulany.

100 Odrzechowa.

Токарня	382	—
Карликовъ [101]	488	—
Прибышовъ [102]	475	—
Петрова Воля	310	—
Морохôвъ	212	—
Завадка	157	—
Ротнавица	200	—
Мокрое, Небесчаны и Поражъ	460	—
Полонна	800	—
Высочаны и Кожушне	450	—
Каменное	152	—
Лукова	670	—
Середне Малое и Великое.	702	—
Хоцень	265	—
Суковатое	283	—
Кальница	424	—
Камêнки	215	—
Загочевье	385	—
Новосêлки	279	—
Мхава [103]	220	—
Келечава	102	—
Ростоки	131	—
Тисовецъ [104]	200	—
Балигородъ м.	102	—
Стежница	601	—
Быстрое	88	—
Лубне	79	—
Рябе [105]	286	—
Гучвица	132	—
Яблонки	278	—

[101] Królików.

[102] Przybyszów.

[103] Mchowa.

[104] Cisowce.

[105] Raby.

Колоница	172	—
Криве	188	—
Прислôнъ	110	—
Тисна [106]	175	—
Должица	282	—
Гопковцы	154	—
Лишня	174	—
Лопêнка	287	—
Тискова	121	—
Букъ	204	—
Ветлица	720	—
Смерекъ	480	—
Кальница	182	—
Лугъ [107]	161	—
Завôй	141	—
Терка	271	—
Буковецъ	307	—
Полянки	256	—
Горянка [108]	246	—
Горянска Воля [109]	154	—
Радѣêва [110]	160	—
Бережница Высша	259	—
— Нижша		
Волковая	240	—
Завôзъ	220	—
Рыбне	154	—
Райске	370	—
Студене	207	—
Забродьi	105	—
Криве	316	—

---

[106] Cisna.

[107] Luk.

[108] Gorszanska Gorszanska

[109] Wola.

[110] Radziejowa.

Творильне	460	—
Гульске	208	—
Дверникъ	436	—
Затворница	440	—
Русске	150	—
Протисне	240	—
Царинске	345	—
Насѣчне	134	—
Береги Горные	378	—
Устьрѣки Дольные	290	—
Волосате	545	—
Ступосяны	263	—
Бережки	150	—
Бенёва	250	—
Буковецъ	210	—
Сянки	230	—
Мушина м.	58	—
Тыличъ м.	936	—
Солотвина	320	—
Криница	1600	—
Поворозникъ	688	—
Мушинка	585	—
Войкова	359	—
Дубне	291	—
Лелюховъ	345	—
Астрябикъ	260	—
Злотске и Щавникъ	382	—
Милликъ	481	—
Андреевка	372	—
Зубрикъ	274	—
Верховка	320	—
	98,595	

Въ долинѣ рѣкъ Попрада и Горной Каменицы живетъ вѣтвь того же народа, которую, по извѣстнымъ причинамъ, В. Поль назвалъ Спижаками и Горалями, живущими отъ Пивничной и проч. Эти Горцы занимаютъ села:

Мохначка Нижняя	550	—
Вышняя	400	—
Берестъ	560	—
Каменица и Поляны	320	—
Флоринка	870	—
Ваврка	250	—
Бронары Нижніе	331	—
— Вышніе	362	—
Яшкова	228	—
Черна	201	—
Снѣтница [111]	627	—
Ставиша	512	—
Чертёжне	187	—
Баница	517	—
Избы	588	—
Чирна	539	—
Перунка	410	—
	106,107	

Къ тѣмъ же Русинамъ-Лемкамъ, по наружности, одеждѣ и говору, слѣдуетъ причислить нѣсколько селъ, расположенныхъ въ гористомъ краѣ, на правомъ берегу рѣки Вислока, между мѣстечками Кросномъ, Фриштакомъ и Стрижовомъ, а именно:

Полянчикъ	230	—
Солина	309	—
Жердница	567	—
Березница	325	—
Жердница Нижняя	198	—
Жерденка	97	—
Гочевъ	276	—
Дзюрзовъ	254	—
Бахлёва	168	—
Береска	142	—

---

[111] У Поля Swienica.

Воля Матьяшова	259	—
Савковчикъ	209	—
Близенка (Blisianka	165	—
Гвозданка	230	—
Красна	1010	—
Бонаровка	663	—
Опаровка	339	—
Рѣпникъ[112]	269	—
Петруша Воля	758	—
Братковска Волька	58	—
Углевка [113] и Черныя Рѣки	352	—
И того въ 1874 г. считалось Лемковъ	109,951	

В. Поль въ 1850 году насчиталъ ихъ 130,429; слѣдовательно, въ продолженіи 24 годовъ уменьшилось число Лемковъ на ...22,060 душъ.

Наконецъ должны мы причислить сюда села, пропущенныя Полемъ и расположенныя вдоль отъ Балигорода къ Сяноку, на лѣвомъ берегу Сяна, хотя народъ въ этой мѣстности теряетъ уже особенности Лемковъ, приближаясь къ остальнымъ Русскимъ.

Вотъ эти пропущенныя селенія и ихъ численность:

Босько (Besko) съ приписными	1292	—
Волица	304	—
Збоиска и Болховка	480	—
Воробликъ Королевскій	634	—
— Шляхетскій	518	—
Ладинъ, Смысловка	118	—
Просѣкъ (Prusiek)	361	—
Сяночекъ	473	—

[111] У Поля Rzepnik.

[112] Węglówka.

[113] Wróblik.

Половцы (Płowce)	304	—
Сторожи Великіе	215	—
— Малые	208	—
Загутинъ	454	—
Сянокъ г.	307	—
Дубровка Русская	417	—
— Польская	72	—
Теребча (Trepcza)	648	—
Чертёжъ	359	—
Костаровцы	605	—
Заболотцы	228	—
Загорье (Zagorzy)	495	—
Долина	170	—
Тернава Горняя и Дольняя	258	—
Великополе	296	—
Ольхова	141	—
Чашинъ и Березовецъ	780	[114]
И того	12,971.	
Вмѣстѣ съ прежними	122,922 души.	

Русскіе Горцы, о которыхъ рѣчь идетъ, сами себя никогда не называютъ «Лемками,» и мытолько, для различія ихъ отъ другихъ жителей, принуждены употреблять это названіе.

Что касается ихъ характера, то это народъ тихаго, смирнаго нрава: добродушенъ, откровененъ, трудолюбивъ, бережливъ и малымъ доволенъ. Съ нравственной точки зрѣнія онъ глубоко религіозенъ. Мы видимъ у него истинное уваженіе къ своей Православной (какъ народъ называетъ) Церкви, съ ея таинствами и обрядами. Онъ любитъ великолѣпную обрядность, идетъ охотно въ церковь, или на богомолье въ отдаленные Закарпатскіе монастыри, въ Красномъ Бродѣ

[114] Народонаселеніе этихъ селъ считано нами по новѣйшимъ спискамъ сельскаго духовенства. См. Схемматизмъ клира Греко-Русск. обряда Епархіи Перемышльской за 1874 годъ. Замѣчательно, что, исключивъ мѣстечки въ этой области, Римо-Католиковъ-Поляковъ чрезвычайно мало, по инымъ селамъ ни одной даже души, но все самая чистая Русь.

и на Буковской горѣ, стоитъ въ храмѣ Божіемъ натощахъ до полудня, иногда даже до вечера. Онъ хранитъ и почитаетъ праздники, дорожитъ ими и благоговѣйно празднуетъ ихъ. Лемки съ большимъ пожертвованіемъ строятъ и обновляютъ свои церкви. Села ихъ немноголюдны, но почти во всякомъ селеніи есть своя церковь. При входѣ въ церковь простолюдинъ, по обычаю Русскому, осѣняетъ себя трижды знаменіемъ св. креста и привѣтливо кланяется стоящимъ возлѣ него, которые также вѣжливо отдаютъ ему малой поклонъ. Церкви всегда полны народомъ. При каждой церкви есть церковное Братство, не рѣдко не только мужеское, но и женское. Пріятно смотрѣть, когда, во время литіи, или чтенія Евангелія, всѣ, состоящіе въ Братствѣ, выступаютъ напередъ и становятся полукругомъ: старшіе братчики, или пономари (паламари) выносятъ по толстому пуку восковыхъ свѣчъ и, зажигая по одной, раздаютъ каждому свою, кланяясь всякому братчику особо и, наконецъ, отвѣшивая всѣмъ вмѣстѣ почетный поклонъ, за что они получаютъ такіе жь поклоны отъ всѣхъ. Все такъ важно, степенно и благочинно!

Лемко начинаетъ всякое дѣло съ Богомъ, молитвой, и кончаетъ его тою же молитвой. Это живое религіозное чувство имѣетъ благодѣтельное вліяніе на всю его нравственную жизнь. По этой причинѣ весь народъ, живя въ идиллической простотѣ, отличается чистотой нравовъ, и у него не слышно ни воровства, ни разбоя, ни другихъ грубыхъ проступковъ. Лемки сильно привязаны къ своей родинѣ. Только крайняя нужда, неурожай, бѣда и недостатокъ, заставляютъ ихъ искать пропитанія въ чужихъ краяхъ; но горецъ, оправившись немного, всегда возвращается въ свои горы, которыя ему дороже всего въ мірѣ.

Ежегодно лѣтомъ отправляются парни и дѣвки отъ Бескида на Угорскія поля и степи, жнутъ и убираютъ Мадьярамъ озимый хлѣбъ, косятъ и гребутъ сѣно и ярицу и исправляютъ другія полевыя работы. Всѣ поля надъ Тисой и Дунаемъ кишатъ горнымъ народомъ, и вся Мадьярская глушь въ лѣтнее время полна пѣснями трудящагося Славянскаго люда. Осенью они возвращаются съ заработанными деньгами и хлѣбомъ на прокормленіе своихъ семействъ. Нужно замѣтить, что горный народъ не привыкъ къ тяжелымъ полевымъ работамъ. Лемко не станетъ серпомъ жать: «спина болитъ;» онъ только хорошій косецъ съ своей длинной, замашистой косой. Хлѣбъ жнутъ

только женщины. По этой причинѣ Лемка не приглашаютъ къ уборкѣ хлѣба въ Галичину, на Подолье; однако же онъ находитъ всегда работу у лѣнивыхъ Мадьяръ.

Земля, населяемая Лемками, гориста, камениста и неплодородна. Лемки употребляютъ много труда и заботъ, чтобы унавозить и вспахать свои покатистые участки, и сѣютъ по немногу зерноваго хлѣба, преимущественно овесъ, изъ муки котораго пекутъ хлѣбъ и приготовляютъ похлебку «чиръ.»

Ячмень сѣютъ ради крупъ и панцаки, т. е., въ ступѣ отолченный ячмень, употребляемый для пищи; пшеницы не много, развѣ для праздниковъ, на «паску» и «стиранку «(лапшу),» а весь круглый годъ Лемки питаются овсяными кляцками, съ примѣсью ржаной муки, или картофеля. Овсяникъ для нихъ вкуснѣе всего.

Кромѣ того Лемки нанимаются съ своими лошадьми въ извощики и подводы. Они ѣздятъ въ Тернополь и Бучачъ за зерновымъ хлѣбомъ, въ Ягеръ (Erlau) и въ Токай за виномъ, а также въ Краковъ, Пештъ, Доброцинъ (Дебречинъ), въ Кремницу, Щявницу (Schemnitz), за разными товарами и издѣліями. Промышленность Лемковъ незначительна: они выдѣлываютъ домашній холстъ, самодѣльныя сукна, ковры (коцы) и другія шерстяныя вещи, наконецъ деревянную посуду, гонты, лопаты, вѣялки, и пр.; не чуждаются также мелкой торговли. Особенно же они занимаются перепродажей мелкаго скота. Ежегодно весной отправляются достаточнѣйшіе Лемки на востокъ, къ Верховинцамъ, покупать скотъ, преимущественно овецъ. Даже у Гуцуловъ и Буковинскихъ горцевъ извѣстны гости Лемки (т. е., купцы) подъ названіемъ «Товты» (Мадьярское Tot—Славянинъ). На Верховинѣ устанавливается по прибытіи ихъ, «токма.» [115] Это—народная сходка сельскихъ старшинъ изъ 20 и даже 30 селъ, на которой, послѣ угощенія, постановляется «токма,» т. е., цѣна для продажи скота, по коей имѣетъ быть продана овца съ ягнятемъ, ярчукъ, или ярка, и отъ этихъ цѣнъ никто не смѣетъ отступить. Накупивъ весной скота, они пригоняютъ свои стада домой, пользуются молокомъ, творогомъ, вол-

---

[115] Слово «токма» извѣстно у Гуцуловъ и по всей Верховинѣ и значитъ цѣна, достоинство; т о к м и т и—прицѣниваться, нанимать; с т о к м и т и с я—сторговаться; с т о к м л е н н ы й—сторгованный, нанятой.

ной и ягнятами, откармливаютъ лѣтомъ и къ осени отправляютъ цѣлыми стадами на западъ, въ Краковъ, Моравію и даже Вѣну. Конечно, нынѣшнія желѣзныя дороги уничтожили весь этотъ торговый оборотъ, но прежде того былъ у Лемковъ для прогонки скота свой особый путь—самымъ хребтомъ Бескида, путь древній, свободный отъ всѣхъ стѣснительныхъ таможенныхъ обрядностей. Австрійскіе пограничные егеря (Gränzjäger) имѣли свои стоянки по деревнямъ, а на южной покатости находились Мадьярскіе тридцатки (Dreissigamt, harminczad); но Лемки прогоняли свои стада самыми верхами и полонинами, не касаясь ни тѣхъ, ни другихъ, какъ бы по нейтральной полосѣ, гдѣ находили всюду подножный кормъ. Егерскіе разъѣзды не трогали нашихъ купцовъ, а тридцатковые чиновники взимали пошлины только съ приходящихъ съ товарами поперекъ Карпатъ, изъ Галичины въ Угрію, или обратно. Когда же нашимъ Лемкамъ приходилось гонять скотъ, или овецъ, на торги по проселочнымъ дорогамъ чрезъ Мазурскія и Моравскія села, то содержатели гостиницъ, зная Лемковъ съ хорошей стороны, отпускали бывало этимъ купцамъ безденежно кормъ и др. припасы на слово, и наши купцы, какъ честные люди, возвращаясь изъ Кракова, или Оломуньца (Olmutz), расплачивались съ ними всегда точно и вѣрно.[116]

При всѣхъ лишеніяхъ и недостаткахъ, которымъ подвержены горцы-Лемки, они бодрый, веселый и пѣвучій народъ. Особенно дѣвушки и женщины вѣчно съ пѣснями. Жнетъ ли Лемчанка (говоритъ А. Торонскій), гребетъ ли сѣно, доитъ ли корову, или мелетъ на жерновахъ, ея работа всегда сопровождается пѣсней. У дѣвушки нѣтъ такого занятія, нѣтъ такого времени, чтобы она не пѣла пѣсни. Нужно прислушаться при свѣтѣ луны, вечеромъ, къ возвращающимся съ удоемъ молока изъ кошаръ, дѣвушкамъ, какъ мило по горамъ и лугамъ разносятся женскіе голоса пѣсенъ ,и звуки югасовъ (овчарей) наигрывающихъ на сопѣлкахъ и фуярахъ свои заунывныя мелодіи. Случается, что одна дѣвушка затянетъ задушевную пѣснюна одномъ изъ бугорковъ, и вдругъ ей откликнется другая съ долины, а тамъ третья, четвертая на лугу, или возлѣ усадьбы, и вся окрестность зальется звуками одной и той же пѣсни.

---

[116] Časopis českého Museum 1841.

Парни рѣдко поютъ при работѣ, развѣ пася скотъ, или при пляскѣ: пѣсни (спѣванки) ихъ по большой части лирическаго, нѣкоторыя и эпическаго, содержанія. Онѣ обыкновенно заимствованы у Угорскихъ Словаковъ, составлены на какомъ-то полу-Словацкомъ нарѣчіи. Таковы же и плясовыя ихъ пѣсни (шалалайки). Народъ перенимаетъ ихъ на заработкахъ, приноситъ домой и поетъ: новость нравится людямъ, иные подхватываютъ, поютъ за ними, замѣняя Словацкіе обороты своими, и пѣсня становится своею, домашнею. Иного свойства обрядныя, колядки, царинныя, свадебныя пѣсни. Это пѣсни свои, туземныя: Словацкая стихія не имѣла на нихъ никакого вліянія, и онѣ носятъ на себѣ признаки древности, въ нихъ сохранился Русскій духъ и чище Русскій языкъ. Есть еще пѣсни полунабожныя, назидательнаго, сказочнаго содержанія, которыя поются на вечерницахъ въ Великій Постъ. Въ нихъ говорится о ничтожествѣ земныхъ благъ, будущности человѣка за гробомъ и т. п.

Въ настоящемъ Сборникѣ помѣщены пѣсни, собранныя у Лемковъ въ селахъ: Калницѣ, Суковатомъ, Середнемъ, Рапедѣ, Завадкѣ, Полянѣ, Высовѣ и проч.

Въ заключеніе сообщимъ, что Торонскій составляетъ статью объ отношеніяхъ Лемковъ къ своимъ сосѣдамъ и сообитателямъ. Ближайшіе сосѣди Лемковъ — это Мазуры на сѣверномъ и Словаки на южномъ склонѣ Бескидовъ, частью перемѣшанные съ Угорскими Русскими (Лемаками, Маковичанами, Крайнянами и Спижаками). Не смотря на частыя сношенія Лемковъ съ Мазурами, они рѣзко отличаются другъ отъ друга. Лемко никакъ не выучится по Польски; даже служащіе по дворамъ и въ войскѣ и извощики, побывавшіе въ Краковѣ и другихъ городахъ, не могутъ настроить свой языкъ на Польскій ладъ, чтобы нельзя было узнать ихъ происхожденія. Лемко не роднится съ Мазуромъ, не перенимаетъ отъ него ничего, ни платья, ни обычаевъ. Напротивъ того онъ охотно сообщается съ Словаками, легко привыкаетъ къ Словацкой рѣчи, любитъ иногда похвастать знаніемъ Словацкаго нарѣчія, которое даже считаетъ чѣмъ-то лучшимъ и высшимъ своего родного. Побывавъ на заработкахъ, или въ услуженіи за Бескидомъ, парни и дѣвки легко перенимаютъ Словацкую рѣчь, Словацкій нарядъ и часто перемѣняютъ свои имена: Настка, Феня, Парася, на Словацкія: Анница, Катица, или Марця.

Преданія, обычаи, пѣсни, все тянетъ Лемка за Бескидъ къ своимъ съ древнѣйшихъ временъ единоплеменникамъ и сосѣдямъ.

Изображенія представляютъ Лемковъ изъ Завадки (возлѣ Риманова) и изъ села Криницы.

Статистическія показанія.

Принимая въ соображаніе, что между Карпатскою Русью въ большемъ, или меньшемъ, количествѣ живутъ еще и другіе народы, каковы: Словаки, Мадьяры, Нѣмцы, Румуны и Евреи, не лишнимъ будетъ въ заключеніе привести нѣкоторыя данныя о пространствѣ и народонаселеніи Галичины, Буковины и Угріи.

Площадь всей Галичины или Королевства Галиціи и Лодомиріи вмѣстѣ съ областью Краковской, назначаютъ въ 1364 Австрійскихъ или 1425 географическихъ квадратныхъ миль, изъ коихъ Уѣзды, занятые Русскими, составляютъ около 1000 квадратныхъ миль.

Въ политическо-административномъ отношеніи Галичина по 1861 годъ раздѣлялась на 19 Уѣздовъ (Kreise), а съ 1861 она распадается на 74 Стана (Bezirke).

По новѣйшимъ показаніямъ всего народонаселенія считалось въ 1874 году 5,417,966 —
да служащихъ въ войскѣ............. 26,673 —
И того 5,440,039 душъ обоего пола. [117]

Это народонаселеніе распредѣляется по Вѣроисповѣданіямъ слѣдующимъ образомъ:

Греко-Уніятовъ...........................	2,312,000 —
Римско-Католиковъ........................	2,400,199 —
Протестантовъ............................	37,125 —
Евреевъ..................................	575,433 —
Другихъ Вѣроисповѣданій..................	3,200 —
	5,417,966 душъ

[117] См. Ludność Galicyi, przez Władysława Rapackiego. Lwów, 1874.

Главныя народности распредѣлены такъ, что 1874 года было въ 47 Станахъ Восточной Галичины: Русскихъ 2,230,212, Поляковъ (ополяченныхъ) 70,2158, Евре-евъ 424,684; въ 27 Западныхъ Станахъ Русскихъ 81,788, Поляковъ 1,788,141, Евреевъ 1507,49 д. Итого Русскихъ 2,312,000, Поляковъ 2,490,299, Евреевъ 575,423 д., т. е., во всей этой Галиціи, вмѣстѣ съ Краковомъ, Поляковъ 3% болѣе, чѣмъ Русскихъ, Евреи же составляютъ 10% долю всего народонаселенія; но въ 47 Восточныхъ Станахъ пропорція Поляковъ къ Русскимъ относится, какъ 1: 3, т. е., Русскихъ въ три раза больше, чѣмъ Поляковъ, а этихъ послѣднихъ почти два раза столько, сколько Евреевъ. Въ 27 Западныхъ Станахъ Галиціи Русскіе составляютъ только 4%, Евреи же 7% общаго населенія.

Буковина, считавшаяся прежде Уѣздомъ, съ 1861 года составляетъ особый Коронный край (Kronland) подъ названіемъ «Герцогство Буковина» (Herzogthum Bukovina) съ особымъ сеймомъ.

Она занимаетъ пространство 181 Австрійскихъ или 189 географическихъ квадратныхъ миль.

Въ политическо-административномъ отношеніи она раздѣлена на 16 Становъ (Bezirke).

Всего народонаселенія въ Буковинѣ считалось въ 1874 году 499,830 душъ обоего пола.

По Вѣроисповѣданіямъ населеніе распредѣляется такъ:

Православныхъ считается	385,000	—
Уніятовъ	16,045	—
Раскольниковъ: Поповцевъ	3,100	—
Безпоповцевъ	450	—
Римско-Католиковъ	52,970	—
Протестантовъ	10,500	—
Армянъ: Григоріянцевъ	1,510	—
Католиковъ	960	—
Евреевъ	30,295	—
Итого	499,830	душъ.

Въ отношеніи народности считалось въ Буковинѣ:

Русскихъ: Малороссовъ	200,000 —
Великороссовъ	3,550 —
румунъ	205,000 —
Нѣмцевъ	47,000 —
Армянъ	2,470 —
Мадьяръ	6,745 —
Евреевъ	30,295 —
Другихъ народностей	4,780 —
И того обоего пола	499,930 душъ.

Объ Угорской или Закарпатской Руси представляемъ слѣдующія статистическія данныя:

Угорское (Венгерское) Королевство, за исключеніемъ присоединенныхъ областей (provinciae adnexae), занимаетъ площадь 3727 Австрійскихъ или 3896 географическихъ квадратныхъ миль, на которой живетъ 10,684,511 душъ. [118] Королевство Угорское раздѣляется на Комитаты (Жупанства или Столицы) и Уѣзды.

Десять Комитатовъ, въ которыхъ живутъ Русскіе, образуютъ пространство въ 937 квадратныхъ миль, въ коихъ считается жителей около двухъ милліоновъ.

По Вѣроисповѣданію считалось въ 1872 году Греко-Уніятовъ: въ Спижской, Шаришской, Абауйварской, Гёмёрской, Торнянской и (въ пяти Благочиніяхъ) Земненской Столицъ, иначе въ Греко-Уніятской Пряшевской Епархіи........................ 154,825 душъ.

Въ Ужгородской, Бережско-Угорской, Мараморошской, Саболцкой, Сатмарской и (въ восьми Благочиніяхъ) Земненской Столицахъ, т. е., въ Мукачевской Греко-Уніятской Епархіи.......................421,775 [119]

И того 576,600 душъ.

---

[118] Naučný Slovník. V Praze, 1872, IX, стр. 712.

[119] Schematismus cleri graeci ritus cath. dioec. Munkacsiensis pro anno 1872. Unghvarini.—Schematismus cl. graeci rit. dioec. Eperiessiensis. Cassoviae.—Schemat. cleri dioec. Magno-Varadinensis g. r. c. Magno-Varadini.

Въ тѣхъ же 10 Комитатахъ или Столицахъ (Жупанствахъ) живетъ также, вмѣстѣ съ Русскими:

Католиковъ (Словаковъ Нѣмцевъ, Мадьяровъ)	354,932 —
Лютеранъ (Словаковъ и Нѣмцевъ)	8,248 —
Кальвиновъ (Мадьяръ)	156,400 —
Евреевъ	88,370 —

Изъ выше показанной суммы по народности можно считать Русскихъ:

Въ Пряшевской Епархіи	132,400 —
Въ Мукачевской Епархіи	375,500 —
Сверхъ того находится въ Велико-Варадинской Греко-Уніятской Епархіи среди Мадьяръ 8 селеній Русскихъ	5,100 —
Въ Бацкой Столицѣ, бывшей Воеводины Сербской...	7,090 —
И того обоего пола Русскихъ въ Угріи	520,000 душъ.

Пропорція Русскаго народонаселенія къ другимъ народностямъ по разнымъ Жупанствамъ разнообразна И такъ какъ Русскіе въ Мараморошскомъ, Бережскомъ и Ужгородскомъ Жупанствахъ составляютъ 58%, въ Шаришскомъ и Земненскомъ 48%, въ Угоцкомъ 38%, то въ Спижскомъ считается ихъ 12%, въ Абауйварскомъ 8%, а въ Гёмёрскомъ, Саболцкомъ и Сатмарскомъ едва 3% всего народонаселенія.

Общій итогъ Русскаго народонаселенія:

Въ Галичинѣ	2,312,000 —
Въ Буковинѣ	203,540 —
Въ Угріи	520,000 —
И того обоего пола Русскихъ въ Австро-Угріи	2,835,540 душъ.

Такимъ образомъ Русскіе составляютъ 19% Австрійскихъ Славянъ, и 9% всего населенія Австро-Угорскаго Государства.

СВѢДѢНІЯ

О

СОБИРАТЕЛЯХЪ НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ, НЕ УПОМЯНУТЫХЪ ВЪ ПРЕДИСЛОВІИ КЪ НИМЪ, НО ДОСТАВИВШИХЪ ОНЫЯ ВО ВРЕМЯ ПЕЧАТАНІЯ.

Кромѣ показанныхъ въ Предисловіи къ «Народнымъ пѣснямъ Галицкой и Угорской Руси» (ч. I, стр. IV—XI) лицъ, занимались еще и другія собраніемъ народныхъ пѣсенъ въ разныхъ краяхъ Галичины, Буковины и Сѣверо-Восточной Угріи. Они доставляли свои рукописные сборники или прямо на имя собирателя, или же черезъ его знакомыхъ. Сообщаемъ теперь въ дополненіе перечень лицъ, доставившихъ народныя пѣсни во время печатанія настоящаго Сборника:

Феликсъ Саламонъ, въ то время слушатель Богословія въ Львовскомъ Университетѣ, нынѣ же Греко-Уніятскій Священникъ, собиралъ въ разныхъ краяхъ Галичины пѣсни, преимущественно Коломыйки. Онѣ напечатаны были въ особой книжкѣ, подъ заглавіемъ: «Коломыйки и Шумки, собранныя Счастнымъ Саламономъ. Львовъ, 1863 г.,» и помѣщены въ извлеченіи во II ч. стр. 739—841.

Исидоръ Воробкевичъ, Православный Священникъ въ Давыдовцахъ (Davideni), послѣ въ Руской Молдавицѣ (Russ. Moldovitza), нынѣ въ Черновцахъ (писатель, извѣстный подъ именемъ «Данило Млака»), записывалъ народныя пѣсни въ Буковинѣ, преимущественно Бытовыя, Семейныя и Коломыйки.

Николай Синеводскій, бывшій Греко-Уніятскій Священникъ въ Старомъ Гвоздцѣ, Коломыйскаго Уѣзда, записывалъ пѣсни Бытовыя, Житейскія и Коломыйки. Онѣ напечатаны во II ч. стр. 372—400.

Титъ Бурачинскій, Греко-Уніятскій Священникъ въ селѣ Олѣевѣ, Коломыйскаго Уѣзда, записывалъ пѣсни у Гуцуловъ, въ Черномъ Потокѣ и въ Черныхъ Ославахъ, Станиславскаго Уѣзда, преимущественно Обрядныя, Колядки, Меланки. Онѣ напечатаны въ IV ч. стр. 101—108.

Аноалъ Кобринскій, Греко-Уніятскій Священникъ въ селѣ Раковцѣ, Коломыйскаго Уѣзда, записывалъ пѣсни у Гуцуловъ въ селахъ Яворовѣ и Космачѣ, Коломыйскаго Уѣзда, преимущественно Обрядныя, Колядки и Свадебныя. Онѣ напечатаны въ IV ч. стр. 109—126 и 339—364.

Осипъ Ѳедьковичъ (Гординскій), Австрійскихъ войскъ Поручикъ въ отставкѣ, живущій въ Путиловѣ (Putilla), на Буковинѣ, извѣстный народный поэтъ и писатель; онъ записывалъ пѣсни Бытовыя и Коломыйки на Буковинѣ, надъ р. Черемошемъ.

Владимиръ Ивановичъ Бѣрецкій, въ то время Гимназистъ, записывалъ, въ городѣ Угновѣ и окрестности Жолковскаго Уѣзда, пѣсни Свадебныя, Жатвенныя, Гаевки и др. Онѣ напечатаны въ IV ч. стр. 108—109, 209—219.

Сынъ мой, Ярославъ Яковлевичъ, въ то время ученикъ Львовской Гимназіи, помогалъ мнѣ собирать пѣсни съ большимъ успѣхомъ, записывая стенографически всякое слово съ большею вѣрностію изъ устъ пѣвцовъ и пѣвицъ и отъ лирниковъ-слѣпцовъ въ Коломыйскомъ, Станиславскомъ, Золочевскомъ и др. Уѣздахъ.

Сверхъ того, сообщены мнѣ тетрадки народныхъ пѣсенъ, по большей части Бытовыхъ, Житейскихъ и пр., собранныхъ Гимназистами: Иваномъ Мих. Саноцкимъ (запис. въ с. Рѣчицѣ, Жолковскаго Уѣзда), Львомъ Писецкимъ (запис. въ с. Полюховѣ, Золочевскаго), Ив. Дроздовскимъ, Титомъ Яворскимъ, С. Метелей. Священникъ въ с. Чертежѣ, Стрыйскаго Уѣзда, Іосифъ Величковскій, приказалъ ученикамъ своей деревенской школы записывать народныя пѣсни. Подлинныя тетрадки сообщены мнѣ Каноникомъ Львовскаго Митрополичьяго Собора Іосифомъ Кульчицкимъ, въ которыхъ я нашелъ нѣсколько замѣчательныхъ Обрядныхъ, Бытовыхъ, Житейскихъ и др. *.

---

* Имена учениковъ: Игнатій и Ѳедоръ Савчины, Иванъ и Андрей Слюсари, Мартинъ Пакошъ, Осипъ Попадюкъ, Николай Высочанъ, Константинъ Гузоватый и Ѳедоръ Барначъ.

Изъ Угорской Руси сообщены мнѣ сборники пѣсенъ слѣдующихъ лицъ:

Александръ Митракъ, Сотрудникъ Мукачевскаго прихода, записывалъ пѣсни въ с. Лучки, Бережскаго Уѣзда. Онѣ напечатаны въ III. ч.

Анатолій Кралицкій, Учитель Чабинской школы, Земненскаго Уѣзда, записывалъ пѣсни въ селахъ Чабинѣ, Веравѣ, Чарномъ.

Иванъ Яцковичь, Дьячокъ мѣстечка Лаборскаго, Земненскаго Уѣзда, Василій Сухій, Дьячокъ с. Краснобродъ, Уѣзда Шаришскаго, Иванъ Воробей, Дьячокъ с. Суковскаго, К. И. Шафранковичъ изъ с. Мистичева, Земненскаго Уѣзда, Осипъ Петрашковичъ и Михаилъ Бескидъ изъ Пряшева (Eperies), записывали пѣсни въ окрестности, по большей части Бытовыя, Семейныя, Житейскія и Плясовыя. Онѣ напечатаны въ III части. Почти всѣ эти сборники пѣсенъ сообщены мнѣ извѣстнымъ Угорско-Русскимъ писателемъ и дѣятелемъ, Іеромонахомъ Анатоліемъ Кралицкимъ. При многихъ пѣсняхъ, особенно Обрядныхъ, помѣщены мною имя и фамилія пѣвца, или пѣвицы, и мѣстность, въ которой записана пѣсня.

Яковъ Головацкій.

2-го Марта, 1873 г.
Вильна.

РАСПРЕДѢЛЕНІЕ И ОГЛАВЛЕНІЕ

НАРОДНЫХЪ ПѢСЕНЪ

ГАЛИЦКОЙ и УГОРСКОЙ РУСИ.

Распредѣленіе народныхъ пѣсенъ по ихъ содержанію представляетъ немалыя затрудненія. Слѣдуя общепринятому раздѣленію всякой поэзіи, на эпическую, лирическую и драматическую, казалось бы умѣстнымъ примѣнить эти три отдѣла и къ народнымъ пѣснямъ. Но такъ какъ драматической поэзіи вовсе не находимъ въ народныхъ пѣснопѣніяхъ, развѣ, можетъ быть, зародыши ея кроятся въ нѣкоторыхъ обрядныхъ пѣсняхъ, то остаются намъ два первые: поэзія эпическая и лирическая. Первая отличается предметнымъ (объективнымъ) представленіемъ событія, происшествія, или состоянія, лирическая же изображаетъ личныя (субъективныя) впечатлѣнія души, или такое же изліяніе чувствъ. Эти два рода поэзіи иногда такъ тѣсно переплетаются между собою, что ихъ не всегда можно разъединить: много пѣсенъ подходитъ къ одному и другому разряду, и по тому онѣ не поддаются строгому пріуроченію къ тому, или другому, разряду (категоріи), а представляютъ собою что-то среднее между ими, но съ преобладаніемъ той, или другой, стороны. Отсюда видно, что, народныя пѣсни, будучи произведеніями самодѣльнаго творчества, произведеніями народнаго вдохновенія, не легко подчиняются условіямъ какой ни будь книжно-ученой системы, а, при своемъ разнообразіи, требуютъ распредѣленія простаго, но основаннаго на естественныхъ началахъ народной жизни и народнаго быта, сложившагося въ силу историческихъ, географическихъ, этнологическихъ и религіозныхъ условій долговременнаго существованія народа.

Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, когда я приготовлялъ къ печати пѣсни, помѣщенныя въ первой и въ началѣ второй части настоящаго изданія, нельзя было распредѣлить ихъ въ такой порядокъ, какой представляется нынѣ возможнымъ. Въ ту пору у меня весь запасъ пѣсенъ состоялъ изъ однихъ эпическихъ и лирическихъ (Думъ и Думокъ), да изъ нѣсколькихъ обрядныхъ и плясовыхъ. Нѣкоторыя отдѣленія были слабы, другого рода пѣсенъ вовсе не имѣлось. Я раздѣлилъ собранныя мною тогда пѣсни на два вида: Думы и Думки (Ч. I), и Обрядныя и Плясовыя пѣсни (Ч. II), и въ таковомъ видѣ онѣ и печатались въ «Чтеніяхъ въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ», въ 1863 и 1864 г., подъ наблюденіемъ Секретаря Общества, О. М. Бодянскаго, и въ то же время дѣлались особые оттиски.

Положивъ въ основаніе раздѣленіе поэзіи на эпическую и лирическую, я распредѣлилъ пѣсни, вошедшія въ I-ю часть, на пѣсни эпическаго и лирическаго содержанія, присвоивъ первымъ народное названіе Думы, а послѣднимъ Думки. Во второй же части я помѣстилъ Обрядныя и Плясовыя пѣсни, изъ коихъ первыя смѣшаннаго свойства, вторыя же почти всегда лирическаго.

Послѣ того я, во время печатанія II-ой части, собранныя мною и другими лицами пѣсни, сообщалъ въ «Чтенія,» и въ такомъ видѣ онѣ были напечатаны, какъ прибавленія. Когда же, по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, у меня опять накопилось значительное количество разнаго рода пѣсенъ и разночтеній ихъ, то я, пересмотрѣвъ вновь все собранное, старался привести его въ порядокъ, не измѣняя при томъ въ существѣ своемъ первоначальной системы.

И такъ съ 1870 г. стали печататься: Разночтенія и Дополненія къ пѣснямъ, составившія III-ю и IV-ю части, въ которыхъ опять повторилось первоначальное дѣленіе пѣсенъ.

Такимъ образомъ, по необходимости, строгой порядокъ дѣленія не могъ быть соблюденъ съ начала до конца, въ чемъ вина должна быть приписана, конечно, одному лишь собирателю. Только теперь, послѣ напечатанія всѣхъ, собранныхъ мною пѣсенъ, можно эту разнообразную массу упорядочить, подвести подъ извѣстныя разряды. Позволяю себѣ сдѣлать здѣсь еще одно замѣчаніе,

Народныя пѣсни однѣ другими пополняются; взаимная связь ихъ нерасторжима; оттуда происходитъ, что не возможно поставить грань однихъ противъ другихъ, такъ какъ часто вовсе нельзя означить, гдѣ кончается эпическая и начинается лирическая поэзія. Думы и Думки сливаются нерѣдко въ одну струю. Колядки и Гаивки переходятъ въ Бытовыя и Житейскія пѣсни. Коломыйки и Думки весьма похожи другъ на друга, а по содержанію своему иногда почти одно и то же. Коломыйка—это зерно отдѣльно взятое, одинокій полевой цвѣтокъ, или распрысканный ключъ воды; Думка же—это соединенныя въ цѣпи звена, пучокъ связанныхъ цвѣтовъ, или собранныя капли ключа.

Приступая вновь къ систематическому распредѣленію всего собранія «Пѣсенъ Галицкой, Угорской и Буковинской Руси,» я принялъ въ соображеніе историческія, этнологическія и географическія условія, подъ вліяніемъ которыхъ пѣлись и поются пѣсни. Прежде всего надлежитъ принять во вниманіе, что древнѣе другихъ Обрядныя пѣсни. Не смотря на позднѣйшія наслоенія, источникъ ихъ въ доисторической старинѣ, какъ и самая обрядность, нынѣ во многомъ загадочная, происходитъ отъ доисторической же древности. Въ нѣкоторыхъ Обрядныхъ пѣсняхъ уцѣлѣли явные остатки миѳической старины, нерѣдко подъ Христіянской оболочкой. Колядка, совпадающая нынѣ съ праздникомъ Рождества Христова, это, по понятію древне-языческому, былъ праздникъ рожденія свѣта, или празднованіе начала года, слѣдующаго за зимнимъ солнцеворотомъ; а по тому Колядки были пѣсни при обрядахъ этого праздника. Остатокъ ихъ—нынѣшнія Колядки, которыя поютъ хоромъ паробки (парни) въ навечеріе Рождества, на Святой Вечеръ и въ самые Рождественскіе праздники (на Рôздво). За Колядками и вмѣстѣ съ ними слѣдуютъ Щедрôвки, хоровыя пѣсни, распѣваемыя мальчиками, или деревенскими дѣвушками, въ вечеръ Водокрещенія (на Святой Вечеръ Водокрещей), подъ окнами хозяевъ. Щедрôвки, по своему содержанію и назначенію—тѣ же Колядки, вѣроятно, перенесенныя, по внушенію Христіянскихъ настоятелей, съ коляднаго Святъ Вечера на Водокрещенскій, который называется также Щедрымъ Вечеромъ. Къ нимъ присоединяются обряды и пѣсни, которыя поются на Маланку (на канунѣ Новаго Года) и на самый Новый Годъ. Этимъ и кончается рядъ праздниковъ Коляды, или, по древнему понятію, праздника

зимняго солнцеворота. Колядки и Щедровки подраздѣляются по своему содержанію, кому онѣ поются: хозяевамъ, вдовамъ, парнямъ, или дѣвицамъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣлитъ ихъ самъ народъ.

Съ наступленіемъ весны начинается новый рядъ праздниковъ, съ особыми обрядами, играми и пѣснями. Вотъ какіе обряды и пѣсни сохранились у Карпатороссовъ:

Во первыхъ, Гаивки или Гаилки, хороводныя пѣсни, поемыя дѣвушками во время праздниковъ Пасхи, въ три первые дни Свѣтлой (Святой) Недѣли, при особыхъ играхъ и плясках. Онѣ сохранились въ большомъ количествѣ въ восточной половинѣ Галичины. Пѣсни и игры производятся днемъ (до захода солнца), по большей части въ церковной оградѣ (на цвѣнтарѣ), на возвышенностяхъ, или на другихъ свободныхъ мѣстахъ (плацахъ). Содержаніе ихъ—привѣтствованіе воскресшей весны, призываніе какого-то миѳическаго Дѣдъ-Лада, погребеніе загадочнаго Кострубы, иносказательные намеки на выборъ жениха и невѣсты, наконецъ любовь и разныя отношенія семейной жизни.

Послѣ того слѣдуютъ Царинныя или Русальныя пѣсни, сохранившіяся только у Лемковъ, т. е., Карпатскихъ жителей Западно-Русской части Галиціи. Ихъ поютъ тоже хоромъ женщины при обхожденіи поля (царины) на Троицынъ День или Зеленыя Свята, который праздникъ называютъ Лемки и Угроросси Русальями, Русальной Недѣлей.

Обрядъ Купала или Соботки въ Ивановскую ночь сохранился также только у Лемковъ Сяноцкаго и Сандецкаго Уѣздовъ. Сожиганіе костра, круговая пляска около живаго огня, перепрыгиваніе чрезъ горящій костеръ, и перегонка скота черезъ него, водится до сихъ поръ въ этѣхъ краяхъ съ весьма ограниченнымъ количествомъ обрядныхъ пѣсенъ.

За тѣмъ слѣдуютъ Жатвенныя пѣсни, или пѣсни при обжинкахъ, по окончаніи жатвы пшеницы и ржи: тогда дѣвушки плетутъ вѣнокъ изъ колосьевъ, вкладываютъ его на голову одной изъ нихъ (княгини молодой) и съ поля идутъ, сопровождая ее съ дружками и распѣвая дорогой пѣсни, соотвѣтственныя обряду. Пришедши передъ домъ хозяина (помѣщика, священника, или зажиточнаго крестьянина), княгиня съ поклономъ подноситъ вѣнокъ хозяину, либо хозяйкѣ, и получаетъ за него денежное вознагражденіе. Послѣ сего слѣдуетъ угощеніе жнецовъ и нерѣдко толока съ му-

зыкой, а также и пляски до самой поздней ночи. Этого рода пѣсни поются во всей Русской Галичинѣ и Буковинѣ, исключая Карпатское погорье, такъ какъ въ немъ народъ мало занимается хлѣбопашествомъ, а больше скотоводствомъ.

При окончаніи косьбы яроваго хлѣба не бываетъ ни плетенія вѣнка, ни обрядныхъ пѣсенъ, развѣ что на обкôски принесетъ кто ни будь изъ косарей небольшой вѣночекъ изъ колосьевъ ячменя, овса, или гречки и, держа его на косѣ, снимаетъ и подноситъ хозяину, за что получаетъ нѣсколько грошей, выражая свои благожеланія такъ:

«Давъ вамъ Господь Богъ
Обкôсковъ дождати,
Еще вамъ дай, Боже,
Счасливо зôбрати,
Звезти, змолотити,
Съ Богомъ ся веселити,
И довгій вѣкъ прожити!»

Пѣсенъ при этомъ никакихъ нѣтъ, только иногда косари при кошеніи споютъ развѣ, для большей охоты:

«Эй тнутъ косари,
Хоть не рано почали,
Та багато утяли.»

Этимъ кончается кругъ «Обрядныхъ пѣсенъ при общественныхъ народныхъ праздникахъ.»

За тѣмъ слѣдуютъ у насъ «Обрядныя пѣсни при семейныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ.»

Главнымъ обрядомъ или семейнымъ праздникомъ непремѣнно слѣдуетъ считать Сватьбу или Бракъ, сопровождаемый рядомъ разнообразныхъ обиходовъ и церемоній и особенными, касающимися обряда, пѣснями. Такихъ пѣсенъ собрано большое количество въ разныхъ краяхъ Галицкой и Угорской Руси, хотя этотъ предметъ далеко еще не исчерпанъ и самые обряды не вполнѣ разъяснены. Самое названіе пѣсенъ сихъ словомъ «Ладканя» (ладкати, то есть, пѣть свадебныя пѣсни) указываетъ на отдаленную древность. И въ самомъ дѣлѣ, не смотря на наслоенія и подновленія разныхъ эпохъ, въ ладканяхъ слышатся звуки отдаленной старины. Въ

нихъ упоминается о насильственномъ захватѣ невѣсты, играются представленія осады и обороны княгинина замка, борьба двухъ спорящихъ сторонъ—князя и княгини, стрѣляніе изъ луковъ и мнимыхъ пушекъ, торги и купля невѣсты, соглашеніе сторонъ, словомъ, народная свадебная драма, съ опредѣленными ролями, хоровымъ пѣніемъ, которая требуетъ большаго числа участвующихъ: старосты (данскій и бранскій), сваты, свахи и свашки, дружбы и дружки, бояре и пр.

Второй семейный праздникъ—это Крещеніе дѣтяти (Крестины), сопровождаемое также особыми пѣснями. Онѣ записаны въ Сяноцкомъ Уѣздѣ (у Лемковъ), но всѣ позднѣйшаго происхожденія. Въ другихъ краяхъ не имѣется обрядныхъ пѣсенъ при крещеніи дѣтяти, а на Крестинахъ, какъ и при всякихъ семейныхъ и домашнихъ увеселеніяхъ, поются пѣсни, которыя мы ставимъ въ особый разрядъ и называемъ Праздничными, Круговыми и Пировыми.

За симъ слѣдуютъ Плясовыя пѣсни, которыя поются преимущественно при народныхъ плясках. Пляска, называемая Коломыйка, сопровождается даже постояннымъ пѣніемъ пѣсенъ (Коломыекъ). Этѣ пѣсни тоже новѣйшаго происхожденія, а присовокупляются къ Обряднымъ только по тому, что ихъ поютъ часто на свадьбахъ, толокахъ, наконецъ въ собраніяхъ при музыкѣ въ корчмѣ и. т. п.

При распредѣленіи Обрядныхъ пѣсенъ обращалось мною вниманіе на мѣстность, въ которой онѣ поются. Въ этомъ отношеніи я наблюдаю географическое положеніе страны, этнографическія особенности народнаго быта и разности языка, смотря на край, былъ ли онъ болѣе, или менѣе, подверженъ пагубному вліянію чужестранцевъ и иноязычниковъ. Съ этой точки зрѣнія всего цѣльнѣе сохранилась Русская народность, а съ нею и чистота обычаевъ и языка, даже высшее достоинство и эстетическая красота пѣсенъ, въ Заднѣстрянскомъ краѣ, или собственно на сѣверо-восточномъ погорьѣ Карпатъ, въ особенности у Гуцуловъ. Гуцульскія пѣсни отличаются своей неподдѣльной простосердечностью, простотой языка и нерѣдко поэтичностію мыслей и выраженія. Это замѣтно не только въ Обрядныхъ пѣсняхъ, но и въ Былевыхъ и Бытовыхъ (Гайдамацкихъ) и даже въ Коломыйкахъ. Къ нимъ близко подходятъ пѣсни Верхо-

винцевъ и Бойковъ (Горцевъ Стрыйскаго и Самборскаго погорья). Пѣсни съ этой стороны Днѣстра (Галицкаго Подолья, Ополья и Полѣсья) имѣютъ менѣе оттѣнковъ мѣстнаго племеннаго быта и разностей въ складѣ, формѣ и видахъ нарѣчій. Онѣ болѣе общія Галицко-Русскія, хотя, впрочемъ, иногда красотою поэтическаго творчества и изяществомъ своимъ не уступаютъ первымъ. Наконецъ пѣсни сѣверо-западнаго погорья (Лемковъ) двояки: однѣ имѣютъ Русскій (мѣстный) обликъ, другія же заимствованы, или передѣланы, изъ Словацкихъ и Польскихъ народныхъ пѣсенъ. Первыя и по языку чище, вторыя же переполнены Словацкими и Польскими особенностями. Такія же по большей части и Угорско-Русскія пѣсни. Межъ ними есть даже и Словацкія, такъ какъ Угороссы и Лемки поютъ, вмѣстѣ съ своими, и Словацкія «спѣванки.»

На этомъ основаніи сопоставлены мною Обрядныя пѣсни, при которыхъ отмѣчена мѣстность, гдѣ онѣ записаны, въ такой послѣдовательности: начавъ съ Карпатскаго погорья (отъ Гуцуловъ), идя на западъ къ Верховинцамъ и Бойкамъ, затѣмъ, перешагнувъ на сю сторону Днѣстра въ Галицкое Подолье и Опôлье (Тернопольскій и Бережанскій Уѣзды) и Полѣсье (Золочевскій и Жолковскій и пр.), послѣ опять я подвигаюсь на сѣверо-западное Карпатское погорье (Лемки) и перехожу за Карпаты въ Угорскую Русь. Словацкія пѣсни отмѣчены особо.

Кто внимательно прочтетъ самыя пѣсни въ выше показанномъ порядкѣ, да къ тому еще разсмотритъ прилагаемыя къ изданію изображенія, тотъ увидитъ постепенность оттѣнковъ народныхъ обликовъ и убѣдится въ справедливости моего дѣленія. Въ свое время можно будетъ на тѣхъ же основаніяхъ подраздѣлить и Плясовыя пѣсни, а также Думы и Думки.

Этимъ оканчивается I-й томъ пѣсенъ въ новомъ систематическомъ распредѣленіи.

Раздѣленіе II-го тома гораздо проще. Главное раздѣленіе: Думы и Думки; первыя преимущественно эпическаго содержанія, вторыя—болѣе лирическаго. Такъ различаетъ ихъ и самый народъ. Дума—это у него «довга пѣсня, поважна пѣсня»; напѣвъ ея тоже важнѣе, протяжнѣе. Думы раздѣляются на Былевыя и Бытовыя. Первыя подраздѣлены на Козацкія историческія и на Думы, воспѣвающія событія обыкновенныхъ лицъ. Бы-

товыя же Думы раздѣляются на Козацкія простыя, Чумацкія, или пѣсни изъ Козацкаго и Чумацкаго быта, Гайдамацкія, или пѣсни изъ быта удалыхъ молодцовъ, за тѣмъ Воинскія, изъ солдатскаго или рекрутскаго быта, наконецъ Господарскія и Скотарскія, т. е., изъ быта земледѣльцевъ и пастуховъ. Къ нимъ прибавлены Думы Нравственно-Религіозныя, поучительно назидательнаго содержанія (дидактическія). Думы Былевыя и Поучительныя поются часто лирниками, слѣпцами-нищими (см. изображеніе), при сопровожденіи струннаго иструмента, называемаго лирой. Козацкія былевыя и бытовыя пѣсни, по всему вѣроятію, не мѣстнаго происхожденія, а занесены изъ Украины; по этой причинѣ въ семъ отдѣленіи нѣтъ мѣстныхъ оттѣнковъ: ни Гуцульскихъ, ни Лемковскихъ, ни Угрорусскихъ, кромѣ разночтеній о Саввѣ, Михаѣ и нѣсколькихъ передѣланныхъ (I, стр. 29—36), списанныхъ мною изъ одной старинной тетрадки. Настоящихъ Украинскихъ Думъ, распѣваемыхъ бандуристами, вовсе нѣтъ.

Думки—пѣсни лирическаго содержанія. Онѣ раздѣляются на Любовныя, Семейныя и Житейскія, такъ какъ предметъ ихъ любовь и семейныя отношенія.

Къ нимъ присоединены особаго рода пѣсни: Иносказательныя (аллегорическія), отличающіяся своей формой, и Колыбельныя, или пѣсни, поемыя при усыпаніи ребенка.

Наконецъ, пѣсни Веселыя и Охочія, подраздѣляющіяся на Шуточныя или Насмѣшливыя (сатирическія), Небыличныя (сказочныя), и Бражническія или Корчемныя, которыя поются при попойкахъ.

Но, кромѣ своихъ собственныхъ пѣсенъ, Русскій народъ въ Галичинѣ, особенно въ смежныхъ съ Россіей Уѣздахъ, любитъ пѣть также Великорусскія пѣсни, преимущественно солдатскія. Онѣ нравятся народу своимъ бойкимъ содержаніемъ и смѣлымъ разгульнымъ, хоровымъ напѣвомъ. Народъ любитъ слушать эти пѣсни о подвигахъ Русскихъ воиновъ, а еще больше разсказы объ нихъ: о богатыхъ городахъ, великолѣпныхъ церквахъ и вообще обо всемъ, что относится къ Русскому Царству и народу. Пѣсни этѣ, конечно, занесены въ Галичину Русскими войсками, стоявшими въ 1809 и 1849 годахъ по деревнямъ Галиціи, особенно въ періодъ 1809—1815 годовъ, когда Тернополь-

скій и Чортковскій Уѣзды, эта житница Автрійской Имперіи, принадлежали Россіи; сверхъ того, нерѣдко заносятъ ихъ перебѣжчики солдаты (Москали), которые, пріютився по пограничнымъ деревнямъ, нанимаются въ наймиты у крестьянъ, и часто отличаются своею молодцоватостію среди деревенской молодежи. У нихъ перенимаютъ мѣстные паробки, которые и поютъ ихъ вмѣстѣ, общимъ хоромъ, при собраніяхъ и пирушкахъ въ корчмахъ и господахъ, или же лѣтними вечерами выѣзжая съ лошадьми на ночлегъ (ночное пашенье рабочихъ лошадей). Случается, деревенскіе паробки въ пограничныхъ селахъ отправляются къ чердакамъ, Казаковъ или Жандармовъ вышкамъ покурити Московского тютюну (табаку), побалакати (покалять) и послухати Казацкихъ пѣсенъ. Вотъ какимъ путемъ пробирается Русская пѣсня чрезъ рубежъ. Но кромѣ того и «Дяки и Поддячіи» любятъ похвастаться Россійскими пѣснями: они тоже иногда поютъ въ обществахъ пѣсни, но болѣе книжнаго издѣлія, каковы, напримѣръ:

«При долинушкѣ стояла,
Калину ломала.»

Или:

«Чѣмъ я тебя огорчила,
Скажи, другъ любезный мой?»

Или:

«Всякому городу нравы, права,
Всяка имѣетъ свой умъ голова.»

А было время, пѣли и пѣсню на «Взятіе Варны,» какъ особенную новость:

«Гдѣ паритъ орелъ Россійскій,
Гдѣ герои нашихъ странъ?
Устремился онъ въ Мизійскій
Дальный край на Бусурманъ.

Тамъ Сарматовъ мы помстили,
Поразили въ мѣстѣ семъ,
Славу Славянъ защитили,
Мы оружіемъ своимъ.»

Пѣсни о войнахъ и походахъ Суворова, о взятіи Варны, забыты уже въ Россіи, или смѣнены пѣснями съ новымъ наслоеніемъ историческихъ событій, но онѣ сохраняются до сихъ поръ въ «закордонной», заграничной Австрійской Руси, поджидая, не придутъ ли на смѣну ихъ другія пѣсни, въ коихъ воспѣваются новѣйшія событія, сильно защемляющія и Русь Заграничную, смотрящую не на западъ, а на востокъ солнца.

Вотъ нѣсколько такого рода пѣсенъ, которыя можно иногда тамъ и сямъ услышать въ Галичинѣ и Карпато-Руссіи:

1.

О СУВОРОВѢ.

Волга рѣченька широка,
Тяжко мнѣ плыть чрезъ тебя:
«Другъ мой любый, другъ мой милой,
Тяжко мнѣ жить безъ тебя.

Скажи мила, што любила,
Скажи ты всю правду мнѣ!»
«Забыла жь я уже тебя,
Забывай ты обо мнѣ!»

Не туманъ съ моря поднялся,
Не сильные дожди идутъ,
Но Суворовъ показался,
За нимъ полки въ Польшу йдутъ.

Сколько жь онъ той Польши сходилъ,
Слѣдовали полки съ нимъ,
Ничево онъ больше не дѣлалъ,
Только курилося за нимъ.

Зажурилася Варшава,
Што Суворовъ на ню йдетъ:
Эй мила та Польска слава,
Што спокойно не живетъ.

Ахъ ты Прага на салдатовъ,
Што, своемъ, ты учила,
А не жаль же ты на Бога:
Волю матушка дала.

Зажурилася Варшава,
Заплакали всѣ мѣста:
Эй пропала Польска слава,
Когда я стану пуста.

Разъ намъ Суворовъ прославилъ,
Што во Францію пора,
Мы всѣ съ радощи окрикли:
«О ура, ура, ура, ура, ура!»

2.

Сильны тучи, сильны громы,
Съ за Дуная къ намъ идутъ,
Наши славны гренадиры,
Съ за Могилова идутъ.

Съ за Могилова идучи,
И такъ себѣ говорятъ:
«Намъ не страшны громы, тучи,
Графъ Суворовъ съ нами йдетъ.»

(Далѣе, сказалъ пѣвецъ, не помню). Эту пѣсню поютъ паробки въ Золочевскомъ, Тернопольскомъ и другихъ Уѣздахъ, особенно смежныхъ съ Россіею.

3.

Всякому на свѣтѣ
Есть правда, привѣтъ,
Одному солдату
Только правды нѣтъ.

Мундиръ въ рублей триста,
А въ карманѣ грошъ;
Корми лошадь сыто,
А самъ сухарь гложь!

Генералъ, Полковникъ
Той шампана пьетъ,
А нашъ братъ за милю
По воду идетъ.

Надъ Бариномъ, Графомъ,
Стоитъ обелискъ,
А надъ нашимъ братомъ
Только птичій пискъ.

Добывъ десять пушекъ —
Шлютъ крестъ золотой;
Потерялъ руки, ноги—
Ступай жить домой!

4.

Нашъ батюшка Николай *
Пошелъ въ походъ за Дунай,
А Полковникъ при полку
Куритъ трубку табаку;

---

* За всякимъ стихомъ припѣвается: «Гей! гай! гей! гай!» и повторяется стихъ.

Куритъ трубку табаку,
Кличетъ солдатъ до полку:
«Ты, солдате, ты, капралъ,
Штобы завтра рано всталъ,
Штобы утромъ рано всталъ,
Штобъ голову росчесалъ,
Штобъ рубашка была бѣла,
Штобъ солдата вошь не ѣла!» и пр.

ОБЪЯСНЕНІЯ КЪ ИЗОБРАЖЕНІЯМЪ.

1-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть I, стр. 1.

На изображеніи внутренность крестьянской избы въ окрестностяхъ города Львова. Чѣмъ ближе города, тѣмъ неблаговиднѣе крестьянскія хаты. Матеріялъ дороже, надѣлъ земли меньше, безъ луговъ, безъ пастбищъ и безъ права рубки лѣса, а по тому очевидно и хозяйство идетъ хуже: все нужно купить на наличныя деньги. Вотъ и жилища здѣсь маленькія, сколочены изъ кривыхъ бревенъ, объ одной избѣ, облѣплены желтой глиной, или шипью, побѣлены мѣломъ и крыты соломой. Окна въ избѣ обыкновенно обращены къ югу, стѣны и потолокъ вымазаны мѣломъ; на стѣнѣ къ востоку, иногда и у угла южной стѣны, вѣшаютъ иконы. Кругомъ лавы (скамейки), и передъ главной изъ нихъ столъ. На противоположной отъ оконъ сторонѣ кроватъ и дѣтская колыска (колыбель); за тѣмъ далѣе печка для топки избы и каминъ съ печкой для печенія хлѣба съ припѣчкомъ для приготовленія кушанья; все вылѣплено изъ желтой глины и всегда смазываемо мѣломъ, или известью. Въ четвертой стѣнѣ возлѣ припѣчка дверь въ сѣни, по другой же сторонѣ двери полки или шкафикъ для глиняной посуды (мисникъ). Въ настоящей избѣ, кромѣ сидящаго хозяина и хозяйки съ груднымъ ребенкомъ, изображены: 1) сидящій Степанъ Дволинскій, крестьянинъ изъ Залѣщицкаго Уѣзда, за тѣмъ двое стоящихъ: 2) Никола Ковбасюкъ, изъ села Вербѣжа, Коломыйскаго Уѣзда; 3) Кость Лепкалюкъ, изъ села Стараго Косова, того жъ Уѣзда, и 4) (сидящій за столомъ) Юзько Кравцовъ, изъ Перемышльскаго Уѣзда, села Луки. Всѣ четыре въ 1861 году были избраны депутатами на Львовскій сеймъ на шесть лѣтъ сряду. Ковбасюкъ же былъ избранъ своими выборцами во второй разъ на слѣдующее шестилѣтіе, но, сверхъ того, онъ былъ избранъ большинствомъ Львовскаго сейма де-

путатомъ въ Вѣну, * гдѣ, въ продолженіи 12 лѣтъ, онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ Имперской Австрійской Державной Думы.

Какъ избы, такъ и всѣ лица, срисованы съ фотографическихъ карточекъ, снятыхъ съ натуры Священникомъ Иларіономъ Нижанковскимъ и фотографомъ Эдеромъ.

2-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть I, стр. 131.

Изображеніе представляетъ крестьянъ деревни Нагорянки, возлѣ города Бучача, Станиславскаго Уѣзда. Па́робокъ (парень) въ чорномъ сѐрдакѣ (армякѣ), надѣтомъ на опашки (въ накидку) и связаномъ шерстяными бо́втицями (снурками). На немъ рубашка съ прорѣхой на груди, повязанная у шеи красной гарасо̂вкой (гарусной лентой); за тѣмъ кожаной ре́мѣнь, застегнутый мѣдными пряжками, и суконные холошнѝ (штаны); въ рукѣ у него соломянный капелюхъ (шляпа), на ногахъ чоботы (сапоги) съ длинными холявами (голеницщами), вывороченными внизъ.

Возлѣ него молоди́ця (замужняя женщина) Анна, жена Костя Легкаго, въ бѣлой пере́меткѣ или ран̆тухѣ (завойкѣ), съ такой же подвязкой подъ бородой, съ висячими назади концами, завязанными въ одинъ цыбъ (одну петлю), изъ подъ завойки видны концы подстриженныхъ волосъ. На шеѣ нѣсколько нитокъ ковалловъ или бусъ. Остальное платье спо̂дницѣ (юпка) съ за́паской или фартукомъ (передникомъ) и сѐрда́къ изъ чорнаго самодѣльнаго сукна. Въ рукѣ у ней фустка или ширинка (большой бумажный платокъ,) чо́боты (сапоги) у ней желтые сафьянные. Дѣвка въ такомъ же нарядѣ, только волосы сплетены въ косу, которая съ ко̂сника́ми (косоплетками) виситъ назади. На всѣхъ сердаки, вышитые крашенными шерстяными шнурками малиноваго и зеленаго цвѣта.

Позади ихъ деревянная хата въ столба́хъ или слупахъ съ па́зами, въ которые закидываются (дылются) обтесанные брусы (бревна). Вся хата внѣ и внутри вымазана глиной и выбѣлена

* По нему Польскіе публицисты не рѣдко называли въ насмѣшку Русскихъ Галичанъ вообще Ковбасюками.

крейдою (мѣломъ), или вапномъ (известью). Трубы нѣтъ, дымъ выходитъ изъ сѣней дверью и сквозь соломянную стрѣху (крышу), или дымникомъ, т. е., отверстіемъ отъ поднесеннаго обручемъ снопка. Крыша покошена со всѣхъ четырехъ сторонъ; она крыта снопками (въ сходци). На верху мятая солома придерживается дубовыми козлинами.

Изображеніе сдѣлано съ фотографической карточки, снятой съ натуры фотографомъ Титомъ Добржанскимъ.

3-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть I, стр. 237.

Изображеніе представляетъ крестьянина и молодицу (женщину) села Стрептова, Золочевскаго Уѣзда. Мущина—пожилыхъ лѣтъ съ люлькой (трубкой) въ зубахъ, задумался о своихъ хозяйскихъ дѣлахъ, засунувъ правую руку чрезъ прорѣху въ сѣракѣ въ кишеню (карманъ) своихъ холошень (штановъ). Шапка на немъ овчинная высокая съ суконнымъ верхомъ, на завѣсахъ, т. е., сзади имѣющая шелковыя петли; сѣракъ или семрага коричневаго простаго сукна статный (длиннополый), какъ у жителя равнинъ, окаймленный малиновыми и голубыми снурками, подперезаный (опоясанъ) краснокожимъ ремнемъ съ пряжками. Чоботы (сапоги) у него шкаповые (съ конской шкуры), зазувистые (большіе), шитые Русскимъ кроемъ на одной подошвѣ, безъ каблуковъ (обцасовъ), только узкія желѣзныя подковы крючками прибиты на пяткахъ.

Противу него стоитъ молодая женщина въ такомъ же сѣракѣ (армякѣ); поясъ (кушакъ) у ней шерстяной, полосатый, тканый, съ китицями (бахрамой). Голова повязана большимъ разноцвѣтнымъ бумажнымъ платкомъ (по мѣщански); изъ подъ него распущены по спинѣ локоны подстриженныхъ волосъ. На шеѣ кораллы и дукачъ (медальонъ). Нижнее платье споднице (ситцовая клѣтчатая юбка) и запаска (передникъ). Сапоги у обоихъ черные.

Изображеніе снято акварелью съ натуры извѣстнымъ живописцемъ Грабовскимъ. Подлинникъ находится у Графа Владимира Дѣдушицкаго, въ Львовѣ, копія же акварели, снятая по моему заказу А. Дзбанскимъ, для Этнографической Выставки, хранится въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ.

4-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть I, стр. 341.

Изображеніе представляетъ Русскихъ мѣщанъ, Станиславскаго Уѣзда, города Бучача, именно: два семейства горожанъ восемьдесятилѣтній старикъ Григорій Крыжановскій, съ своею супругою, Ядвигою изъ дому Уфріевичей. Крыжановскій умеръ въ 1867 году, шесть лѣтъ спустя послѣ отпразднованія своей 50тилѣтней или золотой свадьбы. Второе семейство—помощникъ начальника Бучацкой городской Думы, Константинъ Бурчицкій, съ женою и мальчикомъ сыномъ. Мущины одѣты въ мѣщанскіе капо́ты (кафтаны) съ выложенными воротниками, застегнутые петлицами. Бурчицкій подпоясанъ ли́тымъ по́ясомъ (золототканымъ кушакомъ). Жилеты у нихъ съ снурками на подобіе жупановъ; на шеѣ чорный шелковый платокъ, по которому выложенъ воротничокъ отъ бѣлой соро́чки. (У мѣщанъ не вышиваютъ рубашекъ цвѣтными нитками). Панталоны въ длинныхъ голенищахъ ихъ чорныхъ сапогъ ромпа́сахъ (на двойныхъ подошвахъ), подбитыхъ подковками. Волосы стрижены, бороды сбриты и только оставлены усы и небольшіе бакенбарды. У Крыжановскаго капелю́хъ (бѣлая поярковая шляпа) съ круглымъ верхомъ, и въ рукѣ палка.

Женщины наряжены въ шерстяныя ката́нки (кофты) съ широкими откидными воротами и выложками. Головы у нихъ повязаны большими бумажными платками, называемыми Бро́дски́ми ху́стками, завязанными въ цѣди́лко (въ большой узелъ), съ опущеными въ задъ концами. Нижнее платье—исподница, изъ бумажной или шелковой, разноцвѣтной матеріи, съ по́дчи́нками (каймами). Обувь составляютъ черевики на ко́ркахъ (башмаки съ высокими деревянными каблуками). На шеѣ у женщинъ по нѣскольку нитокъ настоящихъ коралловъ съ золотыми медальонами, на которые мѣщанки тратятъ большія деньги. Въ рукахъ хусти́на (бумажный цвѣтной платокъ). *

---

* О мѣщанскомъ убранствѣ см. мою статью: «О костюмахъ и народномъ убранствѣ Русиновъ въ Галичинѣ и Сѣверовосточной Венгріи, въ Отечественныхъ Запискахъ за 1867 годъ, №№ 23 и 24, и въ особомъ оттискѣ этой статьи.

Изображеніе сдѣлано съ подлинныхъ фотографическихъ карточекъ, снятыхъ на мѣстѣ фотографомъ Титомъ Добржанскимъ.

5-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть II, стр. 1.

Это изображеніе представляетъ Русскихъ Горцевъ (Лемковъ) Сяноцкаго Уѣзда, села Завадки, что возлѣ мѣстечка Риманова и Дукли (для различія отъ четырехъ другихъ селъ того жь названія, изъ которыхъ три находятся въ Сяноцкомъ, а одно въ Самборскомъ Уѣздахъ). Завадка лежитъ въ долинѣ надъ притокомъ рѣки Яселя, называемымъ Балудянка. Здѣсь представлены трое мущинъ и три женщины съ дѣвочкой. Платье мущинъ: соро́чка (бѣлая рубашка) или кошеля, обшитая на воротникѣ цвѣтными нитками и застегнутая на запонку, не спереди, а сзади, на спинѣ, отъ чего рубашка имѣетъ видъ манишки. Ногавки или нагавки (панталоны), стягиваемые очкуромъ (гашникомъ) и хоро́шнѝ (суконные бѣлые штаны съ вышиваньемъ), стягнутые че́ресомъ (краснымъ ремнемъ). Лайбикъ или бру́сликъ (жилетъ) (у Сербовъ прслукъ, Хорватское пруслукъ) краснаго, или голубого, сукна, съ мѣдными пуговками на груди въ два ряда и въ два или три ряда сзади низомъ, за тѣмъ черная суконная гу́нька (у Сербовъ и Черногорцевъ гунь) съ бѣлыми каймами, сверхъ нея наброшенъ родъ плаща чу́га или чуга́ня, тоже окаймленная бѣлыми снурками, назади же отъ пелерины висятъ торо́ки или свѣчки (длинныя шерстяныя кисти). Чуга всегда носится въ накидку, а зашитые рукава служатъ вмѣсто кармановъ. На ногахъ ско́рнѝ (чорные сапоги) или кожаные ке́рпцы, ходакѝ (родъ башмаковъ), зашнурованные ремешками, или волока́ми (шерстяными снурками). Въ праздники къ плясѣ паробокъ долженъ имѣть Угорскіе чижмы (сафьянные сапоги) съ острога́ми (шпорами). На головѣ овчинная шапка съ круглымъ суконнымъ верхомъ, или капелюхъ (чорная валяная шляпа) съ загнутыми вверхъ кре́сами (полями), повязаная стя́жкою (лентой) и китайкой (снуркомъ съ кистями), за которыя холостые втыкаютъ павлиныя перья, или цвѣты (покре́йтки).

Рядомъ съ мущинами представлены три женщины-Лемчанокъ и позади дѣвочка. Женское одѣяніе: оплёчья (бѣлая рубашка), застегнутая на шеѣ красной лентой; юпки обыкновенно

носятъ синія съ ця́тками (бѣлыми крапинками), въ праздники катраны́ (бѣлыя, узорчатыя). Богатыя женщины наряжаются въ шелковыя зеленыя юпки, окаймленныя внизу серебристыми позументами, которыя юпки называются по преимуществу спо̂дни́цѣ. Передники рѣдко употребляются. Сверхъ того женщины надѣваютъ корсе́ты (корсажи) съ выемками, голубого, или краснаго, сукна, либо какой ни будь яркоцвѣтной матеріи, зашнурованныя спереди. За рѣкою Вислокомъ корсажи безъ выемокъ похожи на мужскіе бру́слики. Безъ корсажа ни женщинѣ, ни дѣвкѣ, на работу выйти нельзя. На плеча закидываютъ холстяную по̂лку (родъ шали), которою всегда наряжаются идя въ церковь, или въ гости. Сверхъ того онѣ носятъ суконные сѣрдаки́ (кофты), похожія на мужскія гу́ньки, только въ станѣ собранныя на сборки. Голова у замужнихъ покрыта бѣлымъ, или голубымъ, платкомъ съ желтыми точками, который накидывается на голову такъ, что одинъ длинный конецъ назади спадаетъ на спину и покрываетъ другіе концы. Дѣушки вовсе не повязываютъ головы, а волосы сплетаютъ въ одну косу, которая перевяза́на лентой. На шеѣ нѣсколько нитокъ бѣлыхъ бусъ (па́цёрки) и красныхъ кораллов, связанныхъ тесемками. Кромѣ того на шеѣ повѣшены широкія шелковыя ленты, спадающія на груди. Обычная обувь въ будни—кожанные ходаки́, но въ церковь и вообще меджи лю́ди обуваютъ желтые, или чорные, «сафья́ны» (Угорскіе сапоги), которые, для сбереженія, нерѣдко всю дорогу идя босикомъ (на босака̀), несутъ въ рукахъ, а только подходя къ церкви надѣваютъ на ноги. Особый нарядъ у Лемчанокъ, это ме́нта, т. е., лисья шуба съ откиднымъ воротникомъ, или овчинная шуба, но непремѣнно съ лисьимъ ко́внѣромъ (воротникомъ) и такими жь наружными краями (обно́вою), крытая зеленымъ, или голубымъ, сукномъ и отороченная тесьмою. При вѣнчаніи невѣста и дружки́ должны быть въ ментѣ, хотя бы взятой у кого ни будь на этотъ торжественный случай.

Изображеніе снято съ раскрашенныхъ фотографическихъ карточекъ, сдѣланныхъ съ натуры Священникомъ Иларіономъ Нижанковскимъ, которыхъ подлинники были высланы мною на Этнографическую Выставку и теперь хранятся въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ.

6-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть II, стр. 247.

На изображеніи представлены Русскіе Горцы (Гуцулы), Коломыйскаго Уѣзда, села Доры, надъ верхнимъ Прутомъ; имена ихъ: Семенъ Якимишакъ, Василь Губарь, женщина Анна, жена Андрея Губаря, и двѣ дѣвушки: Марья, дочь Михайла Ефренюка, и Гафія, дочь Михайла Спасюка. Всѣ они представляются въ полномъ Гуцульскомъ одѣяніи. Гуцульскій народъ всего живописнѣе и богаче у Карпато-Руссовъ, въ коемъ сохранилось много первообразныхъ чертъ отдаленной старины.

Мущины одѣты въ бѣлую сорочку съ небольшимъ разрѣзомъ на груди съ обшёвкой, т. е., безъ воротника и безъ сборокъ; на плечахъ рубашка выпита цвѣтными нитками, которую спускаютъ посверхъ широкихъ штановъ синихъ (убранья), или красныхъ (холошенъ), иногда бѣлыхъ, собранныхъ на очкурѣ. Въ перехватѣ они подпоясываются широкимъ кожанымъ ременемъ, съ десятью до двѣнадцати пряжокъ, украшеннымъ желтою и зеленою кожицей. За поясомъ торчитъ длинный ножъ и двузубые вилки съ мѣдными и роговыми искусно выдѣланными рукоятками, пистолеты, иногда еще рогатина (длинный кинжалъ); кромѣ того на цѣпочкѣ виситъ протычка до люльки, или швайка. На шеѣ у Гуцула всегда чорный шелковый платокъ съ красной бахрамой и мѣдный на ретязѣ (цѣпочкѣ) висячій крестикъ. Посверхъ рубашки и ремня надѣтъ киптарь, у Угорскихъ Гуцуловъ кяптарь, у Буковинцевъ Гупулякъ (родъ полушубка безъ рукавовъ). Лѣтомъ иногда надѣваютъ такой же самый киптарикъ, но суконный красный съ каймами. Киптарь всегда окаймленъ весьма живописно узорчатыми кусками краснаго и зеленаго сафьяна и вышиванъ цвѣтнымъ шелкомъ. На головѣ у Якимишака мармазинка (т. е., овчинная шапка съ краснымъ суконнымъ верхомъ), у Губаря же кресаня (поярковая шляпа) съ галуномъ, у обоихъ павы (павлиныя пера). Первый надѣлъ красный сердакъ (кафтанъ) и сверхъ него забросилъ бѣлую суконую гугляю (Болгарская гугла), родъ накидки каптуромъ (съ башлыкомъ). У Губаря черезъ плеча на крестѣ висятъ на ремняхъ, набитыхъ пуговками, порошницы или пороховницы (ладунки), искусно вырѣзанныя и

украшенныя мѣдными пластинками и перламутровыми цятками. У Якимишака только шерстяная клѣтчатая дзёбня (сумка) или тобôлка. Штаны у одного синія, у другого красныя (задўбленныя). Обувь капцѝ (суконные носки) съ напéрстниками и кожаные постолы (родъ башмаковъ), зашнурованные волокáми (шерстяными снурками). Въ пѣсни о Добошѣ (І, стр. 152) упоминаются «постолы скôрянніи и волóки шовковіи». Волосы у обоихъ подстриженные на лбу, остальные опущены по спинѣ. Якимишакъ держитъ въ правой рукѣ кéлепъ или кéлефъ (палку съ топорикомъ), въ лѣвой же овчарскую трубу (трубéту или трумбéту), словно приготовленный въ полонинскій ходъ.

Не менѣе живописенъ костюмъ Гуцулокъ. Тонкая холстинная сорочка съ узорчатымъ шитьемъ на плечахъ и въ пáзухѣ (на прорѣхѣ), шея обвѣшена большимъ количествомъ разноцвѣтныхъ бусъ и кораллов (кровавницы, блѝскавки, женьчўги и пр.), съ цѣпочками, крестиками, медальонами и нанизанными монетами, которыми покрыта вся грудь женщинъ и дѣвокъ. Вверху на шеѣ сѝлянка (изъ поцерочокъ плетенная повязка). Нижнее платье суконная голубая (въ Угріи иногда зеленая) сўкня (юпка) съ галўнами (позументами) на подолѣ, которая обхватываетъ рѣсами (густыми складками) всю талію, по которой катрáнъ (шерстяный полосатый передникъ) подвязывается такими жъ крáйками (кромками) или поясомъ изъ «каламайки». Послѣ надѣваютъ киптáрь, такой же какъ у мущинъ, съ перевѣщенной черезъ плечо шерстяной дзёбéнькой (сумкой). (Кожаныя тобôлки не полагаются только для мущинъ). По зимнему наряду женщина имѣетъ пôдбитяќъ или пôдбитеняќъ, т. е., бѣлыми овчинами опушеный кафтанъ. Марья Михайловна имѣетъ наброшенную на плеча гўглю или джўглю, каковыя употребляются во время ненастья: безъ нея ни жениху, ни невѣстѣ (кн я̈зю, ни княгѝнѣ) къ вѣнчанію являться нельзя). Обувь постолы съ кáпцями и напéрстниками, или же сапоги краснаго, или желтаго, сафьяна. Голову женщина повязываетъ цвѣтнымъ, краснымъ, или синимъ, платкомъ. Головный уборъ дѣвушекъ болѣе прихотливъ: волосы заплетены въ двѣ косы, вплетая въ нихъ заплётки (нитки красной бумаги) съ кôсткѝ (бѣлыми морскими раковинками), и мѣдными пуговками, которыя обматываются кругомъ головы въ видѣ вѣнка, или кокошника, повязавъ ее позументомъ, сзади же виситъ опущенъ

цѣлый пукъ краснобумажныхъ нитокъ и лентъ. Въ ушахъ ко́вѣки (серги). Иногда еще повязываютъ кругомъ лба низанку лелиток ъ (мѣдныхъ фибулъ), сдѣланныхъ совсѣмъ въ античномъ вкусѣ.

Изображеніе снято съ раскрашенныхъ фотографическихъ карточекъ, сдѣланныхъ живописцемъ А. Скочдополе въ Коломыѣ, для Этнографической Выставки. Подлинныя фотографіи хранятся въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ. Тамъ же и манекенъ Гуцула со всею одеждою и со всѣми принадлежностями Гуцульскаго убора.

7-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть II, стр. 401.

Такая жъ группа Гуцульскаго семейства Мараморошской столицы села Луги, въ Сѣверовосточной Угріи, снятая съ натуры на большой превосходно раскрашенной фотографической картинѣ. Фирма фотографа «Ротъ и Ловичъ, въ Кошицахъ» (Roth et Lovich in Kaschau). Картина сдѣлана для Этнографической Выставки и хранится въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ. Тамъ же и манекенъ Гуцула, Андрея Дѣдива, изъ мѣстечка Ясенева (Körösmezzö) на Черной Тисѣ, вмѣстѣ со всѣми принадлежностями, которыя доставилъ на Этнографическую Выставку Совѣтникъ Правленія въ городѣ Сиготѣ Е. И. Грабарь.

Лица представлены весьма характеристически: въ нихъ изображается подлинный типъ горскихъ жителей Русскихъ и вся обстановка этого малоизвѣстнаго захолустья. Уборъ почти тотъ же самый, что у Галицкихъ Гуцуловъ, разница только въ мелочахъ. Впрочемъ, одно изображеніе дополняетъ другое. Здѣсь лучше изображается кяпта́рь (полушубокъ) съ своими весьма оригинальными узорами, нижнее платье женщины, особенно же головной уборъ дѣвушки съ ко̂стка́ми (раковинками) и выплётками изъ волочки и проч. У мущинъ волосы не подстрижены, а всѣ зачесаны назадъ.

8-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть II, стр. 573.

Русскіе Горцы (Бо́йки), Стрыйскаго Уѣзда, села Вышняго Синеводска, надъ горнимъ Стрыемъ въ Восточной Галичинѣ. Здѣсь пред-

ставлены два пожилыхъ хозяина—Гринь Береза и Иванъ Максимчукъ, женщина Полагна Бурдюкова, двѣ дѣвушки и парень, на дворѣ передъ хатой. Мущины одѣты въ рубашкахъ съ шитьемъ на плечахъ, рубашка опущена по холо́шняхъ (суконныхъ штанахъ) и подпоясана кожанымъ ремнемъ. Воротникъ ея застегнутъ шпи́нкой (металлической запонкой) съ цвѣтнымъ стеклышкомъ или полѝти́чкой (красной ленточкой). Далѣе у нихъ надѣтъ овчинный кожухъ, окаймленый бѣлыми и чорными кусочками козьей кожи, сверхъ того чорный сѣрда́къ (армякъ). У Гриня Березы черезъ плечо повѣшена тобо̂вка или та́йстра (кожаная сумка безъ всякихъ украшеній). На ногахъ кожаные постолы̀, подвязанные ремешками. На головѣ у одного ку̂чма (высокая овчинная шапка съ такимъ же верхомъ), другой держитъ въ рукѣ чорную валяную шляпу съ низкимъ плоскимъ верхомъ и широкими полями. Позади видны хата съ еловыхъ бревенъ, сложенныхъ въ ключи, соломой крытыхъ, другія постройки и оборо́ги наполнены сѣномъ.

Женщина имѣетъ на головѣ чепе́цъ, подъ которымъ спрятаны подстриженные волосы, за тѣмъ голова обвита холщевой заво̂йкой, концы которой падаютъ внизъ. У дѣвушекъ заплетены косы съ косоплетками и повязаны цвѣтнымъ платкомъ, котораго длинный конецъ спущенъ на плечо. Въ праздники повязываютъ платокъ съ чу̂бомъ, т. е., павлиными перьями и вѣточками изъ поста́ля (Lunaria biennis). Въ уши вдѣваютъ ко́вточки (сережки). На шею вѣшаютъ нѣсколько нитокъ разноцвѣтныхъ бусъ съ крестиками и медальончиками. Нижнее платье или обыкновенное холщовое, или же цвѣтная юпка, сложенная въ сборки (въ рѣ̂сы, рѣсна́я спо̂дни́ця, су̂кня), съ шерстянымъ фартухо́мъ (передникомъ), которые опоясываются пунцовымъ гаруснымъ по́ясомъ и чембо́ромъ (красной лентой). Верхнее платье—чорный сѣрда́къ простого сукна, какъ у мущинъ, а зимой кожу̂хъ (нагольный тулупъ). На ногахъ сапоги или постолы̀.

Удивительное противоположеніе бѣдности нынѣшнихъ Бойковъ въ одѣяніи и всей обстановкѣ съ богатствомъ и довольствомъ, воспѣвается въ колядкахъ и др. пѣсняхъ. Тамъ «господарь ходитъ по калиновымъ мостамъ и то́кмитъ волы на три плуги, коровы на три оборы, а яловникъ на четыре; ставитъ кони на три стаенки, а жеребчики на четыре, овечки на три струнки, а ярчуки на четыре», и

пр. (II, 14). Тамъ ему «кладутъ копъ, якъ на небѣ звѣздъ, и стоитъ господарь между копами, якъ ясенъ мѣсяцъ между звѣздами» (II, 18).

Сообразимъ, съ какими изысканными прихотями приготовлялась дѣвица, поджидая пріѣзда своего милого. Она (II, 87):

«Гатила гати дорогими шаты,
Мостила мосты жуковинами,
Садила сады все винограды,
Вбêрала лѣсы паволоками,
Сѣяла поле дрôбновъ жемчуговъ» и пр.

Или сообразимъ содержаніе другой пѣсни, въ которой дѣвушка величается своимъ нарядным платьемъ (II, 86):

«Кобысь мя видѣвъ рано въ недѣлю,
Якъ стане мати мене вбêрати:
Ой на ноженьки жовтѝ чобôтки,
А на лядвонки кованый поясъ,
А на плечоньки пять чемерочокъ,
А на пальчики срêбнѝ перстенцѝ,
На головоньку перлову тканку» и пр.

Вотъ въ какихъ высяхъ парило когда-то воображеніе обѣднѣвшаго нынѣ народа. Грустно становится слышать, какъ эти загнанные и убитые Бойки, ходя почти въ рубищахъ и нуждаясь въ первыхъ потребностяхъ жизни, безсознательно поютъ о богатствахъ и достаткахъ, которыми нѣкогда наслаждались ихъ предки!

Изображеніе снято съ фотографическихъ карточекъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ Священникомъ Иларіономъ Нижанковскимъ, которыхъ подлинники хранятся въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ.

9-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть II, стр. 699.

На изображеніи представлены Русскіе Горцы изъ самыхъ дальнихъ концовъ или Западнаго края Угорской Руси. Первый стоитъ, оперщись на длинную палку, Михаилъ Воробей, овчарь (югасъ), Под-

градскаго Уѣзда, села Тонковецъ. На немъ короткая кошéля (рубашка) безъ воротника, запнутая на спинѣ; нижнее платье съ шитьемъ и лампасами по Угорскому обычаю (цифрóванныи ногавицы) обтянуто; чрезвычайно широкій кожаный поясъ, разрисованный и обитый мѣдными пуговичками, покрываетъ почти половину груди; внизу его особый длинный ремешокъ, къ которому прицѣпленъ ножъ, обмотаный кругомъ поясницы; короткій суконный лéйбикъ (жилетъ) съ пуговочками въ три ряда. На головѣ кáлапъ (валяная чорная шляпа) съ широкими, вверхъ загнутыми, полями, подъ бородой подвязанная ремешкомъ. Онъ обутъ въ чижмы (сапоги), за поясомъ платокъ. Волосы стрижены, усы сбриты. За тѣмъ два дротáря, Русскіе горцы изъ села Литманова, Магурскаго стана, на Спижѣ, отъ чего ихъ и называютъ Спижаками; это старикъ Ѳедоръ Глинка, 72 лѣтъ и сынъ его, Василій, 27 лѣтъ. Уборъ ихъ простъ. Панталоны нецифрóванные, ремни тоже, обувь составляютъ кожаные постолы или кéрпцы. У старика на головѣ мѣховая шапка съ суконнымъ верхомъ, у сына его шляпа, на нихъ надѣты сверхъ рубашки лéйбики, а по плечамъ виситъ кабáтъ (кафтанъ) чорнаго сукна, черезъ плечо кожаная сумка. У Василя на шеѣ шелковый платокъ. Онъ одѣтъ въ суконный сѣрый кабáтъ, отороченый шнурками, сверхъ того черезъ плечо у него виситъ бýнда (родъ шинели), застегнутая на металлическую запонку. Въ рукахъ палка, проволока и дротáрскія принадлежности для сшиванья глиняной посуды. Такихъ дротарей съ мышеловками и корзинками можно встрѣтить и въ Россіи по всѣмъ городамъ. Литманова одно изъ древнѣйшихъ на самомъ крайнемъ Западѣ поселеній Русскихъ, имѣетъ каменную церковь Св. Михаила. Приходъ какъ утверждаютъ, учрежденъ еще въ 1370 году. Община, въ которой нынѣ считается 940 душъ обоего пола, выкупилась сама на свой счетъ въ 1857 году и пріобрѣла всѣ помѣщичія права: патронатъ своеи церкви и школы, самоуправленіе, пропинацію и пр. * Въ селѣ находится системизованная приходская школа, въ которой было въ 1870 году 109 дѣтей обоего пола, обучаемыхъ Русской и Церковной грамотѣ. По причинѣ гористой, неплодной земли и небольшаго надѣла, народъ принужденъ скитаться

* Церковная Газета, изд. Іоанномъ Раковскимъ въ Будинѣ 1867, стр. 208. Schematismus cleri graeci ritus dioecesis Eperiessiensis. Cassoviae, 1870.

по чужимъ землямъ и искать пропитанія большую половину года внѣ своей родины. Эти Горцы издревле занимаются дротарскимъ ремесломъ. Впрочемъ, есть преданіе, что въ прежнія времена они занимались починкою панцырей и кольчугъ, и тогда они принимаемы были по замкамъ рыцарей; но когда панцыри, шлемы и кольчуги вышлй изъ употребленія и прежнее рукодѣліе панцырниковъ упало, они принуждены были приняться за унизительное ремесло приготовленія мышеловокъ, корзинокъ, бляшаныхъ крышекъ и пр., или же связывать разбитые горшки, отъ чего ихъ нынѣ называютъ дротарями, полажайками, или горшкодраями.

Изображеніе снято съ фотографическихъ картинъ большаго размѣра, присланныхъ Г. Нотаріемъ Пряшевскаго Епископа, Михайломъ Васильевичемъ Молчаномъ, на Этнографическую Выставку, хранящихся въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ.

10-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть II, стр. 739.

Корчма на Подолѣ, возлѣ м. Копачинецъ, Чортковскаго Уѣзда, наполненная народомъ. Попойка, пляска, шумъ, гамъ въ полномъ разгарѣ. Съ одной стороны стоитъ печка, съ другой Жидовскій шкапъ наглухо запертъ и только вверху торчатъ шабашные тарѣлки. Дверь открыта настежь, народъ прибываетъ. Въ избѣ никого нѣтъ, кромѣ крестьянъ—всѣ въ шапкахъ, курятъ, кричатъ, визжатъ сколько воли. «Тутъ нема панôвъ, всѣ рôвны, всѣ паны!» Жидъ корчмарь спрятался въ другую комнату, и оттуда чрезъ шинкв́асъ (окно съ залавкомъ) продаетъ напитки. Въ случаѣ драки онъ рѣшеткой запираетъ окно и дверь, и предоставляетъ избу на поле сраженія. Подъ окнюмъ длинный дубовый столъ, на немъ сидятъ, поставивъ ноги на скамью, деревенскіе музыканты: басистый скрипникъ и цымбалистъ или решетникъ, выбивающій на тамбуринѣ или барабанчикѣ съ побрякушками тактъ. Коломыйка въ полномъ ходу. Здѣсь рослый паробокъ, взявъ правою рукой дѣвушку за талію, вывиваетъ съ ней голубця, поднявши лѣвой рукой шапку вверхъ; передъ нимъ молодой парень, едва ли не Подьячій, поддерживая спадающую съ плечъ опанчу, вытинаетъ дрôбушки своими ромпасовыми сапогами, держа за ручку свою дѣвушку, которая манерно

поддерживаетъ пальчиками полу платья и скромно глядитъ подъ ноги; тамъ далѣе широкоплечій мужикъ, насунувъ свою барáнью шапку съ завѣсами (петельками), выбиваетъ гоцакà; передъ ними четвертая пара, а тамъ пятая, всѣ пляшутъ до упáлого. Въ сторонѣ паробокъ съ люлькой ведетъ оживленный разговоръ съ дѣвушками; за столомъ пожилой мужикъ сидитъ въ шапкѣ при стаканѣ (кватыркѣ) водки и подпершись рукой, не то дýмку думáетъ, не то дремлетъ, а просто затопляетъ свое горе хлѣбнымъ виномъ. Передъ нимъ сидитъ баба въ перéмѣткѣ и катáнкѣ, но босикомъ, держа въ рукѣ кéлишокъ (рюмку) горѣлки; у нея на колѣняхъ ребенокъ, который, вѣрно почтиванъ матерью, крѣпко заснулъ, омраченный виномъ. Наконецъ, съ правой стороны, возлѣ печки, особнякомъ стоитъ и равнодушно смотритъ на все Австрійскій жóвнѣръ (солдатъ): на немъ форменные синіе панталоны съ подтяжками и на шеѣ галстухъ, жилетъ у него растегнутъ (комóдъ), въ зубахъ трубка, на головѣ вицъ-мундирная шапочка (гóльцъ-мица). Съ сердечнымъ умиленіемъ къ нему подходитъ нѣжная матушка и, поднося рюмочку водки, говоритъ: «На! напійся, сыноньку, горѣлоньки, та розвесели душу! Ты то, бувало, всѣмъ передъ ведешъ.»—Никсъ бромфенъ» (Brandwein), на отрѣзъ возражаетъ сынъ: «я теперь Цѣсарска дитина, цумъ тайфель! Кобы менѣ зайдель вайнъ, то алé. Якъ то мы въ Штайермарку, або въ Бемскôмъ краю съ фрейкою пôдемъ собѣ штаера и польки, то, сакраментъ инайнъ, ажъ абцасы съ пôдъ шугôвъ вôдлѣтаютъ; а тутъ що за фрейдъ танцювати зъ кмейне меншъ такій пауеръ-танцъ!»—«Охъ! Побила жь мене лихая доля, побила!» съ горестью завопила бѣдная мать; «понѣмечили мою дитиноньку, понѣмечили, и языкъ перекрутили, и въ Нѣмецкую барву перебрали: бѣдна жъ моя головонька, пропавъ мôй рôдный сынъ на вѣки вѣчныи, пропавъ!» Да, и я скажу да, пропалъ твой родной сынъ, на вѣка вѣчные! Онъ уже не твой, не вашъ, онъ не Русинъ! Онъ уже вкусилъ Западной псевдо-цивилизаціи. Онъ Цѣсарская дѣтина! и на команду какого ни будь капрала онъ готовъ васъ рѣзать, колоть, стрѣлять; вы для него не родня, вы у него «кмейне пауеръ, канальи!» Подобныя сцены мнѣ случалось видѣть и слышать на моихъ странствованіяхъ по Галицкой Руси, и настоящее описаніе не что другое, какъ воспроизведеніе въ памяти бывшаго.

Изображеніе снято извѣстнымъ живописцемъ Юліяномъ Косакомъ.

11-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть III, стр. 1.

На изображеніи представлены Русскіе крестьяне Чортковскаго Уѣзда, села Ермаковки, лежащаго въ близкомъ разстояніи отъ Днѣстра, по чему жителей этой страны называютъ Нѣстровя́не или Поберѐжцй. Мущина среднихъ лѣтъ, съ выбритой бородой и небольшими усами, волосы у него спереди подстрижены, сзади опущены. На немъ бѣлая рубашка въ панталонахъ, шея повязана небольшимъ платочкомъ. Онъ подпоясанъ шерстянымъ тканнымъ синимъ кушакомъ (по́ясомъ), къ которому привязанъ ремешкомъ складной чепѐликъ (ножъ). Верхняя одежда—суконная опанча̀, съ капузой на плечахъ (богородицею), окаймлена и коегдѣ вышита шнурками и кусочками синяго сукна. На ногахъ юфтовые чо́боты (простые сапоги), въ рукѣ у него соломянная шляпа, повязанная гарусной ленточкой, въ другой рукѣ бу́чокъ (палка).

Возлѣ него стоятъ: замужняя женщина, молодиця, и дѣвушка. На нихъ длинныя холстинныя соро́чки, съ изобильнымъ шитьемъ на рукавахъ и даже на па́зушинѣ (на прорѣхѣ). На шеѣ си́лянка, т. е., повязка изъ бисеринокъ, за тѣмъ нѣсколько десятковъ стеклянныхъ бусъ и коралловъ. Въ ушахъ ко́втки съ бо́втицями (серги). Голова женщины повязана, въ видѣ кокошника, цвѣтнымъ платкомъ, котораго концы спадаютъ на спину; у дѣвушки же сплетеные волосы положены въ видѣ вѣнка и кругомъ закоси́чены (украшены) цвѣтами, и отъ нихъ висятъ по спинѣ разноцвѣтныя ленты. На вискахъ фи́глй (маленькія локончики). Нижнее платье фо́та (родъ шерстяной полосатой плахты), * которая, обхватывая сзади талью, перевязана нѣсколько разъ, вмѣстѣ съ такимъ же шерстянымъ передникомъ (катрано́мъ), длинной шерстяной кра́йкою (кромкой). Такъ какъ фота узка и безъ всякихъ сборокъ, то полы ея подбираютъ и закладываютъ сзади за поясъ. Обѣ женщины обуты въ желтые сафьянные сапоги, сшитые Ру́сскимъ кро́емъ (на одной подошвѣ). У дѣвушки въ рукѣ коро́мысло съ ключка́ми, а возлѣ

---

* Аѳанасій Никитинъ, въ своемъ Путешествіи въ Индію, очень часто упоминаетъ фоту.

него двѣ деревянныя коновки (ендовки), которыми носятъ воду. Впрочемъ, женщины носятъ сѣрдаки, бекеши и катанки.

Изображеніе снято съ раскрашенныхъ фотографическихъ карточекъ, сдѣланныхъ съ натуры фотографомъ Л. Душкевичемъ.

12-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть III, стр. 133.

Крестьяне Русскіе, Львовскаго Уѣзда, села Мальчичъ: мущина, двѣ женщины и дѣвушка. Мущина въ бѣлой сорочкѣ (холстинной рубашкѣ), спущеной посверхъ такихъ же штанôвъ, подпоясанъ (пôдперезанъ) кожанымъ ремнемъ съ пряжками. Воротникъ стянутъ спôнкою (металлической запонкой). Волосы у него длинные. Онъ держитъ въ рукѣ капелюхъ (соломянную шляпу) съ широкими полями, повязанную суконной повязкой. (Зимой надѣвается овчинная шапка съ завѣсами). На ногахъ чорные сапоги изъ простой юфты. Верхнее платье чорный сѣракъ или свита, изъ своедѣльнаго сукна, на воротникѣ, на крестцахъ и на груди, отороченый малиновыми шнурками. Одна изъ женщинъ одѣта въ бекешу (овчинный тулупъ), покрытую синимъ сукномъ и окаймленную такими жь тесьмами. На головѣ бѣлая перемѣтка, сверху повязана большимъ бумажнымъ платкомъ съ бахрамой. Нижнее платье спôдниця (клѣтчатая юпка) и фартушокъ (передникъ). Другія двѣ женскія особы одѣты въ катанки (кафтаны) шерстяной голубой матеріи съ цвѣтнымъ выложенымъ воротомъ и каймами малиноваго цвѣта. У женщины передникъ подпоясанъ посверхъ, у дѣвушки же подъ кафтаномъ. Женщина имѣетъ голову повязану цвѣтнымъ платкомъ, на который накинутъ еще другой бѣлый платокъ, обнимающій и спину. У дѣвушки въ заплетенныя косы натыканы искуственные цвѣты, на спину спущены ленты. Всѣ женщины въ чорныхъ сапогахъ.

Обстановка: задній дворъ съ хозяйственными постройками, въ дубовыхъ столбахъ и обгороженыхъ плетнемъ, который обставленъ очеретомъ (тростникомъ). Одна стрѣха (крыша) покрыта китками (соломяными снопками) съ козлиньемъ вверху, другая же покрыта очеретовыми снопками.

Изображеніе сдѣлано съ фототрафическихъ карточекъ, снятыхъ

на мѣстѣ Священникомъ Иларіономъ Нижанковскимъ для Этнографической Выставки, подлинники которыхъ хранятся въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ.

13-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть III, стр. 263.

Подъ крестомъ, какіе часто встрѣчаются на поляхъ, при дорогахъ, особенно на перекресткахъ, сидитъ слѣпой нищій, лирникъ, играетъ на инструментѣ, называемомъ лира, и поетъ пѣсни. Шапка его и палка лежатъ на землѣ; волосы на головѣ и на бородѣ взъерошены вѣтромъ; на немъ ветхое рубище съ заплатами, ноги обвиты онучами и обуты въ ходаки; черезъ плечо висятъ на веревкѣ дѣдовскія торбы (старческія сумки); возлѣ него стоитъ, опершись на крестъ, мальчикъ, держащій шапку подъ мышкой, въ старой сѣрачинѣ, съ сумкой, повѣшенной черезъ плечо. Это проводаторъ (вожака) слѣпаго старца, неотступный спутникъ во всѣхъ его странствованіяхъ. По одной сторонѣ слушаютъ пѣсни лирника два крестьянина (Тарнопольскаго Уѣзда, села Стараго Скалата), оба въ сѣрыхъ опанчахъ, съ выложками синяго сукна и малиновыми каймами, съ богородицями (башлыками) на спинѣ, одинъ въ шапкѣ съ завѣсами, съ суконнымъ дномъ, другой въ капелюхѣ (соломенной шляпѣ), съ красной цовязкой, оба ремнями подпоясанные; штаны ихъ выбиваны (полосатаго холета), въ юфтовыхъ сапогахъ. Одинъ задумался, оперщись на палочку, другой заслушался, и люльку выпустилъ изо рта, оба внимательно слушаютъ пѣвца. Съ другой стороны женщина въ переметкѣ, съ висячими на зади цыбами (концами или петлями), въ синей бекешѣ (шубѣ), малиновымъ шерстянымъ поясомъ (червчатымъ) подпоясанная, въ холотяной юпкѣ съ передникомъ, нашитымъ цвѣтами; въ рукѣ у нея кобеля (корзина изъ рогожи). Вторая—дѣвушка: голова у ней повязана платкомъ, волосы украшены цвѣтами; на ней юпка и запаска (передникъ); верхнее платье полосатая катанка. Въ рукахъ у нея кошикъ (корзинка). Сапоги у обѣихъ черные. Идучи съ города, онѣ стали на дорогѣ и заслушались, пустивъ мысли въ дальнюю даль— каждое лицо думаетъ свою думу. Позади ихъ виднѣются горы, называемыя Товтры, невысокій отрогъ Карпатъ, тянущійся чрезъ Ополье и Подолье и спускающійся къ Днѣстру.

Изображеніе снято съ натуры живописцемъ Юліяномъ Косакомъ.

14-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть III, стр. 355.

Крестьяне изъ Буковины, Черновецкаго Уѣзда, села Кучурмикъ: флексу́ (парень) съ длинными волосами по спинѣ и съ небольшими усами. Шея повязана фу́сткою (чернымъ платкомъ); рубашка на немъ бѣлаго холста съ широкими рукавами и съ шитьемъ на плечахъ, опущена по портяни́цѣ (холстянымъ штанамъ). Онъ подпоясанъ широкимъ ремнемъ, черезъ плечо виситъ торби́на (сумка); одѣтъ въ мѣховый полушубокъ безъ рукавовъ (цу́ркашка), сверхъ чего повѣшенъ на плечахъ черный суконный сѣрдакъ (кафтанъ) съ шитьемъ и шерстяными пуговками. На ногахъ чо́боты (сапоги) съ высокими холя́вами (голенищами). (Иногда носятъ сапоги пониже (карака́ты), въ горахъ же постолы. Въ лѣвой рукѣ у него черный валяный капелю́хъ съ повязкой и украшенный цвѣтами; въ правой же онъ держитъ точеный деревянный баклажо́къ, который носятъ на ремнѣ черезъ плечо.

Дѣвушка имѣетъ всю голову покрыту холстянымъ полотенцемъ, называемымъ ручни́къ. Въ Буковинѣ всѣ женщины, даже молодыя, дѣвочки, покрываются ручниками, такъ что едва лицо видно. Только въ праздники надѣваютъ, въ видѣ вѣнка, головной уборъ, который называется кара́буля. На шеѣ нѣсколько нитокъ кораллловъ и три, четыре, дука́чи (медальона). Посверхъ бѣлой тоненькой рубашки съ шитыми рукавами надѣта хорбо́тка (родъ сарафана) изъ цвѣтной матеріи, съ позументами и каймами; кругомъ поясницы повязанъ шерстяной поясъ. Посверхъ того надѣтъ лисій полушубокъ (кацаве́йка), покрытый цвѣтной матеріей; въ рукѣ у дѣвушки платокъ съ бахрамой, на ногахъ красные сафьянные сапоги. Лица у обоихъ полныя: видно, что съ тучной и плодородной земли.

Изображеніе снято на мѣстѣ однимъ Семинаристомъ для Этнографической Выставки, подлинникъ акварели хранится въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ.

15-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть III, стр. 461.

Два Ле́мки, горца Сандецкаго Уѣзда, села Криницы. Это самые дальніе изъ Русскихъ крестьянъ Галичины, Молодой парень въ

кошелѣ (бѣлой рубашкѣ), съ разрѣзомъ на груди; на немъ холóшни (бѣлые суконные штаны) съ узкими красно-голубыми лампасами, подпоясанные кожанымъ чересомъ; далѣе, лéйбикъ или брýсликъ (родъ поддёвки безъ рукавовъ) голубаго сукна съ мѣдными пуговичками и красной каймой; за тѣмъ гýня, гуняцъ (бѣлый суконный армякъ), отороченный синими каймами и такими жь кусками сукна въ видѣ обрáнка (обшлага). На головѣ черная шляпа (капелюхъ) съ круглымъ верхомъ, повязанная китáйками (шерстяными шнурками), отъ которыхъ висятъ назади концы съ кистями. Волосы подстрижены. Въ зубахъ люлька, пипка (трубка), съ коротенькимъ чубукомъ (цыбушкóмъ, пипасáромъ). Противъ него стоитъ старикъ съ длинными сѣдыми волосами, въ шапкѣ, называемой копачъ. На плеча наброшена суконная чýга съ пелериной, кончающейся свѣчкáми (длинной бахрамой). Такія жь свѣчки и у зашитыхъ рукавовъ, которые служатъ вмѣсто кармановъ, отъ чего Лемковъ называютъ свѣчкарями. Оба крестьянина обуты въ кожаные постолы, кéрпцы (родъ башмаковъ), привязанные и зашнурованные шерстяными шнурками. Окрестность гористая.

Изображеніе снято съ акварели, сдѣланной съ натуры на мѣстѣ Львовскимъ живописцемъ А. Дзбанскимъ. Подлинникъ акварели у Графа Владимира Дѣдушицкаго въ Львовѣ, копія же съ ней, снятая по моему заказу, у того жь живописца для Этнографической Выставки хранится въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ.

16-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть IV, стр. 1.

Два крестьянина: Подгорянинъ, Стрыйскаго Уѣзда, села Петранки, и Верховинецъ (горецъ), Станиславскаго Уѣзда, села Пасѣчной. Первый одѣтъ въ нагольный кожýхъ (овчинный полушубокъ), сверхъ котораго на одинъ рукавъ накинутъ сѣрдáкъ (армякъ) съ голубыми петлями и окаймленъ такими жъ шнурками, на шеѣ подвязанный длинными петлями съ большими кистями. На головѣ кýчма (высокая барашковая шапка) съ круглымъ верхомъ. Наконецъ синіе шаравары (убрáнье) и сапоги съ высокими голенищами дополняютъ уборъ. Въ одной рукѣ палочка, въ другой люлька (трубка). Верховинецъ имѣетъ шитую на воротникѣ сорóчку, спущенную посверхъ шараваръ, подпоясанныхъ ремнемъ. Сверху того киптáрь (полушу-

бокъ безъ рукавовъ), окаймленный кусками бѣлаго и черкаго мѣха и красными сафьянными полосоцками; на плечи накинутъ черный суконный сѣрдакъ, шнуркомъ отороченный; на головѣ шлыкъ (шапка) съ суконнымъ верхомъ и мѣховымъ онущкомъ (околышкомъ). Онъ обутъ, какъ всѣ Горцы, въ кожанные красные постолы, зашнурованные черными ремешками. Въ рукѣ палка. У обоихъ длинные локоны волосъ спадаютъ на плеча. Страна гористая.

Изображеніе съ акварелей, снятыхъ съ натуры живописцемъ А. Дзбанскимъ, высланныхъ мною въ 1867 году на Этнографическую Выставку, теперь хранится въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ.

17-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть IV, стр. 163.

Изображеніе представляетъ гаивки (хороводы и игры) на Великъ День (на Святой Недѣлѣ), которыя въ обычаѣ во всѣхъ селахъ восточной Галичины. Эти игры и хороводы устроиваются обыкновенно на погостѣ, на цвинтарѣ (въ церковной оградѣ), или на какомъ ни будь открытомъ мѣстѣ. Послѣ разговѣнья, наѣвшись свяченои паски, весь сельскій народъ, отъ мала до велика, спѣщитъ на гаивку. Всѣ три дня наперерывъ гудятъ колокола на дзвонницѣ (колокольнѣ) и хороводныя пѣсни не умолкаютъ до вечера. Шумъ, гамъ, веселіе, рѣзвость, хохотъ, наполняютъ всю сцену. Здѣсь нарядныя дѣвушки, взявшись за руки, завели обрядный хороводъ и, притаптывая въ тактъ, припѣваютъ языческимъ Славянскимъ богамъ: «Ой Дѣдъ, Дѣдъ, та й Ладо!» Голоса громко раздаются отъ веселаго кружка. Вотъ и молодая молодичка, вышедшая замужъ только въ послѣднія мясницы, вмѣшалась въ коло (пляшущій кружокъ)! Такой еще можна (годится) играть въ гаивку съ дѣвками. Вотъ и дворская служанка, ради Великодня, выпросилась на гаивку и щеголяетъ платьями и лентами, подаренными ей барышнями на годовой праздникъ. Вообще всѣ дѣвушки щегольски наряжены, всѣ онѣ веселы, всѣ красивы, всѣ прелестны, какъ никогда. Паробки то и дѣло шумятъ, шалятъ, по просту ухаживаютъ или женихаются и заляцяются. Они постоянно мѣшаютъ дѣвкамъ въ играхъ, перерывая ихъ коло, при чемъ не обойдется безъ столкновеній, такъ что дѣвушки должны кулаками отталкивать шутливыхъ нахаловъ и пакостныхъ ша-

лумовъ. Вотъ вожака гуйока (гуся), зацѣпившись за колышекъ, упалъ, якъ довгій, и выронилъ шляпу, за нимъ повалился второй и третій, остальные паробки, рады пригодѣ (случаю), бросились жартовать съ дѣвками. За тѣмъ тихо выступаетъ трехъярусная вежа или дзвоница и подходитъ къ хороводному кружку, чтобы опять разрушиться и въ суматохѣ пошутить съ дѣвками, каждому съ своей бѣлявочкой, или чернобровкой. Въ этотъ день все весело, все свободно, развязно. Только сановитые батьки стоятъ спокойно, и паниматки съ ребятишками, усѣвшись на могилкахъ, съ душевнымъ удовольствіемъ смотрятъ на рѣзвящуюся молодежь. Дзвоница, съ трудомъ построенная импровизированными волтижерами, двигается впередъ. Внизу становилось пять, или шесть, здоровенныхъ мужичинъ заложивъ другъ другу руки на плеча; имъ на спину взлѣзло два, или три, ловкихъ паробка и крѣпко держатся за руки, а наконецъ нашелся одинъ смѣльчакъ, который, приставивъ лѣстницу къ церковному причолку, и съ крыши взобравшись на плеча подошедшей вежи, стоитъ вверху балансируя своими распластанными руками. Вся эта подвижная дзвоница, пробираясь между толпой народа, идетъ тихою ступою вокругъ церкви, пока не расшевелится и не разсыплются порознь всѣ члены, составляющіе трехъярустную вежу. Иногда эта вежа заходитъ къ Священнику, или на барскій дворъ, гдѣ почтиваютъ паробковъ рюмкой водки съ закуской панской паски, или калача. Тамъ далѣе, за церковью, 10—14 лѣтнія дѣвочки, подростки, образуютъ изъ рукъ мостъ и припѣваютъ:

«Ой ходить жукъ по жучинѣ,
А дѣвчина по ручинѣ:
Грай, жуче, грай!»

И въ то время одна дѣвушка ходитъ у нихъ по рукамъ. Еще далѣе, другая партія идетъ кривого танця, т. е., ведетъ хороводъ, вращаясь въ видѣ полукруга; иные играютъ въ кострубa, бѣлоданчика, воротаря, шпачка и пр. Хороводныя пѣсни разливаются на всю церковную ограду и оглашаютъ какимъ-то обаятельнымъ отголоскомъ всю окрестность. Мальчики бѣгаютъ съ джгутами, т. е., скрученными изъ ивы хлыстами, играютъ въ чехарду, или скачутъ нагибаясь другъ другу черезъ козла. Съ утра до вечера вездѣ игры, бѣготня, рѣзвость, шумъ гамъ, веселіе. Настоящій Великъ День!

Изображеніе рисовано извѣстнымъ живописцемъ Юліяномъ Косакомъ, съ коего для меня сдѣлана копія.

18-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть IV, стр. 267.

Свадебный походъ Русскихъ крестьянъ Львовскаго Уѣзда, села Мальчичъ, въ которомъ представлены всѣ свадебные чины или дѣйствующія въ обрядахъ лица: первый справа весѣльный староста съ палочкой, по свадебной должности, бѣлымъ ручникомъ перевязанный, въ длинномъ тулупѣ, за шапкой китиця изъ барвѣнка (букетъ); подлѣ него второй дру́жба, въ чорной свитѣ, ремешкомъ подпоясанный, на головѣ соломенная шляпа, къ ней пришита барвѣнковая китиця, черезъ плечо ручникъ. За нимъ сваха или старостина въ бекешѣ (шубѣ), съ передникомъ, голова повязана платкомъ и украшена барвѣнкомъ. За старостой видѣнъ подстарость, за свахой подстаростина. Послѣ нихъ слѣдуетъ: первый дру́жба или дру́жко, въ овчинномъ кожухѣ, на который надѣтъ бѣлый холщевый халатъ (плахта); онъ подпоясанъ ремешкомъ, на головѣ соломенный капелюхъ съ повязкой; къ шляпѣ пришита барвѣнковая китиця съ ленточкой, черезъ плечо ручникъ. Онъ держитъ въ лѣвой рукѣ коровайчикъ съ деревцемъ, т. е., барвѣнковыми веточками обвязанный троичный прутикъ, у коего вверху раззолоченыя гусиныя перышки (шишки). Подлѣ него стоитъ: молодый съ молодою (женихъ съ невѣстою), какъ обыкновенно ихъ называютъ, «князь съ княгинею, или король съ королѣвною.» Молодый также одѣтъ, какъ дружба, только у него ручника не полагается, за то на капелюхѣ наложенъ барвѣнковый вѣнокъ. Такой же вѣнокъ, только большаго размѣра, у молодой или княгини; листки раззолочены шумихой и сзади висятъ разноцвѣтныя шелковыя ленты (бинды); на шеѣ кораллы или бусы, въ рукахъ бумажный платокъ. За молодой слѣдуютъ двѣ дру́жки, старшая и младшая (или свѣтилка), съ вѣнками и лентами на головахъ. Всѣ трое онѣ одѣты въ шубы, крытыя синимъ, или зеленымъ, сукномъ, съ петельками и шитьемъ на груди и по кострецамъ, подпоясаны холщевыми полосатыми, или клѣтчатыми, передниками. Позади два деревенскіе музыканта: скрипачъ и басистъ. На заднемъ планѣ хозяйственныя постройки: одна крыша пошита въ сходцѣ китками или гузѣрными снопками, другая гладко колосными. На верху солома подъ козлиньемъ.

Изображеніе снято съ фотографическихъ снимковъ, сдѣлан-

ныхъ Священникомъ Иларіонъмъ Нижанковскимъ, одинъ экземпляръ которыхъ посланъ былъ мною на Этнографическую Выставку и хранится теперь въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ.

19-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть IV, стр. 283.

Свадебный походъ съ короваемъ въ Тернопольскомъ Уѣздѣ, возлѣ Збаража, когда идутъ съ подарками къ Барину (до двора), или къ Священнику. Староста свадебный, въ овчинномъ кожухѣ (тулупѣ), вышитомъ на груди, на плечахъ и на крестцахъ красными и зелеными шелковыми нитками, перевязанный, по своей должности, длиннымъ ручникомъ съ шитыми краями, держитъ въ рукѣ пару пѣтуховъ или каплуновъ. Подстаростій въ суконной капотѣ (кафтанѣ) съ окаймленными клапанами, несетъ на ручникѣ свадебный коровай (хлѣбъ). За ними скрипникъ и басиста играютъ какой-то старосвѣтскій маршъ. Одинъ изъ нихъ въ кожухѣ, вышитомъ на плечахъ и у петлицъ шелкомъ, второй въ суконномъ казакинѣ (куртке). Сзади ихъ видны дружко, поддружій, сваты и пр. У всѣхъ тѣ же полосатые холщевые панталоны, тѣже ремни, тѣже залупчистые шкаповые чоботы, у воротниковъ рубашекъ тѣже красныя гарасовки или жички (ленты). У каждаго при шапкѣ приколотъ барвенковый букетъ. Такъ какъ это было возлѣ двора, то всѣ почтенно обнажили головы, положивъ свои мѣховыя шапки подъ мышки; вѣтеръ развиваетъ ихъ подбрытыя чуприны (хохлы), и они почтительно стоятъ, дожидаясь выхода Барина.

Изображеніе снято съ натуры живописцемъ Юліяномъ Косакомъ.

20-е ИЗОБРАЖЕНІЕ.

Часть IV, стр. 399.

Изображеніе представляетъ Русскихъ крестьянъ изъ сѣверной Угорщины, а именно на ней изображены: Марія Чуткова (23 лѣтъ) и Иванъ Митровъ (28 лѣтъ), жители Земненской столицы (Zemplén Varmégye), Вороновскаго Уѣзда (Varanó), села Русская Воля; за тѣмъ дѣвушка Пряшевскаго Уѣзда (Eperies), села Крестовѣя (Kerestfü), на имя Елисавета Рогаль (Erzsa Rogaly). Парень (леденъ) надѣлъ посверхъ рубашки (кошули) съ выложеннымъ воротникомъ

лайбикъ (камизолъ) съ мѣдными пуговичками и красными каймами: у него бѣлые панталоны съ узкими лампасами и вышиваньемъ по Угорски (съ цифровкой). На плечахъ у него надѣта мохнатая гу́ба (guba) или губа́ня. Она шьется изъ шерстяныхъ нитей особымъ образомъ, такъ что извнѣ оставляютъ, въ видѣ кистей, куски нитокъ, которыя, расчесавъ, прибираютъ видъ длинноруннаго мѣха. Губа дѣлается съ рукавами, или безъ рукавовъ, хотя всего чаще носится въ закидку; вмѣсто воротника нашивается суконная обшивка, къ которой прикрѣпляютъ большія шерстяныя пуговицы и длинныя кисти для связыванія у шеи. Волосы у леденя стрижены, на головѣ Угорскій кала́пъ (небольшая шляпка съ загнутыми вверхъ полями). Женщины обыкновенно имѣютъ бѣлыя рубашки, съ короткими по локоть рукавами, также юпки изъ бѣлаго холста съ цвѣтнымъ передникомъ, или синія исподницы съ такими жь фартушками (передниками). На шеѣ цвѣтной платокъ, на головѣ всего чаще бываетъ платокъ свѣтлый, или совсѣмъ бѣлый. Дѣвушки носятъ корсажи цвѣтной матеріи, голову же повязываютъ позументовой повязкой, а сплетенную косу опускаютъ по плечамъ вмѣстѣ съ широкими шелковыми лентами. На шеѣ кораллы или бусы, на пальцахъ перстни. *

Изображеніе снято съ большихъ фотографическихъ портретовъ, присланныхъ Михайломъ Молчаномъ на Этнографическую Выставку и хранящихся теперь въ Дашковскомъ Этнографическомъ Музеѣ въ Москвѣ.

---

* Желающихъ подробнѣе познакомиться съ народными одѣяніями отсылаемъ къ статьѣ: «О костюмахъ и народномъ убранствѣ Русиновъ въ Галичинѣ и Сѣверовосточной Венгріи», напечатанной въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1867 года, №№ 23 и 24, а также и въ особомъ оттискѣ.

СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ ОГЛАВЛЕНІЕ ПѢСЕНЪ

ВЪ ПОРЯДКѢ, ВЪ КАКОМЪ СЛѢДОВАЛО БЫ ИМЪ БЫТЬ.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ ХОРОВЫЯ.

А. Обрядныя пѣсни, поемыя при общественныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ.

I. Колядки и Щедровки, пѣсни, поемыя на канунѣ Рождества и на канунѣ Водокрещенія.

А. Колядки, собранныя по ту сторону Днѣстра, преимущественно на Сѣверовосточномъ Погорьѣ Карпатъ, у Хуцуловъ и Бойковъ.

1. Запѣвы Колядокъ.

Изъ Коломыйскаго, Станиславскаго и Стрыйскаго Уѣздовъ. Ч. IV, стр. 1 (№ 1—2).

2. Колядки, поемыя хозяину (газдѣ, господарю), или хозяевамъ вмѣстѣ.

Ч. IV, стр. 109—113 (№ 1—5), записаны въ с. Космачѣ, Коломыйск. Уѣзда (у Хуцуловъ).
— II, — 26 (№ 36), зап. въ с. Милитинцахъ, Коломыйск. Уѣзда.
— IV, — 10 (12), зап. въ с. Хмелевкѣ, Станиславск. Уѣзда.
— IV, — 11 (13), стр. 20 (28), стр. 22 (29), запис. въ с. Ляховцахъ, Станислав. Уѣзда.

Ч. IV, стр. 7 (7), стр. 21 (27), Ч. II, стр. 17 (24), стр. 24 (35), 31 (44), стр. 33 (46), Ч. IV, 25 (33), стр. 27 (35), зап. въ с. Глубокомъ, Станислав. Уѣзда.

— IV, — 7 (8), стр. 9 (11), Ч. II, стр. 30 (41), зап. въ с. Хутьковѣ, Станислав. Уѣзда.

— IV, — 101—103 (1-3), зап. въ с. Черномъ Потокѣ, Стрыйскаго уѣзда.

— II, — 603—608 (40-46), зап. въ с. Княжевскомъ, Стрыйскаго уѣзда.

— II, — 15—16 (21—23), стр. 19 (27), стр. 21 (29), стр. 22 (32), стр. 27 (38), 29 (40), стр. 30 (42), Ч. IV, стр. 8 (9) стр. 18—19 (23—24), зап. въ с. Ясенѣ, Стрыйскаго Уѣзда.

— II, — 14 (20), стр. 18 (25), стр. 21 (30), стр. 23—24 (33-34), стр. 27 (37), стр. 28 (29), стр. 31 (43), стр. 32 (45), зап. въ с. Розгорчьѣ, Стрыйск. Уѣзда (у Бойковъ).

— II, — 22 (31), стр. 33 (47), Ч. IV, стр. 3 (2—3), стр. 17 (22), зап. въ с. Синеводскѣ, Стрыйск. Уѣзда (у Бойковъ).

— IV, — 12 (16), стр. 14 (17—18), стр. 16 (20), стр. 20 (25-26), стр. 25 (32), зап. въ с. Тишевницѣ, Стрыйскаго Уѣзда (у Бойковъ).

3. Колядки, поемыя хозяйкамъ (газдинямъ, господинямъ).

— IV, стр. 32 (4), Ч. II, стр. 51 (19), зап. въ с. Хмелевкѣ, Станислав. уѣзда.

— IV, стр. 33 (6), Ч. II, стр. 34 (48), стр. 48—50 (15—17), зап. въ с. Глубокомъ, Станиславск. Уѣзда.

— IV, стр. 33 (5), зап. въ с. Хутьковѣ, Станислав. Уѣзда.

— IV, стр. 30 (1), зап. въ с. Синеводскѣ, Стрыйскаго Уѣзда (у Бойковъ).

— IV, стр. 131 (1), поется въ разныхъ мѣстахъ Станиславск. и Стрыйск. Уѣздовъ.

4. Колядки, поемыя вдовамъ (вдовицамъ).

— II, стр. 47 (13), зап. въ с. Глубокомъ, Станислав. Уѣзда.

— II, стр. 50 (18), зап. въ с. Хмелевкѣ, Станиславс. Уѣзда.

Ч. IV, стр. 105 (1), зап. въ с. Черномъ Потокѣ, Станисл. Уѣзда.
— II, стр. 48 (14), зап. въ с. Ясенѣ, Стрыйскаго Уѣзда.

5. Колядки, поемыя хозяйскимъ сынамъ, парнямъ и мальчикамъ (газдовскимъ сынамъ, ледѣнямъ, паробкамъ и хлопцамъ).

— IV, стр. 114—118 (1—4 и 1) запис. въ с. Космачѣ, Коломыйск. Уѣзда (у Хуцуловъ).
— II, стр. 63 (15), зап. въ с. Микитинцахъ, Коломыйск. У.
— II, стр. 53 (28), стр. 58 (33), зап. въ с. Ляховцахъ, Станислав. Уѣзда.
— IV, стр. 41 (11), 60 (12), Ч. II, стр. 65 (18); стр. 69 (24), зап. въ с. Глубокомъ, Станиславск. Уѣзда.
— IV, стр. 127—130 (1—4), поются въ Станислав. и Стрыйскомъ Уѣздахъ.
— II, стр. 608—610, (47-50), зап. въ с. Княжовскомъ, Стрыйск. Уѣзда.
— II, стр. 61—62 (13—14), стр. 65 (19), Ч. IV, стр. 43 (14), стр, 45 (18), стр. 48 (21), стр. 52 (27), стр. 56 (31), зап. въ с. Ясенѣ, Стрыйск. Уѣзда.
— II, стр. 66 (20), стр. 68 (22), зап. въ с. Дульбахъ, Стрыйскаго Уѣзда.
— IV, стр. 61 (36), зап. въ Розгорчьѣ Стрыйскаго Уѣзда (у Бойковъ).
— IV, стр. 35 (1), стр. 43 (15), стр. 46 (20), зап. въ с. Синеводскѣ, Стрыйск. Уѣзда (у Бойковъ).
— IV, стр. 49—50 (22—23), стр. 52 (26), зап. въ с. Тищевницѣ. Стрыйск. уѣзда (у Бойковъ).
— IV, стр. 53 (29), зап. въ с. Славскѣ, Стрыйск. Уѣзда (у Верховинцевъ).

6. Колядки, поемыя хозяйскимъ дочерямъ, дѣвицамъ и дѣвочкамъ (господарскимъ дочкамъ, паннамъ, дѣвкамъ и дѣвчаткамъ).

— IV, стр. 119—120 (1—3, стр. 124 (1—2), зап. въ с. Космачѣ Коломыйск. Уѣзда (у Хуцуловъ).
— IV, стр. 80 (26), стр. 82 (28), зап. въ с. Русовѣ, Колом. У.
— IV, стр. 76 (20), стр. 82 (29), Ч. II, стр. 93 (30), зап. въ с. Хмелевкѣ, Станиславск. Уѣзда.

Ч. IV, стр. 81 (27), Ч. II, стр. 83 (20), стр. 84 (21), стр. 89 (27—28), зап. въ с. Глубокомъ, Станислав. Уѣзда.

— IV, стр. 70 (10), стр. 77 (21), стр. 90 (38), зап. въ с. Хутьковѣ, Станислав. Уѣзда.

— IV, стр. 106—107 (1—3), стр. 132—135 (1—5), зап. въ разныхъ мѣстахъ Станислав. и Стрыйск. Уѣздовъ.

— II, стр. 611—615 (51—57), зап. въ с. Княжевскомъ Стрыйскаго Уѣзда.

— II, стр. 85—87 (22—25), стр. 90 (29), стр. 93 (33), Ч. IV, стр. 73 (16), стр. 79 (24), стр. 84 (31), стр. 91 (39), стр. 94 (41), зап. въ с. Ясенѣ, Стрыйскаго Уѣзда.

— II, стр. 94 (34), Ч. IV. стр. 64 (1), зап. въ с. Дульбахъ, Стрыйскаго Уѣзда.

— IV, стр. 85 (32), стр. 88 (35), зап. въ с. Розгорчьѣ, Стрыйскаго Уѣзда.

— IV, стр. 66—68 (5—7), стр. 72 (15), стр 92 (40), зап. въ с. Синеводскѣ Стрый. Уѣзда; стр. 86 (34), поютъ въ Синеводскѣ, Стрыйск. и въ с. Порховѣ, Станисл. Уѣздовъ.

— IV, стр. 72 (14), зап. въ с. Тишеѣницѣ, Стрыйск. Уѣзда (у Бойковъ).

— IV, стр. 70 (11), зап. въ с. Славскѣ, Стрыйск. Уѣзда (у Верховинцевъ).

7. Разночтенія Колядокъ.

— IV, стр. 126 (1—3), зап. въ с. Космачѣ, Коломыйск Уѣзда, (у Хуцуловъ).

8. Благожеланія, послѣпѣнія (прощанья) и др. прибаутки къ Колядкамъ.

а) Благожеланія хозяевамъ (газдѣ, господарю и газдинѣ, господинѣ).

— IV, стр. 121—122 (1—2), зап. въ с. Космачѣ, Коломыйск. Уѣзда (у Хуцуловъ).

— II, стр. 36—37 (52—56), Ч. IV, стр. 28—29 (1—6), зап. въ разныхъ мѣстахъ Станиславск. и Стрыйск. Уѣздовъ.

б) Прибаутки, приговариваемыя послѣ Колядокъ хозяевамъ.

Ч. IV, стр. 122—123 (3—5), зап. въ с. Космачѣ, Коломыйск. Уѣзда (у Хуцуловъ.

в) Благожеланія, поемыя хозяйскимъ сыновьямъ, парнямъ и мальчикамъ.

— IV, стр. 62—63 (1--6), запис. въ разныхъ мѣстахъ Станислав. и Стрыйск. Уѣздовъ.

г) Благожеланія, поемыя хозяйскимъ дочерямъ, дѣвицамъ и дѣвочкамъ.

— IV, стр. 96—98 (1—7), зап. въ разныхъ мѣстахъ Коломыйскаго, Станислав. и Стрыйск. Уѣздовъ.

д) Прибавки къ Колядкамъ, поемыя или приговариваемыя на концѣ, при полученіи подарковъ.

— IV, стр. 99 (1—3), зап. въ разныхъ мѣстахъ Коломыйскаго, Станислав. и Стрыйск. Уѣздовъ.

е) Плясанки, поемыя при колядныхъ пляскахъ.

— IV, стр. 100 (1—5), поемыя въ Коломыйск., Станисл. и Стрыйск. Уѣзда.

Б. Колядки и Щедровки, записанныя по сю сторону р. Днѣстра и Сяна, въ Галицкомъ Подольѣ, Опольѣ и Полѣсьѣ.

1. Колядки и Щедровки, поемыя хозяевамъ, или одному хозяину (господарю).

— IV, стр. 3 (1), Колядка записана въ с. Болшевѣ, Станислав. Уѣзда.
— IV, стр. 26 (34), зап. въ с. Стѣнкѣ, Станислав. Уѣзда.
— IV, стр. 5 (4), стр. 8 (10), стр. 24 (31), Щедровки, запис. в. с. Зарваницѣ, Тернопольск. Уѣзда.
— II, стр. 19 (26), зап. въ с. Турѣ, Золочевск. Уѣзда.
— IV, стр. 17 (21), стр. 23 (30), зап. въ с. Ожидовѣ, Золочевск. Уѣзда.
— IV, стр. 141. Запѣвъ къ Щедровкамъ.
— IV, стр. 11 (14), зап. въ с. Любичѣ, Жолковск. Уѣзда.

2. Щедровки, поемыя хозяйкамъ (господинямъ.)

3. Колядки и Щедровки, поемыя хозяйскимъ сынамъ, парнямъ и мальчикамъ.

4. Колядки и Щедровки, поемыя хозяйскимъ дочерямъ, дѣвицамъ и дѣвочкамъ.

В. Колядки и Щедровки, записанныя по ту сторону р. Сяна, на Сѣверозападномъ Погорьѣ Карпатъ, у Лемковъ.

1. Запѣвы Колядокъ

2. Колядки, поемыя хозяевамъ (газдамъ, господарямъ).

3. Колядки, поемыя хозяйкамъ (газдинямъ, господинямъ).

Ч. II, стр. 38—40 (57—60), зап. въ с. Калницѣ, Сяноцк. Уѣзда.
— II, стр. 41—42 (5—7), зап. въ с. Ославицѣ, Сяноцкаго Уѣзда.
— II, стр. 42 (8), зап. въ с. Суковатомъ, Сяноцкаго Уѣзда.

4. Колядки, поемыя вдовамъ.

— II, стр. 43 (9), зап. въ с. Ряцеди, Сяноцкаго Уѣзда.
— II, стр. 44 (10), зап. въ с. Суковатомъ, Сяноцк. Уѣзда.
— II, стр. 45—46 (11—12), зап. въ с. Середнемъ, Сяноцк. Уѣзда.

5. Колядки, поемыя зятю, сыну, невѣсткѣ.

— II, стр. 70—71 (1—3), зап. въ с. Калницѣ, Сяноцкаго Уѣзда.

6. Колядки, поемыя хозяйскимъ сынамъ, парнямъ, или мальчикамъ.

— II, стр. 53 (2—3), стр. 57 (7—8), зап. въ с. Горнемъ Висловѣ, Сяноцк. Уѣзда.
— II, стр. 52 (1), стр. 54 (4) зап. въ с. Калницѣ, Сяноцкаго Уѣзда.
— II, стр. 56 (6), Ч. IV, стр. 42 (13), зап. въ с. Суковатомъ, Сяноцкаго Уѣзда.
— II, стр. 58—59 (9—10), зап. въ с. Середнемъ, Сяноцк. Уѣзда.
— II, стр. 53 (2), стр. 60 (11), зап въ с. Ряцеди, Сяноцк. Уѣзда

7. Колядки, поемыя хозяйскимъ дочерямъ, дѣвицамъ, или дѣвочкамъ.

— II, стр. 71—73 (1—4), стр. 69 (8), зап. въ с. Калницѣ, Сяноцкаго Уѣзда.
— II, стр. 76 (8), зап. въ с. Суковатомъ, Сяноцкаго Уѣзда.
— II, стр. 76—77 (9—11), стр. 78 (12), зап. въ с. Горнемъ Висловѣ, Сяноцкаго Уѣзда.
— II, стр. 78—80 (12—15), зап. въ с. Середнемъ, Сяноцк. У.

8. Щедровки, поемыя въ тойже области.

9. Благожеланія хозяевамъ.

10. Христіянскія Колядки.

II. Меланки, или пѣсни на канунѣ Новаго года и въ Новый годъ.

III. Гаевки (Гаилки), весеннія хороводныя пѣсни, поемыя на Святой недѣлѣ.

Ч. IV, стр. 152—161 (1—8), зап. въ с. Пужникахъ, Станислав. Уѣзда.

— II, стр. 677—685 (1—16), стр. 687—697 (1—12), зап. въ селахъ Дубковцы, Роштовцы и Сорока, при р. Збручѣ, Тернопольскаго Уѣзда.

— II, стр. 188—182 (4—5), стр. 188 (11), зап. въ с. Настасчинѣ, Бережанскаго Уѣзда.

— II, стр. 178—179 (2—3), стр. 182 (6), стр. 193 (19), Ч. IV, стр. 166 (5—6), стр. 169—172 (10—12), зап. въ с. Чепеляхъ, Золочевскаго Уѣзда.

— IV, стр. 165 (4), стр. 167—168 (7—9), стр. 172—173 (14—15), зап. въ с. Турѣ, Золочевск. Уѣзда.

— II, стр. 177 (1), стр. 185—187 (9—10), зап. въ с. Подлѣсьѣ, Золочевскаго Уѣзда.

— IV, стр. 174—176 (16—19), зап. въ с. Княжьѣ, Золочевскаго Уѣзда.

— II, стр. 183—184 (7—8), зап. въ мѣстечкѣ Глинянахъ, Золочевскаго Уѣзда.

— IV, стр. 163—165 (1—3), зап. въ с. Волковѣ, Львовскаго Уѣзда.

— IV, стр. 178—179 (1—4), зап. въ с. Боянцѣ, Жолковскаго Уѣзда.

— IV, стр. 184—187 (11—12), зап. въ мѣстечкѣ Белзѣ, Жолковскаго Уѣзда.

— IV, стр. 181—183 (6—10), зап. въ городѣ Угновѣ, Жолковскаго Уѣзда.

— IV, стр. 187 (1), зап. въ Угорской Руси.

IV. Царинныя или Русальныя пѣсни, поемыя при обхожденіи полевыхъ пашенъ на Троицынъ день (на Русалья, въ Русальную недѣлю).

— II, стр. 241—246 (1—10), зап. въ с. Калницѣ, Сяноцкаго Уѣзда.

V. Соботка, хороводныя пѣсни, поемыя во время сожиганія костровъ на Ивановъ день.

— II, стр. 529—530 (1—4), зап. въ с. Ряпеди, Сяноцкаго Уѣзда.

VI. Жатвенныя (обжинковыя) пѣсни, поемыя на окончаніи жатвы пшеницы или ржи (на обжинки), когда приносятъ хозяину изъ колосьевъ вѣнокъ.

Ч. II, стр. 533—534 (10—14), зап. въ с. Чепеляхъ, Золочевск. Уѣзда.
— IV, стр. 191—197 (1—6), зап. въ с. Турѣ, Золочевскаго Уѣзда.
— IV, стр. 188—190 (1—6), зап. въ городѣ Угновѣ, Жолковскаго Уѣзда.
— IV, стр. 198—202 (1—11), зап. въ с. Баричѣ, Перемышльск. Уѣзда.

VII. Пѣсни, поемыя при жатвѣ, или относящіяся къ уборкѣ хлѣба.

— IV, стр. 208 (3), зап. въ с. Григоровѣ, Бережанскаго Уѣзда.
— IV, стр. 207 (2), зап. въ с. Княжьѣ, Золочевск. Уѣзда.
— IV, стр. 205 (1), зап. въ с. Вышатичахъ, Перемышльск. Уѣзда.
— II, стр. 531—533 (1—9), поемыя въ сс. Калницѣ и Суковатомъ, Сяноцкаго Уѣзда.
— IV, стр. 203—204 (1—7), Ч. II, стр. 553 (32), зап. въ с. Мистичевѣ (Misztìcze) Бережской стол. въ Угорской Руси.

Б. Обрядныя пѣсни, поемыя при семейныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ.

А. ЛАДКАНЬЯ, ИЛИ СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

1. Изъ Коломыйскаго Уѣзда.

— IV, стр. 339—364 (1—65), зап. въ сс. Яворовѣ и Космачѣ.
— II, стр. 129—130 (92—94), зап. въ с. Криворовнѣ.
— II, стр. 99—116 (1—52), стр. 131 (95), зап. въ с. Милитинцахъ.
— IV, стр. 334—338 (1—11).

2. Изъ Станиславскаго Уѣзда.

— IV, стр. 323—333 (1—32).

3. Изъ Стрыйскаго Уѣзда.

4. Изъ Буковины.

5. Изъ Тернопольскаго Уѣзда.

6. Изъ Золочевскаго Уѣзда

7. Изъ Бережанскаго Уѣзда.

8. Изъ Львовскаго Уѣзда.

9. Изъ Жолковскаго Уѣзда.

10. Изъ Перемышльскаго Уѣзда.

11. Изъ Сяноцкаго Уѣзда.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Думы и думки, или нехоровыя пѣсни.

I. Думы.

А. БЫЛЕВЫЯ ДУМЫ.

1. Думы, воспѣвающія дѣянія народныя, Козацкія.

2. Думы былевыя о событіяхъ обыкновенныхъ лицъ.

Б. БЫТОВЫЯ ДУМЫ.

1. Козацкія.

2. Думы Бытовыя Гайдамацкія.

3. Думы Бытовыя Чумацкія и Бурлацкія.

4. Думы Бытовыя Воинскія и Рекрутскія.

5. Думы Бытовыя Господарскія и Скотарскія.

6. Думы нравственно-поучительныя и религіозныя.

Ч. I, стр. 236 (69), Ч. II, стр. 727 (13), стр. 733—736 (1—4), Ч. I, стр. 233—235 (66—68), Ч. II, стр. 714 (16).

Ч. IV, стр.   (1—7), зап. въ с. Высовѣ Сандечскаго Уѣзда (у Лемковъ).

II. Думки.

1. Думки любовныя, семейныя и житейскія.

А. Общенародныя.

Ч. I. стр. 237—239, (1—5), Ч. III, стр. 325 (53), Ч. II, стр. 536 (2), Ч. I, стр. 240—242 (6—8), Ч. II, стр. 535 (1), Ч. I, стр. 242—246 (9—17), Ч. III, стр. 296 (11), Ч. I, стр. 247—254 (18—29), Ч. III, стр. 328 (56), Ч. I, стр. 254 (30), Ч. III, стр. 329 (57), Ч. I, стр. 255 (31), Ч. II, стр. 589 (22), Ч. I, стр. 256—259 (32—36), Ч. III, стр. 327 (55), Ч. I, стр. 260—265 (37—48), Ч. III, стр. 332 (61), Ч. I, стр. 266 (49), Ч. II, стр. 393 (705), Ч. I, стр. 266—273 (50—64), Ч. III, стр. 332 (62), Ч. I, стр. 274—279, (65—76), Ч. III, стр. 341 (72), Ч. I, стр. 280—284 (77—86), Ч. III, стр. 334 (65), Ч. I, стр. 284—290 (87—97), Ч. I, стр. 291—308 (99—131), Ч. III, стр. 430 (197), Ч. I, 309—313 (132—139), Ч. II, стр. 716—717 (19—20), Ч. I, стр. 314—315 (140—142), Ч. III, стр. 242 (116), Ч. I, стр. 316—334 (143—175), стр. 335 (177), Ч. II, стр. 715 (17), стр. 704 (6), Ч. II, стр. 590 (24), стр. 588 (21), стр. 582—583 (15—17), Ч. II, стр. 203 (37), стр. 207 (50), стр. 213 (63), стр. 374 (667), стр. 376 (670, 671), стр. 380—381 (676, 678, 679), стр. 382 (682), стр. 383 (685), стр. 385 (687), стр. 387 (693), стр. 389 (697), стр. 390 (699), стр. 391—393 (701—704), стр. 397 (715), Ч. III, стр. 289—324 (1—52), стр. 326 (54), стр. 329—375 (58—107), стр. 380—381, (113, 114).

Изъ Гуцуловъ. Ч. I, стр. 290 (98), Ч. II, стр. 382 (681), Ч. III, стр. 377—379 (109—112).

Изъ Лемковъ и Угорской Руси. Ч. I, стр. 335 (176), Ч. II, стр. 721 (5, 6), Ч. I, стр. 336 (170), Ч. II, стр. 720 (4), стр. 726 (11), стр. 729 (14), стр. 731 (16), Ч. I, стр. 336—339 (179—185), Ч. II, стр. 537 (3), стр. 706 (9), стр. 538—541 (4—9), Ч. III, стр. 385 (116), Ч. II, стр. 542—554 (10—35), стр. 560 (1), стр. 566—

567 (7—9), стр. 556 (38), стр. 558 (41), Ч. III, стр. 229—24 (99—119), стр. 346 (79), стр. 376 (108), стр. 386—410 (117—157) стр. 420 (172), стр. 421 (175), стр. 427—428 (193—195), стр. 430—444 (198—228).

(Словацкія.) Ч. III, стр. 411—427 (158—192), стр. 445—446 (229—232).

Б. ОБРАЗОВАННАГО СОСЛОВІЯ.

Ч. I, стр. 340 (1), Ч. III, стр. 429 (196), Ч. II, стр. 705 (8), стр. 544 (15), Ч. I, стр. 341—383 (2—50), Ч. II, стр. 706 (10) Ч. I, стр. 385—388 (51—56).

2. Думки иносказательныя.

Ч. II, стр. 512 (1), Ч. III, стр. 447 (1), Ч. II, стр. 514 (2—3), стр. 582 (13), Ч. III, стр. 452—453 (4, 5), Ч. II, стр. 515—518 (4—7), Ч. III, стр. 448 (2), стр. 450 (3), стр. 453—454 (6, 7)

3. Колыбельныя пѣсни, или Думки.

Ч. II, стр. 142 (1), Ч. III, стр. 457 (3), Ч. II, стр. 142 (2) стр. 590 (25), Ч. III, стр. 456 (1, 2), стр. 454—460 (5—17).

III. Пѣсни веселыя и охочія.

1. Пѣсни шуточныя и насмѣшливыя.

Ч. II, стр. 469—474 (1—9), Ч. III, стр. 489 (21), Ч. II, стр. 561 (2), Ч. III, стр. 488 (20), Ч. II, стр. 485 (22), 475—476 (10—12), Ч. III, стр. 474 (5), Ч. II, стр. 477—480, (13—16), Ч. III, стр, (1), Ч. II, стр. 487—491 (24—28), Ч. III, стр. 467—472 (2—4) стр. 475—485 ((6—17), стр. 487 (19), Ч. II, стр. 483—484 (19—21), стр. 486 (23), Ч. III, стр. 486 (18), Ч. II, стр. 565 (6).

(Изъ Угорской Руси.) Ч. III, стр. 490—491 (22—23).

(Словацкія.) Ч, III, стр. 492 (24—25).

2. Небыличныя пѣсни.

3. Бражническія или пьяницкія и корчемныя пѣсни.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПѢСЕНЪ

ВЪ ТОМЪ ПОРЯДКѢ, ВЪ КАКОМЪ ОНѢ НАПЕЧАТАНЫ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ДУМЫ и ДУМКИ.

I. ДУМКИ.

А. Бывевыя.

а. Воспѣвающія дѣянія народныя Козацкія.

II. ДУМКИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

III. ОБРЯДНЫЯ ПѢСНИ.

А. При общественныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ.

А. Колядa.

Б. При семейныхъ обрядахъ.

А. Ладканя или свадебныя.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

РАЗНОЧТЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ.

ТОМЪ I.

I ДУМЫ.

А. Былевыя.

а. Воспѣвающія дѣянія народныя Козацкія.

Б. Думы бытовыя.

II. ДУМКИ.

III. Пѣсни веселыя и охочія.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

ТОМЪ II.

Обрядныя пѣсни.

А. При общественныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ.

А. Коляды и Щедровки.

а. Колядки и Щедровки, собранныя въ разныхъ краяхъ Галичины.

б. Колядки, записанныя Титомъ Андреевичемъ Бурачинскимъ въ Черномъ Потокѣ Коломыйскаго Уѣзда.

в. Колядки, собранныя у Гуцуловъ Коломыйскаго Уѣзда, въ селѣ Космачѣ Аиѳаломъ Кобринскимъ.

г. Колядки Стрыйскаго и Станиславскаго Округовъ.

Б. Меланка и Новый Рôкъ (Годъ).

В. Гаевки или Гаивки.

Г. Обжинковыя или жатвенныя пѣсни.

В. При семейныхъ праздникахъ и увеселеніяхъ.

А. Ладканя или свадебныя пѣсни.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ПО НАЧАЛУ ПѢСЕНЪ.

А Обрядныя пѣсни и пѣсни подъ пляску.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ѣ.

Э.

Я.

АЛЬФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ
ПО НАЧАЛУ ПѢСЕНЪ.

Б. Думы, Думки и охочія пѣсни.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ѣ.

Э.

Я.

ОПЕЧАТКИ

IV-й части.

Стран.	Строка.	*Напечатано:*	*Читайте:*
9	17	Щитенко	Шитêнько
12	17	желка,	яселка,
13	3	вороны да й	вороныи ба й
14	12	си	ся
—	19	Кобыли	Кобылки
21	6	здвононьки	дзвононки
34	15	веêръ!	вечêръ!
39	9	у насъ!	ты насъ!
44	26	птеницевъ.	пшеницевъ,
49	1	ебет	тебе
—	16	мѣяны	мѣдяны
55	3	вѣрны,	вѣрныи.
—	31	сукамцû	суконцû
59	13	змали	знали
60	10	корѣлку	горѣлку
62	4	всёмъ	всёвъ
71	11	му	ми
78	8	косачка	косочка
—	8	ворожейки	воротейки
84	5	братъ	барзо
30	22	Надôшлай	Надôшла
97	10 — 11	барзъ	барзо
100	2	Коломыйскаго	Станиславскаго
116	13	кони	коня
117	23	стрѣльбы	стрѣлы
128	9	шугшій!»	тугшій!»
—	26	гдѣ	где
133	1	повоньки,	павоньки,
144	3	Коломыйскаго	Станиславскаго
152	3	Пупникахъ Коломыйскаго	Пужникахъ Станиславскаго
175	16	зъ воротъ	ворôтъ
94	3	пиво	пива
196	17	Тя	Та
198	18	Бо	Бо мы

Стран.	Стр.		
199	13	ярой	яром
210	19	А	Я
215	27	нехъ не	нехай
216	14	Еще жь	Еще 'сь
223	9	Ой сбери,	Молодый
—	13	А не	А на
227	6	си	ся
231	9	за	во
234	20	сивасенькій,	сивесенькій,
—	18	подобкладала.	пообкладала.
236	послѣ 9 прибавить:		Добру доленьку, Я ею позбираю, А якъ ми Богъ дасть
246	4	походила	посходила
255	20	Панойка	Попойка
256	5	е	есь
261	1	водотами	воротами
270	5	я	ся
275	1	крысні,	красні,
280	4	дрьбренько!	дрóбненько!
295	11	болотёмъ	болопёмъ,
297	10	столику,	столичку,
300	8	на	не
301	11	ведомо:	ведемо:
303	12	буяра	буяре
305	17	части;	ильчасті;
306	4	господиньцѣ,	господинонцѣ,
307	21	гнаты	щаты
309	21	«Пристѣпай,	«Приступай,
312	13	колина:	калина:
313	5	муженьки	луженьки
320	5	татиненько	татуненько
325	10	поклоненьку	поклононьку
328	21	ся вмывало,	ся не вмывало,
343	24	цо	що
344	15	передъ Бога, а поредъ	порядъ Бога, а порядъ
351	20	вставенечко.	вставанечко.
354	14	пань	панъ
355	6	молоненька	молоденька
362	19	спѣны	стѣны
363	19	сукно	сукню
369	23	слѣдуютъ	слѣдуетъ
382	7	зтомъ	этомъ